У(И)Фр
Ж 78

36096

СМѢСЬ.

Самая дорогая изъ всѣхъ европейскихъ коронъ—корона голландской королевы Вильгельмины, стоющая болѣе 30 милліоновъ франковъ и сплошь усыпанная драгоцѣнными камнями. Въ противоположность ей, самой дешевой является корона недавно скончавшагося короля Милана, сдѣланная изъ бронзы, безъ всякихъ украшеній. Металломъ для нея послужила часть одной изъ пушекъ, захваченныхъ румынами у турокъ во время войны 1887 года.

— Когда Наполеонъ покинулъ Эльбу и высадился во Франціи для того, чтобы изгнать Бурбоновъ и самому снова водвориться на престолѣ, все пришло въ ужасное волненіе. Всѣ газеты были полны этимъ великимъ событіемъ и ежедневно сообщали разные слухи объ успѣхахъ узурпатора.

Оффиціальный правительственный органъ «Moniteur» также не могъ молчать. Интересно прослѣдить, какъ онъ выражался по поводу бѣгства и высадки Наполеона.

Первое сообщеніе «Moniteur'a» объ отъѣздѣ Наполеона съ острова Эльбы гласило: «Чудовище скрылось изъ мѣста своей ссылки; оно убѣжало съ Эльбы».

Второе извѣстіе: «Корсиканскій оборотень высадился у мыса Іоана».

Третье извѣстіе: Тигръ показался въ Гапѣ. Отовсюду противъ него выступаютъ войска. Онъ, какъ жалкій искатель приключеній, блуждаетъ въ горахъ. Уйти онъ не можетъ».

Четвертое извѣстіе: «Чудовище все-таки, вслѣдствіе какого то предательства, ушло въ Гренобль».

Пятое извѣстіе: «Тиранъ остановился въ Лионѣ; ужасъ поразилъ всѣхъ при видѣ его».

Шестое извѣстіе: «Узурпаторъ осмѣлился приблизиться къ столицѣ на разстояніе шестидесяти часовъ».

Седьмое извѣстіе: «Бонапартъ быстро приближается. Но ему никогда не удастся достичь Парижа».

Восьмое извѣстіе: Наполеонъ завтра будетъ у стѣнъ Парижа».

Девятое извѣстіе: Императоръ находится въ Фонтенебло».

Десятое извѣстіе: «Вчера вечеромъ его величество императоръ и король торжественно вступилъ въ Тюильрійскій дворецъ. Все ликуетъ».

НАПОЛЕОНЪ

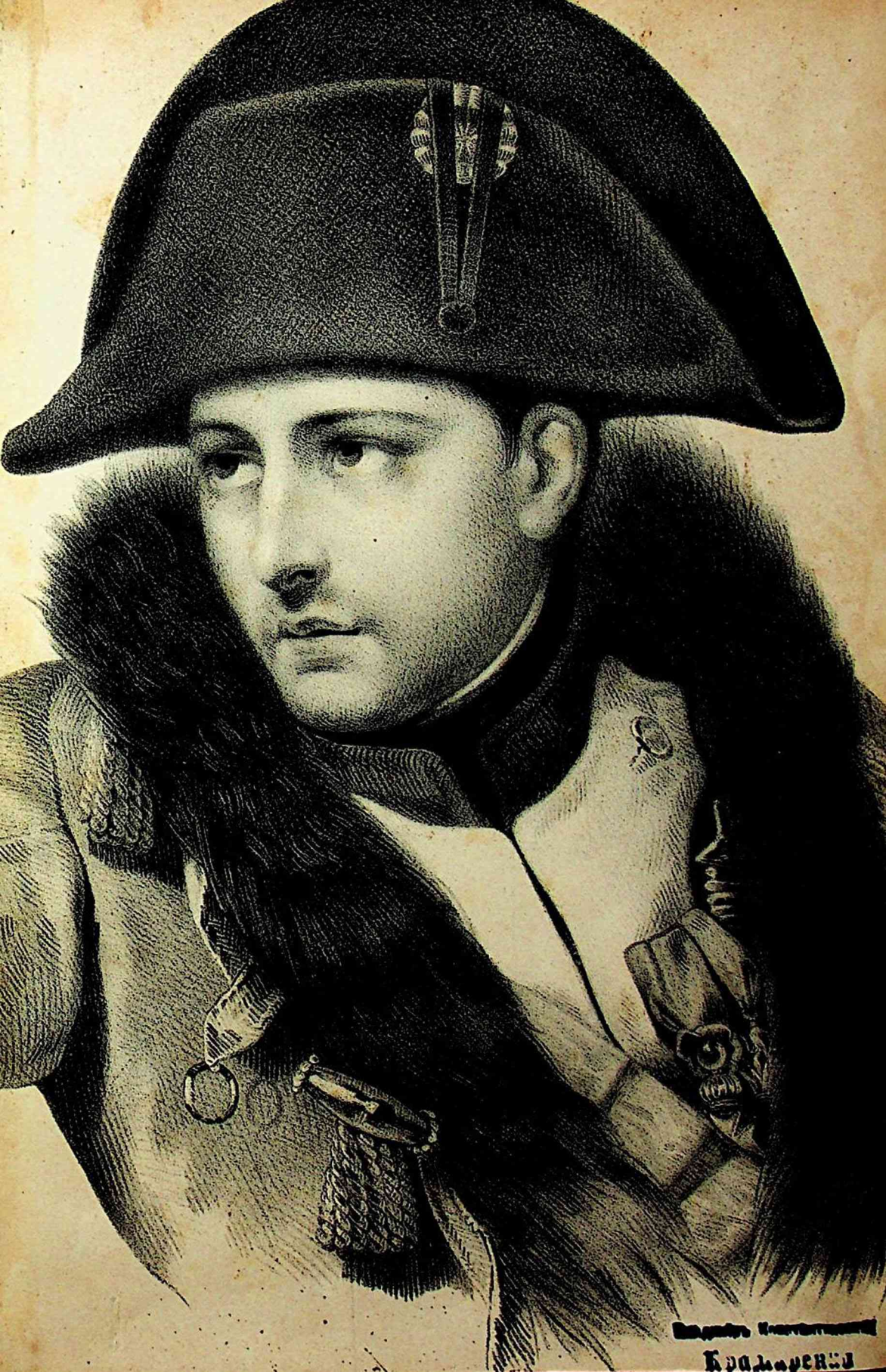
АЛЕКСАНДРУ, ЦЕЗАРЮ

и

ФРИДРИХУ.

[illegible]
Крамаренко

Библиотека



9(И)(Фр)
Ж78
94(44)"17/18"

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

И

ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ

НАПОЛЕОНА,

СОЧИНЕНІЕ

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА, БАРОНА

ЖОМИНИ,

ПЕРЕВЕДЕННОЕ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. Линдфорсомъ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 45 ЛИСТОВЪ КАРТЪ И ПЛАНОВЪ СРАЖЕНІЙ И ОСОБАГО КЪ НИМЪ ОПИСАНІЯ.

Изданіе третіе, исправленное.

Дніпропетровська
Об[illegible] БІБЛІОТЕКА

Владиміръ Константиновичъ
Крамаренко

К 36096

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. Октября 24-го дня 1843 года.

Цензоръ И. Корсаковъ.

НАПОЛЕОНЪ

АЛЕКСАНДРУ, ЦЕЗАРЮ

и

ФРИДРИХУ.

ГЛАВА I.

Молодость Наполеона до назначенія его главнокомандующимъ италіянскою арміею.

Я не дамъ вамъ полнаго отчета въ событіяхъ моего правленія: они слишкомъ важны и слишкомъ сложны, чтобы можно было вполнѣ объяснить ихъ теперь, когда еще не совершенно поняты виды, не вполнѣ истолкованы поступки многихъ знаменитыхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлахъ политическихъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Оставляя этотъ трудъ потомству и исторіи, я наброшу вамъ широкою, смѣлою кистью собственныя мои дѣйствія, мои военныя и политическія соображенія; я покажу вамъ себя такимъ, каковъ я былъ: вы увидите, какъ искажали меня пристрастныя мнѣнія моихъ современниковъ.

Я родился 15-го Августа 1769-го года, въ Аяччіо, на островѣ Корсикѣ. Родители мои были дворяне; обстоятельство, для меня совершенно ничтожное. «*Полководецъ, прославив-*«*шій свою отчизну, и своими заслу-*«*гами возстановившій тронъ Карла ве-*«*ликаго, не нуждался въ предкахъ.*»

Домъ патриціевъ, отъ котораго произошелъ я, считалъ въ числѣ своихъ предковъ хоругвеносца Буонапарте, управлявшаго флорентинскою республикою, въ половинѣ XIII-го вѣка.

Исполненное чудесъ поприще моей жизни, побудило многихъ искать чего-то сверхъестественнаго даже въ моемъ дѣтствѣ, которое однакоже

было очень обыкновенно. Я воспитывался сперва въ брiенской военной школѣ, куда поступилъ десяти лѣтъ, а потомъ переведенъ былъ въ парижскую. Предположивъ себѣ цѣль, я всегда стремился къ ней со всею силою воли, и отъ того успѣвалъ въ моихъ предпрiятiяхъ. Воля моя была сильна, характеръ твердъ и рѣшителенъ; это возвышало меня надъ всѣми. Воля зависитъ отъ силы душевной; и потому не всякой можетъ совершенно владѣть самимъ собою. Если въ моихъ поступкахъ и замѣтна была иногда какая-то нерѣшительность, то это происходило не отъ недостатка воли; но отъ излишней быстроты воображенiя, которое мгновенно представляло мнѣ всѣ обстоятельства дѣла.

Я занимался прилежно тѣми науками, которыя могли мнѣ быть полезны; въ особенности исторiею и математикою. Первая раскрываетъ генiй, вторая даетъ правильность, безошибочность его дѣйствiямъ. Способности развились во мнѣ сами собою. Я имѣлъ быстрое соображенiе, хорошую память; хладнокровно, основательно судилъ о предметахъ. Соображая скорѣе другихъ, я имѣлъ всегда время обдумывать; и въ этомъ-то собственно и состояла глубокость моихъ мыслей.

Обыкновенныя забавы юности не могли занимать меня; впрочемъ я и не чуждался ихъ совершенно, какъ утверждаютъ иные. Я искалъ того, что могло меня увлечь, и подобное расположенiе духа поставляло меня всегда въ какой-то родъ уединенiя, въ которомъ я вполнѣ предавался размышленiю. Наклонность эта обратилась въ привычку, и никогда меня не покидала.

Рожденiе предназначало меня на службу, и, за четыре года до революцiи, я былъ уже поручикомъ артиллерiи. Ни одинъ чинъ не принесъ мнѣ столько удовольствiя: честолюбiе мое ограничивалось надеждою быть генераломъ. Званiе артиллерiйскаго генерала считалъ я тогда за nec plus ultra величiя человѣческаго. Во мнѣ еще не родилось желанiе властвовать; но я уже жаждалъ извѣстности, и думалъ, что пріобрѣту ее, если напишу исторiю корсиканской войны. Я дѣлалъ это предложенiе Паоли, прося у него нужныхъ для этого источниковъ и свѣденiй; но восемьнадцатилѣтнiй историкъ не могъ внушить къ себѣ большаго довѣрiя: предложенiе мое не было принято.

Повышенiе по службѣ утѣшило меня въ этой первой неудачѣ. Я получилъ роту въ 1789-мъ году; тутъ загремѣла революцiя: она обѣщала мнѣ много дѣятельности. Не стану говорить вамъ о первыхъ впечатлѣнiяхъ, произведенныхъ во мнѣ этимъ грознымъ событiемъ; я представлю его вамъ въ нѣсколькихъ очеркахъ, съ той точки зрѣнiя, съ которой уже въ послѣдствiи разглядѣлъ его.

Ни чье правленiе не начиналось подъ такими счастливыми предзнаменованiями, какъ правленiе добродѣтельнаго Людовика XVI-го. Спустя десять лѣтъ послѣ забавной войны съ 1756-го по 1763-й годъ, Францiя, связанная родственными узами съ Австрiею, могла въ одно время держать равновѣсiе на твердой землѣ, господствовать на Средиземномъ морѣ, и оспоривать у Англичанъ

владычество ихъ на Океанѣ. Все заставляло думать, что она и здѣсь возьметъ верхъ, если съумѣетъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Въ союзѣ съ половиною Европы, она имѣла одну соперницу: Англію. Много кричали о ненасытимости моего честолюбія; но никогда относительное могущество мое не было такъ грозно, какъ могущество Людовика въ это время. Правда, у меня было больше владѣній; но противъ меня возставала половина Европы и даже часть покоренныхъ мною народовъ; тогда какъ, при Людовикѣ, эти народы были добровольными союзниками Франціи.

Славная война американскихъ колоній вѣроятно разрушила бы могущество Англичанъ на морѣ, если бы нашъ восмидесятплѣтній министръ (Морепа) занимался дѣлами государства, вмѣсто того, чтобы писать мадригалы на морскія сраженія.

Не смотря на наши ошибки, Англія едва не потеряла антильскихъ острововъ и уже лишилась своихъ прекрасныхъ владѣній въ Америкѣ. Война эта повлекла за собой важныя послѣдствія, которыхъ никто не могъ предвидѣть. Она произвела долги, для уплаты которыхъ нужно было обложить налогами дворянъ и духовенство, наровнѣ съ другими сословіями. Министерство осмѣлилось было предложить эту мѣру; но дворянство и духовенство отвергли ее: эти ревностные защитники алтарей и престола подрывали основанія ихъ, изъ личнаго эгоизма. Въ это время умеръ г. Деверженъ; а его преемники, забывъ честь своей націи, допустили англійскую партію восторжествовать въ дѣлахъ голландскихъ; съ другой стороны они потеряли всѣ выгоды союза съ Австріею, отвергнувъ предложенія Іосифа II, и тѣмъ заставивъ его вступить въ союзъ съ Россіею. Потерявъ уваженіе Европы этими двумя ошибками, они уничтожили всѣ плоды политики герцога Шуазёля. Это слабое министерство, презираемое всѣми европейскими кабинетами, было въ тоже время предметомъ ненависти внутри государства. Положеніе финансовъ съ каждымъ днемъ становилось хуже и хуже: принуждены были прибѣгнуть къ созванію генеральныхъ штатовъ. Такимъ образомъ дворянству и духовенству, этимъ двумъ сословіямъ, гордившимся своими правами и преимуществами, противупоставленъ былъ многочисленный средній классъ, требовавшій уничтоженія, или по крайней мѣрѣ, уменьшенія сихъ правъ и преимуществъ: столкновеніе это, котораго должно было избѣгать, произвело революцію.

Но могли ли эти остатки древняго феодализма бороться съ среднимъ сословіемъ, въ XVIII вѣкѣ, когда оно было такъ образовано и богато? Уже двадцать лѣтъ, какъ во всѣхъ умахъ, въ дворянствѣ, въ войскѣ, при самомъ дворѣ, кипѣла революція. Правительство и дворъ, сдѣлались цѣлію ударовъ всѣхъ оскорбленныхъ самолюбій, всѣхъ мелкихъ честолюбій; одни вооружались противъ нихъ аристократическою гордостію Фронды; другіе, демократическими требованіями нивелёровъ. Но если бы государство было въ рукахъ сильныхъ и искусныхъ, даже подобное положеніе умовъ не произвело бы переворота.

Правительство же какъ будто этого хотѣло; оно привело въ столкновеніе партіи, поочередно боролось съ ними и имѣло слабость уступать имъ. Оно раздражало и знать, и толпу народа, заставляло войска сносить обиды и притѣсненія отъ черни, которую поощряли къ возмущеніямъ.

Когда огромныя общественныя выгоды противныхъ партій готовы столкнуться, и революція дѣлается неизбѣжною, тогда нуженъ искусный правитель, который бы могъ усвоиться съ нею, сдѣлаться главою ея, найти черту, гдѣ она должна остановиться, и умѣть пожертвовать жизнію, чтобъ удержать ее въ этомъ предѣлѣ.

Министерство Людовика XVI перешло въ руки Неккера, который, чтобы имѣть себѣ опору, рѣшился защищать и возвышать среднее сословіе. Это раздѣлило самый дворъ на двѣ партіи. Правительство раздѣлилось на двѣ части: одна требовала системы Неккера, съ нѣкоторыми измѣненіями, другая отвергала ее. При такомъ расположеніи умовъ созваны были генеральные штаты.

Въ каждомъ сословіи голоса должны были собираться отдѣльно; но средній классъ требовалъ, чтобы ихъ собирали поголовно, потому что надѣялся имѣть тутъ преимущество предъ остальными двумя классами, видя, что онъ многочисленнѣе ихъ обоихъ. Дворяне и духовенство отвергли это требованіе и, 17-го Іюня, средній классъ составилъ свое собственное національное собраніе; 20-го было закрыто мѣсто засѣданій его; депутаты средняго сословія собрались въ Жё-де-помѣ и поклялись не расходиться, не давъ новой конституціи Франціи. Быть можетъ, что революція потухла бы, еслибы король въ это время уничтожилъ собраніе, которое такъ дерзко шло противу самыхъ основныхъ законовъ государства; онъ думалъ было это сдѣлать, но ему не достало рѣшимости.

23-го Іюня, онъ явился въ собраніе, объявилъ, что согласенъ на нѣкоторыя уступки, и приказалъ депутатамъ разойтись; онъ вышелъ, но депутаты отказались отъ повиновенія. Главный церемоніймейстеръ сталъ убѣждать ихъ; но Мирабо объявилъ ему, что ихъ заставятъ выйти только штыками; вмѣсто того, чтобы принудить ихъ къ повиновенію, имъ позволили собираться и въ слѣдующіе дни. Король велѣлъ даже дворянамъ и духовенству къ нимъ присоединиться.

Много возставали противъ философовъ и философіи, приписывая имъ революцію. Еслибы король тогда же преклонилъ Мирабо на свою сторону, то генеральные штаты кончились бы тѣмъ же, чѣмъ они обыкновенно оканчивались прежде, и всѣ Вольтеры въ мірѣ не произвели бы этихъ страшныхъ переворотовъ; революція не могла длиться уже и потому, что вся она образовалась въ нѣсколько дней. Мятежной черни также нечего было страшиться. Ея предводители, видя непреклонность короля, и не имѣя средствъ бороться съ врагами иноземными, пришли бы скоро сами въ отчаянное положеніе, и неистовая чернь на нихъ же, виновниковъ ея несчастій, обратила бы всю свою ярость. Это такъ вѣрно, что, еслибъ я былъ министромъ Людовика XVI, революція кончилась бы 23-го Іюня 1789-го года. Я умѣлъ бы въ одно время и разить враговъ престола и

удовлетворять требованіямъ справедливымъ.

Мирабо, Сіесу и всѣмъ предводителямъ собранія возвращаться ужъ было поздно: имъ оставалось умереть или побѣдить; а побѣдить легко было, потому что всѣ ихъ предпріятія облекались въ обманчивый видъ законности. Они повелѣвали именемъ того же правительства, у котораго отняли власть. 14-го Іюля они сдѣлались правителями государства, получивъ въ свое распоряженіе сильную армію, подъ названіемъ *національной гвардіи*, и захвативъ въ то же время начальство надъ линейными войсками. Наконецъ они сами изумились своего могущества, и, чтобы упрочить его за собою, рѣшились уничтожить монархическую власть въ своемъ отечествѣ. Эта послѣдняя и величайшая ихъ ошибка потрясла до основанія весь государственный составъ Франціи.

Смуты въ Парижѣ увеличивались съ каждымъ днемъ; къ тому же стали говорить, что дворъ хочетъ собрать въ Версалѣ нѣсколько вѣрныхъ ему полковъ. Это внушило народнымъ предводителямъ мысль, принудить короля переѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ былъ бы гораздо болѣе подъ вліяніемъ народа; съ этою цѣлью были произведены возстанія 5-го и 6-го Октября; Лафайетъ двинулся въ Версаль съ двадцатью тысячами національной гвардіи; Людовика привезли въ Тюльери, гдѣ онъ и былъ порученъ надзору Лафайета. Королевская гвардія въ скоромъ времени потомъ была распущена: Людовику оставался, для охраненія его особы, одинъ только швейцарскій полкъ.

Королю было объявлено, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ пренія собранія, и имѣетъ только право произносить veto. Такимъ образомъ, посреди преній, готовыхъ ниспровергнуть престолъ, добрый Людовикъ XVI оставался покойнымъ зрителемъ. Онъ походилъ не столько на монарха, сколько на частнаго человѣка, попавшаго въ число подозрительныхъ.

Эмигранты убѣдили его наконецъ бѣжать, присоединиться къ нимъ и воспользоваться усиліями коалиціи; онъ отправился съ семействомъ своимъ, въ Апрѣлѣ 1791-го года, но былъ узнанъ и остановленъ въ Вареннѣ. Гусары, посланные къ нему на встрѣчу Г-мъ Буле, готовы были освободить его; но Людовикъ не хотѣлъ ввѣрить участь свою битвѣ, и былъ привезенъ въ Парижъ, какъ непріятельскій плѣнникъ.

Конституціонное собраніе, въ которомъ блистало такъ много необыкновенныхъ талантовъ, сдѣлало однакожъ множество ошибокъ. Важнѣйшею, по послѣдствіямъ, было необдуманное образованіе клубовъ и сохраненіе ихъ въ то время, когда уже обнаружились и опасность ихъ существованія, и безполезность къ исполненію предначертаній собранія. Первый клубъ составился изъ однихъ только депутатовъ; потомъ допустили въ составъ его патріотовъ, наиболѣе извѣстныхъ по уму; наконецъ самыхъ ревностныхъ республиканцевъ. Этотъ клубъ прославился подъ именемъ якобинцовъ. Вмѣстѣ съ нимъ открылось множество другихъ обществъ.

Наконецъ конституціонное собраніе увѣнчало всѣ свои ошибки изумительнымъ самоотверженіемъ: оно сложило съ себя власть, которою завладѣло

самовольно, и объявило, что никто изъ членовъ его не можетъ быть избираемъ ни въ національное собраніе, которое предположено образовать, ни въ другія государственныя должности.

Новое собраніе составилось изъ самыхъ ревностныхъ демократовъ, и стало еще прямѣе стремиться къ уничтоженію прежняго правительства. Между тѣмъ составлялась коалиція для поддержанія его; уже войска ея вторгались въ предѣлы Франціи.

Начало этой коалиціи не вполнѣ извѣстно. Полагаютъ, что первая мысль родилась въ Мантуѣ при совѣщаніи императора Леопольда съ графомъ д'Артуа. Сперва они хотѣли соединить только силы испанскаго, австрійскаго и сардинскаго домовъ. Императоръ Леопольдъ предложилъ собранію созвать конгресъ; но собраніе, вмѣсто отвѣта, объявило измѣнникомъ всякаго Француза, который согласится подвергнуть законы своего отечества вліянію чужеземнаго конгреса. Главою коалиціи хотѣли поставить шведскаго короля Густава III, который долженъ былъ отплатить этою услугою Людовику XVI, за вспоможеніе, оказанное ему Людовикомъ XV противъ стокгольмскаго сената, когда тотъ захватилъ верховную власть. Но Густавъ былъ убитъ, и главою союза, неизвѣстно по какому случаю, избрали прусскаго короля Фридриха-Вильгельма. Англія торжествовала, видя наши смуты и совершенное разстройство въ государственномъ управленіи. Россія также была довольна этимъ, потому что Густавъ и Пруссія вооружались противъ нее, для спасенія Турціи, изнемогавшей подъ соединенными ударами Екатерины и Іосифа II. Мудрая Екатерина видѣла, что она совершенно обезпечитъ себя, направивъ на Францію силы всѣхъ своихъ враговъ сосѣдей, и потому-то она такъ сильно возставала противъ революціи, и съ такимъ стараніемъ составляла союзъ противъ насъ, сберегая собственныя силы.

Національное собраніе, видя, что со всѣхъ сторонъ непріятели готовы вторгнуться во Францію, рѣшилось само начать войну. Оно имѣло приверженцевъ въ Бельгіи, гдѣ происходили частыя возстанія противъ Іосифа II. Австрія, на вопросъ о причинахъ ея вооруженій, отвѣчала намъ угрозами. Дюмурье, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, настоялъ на томъ, чтобы объявили войну и произвели вторженіе въ Бельгію, съ цѣлью проникнуть до Рейна. Но войска наши были разбиты горстью Австріицевъ, подъ предводительствомъ Болье (въ Апрѣлѣ 1792-го года).

Три мѣсяца спустя, герцогъ брауншвейгскій, выступивъ изъ Кобленца съ шестьюдесятью тысячами Пруссаковъ и десятью тысячами эмигрантовъ, проникнулъ въ Шампанію, черезъ Тіонвиль. На пути онъ объявлялъ, что предастъ огню и мечу все, что не покорится безъ сопротивленія. Планъ этого похода былъ извѣстенъ министрамъ Людовика, которые нарочно обезоружили эту границу, разсѣявъ наши силы по Рейну и по Шельдѣ; Бертранъ де Молльвиль, министръ морскихъ силъ, имѣлъ довольно духа, чтобы хвалиться этимъ поступкомъ.

Войска союзниковъ достигли до Вердюна, открывшаго имъ свои ворота. Но грозный манифестъ брауншвейгскаго герцога произвелъ во Франціи

дѣйствіе, совершенно противное тому, какаго отъ него ожидали. Отвѣтомъ на него было 10-го Августа: престолъ былъ низвергнутъ, утвержденъ временной совѣтъ, Король заключенъ въ тампль, объявлена республика, и созванъ національный конвентъ, для составленія законовъ. Главные избиратели членовъ этого конвента были якобинцы, а потому законодатели Франціи были избраны изъ числа самыхъ ревностныхъ республиканцевъ, которымъ съ одной стороны угрожалъ эшафотъ, а съ другой войска союзниковъ. Они ниспровергли весь общественный порядокъ и разрушили самое основаніе благоденствія государственнаго.

Между тѣмъ любовь къ отечеству воспламенила всѣ благородныя сердца. 60,000 охотниковъ стеклось со всѣхъ сторонъ въ Шампанію, куда временной исполнительный совѣтъ направилъ также Дюмурье съ войсками изъ Седана, Келлермана изъ Меца и Бернонвиля съ сѣверною арміею. Аргонское дефиле, гдѣ собрались всѣ эти силы, сдѣлалось Оермопилами Франціи. Пруссаки, думавшіе насъ обойти, увидѣли себя въ опасности быть отрѣзанными, и отступили почти безъ выстрѣла. Кюстинъ, вышедъ изъ Ландау, овладѣлъ въ тылу ихъ Майнцомъ, и угрожалъ отнять мостъ въ Кобленцѣ, единственный, чрезъ который лежало ихъ отступленіе. Успѣхи эти спасли Лилль, съ героическимъ самоотверженіемъ выдержавшій сильное бомбардированіе.

Дюмурье, отдѣлавшись отъ Пруссаковъ, вмѣсто того, чтобы спуститься по Маасу съ своею 60-ти-тысячною арміею, и отрѣзать Австрійцевъ, оставшихся въ Нидерландахъ, пошелъ изъ Вердюна въ Валансьенъ, и такимъ образомъ оттѣснилъ ихъ съ фронта, прямо на ихъ линію отступленія. Въ слѣдствіе этой ошибки Клерфе и Больё ускользнули отъ его ударовъ.

Не меньше счастливы были войска наши и въ Альпахъ. Савоія и графство ницское покорились послѣ слабаго сопротивленія. Только экспедиція противъ острова Сардиніи осталась безуспѣшна.

Между тѣмъ покореніе Бельгіи, побѣды при Вальми и Жемапѣ вскружили головы якобинцамъ, и преступный приговоръ 21-го Генваря былъ приведенъ въ исполненіе. Умертвивъ своего добраго короля, они думали навсегда ниспровергнуть монархическое правленіе.

Испанія, въ отмщеніе за смерть Людовика, объявила намъ войну. Ея примѣру послѣдовалъ Неаполь. Голландія должна была сама принять отъ насъ вызовъ. Жирондисты, ослѣпленные своими утопическими мыслями, громко возставали противъ государей Вѣны, Берлина и Мадрита и утверждали, что съ ними можно съ успѣхомъ бороться, потому что *Англія, истинный другъ всѣхъ свободныхъ народовъ, соединится съ свободнымъ народомъ Франціи*. На эту безумную увѣренность Питтъ отвѣчалъ въ парламентѣ рѣчью, о томъ, какъ много величія и силы должны доставить Англичанамъ всѣ разрушительные перевороты и безпорядки во Франціи. Однакожъ онъ не принялъ участія въ первой войнѣ 1792-го года, не желая вмѣшиваться въ борьбу партій. Прошло 10-е Августа; прошло 21-е Генваря; палъ

тропъ и несчастный монархъ Франціи; Питтъ все еще ждалъ случая, чтобы имѣть къ войнѣ предлогъ, чисто политическій, и дождался.

Когда покорена была Сардинія, и Дюмурье, овладѣвъ Бельгіею, обнародовалъ свободу плаванія по Шельдѣ, Британія пристала къ коалиціи, по обязанности своей защищать утрехтскій договоръ и какъ союзница Голландіи, которой угрожало вторженіе Французовъ. Она не замедлила сдѣлаться главою союза.

Въ началѣ 1793-го года дѣла приняли другой оборотъ. Дюмурье, оставя Австрійцевъ на Роёрѣ, около Жюлье, тогда какъ ему оставалось пройдти 10 миль, чтобы откинуть ихъ за Рейнъ, сдѣлалъ другую ошибку, еще важнѣйшую: не заботясь о томъ, что подставляетъ имъ флангъ свой и сообщенія, онъ сталъ помышлять о покореніи Голландіи и возстановленіи республики, или королевства нидерландскаго, съ помощію котораго намѣренъ былъ итти въ Парижъ, предписывать законы якобинцамъ.

Не расчитавъ, что Англія и Пруссія, вѣрныя союзницы оранскаго дома, не позволятъ изгнать штатгальтера, онъ въ мысляхъ создавалъ уже свою Батавію, не обращая вниманія ни на царствующій тамъ домъ, ни на Францію, ни на коалицію. Читая его проэкты, думаешь, что это сказка изъ тысяча одной ночи. Между тѣмъ Австрійцы разбили его правый флангъ близъ Аахена и Литтиха. Это заставило его вступить въ сраженіе при Нервиндѣ, въ которомъ онъ самъ начальствовалъ, и былъ также разбитъ. Армія его съ большимъ трудомъ достигла Валансьена и потомъ Антверпена, оставляя гарнизоны для подкрѣпленія его химерическихъ завоеваній.

Тогда противъ Дюмурье вооружился конвентъ. Чтобы спастись, онъ вступилъ въ сношенія съ принцемъ кобургскимъ, и хотѣлъ съ войскомъ своимъ итти на Парижъ, поручивъ Австрійцамъ охраненіе нашихъ границъ. Это произвело возмущеніе въ войскахъ; четыре народные депутата и министръ Бёрнонвиль прибыли къ войску, чтобы изслѣдовать дѣло. Дюмурье велѣлъ схватить ихъ, и выдать Австрійцамъ. Тогда солдаты его взбунтовались, открыли огонь по его прикрытію, и онъ едва успѣлъ спастись, бросившись въ Шельду близъ крѣпости Конде, и передавшись принцу кобургскому. Ненавидимый обѣими сторонами, онъ составлялъ въ послѣдствіи въ Лондонѣ свои военные планы, надъ которыми будутъ смѣяться потомки. Не смотря на все это, нельзя отнять у Дюмурье ума и дарованій.

Главы якобинцевъ, пользуясь опасностью Франціи, учредили комитетъ общественнаго спокойствія. Робеспьеръ и Дантонъ управляли этою новою исполнительною властью.

Между тѣмъ какъ коалиція торжествовала на Маасѣ, прусскій король перешелъ Рейнъ съ новыми силами, разбилъ Кюстина и осадилъ Майнцъ, въ которомъ геройски защищались Клеберъ, Мёнье и Оберъ-Дюбайе. Герцогъ іоркскій и принцъ кобургскій, воспользовавшись бѣгствомъ Дюмурье, обложили Конде. Дампьеръ, шедшій на помощь къ этой крѣпости, былъ

отраженъ и убитъ. Союзники укрѣпили лагерь при Фамарѣ и осадили Валансьенъ.

На Югѣ, Испанцы, подъ предводительствомъ Риккардоса, заняли Русильонъ; Сардинцы вторглись въ Савоію. Внутренность государства была не менѣе обуреваема. Рекрутскіе наборы послужили поводомъ къ возстанію, давно уже готовому вспыхнуть въ Вандеѣ: шестьдесятъ тысячъ роялистовъ, съ оружіемъ въ рукахъ, бросились на Анжеръ и Нантъ.

Опасность ожесточала, но не устрашала якобинцевъ. Тѣнь умѣренности казалась имъ преступленіемъ. Жирондистовъ, которыхъ блистательная утопія ниспровергла тронъ, считали они теперь такими же врагами, какъ и роялистовъ. Мая 31-го бо́льшая часть конвента пала на эшафотѣ за приверженность къ ложнымъ теоріямъ. Робеспьеръ, Дантонъ, Маратъ и чернь, казалось, владычествовали во Франціи; но Франція уже готова была возстать противъ нихъ.

Между тѣмъ британское правительство приближалось твердыми и мѣрными шагами къ своей отдаленной цѣли. Союзница Россіи, Испаніи и Голландіи, Англія, съ помощію флота Екатерины, заставила Швецію и Данію отказаться отъ правъ неутралитета, завладѣла Средиземнымъ моремъ, при пособіи Карла VI, и принимала къ себѣ на жалованье войска чужеземныя. Золотомъ набабовъ мизорскихъ платила она за кровь европейскую.

Англія, въ которой Бриссо видѣлъ, не задолго до того, опору французской конституціи, сдѣлалась душею Европейскаго союза. Посланники ея возстановляли всѣхъ противъ Франціи, вездѣ проповѣдовали войну съ такимъ же жаромъ, съ какимъ, во времена крестовыхъ походовъ, монахи посылали Европу на Азію.

14-го Іюля лордъ Бочемпъ и Лукезини подписали, въ лагерѣ подъ Майнцомъ, тѣсный союзъ между Англіею и Пруссіею. Еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ лордъ Эльджинъ условился съ гессенскими владѣніями, чтобы они выставили 8 тысячъ войска, въ случаѣ надобности. Лордъ Ярмутъ заключилъ еще два договора; по одному изъ нихъ (22-го Августа) Гессенъ-Кассель долженъ былъ выставить 4 тысячи, а по другому (5-го Октября) Гессенъ-Дармштатъ 3 тысячи. Вслѣдъ за этимъ подписалъ онъ еще договоръ съ великимъ герцогомъ баденскимъ. Трактатъ, заключенный лордомъ Гренвиллемъ съ графомъ де-Фрономъ, министромъ короля сардинскаго, былъ еще важнѣе: онъ обязывалъ сего послѣдняго содержать постоянно 50-ти-тысячную армію, съ тѣмъ, чтобы ему ежегодно выдавалось 5 милліоновъ. Тотъ же министръ 30-го Августа заключилъ союзъ съ австрійскимъ дворомъ. Прибавьте ко всему этому договоры, заключенные лордомъ Сентъ-Геленсомъ съ Годоемъ, герцогомъ Алкудіею, испанскимъ министромъ, (25-го Мая); лордомъ Окландомъ со штатгальтеромъ; Гамильтономъ съ министромъ короля неаполитанскаго (12-го Іюля); вспомните всѣ проэкты Гервѣ въ Ливорнѣ, Дрейка въ Генуѣ, Гейля въ Копенгагенѣ и Фитцджерельда въ Швейцаріи, и вы увидите, какъ необъятна была дѣятельность англійской дипломатики. Чѣмъ же отвѣчалъ

на, это нашъ конвентъ? Забавнымъ декретомъ 7-го Сентября, которымъ Питтъ объявленъ былъ врагомъ человѣчества.

Каменецъ, главный и послѣдній, укрѣпленный пунктъ, остававшійся въ рукахъ Поляковъ сдался, 2-го Мая, Россіи, съ 200-ми орудій; этимъ довершилось покореніе южныхъ провинцій; двѣнадцать тысячъ человѣкъ присягнули Екатеринѣ. Остатокъ польскихъ войскъ былъ совершенно разсѣянъ.

Станиславъ подписалъ 13-го Іюля первый договоръ, за которымъ послѣдовалъ вскорѣ и другой (14-го Октября).

Оттоманская Порта, возмущаемая эмигрантами и внушеніями коалиціи, въ концѣ 1792-го года не хотѣла признавать французскую республику. Семонвиль, назначенный посломъ въ Константинополь, долженъ былъ скрѣпить связи наши съ этою старинною союзницею Франціи. Но проникнуть туда нельзя было иначе, какъ черезъ Швейцарію, Вальтелинъ и Венецію. Маре, посланный въ Неаполь для переговоровъ съ тамошнимъ дворомъ относительно освобожденія королевы Маріи Антуанетты, отправился съ Семонвилемъ по одной дорогѣ, черезъ Куаръ. Но исполнительный совѣтъ такъ мало былъ уважаемъ иностранцами, что эти два посланника были захвачены на берегахъ Лаго-Маджіоре, и выданы Австрійцамъ, которые заключили ихъ въ темницы Мантуанскія.

Политическое состояніе Франціи было отчаянно, но военныя дѣла ея шли еще хуже. Отъ Альповъ до Пиренеи, отъ Рейна до Океана, отъ Роны до Лоары, трехцвѣтныя знамена республиканцевъ повсемѣстно отступали предъ побѣдоносными полчищами враговъ. Богарне, который долженъ былъ заставить снять осаду Майнца, подоспѣлъ къ нему слишкомъ поздно: городъ былъ сданъ. Кюстинъ, не надѣясь на молодыхъ солдатъ, не рѣшился дать сраженіе, чтобы освободить Валансьенъ, и эти оба генерала, обвиненные въ слабости, пали на эшафотѣ. Бельгардъ уступалъ оружію Испанцевъ; Вандея въ огнѣ и шестьдесятъ тысячъ побѣдоносныхъ роялистовъ угрожали конвенту гибелью. Противъ него, съ оружіемъ въ рукахъ, возстали вдругъ Бордо, Ліонъ, Марсель, Каэнъ. Австро-сардинскія войска перешли Альпы, на помощь этимъ инсургентамъ. Остальная часть Франціи не поддерживала конвента и, казалось, ждала только случая, чтобы освободиться изъ-подъ ига его. Дурно устроенныя, раздробленныя войска, лишенныя искусныхъ начальниковъ, не были въ состояніи противиться многочисленному непріятелю. Наконецъ, къ довершенію бѣдствій, мы лишились колоніи. Никогда правительство не находилось въ такомъ ужасномъ положеніи. Никогда государство не доходило такъ скоро и такъ близко до разрушенія.

И въ эту-то страшную годину бѣдствій, когда все предсказывало гибель Франціи, разнеслась вѣсть о раздѣлѣ Польши. Эта вѣсть ясно высказала каждому Французу, какая участь ожидаетъ его отечество, и произвела такое же чудное, изумительное дѣйствіе, какъ нѣкогда манифестъ брауншвейгскаго герцога.

Подобно какъ въ то время униженіе быть подъ чужими законами пробудило внутреннія силы Франціи, теперь, страхъ увидѣть отечество разрушеннымъ и раздробленнымъ, проникъ во всѣ сердца. Мощное чувство любви къ родинѣ, чести и независимости одушевило всѣхъ Французовъ.

Власть конвента, возраставшая вмѣстѣ съ опасностью, которой подвергалась Франція, дошла теперь до ужасающей степени. Революціонная сѣкира повисла надъ главами всѣхъ, и только на полѣ брани Французы могли искать спасенія отъ свирѣпости конвента, отъ позорныхъ казней, отъ всѣхъ ужасовъ революціоннаго правленія.

Уже война совершенно отклонилась отъ своей цѣли. Не защита королевскаго достоинства, не права дворянства, не контръ-революція, двигали на насъ союзъ европейскій; подобно тому и у насъ, революціонныя партіи дѣйствовали уже не для защиты правъ средняго сословія. Якобинцы видѣли свое спасеніе только въ анархіи, предъ которою каждый Французъ долженъ былъ быть, или солдатомъ, или жертвою гильотины. Монархи трепетали, чтобы зараза революціи не проникла въ ихъ владѣнія. Якобинцы боялись, чтобы отъ нихъ не потребовали отчета въ пролитой ими королевской крови и въ ихъ ложныхъ теоріяхъ государственнаго управленія.

Продолжительное бездѣйствіе союзниковъ во время бомбардированія Валансьена успокоило республиканцевъ на счетъ послѣдствій бѣгства Дюмурье. Послѣ этого прошло уже четыре мѣсяца, и въ открытыя, обезоруженныя границы республики едва вступали непріятели.

Люди, свыкшіеся съ военными соображеніями, какъ напримѣръ: Карно, Пріеръ, Дюбуа-Крансе, могли весьма основательно полагать, что Ландреси и Лиль, взятіе которыхъ такъ дорого стоило Евгенію и Мальборо, должны устоять противу союзниковъ. Франція имѣла болѣе средствъ для обороны, нежели при Людовикѣ XIV, а между воспачальниками коалиціи уже не было ни Евгенія, ни Мальборо. И такъ просвѣщеннѣйшіе члены конвента еще не отчаявались и имѣли довольно довѣренности къ общему расположенію умовъ, чтобы рѣшиться, или спасти республику, или пасть подъ ея развалинами; успѣхъ превзошелъ ихъ ожиданія. Этимъ обязаны они столько же народному усердію и своему благоразумію въ предпринятыхъ мѣрахъ, сколько медлительности и другимъ ошибкамъ союзниковъ.

Однакоже потеря двухъ главнѣйшихъ крѣпостей республики, и появленіе австрійскихъ партизановъ даже подъ стѣнами Сенъ-Кентена, обнаруживали гибельное положеніе Франціи. Барреръ объявилъ, что для спасенія отечества, Парижъ долженъ возстать снова, а Дантонъ издалъ указъ, по которому всякій солдатъ, оставившій знамена, долженъ быть казненъ смертію.

Карно и Пріеръ, въ которыхъ замѣтили военныя дарованія, были назначены, 14-го Августа, въ число членовъ комитета общественнаго спокойствія. Въ тотъ же день, по предложенію Баррера, конвентъ сдѣлалъ воззваніе къ Французамъ, въ которомъ найдете

вы, какъ и во всѣхъ подобныхъ произведеніяхъ того времени, самое странное злоупотребленіе словъ, вмѣстѣ съ сильными мыслями. Почти всѣ мѣры правительства ограничивались до сихъ поръ только прокламаціями и декретами, выполненіе которыхъ было почти невозможно; опасность возрастала со дня на день; едва треть Франціи признавала надъ собою власть конвента, и эта часть изнемогала уже отъ безпрестанныхъ усилій. По воззванію собралось небольшое число отважныхъ; храбрѣйшіе уже были на границѣ.

23-го Августа Барреръ предложилъ образовать народное возстаніе, убѣждая конвентъ, что только эта великая мѣра можетъ спасти Францію; онъ былъ правъ. Объяснивъ необходимость усилить войско и выказавъ недостаточность обыкновенныхъ рекрутскихъ наборовъ, онъ, искусно опираясь на мысль о равенствѣ, требовалъ всеобщаго возстанія и предложилъ слѣдующій декретъ:

«Пока не изгнанъ будетъ непріятель изъ владѣній республики, всѣ «Французы должны нести военную «службу.

«Всѣ молодые люди пойдутъ сра«жаться. Семейные пусть изготовля«ютъ оружіе; женщины шьютъ па«латки, одежду, служатъ въ госпита«ляхъ раненымъ. Дѣти должны дѣ«лать корпію. Старцевъ перенесутъ «на площади, чтобы одушевлять вои«новъ; общественныя зданія обратят«ся въ казармы; городскія площади «въ мастерскія для дѣланія оружія; «изъ подваловъ и погребовъ пусть «вырываютъ землю, и достаютъ изъ «нее селитру. Солдатскія ружья «предназначены исключительно для «тѣхъ, которые пойдутъ противъ не«пріятеля; а ружья охотничьи и хо«лодное оружіе раздавать для внут«ренняго охраненія.

«Всѣ верховыя лошади должны «быть забраны для укомплектованія «кавалеріи; а ѣзжалыя, кромѣ земле«дѣльческихъ, подъ обозы и артил«лерію.

«Комитетъ общественнаго спокойствія долженъ принять всѣ мѣры, «чтобы войска не нуждались въ ору«жіи, и потому онъ уполномочивает«ся заводить новыя фабрики и ма«стерскія, и всѣ художники и масте«ровые республики, которые, искус«ствомъ или трудами, могутъ быть «ей полезны въ этомъ отношеніи, «должны являться по требованію и «назначенію комитета. Для расхо«довъ по этой части военному мини«стру выдается тридцать милліоновъ. «Никто не имѣетъ права поставить, «вмѣсто себя, другаго на службу, для «которой онъ назначенъ.

«Возстаніе будетъ общее. Гражда«не безсемейные, отъ восемьнадцати «до двадцати пяти лѣтъ, пойдутъ «первые: они немедленно должны «собраться въ главныхъ мѣстахъ сво«ихъ округовъ, гдѣ ежедневно бу«дутъ обучаться ружейнымъ пріе«мамъ, въ ожиданіи приказа высту«пить. Изъ нихъ составятся батальо«ны одной организаціи съ тѣми, ко«торые теперь на границахъ.

«Каждый батальонъ округа соеди«нится подъ одно знамя.»

Собраніе приняло эти мѣры съ единодушнымъ восторгомъ. Пять дней спустя положено было отложить конституцію 24-го Іюля, и учредить

революціонное правленіе до совершеннаго освобожденія Франціи.

Вслѣдъ за этимъ закономъ пришла и страшная вѣсть о вторженіи Англичанъ и Испанцевъ въ Тулонъ. Этотъ городъ, весьма важный въ морскомъ, политическомъ и военномъ отношеніяхъ, предавалъ во власть непріятеля сообщеніе съ ронскими роялистами, и могъ сдѣлаться операціонною базою сильнымъ арміямъ, которыя не замедлили бы вторгнуться на поддержаніе ихъ.

Такимъ грознымъ несчастіямъ нужно было противупоставить сильныя мѣры и великую твердость духа. Мощный, главный дѣйствователь во всѣхъ революціонныхъ событіяхъ, ужасъ, приведенъ былъ въ движеніе. По наущенію комитета, 5-го Сентября, муниципальное правленіе Парижа, подъ предводительствомъ Шомета, стало требовать составленія революціоннаго войска и при немъ двѣнадцати судилищъ, для производства суда надъ заговорщиками, перекупщиками хлѣба и всѣми, противящимися исполненію законовъ. Барреръ, отъ имени комитета общественнаго спокойствія, предложилъ привесть въ исполненіе эти мѣры, а Дантонъ требовалъ, чтобы сто милліоновъ отданы были въ распоряженіе военнаго министра для заготовленія оружія и въ особенности ружей.

Эти мѣры скоро доказали всѣмъ Французамъ, что имъ остается одно средство спасти себя отъ гильотины: идти сражаться съ врагами; и всѣ спѣшили на границу, надѣясь на полѣ битвы найти болѣе безопасности, нежели внутри отечества, подъ сѣкирою палачей.

Вмѣстѣ съ общимъ ужасомъ, порожденнымъ революціонною арміею, возрастали національныя арміи. Скоро милліонъ людей, движимыхъ самыми различными чувствами, ринулся со всѣхъ сторонъ на союзниковъ, и многочисленный непріятель, отраженный на всѣхъ пунктахъ, изгнанъ былъ изъ предѣловъ Франціи. Такъ вышли мы побѣдителями изъ этой чудной борьбы, еще невиданной въ лѣтописяхъ міра.

Недостатокъ единодушія въ дѣйствіяхъ союзниковъ, расходящіяся направленія, по которымъ двинулись ихъ силы, послѣ взятія Валансьена и Майнца, благопріятствовали успѣху этихъ необычайныхъ мѣръ. Англичане подъ начальствомъ герцога іоркскаго осаждали Дюнкирхенъ. Принцъ кобургскій, предводительствовавшій Австрійцами, безуспѣшно осаждалъ Кенуа и Мобёжъ. Пруссаки атаковали Ландау, и прикрывали Кайзерслаутернъ, а Австрійцы, подъ предводительствомъ Вурмзера, усиливъ вейсембургскія линіи, угрожали Стразбургу.

По совѣту Карно, комитетъ предписалъ Гушару сосредоточить сѣверную армію, отрѣзать Англичанъ отъ Фюрна, и отбросить ихъ къ морю. Гушаръ разбилъ ихъ подъ Гондшотомъ, спасъ Дюнкирхенъ, и ударилъ потомъ на Голландцевъ. Но ему не удалось искуснымъ маневромъ отбросить непріятеля къ морю, какъ ему было предписано и его казнили за то, что онъ не съумѣлъ одержать полной побѣды, и атаковалъ непріятелей съ фронта, когда могъ отрѣзать ихъ сообщенія.

Армія Гушара, предводимая Журданомъ, направилась на поддержаніе

Владиміръ Константиновичъ
Гамаре

Мобёжа. Принцъ кобургскій осаждалъ эту крѣпость съ 40 тысячами, прикрываясь съ тылу 25 тысячнымъ корпусомъ Клерфе. Этотъ наблюдательный отрядъ былъ разбитъ при Ватиньи, въ разстояніи двухъ льё отъ осадной арміи, которая поспѣшно отступила. Часть побѣдителей подъ начальствомъ Гоша поспѣшила на выручку Ландау; сначала она была отражена герцогомъ брауншвейгскимъ, занявшимъ неприступную позицію у Кайзерслаутерна. Но Гошъ, предводительствовавшій горстью храбрыхъ, вышелъ анвейлерскою долиною на правый флангъ Австріійцевъ, и, примкнувъ къ лѣвому флангу Пишегрю, опрокинулъ ихъ при Вертѣ, Рейхсгофенѣ и Гейсбергѣ. Союзники были повсемѣстно оттѣснены и отброшены къ Мангейму; земля французская была очищена отъ враговъ. Заслуженный успѣхъ увѣнчалъ искусныя дѣйствія нашихъ войскъ. Келлерманъ покорилъ Ліонъ и отбросилъ Сардинцевъ въ Піемонтъ. Дюгомье, съ дивизіею ницкой арміи и съ 40 тысячами національной гвардіи, взялъ обратно Тулонъ; Клеберъ, Марсо и Канкло, послѣ невѣроятныхъ усилій, усмирили мятежи въ Вандеѣ, гдѣ, съ такимъ неслыханнымъ остервенѣніемъ, Французы проливали кровь Французовъ.

Эти славные подвиги запятнаны были новою, звѣрскою жестокостью якобинцевъ: они не устыдились повлечь на эшафотъ прекрасную супругу Людовика XVI, тогда несчастную вдову, Марію Антуанетту. Она была дочь Маріи Терезіи, и эта родственная связь съ Австріею, подала предлогъ къ обвиненію королевы въ составленіи коалиціи. Этого было слишкомъ достаточно для Фукье-Тенвиля и кровожадныхъ тигровъ, засѣдавшихъ въ революціонномъ судилищѣ, чтобы приговорить ее къ смерти.

Подобное положеніе дѣлъ не могло долго продолжаться, и надобно было ожидать новаго, грознаго переворота. Своею блистательною политикою, Франція еще такъ недавно пріобрѣла столько сильныхъ союзниковъ, а теперь всѣ они пристали къ врагамъ ея; она истощила всѣ внутреннія силы, чтобы бороться съ ними. Независимо отъ Англіи, противъ нея возстали Россія, Австрія, Пруссія, Германская имперія, Голландія, Италія и Испанія; даже съ соединенными американскими штатами мы не остались въ мирѣ. Почти постоянные союзники наши, Австріійцы и Испанцы, вмѣстѣ съ Англіею, сдѣлались злѣйшими врагами французской республики. Къ тому же колоніальная и морская системы были потрясены до основанія. Мысли свободы и равенства проникли въ наши колоніи и произвели тамъ такіе же перевороты, какъ и въ метрополіи. Завистливая Англія разжигала ихъ всѣми средствами; въ особенности на островѣ Санъ-Доминго обнаружились они съ ужасающею силою. Мелкопомѣстные бѣлые возстали противу богатыхъ бѣлыхъ, составлявшихъ колоніальную аристократію; мулаты требовали особенныхъ правъ, утвержденныхъ національнымъ собраніемъ и оспориваемыхъ у нихъ бѣлыми. Негры раздѣлились сначала между этими тремя различными партіями; но вскорѣ потомъ образовали свою собственную, четвертую. Въ крови

африканской, подъ жгучимъ солнцемъ экватора, пылъ страстей сильнѣе, чѣмъ у насъ въ Европѣ. Скоро весь островъ объятъ былъ пламенемъ, и залитъ кровію. Злодѣянія, совершившіяся въ то время, превзошли даже звѣрскую лютость завоевателей карибскихъ.

Бѣлые аристократы охотнѣе вступали подъ знамена Англіи, чѣмъ разставались съ своими правами и преимуществами. Думая спасти колонію и привязать къ себѣ жителей, Сантонаксъ объявилъ независимость Негровъ на дымящихся развалинахъ Капа; но этимъ онъ только увеличилъ кровавые безпорядки.

Благодаря множеству наборовъ и эмиграціи, ваканціи безпрестанно открывались и производство шло быстро. Въ 1792–мъ году, мнѣ предложили начальство надъ баталіономъ національныхъ волонтеровъ, назначеннымъ въ сардинскую экспедицію: я согласился. Артиллеристы надо мной смѣялись, но я заранѣе уже расчиталъ всѣ ступени, по которымъ скорѣе можно было добраться до высшей власти, и первый шагъ былъ сдѣланъ. Возвратясь изъ экспедиціи, я снова перешелъ въ артиллерію штабъ–офицеромъ. Мнѣ было тогда двадцать четыре года.

Въ это время я былъ еще всею душою республиканецъ; меня плѣняли и увлекали подвиги Грековъ и Римлянъ. Опытность въ дѣлахъ и знаніе людей скоро образумили меня; но я вѣрилъ еще, что можно, не отнимая свободы народной, удержать силу властей и законовъ.

До осады Тулона я велъ жизнь незначащую. Тутъ, въ званіи баталіоннаго командира, я уже могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на успѣхъ осады, при которой былъ младшимъ начальникомъ артиллеріи. Въ концѣ Августа 1793–го года, когда Тулонъ и флотъ нашъ преданы были измѣною союзникамъ, Ліонъ также поднялъ бѣлое знамя. Въ Лангедокѣ и Провансѣ междоусобная война была еще не совершенно утушена. Испанская армія, перешедъ Пиренеи, заняла Русспльонъ. Армія піемонтская перешла Альпы и стояла у Шамбери и Антиба. Союзники не понимали всей важности своего завоеванія. Если бы тридцать тысячъ бывшихъ тутъ Сардинцевъ, Неаполитанцевъ, Испанцевъ и Англичанъ присоединились въ Тулонѣ къ двѣнадцати тысячамъ, тамъ находившимся, то они бы могли приступить къ Ліону, примкнувъ правымъ флангомъ къ піемонтской, а лѣвымъ къ испанской арміи.

Шесть недѣль прошло въ сборѣ войскъ и приготовленіяхъ къ осадѣ. Октября 15–го былъ созванъ военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ члена конвента, Гаспареня. Читали планъ осады Тулона, одобренный комитетомъ инженеровъ и составленный знаменитымъ д'Арсономъ. Я противорѣчилъ, и предложилъ другой, гораздо простѣйшій. Весьма вѣроятно было, что союзники не бросили бы двѣнадцати тысячъ войскъ своихъ въ Тулонѣ, если бы мы успѣли овладѣть двумя укрѣпленіями, обстрѣливающими входъ рейда съ обѣихъ сторонъ, и при первой опасности потерять сообщенія съ англійскимъ флотомъ, гарнизонъ былъ бы принужденъ оставить крѣпость, или сдаться въ плѣнъ. Если бы этотъ

планъ тогда же приведенъ былъ въ исполненіе, мы легко и скоро достигли бы своей цѣли; но медлительность наша дала непріятелю время построить фортъ Мюльгревъ. Не смотря на это, когда предложеніе мое было принято, мы, не разрушая крѣпости, въ одинъ мѣсяцъ овладѣли ею. Декабря 18-го мы вступили въ Тулонъ, но успѣли спасти только половину эскадры; остальная же часть, арсеналъ и верфь были сожжены вѣчными врагами нашей славы и благоденствія.

Произведенный въ бригадные генералы, я посланъ былъ, въ началѣ 1794-го года, въ италіянскую армію, начальникомъ артиллеріи. Главнокомандующій нашъ, генералъ Дюмербіонъ, былъ человѣкъ бездарный и уже пожилой. Начальникъ штаба его, человѣкъ ученый, но также весьма посредственный. Война тянулась безъ всякаго искусства въ приморскихъ Альпахъ. Предложенный мною планъ, обойти знаменитую позицію при Саорджіо былъ выполненъ съ большимъ успѣхомъ. Я сдѣлалъ новое предложеніе: соединить подъ Конп альпійскую и италіянскую арміи, чрезъ что мы легко овладѣли бы Піемонтомъ и безъ большаго затрудненія достигли р. По. Начальникъ штаба альпійской арміи возсталъ противъ этого, потому что соединивъ обѣ арміи, нужно было уже зависѣть отъ одного общаго начальника; а оба генерала желали предводительствовать; къ тому же нужно было испрашивать согласіе комитета общественнаго спокойствія, который хотѣлъ изъ Парижа управлять войною.

Между тѣмъ я довелъ италіянскую армію до Савоны и Чевы, избавивъ этимъ движеніемъ Геную отъ угрожавшихъ ей войскъ коалиціи. Наступленіе зимы и новыя, строгія предписанія комитета остановили наши дальнѣйшія дѣйствія.

Въ то же время другая французская армія, состоявшая изъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, заняла Бельгію и Пфальцъ, разбила союзниковъ при Тюркуенѣ, Флёрюсѣ и Кайзерслаутернѣ, на Уртѣ и на Роерѣ; отбросила Англичанъ, Голландцевъ, Австрійцевъ и Пруссаковъ за Рейнъ, и вступила торжественно въ Брюссель, Антверпенъ и Маастрихтъ. По льду переправились войска наши чрезъ Вааль и Маасъ, и торжественно вступили въ Амстердамъ, Кёльнъ и Кобленцъ. Другія двѣ арміи, подъ начальствомъ Дюгомье, Перпиьона и Монсея, заняли Каталонію и Бискаію послѣ двухъ блистательныхъ побѣдъ при Фигьерѣ и Санъ-Марсіалѣ. Наконецъ, стотысячная армія, посланная противъ роялистовъ, съ трудомъ усмиряла Бретань и Вандею.

Но между тѣмъ, какъ республиканское оружіе торжествовало на всѣхъ границахъ Франціи, флотъ нашъ понесъ страшное пораженіе. Мы терпѣли голодъ; въ Брестѣ ждали припасовъ изъ Америки, и двадцать пять линейныхъ кораблей выступили на встрѣчу, чтобы обезпечить ввозъ продовольствія въ гавань. Англійскій адмиралъ Гау, предводительствовалъ такими же силами. Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андре принудилъ Вилларе-Жойёза къ сраженію. Экипажъ нашъ состоялъ изъ небольшаго числа старыхъ моряковъ, дурно расположенныхъ

къ республикѣ, и молодыхъ, ревностныхъ республиканцевъ, но неопытныхъ офицеровъ. Сражались мужественно, но не искусно. Порядокъ, хладнокровіе, опытность и тактика Англичанъ восторжествовали надъ худо-руководимою храбростью. Мы потеряли семь кораблей; изъ нихъ нѣкоторые потонули, другіе достались побѣдителямъ, и флотъ нашъ на Океанѣ былъ приведенъ въ бездѣйствіе. Флотъ Средиземнаго моря также много потерпѣлъ отъ пожара въ Тулонѣ.

Съ этихъ поръ все предсказывало потерю нашихъ колоній: Мартиника вѣроломно предана была Англичанамъ; а въ Санъ-Доминго два года уже бунтовали Негры, свирѣпствовали пожары и кровопролитія. Пораженіе флота имѣло пагубное вліяніе на колоніи, потеря которыхъ въ свою очередь вредила флоту; потому что, съ этихъ поръ, мы перестали получать оттуда матросовъ. Едва только началась война, и торжество Англіи на морѣ было уже обеспечено.

Между тѣмъ на сѣверѣ свершались перевороты менѣе кровавые, но не менѣе важные. Слава нашихъ успѣховъ пробудила Поляковъ. Королевская гвардія стала въ главѣ возмущенія. Русскіе прогнаны были изъ Варшавы, изъ Вильно и изъ большей части занятыхъ ими областей. Косцюшко, провозглашенный генералиссимусомъ, успѣлъ собрать шестьдесятъ тысячъ войска; но онъ долженъ былъ сражаться съ тремя арміями. Екатерина послала въ Польшу грознаго побѣдителя Турокъ. Король прусскій двинулся самъ къ Варшавѣ, былъ отраженъ и, принужденный снять осаду, отступилъ къ Вартѣ. Косцюшко былъ разбитъ Русскими и взятъ въ плѣнъ.

Одержавъ двѣ побѣды, Суворовъ подошелъ къ Варшавѣ, взялъ приступомъ Прагу, и разсѣялъ остатки польской арміи. За тѣмъ послѣдовалъ окончательный раздѣлъ королевства.

Внутренность Франціи представляла еще мрачный видъ, хотя сами якобинцы, страшась власти Робеспьера, казнили его съ главными сообщниками, Сенъ-Жюстомъ, Кутономъ и Леба (*). Не смотря на возвращеніе нѣкоторой умѣренности въ партіи монтаньяровъ, нужно было всего опасаться отъ возстанія, готоваго вспыхнуть и снова возжечь во Франціи всѣ ужасы войны междуусобной. Первымъ слѣдствіемъ этихъ событій было постановленіе о ежемѣсячной перемѣнѣ членовъ комитета общественнаго спокойствія. Столь пагубная мысль могла быть внушена только врагами республики!

Однакоже, не смотря на непрочность такаго управленія, торжество партіи умѣренныхъ успѣло избавить насъ отъ двухъ сильныхъ непріятелей. Наша внѣшняя политика, упавшая отъ ошибокъ революціоннаго правленія, начинала мало по малу оживляться. Буасси д'Англа, въ очень умной рѣчи, выставилъ явное желаніе возврата къ мыслямъ, болѣе осно-

(*) Увѣряютъ, что Робеспьеръ былъ низвергнутъ самою партіею террористовъ за то, что совѣтовалъ возвратиться къ правосудію, менѣе кровавому. Роль этого удивительнаго человѣка еще худо объяснена. Едва ли разгадаетъ ее совершенно и позднѣйшая исторія.

Дніпропетровська обласна бібліотека

вательнымъ, умѣреннымъ и справедливымъ. Слѣдствіемъ этого былъ базельскій трактатъ съ Пруссіею и Испаніею. Фридрихъ Вильгельмъ, предвидя для себя болѣе выгодъ отъ Польши, нежели отъ войны съ Франціею, отсталъ отъ коалиціи и занялся дѣлами Сѣвера. Мадритскій кабинетъ, воевавшій съ нами единственно изъ мести за смерть Людовика XVI, почувствовалъ наконецъ, что выгоды народныя дороже всего, и что онъ, по неосторожности, сдѣлался помощникомъ Англіи, которой первенства долженъ былъ страшиться болѣе, нежели насъ. Партія умѣренныхъ имѣла даже вліяніе на судьбу королевской фамиліи. Дофинъ, подъ именемъ Людовика XVII, томившійся въ стѣнахъ тампля, изнемогъ отъ жестокой болезни; но сестра его, нынѣ герцогиня ангулемская, была выдана Австріи, въ замѣнъ удержанныхъ тамъ нашихъ пословъ и депутатовъ, преданныхъ измѣнникомъ Дюмурье. Людовикъ XVIII жилъ въ Веронѣ; а братъ его, графъ д'Артуа, возвратившись въ Англію съ двумя своими сыновьями, намѣревался сдѣлать высадку въ западныя области, готовыя поддерживать его съ оружіемъ въ рукахъ; наконецъ, три сына герцога орлеанскаго получили отъ директоріи паспорты для отправленія въ Америку: старшій изъ нихъ, герцогъ шартрскій, отличившійся въ войнѣ подъ начальствомъ Дюмурье, жилъ въ Швейцаріи подъ вымышленнымъ именемъ; другіе два содержались въ сенъ-жанскомъ фортѣ въ Марсели.

Таково было общее положеніе дѣлъ въ началѣ 1795 года. При преобразованіяхъ, сдѣланныхъ въ это время знаменитымъ распоряженіемъ Обри въ организаціи нашихъ войскъ, я остался безъ должности. Меня причислили къ генераламъ, служившимъ въ Вандеѣ; но я отказался и отправился въ Парижъ. Здѣсь я могъ быть полезенъ: Келлерманъ былъ разбитъ въ Апеннинахъ, и комитетъ, поручивъ мнѣ составить планъ для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ въ Италіи, назначилъ меня въ военный комитетъ.

Со времени покоренія Голландіи, войска наши шесть мѣсяцевъ стояли въ бездѣйствіи за Рейномъ; но внутреннія безпорядки не утихали. Якобинцы, желая возвратить власть, потерянную ими съ паденіемъ Робеспьера, взбунтовали парижскія предмѣстья противъ конвента.

Свирѣпствовавшій тогда голодъ былъ предлогомъ ихъ возмущенія. Бунтовщики ворвались въ конвентъ, но большая часть жителей провозгласила себя его защитниками и возстала противу террористовъ. Республиканцы спасли депутатовъ отъ кинжаловъ убійцъ, а Пишегрю, предводительствуя отрядомъ войскъ, обезоружилъ мятежныя предмѣстія.

Это возмущеніе подало сигналъ всѣмъ южнымъ провинціямъ. Роялисты, думая, что настало время дѣйствовать рѣшительно, соединили всѣ корпуса эмигрантовъ, служившія на жалованьѣ у Англичанъ, и посадили ихъ на суда, чтобы, подъ начальствомъ графа д'Артуа, сдѣлать высадку на полуостровъ Киберонъ; но эта высадка произведена была не одновременно, въ три отдѣленія. Гошъ, освобожденный изъ темницъ Робеспьера и назначенный главнокомандующимъ войска, посланъ былъ отразить

непріятелей. Онъ былъ дѣятеленъ и успѣлъ принять нужныя мѣры. Напавъ на первыя двѣ высадки, стѣсненныя на узкой полосѣ земли, онъ взялъ замыкавшее полуостровъ укрѣпленное мѣсто Пентьевръ; разгромилъ своею артиллеріею весь отрядъ, оттѣснилъ его къ морю и, послѣ кровопролитнаго, упорнаго боя, заставилъ положить оружіе. Проконсулы конвента велѣли разстрѣлять плѣнныхъ; между ними погибло до двухъ сотъ отличныхъ офицеровъ стараго королевскаго флота.

Чудовищное правленіе временныхъ комитетовъ не могло быть продолжительно. Изъ членовъ конвента была избрана коммисія для составленія новыхъ законовъ. Предсѣдатель ея, Сіесъ, надѣялся уравновѣсить всѣ власти и основать избирательное правленіе. Имъ составлена была конституція III года, въ слѣдствіе которой установленъ былъ законодательный совѣтъ изъ пяти сотъ членовъ. Всѣ постановленія, имъ издаваемыя, повѣрялись и разсматривались въ другомъ совѣтѣ старѣйшинъ. Треть членовъ каждаго совѣта должна была ежегодно перемѣняться; а исполнительная власть ввѣрена была директоріи, состоявшей изъ пяти членовъ, совершенно подчиненныхъ власти законодательной и избираемыхъ на пять лѣтъ. Эти учрежденія имѣли много преимуществъ предъ прежнимъ правленіемъ; и хотя примѣненіе ихъ къ дѣйствительности было довольно опасно, но народъ, утомленный революціонными бурями, видѣлъ въ этой конституціи послѣдній залогъ своего успокоенія. Конвентъ, опасался вліянія своихъ противниковъ въ выборахъ, издалъ два постановленія, по которымъ двѣ трети членовъ законодательнаго совѣта должны были быть избраны изъ среды ихъ, и родственники эмигрантовъ не могли участвовать въ законодательствѣ: этимъ партія республиканская надѣялась удержать на своей сторонѣ большинство голосовъ.

Враги конвента воспользовались ненавистью Парижанъ къ якобинцамъ, и возмутили чернь противъ этихъ постановленій, которыя, казалось увѣковѣчивали власть конвента. Изъ сорока восьми частей города, болѣе тридцати, каждая съ своимъ баталіономъ національной гвардіи, вооружились противу конвента и новыхъ постановленій. Агенты роялистовъ, пользуясь такимъ расположеніемъ умовъ, надѣялись произвести новые перевороты во Франціи.

Конвентъ рѣшился оружіемъ заставить повиноваться, а народъ готовился дать отпоръ силѣ силою. Я не хотѣлъ вмѣшиваться въ эти раздоры, потому что занимался гораздо болѣе внѣшнею войною, нежели внутреннею политикою, и надѣялся избѣжать участія въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Если бы 150,000 Австрійцевъ не стояли подъ стѣнами Стразбурга, а сорокъ англійскихъ кораблей передъ Брестомъ, быть можетъ я принялъ бы сторону народа; но, когда государство въ опасности, всякій вѣрный гражданинъ обязанъ дѣйствовать въ духѣ правительства.

Мнѣ предложили предводительствовать войсками, подъ главнымъ начальствомъ Барраса, противъ Парижанъ. Какъ генералу, мнѣ приличнѣе

было начальствовать надъ войсками, нежели броситься въ ряды черни; тѣмъ болѣе, что этого требовала польза Франціи. Я согласился и тотчасъ же велѣлъ привезть артиллерію изъ Медона; у насъ было пять тысячъ войска и сорокъ орудій. Этого было достаточно для усмиренія безпорядковъ, но не для дѣйствій противъ національной гвардіи, хорошо устроенной и снабженной артиллеріею. Къ намъ присоединилось еще 1500 патріотовъ, раздѣленныхъ на три баталіона.

13-го Вандеміера (4-го Октября) народное ополченіе двинулось противъ конвента. Одна изъ колоннъ, вышедъ изъ улицы Сентъ-Оноре, на погибель свою, атаковала насъ. Я открылъ огонь изъ орудій и, обративъ ее въ бѣгство, преслѣдовалъ до церкви Св. Роха. Улица была такъ узка, что можно было выдвинуть только одно орудіе, и нѣсколько выстрѣловъ совершенно разсѣяли толпу. Въ полчаса все было кончено. Та же участь постигла колонну, шедшую черезъ королевскій мостъ. Это происшествіе, ничтожное само по себѣ и стоившее менѣе двухъ сотъ человѣкъ съ каждой стороны, имѣло важныя послѣдствія: революція не могла уже утихнуть. Я, разумѣется, остался приверженцомъ той стороны, за которую сражался.

Ничтожный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ доставилъ мнѣ чинъ дивизіоннаго генерала и увеличилъ извѣстность мою. Побѣдители опасались своей побѣды, и удерживали меня противъ воли въ столицѣ.

Я тѣмъ болѣе досадовалъ на свое невольное бездѣйствіе въ Парижѣ, что армія наша на Рейнѣ терпѣла страшныя неудачи отъ измѣны Пишегрю. Побѣдитель Голландіи, недовольный республикою, вступилъ въ переписку съ эмигрантами. Комитетъ вручилъ ему главное начальство. Журданъ перешелъ Рейнъ въ Дюссельдорфѣ, для обложенія Майнца. Пишегрю, командовавшій десятью дивизіями на верхнемъ Рейнѣ, переправилъ только двѣ изъ нихъ въ Мангеймѣ, и двинулъ ихъ отдѣльно на Гейдельбергъ между двухъ австрійскихъ армій Вурмзера и Клерфе; дивизіи эти были разбиты и отброшены въ Мангеймъ. Клерфе, соединивъ тогда значительныя силы, атаковалъ лѣвое крыло Журдана и заставилъ его перейти обратно Рейнъ, при Нёйвидѣ. Австрійцы двинулись потомъ изъ Майнца противъ трехъ другихъ дивизій, составлявшихъ лѣвое крыло Пишегрю, атаковали ихъ укрѣпленныя линіи и отбросили къ Вейсембургу. Журдану оставалось одно: отступить къ Гундсрюку, на соединеніе съ рейнскою арміею; но она была уже оттѣснена къ Ландау.

Въ Италіи мы были счастливѣе. Шереръ, направленный туда съ частію пиренейскихъ побѣдоносныхъ войскъ, привелъ въ исполненіе планъ, составленный мною, когда я былъ еще членомъ военнаго комитета. Блистательная побѣда при Лоано осуществила мои предначертанія; но ею не умѣли вполнѣ воспользоваться, хотя она и передала во власть нашу часть аппенинскаго хребта до Савоны и истоковъ Бормиды.

Новая директорія образовалась. Необходимость назначить въ число членовъ ея человѣка, способнаго

управлять военными дѣйствіями, заставила избрать Карно. Благодарность и происки ввели туда Барраса; Ревбель избранъ былъ людьми, считавшими себя политиками; случай назначилъ остальныхъ членовъ. Странно было только то, что Сіесъ, основатель этой новой власти, не былъ въ числѣ директоровъ.

Пребываніе мое въ Парижѣ становилось для меня несносно; я съ нетерпѣніемъ ждалъ новаго правительства, которое бы дало новую пищу моей дѣятельности. Въ это время познакомился я со вдовою Богарне, умною, любезною женщиною, изъ хорошей фамиліи. Я скучалъ въ обществѣ женщинъ, не сообразномъ ни съ моими наклонностями, ни съ характеромъ, и чувствовалъ себя въ немъ связаннымъ; но мнѣ нужно было имѣть супругу, и я рѣшился вступить въ бракъ съ Жозефиною (*).

Я имѣлъ случай говорить съ Карно, объяснилъ ему прежнія мои предположенія касательно Піэмонта, отвергнутыя комитетомъ въ 1794-мъ году и касательно покоренія Италіи, по начертаніямъ которыхъ дѣйствовалъ Шереръ. Карно одобрилъ ихъ и имѣлъ случай оцѣнить мои способности.

(*) Когда отбирали оружіе у жителей Парижа, послѣ 13-го Вандеміера, Жозефина должна была отдать шпагу генерала Богарне, и прислала потомъ за нею пятнадцатилѣтняго сына своего Евгенія. Сынъ рыдалъ, принимая изъ рукъ моихъ шпагу своего несчастнаго отца; я былъ тронутъ, и пошелъ самъ къ его матери. Узнавъ, я полюбилъ ее; вотъ достовѣрное начало нашихъ сношеній, о которомъ писали столько нелѣпостей.

Главное начальство надъ внутренними войсками могло бы меня довести до предводительствованія дѣйствующею арміею, если бы я успѣлъ внушить къ себѣ довѣріе правительства. Жадный къ славѣ, я обозрѣвалъ положеніе Франціи и Европы, и старался, посредствомъ сношеній моихъ съ директоріею и министрами, свыкнуться съ новыми соображеніями нашей политики. Австрія, Англія, Германія, Сардинія, Россія, Неаполь, Папа были въ союзѣ противу насъ. Пруссія и Испанія, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, заключили съ нами договоры въ Базелѣ; но двусмысленное ихъ отношеніе къ Франціи ограничивалось только строгимъ неутралитетомъ. Швеція и Данія устояли противъ наущеній лондонскаго кабинета и не нарушали правъ мореплаванія. Самостоятельность Польши пала: въ Маѣ мѣсяцѣ свершенъ былъ окончательный раздѣлъ этой страны. Оттоманская Порта была въ это время чужда событій Европы. Португалія, данница Англіи, участвовала въ экспедиціи противъ Тулона и въ войнѣ испанской, въ Пиренеяхъ; но, послѣ базельскаго договора, намѣревалась уже отступиться отъ союза, въ которомъ нашла однѣ потери, безъ всякой надежды на вознагражденіе.

Цвѣтущія колоніи наши въ С. Доминго пылали пожаромъ возмущеній; Мартиника была въ рукахъ Англичанъ. Флотъ нашъ былъ почти уничтоженъ отъ пораженія, понесеннаго при Уэссанѣ, отъ эмиграціи лучшихъ офицеровъ и отъ постыдной сдачи Тулона. Въ Индіи потеряли мы послѣдній пунктъ, Пондишери, и сохранили

только однаго стараго союзника Типпоо-Саиба, султана мизорскаго, грознаго противника могущества Англичанъ.

Такимъ образомъ мы должны были вести двойную войну: и на морѣ, и на твердой землѣ. Австрія, казалось, готова была слѣдовать примѣру Пруссіи, и заключить миръ, потому что значительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя ею въ Польшѣ, могли вознаградить ее за понесенныя неудачи. Если она и продолжала военныя дѣйствія, то уже не столько по первоначальнымъ причинамъ войны, сколько изъ надежды возвратить Нидерланды.

Декретомъ конвента положено было окончательное присоединеніе Бельгіи къ Франціи. Кабинетъ вѣнскій тѣмъ менѣе расположенъ былъ согласиться на это, что измѣна Пишегрю подавала ему надежду вытѣснить насъ изъ Бельгіи.

Военныя неудачи на Рейнѣ дали такой оборотъ дѣйствіямъ въ Германіи, что уже нельзя было надѣяться предписать миръ Австріи и принудить ее уступить Бельгію. Война въ Германіи не имѣла столь непосредственнаго вліянія на дворъ вѣнскій, чтобы заставить его отказаться отъ этой важной страны, которую онъ надѣялся возвратить съ помощію Англіи, старавшейся, можетъ быть, больше императора, лишить насъ этихъ приморскихъ областей. И такъ, намъ оставалось одно средство: вторгнуться въ Италію и нанесть непосредственный и сильный ударъ Австріи, въ ея ломбардскихъ провинціяхъ. Сверхъ того нужно было привесть въ страхъ и мелкихъ владѣльцевъ Италіи, составившихъ союзъ противъ насъ. Планъ этотъ былъ тѣмъ естественнѣе, что предложенія, сдѣланныя туринскому двору, чрезъ посредство Испаніи, обнадеживали союзъ нашъ съ королемъ сардинскимъ.

Директорія могла пріобрѣсть общую довѣренность только успѣхами. Планъ мой, самъ по себѣ весьма простой, обѣщалъ ей блистательныя побѣды и заслужилъ всеобщее одобреніе. Меня назначили главнокомандующимъ италіянской арміи, чтобы привести его въ исполненіе.

Рѣшено было, чтобы я, движеніями моего праваго фланга, старался чрезъ Монферратъ спуститься въ Ломбардію и всѣ силы свои устремилъ на Австріійцевъ, съ цѣлью отклонить Піэмонтъ отъ союза съ ними. Вновь преобразованныя войска наши въ Германіи должны были, съ конца Апрѣля, дѣйствовать наступательно и стараться перейти Рейнъ. Журданъ командовалъ 70,000 на нижнемъ Рейнѣ, а Моро почти такими же силами въ Альзасѣ; первый долженъ былъ блокировать Маинцъ 30 тысячами и двинуться во Франконію съ остальными 40 или 45; второй долженъ былъ прикрывать Мангеймъ и итти въ Швабію; имъ предположено было соединиться посреди Баваріи; я же долженъ былъ двинуться на Эчь, если бы побѣдами своими успѣлъ отторгнуть Піэмонтъ отъ коалиціи, или, въ случаѣ несогласія на миръ короля сардинскаго, свергнуть его съ престола. Директорія дала мнѣ прекрасныя наставленія въ этомъ родѣ; но онѣ были только копіею съ собственныхъ моихъ плановъ, составленныхъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, для комитета, когда исполненіе ихъ поручено было Шереру.

ГЛАВА II.

Болье наступаетъ къ Генуѣ. Армія его прорвана въ центрѣ. Сраженія при Монтенотте, Миллезимо, Дего, Мондови. Движеніе на Туринъ. Отдѣльный миръ съ Піемонтомъ. Перемиріе съ герцогами пармскимъ и моденскимъ. Переправа черезъ По въ Піаченцѣ. Дѣло при Лоди. Вступленіе въ Миланъ. Возмущеніе въ Ломбардіи. Переправа черезъ Минчіо. Перемиріе съ Неаполемъ. Занятіе Вероны. Двусмысленныя отношенія Венеціи. Положеніе Италіи. Экспедиція противъ Рима. Занятіе Ливорно Осада миланской цитадели. Перемиріе съ Папою. Осада Мантуи. Вурмзеръ наступаетъ съ новою арміею, и заставляетъ снять осаду. Онъ разбитъ при Лонато и Кастильоне и оттѣсненъ въ Тироль Въ то время, какъ Вурмзеръ снова приближается къ Мантуѣ по долинѣ Бренты, Италіянская армія достигаетъ Тренте Прекрасное движеніе Бонапарте. Сраженія при Ровередо, Тренте и Бассано. Вурмзеръ осажденъ въ Мантуѣ. Внутреннее состояніе Италіи. Устройство республикъ. Сентъ-иль-дефонзскій оборонительный и наступательный союзъ съ Испаніею. Англичане очищаютъ Корсику. Дѣйствія французскихъ войскъ въ Германіи. Альвинци идетъ на помощь къ Вурмзеру. Сраженія при Бассано, Тренте, Риволи и Арколе. Предположеніе экспедиціи въ Ирландію. Безуспѣшныя переговоры. Новыя попытки Альвинци Сраженіе при Риволи. Сдача Мантуи. Экспедиція противъ церковныхъ владѣній. Толентинскій миръ.

—

Въ половинѣ Марта я отправился къ арміи. Подкрѣпленія, присланныя къ ней изъ Пиренеевъ, послѣ базельскаго мира, были изнурены и кампаніею Шерера, и болѣзнями, усилившимися здѣсь отъ жестокой зимы и недостатковъ, среди безплодныхъ скалъ Лигуріи. Въ италіянской арміи считалось до шестидесяти тысячъ (*), но нужно было отдѣлить треть для охраненія Тулона, Антиба, Ницы и прохода Коль-де-Тенде, такъ, что всего оставалось тысячъ сорокъ войска, терпѣвшаго недостатокъ во всемъ. Три года тянулась война въ Италіи безъ всякой цѣли; дрались единственно потому, что еще не было заключено мира. Я рѣшился обратить на себя вниманіе, давъ другое направленіе войнѣ, и готовилъ непріятелю удары сильные и рѣшительные.

Раздѣленная послѣ паденія Римской имперіи на множество мелкихъ, соперничествующихъ владѣній, независимыхъ между собою и завидующихъ другъ другу, Италія существовала подъ этимъ именемъ только на картѣ.

Добрый Викторъ Амедей III царствовалъ въ Піэмонтѣ. Супружество двухъ дочерей съ братьями Людовика XVI-го, наслѣдниками французскаго престола, привязывало его къ дому Бурбоновъ; золото Англіи, опасность распространяемыхъ нами идей и семейственныя отношенія заставили

(*) Силы дѣйствующей арміи въ Италіи простирались до 42-хъ тысячъ, изъ коихъ 38 подъ ружьемъ. Армія (альпійская) Келлермана, расположенная въ Савоѣ, имѣла 20 тысячъ. Непріятельскихъ австро-сардинскихъ войскъ, на протяженіи отъ Монъ-Блана до Генуэзскаго залива, было 80 тысячъ.

сго принять участіе въ коалиціи; но вліяніе Австріи никому не нравилось въ Турине, и министръ Виктора Амедея, Даміанъ де Пріокка, хотя преданный вѣнскому кабинету, ожидалъ только случая, чтобы отступиться отъ борьбы, въ которой очевидно нельзя было ничего выиграть. Дѣйствительно, если бы коалиція и восторжествовала, чего могъ ожидать король сардинскій? Могъ ли онъ требовать французскихъ областей у принцевъ, связанныхъ съ нимъ узами родства? Если бы, напротивъ, коалиція претерпѣла неудачи, онъ первый подвергался опасности потерять свои владѣнія. Когда уже Испанія, уступая пользѣ народной, сблизилась съ нами, нужно было ожидать, что и Піэмонтъ сдѣлаетъ тоже, при первомъ удобномъ случаѣ.

Комитетъ общественнаго спокойствія и директорія два раза покушались отклонить эту державу отъ коалиціи. Во второй разъ въ особенности посредничество Испаніи сильно поколебало короля. Собранъ былъ совѣтъ, чтобы рѣшить вопросъ о заключеніи отдѣльнаго мира. Маркизъ Сильва, человѣкъ съ большими военными достоинствами, едва не преклонилъ всѣхъ на нашу сторону сильными и убѣдительными доводами, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ. Но король и министръ Даміанъ де Пріокка держались союза съ вѣнскимъ кабинетомъ, болѣе изъ опасенія распространяемыхъ нами идей, чѣмъ изъ привязанности къ австрійскому дому. Маркизъ Альбарей съ такимъ жаромъ изобразилъ опасность, угрожавшую престолу, что одержалъ верхъ надъ краснорѣчивымъ своимъ соперникомъ. Англійское золото перетянуло вѣсы на сторону коалиціи. Не упустили случая замѣтить, что отъ Англіи можно было надѣяться получить гораздо болѣе, нежели отъ Франціи.

Домъ австрійскій властвовалъ въ Ломбардіи. Государь изъ этого же дома управлялъ тосканскимъ герцогствомъ. Австрія была связана узами родства съ герцогомъ моденскимъ, котораго единственная наслѣдница вступила въ бракъ съ эрцъ-герцогомъ Фердинандомъ. Внука Маріи Терезіи, сестра несчастной Маріи Антуанетты, раздѣляла престолъ неаполитанскій съ слабымъ Фердинандомъ IV. Смерть французской королевы, и австрійское произхожденіе королевы Каролины, вооружили ее противу всего французскаго.

Министръ Актонъ, родившійся въ Безансонѣ, отъ ирландской фамиліи, и служившій прежде во французскомъ флотѣ, раздѣлялъ эту ненависть по личнымъ непріятностямъ, которыя имѣлъ онъ въ нашей службѣ.

Король неаполитанскій принималъ до сей поры слабое участіе въ коалиціи; всего три тысячи человѣкъ послалъ онъ въ Тулонъ, въ 1793-мъ году, и послѣ взятія этой крѣпости, отозвалъ обратно. Теперь, увлекаемый своимъ министромъ и королевою Каролиною, онъ вдругъ рѣшился послать сильное подкрѣпленіе къ австро-сардинской арміи; намѣреніе запоздалое, которое трудно было согласить съ предъидущими его поступками, и еще труднѣе понять, послѣ заключеннаго нами мира съ Испаніею и Тосканою.

Маститый старецъ, Пій VI, былъ

въ это время папою. Совершенное уничтоженіе католицизма и богоотступничество во Франціи сдѣлали его непримиримымъ нашимъ врагомъ, болѣе страшнымъ для насъ своимъ моральнымъ вліяніемъ, нежели слабымъ войскомъ, которое онъ могъ выставить.

Венеціянская и генуэзская республики, оспоривавшія другъ у друга, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, торговлю на черномъ морѣ, въ Босфорѣ и на моряхъ восточныхъ, боровшіяся въ знаменитыхъ морскихъ битвахъ при Кариcто, Дарданеллахъ, Каліари, Сапіенцѣ, теперь довольствовались скромнымъ плаваніемъ около береговъ, подъ защитою своего неутралитета. Венеція, опутанная сѣтями Австріи, опасалась ее столько же, сколько и нашего демократизма, и думала только о поддержаніи мира. Правительство ея доказало это самымъ явнымъ образомъ, повинуясь безпрекословно требованію директоріи, предписавшей венеціянской республикѣ выслать изъ своихъ владѣній Людовика XVIII, который, удалившись въ Верону, и узнавъ о смерти дофина, объявилъ манифестомъ, что онъ вступаетъ на престолъ своихъ предковъ. Поступокъ этотъ, самъ по себѣ весьма невинный, возбудилъ ненависть и опасенія директоріи. Для Франціи было бы выгоднѣе, чтобы Людовикъ оставался въ незначащей республикѣ венеціянской, нежели чтобы онъ искалъ покровительства Англіи, или присутствовалъ въ арміи эмигрантовъ. Когда ему нельзя было воспретить пребываніе на твердой землѣ Европы, всего лучше было оставить его въ Венеціи, или въ Неаполѣ. Директорія же полагала иначе: узнавъ о сношеніяхъ его во Франціи съ комитетомъ роялистовъ, она потребовала отъ венеціянскаго сената, чтобы Людовикъ XVIII былъ изгнанъ изъ владѣній Венеціи. Напрасно возставалъ противъ этого благородный Пезаро; большинство голосовъ взяло верхъ. Венеція надѣялась избавиться отъ бурь войны своею унизительною покорностью: Людовикъ получилъ повелѣніе оставить венеціянскія владѣнія. Онъ уѣхалъ въ армію Конде, а оттуда въ Митаву, гдѣ Россія дала ему безопасное убѣжище. Отъѣзжая, онъ поручилъ русскому посланнику, Мордвинову, вычеркнуть имя Бурбоновъ изъ золотой книги венеціянской республики, и вытребовать оружіе и воинскіе доспѣхи Генриха IV, подаренныя ей нѣкогда, въ знакъ благосклонности этого великаго монарха.

Этотъ поступокъ венеціянскаго правительства, внушенный страхомъ, хотя и не объяснялъ настоящаго расположенія его къ намъ, но уже служилъ огромнымъ масштабомъ, по которому могли мы размѣрять свои требованія, если бы война привела насъ ко вратамъ Венеціи.

Генуа, захваченная, такъ сказать, на театрѣ войны, увидѣла въ 1793-мъ году гавань свою въ рукахъ англичанъ; а въ 1794-мъ наши войска равномѣрно нарушили неутралитетъ, пройдя черезъ владѣнія генуэзскія, для обхода Саорджіо.

Обѣ эти олигархическія республики страшились распространяемыхъ нами правилъ; но народъ, въ особенности генуэзскій, былъ привязанъ къ Франціи, съ которою велъ значительную торговлю.

Австрія, стараясь вооружить противъ насъ всѣ мелкія владѣнія Италіи, хотѣла созвать ихъ депутатовъ въ Медіоланѣ, чтобы составить общій союзъ, надъ которымъ, мало по малу, могла бы утвердить свою власть еще прочнѣе, нежели надъ германскимъ; но италіянскія владѣтельныя лица, казалось, отгадали ея намѣреніе, уклонились отъ этого предложенія и только послали вспоможеніе Австріи, одни людьми, другіе деньгами, или аммуниціею. Только великій герцогъ тосканскій возобновилъ дружескія сношенія съ Франціею, заключивъ съ нами договоръ, вскорѣ послѣ базельскаго мира.

Побѣда, одержанная 2-го Ноября Шереромъ, близъ Лоано, надъ австрійскимъ генераломъ Девинсомъ, хотя и была, сама по себѣ, успѣхомъ блистательнымъ, но ею не умѣли воспользоваться.

Я прибылъ въ Ниццу 27-го Марта; армія, недавно побѣдоносная, находилась теперь въ самомъ дурномъ положеніи. Разбросанная по высямъ аппенинскимъ отъ Савоны до Ормеи, она была слишкомъ растянута, а сообщенія ея съ Франціею, вдоль берега, въ направленіи почти параллельномъ непріятельской линіи, были весьма опасны.

Двѣ главныя дороги ведутъ изъ Ниццы въ Италію: одна поворачиваетъ къ сѣверу черезъ Саорджіо, и пересѣкаетъ большую цѣпь Альповъ въ Коль-де-Тенде; это большая Туринская дорога, черезъ Кони. Другая идетъ по той части аппенинскихъ горъ, которая огибаетъ генуэзскій заливъ; она тянется по берегу и часто, между громадами отвѣсныхъ скалъ и волнами моря, представляетъ весьма узкія дефиле; эта дорога ведетъ въ Геную и извѣстна подъ названіемъ *Коршишской*. Изъ Генуи въ Монферратъ ведетъ большая боккетская дорога, которая идетъ на Александрію. Между двумя горными проходами, тендскимъ и боккетскимъ, пролегаетъ еще третья дорога изъ Онельи въ Чеву, черезъ Гарессіо, удобопроходимая для артиллеріи. Другія дороги, не столь широкія и менѣе удобныя, ведутъ изъ Лоано и Савоны на Дего, изъ Сасселo и изъ Вольтри на Кампофреддо. Имѣя въ своей власти проходъ Коль-де-Тенде, съ самаго начала похода 1794-го года, италіянская армія могла бы спуститься на Кони, связавъ свои дѣйствія съ альпійскою; вмѣсто того ее оставляли въ бездѣйствіи на голыхъ, дикихъ скалахъ Лигуріи, отъ Тенде до Савоны. Подвозъ припасовъ съ моря былъ невозможенъ, и только торговля съ Генуею доставляла кое-какое продовольствіе войску. Эти мѣстныя обстоятельства заставили меня сдѣлать слѣдующее распредѣленіе арміи:

Дивизія Макара, состоявшая изъ трехъ тысячъ, охраняла Коль-де-Тенде; а пяти тысячная дивизія Серюрье, дорогу черезъ Гарессіо и Чеву.

Дивизіи Ожеро, Массены и Лагарпа (34 т.) находились въ окрестностяхъ Лоано, Финале и Савоны; авангардъ Лагарпа выдвинулся къ Вольтри, чтобы держать въ страхѣ Геную и обеспечивать постоянное сообщеніе съ этою кормилицею арміи, какъ называли ее наши солдаты.

Въ теченіи четырехъ лѣтъ войны, главная квартира спокойно оставалась въ Ниццѣ. Я перенесъ ее въ Альбенгу

по дурной коринишской дорогѣ, подъ огнемъ англійской флотиліи. Армія моя была въ точномъ смыслѣ армія спартанская. Не смотря на всѣ претерпѣваемыя ею недостатки, она дышала только любовью къ отчизнѣ и жаждою битвъ (*). Въ лохмотьяхъ, безъ обуви, съ самымъ скуднымъ пропитаніемъ, она не роптала на виновниковъ ея бѣдствій. Планъ мой былъ простъ: я требовалъ у генуэзскаго сената, въ возмездіе за обиду, нанесенную въ гавани этого города нашему фрегату «la Modeste», свободнаго пропуска чрезъ городъ и проходъ боккетскій, обѣщая за это отдалить навсегда театръ войны отъ границъ генуэзской республики и доставить ей покровительство нашего правительства, и союзъ съ нимъ.

Если бы сенатъ согласился, я вышелъ бы черезъ Генуу на лѣвый флангъ Австрійцевъ, разбилъ бы его, опрокинулъ на Александрію и отрѣзавъ отъ Піемонта, заставилъ бы сардинскаго короля отказаться отъ союза съ императоромъ; потомъ я соединился бы съ небольшою арміею Келлермана и преслѣдовалъ бы Больё до самаго Тироля.

Если же сенатъ не согласился бы исполнить мое требованіе, онъ не преминулъ бы выставить этотъ отказъ какъ доказательство приверженности къ союзникамъ, которые, въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія двинули бы впередъ свой лѣвый флангъ, чтобы предупредить меня у Боккетты; непріятельскія силы, растянутыя отъ Чевы до Генуи и собранныя въ значительномъ количествѣ только на флангахъ, подверглись бы всей силѣ моихъ ударовъ своей ослабленный и разобщенный центръ.

Союзники замѣнили Девинса престарѣлымъ Больё, воиномъ мужественнымъ, опытнымъ и предпріимчивымъ, но не обладавшимъ высшими воинскими способностями. Подкрѣпленія, прибывшія изъ Ломбардіи, и новые наборы, сдѣланные во владѣніяхъ короля сардинскаго, укомплектовали его армію, а неаполитанскій вспомогательный отрядъ долженъ былъ увеличить ее до восмидесяти тысячъ. Союзники надѣялись отмстить намъ за пораженіе при Лоано и вытѣснить насъ изъ Лигуріи. Но войска ихъ были дурно распредѣлены. Болѣе 25000 сардинцевъ, подъ предводительствомъ принца Карильяно, были разбросаны по всѣмъ проходамъ альпійскихъ горъ, отъ Аржантьера до Монъ-Блана; ихъ удерживала небольшая армія Келлермана.

Армія Больё и Колли, имѣвшая отъ 48-ми до 50-ти тысячъ человѣкъ, была растянута отъ Кони и Коль-де-Тенде до Боккетты, по направленію къ Генуѣ. Главнокомандующій самъ двинулся съ лѣвымъ флангомъ на Вольтаджіо и Оваду. Центръ его арміи стоялъ у Сасселло, а піемонтцы, составлявшіе правый флангъ, были

(*) Въ армію почти не высылали жалованья: офицеры не получали въ мѣсяцъ болѣе 10 франковъ. Я сдѣлалъ щедрое вспоможеніе генераламъ, выдавъ по 3, или по 2 золотыя монеты, на подъемъ къ походу. Одежда, обувь, раздача провіанта были въ самомъ неисправномъ положеніи. Непріятель называлъ насъ въ насмѣшку, героями въ лохмотьяхъ. Онъ не ошибался: мы были дѣйствительно и герои, и въ лохмотьяхъ.

въ Чевѣ. Здравый разсудокъ ясно показывалъ, что надобно было прорвать эту длинную паутину въ центрѣ; я рѣшился дѣйствовать сообразно съ этою мыслію, а счастье помогло выполнить ее съ полнымъ успѣхомъ.

Больё, по предписанію гофкригсрата, рѣшился дѣйствовать наступательно. Извѣстившись о намѣреніи моемъ на счетъ Генуи, или, можетъ быть, желая обезпечить этимъ пунктомъ сообщенія свои съ Нельсономъ и Джервизомъ, находившимися близъ этихъ береговъ съ англійскою эскадрою, онъ двинулся къ Генуѣ. Мысль его была хороша сама по себѣ; но ее можно было исполнить вѣрнѣе, и принудить насъ къ быстрому отступленію, дѣйствуя главными силами противъ нашего лѣваго крыла. Больё рѣшился, напротивъ того, итти прямо на Генуу съ третью своей арміи, между тѣмъ, какъ остальная часть должна была безпокоить меня съ фронта.

Онъ самъ спустился съ Аппенинъ 10-го Апрѣля, черезъ Боккетту, съ лѣвымъ крыломъ своимъ; я доставилъ ему удовольствіе вытѣснить небольшой нашъ авангардъ изъ Вольтри, а между тѣмъ собралъ главныя силы противъ центра австрійцевъ, который также двинулся впередъ отъ Сасселло къ Монте-Нотте. Три редута прикрывали ту отрасль Аппенинъ, которая тянется къ Савонѣ. Аржанто атаковалъ ихъ съ 10000 отборныхъ войскъ; уже два изъ нихъ были въ его власти, и онъ съ ожесточеніемъ атаковалъ третій. Полковникъ Рампонъ, защищавшій это главное укрѣпленіе, взялъ клятву съ 32-й полу-бригады, что она умретъ на развалинахъ редута, но не уступитъ его. Французы сдержали эту клятву, не смотря не безпрестанно повторяемые приступы, дорого стоившіе непріятелю. Уже ночью подоспѣлъ Лагарпъ съ своею дивизіею и расположился на бивуакахъ позади редута (*); между тѣмъ дивизіи Массены и Ожеро уже готовы были выручить его изъ опасности.

Аржанто, командовавшій центромъ, былъ атакованъ 12-го числа съ фронта и съ тыла превосходными силами, разбитъ и отброшенъ на Дего. Этотъ первый успѣхъ былъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ совершенно разстроилъ планъ непріятеля; но чтобъ воспользоваться имъ вполнѣ, нужно было удвоить дѣятельность. Всѣ войска мои были уже за Аппенинами. Изъ четырехъ дивизій, составлявшихъ мою армію, дивизіи Лагарпа, Массены и Ожеро шли со мною; Серюрье оставался у Гарресіо для удержанія піемонтцевъ. Я рѣшился обратиться противъ сихъ послѣднихъ, чтобъ совершенно отдѣлить ихъ отъ Больё. Главныя силы ихъ, подъ начальствомъ Колли, стояли все еще у Чевы; а генералъ Провера, съ небольшимъ австрійскимъ

(*) Нѣкоторые писатели, ничего не понимая въ военномъ искусствѣ, увѣряютъ, что побѣдою при Монте-Нотте мы обязаны храброй защитѣ Рампона; но если бы Аржанто и взялъ укрѣпленіе, то все таки былъ бы разбитъ, даже совершенно уничтоженъ, если бы подался еще ближе къ Савоннѣ. Устремивъ противъ него половину моихъ силъ, я не сомнѣвался въ успѣхѣ, гдѣ бы ни произошелъ ударъ, при Монте-Нотте ли, при Дего или при Савоннѣ.

отрядомъ, связывая войска Колли и Аржанто, занималъ высоты Коссеріи. Я двинулся противъ него съ дивизіями Массены и Ожеро, оставя Лагарпа для наблюденія за Больё. 13-го, Ожеро завладѣлъ проходомъ Миллезимо и Провера, поражаемый и тѣснимый со всѣхъ сторонъ, былъ принужденъ искать убѣжища въ развалинахъ замка Коссеріи. Напрасны были попытки Піемонтцевъ освободить его: онъ сдался 14-го, утромъ, съ своими полутора тысячами гренадеръ.

Однако я долженъ былъ остановить дѣйствія противъ Піемонтцевъ. Пораженіе при Монте-Нотте образумило австрійскаго военачальника: онъ сталъ сосредоточивать свои силы около Дего, но уже поздно. Оставивъ Генуу и берега моря, Больё спѣшилъ къ Акви и послалъ часть своего лѣваго фланга, прямо черезъ горы, чтобы соединиться у Сасселло съ остатками войскъ Аржанто. Поручивъ Ожеро сдерживать піемонтцевъ, я ударилъ съ дивизіями Лагарпа и Массены на Дего. Войска Аржанто сражались храбро, но мы были сильнѣе и принудили ихъ отступить въ безпорядкѣ къ Акви, оставивъ намъ двадцать орудій и множество плѣнныхъ.

Едва успѣли мы разбить Аржанто, какъ новый австрійскій корпусъ явился на полѣ битвы. Онъ шелъ, подъ начальствомъ генерала Вукасовича, изъ Вольтри на Сасселло, съ намѣреніемъ соединиться съ Аржанто у Дего. Храбрый Иллирієцъ изумился, найдя наши войска вмѣсто тѣхъ, къ которымъ онъ шелъ на встрѣчу, но не потерялъ присутствія духа, и отважно бросился на отрядъ, охранявшій маліанскіе редуты, овладѣлъ ими и отбросилъ испуганный гарнизонъ къ Дего. Наши войска преслѣдовали въ это время бѣгущихъ по направленію къ Спиньо, и вдругъ были атакованы съ тылу праваго фланга. Неожиданность произвела минутный безпорядокъ, которымъ Вукасовичъ воспользовался съ рѣдкимъ мужествомъ; но, съ пятью батальонами, ему трудно было возстановить перевѣсъ дѣла. Массена, съ помощію своего резерва остановивъ бѣгущихъ, возобновилъ битву; дивизія Лагарпа, горя желаніемъ отмстить за кратковременную неудачу, также бросилась на непріятеля и въ нѣсколько минутъ онъ былъ опрокинутъ; только ничтожные остатки его успѣли кое-какъ уйти въ Акви, и присоединиться тамъ къ остаткамъ дивизіи Аржанто.

Отдѣлавшись отъ австрійцевъ, я снова двинулся на Піемонтъ съ дивизіями Ожеро, Массены и Серюрье. Лагарпъ сталъ въ Санъ-Бенедетто, чтобы прикрывать мое правое крыло и удерживать Больё. Колли, атакованный съ фронта превосходными силами и угрожаемый движеніемъ Ожеро, спускавшагося на его лѣвый флангъ по лѣвому берегу Танаро, былъ принужденъ оставить лагерь при Чевѣ и, не смотря на кратковременный успѣхъ въ сраженіи при Санъ-Микеле, опрокинутъ за Курсальу и Элеро. Я быстро его преслѣдовалъ, разбилъ при Вико, при Мондови, и отбросилъ за Стуру, даже до Карманьолы; 26-го мои три дивизіи соединились въ Альбѣ. Еще одно сраженіе и Турінъ былъ бы въ нашей власти: мы находились отъ него

въ десяти миляхъ; но непріятель занималъ въ это время прекрасную позицію за Стурою, прикрытую съ праваго фланга крѣпостью Кони, а съ лѣваго городомъ Кераско, который тоже трудно было взять открытою силою. Колли могъ быть подкрѣпленъ въ этой позиціи тысячами двадцатью войска, разсѣяннаго въ окрестностяхъ, и присоединеніемъ Больё, у котораго оставалось еще столько же. Союзникамъ было бы довольно двухъ дней дѣятельности и рѣшительныхъ дѣйствій, чтобы поправить свое положеніе; къ тому же, и сильно укрѣпленный Туринъ могъ спасти, въ случаѣ неудачи, войска ихъ, впрочемъ еще далекія отъ крайности, потому что Австрія имѣла полную возможность доставить имъ и подкрѣпленія, и всѣ средства къ продолженію войны. Мы должны были тѣмъ болѣе опасаться этого, что Туринъ могъ затруднить насъ продолжительнымъ сопротивленіемъ, потому что мы не имѣли способовъ вести осаду крѣпости. Я видѣлъ необходимость приготовить войско мое къ новымъ побѣдамъ, утвердить въ немъ дисциплину и навесть страхъ на враговъ. Слѣдующая прокламація должна была выполнить эту тройную цѣль.

«Солдаты! въ двѣ недѣли вы одер-
«жали шесть побѣдъ, взяли двадцать
«одно знамя, пятьдесятъ орудій, нѣ-
«сколько укрѣпленныхъ мѣстъ, поко-
«рили богатѣйшую часть Піемонта,
«захватили въ плѣнъ 15 тысячъ, до 10
«тысячъ положили раненыхъ и уби-
«тыхъ. Лишенные всего, вы ни въ
«чемъ не нуждались; безъ орудій,
«сражались вы и выигрывали бит-
«вы, безъ мостовъ переправлялись
«черезъ рѣки, безъ обуви пришли
«сюда усиленными переходами, безъ
«хлѣба стояли на бивакахъ: благода-
«рю васъ, солдаты! Двѣ арміи, ата-
«ковавшія васъ нѣкогда съ такою
«дерзостію, бѣгутъ передъ вами. Вы
«привели въ трепетъ тѣхъ, которые
«всегда радовались нашимъ неуда-
«чамъ. Но я не скрою передъ вами,
«вы еще ничего не сдѣлали, потому
«что еще много предстоитъ совер-
«шать вамъ. Ни Туринъ, ни Миланъ,
«еще не въ вашей власти. Враги
«ваши попираютъ еще прахъ тѣхъ,
«предъ которыми пали Тарквиніи.

«Въ началѣ похода вы нуждались
«во всемъ; теперь у васъ нѣтъ ни
«въ чемъ недостатка. Магазины, за-
«хваченные у непріятеля, изобильны.
«Осадная артиллерія прибыла. Оте-
«чество ожидаетъ отъ васъ великихъ
«подвиговъ; вы оправдаете его ожи-
«данія. Да! вы горите желаніемъ
«пронести далеко славу французскаго
«народа и унизить гордыхъ власте-
«линовъ, мнившихъ заковать васъ
«въ цѣпи неволи; вы хотите предпи-
«сать славный миръ, который бы
«вознаградилъ отечество за его великія
«жертвы; вы хотите, наконецъ, воз-
«вратясь въ кругъ родныхъ и друзей
«своихъ, сказать съ гордостію: *я*
«*изъ побѣдоносной арміи италіянской.*
«Друзья, я обѣщаю вамъ все это,
«но вы должны мнѣ поклясться ува-
«жать народъ, который освобождаете
«отъ рабства; должны отказаться отъ
«грабежа, которому предаются зло-
«дѣи, подстрекаемые нашими врага-
«ми. Безъ этого вы будете не изба-
«вителями, а бичемъ народовъ; тогда
«отечество отъ васъ отступится; тог-
«да погибнетъ все: и пролитая кровь,

«и побѣды, и ваше мужество, и ва«ша слава. Мнѣ и любимымъ ге«нераламъ вашимъ будетъ стыдно «предводительствовать войскомъ, ко«торое не знаетъ другихъ зако«новъ, кромѣ права сильнаго. Но «между вами мало людей, забы«вающихъ честь и человѣколюбіе, и «я, облеченный властію народомъ, «заставлю ихъ повиноваться; я не «хочу, чтобы въ рядахъ вашихъ «стояли разбойники, могущіе запят«нать ваши лавры.

«Народы италіянскіе! Французы «пришли къ вамъ свергнуть ваше «иго; народъ французскій другъ всѣхъ «народовъ. Довѣрчиво встрѣчайте зна«мена республиканцевъ. Ваша вѣра, «имущество и обычаи останутся для «васъ святынею неприкосновенною. «Мы ведемъ войну великодушно; вра«ги наши только тѣ, подъ властію «которыхъ вы находитесь.»

Чтобы придать болѣе вѣсу этимъ прокламаціямъ, піемонтскіе демократы составили въ Альбѣ комитетъ, который также дѣлалъ воззванія Піемонтцамъ и Ломбардцамъ, угрожая однимъ, ободряя другихъ.

Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Столица пришла въ трепетъ и безпорядокъ. Дворъ, сожалѣя, что не воспользовался прежде удобнымъ случаемъ отстать отъ коалиціи, почувствовалъ теперь, какой опасности подвергаетъ его наше быстрое приближеніе, могущее возбудить приверженцевъ демократіи, которыхъ было такъ много и въ Туринѣ, и въ другихъ городахъ Піемонта. Страхъ увеличивалъ предъ нимъ опасность его положенія. Хотя Больё шелъ изъ Акви въ Ницу на соединеніе съ Колли, но дворъ вѣроятно не зналъ этого и, думая, что онъ лишенъ уже всякой помощи, рѣшился отдаться на произволъ нашъ. Ко мнѣ присланъ былъ адъютантъ отъ имени короля просить мира. Это меня обрадовало. Я зналъ, что еще въ концѣ минувшаго года, туринскій дворъ хотѣлъ было вступить въ союзъ съ нами, увлекаемый посредничествомъ Испаніи. Тотъ же вопросъ, повторенный при приближеніи войскъ моихъ, встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны маркиза Альбарея и министерства; но кардиналъ Коста, архіепископъ туринскій, увлекъ большинство мнѣній, и склонилъ короля къ миру. Слова архіепископа произвели то, чего не могли произвесть ни политическіе, ни военные доводы маркиза Сильвы.

Поспѣшность туринскаго двора не только льстила моему самолюбію и надеждамъ, но еще вывела меня изъ большихъ затрудненій. Успѣхи наши были блистательны; но грабежъ, нераздѣльный съ недостаткомъ въ продовольствіи, дурно расположилъ къ намъ поселянъ піемонтскихъ, и ослабилъ дисциплину въ моей арміи. Если бы король, притянувъ съ Альповъ часть войска принца Карильяно, держался въ Туринѣ, какъ Викторъ Амэдей въ 1706-мъ году, и если бы Австрійцы, подкрѣпленные гарнизонами, остававшимися въ Ломбардіи, поддержали его, я могъ бы быть отброшенъ къ морю и приведенъ въ отчаянное положеніе. Полагая даже, что я удержался бы въ Піемонтѣ, остановленный крѣпостями, каковы Туринъ и Александрія, и лишенный средствъ осаждать ихъ,

я не могъ бы сдѣлать шагу далѣе; а между тѣмъ, подкрѣпленія съ Рейна, усиливъ армію непріятельскую до ста тысячъ человѣкъ, заставили бы меня очистить Италію. Быстрота моего вторженія и прокламаціи, приводившія въ трепетъ моихъ непріятелей, спасли меня.

Миръ съ Піемонтомъ почти рѣшалъ судьбу всей кампаніи. Если я одинъ разбилъ двѣ соединенныя арміи, то что же могъ сдѣлать Больё, лишенный союзниковъ, между тѣмъ, какъ я былъ подкрѣпленъ частью альпійской арміи, подъ предводительствомъ Келлермана? Жребій Италіи былъ почти рѣшенъ и воображеніе уже представляло мнѣ эту прекрасную страну въ моей власти. Тогда-то впервые почувствовалъ я себя выше обыкновенныхъ полководцевъ, и приподнялъ завѣсу моей будущности. Я уже жилъ въ исторіи.

Такъ какъ мнѣ не дано было права заключать миръ, то нужно было ожидать, пока утвердятъ его въ Парижѣ; но, чтобы не упустить своей добычи, я заключилъ перемиріе, которое могло считаться за предварительный мирный договоръ и давало мнѣ возможность расположиться въ сердцѣ Піемонта, занявъ Кони, Александрію и Чеву. Король обязывался отстать отъ коалиціи, и дѣйствительно послалъ въ Парижъ графа Ревеля, для окончательнаго утвержденія мира. Желая нетерпѣливо ускорить ходъ этого дѣла, я даже далъ замѣтить графу Сенъ-Марсану, посланному ко мнѣ изъ Турина, что вовсе не намѣренъ разрушать престоловъ и алтарей, но что напротивъ, готовъ защищать ихъ, если они захотятъ только обратиться къ намъ съ дружественнымъ расположеніемъ; однимъ словомъ, я далъ ему почувствовать, что Піемонтъ скорѣе пріобрететъ себѣ вознагражденіе отъ союза съ Франціею, нежели отъ двора вѣнскаго.

Въ двѣ недѣли я успѣлъ сдѣлать болѣе, нежели прежнія италіянскія арміи въ четыре кампаніи: но надежды мои еще не свершились. Исторгнуть эту классическую страну изъ рукъ Германцевъ, уничтожить старинную поговорку, называвшую этотъ очаровательный край гробницею Французовъ, было цѣлью достойною меня; я тѣмъ сильнѣе желалъ достигнуть ее, что перемиріе предавало мнѣ въ жертву Больё, слишкомъ слабаго, чтобы удержать меня въ Ломбардіи, не взирая на подкрѣпленія, которыя онъ могъ найти въ ней.

На другой день послѣ заключенія перемирія, я двинулъ четыре дивизіи свои на Александрію. Больё успѣлъ уже перейти По, въ Валенціи, и разрушилъ за собою мостъ. Главныя силы австрійскія расположились на Огоньо, въ Валледжіо, выдвинувъ отряды на Сезію и лѣвый берегъ Тессина.

Чтобы обмануть Больё на счетъ моихъ намѣреній, я поставилъ въ число условій перемирія съ Піемонтомъ, чтобы мнѣ позволено было перейти По въ окрестностяхъ Валенціи. Эта хитрость достигла своей цѣли. Больё думалъ, что я стану атаковать его съ фронта на Тессинѣ, и устремилъ все свое вниманіе на пространство между Огоньо и Валенціею. Чтобы поддержать его въ этомъ мнѣніи, я двинулъ отрядъ къ Сале, какъ будто съ намѣреніемъ переправиться черезъ

По въ Камбіо. Маскированная этимъ движеніемъ, армія моя быстро спустилась внизъ по рѣкѣ, и 7-го Мая мы были въ Піаченцѣ. Чтобъ ускорить движеніе и не дать непріятелю времени разгадать мои намѣренія, я самъ велъ авангардъ; дивизіи наши слѣдовали эшелонами за мною. Нужно было быстро выполнить эту переправу, чтобы непріятель не успѣлъ ей воспротивиться; но По, не уступая въ ширинѣ и глубинѣ Рейну, остановила наше стремленіе: не имѣя средствъ устроить мостъ, нужно было довольствоваться судами, найденными въ окрестностяхъ города. Ланнъ съ авангардомъ переправился первый. У Австрійцевъ на противуположномъ берегу было только два эскадрона, и въ нѣсколько минутъ они были опрокинуты. Переправа продолжалась беспрепятственно, но чрезвычайно медленно. Если бы у меня были понтоны, я бы уничтожилъ тогда же всю непріятельскую армію; необходимость переправляться небольшими частями спасла ее (*).

(*) Генералъ Жомини, описывая этотъ походъ, говоритъ, что мнѣ лучше было бы переправиться въ Кремонѣ, нежели въ Піаченцѣ. Мостъ въ Кремонѣ есть дѣйствительно выгоднѣйшій по всему протяженію рѣки для наступающаго, потому что болѣе другихъ выдается впередъ къ непріятелю, тогда какъ мостъ въ Піаченцѣ совершенно лишенъ этой выгоды; но за то, для достиженія Кремоны, я долженъ былъ обратить тылъ свой къ непріятелю, и самая Кремона, стоя на той сторонѣ рѣки, при малой защитѣ, могла сдѣлать большое сопротивленіе переправѣ, тогда какъ Піаченца, расположенная по сю сторону, даетъ всѣ выгоды наступающему.

Я воспользовался двухъ-дневною переправою, во время которой оставался въ Піаченцѣ, и заключилъ перемиріе съ герцогомъ пармскимъ, заставивъ его заплатить около 10 милліоновъ, дать мнѣ аммуницію, лошадей для артиллеріи и кавалеріи, и значительный запасъ провіанта для походныхъ магазиновъ; а что всего важнѣе, я пріобрелъ тутъ большое число превосходныхъ произведеній по части живописи и ваянія, выбранныхъ мною въ галлереяхъ герцога. Герцогъ моденскій бѣжалъ въ Венецію; учрежденное имъ временное правительство поспѣшило заключить миръ на такихъ же условіяхъ.

Меня упрекаютъ въ томъ, что условія эти были слишкомъ тягостны, особенно для герцога пармскаго, который, какъ инфантъ Испаніи, заслуживалъ болѣе снисходительности. Но онъ передъ этимъ не хотѣлъ и слышать о перемиріи, даже послѣ побѣдъ моихъ при Монте-Нотте, и потому мнѣ должно было наказать его за упорную привязанность ко врагамъ республики.

Больё, узнавъ наконецъ о моемъ движеніи, пошелъ къ Піаченцѣ, съ намѣреніемъ воспротивиться переправѣ; но, вмѣсто того, чтобы ударить всѣми силами на ту часть войскъ нашихъ, которая уже перешла на лѣвый берегъ, онъ уперся своимъ лѣвымъ флангомъ къ Аддѣ, придерживаясь линіи Тессина правымъ крыломъ; 8-го Мая, генералъ Липтай, командовавшій лѣвымъ флангомъ его, занялъ Фомбіо, противъ моего авангарда. Я не сомнѣвался въ томъ, что Больё съ главными силами шелъ вслѣдъ за нимъ, и потому мнѣ нужно было, не теряя

времени, напасть на него, пока онъ былъ одинъ. Я приказалъ генералу Ланну произвесть атаку, и она исполнена была съ тою стремительностію и съ тѣмъ рѣдкимъ мужествомъ, которые прославили потомъ Ланна на военномъ поприщѣ. Литтай былъ разбитъ, отрѣзанъ отъ Больё и отброшенъ на Пидзигетоне.

Ночью, Больё прибылъ на мѣсто битвы, и его передовые отряды показались въ Кодоньо, гдѣ стояла дивизія Лагарпа. Въ первую минуту неожиданности произошелъ безпорядокъ на аванпостахъ, и въ суматохѣ Лагарпъ былъ убитъ своими.

Однако эта стычка не имѣла послѣдствій. Больё, разъединивъ всю свою армію, разбросалъ и тѣ силы, которыя привелъ съ собою, такъ что у него подъ рукою осталось всего три баталіона. Видя передъ собою силы превосходныя, онъ чувствовалъ, что ему оставалось одно средство спасти себя, сосредоточивъ всѣ свои войска близъ Лоди, гдѣ у него оставался мостъ на Аддѣ. Правое крыло его, стоявшее еще возлѣ Павіи, заняло Кассано, что бы ему конечно не удалось сдѣлать, если бы насъ не задержала переправа.

Дорога въ Медіоланъ была открыта войскамъ моимъ; но обладаніе этимъ важнымъ городомъ было весьма ненадежно, пока непріятель держался еще за Аддою. Нужно было принудить его удалиться. Я двинулся къ Лоди съ моими гренадерами и съ дивизіями Массены и Ожеро. У Пидзигетоне оставлена была одна дивизія, для прикрытія этого пункта и моего праваго фланга. Я не зналъ еще, что непріятель, покинувъ берега Тессина, собралъ свои главныя силы за Аддою, и потому, чтобы обезпечить свой лѣвый флангъ, направилъ Серюрье на Павію.

Мы прибыли 10-го къ Лоди. Главныя силы Больё уже отступили въ Крему, оставя генерала Себоттендорфа, съ десятп-тысячнымъ отрядомъ, для обороны береговъ Адды.

Непріятель не разрушилъ моста въ Лоди, полагая что подобный мостъ, длиною отъ 50 до 60 тоазовъ, обстрѣливаемый двадцатью орудіями съ лѣваго берега будетъ для насъ недоступенъ. Но мнѣ нужно было заключить свои дѣйствія какимъ нибудь блистательнымъ подвигомъ, и я тѣмъ скорѣе рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, что, и при неудачной попыткѣ переіiти мостъ, я терялъ только нѣсколько сотъ человѣкъ, ни въ чемъ не измѣняя общаго хода дѣйствій. Баталіонъ пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ непріятельской кавалеріи, занимавшіе Лоди, были безъ труда вытѣснены, и мы по слѣдамъ ихъ достигли моста, котораго они еще не успѣли разрушить. Тотчасъ же построилъ я моихъ гренадеръ въ густую колонну, и двинулъ на мостъ. Осыпанные градомъ картечи, они было смѣшались, но генералы мои, кинувшись впередъ, увлекли ихъ своимъ примѣромъ. Это минутное замѣшательство заставило нѣсколькихъ солдатъ спуститься съ моста, по столбамъ, на небольшой островокъ, гдѣ они болѣе были прикрыты отъ непріятельскихъ орудій. Тамъ отыскали бродъ, и баталіонъ, разсыпавшись подобно застрѣльщикамъ, бросился съ фланга на Австріiцевъ. Между тѣмъ гренадеры бѣглымъ шагомъ перешли мостъ, ринулись на

батареи, захватили ихъ, и разсѣяли баталіоны непріятельскіе. Себоттендорфъ отступилъ къ Кремѣ, потерявъ пятьнадцать орудій и двѣ тысячи человѣкъ выбывшими изъ строя. Это было только арріергардное дѣло, но оно было блистательно.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ сраженія при Лоди, было занятіе войсками нашими Пиззигетоне, и отступленіе Больё къ Минчіо. Я не преслѣдовалъ его. Войска мои, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, были въ безпрерывныхъ маршахъ, и потому нужно было дать имъ нѣсколько отдыха; къ тому же присутствіе мое было необходимо въ Медіоланѣ. Я оставилъ дивизію Серюрье въ Кремонѣ, а съ остальною частью своей арміи направился къ столицѣ, куда и вступилъ 15-го Мая, встрѣченный депутаціею и національною гвардіею, при общемъ веселіи и изъявленіяхъ радости.

Чтобы извлечь пользу изъ моихъ завоеваній, мнѣ нужно было учредить въ покоренныхъ странахъ республиканское правленіе, съ цѣлью привязать ихъ къ Франціи общими правилами и выгодами.

Меня не увлекали распространяемыя нами идеи; но, такъ какъ онѣ навлекли намъ враговъ, то нужно было стараться передавать ихъ другимъ, чтобы вмѣстѣ съ этимъ увеличить и число приверженцевъ своихъ. Легче нежели гдѣ либо можно было согласовать равенство правъ политическихъ съ обычаями дворянства итальянскаго, которое такъ близко къ среднему сословію. Я опасался однаго духовенства. Съ этой стороны я ждалъ сопротивленія и рѣшился, или побѣдить его снисходительностью, или, въ случаѣ необходимости, укротить оружіемъ, не возмущая народа.

При извѣстіи о движеніи моемъ къ Медіолану, директорія предписала мнѣ раздѣлить войско на двѣ части; начальство надъ италіянскою арміею вручить Келлерману, съ тѣмъ, чтобы онъ наблюдалъ за Австрійцами на Минчіо, а самому, съ остальною частію, состоящею изъ 25 тысячъ человѣкъ, итти на Римъ и Неаполь. Такое раздробленіе силъ въ то время, когда мы должны были нанести послѣдній, рѣшительный ударъ Австрійцамъ, и готовились бороться со всѣми ихъ силами, было слишкомъ безразсудно, чтобы я могъ согласиться его выполнить; я отказался, прося увольненія отъ службы, и этимъ спасъ армію отъ неизбѣжной гибели. Ожидая рѣшенія директоріи, я намѣренъ былъ оттѣснить Больё до самаго Тироля, и сдѣлалъ воззваніе къ воинамъ своимъ, призывая ихъ къ новымъ побѣдамъ.

Ни въ одной изъ прочихъ моихъ прокламацій не отражается такъ сильно духъ времени. Вотъ она:

«Солдаты! съ вершинъ скалъ ап-
«пенинскихъ, какъ бурный потокъ,
«низверглись вы въ эти долины, оп-
«рокидывая, разрушая все, что проти-
«вилось вашему стремленію. Піемонтъ
«предался своимъ естественнымъ чув-
«ствамъ мира и дружбы къ Франціи.
«Миланъ вашъ; знамя республики
«развѣвается надъ всею Ломбардіею;
«Парма и Модена одолжены своимъ по-
«литическимъ существованіемъ только
«вашему великодушію.

«Арміи, столь недавно и столь гордо
«угрожавшія вамъ уничтоженіемъ,

«бѣгутъ предъ вами и не мо-
«гутъ найти оплота противъ вашего
«могущества. Ни По, ни Тессинъ, ни
«Адда, эти вѣчныя оборонительныя
«линіи Италіи не могли удержать
«васъ; вы перешли ихъ такъ же бы-
«стро, какъ хребетъ аппенинскій.

«Эти успѣхи распространили ра-
«дость въ нашемъ отечествѣ; предста-
«вители народные совершаютъ празд-
«нества въ честь побѣдъ вашихъ;
«тамъ ваши отцы, матери, супруги,
«сестры и всѣ милыя сердцу ра-
«дуются успѣхамъ вашимъ, гордятся
«честію принадлежать вамъ.

«Да, воины! вы много сдѣлали: но
«неужели намъ болѣе ничего не ос-
«тается дѣлать? Допустимъ ли мы
«сказать про насъ, что мы умѣли
«побѣждать, но не умѣли пользовать-
«ся побѣдами? Не упрекнетъ ли насъ
«потомство въ томъ, что мы нашли
«новую Капую въ Ломбардіи?.... но
«вы уже бѣжите къ оружію! посты-
«дное бездѣйствіе томитъ васъ: вы
«знаете, что дни, потерянные для
«славы, потеряны и для вашего сча-
«стія.... Идемъ же! намъ предстоитъ
«еще и дѣлать усиленные переходы,
«и поражать непріятеля, и пожинать
«лавры, и мстить за обиды... А вы,
«раздувавшіе пламя междуусобной вой-
«ны во Франціи, вы, которые такъ
«низко умертвили нашихъ министровъ
«и сожгли корабли наши въ Тулонѣ,
«трепещите!... часъ мщенія ударилъ.
«Но да будетъ намъ священно спо-
«койствіе народовъ, и въ особенно-
«сти потомковъ Брута, Сципіона и
«другихъ великихъ мужей древности.
«Возстановить древнюю столицу міра,
«воздвигнуть въ ней статуи героевъ,
«ее прославившихъ, пробудить народъ
«римскій отъ сна, въ который по-
«грузили его многія столѣтія рабства:
«вотъ цѣль вашихъ побѣдъ, солда-
«ты! вамъ принадлежитъ слава пре-
«образованія прекраснѣйшей страны
«Европы.

«Торжествующая Франція дастъ
«Европѣ славный миръ, который воз-
«наградитъ народъ нашъ за всѣ ве-
«ликія усилія и жертвы; вы возвра-
«титесь на родину, и граждане, съ
«восторгомъ встрѣчая васъ, будутъ
«говорить: *Онъ служилъ въ италіян-
«ской арміи.*»

Я хорошо понималъ людей, съ ко-
торыми имѣлъ дѣло; я зналъ, какъ
должно было подѣйствовать это воз-
званіе на пылкаго французскаго сол-
дата; зналъ, что въ Римѣ и Неапо-
лѣ оно произведетъ тоже дѣйствіе,
какаго достигла моя первая прокла-
мація.

Между тѣмъ были взяты нужныя
мѣры, чтобы овладѣть миланскою
цитаделью, близость которой безпо-
коила городъ. Изъ Александріи и
Тортоны должна была скоро прибыть
въ Ломбардію осадная артиллерія; а
въ ожиданіи ея, я оставилъ Миланъ
и пошелъ къ Лоди.

Пріемъ, сдѣланный мнѣ въ столи-
цѣ, могъ убѣдить меня въ томъ, что
Италіянцы принимаютъ искреннее уча-
стіе въ моихъ намѣреніяхъ. Сохра-
нивъ все уваженіе къ религіи, и
обеспечивъ неприкосновенность дво-
рянскихъ имуществъ, я надѣялся на
благодарность двухъ сословій, поль-
зовавшихся наибольшими правами. Но
умѣренность моя не уменьшила ихъ
опасеній, не укротила ненависти.

Въ тотъ самый день, когда я
выступилъ изъ Милана противъ

Австрійцевъ, набатъ загремѣлъ въ тылу моей арміи. Деревенскіе жители, приведенные въ изступленіе духовенствомъ, взялись за оружіе, овладѣли Павіею и даже замкомъ, въ которомъ я оставилъ гарнизонъ. Малѣйшая нерѣшительность съ моей стороны могла сдѣлать это возстаніе всеобщимъ.

Съ 300 кавалеристовъ и баталіономъ гренадеръ я поспѣшилъ къ Павіи, сдѣлавшейся главнымъ мѣстомъ возмущенія. Когда отвергнуты были всѣ убѣжденія архіепископа миланскаго, уговаривавшаго народъ положить оружіе и выдать виновниковъ мятежа, гренадеры мои, выбивъ ворота, ворвались въ городъ и разграбили его. Помилованіе было бы тутъ преступленіемъ относительно войска. Простить вѣроломныхъ значило подвергнуть нашихъ храбрыхъ воиновъ новымъ сицилійскимъ вечернямъ. Я разстрѣлялъ муниципалитетъ и все пришло въ порядокъ. Между тѣмъ, армія наша направлялась къ Минчіо, въ слѣдъ за Австрійцами.

Мирный договоръ съ королемъ сардинскимъ былъ окончательно подписанъ въ Парижѣ, 15-го Мая; король обязался оставить въ нашей власти Александрію и Тортону во все продолженіе войны, срыть Сузу, Брюнетту, Экзиль, и устроить линію запасныхъ магазиновъ для продовольствія моей арміи черезъ Монъ-Сенисъ и Аржантіеръ. Я бы желалъ привлечь сардинскаго короля на нашу сторону, обѣщая дать ему какую нибудь область, чтобы, имѣя въ немъ союзника, утвердиться въ Италіи, и дѣйствовать противъ Австріи съ бо́льшею силою. Директорія желала того же; но сдѣлать Виктора-Эмануила вдругъ врагомъ его недавнихъ союзниковъ, было почти невозможно, и мы должны были довольствоваться неутралитетомъ короля сардинскаго.

Менѣе нежели въ мѣсяцъ, я обошелъ Альпы, выигралъ три битвы, отторгнулъ Піемонтъ отъ коалиціи, захватилъ 12,000 плѣнныхъ, овладѣлъ укрѣпленными мѣстами, сдѣлалъ ихъ опорными точками основанія нашихъ дѣйствій, и черезъ Савоію проложилъ прямое сообщеніе съ Франціею: все это было только вступленіемъ къ важнѣйшимъ успѣхамъ.

Послѣ пораженія при Лоди, Больё не смѣлъ остановиться ни на Оліо, ни на Кіезѣ. Сильная позиція на р. Минчіо, прикрытая съ лѣваго фланга крѣпостью Мантуею, а съ праваго гардскимъ озеромъ и тирольскими горами, казалась ему достаточнымъ препятствіемъ. Онъ расположилъ свою армію такъ: центръ ея занялъ Валеджіо, лѣвое крыло Гойто, а правое Пескьеру, крѣпостцу, принадлежавшую Венеціянамъ. Неблагоразумно было бы атаковать хорошо укрѣпленные фланги; я рѣшился прорвать центръ, безпокоя въ тоже время Пескьеру, черезъ которую лежалъ путь отступленія Больё въ Тироль и производилось сообщеніе съ Австріею. Непріятель ослабилъ центръ, чтобы усилить лѣвый флангъ.

30-го Мая прибылъ я съ главными силами въ Боргетто; непріятельскій авангардъ, находившійся на лѣвомъ берегу Минчіо былъ опрокинутъ, отступилъ черезъ мостъ въ Боргетто, и разрушилъ въ немъ одну арку. Я тотчасъ приказалъ исправить мостъ; но работа шла медленно, подъ сильнымъ огнемъ непріятельскимъ.

Человѣкъ пятьдесять моихъ гренадеръ бросилось въ рѣку и, поднявъ ружья надъ головою, по плечи въ водѣ, перешло въ бродъ. Испуганный непріятель, вспомнивъ грозную колонну при Лоди, оставилъ свою крѣпкую позицію и отступилъ по тирольской дорогѣ, позволивъ намъ спокойно окончить переправу. Я преслѣдовалъ его съ дивизіею Серюрье, по направленію къ Виллафранко; Ожеро двинулся на Кастель-Ново, чтобы обойти Пескьеру, а Массена остался у боргетскаго моста. Больё пытался еще разъ удержаться на высотахъ между Виллафранкою и Валеджіо; но, узнавъ о движеніи Ожеро, понялъ, что я хочу отрѣзать его отъ Тироля и отступилъ за Эчъ, вверхъ по правому берегу этой рѣки, черезъ Дольче на Кальяно. Часть лѣваго крыла его, слѣдуя по рѣкѣ Минчіо, на соединеніе съ нимъ, наткнулась въ Валеджіо на главную квартиру мою, которую я расположилъ тутъ съ слабымъ прикрытіемъ. Едва успѣвъ скрыться черезъ садъ, я догналъ отрядъ Массены, который скоро разсѣялъ непріятелей, удивленныхъ не менѣе насъ неожиданною встрѣчею. Другая часть этого крыла, оставленная въ Гойто, вступила въ Мантуу. Тогда въ этой крѣпости собралось болѣе 13 тысячъ гарнизона.

Не смотря на сильное желаніе преслѣдовать остатки арміи Больё, я долженъ былъ остановиться, потому что не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобы вторгнуться въ средину австрійскихъ владѣній, между тѣмъ, какъ рейнская армія еще не перешла Рейна. Къ тому же мы болѣе пробѣжали, нежели покорили Италію, и только взятіе Мантуи могло упрочить наши завоеванія.

До сихъ поръ ничто не останавливало моего стремительнаго, побѣдоноснаго движенія; но война могла легко принять другой оборотъ, потому что непріятельскія силы казалось увеличивались безпрестанно, въ то самое время, когда моихъ становилось уже недостаточно. Я перешелъ скорѣе, нежели полагалъ, широкій бассейнъ рѣки По, который отдѣляетъ приморскіе Альпы отъ Альповъ тирольскихъ; но прибытіе мое на Эчь породило новыя соображенія.

Смирясь передъ нашимъ оружіемъ, мелкіе владѣльцы Италіи подписали перемирія на славныхъ для насъ условіяхъ; но король сардинскій и герцоги моденскій и піаченцкій, преклоняя оружіе, не сдѣлались однакожъ нашими приверженцами. Возстаніе Ломбардцевъ ясно обнаружило ихъ настоящее расположеніе къ намъ. Въ тылу нашемъ дворъ римскій собиралъ противъ насъ войско; Неаполь могъ ему помочь, отправя цѣлую армію на Анкону или Сіенну. Корсика была во власти Англичанъ, которые раздували оттуда пламя войны на твердой землѣ. Хотя Тоскана и подписала миръ въ Парижѣ въ 1795-мъ году, но она могла теперь выставить 10 тысячъ войска въ Ливорно, и тогда въ тылу нашемъ явилась бы новая сильная непріятельская армія. У меня было всего 45 тысячъ; австрійскій гарнизонъ Мантуи простирался до 12 тысячъ; Больё, вмѣстѣ съ Тирольцами, считалъ до 30 тысячъ подъ своимъ начальствомъ въ долинѣ Эча. Столь же сильная армія шла съ нижняго

Рейна на Инспрукъ для присоединенія къ Больё.

Ко всему этому нужно еще прибавить и то, что одна Венеція могла уже дать врагамъ нашимъ перевѣсъ надъ нами. Мы прошли чрезъ ея владѣнія, преслѣдуя Австрійцевъ, которыхъ она пропустила свободно изъ Тироля въ Миланъ; за это она не имѣла права на насъ жаловаться; но, завладѣвъ арсеналомъ Пескьеры и укрѣпленіями Вероны, требуя отъ областей ея продовольствія для нашей арміи и распространяя тамъ революціонныя идеи, мы возстановили противъ себя ея правительство. Обстоятельства не позволяли мнѣ поступать иначе: я могъ продовольствовать армію только реквизиціею; а чтобы обезопасить себя, намъ необходимо было занять войсками всѣ укрѣпленныя и покорепныя мѣста.

Если Венеція желала сохранить неутралитетъ, сей должно было, тотчасъ по отступленіи Больё за рѣку По, выставить на Минчіо тысячъ двадцать войска, предоставляя области свои, лежащія на правомъ берегу, для сообщенія воевавшимъ, чрезъ Гавардо, съ Тиролемъ, и объявивъ въ тоже время, что она вооружится противъ перваго, кто вторгнется въ остальныя ея владѣнія. Пезаро предлагалъ все это сенату, убѣждая его прибѣгнуть къ оружію, чтобы заставить уважать венеціянскія владѣнія.

Но гордая царица адріатическаго моря, бывшая нѣкогда складочнымъ мѣстомъ всего востока, боровшаяся съ Европою во время камбрейскаго союза и державшая въ рукахъ своихъ судьбу Италіи въ продолженіе войнъ съ Карломъ VIII, Людовикомъ XII и Францискомъ I, уже два вѣка была погружена въ летаргическій сонъ безсилія. Съ открытіемъ мыса Доброй Надежды, могущество ея на морѣ пало. Утрата Морен, уступленной Туркамъ по миру, заключенному въ Пассарговицѣ, обезсилила ее и на твердой землѣ.

Въ венеціянской республикѣ, какъ и въ Голландіи, считалось до трехъ милліоновъ жителей; а доходы ея простирались до 30 милліоновъ. Она содержала 12,000 войска, раздѣленнаго на семь полковъ пѣхоты и на шесть кавалеріи; по примѣру Швейцарцевъ, изъ жителей твердой земли составлена была еще милиція. Это жалкое войско можно было сравнить развѣ только съ папскими баталіонами. Республика полагалась болѣе на войска иностранныя, которыя могла содержать на жалованьи въ случаѣ нужды. Флотъ ея, стоявшій въ Венеціи и въ Корфу, состоялъ изъ четырнадцати линейныхъ кораблей и изъ шести второстепенныхъ судовъ. Славный арсеналъ венеціянскій имѣлъ въ готовности на своей верфи еще десять кораблей, которые, въ случаѣ войны, могли быть тотъ часъ же вооружены. Соперничество съ Турками заставляло Венецію содержать такой сильный флотъ, который, можетъ быть не такъ былъ нуженъ ей, какъ хорошая сухопутная армія.

Гордая олигархія ея, думавшая сдѣлать честь Генриху IV, вписавъ имя его въ свою золотую книгу, была въ упадкѣ. Она страшилась и нашей демократіи, и штыковъ нашихъ, и вліянія Австріи.

Хотя подобный непріятель самъ по себѣ не страшенъ; но Венеція была

опасна намъ, какъ потому, что могла усилить австрійскую армію, такъ и потому, что могла открыть пристань свою кораблямъ англійскимъ. Я съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Венецію и ожидалъ, на что она рѣшится. Сенатъ отвергнулъ благородныя предложенія Пезаро и удовольствовался избраніемъ двухъ проконсуловъ (Фоскарини и Санъ-Фермо), предоставивъ имъ полновластно управлять областями твердой земли и поддерживать дружескія сношенія съ враждующими державами. Постыдная сдача Вероны, послѣдовавшая нѣсколько дней спустя, обнаружила ошибку сената въ выборѣ этихъ лицъ.

Нѣкоторые писатели упрекали меня въ томъ, что я, обложивъ Мантуу, не преслѣдовалъ Больё въ Тироль. Но они забыли обстоятельства, въ которыхъ я находился, подходя къ Эчу. Восемьдесять тысячъ Австрійцевъ и Тирольцевъ со включеніемъ гарнизона Мантуи и корпуса, шедшаго съ Рейна; Папа и его вліяніе; Неаполь, имѣвшій возможность атаковать меня съ тылу съ 30 тысячнымъ войскомъ; англійская дивизія въ Корсикѣ, угрожавшая высадкою въ Тоскану; король сардинскій и армія его, недовольные поспѣшно подписаннымъ миромъ; Венеція, колебавшаяся между миромъ и войною, и готовая на насъ ополчиться; вотъ преграды, которыя я долженъ былъ побѣдить менѣе нежели съ 50,000-ми войскъ! Странно, что человѣкъ весьма умный, полагалъ что, не смотря на все это, мнѣ должно было идти въ сердце Австріи. На это не рѣшился бы и Карлъ XII.

Я противопоставилъ непріятелю непоколебимую твердость и увѣренность въ преимуществѣ моихъ силъ и устрашилъ сомнительныхъ союзниковъ. Въ моемъ положеніи необходимы были эта увѣренность, необыкновенная дѣятельность и сила духа. Никогда ни одинъ полководецъ не выставлялъ этихъ достоинствъ въ той степени, какъ я въ ту эпоху; я обратилъ все свое вниманіе на Мантуу, будучи вполнѣ убѣжденъ, что одно паденіе ея откроетъ дальнѣйшее поприще для дѣйствія войскъ моихъ и позволитъ мнѣ вторгнуться въ Австрію, удерживая въ тоже время югъ Италіи. Осадная артиллерія наша дѣйствовала въ это время противъ цитадели миланской, а потому должно было удовольствоваться обложеніемъ города, отнявъ у него всѣ средства, получить вспоможеніе. Для этого необходимо было владѣть всѣмъ теченіемъ Эча; а ключемъ этой рѣки была Верона. Австрійцы прошли черезъ Кремуу и заняли Пескьеру, крѣпости принадлежавшія Венеціи, такъ же какъ и Верона. Основываясь на этомъ, я сталъ требовать сдачи Вероны, и слабый Фоскарини воспользовался своимъ полновластіемъ для того только, чтобы впустить насъ въ стѣны этого города (1-го Іюня).

Это драгоцѣнное пріобрѣтеніе, доставило намъ три прекрасные моста на Эчѣ, и пунктъ, укрѣпленный бастіонными фронтами, и двумя крѣпкими замками, расположенными на скатѣ тирольскихъ горъ, и замыкавшими лѣвый берегъ долины Эча.

Въ ожиданіи артиллеріи, необходимой для осады Мантуи, я приказалъ вытѣснить гарнизонъ изъ всѣхъ

доступовъ къ городу и расположить укрѣпленія на четырехъ плотинахъ, служащихъ единственнымъ сообщеніемъ съ Мантуею. Такимъ образомъ, съ четырмя тысячами, я заперъ выходъ 14-тысячному гарнизону, со стороны Сераліо и По. Обложеніе цитадели требовало также четырехъ тысячъ человѣкъ. Начальникомъ этой блокады назначенъ былъ Серюрье. Ожеро оставался для наблюденій на нижнемъ Эчѣ, около Леньяго.

Къ счастію, въ это время политическій горизонтъ нашъ мало по малу прояснился. Увлеченный примѣромъ короля сардинскаго и убѣжденіями короля испанскаго, утомленный войною, которая ничего не доставляла Неаполю кромѣ издержекъ, Фердинандъ IV началъ мирные переговоры. Съ этою цѣлью князь Бельмонте-Пиньятели прибылъ въ мою главную квартиру, въ то самое время, когда неаполитанскія войска раздѣляли пораженіе Больё въ долинахъ Минчіо. Отношенія наши были просты; намъ легко было кончить дѣло. Я согласился на перемиріе, съ условіемъ, чтобы войска неаполитанскія тотчасъ же оставили австрійцевъ и возвратились въ Неаполь; рѣшительные же переговоры о мирѣ предоставилъ вести съ директоріею; они тянулись шесть мѣсяцевъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Этотъ миръ былъ однако для насъ чрезвычайно важенъ потому, что если бы неаполитанскій король, имѣя средство всегда содержать 50 тысячъ войска, продолжалъ дѣйствовать противъ насъ, то чрезвычайно затруднилъ бы дальнѣйшій походъ мой. Географическое положеніе его королевства позволяло ему всегда дѣйствовать по правому берегу По, а намъ, напротивъ того, препятствовало внести войну въ предѣлы владѣній неаполитанскихъ. Находясь въ самой отдаленной части полуострова, Неаполь могъ, при удобномъ случаѣ, наносить намъ удары и вновь стягивать въ свои владѣнія войска, какъ скоро мы захотѣли бы предпринять противъ нихъ что либо рѣшительное. Изъ этой страны Аннибалъ, не сравненно съ меньшими средствами, десять лѣтъ велъ войну съ Римомъ. Къ счастію нашему, въ это время трудно было сыскать въ Неаполѣ новаго Аннибала.

По заключеніи договоровъ съ королями сардинскимъ и неаполитанскимъ, у насъ не оставалось явныхъ враговъ въ Италіи, кромѣ папы. Прежде заключенія мира съ Неаполемъ, я отказалъ исполнить волю директоріи, двинувъ половину арміи моей противъ Рима; но теперь, напротивъ, я видѣлъ ясно всѣ выгоды, которыя могли мы пріобрѣсть отъ простаго движенія противъ церковныхъ владѣній. Теперь не нужно уже было раздроблять армію на части и подвергать опасности одну изъ нихъ на Тибрѣ; стоило только двинуть легкую колонну къ Анконѣ, и снова притянуть ее на Минчіо; я употребилъ время моего невольнаго бездѣйствія на то, чтобъ преклонить передъ республикою папскую тіару.

Ожеро переправился съ своею дивизіею черезъ По при Боргофорте и, 19-го Іюня, вступилъ въ Болонью, городъ, славившійся во всей Италіи своею образованностью, смѣлостью, твердостью духа и любовью къ родинѣ жителей. Если бы весь полуостровъ

походилъ на Болонью, то Италія была бы теперь одна изъ сильнѣйшихъ державъ Европы. Я обѣщалъ Болоньи возвратить ея независимость и земли, похищенныя у нея папами. Это произвело всеобщій восторгъ; въ городѣ, въ двѣ недѣли, составилась національная гвардія изъ трехъ тысячъ человѣкъ, въ помощь войскамъ нашимъ. Феррара сдалась намъ также безъ выстрѣла. Въ тоже время отрядъ, выступившій изъ Піаченцы проникъ въ Тоскану. Эти дѣйствія заставили римскій дворъ просить перемирія, которое и было заключено 24-го Іюня, съ условіемъ уступить намъ Болонью и Феррару, и впустить гарнизонъ нашъ въ цитадель Анконы.

Это примиреніе было важно для Франціи. Я заключилъ его вопреки предначертаніямъ директоріи, которая не расчитывая разстоянія, силъ и преградъ, хотѣла вдругъ возмутить Римъ, Неаполь и Флоренцію; какъ будто достаточно было пронести трехцвѣтное знамя свое по Италіи съ шестью или семью батальонами, чтобы утвердить тамъ свое владычество. Три года спустя, она хотѣла съ 120 тысячами сдѣлать то, чего требовала отъ меня менѣе нежели съ 50 тысячами войска, и потеряла всю Италію.

Когда дѣла съ папою было кончены, Ожеро возвратился на Эчъ, наказавъ жителей Луго, которые, по внушенію духовенства, вооружились противъ насъ въ числѣ 3 или 4 тысячъ.

Въ имперскихъ владѣніяхъ, находившихся въ областяхъ Генуи и вблизи этого города, вспыхнули мятежи. Бандиты, собравшіеся между Александріею, Нови и Боккеттою, рѣзали нашихъ солдатъ. Къ нимъ присоединилось нѣсколько бѣглыхъ Австрійскихъ плѣнниковъ. Я поручилъ Фейпу потребовать за это удовлетворенія отъ Генуи и заставить ее выслать маркиза Жирола, австрійскаго резидента, подозрѣваемаго какъ главу этого заговора. Ланнъ, посланный съ нѣсколькими баталіонами пѣхоты, разсѣялъ мятежниковъ и овладѣлъ Аркватою, главнымъ пристанищемъ ихъ.

Присутствіе войскъ нашихъ въ Тосканѣ дало мнѣ случай исполнить приказаніе директоріи, занявъ Ливорно; я сдѣлалъ это такъ быстро и неожиданно, что двумя часами ранѣе могъ бы захватить въ гавани около пятидесяти судовъ, нагруженныхъ товарами. Хотя добыча эта ускользнула отъ насъ, но намъ досталась другая, не менѣе богатая: мы захватили всѣ товары и имущества, принадлежавшія Англичанамъ. Великій герцогъ наблюдалъ строгій неутралитетъ, по неволѣ принятый имъ въ прошедшемъ году, и нашъ поступокъ могъ быть извиненъ только чрезвычайною выгодою, которую онъ намъ доставилъ. Расположеніе ливорнской гавани противъ самой Корсики, занятой въ то время десятью тысячами Англичанъ, давало имъ возможность прервать наши сообщенія, если бы они рѣшились дѣйствовать на самомъ полуостровѣ. Я оставилъ гарнизонъ въ Ливорно; но, въ отношеніи къ великому герцогу, старался оказывать всѣ почести и уваженіе, которыя заслуживалъ онъ и по своему благородному характеру и

по званію принца австрійскаго дома и наслѣдника престола добродѣтельго Леопольда.

Эти экспедиціи увеличили вліяніе наше на дѣла Италіи; а взятіе миланской цитадели, 29-го Іюня, довершило расположеніе умовъ въ Ломбардіи въ нашу пользу.

Занятые мною города доставили мнѣ для осады Мантуи довольно многочисленную артиллерію, которая еще пополнилась осадными орудіями, служившими при осадѣ медіоланской цитадели; 18 го Іюля, мы открыли траншеи. Десятитысячная дивизія Серюрье была назначена для производства осадныхъ работъ. Остальная часть моей арміи расположилась для наблюденій по Эчу, до западнаго берега гардскаго озера. Осмитысячная дивизія Ожеро, составляла правый флангъ при Леньяго; Массена съ 15,000 стоялъ въ центрѣ у Риволи и Вероны. Генералъ Соре съ 4,000 расположенъ былъ на лѣвомъ флангѣ, близъ Сало. Шеститысячный резервъ находился между центромъ и правымъ флангомъ. Въ такомъ расположеніи я легко могъ внутренними концентрическими движеніями соединять всю армію мою на томъ или другомъ берегу Минчіо, сообразно съ тѣмъ, что предпримутъ непріятельскія войска, слишкомъ усилившіяся, чтобы оставаться въ бездѣйствіи.

Вѣнскій кабинетъ, не безъ причины устрашенный моими успѣхами, рѣшился положить имъ преграду, противопоставя мнѣ новую армію и новаго полководца. Маршалъ Вурмзеръ, прибывшій изъ Мангейма съ 20,000 отборнаго войска, заступилъ мѣсто Больё (*). Это сильное подкрѣпленіе, взятое изъ рейнской арміи, въ соединеніи съ войсками, собранными во внутреннихъ областяхъ, увеличило австрійскую армію до 60 тысячъ, соединившихся въ Трентѣ въ послѣднихъ числахъ Іюля. Такое превосходство силъ обѣщало побѣду непріятелю. Соперники мои торжествовали; разсчеты ихъ, казалось, были вѣрны; но событія не оправдали ихъ надеждъ. Сравнивая наши силы, они забыли взвѣсить достоинства военачальниковъ.

Въ послѣднихъ числахъ Іюля Вурмзеръ выступилъ изъ Тироля. Квазданович съ 25,000 двинулся къ правому берегу гардскаго озера на Брешію. Самъ маршалъ съ остальными 35,000 спускался по рѣкѣ Эчу тремя колоннами. Я узналъ въ одно и тоже время, что Соре отброшенъ на Дезендзано, а Массена вытѣсненъ изъ Риволи. Эти неудачи не только не устрашили меня, но напротивъ того, позволили мнѣ надѣяться на успѣхъ. Непріятель, раздѣлившись, подалъ мнѣ возможность броситься между двумя колоннами его арміи и порознь разбить ихъ. Нужно было рѣшиться на что нибудь, въ ту же минуту; малѣйшая медленность

(*) Маршалъ Вурмзеръ, хотя дворянинъ альзаскій, но пятьдесятъ лѣтъ служилъ Австріи. Онъ отличился въ семилѣтней войнѣ и въ дѣйствіяхъ противъ Турокъ. Въ 1793 году прорвалъ онъ позицію при Вейссембургѣ; въ 1795 разбилъ Пишегрю при Гейдельбергѣ и занялъ Пфальцъ. Вурмзеръ былъ старый гусаръ, еще полный мужества; но его нельзя было назвать великимъ полководцемъ.

съ моей стороны позволила бы Вурмзеру соединиться съ Квазданович ем на Минчіо. Я все бросилъ и устремился воспрепятствовать этому соединенію. Осада Мантуи была снята: 140 орудій оставлено въ траншеяхъ. Я презрѣлъ предразсудки обыкновенныхъ полководцевъ, считающихъ потерю артиллеріи потерею побѣды и чести. Эта мысль естественна въ артиллерійскомъ офицерѣ, который долженъ смотрѣть на свои орудія какъ на знамя; но она нелѣпа въ предводителѣ. Обременивъ себя артиллеріею, я бы только затруднилъ выполненіе моихъ намѣреній, зависѣвшее всего болѣе отъ быстроты движеній. Къ тому же, успѣвъ разбить непріятеля, я возвратилъ бы свои орудія, а въ противномъ случаѣ, и безъ того бы ихъ лишился. Желая узнать мнѣнія моихъ генераловъ, я собралъ военный совѣтъ. Во всѣхъ арміяхъ есть генералы ученые, но слишкомъ осторожные, и на оборотъ, храбрые, но необразованные. Рѣдко встрѣчаются такіе, которые соединяютъ въ себѣ оба хорошія качества. Мнѣнія были различны. Кильмень и ученые генералы хотѣли отступать. Ожеро, увлеченный благородною ревностью, какой я никогда не замѣчалъ въ немъ въ послѣдствіи, объявилъ, что безъ сраженія онъ не поведетъ назадъ своей дивизіи. Ясно было, что отступленіе будетъ для меня гибельно; чтобы выполнить мое намѣреніе, чтобы вновь все выиграть, мнѣ нужно было отважиться все потерять, и я отдалъ нужныя повелѣнія для атаки австрійской колонны, шедшей къ Брешіи.

30-го вечеромъ, дивизіи Массены и Ожеро, съ резервомъ, расположились между Пескьерою и Гойто. Одна половина дивизіи Серюрье, бывшая на лѣвомъ берегу Минчіо, присоединилась къ войскамъ Ожеро, другая перешла Оліо у Маркаріи.

На другой день я перешелъ Минчіо и двинулся на встрѣчу Квазданович у. Непріятель былъ вытѣсненъ изъ Лонато, изъ Брешіи и Сало. Войска мои расположились на Кіезѣ. Квазданович ъ отступилъ на Гавардо.

Всѣ ошибки первоначальнаго плана Австріійцевъ, могли бы быть исправлены, еслибъ Вурмзеръ, взявъ Монтебальдо, перешелъ Минчіо у Пескьеры еще 31-го Іюля, и двинулся къ Лонато. Тогда онъ соединился бы съ Квазданович емъ, заставилъ бы меня поспѣшно отступить на Тессинъ или къ Піаченцѣ, и могъ бы потомъ безпрепятственно вступить въ Мантуу. Австріійцы умѣютъ составлять превосходныя, ученыя соображенія; но въ разсчетѣ времени и разстояній почти всегда ошибаются.

Вурмзеръ, вмѣсто того, чтобы соединиться прежде съ Квазданович емъ, прямо пошелъ въ Мантуу и торжественно вступилъ туда, съ колокольнымъ звономъ. Только вечеромъ 2-го Августа перешелъ онъ Минчіо у Гойто, и двинулся къ Кастильоне. Эта медленность дала мнѣ время разбить Квазданович а и вытѣснить его изъ Понто-Санъ-Марко, Лонато, и даже изъ Брешіи. Я не успѣлъ однако же совершенно уничтожить его, потому что гавардскія горы благопріятствовали его отступленію. Дивизія Ожеро, усиленная резервомъ, двинулась 3-го Августа къ Кастильоне; дивизія Массены направилась на

Лонато. Въ тоже время я предписалъ генералу Гюйё, итти на Сало, чтобъ заставить Квазданович продолжать свое отступленіе, угрожая сообщеніямъ его съ Тиролемъ. Странный случай благопріятствовалъ намъ: я полагалъ ударить на Вурмзера, и вдругъ, совершенно неожиданно наткнулся на лѣвое крыло Квазданович, который снова пытался совершить соединеніе черезъ Лонато, и съ этою цѣлью сталъ дѣйствовать наступательно, направляясь, по обыкновенію, нѣсколькими отдѣльными колоннами. Колонна князя рейсскаго должна была спускаться черезъ Сало, Окскай шелъ прямо отъ Гавардо на Лонато, а Отт на Дезендзано. Генералъ Окскаи, подходя къ Лонато, столкнулся съ авангардомъ Массены, который, подавшись слишкомъ впередъ, понесъ значительную потерю; но я подоспѣлъ съ главными силами дивизіи и возстановилъ равновѣсіе боя. Мы взяли Лонато и быстро преслѣдовали непріятеля. Къ счастію его князь рейсскій, пришедшій въ Сало прежде Гюйё, не найдя тамъ никого, повернулъ на туже дорогу, по которой отступалъ Окскаи и прикрылъ его отступленіе. Квазданович собралъ опять у Гавардо войска свои, за исключеніемъ небольшихъ отрядовъ, сбившихся съ дороги и блуждавшихъ по горамъ въ окрестностяхъ Лонато. Въ тотъ же день Ожеро атаковалъ и разбилъ авангардъ Вурмзера у Кастильоне.

Частные успѣхи обезпечивали мою центральную позицію и давали возможность наносить новые удары. Самые сильные берегъ я для Вурмзера, приближавшагося черезъ Гурдиколо къ Кастильоне. Полагаясь на медленность движенія австрійскаго фельдмаршала и ожидая, для дѣйствія противу него, прибытія Серюрье изъ Маркаріи, я рѣшился воспользоваться днемъ 4-го Августа, чтобы обезпечить себя совершенно со стороны Квазданович. Генералъ Депинуа, усиленный въ Бресчіи 3000 человѣкъ, прибывшихъ изъ альпійской арміи, получилъ приказаніе двинуться черезъ Сантъ-Одзетто на Гавардо. Сентъ-Илеръ взятъ былъ изъ дивизіи Массены, для поддержанія Гюйё, направленнаго туда же черезъ Сало. Успѣхъ этихъ распоряженій превзошелъ мои ожиданія. Австріицы, зная, что князь рейсскій не встрѣтилъ наканунѣ непріятелей въ Сало, считали себя безопасными съ этой стороны, и устремили все вниманіе на дорогу изъ Лонато. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ и закрытою мѣстностью, Гюйё и Сентъ-Илеръ прошли, незамѣтно, почти въ тылъ австрійскаго отряда. Это неожиданное, успѣшное движеніе войскъ нашихъ на сообщенія непріятеля, заставило Квазданович поспѣшно отступить по дорогѣ на Рпву. Такимъ образомъ я окончательно избавился отъ этого корпуса, еще опаснаго для насъ наканунѣ и своею силою, и даннымъ ему стратегическимъ направленіемъ.

Но между тѣмъ какъ судьба благопріятствовала мнѣ съ этой стороны, я подвергался величайшей опасности въ самой главной квартирѣ моей: когда дивизія Массены выступила изъ Лонато, я остался тамъ съ 1200 человѣкъ. Вдругъ донесли мнѣ, что непріятельскій отрядъ окружилъ городъ, и вслѣдъ за этимъ австрійскій

Владимиръ Константиновичъ
Крамаренко

парламентеръ явился требовать сдачи. Но присутствіе духа меня не покинуло. Сообразивъ, что это долженъ быть одинъ изъ отрядовъ Квазданович, отрѣзанныхъ отъ него на канунѣ, послѣ сраженія при Лонато, я отвѣчалъ угрозами на требованіе австрійскаго генерала, обѣщалъ даже разстрѣлять въ случаѣ непокорности и достигъ того, что непріятель положилъ оружіе и сдался мнѣ военнопленнымъ, въ числѣ 2000 человѣкъ, при 4-хъ орудіяхъ. Отрядъ этотъ составлялъ авангардъ Квазданович, и стараясь соединиться съ Вурмзеромъ, былъ отрѣзанъ войсками Сентъ-Илера и Соре. Нечаянное нападеніе войскъ нашихъ при Гавардо обратило въ бѣгство около 15 тысячъ Австрійцевъ; въ то же самое время и столько же неожиданное нападеніе Австрійцевъ на мою главную квартиру, доставило мнѣ болѣе плѣнныхъ, нежели сколько было у меня подъ рукою войска. Изъ этого ясно видно, какъ много значитъ характеръ начальника.

Битва, долженствовавшая рѣшить окончательный успѣхъ всѣхъ этихъ дѣйствій, дана была 5-го Августа. Австрійскія войска раздѣлены были на три отряда: одному изъ низъ назначено было двинуться къ нижнему По, другому блокировать Пескьеру, а съ третьимъ, 25-тысячнымъ отрядомъ, Вурмзеръ самъ занялъ позицію между Солферино и Медолане. Дивизіи Массены и Ожеро, съ присоединеннымъ къ нимъ резервомъ, представляли уже силы, равныя непріятельскимъ; приближеніе Серюрье, давало мнѣ рѣшительный перевѣсъ. Что бы дать возможность послѣднему принять участіе въ сраженіи, я довольствовался первоначально только поддержаніемъ моей линіи, не давая рѣшительнаго оборота дѣлу. Когда же Серюрье показался у Кавріаны, я сдѣлалъ рѣшительный натискъ правымъ крыломъ и центромъ. Обойденный слѣва, и боясь быть опрокинутымъ въ гардское озеро, Вурмзеръ поспѣшно отступилъ обратно за Минчіо, оставя въ нашихъ рукахъ 20 орудій.

Мнѣ нужно было употребить всѣ усилія, чтобы не дать Вурмзеру времени притянуть къ себѣ Квазданович и утвердиться на Минчіо, сохраняя сообщеніе съ Мантуею. Съ этою цѣлью я рѣшился на другой же день ударить на Вурмзера, не смотря на естественную преграду, насъ раздѣлявшую. Между тѣмъ какъ главныя силы моей арміи удерживали Австрійцевъ на Минчіо, около Валеджіо, Массена переправился у Пескьеры и ударилъ на правый флангъ непріятеля. Начатыя имъ укрѣпленія были взяты и Австрійцы обращены въ бѣгство. Не имѣя болѣе опоры для праваго крыла, Вурмзеръ оставилъ Минчіо и, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Тироля, отступилъ по долинѣ Эча, бросивъ въ Мантуу гарнизонъ изъ 15,000 свѣжаго войска.

Мы преслѣдовали его до границъ тирольскихъ, и 12-го Августа всѣ пункты на обоихъ берегахъ гардскаго озера были снова въ моей власти. Дивизія Серюрье возвратилась къ Мантуѣ. Потерявъ весь нашъ осадный паркъ, мы должны были удовольствоваться блокадою.

Вурмзеръ возвратился въ Тироль, потерявъ отъ 10 до 12 т. чел. выбывшими изъ строя и 50 орудій.

Франція начинала уже собирать плоды этихъ успѣховъ. Испанское правительство, ободренное нашими побѣдами, поняло необходимость еще болѣе сблизиться съ республикою и поддержать ее въ борьбѣ на морѣ съ Англичанами. И въ самомъ дѣлѣ, если бы Англія восторжествовала, она отняла бы у Испаніи американскія колоніи, и вліяніемъ на ея дѣла лишила бы это государство, подобно Португаліи, всей политической самостоятельности. Спасти остатки нашихъ колоній и морскихъ силъ было для мадритскаго кабинета единственнымъ средствомъ, поддержать равновѣсіе на морѣ. Въ Сентъ-Иль-де-Фонсѣ, 19 Августа 1796 года, заключенъ былъ новый, оборонительный и наступательный договоръ. Это событіе было полезно для насъ еще и потому, что оно имѣло большое вліяніе на неаполитанское и сардинское правительства, дѣйствія которыхъ становились день ото дня важнѣе.

Едва Австрійцы вошли въ Тироль, какъ къ нимъ присоединилось нѣсколько баталіоновъ, и они опять стали сильнѣе насъ. Легко было предвидѣть, что они не допустятъ насъ беспрепятственно докончить покореніе Мантуи. Вурмзеръ, получилъ приказаніе непремѣнно освободить эту крѣпость и надѣялся достигнуть этого безъ битвы, однѣми стратегическими движеніями. Оставя Давидовича прикрывать Тироль съ 20,000, растянутыми отъ Фельдкирха до Ровередо, Вурмзеръ самъ съ 26,000 спустился по долинѣ Бренты, намѣреваясь выйти мнѣ въ тылъ на Порто-Леньяго.

Австрійскій полководецъ, судя обо мнѣ по своимъ собственнымъ понятіямъ, полагалъ, что движеніе его неминуемо заставитъ меня отступить за Минчіо, и что онъ достигнетъ освобожденія Мантуи безъ боя однѣми искусными соображеніями. Но такого человѣка, какъ я, трудно устрашить пустыми демонстраціями. Даже еслибы судьба не такъ благопріятствовала мнѣ, я нашелъ бы средство разстроить его планъ. Но, въ этомъ случаѣ, счастье избавило меня отъ излишняго труда: въ самое то время когда Вурмзеръ выводилъ войска изъ Тироля, чтобы дѣйствовать своимъ лѣвымъ флангомъ, я тоже двинулся впередъ съ намѣреньемъ ударить на его правое крыло. Такимъ образомъ онъ самъ далъ мнѣ возможность исполнить эту мысль съ большимъ успѣхомъ. Дѣйствительно, въ самое то время, когда противникъ мой замышлялъ это ошибочное движеніе, я получилъ шеститысячное подкрѣпленіе изъ альпійской арміи и рѣшился проникнуть въ Тироль, чтобы облегчить соединеніе моей арміи съ рейнскою, предложенное мною директоріи послѣ піемонтскаго мира.

Ободренная моими побѣдами, и успѣхами рейнской и самбро-маасской арміи, директорія составила планъ дѣйствій, подобный тому, который намъ такъ дурно удался при Людовикѣ XIV, въ 1703-мъ году (*). Но

(*) Планъ этотъ состоялъ въ томъ, что союзная армія должна была двинуться изъ Мюнхена къ Бреннеру на сообщеніе съ италіянскою, и неудался потому, что Вандомъ направился къ Тренту съ однимъ лѣвымъ крыломъ, оставивъ остальную часть французской арміи подъ Мантуею, находившеюся тогда въ нашей власти.

выполнить предположеніе директоріи было еще труднѣе. Тогда Франція владѣла Мантуею, и была въ тѣсномъ союзѣ съ Баваріею. Въ наше время не было ни того, ни другаго. Выполняя повелѣніе директоріи, Журданъ двинулся изъ Дюссельдорфа и Нёйвида на р. Лангъ съ тѣмъ, чтобъ отвлечь непріятеля къ нижнему Рейну и съ успѣхомъ далъ сраженіе при Альтенкирхѣ. Эрцъ-герцогъ поспѣшилъ противъ него и заставилъ Журдана отступить въ то самое время, когда вѣнскій кабинетъ направилъ Вурмзера съ береговъ верхняго Рейна въ Италію. Моро, видя противъ себя одинъ корпусъ Старрайя, перешелъ Рейнъ въ Келѣ, 24-го Іюня, а 28-го разбилъ Австріяцевъ при Ренхенѣ.

Эрцъ-герцогъ поспѣшно возвратился съ нижняго Рейна, далъ сраженіе при Эттлингенѣ, 6-го Іюля и, обойденный съ лѣваго фланга, продолжалъ отступленіе до Дуная. Онъ еще разъ атаковалъ Моро при Нерсгеймѣ; но, слишкомъ растянувъ оба крыла, онъ не могъ съ успѣхомъ произвести натиска своимъ центромъ и 10-го Августа перешелъ Дунай. Въ это время Журданъ, пользуясь успѣхами рейнской арміи и узнавъ объ отступленіи эрцъ-герцога, опять двинулся на Франкфуртъ. Оставивъ 25,000, подъ начальствомъ генерала Марсо, подъ Майнцомъ, онъ самъ поднялся вверхъ по Майну черезъ Швейнфуртъ и Бамбергъ: направленіе слишкомъ эксцентрическое. Въ послѣдствіи онъ свернулъ черезъ Нюрмбергъ; но и это движеніе, совершенное слишкомъ поздно, не могло обеспечить соединенія его съ рейнскою армією, которая между тѣмъ, послѣ нерсгеймской битвы, приближалась къ Ульму и Мюнхену; по предположенію директоріи, она должна была вытянуть лѣвое крыло, чтобы примкнуть къ войскамъ Журдана, а на правомъ флангѣ направить сильный отрядъ къ Инспруку на соединеніе со мною. Нельзя было предписать арміи двѣ цѣли, столь противуположныя: отрядивъ эти двѣ части, по совершенно расходящимся направленіямъ, Моро остался бы почти безъ войска. Чтобы достигнуть цѣли, Журдану должно было двинуться отъ Ашафенбурга прямо на Донаувертъ, а Моро со всѣми силами направиться на Лехъ, между горами и Аугсбургомъ. Тогда мы могли бы всѣ трое, дѣйствуя совокупно, занять Тироль и соединиться на Инѣ.

Этотъ планъ неудался, какъ и должно было ожидать, отъ недостатка единства дѣйствій. Эрцъ-герцогъ Карлъ ударилъ на Журдана; 23-го Августа разбилъ его при Амбергѣ и потомъ, 2-го Сентября, при Вюрцбургѣ. Моро, котораго правый флангъ достигъ уже Брегенца и Лейткирха, поставленный въ опасное положеніе отступленіемъ Журдана, долженъ былъ отказаться отъ намѣренія проникнуть въ Тироль, и помышлять только о собственной своей безопасности.

Таковъ былъ ходъ дѣлъ въ Германіи. Я не зналъ еще ничего ни о неудачахъ Журдана, ни о движеніи Вурмзера на Бассано, когда двинулся противъ сего послѣдняго. Я направилъ на Роверѣдо дивизіи Ожеро и Массены, находившіяся въ Веронѣ и Риволи. На походѣ, къ нимъ должна была присоединиться дивизія Вобуа,

шедшая изъ Сало по западному берегу гардскаго озера. Этихъ силъ было достаточно, чтобы разбить корпусъ Давидовича, оставленный для охраненія Тироля и раздробленный на нѣсколько отрядовъ. Вукасовичъ, начальствовавшій его авангардомъ, былъ вытѣсненъ 4-го Сентября изъ позиціи подъ Мори, атакованной съ фронта Массеною, между тѣмъ какъ Вобуа угрожалъ обойти ее съ фланга. Вукасовичъ отступилъ на Ровередо и потомъ на Кальяно, гдѣ присоединился къ главнымъ силамъ. Атакованный вдвое сильнѣйшимъ непріятелемъ, Давидовичъ не могъ удержаться въ сильной кальянской позиціи: храбрыя французскія войска преодолѣли эту преграду и совершенно разбили непріятеля, который бѣжалъ въ безпорядкѣ, потерявъ 25 орудій и 2000 плѣнныхъ. На другой день мы вошли въ Трентъ. Давидовичъ собралъ остатки войскъ за Лависомъ; но мнѣ нельзя было оставить непріятеля въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ; я приказалъ дивизіи Вобуа атаковать Австрійцевъ; они тщетно старались воспрепятствовать нашей переправѣ черезъ Лависъ и были отброшены на Салурнъ и Нёймаркъ.

Во время этихъ успѣховъ, узналъ я о движеніи Вурмзера на Бренту. Я прорвалъ армію его въ центрѣ; правое крыло было разбито, лѣвое обойдено: могъ ли я ожидать лучшаго результата?

Занятіе Трента было тѣмъ важнѣе для насъ, что оно открывало намъ тылъ Вурмзера. Я воспользовался этимъ случаемъ, и, вмѣсто того, чтобъ итти въ Инспрукъ на соединеніе съ Моро, отъ котораго я уже давно не получалъ извѣстій, рѣшился не допустить непріятеля разбить войска, оставленныя подъ Мантуею. Массена и Ожеро двинулись 6-го числа по долинѣ Бренты, черезъ Левико; чтобы скрыть отъ непріятеля это движеніе и сдерживать Давидовича, Вобуа оставленъ былъ на Лависѣ. Авангардъ Ожеро встрѣтилъ, 7-го утромъ, въ Примолано, трехъбатальонный отрядъ непріятельскій, оставленный для обороны брентскаго дефиле. Послѣ продолжительнаго боя, австрійцы были вытѣснены изъ Примолано и Коволо, и опережены полкомъ драгунъ, который преградилъ имъ выходъ изъ дефиле; непріятельскій отрядъ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Мы дошли до Чизмоны.

Вурмзеръ достигъ уже Бассано; но видя, что я иду на его сообщенія, не заботясь о моихъ собственныхъ, потерялся, и не зналъ, итти ли ему впередъ, или возвратиться. Наконецъ онъ выбралъ самое худшее: остался у Бассано. Войска его заняли высоты впереди города; а авангардъ расположился въ Соланьѣ и Кампо-Лунго; 8-го, въ 7 часовъ утра, мы атаковали этотъ передовой отрядъ, разбили его и отбросили въ безпорядкѣ на Бассано. По слѣдамъ бѣгущихъ ворвались мы въ городъ. Непріятель совершенно смѣшался. Самъ Вурмзеръ съ лѣвымъ флангомъ отступилъ на Фонтениву, перешелъ Бренту и направился къ Виченцѣ. Квазданович съ правымъ флангомъ не успѣлъ достигнуть Бренты и отступилъ къ Фріулю. Мы захватили множество обоза, 2000 плѣнныхъ и 30 орудій.

У Вурмзера осталось всего 14000 войска, совершенно разстроеннаго и брошеннаго въ страну, которой всѣ сообщенія были въ моихъ рукахъ. Я могъ надѣяться заставить его положить оружіе и вознамѣрился дѣйствовать такъ, чтобы окружить его со всѣхъ сторонъ. Ожеро направился къ Падуѣ, Массена къ Виченцѣ. Командовавшій дивизіею Серюрье, генералъ Сагюге, получилъ приказаніе, пользуясь благопріятною для насъ мѣстностью между Леньяго и Мантуею, препятствовать непріятелю приблизиться къ этой крѣпости. Соображенія мои были вѣрны, но ошибка Сагюге лишила меня полнаго успѣха. Вурмзеръ направился изъ Виченцы въ Леньяго. Не воображая, чтобы послѣ долгаго, утомительнаго похода мы могли итти усиленными переходами, онъ остановился въ Леньяго дать роздыхъ войску. Эта роковая дневка могла погубить его: Массена вечеромъ 10-го числа перешелъ Эчъ въ Ронко, съ невѣроятнымъ затрудненіемъ, по причинѣ недостатка въ судахъ, и могъ отрѣзать австрійцевъ отъ ногарской дороги. 11-го онъ долженъ былъ итти на Сангуинетто, чтобы опередить голову непріятельской колонны; но, по ошибкѣ проводниковъ, онъ попалъ на дорогу въ Череу, гдѣ встрѣтилъ авангардъ непріятельскій, который началъ движеніе также 11-го, оставивъ въ Леньяго 1700 человѣкъ гарнизона. Австрійцы были сильнѣе; наши войска были оттѣснены съ урономъ, и колонна Вурмзера беспрепятственно продолжала движеніе на Ногару. Но эта неудача все еще не помѣшала бы выполненію моего плана, если бы Сагюге, которому поручено было уничтожить мосты на Молинелло, не забылъ разрушить моста въ Вилла-Импентѣ. Вурмзеръ, узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, воспользовался имъ и спасся отъ плѣну, запершись въ Мантуѣ.

Никогда не прощу я Сагюге этой ошибки, которая вырвала изъ моихъ рукъ плоды побѣды при Бассано. Гарнизонъ Леньяго, окруженный съ лѣваго берега Эча дивизіею Ожеро, а съ праваго одною бригадою изъ войскъ Массены, сдался въ плѣнъ 12-го числа.

Вурмзеръ увѣренъ былъ, что придетъ къ Мантуѣ побѣдителемъ съ 20 тысячами войска, и заставитъ насъ снять блокаду. Вмѣсто того, разбитый, преслѣдуемый, всего съ 12000, онъ долженъ былъ самъ искать спасенія въ этой крѣпости. Войска его стали лагеремъ между Санъ - Джіорджіо и цитаделью; эта позиція давала имъ возможность пользоваться съѣстными припасами изъ окрестныхъ деревень. Нужно было заставить его войти въ самую крѣпость, изъ которой ему трудно бы было дебушировать, по причинѣ мѣстности, неблагопріятной для вылазокъ. Съ этою цѣлью главныя силы моей арміи двинулись на Мантуу. Ничтожные успѣхи непріятеля, въ стычкахъ съ отрядами Массены и Сагюге, внушили ему слишкомъ большую самоувѣренность, за которую я не замедлилъ наказать его.

Весь гарнизонъ вышелъ 15-го числа на большую фуражировку; въ этотъ же день я атаковалъ Вурмзера. Лѣвый флангъ составляла дивизія Ожеро, выступившая изъ Говерноло и направлявшаяся черезъ

Кастелларо на Санъ-Джіорджіо. Въ центрѣ, дивизія Массены заняла закрытую позицію у Дуэ-Кастелли, а на правомъ флангѣ находился Сагюге, направленный на Фавориту. Вурмзеръ, атакованный съ обоихъ фланговъ ослабилъ свой центръ для подкрѣпленія ихъ. Тогда я двинулъ дивизію Массены, и она почти безъ сопротивленія проникла до Санъ-Джіорджіо и ворвалась туда на штыкахъ. Вурмзеръ, видя, что потеря этого пункта угрожаетъ его отступленію, поспѣшно вступилъ въ Мантуу, лишившись отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ.

Я поручилъ блокаду Мантуи генералу Кильмену, начальствовавшему 8 тысячною дивизіею Серюрье. Съ остальными силами я наблюдалъ Тироль, не вступая однакоже въ его предѣлы. Подобное движеніе было бы бесполезно и безразсудно въ то время, когда Журданъ принужденъ былъ отступить къ Дюссельдорфу, а Моро къ Келю. Вторженіе въ Тироль только спасло бы Вурмзера. Массена съ 10,000 человѣкъ расположился въ Бассано. Ожеро съ 9,000 остался на Лависѣ. Изъ этого видно, что всѣ мои силы, вмѣстѣ съ кавалерійскимъ резервомъ, составляли до 40,000 человѣкъ.

Запертая въ Мантуѣ армія Вурмзера была бы однимъ изъ лучшихъ трофеевъ нашихъ, если бы намъ удалось взять эту крѣпость. Но неудачи наши на Рейнѣ заставляли думать, что Австрія снова подкрѣпитъ войска въ Тролѣ и Фріулѣ, и употребитъ всѣ усилія къ освобожденію Мантуи. Тогда 20,000 Вурмзера, оставшіеся въ тылу нашемъ, были бы для насъ довольно опасны. Войска наши расположены были въ мантуанскихъ болотахъ, гдѣ осенью обыкновенно свирѣпствуютъ смертоносныя горячки. Югъ Италіи также начиналъ безпокоить меня.

Убѣжденный однако, что Австріійцы еще не такъ скоро могли возобновить военныя дѣйствія, я посвятилъ весь Октябрь внутреннему устройству Италіи. Римскій дворъ, ободренный вторженіемъ Вурмзера, не спѣшилъ выполнять условія перемирія, заключеннаго въ Болоньи. Нужно было принудить его къ этому угрозами и обѣщаніями. Геркулесъ III, герцогъ моденскій, послѣдняя отрасль дома Эсте, скрылся въ Венецію съ своими сокровищами; зять его и наслѣдникъ былъ эрцъ-герцогъ Фердинандъ, и этого было достаточно, чтобы поставить Модену въ число нашихъ непріятелей. Временное правленіе, учрежденное бѣжавшимъ герцогомъ, дурно было расположено къ намъ и я рѣшился его уничтожить. Чернь въ Реджіо была на нашей сторонѣ: она сама совершила революцію. Въ Моденѣ пропзвели ее Французскія войска, занявшія этотъ городъ безъ сопротивленія; это доставило въ наши руки довольно хорошо укрѣпленный пунктъ.

Я видѣлъ необходимость пересоздать Италію, и думалъ сдѣлать одно государство изъ этой прекрасной страны. Быть можетъ, нѣтъ ничего труднѣе, какъ согласить выгоды десяти различныхъ владѣній: одного вопроса о выборѣ столицы достаточно, чтобы раздѣлить всѣ выгоды, всѣ умы. Въ то время довольно было возстановить Ломбардію, чтобы противупоставить австрійскому дому древнюю славу Италіи; но какъ говорить какому

нибудь Баррасу, или Ревбелю, о королевствѣ, или даже графствѣ Ломбардскомъ? Это значило безъ всякой пользы подвергать себя опасности: эти господа хотѣли все обращать въ республику.

Я положилъ основаніе тремъ демократическимъ республикамъ: цизальпинской, циспаданской и транспаданской. Безразсудно было бы и думать объ учрежденіи аристократическихъ правленій съ помощію нашихъ войскъ; однакоже я старался оставить нѣкоторыя преимущества дворянамъ и духовенству, чтобы имѣть эти два класса на своей сторонѣ, и отчасти успѣлъ въ этомъ. Болонья и Феррара составили небольшую республику транспаданскую. Модена и Реджіо, циспаданскую. Для насъ выгодно было разъединить ихъ, чтобы удобнѣе производить различныя уступки и перемѣны при заключеніи мира; къ томуже это нравилось черни этихъ городовъ, въ которыхъ у насъ было много приверженцевъ. Даже Медіоланъ приступалъ мало помалу къ мысли объ этомъ преобразованіи. Страхъ снова подпасть подъ власть Австріи, послѣ мира, охлаждалъ Ломбардцевъ; я же довольствовался тѣмъ, что Ломбардія выставила нѣсколько полковъ, которые, въ соединеніи съ національною гвардіею новыхъ республикъ, могли охранять внутреннее спокойствіе и отдавали въ мое распоряженіе гарнизоны, оставленные въ нѣкоторыхъ городахъ.

Мѣры эти были тѣмъ болѣе благоразумны, что положеніе дѣлъ остальной части Италіи были для насъ не совсѣмъ благопріятно. Переговоры съ Неаполемъ шли медленно; политика Піемонта все еще колебалась: Викторъ Амедей легко могъ вспомнить о томъ вліяніи, которое пріобрелъ одинъ изъ предковъ его, въ 1705 году, возставъ противъ Людовика XIV, въ то время, когда войска французскія стояли на Эчѣ противъ принца Евгенія.

Ропотъ мятежа разносился по окрестностямъ Генуи, и самъ сенатъ, говорятъ, не былъ чуждъ волненій, происходившихъ въ имперскихъ владѣніяхъ. Папа не хотѣлъ и слышать о мирѣ. Всѣхъ опаснѣе была Венеція; она одна, возставши противу насъ, могла дать войнѣ неблагопріятный оборотъ. Чтобы не пробудить льва Св. Марка, я старался, съ согласія директоріи, выгодными предложеніями привязать къ намъ эту древнюю республику, малѣйшее усиліе которой могло, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, склонить чашу вѣсовъ на сторону нашихъ противниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ поручиться, что дожъ ея не вздумаетъ, подражая Альвіане, Дандоло, Морозини, подать сильную помощь имперцамъ, возставъ противъ насъ, съ 20,000 войска? Подобное дѣйствіе со стороны Венеціи рѣшило бы участь Мантуи, ободрило короля неаполитанскаго и возстановило противъ насъ сардинскаго короля, владѣнія котораго должны были содержать наши войска, и дурно были расположены къ намъ. Надобно было стараться преклонить недовѣрчивый сенатъ къ союзу съ Франціею, устрашая его могуществомъ Австріи; въ случаѣ отказа оставалось одно средство, которымъ я надѣялся достигнуть своей цѣли: усыплять Венецію обѣщаніями и увѣреніями въ дружбѣ, пока настанетъ благопріятная минута, чтобы произвесть народное возстаніе.

Но послѣдствія не согласовались съ моими первыми надеждами. Тщетно Лалльманъ истощалъ всѣ средства своей хитрой, дальновидной политики: ни предложеніе четвернаго союза съ Портою, Испаніею и Неаполемъ, ни напоминанія объ угрожающей зависимости отъ Австрійцевъ и Англичанъ не могли потрясти бездѣйственной политики Венеціи. Настоятельныя требованія Пезаро съ трудомъ склонили сенатъ предписать вооруженіе флотиліи для обороны лагунъ, и наборъ ополченія въ славянскихъ владѣніяхъ республики. Эти мѣры обезпеченія внутренней безопасности, на которыя не имѣло права жаловаться ни одно правительство, заставляли однакоже насъ опасаться противудѣйствія Венеціи. Вѣсть объ нихъ пришла ко мнѣ вмѣстѣ съ отказомъ папы заключить миръ, и извѣстіемъ о прибытіи въ Римъ маркиза дель-Васто, уполномоченнаго неаполитанскимъ королемъ для утвержденія оборонительнаго и наступательнаго союза между обоими государствами. Это заставило меня опасаться образованія противъ насъ общаго италіянскаго союза, и я сталъ торопить директорію заключить, во что бы ни стало, миръ съ дворомъ неаполитанскимъ, полагая въ этомъ единственное средство остановить волненіе остальной части полуострова.

Не смотря на то, что Пій VI безпрестанно твердилъ о желаніи мира, онъ вполнѣ раздѣлялъ съ кардиналами чувства ненависти къ республиканцамъ и ихъ демократическимъ правиламъ. Чувствуя, что условія, ему предложенныя, слишкомъ суровы, онъ старался продлить переговоры, надѣясь улучить удобную минуту къ разрыву. Первые успѣхи Вурмзера и снятіе блокады Мантуи, оживили надежды римскаго двора до такой степени, что онъ поручилъ прелату Лагрека стараться возвратить Феррару, и успѣлъ, подъ различными предлогами, уклониться отъ выполненія условій перемирія. Послѣ этого нельзя было ожидать мира и прелаты Петрарки и Ванджелисти, посланные папою въ Парижъ, для окончательнаго заключенія мира, получили отъ директоріи приказаніе оставить столицу, въ двадцать четыре часа.

Съ другой стороны, нунціи и легаты Анконы и Романьи поступали какъ явные враги Франціи. Наконецъ, Римъ заключилъ тѣсный союзъ съ вѣнскимъ кабинетомъ, и прислалъ офицеровъ для своего войска. Я сталъ готовиться къ окончанію всѣхъ этихъ неблагонамѣренныхъ дѣйствій; но движенія австрійскихъ войскъ, заставили меня устремить всю мою дѣятельность на Эчъ, скрывъ на время мое негодованіе.

Правда, что Папа, послѣ высылки его уполномоченныхъ изъ Парижа, старался возобновить переговоры во Флоренціи. Прелатъ Галеппи, доминиканецъ Солдати и кавалеръ д'Адзара, испанскій посланникъ, бывшій посредникомъ условій перемирія, столь дурно исполненныхъ, явились къ коммисарамъ Саличетти и Гарро, но трудно было согласиться: представители наши предложили папскимъ уполномоченнымъ условія договора, состоявшія изъ 64 пунктовъ и объявили, что они должны, или согласиться на него и утвердить безъ всякихъ

уступокъ, или отвергнуть, не вступая въ дальнѣйшіе переговоры. Такая дипломатика, слишкомъ суровая и для революціоннаго правленія 93-го года, произвела дурныя послѣдствія.

Галеппи возвратился въ Римъ. Условія договора показались папѣ слишкомъ тягостными. Успѣхъ Австрійцевъ вскружилъ всѣмъ голову. Папское правительство отвергло наши предложенія и стало готовиться къ войнѣ. Перемиріе было уничтожено. Суммы контрибуціи, которыя обязался заплатить намъ Папа, не были высланы, и новыя вооруженія начались въ церковныхъ владѣніяхъ.

Посты, молебствія, торжественныя процессіи, буллы, все употреблено было, чтобъ воспламенить толпу и произвесть всеобщее возстаніе. Но средства, могущественныя въ XV вѣкѣ, теперь потеряли свою волшебную силу. Народъ удовольствовался тѣмъ, что молился за успѣхъ правого дѣла. Нѣкоторые изъ князей, боясь лишиться своихъ владѣній, дали вспоможеніе папѣ; констабль Колонна выставилъ полкъ пѣхоты, князь Гуспиніани полкъ кавалеріи. Наконецъ, при всѣхъ успѣхахъ, папа едва успѣлъ набрать около 8,000; но онъ надѣялся, что Неаполь выставитъ до 30,000.

Между тѣмъ кавалеръ д'Адзара замедлялъ всѣми средствами возстаніе, и этимъ оказалъ намъ важную услугу. Французскій посланникъ Като, съ своей стороны много содѣйствовалъ къ избѣжанію явнаго разрыва, который въ это время могъ быть гибеленъ для нашей арміи.

Наконецъ всѣ наши безпокойства были разсѣяны мирнымъ договоромъ между дворомъ Обѣихъ-Сицилій и французскою республикою, окончательно подписаннымъ въ Парижѣ, 10-го Октября. Условія этого мира были несравненно умѣреннѣе тѣхъ, которыя предлагали мы папѣ; причину этого легко понять, припомнивъ, какъ трудно было пронести войну въ Неаполь, и какъ опасенъ былъ для насъ король неаполитанскій, одне собственныя войска котораго были многочисленнѣе всей моей арміи. Неаполитанцы могли бы поддержать Римъ, усилиться его войсками, присоединить къ себѣ англійскую дивизію, находившуюся въ Корсикѣ, пройти на Но, и покореніе Италіи сдѣлать еще вопросомъ неразрѣшеннымъ. Но, съ заключеніемъ мира, Римъ остался при однѣхъ собственныхъ силахъ; Англичане не могли осмѣлиться предпринять высадку въ Тоскану, и ничто уже не могло отвлечь силы мои; я устремилъ все вниманіе на Австрійцевъ.

Директорія, соглашаясь на мою просьбу, которую поддерживалъ Карно, сдѣлалась уступчивѣе, и миръ, заключенный съ Неаполемъ, обязывалъ его только сохранять неутралитетъ, заключить съ Франціею торговый договоръ съ соблюденіемъ обоюдныхъ выгодъ, и наконецъ, признать Батавію республикою и возобновить съ нею свои прежнія сношенія.

Но между тѣмъ, какъ миръ этотъ избавилъ насъ отъ непріятеля страшнаго и своею силою, и своимъ географическимъ положеніемъ, умеръ король сардинскій и обстоятельства заставляли бояться, что преемникъ его перемѣнитъ политику туринскаго

двора и сдѣлается врагомъ республики. Новый король Карлъ Эммануилъ хотя и былъ согласенъ на миръ съ Франціею, и хорошо принялъ предложенія союза, сдѣланныя въ послѣднее время; но онъ желалъ, чтобъ ему уступили Ломбардію, а директорія рѣшительно отказалась отъ подобныхъ условій; и потому, должно было ожидать, что онъ захочетъ ознаменовать свое возшествіе на престолъ пріобрѣтеніями, которыя бы могли вознаградить потери его предшественника. Рѣшительный отказъ Франціи лишалъ его надежды получить удовлетвореніе, и очень вѣроятно было, что онъ пристанетъ къ коалиціи при малѣйшей надеждѣ возвратить отнятыя нами провинціи.

Такая неопредѣленность отношеній нашихъ съ Піемонтомъ показала мнѣ необходимость обезпечить армію со стороны Генуи. У насъ не было бы ни операціонной базы, ни линіи отступленія, если бы Піемонтъ перемѣнилъ свою политику. Завладѣвъ Генуею, мы могли пріобрѣсть и то и другое. Но я не имѣлъ ни средствъ достигнуть этого силою, ни предлога къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Генуэзцевъ.

При первыхъ успѣхахъ монхъ, гавань Генуи была уже заперта для англійскихъ судовъ, въ удовлетвореніе за непріязненныя дѣйствія 1793 года противъ французскихъ кораблей. Сенатъ даже не хотѣлъ признавать графа де-Жирола императорскимъ посломъ за то, что онъ возбуждалъ возстаніе противъ насъ. Генуэзскій народъ, имѣвшій важныя торговыя сношенія съ Франціею, былъ хорошо расположенъ къ намъ, и сенатъ слишкомъ часто доказывалъ свою умѣренность, чтобы можно было въ ней сомнѣваться. Но этого было недостаточно ни для удовлетворенія честолюбія директоріи, ни для моего спокойствія. Присутствіе англійскаго посланнаго Дрейка, слухи, которые онъ съ намѣреніемъ разсѣвалъ въ тылу моей арміи, взятіе фрегата la Modeste и другія обиды, въ которыхъ Генуа однакожъ не была виновна, показались мнѣ достаточными предлогами. Увѣренный въ томъ, что одинъ повелительный, гнѣвный тонъ мой могъ привести въ трепетъ эту республику, я послалъ адъютанта къ дожу требовать удовлетворенія и угрожалъ, въ случаѣ отказа, двинуться на Генуу.

9-го Октября заключенъ былъ мирный договоръ, по которому Генуа обязалась заплатить четыре милліона, запереть гавань свою для англичанъ, и открыть черезъ свои земли свободный пропускъ и войскамъ, и транспортамъ, отправляемымъ къ италіянской арміи. Такимъ образомъ Генуа сдѣлалась, такъ сказать, плацъ-д'армомъ моей арміи.

Поселяне имперскихъ владѣній, по наущенію ли агентовъ самаго Фейпу, какъ говорятъ одни, или графа де-Жирола, какъ утверждаютъ другіе, произвели новое возмущеніе. Помѣстье Санта-Маргуарита, выгодно расположенное въ долинѣ Скривіи, сдѣлалось главнымъ мѣстомъ возмущенія. Тамъ собрались бѣглые военнопленные и дезертиры съ намѣреніемъ отправиться оттуда въ Тироль черезъ Сестри-ди-Леванте. Тамъ заготовленъ былъ запасъ оружія и боевыхъ припасовъ, тайно вывезенныхъ изъ Генуи. Вурмзеръ,

узнавъ объ этомъ, хотѣлъ было послать туда офицера, чтобъ распорядиться этимъ движеніемъ; но я успѣлъ его предупредить. Наши легкія колонны двинулись въ помѣстья, разсѣяли мятежниковъ, отняли у нихъ оружіе, и взяли аманатовъ. Наконецъ все усмирилось на сѣверѣ Италіи, благодаря небольшой арміи Келлермана.

Между тѣмъ Англичанамъ съ каждымъ днемъ становилось труднѣе держаться въ Корсикѣ. Война, объявленная имъ Испаніи, дѣлала положеніе ихъ на Средиземномъ морѣ опаснымъ, и подвергала Корсику усиліямъ двухъ государствъ, имѣющихъ всѣ средства сдѣлать на этотъ островъ сильную высадку; сверхъ того англичане должны были страшиться самихъ обитателей Корсики, потому что большая часть ихъ привязана была къ Франціи. Самые паолисты, обманутые англичанами, начинали уже дѣйствовать непріязненно противъ вице-короля.

Лордъ Эллiотъ, давно уже убѣжденный, что для Великобританіи вовсе невыгодно держаться силою оружія въ странѣ, которой все народонаселеніе было возстановлено противъ англичанъ, сталъ по немногу готовиться къ очищенію острова. Узнавъ о занятіи Ливорно нашими войсками и объ приготовленіяхъ къ новой экспедиціи въ Тулонѣ, онъ рѣшился занять Порто-Феррайо, мѣсто, которое въ морскомъ, военномъ и торговомъ отношеніи доставляло почти тѣ же преимущества какъ и Корсика; но не имѣло ея невыгодъ. 10-го Іюля, въ удовлетвореніе за сдачу Ливорно, получилъ онъ дозволеніе занять укрѣпленія обще съ войсками великаго герцога.

Между тѣмъ неудовольствія въ Корсикѣ ежедневно возрастали. Слава моя, и различіе въ обращеніи Французовъ и Англичанъ съ Корсиканцами, должны были пробудить въ сихъ послѣднихъ чувства оскорбленной народной гордости и ненависти къ тѣмъ, подъ игомъ которыхъ они находились.

Число патріотовъ, бѣжавшихъ съ острова въ Марсель и Ливорно, увеличивалось со дня на день и сношенія ихъ съ остававшимися на островѣ удостовѣряли меня, что часъ освобожденія Корсики насталъ. Приказъ, полученный губернаторомъ изъ адмиралтейства объ оставленіи острова, предупредилъ вооруженное возстаніе Корсиканцевъ.

Принимая личное участіе въ судьбѣ моихъ соотечественниковъ, я спѣшилъ подать имъ помощь, и послалъ генерала Джантилли въ Ливорно, чтобъ тайно приготовиться тамъ къ экспедиціи въ Корсику. Въ это же время правительство готовилось къ тому же предпріятію въ Тулонѣ, а 25 испанскихъ кораблей, вышедшихъ изъ Картагены, обнадеживали успѣхъ его.

Джантилли, узнавъ о намѣреніи Англичанъ оставить островъ, послалъ генерала Казальту произвесть высадку съ небольшимъ отрядомъ линейныхъ войскъ и нѣсколькими вооруженными выходцами Корсики. Храбрый Казалта, не смотря ни на крейсеровъ непріятельскихъ, ни на враждующія стихіи, вышелъ на берегъ 19-го Октября; на другой день присоединилось къ нему значительное число патріотовъ, съ помощію которыхъ онъ

направился противъ Бастіи. Овладѣвъ высотами, господствующими надъ городомъ и покровительствуемый жителями, онъ сталъ требовать сдачи. Англичане успѣли сѣсть на корабли; только арріергардъ ихъ, въ которомъ находился составленный изъ эмигрантовъ полкъ Диллона, потерялъ нѣсколько человѣкъ плѣнными. Сенъ-Флоранъ и Аяччіо скоро были очищены, и въ нѣсколько дней весь островъ пришелъ снова подъ власть французскаго правительства.

Эти политическіе перевороты, эти перемирія и внутреннія экспедиціи заняли промежутокъ времени отъ сраженія при Санъ-Джіорджіо до битвы аркольской. Главныя силы наши оставались все это время вокругъ Мантуи и для наблюденій на Брентѣ и Эчѣ. Заразительныя болезни наполняли госпитали и ослабляли мою армію, а подкрѣпленія прибывали медленно; такъ что я не имѣлъ возможности дѣйствовать наступательно. Напротивъ того, Австрійцы дѣлали огромныя приготовленія, намѣреваясь еще разъ испытать счастія.

Въ половинѣ Октября, генералъ Давидовичъ получилъ подкрѣпленія, увеличившія корпусъ его до 20,000 человѣкъ. Корпусъ Кваздановича, отступившій послѣ бассанскаго сраженія въ Горице, усиленъ былъ также до 25,000; образованіе постоянныхъ полковъ изъ Кроатовъ доставило главную часть этихъ подкрѣпленій; къ нимъ присоединили нѣсколько баталіоновъ, остававшихся въ сѣверномъ Тиролѣ, послѣ отступленія рейнской арміи, и рекрутъ набранныхъ внутри имперіи. Альвинци, получивъ главное начальство надъ этими войсками, прибылъ къ корпусу Кваздановича и началъ дѣйствовать наступательно, направляясь черезъ Бассано къ Вероиѣ, гдѣ онъ надѣялся соединиться съ Давидовичемъ, которому приказалъ спуститься внизъ по Эчу.

Положеніе мое было затруднительно. Мнѣ нельзя было итти на встрѣчу Альвинци, потому что тогда Давидовичъ, опрокинувъ Вобуа, прошелъ бы къ Мантуѣ, и тамъ, соединившись съ Вурмзеромъ, явился бы въ тылу моемъ съ арміею, превосходившею числомъ всѣ мои силы. Устремивши же главную часть на Ровередо, я открывалъ Альвинци дорогу въ Мантуу, что произвело бы тѣ же самыя послѣдствія. Стянувъ войска къ Вероиѣ, я давалъ Альвинци возможность беспрепятственно соединиться съ Давидовичемъ по долинѣ Бренты; а для меня соединеніе этихъ двухъ корпусовъ столько же было опасно, какъ и соединеніе одного изъ нихъ съ Вурмзеромъ.

Вобуа былъ слишкомъ слабъ въ сравненіи съ Давидовичемъ, чтобъ защищать доступъ къ Тренту. Я думалъ, что приказавъ Вобуа дѣйствовать наступательно, устрашу Давидовича; но ошибся въ разсчетѣ: 2-го Ноября, Вобуа имѣлъ успѣхъ въ встрѣчѣ при Санъ-Микелѣ, въ долинѣ Эча; но, обойденный самъ съ праваго фланга по долинѣ Лависа, онъ долженъ былъ отступить къ Калльано. 4-го Давидовичъ вошелъ въ Трентъ, а войска Альвинци достигли Читаделлы и Бассано. При приближеніи непріятеля, Массена отступилъ черезъ Виченцу къ Монтебелло. Сообщеніе между двумя непріятельскими корпусами, казалось,

было совершено; но Австріійцы продолжали дѣйствовать раздѣльно. Давидовичъ двинулся къ Кальяно, а Альвинци на Верону.

Я рѣшился произвесть справа на лѣво тотъ же маневръ, который противъ Вурмзера удался мнѣ слѣва на право; а именно, разбить Альвинци, отбросить его за Піаве, и потомъ, поднявшись вверхъ по Брентѣ, ударить въ тылъ Давидовичу.

Я двинулся къ Брентѣ съ дивизіями Ожеро и Массены, и нашелъ уже непріятеля на этой сторонѣ рѣки. Массена атаковалъ 6-го лѣвый флангъ Альвинци, которымъ начальствовалъ Провера. Въ тоже время Ожеро ударилъ у Ленове на правое крыло, которымъ командовалъ Квазданович. Мы одержали полу-побѣду. Провера отступилъ за Брепту, а Квазданович къ Бассано, безъ значительнаго урона. Непріятель былъ сильнѣе и болѣе приготовленъ встрѣтить насъ, нежели я думалъ. Съ другой стороны я узналъ, что Давидовичъ сильно тѣснилъ Вобуа въ долинѣ Эча. Мнѣ необходимо было сблизиться съ Вобуа и Кильменемъ. Съ 7-го числа я сталъ отступать къ Веронѣ; Альвинци слѣдовалъ за мною, и 11-го достигъ Вилла-Новы. Вобуа, атакованный при Кальяно, выдержалъ упорную битву: 6-го и 7-го держался онъ въ своей позиціи; но, опасаясь быть обойденнымъ съ праваго фланга, отступилъ до Коронны, въ ночь съ 7-го на 8-е. Я поспѣшилъ къ этой дивизіи, ободрилъ рѣчью 39-ю и 85-ю полубригады, которыя дрались слабѣе другихъ при Кальяно, грозя написать на знаменахъ ихъ, что онѣ недостойны принадлежать къ италіянской арміи. Онѣ поклялись мнѣ умереть или побѣдить.

Между тѣмъ Альвинци сильно тѣснилъ меня. Я рѣшился остановить его натискъ, выступилъ изъ Вероны 11-го съ Массеною и Ожеро, и на другой день атаковалъ непріятеля, расположившагося у Кальдьеро. Сильная позиція его (*) и дождь съ изморозью при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, дувшемъ прямо въ лице моимъ войскамъ, сдѣлали безполезными всѣ ихъ усилія. Мы были отражены.

Возвратясь въ Верону, я увидѣлъ себя въ самомъ опасномъ положеніи: я былъ слишкомъ слабъ на всѣхъ пунктахъ. Казалось, судьба войны готовила мнѣ неизбѣжную погибель; но, если я умѣлъ пользоваться счастіемъ, то здѣсь доказалъ, что умѣлъ также и управлять имъ, когда оно вооружалось противъ меня. Другой на моемъ мѣстѣ поспѣшно перешелъ бы за Минчіо и потерялъ бы Италію. Но потеря этихъ первыхъ завоеваній сокрушила бы всю мою будущность. Чтобы все выиграть, мнѣ должно было на все рѣшиться. Я вознамѣрился перейти Эчъ ниже лѣваго фланга Альвинци, чтобъ дѣйствовать ему въ тылъ. Движеніе это было смѣло, но оно одно могло склонить побѣду на мою сторону.

(*) Высоты Кальдьеро, отрогъ горъ Сетте-Коммуни, исходящій до Эча и пересѣкающій шоссе отъ Вероны къ Виченцѣ, имѣютъ чрезвычайно крутой скатъ, покрыты виноградниками, и примкнуты съ одной стороны къ высокимъ горамъ, отъ которыхъ онѣ отдѣляются, а съ другой къ рѣкѣ. Позиція эта есть одна изъ примѣчательнѣйшихъ въ военномъ отношеніи.

Альвинци, подошедъ къ Вероне по кальдьерской дорогѣ, примыкалъ правымъ флангомъ къ непроходимымъ горамъ, лѣвымъ къ Эчу; передъ фронтомъ его находилась крѣпость, которую трудно было взять открытою силою. Запертый такимъ образомъ съ трехъ сторонъ, онъ могъ выйти изъ той мѣстности, на которой находился, только черезъ дефиле Вилла-Новы. Переправясь въ Ронко, я приближался къ этому дефиле, и заставлялъ непріятеля пробиваться фронтомъ назадъ, чтобъ открыть себѣ дорогу. Будучи слабѣе въ силахъ, я переносилъ поле битвы на мѣстность болотистую, гдѣ можно было сражаться только на трехъ плотинахъ, и гдѣ на моей сторонѣ были всѣ преимущества обороняющагося, увеличенныя личнымъ превосходствомъ моихъ войскъ.

Я взялъ изъ корпуса, блокировавшаго Мантуу генерала Кильменя съ 2,000 чел. и поручилъ ему охраненіе Вероны, гдѣ намъ необходимо было держаться, чтобы заградить Альвинци путь по долинѣ Эча на соединеніе съ Давидовичемъ. Я выступилъ изъ Вероны 14-го съ дивизіями Массены, Ожеро и кавалерійскимъ резервомъ, (всего около 20,000) и двинулся къ Ронко, гдѣ я приказалъ навести мостъ черезъ Эчъ. Утверждали, что мнѣ лучше бы было переправиться у Альбаредо, чтобъ избѣгнуть новой переправы черезъ Альпонъ съ его болотами и аркольскаго дефиле. Правда, что тогда мнѣ легче было бы завладѣть Вилла-Новою, но я не былъ довольно силенъ, чтобы такъ отчаянно двинуться на единственный путь отступленія Альвинци; нужно было угрожать ему, не оставляя опоры Эча и, по возможности, сближаясь и съ дивизіею Вобуа, и съ Вероною. Движеніе къ Альбаредо слишкомъ обширно, чтобы выполнить эту троякую цѣль и притомъ слишкомъ опасно было принять бой на Альпонѣ, у Вилла-Новы, ставъ къ Вероне фронтомъ.

Какъ бы то ни было, 15-го Ноября мы перешли Эчъ въ Ронко. Мѣстность, отдѣляющая пунктъ переправы отъ Альпона, до такой степени тонка, что только по тремъ плотинамъ можно было производить движенія. Массена направился по лѣвой плотинѣ, которая тянется по берегу Эча до Порчиле, а Ожеро по средней, которая ведетъ къ аркольскому мосту. Бригада Кроатовъ, расположенная на лѣвомъ берегѣ Альпона, защищала этотъ мостъ, и съ успѣхомъ воспользовалась всѣми преимуществами мѣстности, для отраженія атакъ Ожеро. Это обстоятельство, котораго я не могъ предугадать, едва не погубило насъ. Упорное сопротивленіе Кроатовъ дало время Альвинци прійтить имъ на помощь. Австрійскій военачальникъ, опасаясь за свой тылъ, направилъ Проверу съ 6-ю баталіонами на встрѣчу Массены; а самъ, съ главными силами, отступилъ къ Санъ-Бонифачіо.

Непредвидѣнное препятствіе, встрѣченное нами на аркольскомъ мосту, не заставило меня отказаться отъ моего плана. Мнѣ не удалось попасть въ Вилла-Нову по лѣвому берегу Альпона, за то мнѣ можно было прямѣе дѣйствовать на линію отступленія Альвинци черезъ Порчиле; но для этого нужно было овладѣть

деревнею Арколе и мостомъ, чтобы обеспечить отъ обхода свой правый флангъ и не попасть самому въ эту западню. Я возобновилъ усилія перейти мостъ. Почти всѣ генералы мои были переранены, желая подать собою примѣръ солдатамъ; я самъ кинулся на мостъ въ головѣ моихъ гренадеръ: все тщетно. Я долженъ былъ сознаться, что есть невозможное и для моего войска. Голова колонны нашей, осыпанная пулями, пришла въ разстройство. Въ смятеніи я былъ сброшенъ съ моста въ болото и чуть не попалъ въ плѣнъ. Белліаръ съ ротою гренадеръ пошелъ въ атаку, чтобы дать мнѣ время спастись. Подъ вечеръ Австріійцы оставили Арколе при приближеніи одной изъ моихъ бригадъ, которую я переправилъ у Альбаредо, и двинулъ вверхъ по лѣвому берегу Альпона. Но уже было довольно поздно. Я не рѣшился остаться на ночь въ этихъ болотахъ, вблизи непріятельской арміи, расположенной между Санъ-Бонифачіо и Санъ-Стефано; при томъ же Вобуа могъ быть разбитъ при Буссолинго, а тогда мнѣ должно было въ туже ночь двинуться усиленнымъ переходомъ на Минчіо, чтобъ соединиться съ нимъ подъ Мантуею. Это заставило меня перейдти обратно на правый берегъ Эча, оставивъ на лѣвомъ только войска, необходимыя для охраненія моста.

Я не могъ уже теперь дѣйствовать въ тылъ Альвинци, за то успѣлъ отдалить его отъ Вероны; это обстоятельство только отсрочивало мою погибель; чтобы спастись совершенно, мнѣ необходимо было, во что бы то ни стало, отбросить Альвинци на Бренту. Удостовѣрясь, что въ продолженіе 15-го числа Давидовичъ не тревожилъ Вобуа, мы снова перешли на лѣвый берегъ Эча утромъ 16-го. Австріійцы занявъ Альбаредо, Арколе и Порчиле, двинулись къ нашему мосту; мы ихъ опрокинули. Массена овладѣлъ деревнею Порчиле и, направивъ одну бригаду вправо, къ центру, отрѣзалъ на плотинѣ Австріійскую колону силою въ 1,500 человѣкъ. Ожеро снова устремился на Арколе, снова закипѣлъ бой, со всѣми кровопролитными картинами минувшаго дня. Мы понесли уронъ, но не могли овладѣть мостомъ. Наступила ночь. Тѣ же причины заставили меня снова отступить за Эчъ.

Неудача первыхъ попытокъ не лишила меня надежды на успѣхъ. Давидовичъ атаковалъ 16-го коронскую позицію и занялъ Риволи. Вобуа отступилъ къ Буссолинго и Кастель-Ново. Намъ становилось съ каждымъ мгновеніемъ необходимѣе принудить Альвинци отступить за Вилла-Нову; безъ этого намъ было почти невозможно возстановить прямое сообщеніе съ Вероною, и поспѣть на помощь къ Вобуа.

Я возобновилъ въ третій разъ атаку, и повторилъ бы ее еще десять разъ, если бы это было нужно. Мнѣ легче было пасть впереди солдатъ моихъ, нежели начать отступленіе, съ которымъ я потерялъ бы и Италію, и плоды прежнихъ подвиговъ, и, быть можетъ, всю мою будущность.

На разсвѣтѣ, 17-го числа, войска мои снова двинулись за рѣку; во время самой переправы, потопило одно изъ судовъ, на которыхъ былъ устроенъ мостъ. Это пагубное обстоятельство могло

лишить меня послѣдней надежды на возможность успѣха, но искусство и неимовѣрная отвага понтонеровъ мостъ спасли меня и мою армію. Мостъ былъ починенъ. Войска мои снова перешли Эчъ, и снова оттѣснили непріятеля до Порчиле и Арколе. Но какъ я не съ этой стороны намѣренъ былъ нанести рѣшительный ударъ, то, направя къ Арколе генерала Роберта съ полубригадою изъ дивизіи Массены, а самаго Массену съ другою полубригадою къ Порчиле, я расположилъ остальную часть этой дивизіи въ резервѣ у моста. Если бы непріятель вздумалъ воспользоваться своимъ превосходствомъ въ силахъ надъ Робертомъ, я бы заставилъ его раскаяться въ этомъ. Дивизіи Ожеро приказано было навести мостъ черезъ Альпонъ, близъ устья этого ручья, чтобъ дѣйствовать на флангъ Австріійцевъ, и взять Арколе съ противной стороны. Австріійцы, усилившись въ Арколе, приняли наступательное положеніе, и оттѣснивъ генерала Роберта къ мосту, запальчиво преслѣдовали его. Я только этого и ждалъ; мнѣ хотѣлось прежде разбить ихъ, а потомъ уже перейти за Альпонъ. Ихъ глубокая колонна, ободренная первымъ успѣхомъ, наткнулась на главныя силы дивизіи Массены; въ то же самое время, устремились во флангъ этой колоннѣ войска, скрытно расположенныя въ густомъ тростникѣ; 3,000 человѣкъ было отрѣзано; остальная часть разбита и отброшена въ величайшемъ безпорядкѣ къ Арколе. Тогда наступило рѣшительное мгновеніе. Ожеро, успѣвъ наконецъ навести мостъ, перешелъ ручей, и явился на лѣвомъ крылѣ Австріійцевъ, упиравшемся въ болото. Я принялъ заблаговременно мѣры къ обходу этой топи и назначилъ для исполненія этого 800 человѣкъ изъ гарнизона Леньяго; но они еще не показывались. Зная, какое дѣйствіе производила на моихъ противниковъ одна мысль, что они атакованы во флангъ или въ тылъ, я приказалъ офицеру, съ двумя или тремя десятками кавалеристовъ и нѣсколькими трубачами, ударить на оконечность лѣваго фланга Австріійцевъ. Хитрость удалась. Пѣхота ихъ смѣшалась. Ожеро, воспользовавшись этимъ, привелъ ее еще въ большое разстройство; а появленіе въ тылу непріятелей небольшаго отряда изъ Леньяго, заставило ихъ поспѣшно отступить къ Санъ-Бонифачіо. Тогда дивизія Массены дебушировала черезъ Арколе и Санъ-Грегоріо. Альвинци не съумѣлъ остановить насъ на мѣстности, доставлявшей всѣ выгоды обороняющемуся, а теперь не смѣлъ уже вступить со мною въ бой въ открытомъ полѣ, съ арміею, въ которой считалось уже не болѣе 15,000 человѣкъ. 18-го числа онъ отступилъ къ Монтебелло; я потерялъ почти столько же, сколько и непріятель, не разбивъ его; но за то пріобрелъ возможность обратиться противъ Давидовича, который, потерявъ цѣлую недѣлю передъ коронскою позиціею, только 16-го атаковалъ Вобуа. Въ этотъ день онъ не пріобрелъ значительнаго успѣха, но на слѣдующій, Вобуа, угрожаемый обходомъ праваго фланга, долженъ былъ отступить за Минчіо, переправясь у Пескьеры; 18-го Давидовичъ достигъ Кастель-Ново. Я рѣшился заставить его дорого поплатиться мнѣ за эти легкіе успѣхи. Предоставя преслѣдованіе Альвинци

одному кавалерійскому резерву, я свернулъ съ главными силами своей пѣхоты изъ Вилла-Новы къ Веронѣ, и торжественно возвратился въ этотъ городъ, по дорогѣ изъ Венеціи, три дня спустя послѣ того, какъ совершенно скрытно выступилъ изъ него по пути въ Медіоланъ.

И жители, и солдаты смотрѣли на меня съ изумленіемъ, совершенно не понимая моихъ дѣйствій. Массена перешелъ Эчъ въ Веронѣ, и направился къ Вилла-Франкѣ, куда долженъ былъ прибыть и Вобуа, переправясь снова черезъ Минчіо въ Боргетто. Этимъ двумъ дивизіямъ назначено было атаковать Давидовича съ фронта. Ожеро двинулся изъ Вероны, черезъ горы, на Дольче, чтобы отрѣзать ему отступленіе. Давидовичъ избѣгъ совершеннаго пораженія поспѣшнымъ движеніемъ къ Ровередо; но арріергардъ его претерпѣлъ сильное пораженіе.

Альвинци, съ своей стороны, убѣдясь въ томъ, что его преслѣдуетъ одна кавалерія, воротился назадъ къ Вилла-Новѣ, но въ это время, я уже успѣлъ отбросить Давидовича и снова готовился перейти въ Веронѣ на лѣвый берегъ Эча; Альвинци не осмѣлился принять боя и отступилъ за Бренту.

Между тѣмъ, какъ я наносилъ Австрійцамъ эти сильные удары на берегахъ Эча, Вурмзеръ спокойно оставался въ Мантуѣ. Альвинци, принявъ начальство надъ войсками, разсчитывалъ, что 23-го числа будетъ подъ стѣнами этой крѣпости, и потому предлагалъ Вурмзеру до этого дня не дѣлать вылазокъ; но дѣла приняли другой оборотъ. Кильменъ возвратился ранѣе этого срока, и блокадный корпусъ сдѣлался снова довольно силенъ для отраженія вылазокъ.

Эти успѣшныя дѣйствія были тѣмъ благопріятнѣе для насъ, что въ Германіи войска наши, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, были принуждены отступить даже до Рейна.

Я уже упоминалъ, какъ благоразумно поступилъ эрцъ-герцогъ, устремивъ главныя силы свои на войска Журдана; онъ могъ быть увѣренъ, что, если успѣетъ разбить ихъ во Франконіи, то оттѣснитъ до Майнца и поставитъ въ опасное положеніе Моро, дошедшаго до самаго Мюнхена. Успѣхъ былъ вѣренъ, и если бы послѣ вюрцбургской побѣды (3 Сентября) эрцъ-герцогъ Карлъ двинулся прямо на сообщенія Моро, оставя для преслѣдованія Журдана не болѣе 20,000 человѣкъ, рейнская армія была бы уничтожена; но пока онъ шелъ къ Лану, Моро, слабо тревожимый въ своемъ отступленіи, совершилъ его въ совершенномъ порядкѣ.

Войска наши снова готовились къ оборонѣ Келя и Дюссельдорфа. Эрцъ-герцогъ сосредоточилъ всѣ свои способы и силы на верхнемъ Рейнѣ, для взятія Келя; Моро и Дезе превосходно защищались въ этой крѣпости, и держались до половины Генваря. Къ довершенію бѣдствій, директорія смѣнила Журдана и на мѣсто его назначила Бернонвиля, который по способностямъ былъ гораздо ниже своего предмѣстника. Его усилили 20,000 отличнаго войска, два года сражавшагося въ Голландіи и 25,000 ч. блокировавшія Майнцъ, и онъ, съ 80,000 стоялъ два мѣсяца въ бездѣйствіи

противъ 25,000 Австрійцевъ, и это въ Ноябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ, въ то время, когда и Моро, и я, находились въ самомъ отчаянномъ положеніи. Сраженія на Брентѣ, при Калльано и Арколе чрезвычайно ослабили мою армію, и безъ того уже слишкомъ малочисленную въ сравненіи съ непріятелемъ. Венеція отвергла союзъ съ нами. Я долженъ былъ составить новый планъ дѣйствій, чтобы выйти изъ нашего опаснаго положенія. Я настоятельно просилъ директорію прислать мнѣ подкрѣпленія, необходимыя для того, чтобъ удержаться въ покоренной странѣ, довершить уничтоженіе Вурмзера и имѣть возможность пронесть войну въ самое сердце австрійской монархіи.

Директорія послала мнѣ дивизію изъ приморской арміи; но возмущенія роялистовъ на югѣ принудили оставить часть ея въ Провансѣ; генералъ Рей привелъ ко мнѣ всего 6,000 человѣкъ, между тѣмъ какъ весьма легко было прислать 25,000 подкрѣпленія, если бы въ это время не предприняли неумѣстной высадки въ Ирландію.

Разсказывая то, что касается собственно до меня, я не буду описывать подробно событія того времени, когда кормило правленія не было еще въ рукахъ моихъ; и потому не стану распространяться, ни на счетъ положенія Ирландіи, ни на счетъ переговоровъ, веденныхъ въ Парижѣ лордомъ Мамсбёри; скажу только, что директорія предположила высадить туда 25,000 войска, подъ предводительствомъ Гоша, на поддержаніе Католиковъ, думая потрясти этимъ могущество Англіи и для этого важнаго, но несвоевременнаго предпріятія хотѣла употребить войска приморской арміи, которыя можно было прислать мнѣ въ подкрѣпленіе. Предписавъ выгодный для республики миръ съ Австріею, весьма естественно было предпринять эту экспедицію; но въ одно время предписывать миръ и въ Дублинѣ, и въ Вѣнѣ, было невозможно съ тѣмъ небольшимъ числомъ военныхъ силъ, которымъ республика могла тогда располагать. Гошъ дѣйствительно отправился 14-го Декабря изъ Бреста, но буря разсѣяла его эскадру, и корабли наши были еще счастливы, что не столкнулись съ Англичанами и успѣли беспрепятственно достигнуть нашихъ береговъ. Войска, возвратившіяся изъ этой экспедиціи со славою сражались, въ началѣ слѣдующей кампаніи, въ рядахъ самбро-маасской арміи; если бы онѣ годомъ ранѣе были посланы на подкрѣпленіе моихъ войскъ, успѣхъ нашъ въ Италіи былъ бы несомнѣненъ.

Много было споровъ касательно выгодъ, представляемыхъ ирландскою экспедиціею и вѣроятности ея успѣха. Нельзя не согласиться, что подобная диверсія могла помѣшать Англіи направить всѣ свои усилія противъ Индіи. Многіе военные, убѣжденные въ томъ, что для достиженія этой цѣли недостаточно бросить въ Ирландію нѣсколько батальоновъ, но должно успѣть удержаться тамъ, и устоять въ упорной борьбѣ противъ народа, исполненнаго силы духа и любви къ отечеству, полагали первымъ условіемъ успѣха, перевѣсъ на морѣ. Слабая армія Гоша, побудивъ сенъ-джемскій кабинетъ прибѣгнуть къ народному ополченію, была бы

Владиміръ Константиновичъ
Крамарен...

истощена послѣ нѣсколькихъ битвъ, и принуждена оставить островъ; и потому гораздо благоразумнѣе было, не употребляя 25,000 отборныхъ войскъ для этой экспедиціи, послать тысячъ пять, или шесть съ опытными офицерами къ Типпо-Санбу, и тысячъ 20 на помощь ко мнѣ, чтобы вѣрнѣе поразить Вурмзера и Альвинци, подъ усиліями которыхъ я три раза былъ на краю погибели. Къ тому же мятежъ въ Ирландіи можно было возжечь во всякое время, и слѣдовало отложить подобное предпріятіе до болѣе благопріятнаго случая, когда для этого не надобно бы было подвергать опасности войска свои въ войнахъ на твердой землѣ; въ настоящемъ же положеніи вещей гораздо выгоднѣе было предписать миръ Австріи и освободить Индію, нежели возжигать междуусобную войну въ Британіи.

Чтобы договариваться съ Мамсбёри, нужно было прежде объясниться съ Австріею, касательно уступки Бельгіи. Кларкъ посланъ былъ въ Вѣну заключить перемиріе, и предложить императору прислать уполномоченныхъ для веденія переговоровъ съ республикою въ Парижъ, или Базель. Онъ прибылъ въ мою главную квартиру; но успѣхи эрцъ-герцога въ Германіи оживили надежды австрійскаго кабинета, и Кларкъ не былъ пропущенъ за непріятельскіе аванпосты.

Въ это время (17-го Ноября), Великая Екатерина сошла съ блистательнаго своего поприща, и на престолъ Россіи восшелъ сынъ ея Павелъ I. Судя по характеру этого государя, нельзя было предугадать, будетъ ли онъ держаться прежней политики россійскаго двора, или перемѣнитъ ее совершенно: приметъ ли участіе въ дѣлахъ Европы съ Франціею, или воспользуется смутами востока, и поведетъ войну противъ Порты. Поставленный въ недоумѣніе этимъ обстоятельствомъ, вѣнскій кабинетъ послалъ на встрѣчу Кларку барона Винцента; 4-го Генваря они съѣхались въ Виченцѣ, условились о предварительномъ перемиріи, какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи, и о высылкѣ съ обѣихъ сторонъ уполномоченныхъ для заключенія окончательнаго мира. Но условія перемирія представляли много затрудненій для обѣихъ договаривающихся сторонъ. Я замѣтилъ Кларку, что всѣ преимущества перейдутъ на сторону Австрійцевъ, если имъ позволено будетъ имѣть сообщеніе съ Мантуею, которую голодъ неминуемо принудилъ бы къ скорой сдачѣ. Австрійцы же именно настаивали, чтобы гарнизонъ Мантуи получалъ продовольствіе во время перемирія. Кларкъ не соглашался, и баронъ Винцентъ, не имѣвшій полномочія, возвратился въ Вѣну съ предложеніями нашего правительства, а Кларкъ, для формы, отосланъ былъ въ Туринъ къ бывшему тамъ австрійскому посланнику.

Между тѣмъ Мамсбёри, не успѣвъ согласиться съ нашимъ правительствомъ касательно самаго перваго пункта договора, оставилъ Парижъ и, казалось, что онъ за тѣмъ только и пріѣзжалъ туда, чтобъ узнать цѣль экспедиціи, готовившейся въ Брестѣ для высадки въ Ирландію. Послѣ этого оставалось только: мнѣ, стараться удержаться въ занимаемой

мною позиціи до прибытія подкрѣпленія съ Рейна, а Имперцамъ удвоить усилія и дѣятельность, чтобы спасти Вурмзера.

Правительство, не полагаясь на успѣхъ переговоровъ Кларка, и видя изъ аркольской битвы, какъ опасно было мое положеніе, рѣшилось наконецъ прислать мнѣ подкрѣпленіе. Отличныя дивизіи Бернадотта и Дельма, взятыя изъ рейнскихъ армій, шли ко мнѣ черезъ Альпы, не смотря на зимнее время; прибытіе ихъ усилило войска мои до 75,000.

Германскія арміи, изъ которыхъ было взято такое значительное подкрѣпленіе, не подвергались отъ этого никакой опасности. Онѣ стояли подъ стѣнами Стразбурга и Дюссельдорфа и были усилены свѣжими войсками, направленными къ нимъ изъ Бельгіи и Голландіи. Передвинувъ же эти силы изъ Германіи въ Италію, мы перенесли театръ рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій туда, гдѣ надежднѣе была побѣда. Въ ожиданіи исполненія моихъ блестящихъ надеждъ, я употребилъ весь Декабрь мѣсяцъ, на внутреннее устройство Италіи и, въ особенности, на обезпеченіе себя со стороны Венеціи.

Не успѣвъ привлечь эту республику на свою сторону, я долженъ былъ лишить ее средствъ вредить намъ. Для этой цѣли, и въ тоже время для прикрытія моего лѣваго фланга и тыла арміи со стороны Вальтелина, я занялъ замокъ Бергамо, цитадель довольно важную, расположенную на послѣднемъ скатѣ Альповъ со стороны Ломбардіи. Общества нашихъ патріотовъ въ Брешіи, Бергамо и Кремѣ, распространяли вездѣ духъ демократіи, всегда обольстительный для толпы.

Я возвратился въ Болонью, чтобы управлять дѣйствіями циспаданской и транспаданской республикъ и принудить папу выполнить условія заключеннаго перемирія; какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Альвинци съ новою арміею идетъ на избавленіе Вурмзера.

Преграды къ достиженію моей цѣли, казалось, возрастали и умножались наровнѣ съ моими успѣхами. Едва разбивалъ я одну армію, на мѣсто ея являлась другая. Съ каждымъ шагомъ во внутренность Австріи, силы непріятельскія росли, мои убывали; правительство поступало со мною какъ нѣкогда сенатъ карфагенскій съ Аннибаломъ. Въ концѣ Декабря, Альвинци снова имѣлъ болѣе 40,000; я долженъ былъ въ четвертый разъ сразиться съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, за обладаніе Мантуею.

Еще подкрѣпленія, ожидаемыя съ Рейна не подоспѣли ко мнѣ, когда я узналъ о наступательномъ движеніи Альвинци и поспѣшилъ на Эчъ. Войска мои были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: дивизія Серюрье у Мантуи, Ожеро на Эчѣ, отъ Вероны до Леньяго; въ самой Веронѣ Массена, а Жуберъ съ четвертою дивизіею у Короны и Риволи. Въ каждой изъ этихъ дивизій считалось около 10,000 ч. Генералъ Рей стоялъ въ Десендзано съ 4 тысячнымъ резервомъ. Непріятель вдругъ двинулся на центръ мой и на оба крыла черезъ Ровередо, Виченцу и Падуу. Я не зналъ, по которому изъ этихъ направленій двинуты главныя силы, и

столпилось, смѣшалось въ одну нестройную массу, и бросилось назадъ черезъ Инканале.

Отдѣлавшись отъ Квазданович, я устремилъ силы свои на помощь Віалю, быстро отступавшему. Австрійцы преслѣдовали его съ такою безразсудною запальчивостію, что двухъ сотъ кавалеристовъ, которыхъ я направилъ на нихъ, было достаточно, чтобы смять ихъ, опрокинуть и обратить въ бѣгство, въ которое былъ увлеченъ и центръ; вотъ разительный примѣръ того, что можетъ иногда сдѣлать горсть войска, употребленная въ удачно выбранную минуту. Альвинци едва успѣлъ остановить бѣгущихъ за р. Тассо.

Уничтоженіе Лузиньяна должно было увѣнчать мою побѣду. Не встрѣтивъ значительнаго сопротивленія, онъ утвердился на Монте-Пиполе, чтобы совершенно отрѣзать мнѣ отступленіе.

Я прикрылъ свой тылъ частью дивизіи Массены, и она удерживала напоръ Лузиньяна, до прибытія Рея, направленнаго ему въ тылъ изъ Орцы. Отрядъ Лузиньяна былъ окруженъ и совершенно уничтоженъ; едва нѣсколько сотъ человѣкъ успѣли достигнуть Монте-Бальдо.

Въ тотъ же день, вечеромъ, узналъ я, что Провера, прорвавъ центръ дивизіи Ожеро, растянутой вдоль по берегу Эча, успѣлъ 13-го вечеромъ переправиться у Ангіари, и шелъ къ Мантуѣ. Необходимо было не допустить его заставить снять блокаду крѣпости. Я полагалъ, что Жуберъ и Рей были довольно сильны для преслѣдованія остатковъ разбитой арміи Альвинци, и потому направился самъ съ дивизіею Массены на Ровербеллу, и прибылъ туда 15-го вечеромъ. 14-го Провера достигъ Ногары, не встрѣтивъ на пути ни какаго препятствія; но Ожеро успѣлъ между тѣмъ стянуть главныя силы своей дивизіи, ударилъ на его арріергардъ, нанесъ ему сильный уронъ и сжегъ мостъ на Эчѣ.

15-го, Провера приблизился къ Мантуѣ, разсчитывая вступить въ крѣпость черезъ предмѣстье Санъ-Джіорджіо; но оно уже было занято нами и укрѣплено; такимъ образомъ онъ не успѣлъ вступить въ сообщеніе съ Вурмзеромъ, но еще не терялъ надежды пробраться въ крѣпость на другой день, со стороны цитадели; но и на этомъ пунктѣ я приготовилъ ему такой пріемъ, какого онъ, вѣроятно, не ожидалъ. 16-го, въ 5 часовъ утра, Провера атаковалъ Фавориту, а Вурмзеръ Санъ-Антоніо.

Серюрье, защищавшій эти два пункта, удержался на нихъ, съ помощію приведенныхъ мною подкрѣпленій. Вурмзеръ возвратился въ крѣпость; но Провера не отдѣлался такъ дешево: атакованный съ фронта отрядомъ Серюрье, съ лѣваго фланга гарнизономъ Санъ-Джіорджіо, а съ праваго остаткомъ дивизіи Массены, онъ былъ совершенно подавленъ. Къ довершенію его бѣдствія, дивизія Ожеро, направленная черезъ Кастелларо, показалась въ тылу его; онъ положилъ оружіе съ пятью тысячами остававшагося у него войска.

Въ то же время, и съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовалъ Жуберъ. Послѣ отступленія Квазданович къ Ривальтѣ и разбитія корпуса Лузиньяна,

центръ австрійской армін остался при однѣхъ собственныхъ силахъ. 15-го, Жуберъ, быстрымъ движеніемъ по скату Монте-Маньоне и Монте-Бальдо, успѣлъ обойти непріятеля съ обоихъ фланговъ.

Австрійскія колонны, предупрежденныя Жубером на линіи ихъ отступленія и прижатыя къ пропастямъ Короны, были совершенно уничтожены, не успѣвъ достигнуть Феррары. Около 5000 сдалось военноплѣнными.

Разбивъ Проверу, я двинулся на Эчъ. Альвинци, потерявъ болѣе половины своей арміи, отступилъ за Піаве, оставя для защиты Тироля только 8-тысячный отрядъ, подъ начальствомъ Лаудона. Австрійскіе арріергарды были разбиваемы во всѣхъ стычкахъ. Въ началѣ Февраля армія моя заняла тѣ же пункты, которые занимала передъ аркольскимъ сраженіемъ: Жуберъ стоялъ на Лависѣ, Массена въ Бассано, а Ожеро въ Читтаделлѣ.

Такова была славная побѣда при Риволи. Съ 30-тысячною армією я взялъ здѣсь около 20,000 плѣнныхъ. Быстротою движеній войска наши превзошли легіоны Цезаря. Отрядъ, который я вывелъ 13-го изъ Вероны, выдержалъ въ этотъ день битву при Санъ-Микелѣ, ночью сдѣлалъ быстрый переходъ къ Риволи, 14-го дрался весь день въ горахъ, а 15-го былъ уже у Мантуи, и утромъ 16-го заставилъ Проверу положить оружіе.

Наконецъ, 2-го Февраля, Вурмзеръ сдался. Свирѣпствовавшій въ крѣпости голодъ и болезни значительно ослабили гарнизонъ; однакожъ въ немъ все еще оставалось подъ ружьемъ около 13,000, взятыхъ мною военноплѣнными и отправленныхъ въ Тріэстъ для размѣна; число больныхъ простиралось до 7000 чел. Мы снова завладѣли своею осадною артиллеріею, оставленною нами передъ сраженіемъ при Кастильоне, и сверхъ того 350 орудіями, взятыми частью на крѣпостныхъ валахъ, частью въ арсеналахъ.

Между тѣмъ какъ я боролся съ Альвинци, римскій дворъ нарушилъ заключенное въ Іюнѣ перемиріе, и дѣлалъ необычайныя вооруженія. Генералъ Колли, присланный вѣнскимъ кабинетомъ, принялъ начальство надъ войсками папы. Я образовалъ отдѣльный отрядъ подъ начальствомъ генерала Виктора, и направилъ его на Имолу, куда онъ прибылъ 2-го Февраля. Непродолжительна и не кровопролитна была эта кампанія. 4000 папскихъ войскъ, оборонявшія переправу черезъ Сеніо, были опрокинуты съ большимъ урономъ. 9-го, Викторъ достигъ Анконы и заставилъ еще 1200 человѣкъ положить оружіе.

Авангардъ нашъ завладѣлъ Лоретто и извѣстнымъ сокровищемъ церкви лорсттской Божіей Матери. 18-го наши войска были уже въ Толентино. Всеобщій ужасъ царствовалъ въ Римѣ. Владѣнія папы были въ моихъ рукахъ; но я не имѣлъ въ виду совершенно уничтожить его могущество; къ тому же это было и не такъ легко въ нашемъ положеніи: Неаполь и Мадритъ, дружбою которыхъ должна была дорожить Франція, принимали въ немъ участіе. Притомъ, занявъ эту область, я бы долженъ былъ оставить въ Римѣ и другихъ городахъ значительные

гарнизоны, а мнѣ не слѣдовало ослаблять себя, въ то время, когда я готовился внести войну въ самое сердце австрійской имперіи.

Я написалъ въ Римъ, что согласенъ вступить въ переговоры, и папа не замедлилъ выслать уполномоченныхъ. Переговоры длились не долго: разсуждать было не о чемъ; оставалось только подписать предписанныя мною условія. Миръ заключенъ былъ въ Толентино 19-го. Папа подтвердилъ уступку Авиньона и легатствъ Феррары и Болоньи, отказался отъ Романьи и обязался уплатить 30 милліоновъ контрибуціи. Эти тягостныя условія сдѣлали папу непримиримымъ врагомъ Франціи, не лишивъ его однакожъ всѣхъ средствъ вредить намъ. Я понималъ это, но не въ моей власти было измѣнить ходъ дѣлъ. Государственною политикою управляла директорія, которая хотѣла лишь унизить предъ собою величіе папской тіары, не думая пріобрести въ папѣ союзника.

—

ГЛАВА III.

Переходъ черезъ Тальяменто. Дѣла при Тарвисѣ, Неймаркѣ и Гундсмаркѣ. Первоначальныя условія мира въ Леобенѣ. Возмущенія въ Венеціи, Генуѣ и Вальтелинѣ. Переговоры въ Удине, или въ Пассеріано. Морская война. Сраженіе при мысѣ Св. Винкентія. Англичане берутъ Тринидатъ. Неудачныя покушенія ихъ противъ Тенериффа и Порто-Рико. Возмущенія на англійскомъ флотѣ. Питтъ посылаетъ Мамсбери въ Лилль. Внутреннее положеніе Франціи. 18 фруктидора. Переговоры, приближавшіеся къ концу, прерваны ошибкою директоріи. Бонапарте беретъ на себя заключеніе континентальнаго мира, въ противность данныхъ ему инструкцій. Выгоды кампо-формійскаго мира. Морское сраженіе при Кампердюнѣ. Раштадтскій конгрессъ. Возвращеніе Бонапарте въ Парижъ. Приготовленія къ египетской экспедиціи. Вторженіе въ Римъ и Швейцарію.

—

Блестящая побѣда при Риволи, взятіе Мантуи, освобожденіе Корсики отъ Англичанъ, миръ съ Римомъ и Неаполемъ, и наконецъ приближеніе сильныхъ подкрѣпленій ко мнѣ, совершенно измѣнили положеніе дѣлъ въ Италіи. Упрочивъ мои завоеванія въ этой странѣ, я хотѣлъ заставить трепетать австрійскаго императора въ собственной столицѣ его. Дивизіи рейнской арміи, прибывшія въ теченіи Марта мѣсяца, усилили войска мои до 75,000 человѣкъ, изъ которыхъ я долженъ былъ оставить около 20,000 въ крѣпостяхъ и для наблюденія за южною частью полуострова. Съ остальными войсками я двинулся впередъ. Директорія предписала Моро перейти Рейнъ въ Келѣ, чтобы содѣйствовать мнѣ; а Гошу, по преобразованіи самбро-маасской арміи, снова двинуться съ нею на Майнъ.

Вѣнскій кабинетъ имѣлъ также мысль сдѣлать Италію театромъ главныхъ

военныхъ дѣйствій; но эта мысль родилась только послѣ взятія Келя эрцъ-герцогомъ Карломъ, и разбитія Альвинци при Риволи. Въ половинѣ Генваря мѣсяца, эрцъ-герцогъ, уже прославившійся одною, отлично выполненною кампаніею, былъ посланъ противъ меня съ тремя отборными дивизіями. Я встрѣтилъ наконецъ достойнаго противника.

Послѣдніе успѣхи сдѣлали наше положеніе столь же прочнымъ, сколь до сихъ поръ оно было шатко и ненадежно; однако же я не забывалъ, что сардинскій король не былъ еще нашимъ союзникомъ, и при малѣйшей неудачѣ могъ сдѣлаться врагомъ. Я нѣсколько разъ побуждалъ директорію предложить ему самыя выгодныя условія, чтобъ склонить его вступить съ нами въ оборонительный и наступательный союзъ; наконецъ я рѣшился самъ заключить договоръ такого рода и подписалъ его 16-го Февраля съ графомъ Бальбо въ Болоньи; но директорія, употребляя во зло свои права, не утвердила его, и поручила это дѣло генералу Кларку, находившемуся тогда въ Туринѣ. Переговоры съ министромъ Даміаномъ Пріоккою, кончились только 8-го Апрѣля, когда Леобенское перемиріе дѣлало ихъ уже не нужными; но директорія ихъ также не утвердила.

Если бы мы во время получили 10-тысячное подкрѣпленіе Піемонтцевъ, наша армія, съ дивизіями Бернадотта и Дельма, возросла бы до 90 тысячъ, и тылъ нашъ былъ бы обезпеченъ; во всей Италіи, по крайней мѣрѣ до Эча, у насъ были бы только союзники.

Оставалась одна Венеція, которой беспокойный духъ могъ еще насъ тревожить. Война опустошала ея владѣнія на твердой землѣ, и народъ, возстановленный противъ насъ, ожидалъ только знака къ возстанію.

Въ Брешіи и Бергамо было много приверженцовъ демократіи и они произвели возмущеніе, требуя присоединенія этихъ двухъ городовъ къ Ломбардіи. Это случилось въ то самое время, когда я готовился проникнуть во Фріуль. Возстаніе это, произведенное генераломъ Ландріе, было скорѣе дѣломъ агентовъ директоріи, нежели моимъ собственнымъ; но оно содѣйствовало моимъ планамъ, и я не препятствовалъ ему. Причина была ясна: если демократы восторжествуютъ, то они усилятъ мое войско; если же падутъ, то мнѣ представится поводъ дѣйствовать противъ дурно расположенной къ намъ олигархіи. Я дорожилъ удержаніемъ за нами Италіи. Я привязанъ былъ къ Франціи, но не забывалъ своего италіянскаго происхожденія, и моею любимою мечтою было возстановленіе народа, богатаго столь великими воспоминаніями; но чтобы при заключеніи мира заставить Австрію согласиться на уступку Ломбардіи, требуя отъ нее въ тоже время и Бельгію, нужно было дать ей достаточное вознагражденіе за одну изъ этихъ земель. Подавая намъ предлогъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, Венеція сама обрекла себя въ жертву нашей политики.

Иго Венеціи было не такъ тягостно для народа, какъ для высшихъ сословій подвластныхъ ей областей. Нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ преобладаніе одного города надъ цѣлымъ

народомъ, если управленіе не раздѣлено между этимъ городомъ и высшимъ сословіемъ другихъ частей государства; такая олигархія, какъ въ Бернѣ и Венеціи, ненавистна, тягостна. Единственная благоразумная форма республики, гдѣ республика уже существуетъ — есть правленіе аристократическое, подобное тому, какое было въ Римѣ, когда всѣ Латины получили право гражданства. Если бы венеціянскій сенатъ заблаговременно предложилъ 30 сенаторскихъ мѣстъ лучшимъ дворянскимъ домамъ Брешіи, Бергамо, Вероны, Виченцы, Падуи и Тревизы, мы не имѣли бы никакаго вліянія на жителей этихъ областей. Но вмѣсто того, чтобы благоразумною уступчивостью отстранить грозу, онъ принялъ мѣры другаго рода; возмутилъ жителей горъ окрестностей Сало противъ Брешіи и поддерживалъ ихъ войсками генерала Фіоравантн. Дошло до кровопролитія; бунтовщики взяли Сало; но патріоты, съ помощію нашихъ войскъ и Цизальпинцевъ, снова отняли городъ. Въ то же время сенатъ набралъ и вооружилъ отъ 8 до 10,000, усилилъ свое войско, и снаряжалъ грозную флотилію для прикрытія лагунъ Венеціи.

Въ нашемъ положеніи должно было, или привлечь Венецію на нашу сторону, или поставить ее въ бездѣйствіе. Сенатъ прислалъ ко мнѣ Пезаро для объясненій, касательно безпорядковъ въ Брешіи. Я старался убѣдить его въ томъ, какъ необходимо Венеціи принять нашъ союзъ, измѣнивъ нѣсколько правленіе, и даже далъ ему почувствовать, какъ опасно ей перейти на сторону нашихъ противниковъ, объяснивъ, что ранѣе двухъ недѣль я вытѣсню Австрійцевъ изъ Фріуля и займу Карнитію.

Но рѣшеніе сената было уже принято. Онъ слишкомъ ненавидѣлъ насъ, чтобы согласиться вступить въ союзъ; но слишкомъ боялся и насъ, и вліянія вѣнскаго кабинета, чтобы перейти на сторону Австріи. Онъ выказалъ только храбрость труса, приготовясь къ оборонѣ, и обѣщая поддерживать до послѣдней крайности права неутралитета. Но этимъ трудно было обмануть меня, потому что съ обѣихъ сторонъ взаимная вражда была слишкомъ велика: Венеція сохранила бы неутралитетъ, пока я оставался бы побѣдителемъ; одно сомнительное дѣло въ норическихъ альпахъ, и 20-тысячная венеціянская армія, усиленная ополченіями поселянъ, напала бы на нашъ тылъ, уничтожила бы наши депо, и отрѣзала бы намъ отступленіе.

Это положеніе дѣлъ не тревожило бы меня, если бы директорія кончила переговоры съ сардинскимъ королемъ, потому что тогда я могъ бы принудить Венецію къ бездѣйствію, оставя противъ нее 10 или 12 тысячъ; но туринскій дворъ требовалъ, чтобъ ему уступлена была хотя часть Ломбардіи; а директорія не хотѣла связать себя; потому, что въ такомъ случаѣ, она должна была поставить уступку этой области непремѣннымъ условіемъ мира съ Австріею. Напрасно директорія затруднялась этимъ: подобная статья договора всегда бываетъ условна; невозможнаго сдѣлать нельзя; и еслибы Австрія изъявила упорное несогласіе, мы могли дать вознагражденіе Сардиніи изъ

завоеваній нашихъ на правомъ берегу По.

Между тѣмъ эрцъ-герцогъ прибылъ уже на Піаве, а три дивизіи, шедшія къ нему черезъ Тироль съ Рейна, были еще далеко: Бернадоттъ и Дельма уже 8 дней какъ присоединились ко мнѣ, а подкрѣпленія Австрійцевъ еще были въ Баваріи. Пользуясь этимъ состояніемъ непріятеля, я рѣшился напасть на него, не обращая вниманія на двусмысленное положеніе Венеціи. Дивизія Виктора, оставленная въ Анконѣ, чтобы понудить папу къ исполненію договора, получила приказаніе возвратиться на Эчъ и прикрывать мои сообщенія. Я двинулся съ дивизіями Массены, Бернадотта, Серюрье и Ожеро (которою командовалъ въ это время генералъ Гюіё), составлявшими 38,000. Подъ начальство Жубера назначилъ я, кромѣ той дивизіи, которою онъ командовалъ при Риволи, дивизіи Бараге-д'Илье и Дельма.

Съ береговъ Минчіо мнѣ представлялось два пути во внутренность Австріи: первый на сѣверъ, черезъ долину Эча, то есть, черезъ Тироль; вторый на востокъ, черезъ Фріуль и Карніолію. Эти двѣ операціонныя линіи, пересѣкаясь, составляютъ прямой уголъ, въ вершинѣ котораго стоитъ Верона; обѣ онѣ были заняты непріятелемъ, а потому мнѣ нельзя было избрать исключительно одну изъ нихъ, не подвергая своего фланга и тыла нападенію той части непріятельскаго войска, которая бы дѣйствовала по другой. Дорога черезъ Тироль представляетъ болѣе затрудненій наступающему, и не такъ прямо ведетъ въ сердце родовыхъ австрійскихъ земель; притомъ узкія долины этого пути не позволили бы мнѣ развернуть всѣ мои силы. Дорога черезъ Фріуль была удобнѣе, но за то тутъ нельзя было пройти къ Удине, не открывая своего тыла непріятелю, если бы тотъ двинулся черезъ Тироль; чтобы избѣжать этого, мнѣ необходимо было двинуть значительныя силы вверхъ по Эчу, съ цѣлью удерживать непріятеля въ Тиролѣ. Отрядъ этотъ могъ примкнуть къ главной арміи черезъ долину Дравы, какъ бы нарочно созданную для подобнаго движенія; этотъ способъ дѣйствія наиболѣе согласовался съ расположеніемъ театра войны; только удачное соединеніе силъ у Клагенфурта было довольно затруднительно.

Но если мѣстность представляла неудобства, за то она имѣла и выгоды для наступающаго. Если бы непріятель вздумалъ оборонять Фріуль параллельными позиціями за рѣками Піаве, Таліаменто и Изондзо, лѣвое крыло его постоянно было бы близъ самаго морскаго берега, а единственный путь къ отступленію за правымъ крыломъ; такъ что одно удачное движеніе на это крыло могло отрѣзать отступленіе всей арміи и опрокинуть ее въ адріатическое море. На этихъ данныхъ основалъ я планъ мой. Остатки арміи Альвинци заняли берегъ Таліаменто; тирольскій корпусъ, подъ начальствомъ Керпена и Лаудона находился за Лависомъ и Носсомъ; бригада Лузиньяна, расположенная при Фельтрѣ, сохраняла сообщеніе между двумя главными корпусами. Во всей австрійской арміи считалось не болѣе 35,000, потому что подкрѣпленія

съ Рейна еще не прибыли; правда, что можно причислить къ ней еще нѣсколько тысячъ Тирольцевъ, вооружившихся для собственной обороны: но они дрались только въ своихъ горахъ.

10-го Марта армія моя двинулась. Я шелъ съ главными силами прямо на Таліаменто. Массена былъ направленъ на Фельтръ противъ бригады Лузиньяна, и вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы угрожать правому крылу эрцъ-герцога. Лузиньянъ отступилъ вверхъ по Піаве; 13-го арріергардъ его, настигнутый у Лонгаро, былъ разбитъ и онъ самъ попался въ плѣнъ. Массена, откинувъ на Кадоре австрійскую бригаду, свернулъ на Шиплембергъ и Джемону, чтобы ближе обойти правое крыло эрцъ-герцога и занять важную дорогу на Потебу, по которой непріятель могъ отступить на Виллахъ.

16-го числа, я прибылъ въ Вальвазоне, на Таліаменто, а эрцъ-герцогъ отступилъ уже, оставивъ на этой рѣкѣ одинъ арріергардъ. Войска мои переправились въ бродъ. Непріятель былъ опрокинутъ, и мы гнали его по дорогѣ на Пальманову. Эрцъ-герцогъ раздѣлилъ свою армію. Самъ отступилъ на Гориче; другая колонна, при которой находилась бо́льшая часть обоза и артиллеріи, направилась, подъ начальствомъ генераловъ Гонтрейля и Баялича, чередъ Чивидале и натизонскую долину на Капоретто; генералъ Окскай, командовавшій бригадою Лузиньяна, прикрывалъ дорогу изъ Виллаха на Кіуза-Венету.

Отъ самаго источника своего до Гориче, Изондзо протекаетъ между двумя отраслями горъ, непроходимыми со стороны Крайнбурга. Если бы мнѣ удалось запереть здѣсь армію эрцъ-герцога, онъ попалъ бы въ новыя каудинскіе фуркулы; нѣсколько времени я надѣялся успѣть въ этомъ. Массена, поднявшись вверхъ по берегу Феллы, могъ опрокинуть Окская за Тарвисъ и завладѣть выходами по берегамъ Изондзо, со стороны Виллаха. Я самъ маневрировалъ противъ лѣваго фланга эрцъ-герцога, стараясь вогнать его въ долину этой рѣки. Лѣвый флангъ Австрійцевъ былъ примкнутъ къ городу Градискѣ, занятому четырьмя батальонами. Бернадоттъ атаковалъ его 17-го числа съ фронта, а Серюрье съ тыла, переѣдя Изондзо между Градискою и Монтефальконе. Гарнизонъ сдался на капитуляцію. Тогда, съ дивизіями Серюрье и Бернадотта, я сталъ подыматься по лѣвому берегу Изондзо, а Гюйё двинулся на Капоретто, черезъ Чивидале. Я намѣревался отрѣзать непріятелю дорогу въ Черницу, принявъ вправо, по виппахской долинѣ, и такимъ образомъ принудить его войти въ долину Изондзо, по дорогѣ черезъ Канале на Капоретто.

Эрцъ-герцогу необходимо было уклоняться отъ рѣшительнаго боя, до прибытія войскъ съ Рейна, и потому онъ, не давъ мнѣ времени совершить мое движеніе, поспѣшно отступилъ къ Лайбаху, черезъ Черницу и Адельсбергъ. Я послалъ Бернадотта преслѣдовать его, а самъ устремился на колонну Гонтрейля и Баялича, которая не могла уже спастись отъ моихъ ударовъ. Замедляемая въ своемъ движеніи обозомъ, который она прикрывала, преслѣдуемая войсками Гюйё

и Серюрье, поднимавшимися вверхъ по Изондзо, она неожиданно встрѣтила съ фронта Массену, успѣвшаго уже занять проходы Понтебы и Тарвисъ, отбросивъ Окская на Вуртценъ. Гонтрейль тщетно старался пробиться черезъ Тарвисъ: онъ былъ оттѣсненъ въ ущелья Оберъ-Прета, и окруженъ тамъ вмѣстѣ съ Баяличемъ. Они положили оружіе: около 4,000 плѣнныхъ, 25 орудій и 400 повозокъ достались намъ въ добычу. 28-го числа, я собралъ въ Виллахѣ дивизіи Массены, Гюйё и Серюрье. Бернадоттъ слѣдовалъ за эрцъ-герцогомъ на Лайбахъ; летучіе отряды его направлены были даже къ Тріэсту, съ цѣлью воспользоваться средствами этого богатаго города.

Эрцъ-герцогъ, слѣдовавшій изъ Лайбаха чрезъ Клагенфуртъ на Сантъ-Вейтъ, былъ усиленъ тамъ первыми подкрѣпленіями, прибывшими изъ Германіи. Изъ Клагенфурта я писалъ къ нему, о бѣдствіяхъ войны, которой ничѣмъ нельзя было долѣе оправдывать и старался возбудить въ его благородной душѣ желаніе мира. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не имѣетъ права вести переговоровъ, но что не менѣе моего желалъ бы прекратить несчастія войны.

Онъ чувствовалъ себя еще слишкомъ слабымъ, чтобы сразиться со мною, и при моемъ приближеніи отступилъ къ Неймарку; 30-го числа прибылъ я въ Сантъ-Вейтъ. Апрѣля 2-го, Массена завладѣлъ дирнштейнскими проходами и опрокинулъ непріятельскіе арріергарды у Неймарка и Гундсмарка. Гренадеры, прибывшіе съ Рейна, были разбиты въ этихъ двухъ стычкахъ. Австрійцы продолжали отступать къ Вѣнѣ. Пятаго числа, прибылъ я въ Юденбургъ; два дня спустя, эрцъ-герцогъ, успѣвшій получить отвѣтъ изъ Вѣны, куда онъ отправилъ мое письмо, прислалъ просить перемирія, чтобы условиться о заключеніи окончательнаго мира. Я съ радостью согласился; положеніе мое было блестяще, но не твердо. Я чувствовалъ себя не въ силахъ нанести рѣшительный ударъ Австріи, потому что рейнская и самбро-маасская арміи, не смотря на ихъ превосходство надъ непріятелемъ послѣ отъѣзда эрцъ-герцога, стояли въ бездѣйствіи на кантониръ-квартирахъ, на лѣвомъ берегу Рейна, и я долго не могъ ожидать отъ нихъ никакой помощи; такъ, что это даже заставило меня думать, что мною хотѣли съ намѣреніемъ пожертвовать и дать разбить меня. Кромѣ этого, я справедливо безпокоился о сохраненіи моихъ сообщеній.

Журданъ началъ дѣйствовать успѣшно; разбивъ раздѣльно Керпена на Лависѣ 20-го Марта, и Лаудона при Неймаркѣ 22-го, онъ дошелъ до Брикссена. Керпенъ отступилъ къ Штерцингу, а Лаудонъ въ долину моранскую; но скоро положеніе дѣлъ измѣнилось. Тирольцы народъ воинственный, независимый и набожный; правительство австрійское употребило всѣ старанія, чтобъ возстановить ихъ, представляя насъ врагами религіи; неразлучныя съ войною бѣдствія еще болѣе ожесточили ихъ. При воззваніи графа Лербаха, они взялись за оружіе. Болѣе 10,000 Тирольцевъ присоединилось къ Лаудону, и это дало ему средство перейти въ наступательное положеніе, двигаувшись на

Ботценъ, въ долину Эча. Жуберъ могъ бы помѣряться силами съ непріятелемъ, но послѣ дѣла на рѣкѣ Таліаменто, я послалъ къ нему предписаніе свернуть къ Каринтіи. Окруженный непріятелями, онъ полагалъ, что долженъ поспѣшить присоединиться ко мнѣ, чрезъ долины Рієнцы и Дравы; 5-го Апрѣля выступилъ онъ изъ Бриксена и двинулся чрезъ Прунекенъ и Линцъ на Виллахъ; движеніе чрезвычайно смѣлое, произведенное имъ среди страны возставшей противъ насъ, и безъ малѣйшей потери. Такимъ образомъ Тироль былъ очищенъ нами до самаго Трента. Керпенъ двинулся чрезъ Раттенбергъ и долину Зальцы къ Мурау на соединеніе съ эрцъ-герцогомъ. Лаудонъ, подкрѣпленный Тирольскою милиціею, спустился внизъ по Эчу, опрокинулъ слабые отряды, прикрывавшіе рѣку и двинулся къ владѣніямъ венеціянскимъ, гдѣ все было въ смятеніи.

Сенатъ, раздраженный нашими дѣйствіями во время бунта въ Брешіи, жаждалъ мщенія. Приближеніе Лаудона было знакомъ къ общему возстанію народа, приведеннаго въ ярость противу насъ представителями ихъ олигархіи, и въ особенности духовенствомъ. Въ Веронѣ повторились сицилійскія вечерни: всѣ Французы, находившіеся въ городѣ, были перерѣзаны. Генералъ Балланъ, командовавшій тамъ нашимъ отрядомъ, заперся въ замкѣ съ 3,000 человѣкъ. Онъ былъ осажденъ съ одной стороны Лаудономъ, а съ другой инсургентами, поддержанными войсками, посланными венеціянскимъ сенатомъ, подъ предводительствомъ генерала Фіораванти. Но перемиріе Юденбургское, объявленное Лаудону, принудило его возвратиться въ Тироль.

Венеціяне, предоставленные собственнымъ силамъ, не могли устоять противу 15-ти тысячнаго корпуса, составленнаго генераломъ Викторомъ изъ его дивизіи и различныхъ гарнизоновъ, оставленныхъ въ городахъ Ломбардіи, подъ начальствомъ Кильменя. Фіораванти положилъ оружіе, и инсургенты были совершенно разсѣяны.

Между тѣмъ я всѣми силами старался о заключеніи мира. Кромѣ этихъ происшествій, грозившихъ лишить мою армію сообщеній, меня страшило и то, что жребій войны долженъ будетъ рѣшиться подъ стѣнами Вѣны, гдѣ всѣ выгоды перейдутъ на сторону противниковъ. Правда, что съ присоединеніемъ ко мнѣ войскъ Жубера и Бернадотта у меня снова составилось 50 тысячъ войска; но рейнская армія стояла все еще въ бездѣйствіи въ 150 льё за мною, и эрцъ-герцогъ могъ противупоставить мнѣ превосходныя силы, будучи поддержанъ венгерскимъ поголовнымъ ополченіемъ и волонтерами, которые, безъ сомнѣнія, явились бы къ нему въ значительномъ числѣ, при видѣ опасности столицы.

Къ тому же я пріобрѣталъ столькоже славы, давъ миръ Европѣ, какъ и войдя побѣдителемъ въ столицу императора. Кабинетъ вѣнскій чрезвычайною поспѣшностью въ переговорахъ ясно обнаружилъ, до какой степени онъ страшился меня, и я вполнѣ воспользовался этимъ, предписавъ условія. Апрѣля 18-го онѣ были предварительно заключены въ

Леобенѣ, гдѣ находилась моя главная квартира.

Въ это время Гошъ перешелъ Рейнъ въ Нёйвидѣ съ своею превосходною арміею, и вступилъ 23-го Февраля во Франкфуртъ, послѣ ряда безпрерывныхъ успѣховъ надъ слабымъ противникомъ своимъ, Вернекомъ. Моро также удачно переправился 20-го числа въ Келѣ, и Старрай, не будучи въ состояніи удержать его стремленія, былъ оттѣсненъ до Раштадта.

Мѣсяцемъ раньше, эти два движенія, перенеся 120,000 нашего войска на берега Инна, могли бы дать рѣшительный оборотъ войнѣ и, можетъ быть, обезпечили бы для Франціи миръ еще болѣе выгодный, спася самостоятельность Венеціи.

Я поспѣшилъ очистить родовыя австрійскія земли и вывести мои войска въ венеціянскія владѣнія. Я показывалъ видъ, что желаю доказать этимъ императору мое искреннее желаніе мира; но въ самомъ дѣлѣ, я радъ былъ случаю приблизиться къ моимъ сообщеніямъ. Враждебныя дѣйствія Венеціи въ эту пору были для меня самымъ счастливымъ случаемъ, доставивъ возможность исполнить обѣщаніе, данное мною въ Леобенѣ, вознаградить Австрію за уступку Бельгіи и Ломбардіи. Я былъ бы очень затрудненъ, если бы поступки Венеціянъ не подали мнѣ предлога располагать частью ихъ областей. Съ помощью возмущенія демократической партіи, произведеннаго секретаремъ посольства нашего Виллетаромъ, войска мои заняли Венецію 16-го Мая. Олигархическое правленіе было уничтожено. Венеціянскіе патріоты еще льстили себя надеждою, что я допущу учредить демократію въ ихъ республикѣ: но ея судьба съ этой поры зависѣла уже отъ хода нашихъ мирныхъ переговоровъ съ Австріею. Сначала хотѣли допустить политическое существованіе республики, вознаградивъ ее полученными отъ папы легатствами за уступку Фріуля; но этого не позволилъ сдѣлать новый оборотъ нашихъ переговоровъ. Къ тому же я полагалъ навѣрно, что уступка Венеціи императору будетъ уступкою временною, которую мы непремѣнно возвратимъ при первой войнѣ.

Разбирая это событіе съ строгимъ безпристрастіемъ, нельзя не сознаться, что Венеція принесена была въ жертву обстоятельствамъ. Но этого требовала политика. Республика отвергла союзъ нашъ. Она не скрывала уже своей ненависти къ намъ. За участіе въ дѣлахъ Брешіи, Венеціяне перерѣзали Французовъ въ Веронѣ. Война была объявлена не словами, а дѣйствіями, и завоеваніе безспорно принадлежало побѣдителю. Еслибы требовалось только покорить владѣнія Венеціи на твердой землѣ, война была бы окончена менѣе нежели въ недѣлю. Но положеніе Венеціи, окруженной со всѣхъ сторонъ водою, спасало ее отъ нашихъ ударовъ. Нужно было только не допустить ее отдаться Англичанамъ, въ рукахъ которыхъ она бы навсегда осталась недоступною для насъ; а достигнуть этого мы могли не иначе, какъ посредствомъ партіи нашихъ приверженцевъ, которые призвали бы насъ на помощь, и воспрепятствовали бы распоряженіямъ къ сильной и упорной оборонѣ. Таковы были причины

произведеннаго Виллестаромъ возстанія, слѣдствіемъ котораго было установленіе временнаго правительства. Потомство рѣшитъ, должны ли мы были прибѣгнуть къ этому дѣйствію, которое отклонило отъ насъ новыя кровопролитія и потери, необходимыя для покоренія Венеціи, и не позволило нашему непримиримому врагу утвердиться на этомъ пунктѣ, который сдѣлался бы недоступенъ для насъ въ рукахъ Англичанъ. Враги наши представили поступокъ этотъ какъ нарушеніе всѣхъ правъ народныхъ. Но избіеніе Французовъ въ Вероиѣ и смерть капитана Ложье, убитаго на своемъ кораблѣ, въ гавани Венеціи, служатъ намъ извиненіемъ, особенно, если принять въ соображеніе, что, при занятіи Венеціи, я былъ еще намѣренъ сохранить самостоятельность ея и вознаградить за уступки присоединеніемъ новыхъ владѣній на правомъ берегу По.

Впрочемъ Данцигу, Эльбингу и Торну было еще страннѣе, изъ вольныхъ городовъ сдѣлаться прусскими областями, нежели Венеціи попасть черезъ мои руки во власть австрійскаго императора. Возгласы моралистовъ не могутъ измѣнить порядка дѣлъ этого міра. Историкъ Ботта, съ восторгомъ приводя въ сочиненіи своемъ филиппики венеціянскихъ проповѣдниковъ, призывавшихъ народъ къ убійствамъ, находитъ, что мы очень дурно дѣлали, поступая съ ними какъ съ непріятелями! Вотъ какъ пишутъ исторію!....

Послѣ этихъ событій я расположилъ мою главную квартиру въ Пассеріано, близъ Удине, и ожидалъ уполномоченныхъ отъ императора, для заключенія окончательнаго мира. 24-го Мая, подписалъ я въ Монтебелло предварительное условіе съ герцогомъ Галло, чтобы ускорить ходъ переговоровъ. Но кабинетъ вѣнскій отказалъ въ ратификаціи его, и я уѣхалъ въ Миланъ, съ намѣреніемъ заняться устройствомъ цизальпинской республики, присоединить къ ней земли, которыя должны были войти въ ея составъ, и показать этимъ Австріи, что уже нельзя измѣнить этого положенія. Модена, Реджіо, Брешіа, Бергамо, Феррара и Болонья были присоединены къ Ломбардіи, и составили одно государство, въ которомъ считалось до трехъ милліоновъ жителей. Я видѣлъ, какъ оживалъ народный духъ и восхищался этимъ. Уже Италіянцы чувствовали, что они ни чемъ не хуже имперцевъ. Я укрѣпилъ ихъ моральныя силы, сдѣлавъ ихъ участниками нашей славы.

Изъ Милана я управлялъ демократическими переворотами, низвергшими генуэзскую олигархію и приведшими въ полную отъ насъ зависимость лигурійскихъ нововводителей. Перевороты въ Вальтелинѣ усилили цизальпинскую республику, присоединеніемъ къ ней этой области. Образованіе цизальпинской республики было торжественно объявлено 9-го Іюля.

Постоянныя сношенія генуэзцевъ съ нами въ теченіи трехъ столѣтій, обратили Генуу нѣкоторымъ образомъ во французскую гавань. Нигдѣ не имѣли мы столько приверженцевъ. Только одни представители олигархіи, боясь демократическихъ идей, клонились на сторону нашихъ непріятелей.

Директорія, заботясь объ уничтоженіи аристократіи во всѣхъ мелкихъ сосѣднихъ государствахъ, не могла забыть Генуу. Еще въ Іюлѣ 1796 года, она предписала мнѣ требовать удовлетворенія отъ сената за нѣкоторыя понесенныя ею оскорбленія; но тогда я боролся съ Вурмзеромъ, и потому удовольствовался однѣми денежными вознагражденіями. Между тѣмъ агенты директоріи, по наущенію нашего посланника Фейпу, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ усилить здѣсь вліяніе партіи демократовъ; и успѣхи ихъ были такъ быстры, что сенату скоро стала угрожать та же участь, какая постигла Венецію.

Игра въ мячь подала первый поводъ къ народному возстанію. 9-го Мая толпа черни обезоружила войско, овладѣла всѣми воротами и составила комитетъ, который долженъ былъ требовать разныхъ преобразованій отъ сената; сей послѣдній, будучи слишкомъ слабъ, чтобы отразить ударъ силою, предложилъ выбрать судьею въ этомъ дѣлѣ Фейпу, главную пружину возмущенія, обязавшись заранѣе согласиться на всѣ перемѣны, которыя онъ признаетъ нужными. Нѣкоторые патриціи, болѣе рѣшительные, вооружили угольщиковъ и крестьянъ сосѣднихъ деревень и въ кровопролитной схваткѣ на улицахъ и площадяхъ, сенатъ остался побѣдителемъ. Возвратясь изъ Монтебелло въ Миланъ, я узналъ объ этихъ событіяхъ. Я всегда смотрѣлъ на Генуу, какъ на самое полезное присоединеніе, которое могло упрочить завоеванія наши въ Италіи. Эта обширная крѣпость, расположенная на вершинѣ скалъ, противъ которой трудно вести правильную осаду, могла быть для насъ ключемъ Ломбардіи, когда Піемонтъ не принадлежалъ намъ, и не было еще симплонской дороги. Для меня было все равно, повинуется ли Генуа дожу изъ патриціевъ, или заговорщикамъ плебеямъ, собиравшимся у аптекаря Морандо, или въ ложѣ Банки; я хотѣлъ только, чтобы тамъ первенствовала французская партія. Но какъ мы сами принадлежали тогда къ демократіи, то я не долженъ былъ допустить восторжествовать олигархію. Я послалъ въ Генуу одного изъ моихъ адъютантовъ, узнать подробно о состояніи дѣлъ и условиться обо всемъ съ Фейпу.

Призванный сенатомъ для разрѣшенія этого дѣла, я тотчасъ же потребовалъ освобожденія всѣхъ Французовъ и предводителей революціонной партіи, и взятія подъ стражу всѣхъ важнѣйшихъ лицъ со стороны противниковъ. Нѣсколько дней спустя, депутація сената, прибывшая въ Миланъ съ Фейпу, подписала вмѣстѣ со мною въ Монтебелло положеніе, уничтожавшее олигархическое правленіе въ Генуѣ. Этотъ необыкновенный актъ, въ которомъ Франція явилась посредницею между древнимъ правленіемъ и генуэзскимъ народомъ, состоялъ изъ 12-ти статей. Верховная власть предоставлялась собранію цѣлаго народа; законодательная вверялась двумъ представительнымъ совѣтамъ, составленнымъ одинъ изъ 300, а другой изъ 150 членовъ; исполнительная власть вручена была сенату изъ 12 членовъ, подъ предсѣдательствомъ дожа. Какъ сей послѣдній,

такъ и сенаторы должны были избираться обоими совѣтами. До приведенія въ исполненіе этого положенія, власть ввѣрена была коммиссіи изъ 22 членовъ, подъ предсѣдательствомъ прежняго дожа. Этотъ образъ правленія нисколько не былъ приспособленъ ни къ правамъ, ни къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Небольшой генуэзской республикѣ невозможно было имѣть представительное правленіе изъ 450 членовъ, не получавшихъ жалованья, не подпавъ подъ власть аристократіи богатства, самой худшей изъ всѣхъ аристократій. Но я не заботился объ улучшеніи положенія Генуи: я старался, напротивъ, скорѣе довести ее до желанія быть присоединенною къ Франціи.

Какъ бы то ни было, малый совѣтъ утвердилъ подписанное въ Монтебелло положеніе большинствомъ 57 голосовъ противъ 7. Дожъ и новое временное правительство вступили въ исправленіе своихъ должностей; хотя въ заключенномъ нами условіи и не было мнѣ предоставлено право избирать членовъ коммиссіи временнаго правительства; но, привыкнувъ дѣйствовать рѣшительно и не оставлять дѣлъ, не кончивъ ихъ совершенно, я поспѣшилъ назначить этихъ членовъ изъ людей, наиболѣе приверженныхъ къ демократіи. 13-го Іюня дожъ созвалъ и открылъ эту вновь составленную коммиссію.

Хотя чернь еще волновалась и часть ея не покидала оружія; но переворотъ этотъ произведенъ былъ тихо. Вечеромъ, демократы вынесли изъ дворца золотую книгу и сожгли ее на аквавердской площади. На другой день, предписаніе временнаго правительства уничтожило всѣ права дворянства и феодализма. Гербы, украшавшіе палаты вельможъ были уничтожены; но какъ подобные перевороты рѣдко обходятся безъ неистовствъ, буйная чернь свергла статуи этихъ Доріевъ, которыми нѣкогда гордилась Генуа. Законодательная коммиссія занялась составленіемъ конституціи; а я, помышляя объ извлеченіи пользы изъ этого переворота, приказалъ генералу Дюфо образовать шеститысячный отрядъ изъ Лигурійцевъ, чтобы, принявъ его на наше содержаніе, увеличить число вспомогательныхъ войскъ.

Представители олигархіи не теряли еще надежды. Они собрались въ Пизѣ, и произвели возстаніе въ прибрежныхъ областяхъ и въ Бизаньо. Генералъ Дюфо, вышедшій на встрѣчу инсургентамъ, былъ прогнанъ имп назадъ въ Генуу. Они завладѣли даже фортомъ эперонскимъ. Но Дюфо, усиленный жителями Понента, генуэзскими демократами и французскими войсками, подоспѣвшими изъ Тортоны, разбилъ противниковъ, не смотря на всѣ усилія Дураццо, Доріи, Спинолы и Паллавичини. Таково было паденіе правительства, которое властвовало здѣсь такъ мирно и благоразумно, и постоянно было въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціею. Можно было полагать, что оно бы удержалось въ Генуѣ, если бы въ 1796 году добровольно приняло въ число сенаторовъ человѣкъ десять изъ низшаго сословія, и тогда же вступило въ союзъ съ нами. Если же бы и тогда не устояло оно, весь стыдъ палъ бы на его противниковъ. Директорія старалась уничтожить не прежній образъ правленія, а

независимость и неутралитетъ Генуи. Этотъ пунктъ былъ необходимъ намъ, чтобъ обеспечить нашу операціонную базу въ Ломбардіи, когда во власти нашей не было еще прямаго пути черезъ Альпы.

Место конгресса для переговоровъ съ Австріею назначено было первоначально въ Бернѣ; но въ слѣдствіе новыхъ условій, съѣхались въ Удине, гдѣ я и вступилъ въ переговоры съ Мерфельдомъ и Галло.

Директорія прислала мнѣ въ товарищи генерала Кларка, и дала намъ такую инструкцію, которая чрезвычайно замедлила бы ходъ переговоровъ, если бы не было затрудненій и со стороны вѣнскаго кабинета. Едва заключены были предварительныя условія, какъ и начались уже несогласія съ обѣихъ сторонъ.

Контро-революціонная партія успѣла пріобресть сильное вліяніе въ совѣтахъ. Пишегрю, Вилло, Имберъ-Коломе были главою этой партіи. Началась ужасная борьба между властью исполнительною и властью законодательною, которая не только не вспомоществовала правительству, но еще затрудняла всѣ его дѣйствія. Эти безпорядки оживили надежду нашихъ враговъ.

Отношенія наши съ Англіею имѣли также большое вліяніе на ходъ переговоровъ. Первый министръ, не смотря на геніяльный умъ его, не могъ отвратить сильныхъ бѣдствій, постигшихъ въ этотъ годъ Британію. Экспедиція Гоша была неудачна; но она оживила надежды Ирландцевъ; Англія должна была употребить большія усилія, чтобъ прекратить бунты на этомъ островѣ. Послѣ леобенскаго перемирія генералъ Трюге заступилъ место Гоша, готовясь привесть въ исполненіе наше безуспѣшное предпріятіе высадки въ Ирландію. Подъ начальствомъ его была въ Кельнѣ превосходная армія, которая въ нѣсколько недѣль могла достигнуть береговъ Ла-Манша. Мы надѣялись нанесть ударъ Англіи въ самыхъ ея владѣніяхъ. Содѣйствіе Испаніи и Голландіи, имѣвшихъ тогда еще довольно сильный флотъ, обѣщало намъ успѣхъ. Въ особенности же Испанія могла бы здѣсь быть сильнымъ орудіемъ, если бы мексиканскаго золота было достаточно, чтобъ улучшить устройство кораблей ея и возбудить болѣе рвенія въ морякахъ. Огромныя суда, которыми такъ гордятся Испанцы, были большею частью неповоротливы, медленны на ходу и для управленія требовали гораздо искуснѣйшихъ офицеровъ.

Во всякомъ случаѣ, соединеніе союзныхъ флотовъ въ британскомъ проливѣ должно было имѣть важныя послѣдствія, потому что Англичане напрягали уже послѣднія усилія, чтобъ удержать за собою Ирландію. Адмиралтейство дѣятельно старалось предупредить опасность. Лордъ Бридпортъ отправленъ былъ блокировать Брестскую пристань. Дунканъ наблюдалъ Тексель. Джервизъ, бывшій въ устьѣ Таго, не упускалъ изъ виду испанскаго флота, состоявшаго изъ 25 линейныхъ кораблей и 10 фрегатовъ, подъ начальствомъ адмирала Кордовы, прославившагося въ войну за независимость Америки. Онъ вышелъ изъ Картагены, прошелъ Гибралтаръ и заставилъ снять блокаду

Кадикса. Подъ начальствомъ Джервиза было всего 15 кораблей. Онъ встрѣтилъ испанскаго адмирала у мыса Св. Винкентія, прорвалъ его линію и, отрѣзавъ девять кораблей, ударилъ на нихъ превосходными силами и взялъ въ плѣнъ пять изъ нихъ. Нельсонъ, которому приписываютъ честь побѣды, прославился въ этотъ день.

Восемьнадцать кораблей, во все не участвовавшіе въ дѣлѣ, со стыдомъ возвратились въ Кадиксъ. Побѣдою своею Джервизъ обязанъ былъ соблюденію тѣхъ же тактическихъ правилъ, которыми я руководствовался въ сраженіяхъ при Монтенотте, при Кастильоне, при Риволи. Какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, прежде всего нужно стараться привести въ бездѣйствіе одну какую нибудь часть силъ противника и ударить всѣми собственными на тотъ пунктъ, который представляетъ наибольшую надежду на успѣхъ. Удивительно, что со времени устройства флота во Франціи, ни одинъ изъ нашихъ адмираловъ не умѣлъ приспособить къ своимъ дѣйствіямъ это простое правило; мы всегда сражались, корабль противъ корабля, въ двухъ параллельныхъ линіяхъ, что прямо противорѣчитъ правиламъ военнаго искусства. Одинъ Суффренъ употребилъ этотъ маневръ и то случайно.

Понесенное Испанцами пораженіе привело флотъ ихъ въ бездѣйствіе. Джервизъ, усиленный еще шестью кораблями, господствовалъ на Средиземномъ морѣ. Англичане обложили и бомбардировали Кадиксъ. Нельсонъ направился противъ Тенерифа, но былъ отраженъ и здѣсь потерялъ руку. На антильскихъ островахъ адмиралъ Гарвей и Аберкромби отняли у Испанцевъ Тринидатъ, важный пунктъ, съ котораго удобно можно беспокоить материкъ южной Америки. Менѣе счастливый въ Порто-Рико, Аберкромби былъ отраженъ съ потерею. Къ этой неудачѣ присоединилось сильное возмущеніе, вспыхнувшее между матросами Дунканова флота, стоявшаго около Текселя; оно достигло до того, что простые матросы приняли на себя начальство, захвативъ всю власть на судахъ; можно было ожидать, что боязнь наказанія, побѣдя любовь къ отечеству, заставитъ ихъ искать прибѣжища въ нашихъ гаваняхъ; но, къ счастію Англіи, эта мысль не пришла имъ въ голову; возмущеніе это, причиною котораго была неправильная раздача жалованья, было остановлено частью кроткими, частью строгими мѣрами, возбужденіемъ чувства любви къ отечеству и средствами дисциплины.

Эти событія произвели всеобщій страхъ въ Лондонѣ. Достовѣрное извѣстіе о томъ, что Австрія уже вступила въ переговоры съ нами и опасеніе, чтобы Испанія и Голландія, обще съ нашимъ брестскимъ флотомъ, не предприняли рѣшительныхъ дѣйствій противъ Ирландіи, поколебали англійское правительство; а задержка въ уплатахъ денегъ изъ банка и отверженіе финансовыхъ мѣръ, предложенныхъ Питтомъ, увеличило впечатлѣніе, произведенное возмущеніемъ матросовъ.

Министерство чувствовало, что ему нужно, во чтобы то ни стало, выиграть время и заключить миръ; тѣмъ болѣе, что оно могло въ послѣдствіи,

смотря по обстоятельствамъ, исполнить статьи договора или нарушить его. Мамсбёри былъ посланъ 4-го Іюля въ Лиль. Съ нашей стороны договаривались о мирѣ Маре, Летурнёръ и Шевилль-Лепелей. Можно сказать, что Маре одинъ велъ переговоры и съ неожиданнымъ успѣхомъ. Министръ нашъ Карлъ де-ла-Круа далъ ему нелѣпыя, ни съ чѣмъ несообразныя наставленія. Между прочимъ онъ требовалъ отъ Англіи кораблей, въ замѣнъ тѣхъ, которые были сожжены въ Тулонѣ; возвращенія острововъ Жерзея и Гернзея и въ особенности крѣпости Гибралтара. Притомъ нужно было договариваться о мирѣ не только съ Франціею, но также съ Испаніею и Голландіею, что весьма увеличивало многосложность и запутанность переговоровъ.

Маре слишкомъ хорошо понималъ дѣло, чтобы принять подобное порученіе. Онъ только тогда согласился, когда члены директоріи убѣдили его, что министръ этотъ будетъ замѣненъ Талейраномъ, и что по этому наставленія де-ла-Круа не должны его связывать. Такимъ образомъ Маре предоставлено было полновластно вести переговоры съ Мамсбёри и, благодаря искусству его, дѣло шло успѣшно и быстро. Франціи возвращались всѣ отнятыя у нее колоніи и назначено было вознагражденіе за корабли, потерянные ею въ Тулонѣ. Король англійскій отказывался даже отъ титла *короля Франціи*. Двѣ послѣднія уступки были маловажны въ сущности; но льстили Французамъ по духу того времени. Испанія получила назадъ всѣ свои колоніи кромѣ Тринидата. Голландіи обѣщано было также возвращеніе всѣхъ ея колоній, безъ исключенія.

Мамсбёри замѣтилъ однако, что ему нельзя явиться предъ англійскою націею, не сохранивъ ни одного изъ ея трофеевъ, хотя для виду; для этого положено было, чтобъ гавань Тринкемале была объявлена неутральною, и чтобы тамъ Англичане и Голландцы поочередно содержали гарнизонъ, погодно. Англичане занимали его въ это время, и всѣ знали, что они не выйдутъ оттуда.

Замѣчательно также, что Мамсбёри, желая сохранить мысъ Доброй Надежды, предлагалъ въ замѣнъ островъ св. Елены, но Маре не согласился. Онъ переписывался со мною черезъ Кларка; и мы возстановили бы общій миръ, если бы намъ не препятствовали происки Ревбеля, главы той партіи, которая требовала войны.

Явное вліяніе засѣданій совѣтовъ на политику вѣнскаго кабинета было мнѣ также непріятно, какъ и безпрерывно возраждающіяся затрудненія во всемъ, со стороны Ревбелева министерства. Вѣроятность новаго разрыва, заставила меня просить директорію о ратификаціи договора съ сардинскимъ королемъ, полгода тому назадъ уже составленнаго; но на перекоръ здравому разсудку, она и въ этомъ отказала. Приведенный въ негодованіе, я жаловался нѣкоторымъ изъ членовъ директоріи, считавшихся моими друзьями. Мнѣ представили, что республиканская партія готова пасть подъ ударами самыхъ конституціонныхъ властей, сдѣлавшихся просто орудіями противудѣйствователей и раздѣлившихся на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая старалась

привлечь къ себѣ кого нибудь изъ замѣчательныхъ генераловъ. Пишегрю былъ уже на сторонѣ роялистовъ, старавшихся, сверхъ того, привязать къ себѣ Моро. Другая партія хотѣла Гоша. Слава моя пугала уже многихъ директоровъ, и они были готовы возвысить одного изъ соперниковъ моихъ, чтобы уменьшить силу, пріобрѣтенную мною въ общемъ мнѣніи. Я рѣшился поддерживать республиканцевъ, пославъ директоріи генерала Ожеро начальствовать ея войскомъ въ Парижѣ. Весьма естественно, что я покровительствовалъ партіи, къ которой самъ принадлежалъ. Тѣ, которые считались моими друзьями, извѣщали меня о существованіи заговора; а такъ какъ имъ легче было открыть нить его, то я и долженъ былъ на нихъ полагаться. Притомъ бумаги графа д'Антрага, министра Людовика XVIII, захваченныя въ Венеціи, мнѣ слишкомъ ясно доказали сношенія эмигрантовъ съ совѣтами, чтобы я могъ вѣрить Баррасу и его товарищамъ. Чѣмъ болѣе бралъ я участія въ дѣлахъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что необходимо кончить революцію, давъ ей болѣе правильное образованіе. Она была произведеніе своего вѣка, и не могла сдѣлать шагу назадъ, безъ самыхъ ужасныхъ кровопролитій и униженія Франціи; и потому я всѣми силами содѣйствовалъ событію 18-го Фруктидора. Въ этотъ знаменитый день пала конституція III-го года, это фантастическое произведеніе нѣсколькихъ мечтателей, которые, увлекаясь мыслію уравновѣсить власти, установили такой порядокъ вещей, при которомъ происходили безпрерывныя затрудненія и замедленія въ ходѣ дѣлъ. Директоріи и совѣты были совершенно разстроены изгнаніемъ Карно, Бартелеми, и 53 депутатовъ, совершенно противуположныхъ партій. Если этотъ переворотъ былъ выгоденъ только одной партіи, и если въ немъ, подъ личиною общаго блага, дѣйствовала частная ненависть, то пятно лежитъ не на мнѣ, а на тѣхъ, которые меня обманули. Не отъ меня зависѣло извлечь изъ него лучшія послѣдствія.

Директоріи въ новомъ составѣ своемъ была не искуснѣе и не миролюбивѣе прежней, не смотря на то, что Карлъ де-ла-Круа былъ замѣненъ Талейраномъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Первымъ слѣдствіемъ этой перемѣны былъ разрывъ переговоровъ въ Лиллѣ, гдѣ Трейларъ и Бонпье заступили мѣсто Маре и Летурнёра.

Всѣ требованія Англіи, были съ гордостью отвергнуты; уничтожили и тѣ условія, на которыя уже обѣ стороны согласились. Мамсбёри уѣхалъ въ половинѣ Сентября. Единственный представившійся случай, остановить грозно возрастающее могущество Англіи выгоднымъ миромъ, былъ такимъ образомъ упущенъ заносчивостью Ревбеля и Мерлена.

Едва не случилось того же и въ Пассеріано. Послѣ 18-го Фруктидора Кларкъ былъ отозванъ и мнѣ поручили переговоры. Директоріи не хотѣла, ни утвердить союза съ Сардиніею, ни уступить Венецію Австріи, страшась увеличить этимъ ея могущество на морѣ, хотя сначала и была согласна на эту уступку, надѣясь получить въ замѣнъ Мантуу. Наше

новое правительство сдѣлалось до того неумѣренно въ своихъ требованіяхъ, что не соглашалось дать Австріи никакихъ вознагражденій въ Италіи.

Недовольный беспрестанными отказами, обиженный разными поступками директоріи, ясно показывавшими ея недовѣрчивость, я подалъ 25-го Сентября просьбу объ моемъ увольненіи, нѣсколько дней послѣ того, какъ я объявилъ уполномоченнымъ, что если миръ не будетъ подписанъ 1-го Октября, то я не иначе буду вести переговоры, какъ на основаніи сохраненія занятыхъ нами владѣній.

Не зная, какія слѣдствія будетъ имѣть подобное объявленіе, я старался отвлечь отъ Австріи Баварію и Виртембергъ, пославъ туда съ этою цѣлью генерала Дезе подъ вымышленнымъ предлогомъ. Но, окруженный агентами Австріи, онъ не могъ выполнить возложеннаго на него порученія.

Уполномоченные императора, пришли въ недоумѣніе, узнавъ о происшествіи 18-го Фруктидора и отправили генерала Мерфельда въ Вѣну. Императоръ, тотчасъ же послалъ его обратно съ графомъ Кобенцелемъ, снабженнымъ болѣе положительными наставленіями.

Съ этого времени переговоры пошли скорѣе, но не потому, чтобы Австрія сдѣлалась уступчивѣе; напротивъ, она не только не отказывалась отъ Мантуи, оставленной за нею по первоначальнымъ условіямъ, но требовала еще въ добавокъ Венецію и легатства, или всю линію Адды. Негодуя за такія требованія, я съ своей стороны сталъ оспоривать даже обладаніе Далмаціею и Рагузою, которыя были уже заняты Австрійцами. Директорія однако не обратила вниманія на требованія Австріи, и объявила мнѣ, что граница владѣній Австріи непремѣнно должна быть перенесена за Изондзо, и что, ежели она желаетъ вознагражденій, то можетъ ихъ получить только въ Германіи, обративъ духовныя земли въ свѣтскія. Казалось, что скорый разрывъ долженъ послѣдовать непремѣнно.

Въ это время директорія, понимая, сколько потеряетъ она, если согласится меня уволить, когда мои побѣды столько способствовали къ возвышенію республики, и къ подписанію предварительныхъ условій мира, не сочла унизительнымъ отправить нарочнаго для объясненія со мною. Рѣшась продолжать войну, она чувствовала, что нуждается въ рукѣ моей, и исполнила все, въ чемъ прежде такъ упорно отказывала. Италіянская армія была усилена тремя полубригадами, и однимъ кавалерійскимъ полкомъ; болѣе 8,000 рекрутъ, укомплектовали мои кадры; мнѣ обѣщанъ былъ ремонтъ въ 1,600 лошадей; наступательный и оборонительный союзъ съ сардинскимъ королемъ былъ предложенъ на утвержденіе совѣтовъ; директорія, чтобы показать наконецъ все свое вниманіе ко мнѣ, сдѣлала выговоръ Келлерману и вызвала изъ Неаполя Како, бывшаго тамъ посланникомъ, потому что я былъ не совсемъ доволенъ имъ.

Ободренный тайными наставленіями Ботто, и увѣренный въ согласіи директоріи, надъ которою съ этого

времени я надѣялся имѣть сильное вліяніе, я рѣшился не связывать себя наставленіями министерства которыя произвели бы въ Пассеріано то же, что и въ Лиллѣ. Послѣ обыкновенныхъ, увеличенныхъ требованій, дѣласмыхъ для того, чтобы легче получить желаемое, я рѣшился поспѣшно окончить переговоры, не ожидая дальнѣйшаго уполномоченія.

Многія причины побуждали меня къ этому. Хотя италіянская армія находилась въ цвѣтущемъ состояніи, и имѣла хорошее основаніе дѣйствій въ Озоппо и Пальмановѣ, но уже по позднему времени года, нельзя было открыть военныя дѣйствія въ Каринтіи; съ другой стороны, я терялъ много выгодъ допустивъ императора, спокойно устроить свое войско, въ продолженіи зимы; къ тому же взаимное положеніе арміи слишкомъ уравновѣшивало вѣроятность успѣха. Австріійцы были близко отъ своей земли, отъ магазиновъ и депо, обеспечены съ фланговъ, прикрытыхъ съ одной стороны Венгріею и Кроаціею, а съ другой Тиролемъ, областями воинственными, всегда готовыми по первому призыву, принять участіе въ дѣйствіяхъ. Напротивъ того, мы должны были опасаться нападенія съ тыла. Неаполь ждалъ только случая удовлетворить своей ненависти къ намъ; Венеція старалась избавиться отъ ненавистнаго сосѣдства; кромѣ того, сардинскій король, видѣвшій изъ замедленія ратификаціи мирнаго договора угрожавшую ему опасность, могъ легко къ нимъ присоединиться. Ко всему этому должно прибавить еще и то, что главныя силы Австріи находились противъ меня, въ то время, какъ наши были на Рейнѣ, въ 200 льё за моею арміею, которая одна, покрайней мѣрѣ цѣлый мѣсяцъ, должна бы была нести всю тягость войны. Наконецъ разрывъ директоріи съ Англіею и неопредѣленность плановъ правительства въ случаѣ войны, заставили меня умѣрить требованія и согласиться на уступку Зальцбурга и Венеціи. Такимъ образомъ, 17-го Октября, когда всѣ ждали войны, миръ былъ заключенъ въ Кампо-Форміо.

Договоръ составленъ былъ изъ 25 статей, по которымъ Австрія соглашалась на уступку Бельгіи и Ломбардіи съ Мантуею, и на опредѣленіе границы Франціи теченіемъ Рейна и Альпами. Венеціянскія владѣнія до лѣваго берега Эча, отданы были Австріи вмѣстѣ съ Вероною. Провинціи Брешія и Бергамо, лежащія на правомъ берегу, присоединены были къ цизальпинской республикѣ; а острова Іоническіе къ Франціи.

Четырнадцать тайныхъ пунктовъ, которые въ нѣкоторомъ родѣ были важнѣе самаго договора, опредѣляли границы республики. Императоръ обязывался не поддерживать германскаго союза, если тотъ откажется отъ уступокъ на лѣвомъ берегу Рейна; обѣщано было дозволеніе свободнаго судоходства по Рейну и Маасу. Франція соглашалась, чтобы Австрія пріобрела Зальцбургъ, Инфиртель и городъ Вассербургъ на Иннѣ. Австрія отдавала Фрикталь Швейцаріи, а имперскія помѣстья Лигуріи; моденской герцогъ получалъ Брисгау, въ замѣнъ земель его, вошедшихъ въ составъ цизальпинской республики. Франція обязывалась возвратить прусскія

земли, лежащія между Рейномъ и Маасомъ. Бывшимъ владѣтельнымъ лицамъ лѣваго берега Рейна обѣщаны были вознагражденія, равно какъ и штатгальтеру. Наконецъ, въ седьмой статьѣ, сказано было, что если одна изъ договаривающихся державъ сдѣлаетъ какія либо пріобретенія въ Германіи, то и другая можетъ сдѣлать равномѣрныя.

Миръ этотъ былъ блистателенъ и могъ быть проченъ. Онъ былъ блистателенъ потому, что отдавалъ Франціи Бельгію, линіи Рейна и Альповъ, Майнцъ, и упрочивалъ ей полное вліяніе надъ Италіею. Кромѣ этого, мы пріобрели еще острова Іоническіе, этотъ ключъ къ Леванту, открывавшій намъ огромныя выгоды въ морскомъ отношеніи. Онъ долженъ былъ быть проченъ, потому что Австрія была вполнѣ вознаграждена за уступленныя ею области. Отдѣленная отъ Піемонта цизальпинскою республикою, она передала въ наши руки вліяніе надъ Савоею и сѣверною Италіею; но за то, придвинувъ границы свои къ самому Эчу, обладая Вероною, Лепьяго и Венеціею, она имѣла твердую опору и хорошее основаніе дѣйствій въ этой странѣ. Пораженная столько разъ, потерявъ такъ много въ войнѣ съ нами, она не только вознаграждена была этимъ миромъ за свои уступки; но еще увеличилась новыми пріобретеніями. Послѣ пораженій при Жемапѣ, Флёрюсѣ, Жюльс, Лоано, Эттлингенѣ, Монте-Нотте, Лоди, Кастильоне, Бассано, Арколе, Риволи, она, вмѣсто отдаленной Бельгіи, присоединила къ себѣ Галицію; промѣняла на венеціянскія земли Ломбардію, съ которою не иначе могла имѣть сообщеніе, какъ черезъ чужія владѣнія; уступила антверпенскій портъ, получивъ въ замѣнъ Венецію, представлявшую несравненно болѣе выгодъ для ея торговли и политическаго могущества; она округлила свои земли и увеличила народонаселеніе 3 милліонами жителей.

Франція же должна была тѣмъ больше дорожить этимъ миромъ, что въ это время (18-го Октября) Дунканъ разбилъ и въ половину уничтожилъ голландскій флотъ при Кампердюйнѣ, близъ береговъ сѣверной Голландіи; этотъ важный успѣхъ, затрудняя заключеніе мира на морѣ, долженъ быть придать новую цѣну сближенія съ Австріею. Но безумныя правила, которыя такъ старалась вездѣ распространять директорія, непрочность нашей внѣшней политики и ненависть иностранцевъ къ нашему республиканскому вольнодумству, приготовляли уже новую бурю.

Кампо-Формійскій миръ былъ едва заключенъ, какъ уже со всѣхъ сторонъ порождались причины къ разрыву. Главнѣйшія изъ нихъ были перевороты въ Валтелинѣ. Эта земля, подвластная граубинденскому союзу, по весьма уважительнымъ причинамъ искала независимости. Находясь на южной отлогости Альповъ, она была связана съ Италіею, говорила ея языкомъ, получала отъ нея хлѣбъ. Жители ея, лишенные права имѣть голосъ въ правленіи, желали, разумѣется, улучшить судьбу свою. Ихъ старались возстановить противъ Граубиндцевъ, которые обратились въ этомъ случаѣ къ посредничеству Франціи; отвѣтомъ нашего правительства было

присоединеніе Валтелина къ цизальпинской республикѣ. Но, увлекшись пичтожными выгодами распространенія границъ сей послѣдней до большой цѣпи Альповъ, и такимъ образомъ подчинить себѣ страну, примыкавшую къ Италіи, французское правительство упустило изъ виду, что сліяніе Валтелина съ бывшею австрійскою провинціею будетъ со временемъ опасно. Дѣйствительно, Франція, обеспеченная въ дружбѣ съ Швейцаріею, не должна была давать республикѣ, съ столь непадежнымъ существованіемъ, какъ цизальпинская, права, которыя бы легко могли перейти на прежнихъ владѣльцевъ Ломбардіи. Валтелинъ, состоя подъ властью Граубиндцевъ защищалъ входъ въ Швейцарію со стороны Тироля, уменьшалъ вліяніе Австріи на гельветическій союзъ и совершенно прикрывалъ, какъ границу Цизальпиніи, такъ и линію французскихъ войскъ, въ случаѣ дѣйствій на Эчѣ. Присоединивъ же эту область къ землѣ, недавно принадлежавшей Австріи, мы подставляли сообщенія нашей арміи ударамъ непріятеля изъ верхняго Тироля, открывали дороги отъ Тоналя и Брельо черезъ Сондріо на Медіоланъ, однимъ словомъ, отдавали ключь ретическихъ Альповъ Австрійцамъ, если бы они когда либо снова овладѣли долиною Адды.

Кончивъ войну съ Австріею, оставалось еще заключить миръ съ германскимъ союзомъ. Миръ этотъ былъ бы только соблюденіемъ приличій, потому что слабые владѣльцы были оставлены собственнымъ силамъ, еслибы мы не нуждались въ ихъ согласіи на уступку всего лѣваго берега Рейна Франціи, а Зальцбурга и Инфлртеля Австріи. Сверхъ того, надлежало опредѣлить вознагражденія владѣтельнымъ лицамъ, терявшимъ земли отъ этихъ измѣненій. Открытъ былъ конгрессъ въ Раштадтѣ для обсужденія этихъ мелочныхъ, но многосложныхъ вопросовъ. Я прибылъ туда какъ главный представитель со стороны Франціи; со мною были еще Бонпье и Трейларъ; но я скоро замѣтилъ, что переговоры, не поддерживаемые побѣдами, сдѣлались чисто дипломатическими, а это было вовсе не въ моемъ духѣ. Я привыкъ уже договариваться языкомъ побѣдителя, и не могъ пріучить себя ко всѣмъ проволочкамъ этихъ мелочныхъ переговоровъ. Настоявъ на исполненіи статьи кампо - формійскаго трактата, касательно сдачи нашимъ войскамъ Майнца, и очищенія имперцами другихъ крѣпостей на Рейнѣ, я уѣхалъ изъ Раштадта.

Готовый все предпринять для утвержденія созданной мною республики, я хотѣлъ, оставляя Италію, воспользоваться симплонскимъ проходомъ для возврата войскъ во Францію. Я желалъ владѣть этою высокою долиною Роны, для того, чтобы имѣть прямое сообщеніе съ Медіоланомъ, тѣмъ болѣе важное, что Піемонтъ былъ еще независимъ, и легко могъ перейти на сторону враговъ нашихъ. Швейцарцы справедливо отклонились отъ такого требованія, нарушавшаго благодѣтельную систему ихъ неутралитета. Директорія, уже имѣвшая въ виду сдѣлать страну эту совершенно демократическою, и заманить ее въ свои сѣти, рѣшилась теперь исполнить этотъ необдуманный планъ.

Говорятъ, будто бы Ревбель и Талейранъ имѣли мысль окружить Францію малыми демократическими республиками, какъ для того, чтобы имя отдѣлить ея границы отъ Австріи и другихъ монархическихъ державъ; такъ и для того, чтобы приготовить себѣ союзниковъ, съ помощію которыхъ можно было бы противустать новой коалиціи (*). Такимъ страннымъ средствомъ хотѣли создать новую систему политическаго равновѣсія, основанную не на могуществѣ земель, но на различіи образа правленія. Они думали, что не опоясавъ Францію малыми, подобно ей демократическими республиками, нельзя будетъ защитить ее отъ европейскихъ монархій. Это были совершенно неосновательныя дипломатическія мечты. Сосѣдство слабыхъ республикъ, хотя и отдѣлило бы насъ отъ Австріи, но за то порождало бы безпрерывныя несогласія: республики эти, совершенно намъ подчиненныя, неминуемо вовлекли бы насъ во всѣ свои пограничныя распри съ Австріею.

Союзъ съ Испаніею и дружественныя сношенія съ Пруссіею были очевиднымъ доказательствомъ, что Франція легко могла бы занять не послѣднее мѣсто между европейскими государствами безъ всякихъ новыхъ идей, которыя въ политикѣ мало значутъ, и служатъ чаще предлогомъ, а не цѣлью.

Согласно съ этимъ планомъ, Манго былъ посланъ въ Швейцарію и долженъ былъ всѣми силами стараться произвести возмущенія въ Базелѣ, Ааргау и Цюрихѣ, и заставить эти города просить посредничества Франціи, подобно тому, какъ это было въ Генуѣ. Мангури имѣлъ такого же рода порученіе въ Ваатландѣ, который въ 1565 году былъ уступленъ Берну, подъ поручительствомъ Франціи.

Ваатландцы имѣли болѣе правъ требовать участія въ правленіи, нежели жители Вальтелина, и хотѣли только, чтобы Бернъ возвратилъ имъ прежнія права, которыми они пользовались при герцогахъ савойскихъ. Это была не толпа, требующая равенства, но образованный народъ, испрашивающій право имѣть участіе въ общественныхъ дѣлахъ, обѣщанное ему договорами; Франція была порукою и слѣдовательно имѣла право вступиться за Ваатландъ; но, вмѣсто того, чтобы сдѣлать это благородно и добросовѣстно, она поступила съ лукавствомъ, достойнымъ всякой укоризны.

Ваатландцы возстали, изгнали берискихъ бальи и призвали на помощь дивизію Массены, расположенную въ Савоѣ, на берегу женевскаго озера. Дивизія эта, подъ начальствомъ Брюна, вступила въ Швейцарію въ началѣ Генваря. Берискій кантонъ поспѣшилъ соединить на Саринѣ 20,000 милиціи.

Сенатъ, поставленный въ бездѣйствіе сильною французскою партіею и раздѣленный на приверженцевъ Штейгера и Фришинга, видя внутреннія смуты, рѣшился уступить. Онъ обѣщалъ въ продолженіе года разсмотрѣть и измѣнить конституцію, и

(*) Нѣкоторые утверждаютъ, что мысль къ этому подалъ Ревбель; другіе приписываютъ ее Талейрану; но достовѣрно только то, что она развилась въ министерство послѣдняго.

которое сверхъ того, сдѣлало нашу оборонительную линію непрерывною отъ Венеціи, черезъ Трентъ и Констанцъ, до болотъ фрисландскихъ и нѣмецкаго моря. Если бы Швейцарія, раздѣляющая эту границу на двое, была нейтральна, то каждая часть отдѣльно представляла бы независимую операціонную линію. На каждой изъ нихъ можно было бы избрать выгоднѣйшій пунктъ, не заботясь объ остальной части. Если бы нужно было защищать линію Рейна, тогда бы войско могло все находиться между Майнцомъ и Страсбургомъ, не страшась, что непріятель двинется на оконечности, къ Швейцаріи или къ морю. То же можно сказать и о границѣ Ломбардской. Вся защита сосредоточилась бы на превосходной линіи Минчіо и Эча. При включеніи же Швейцаріи въ наши предѣлы, все пространство въ 300 лье, отъ адріатическаго моря до нѣмецкаго, требовало защиты, потому что непріятель вездѣ могъ вторгнуться. Тогда обѣ сильныя линіи, одна между Страсбургомъ и Майнцомъ, другая по берегамъ Эча, дѣлались второстепенными, совершенно зависимыми отъ того, что происходило въ разстояніи нѣсколькихъ лье отъ нихъ. Кромѣ того Швейцарія, примкнутая къ Швабіи и къ Италіи, вездѣ требовала защиты. Войска, принужденныя обороняться на ея границахъ, должны были прикрывать Базель и Шафгаузенъ, Рейнекъ и С. Готардъ, Симплонъ и Монъ-Ценисъ, и кромѣ всего этого, имѣть значительныя войска на Рейнѣ и на По. Такимъ образомъ обороняющійся, принужденный раздробить свою армію корпусовъ на двадцать, вездѣ подвергался бы нападеніямъ дѣятельнаго и предпріимчиваго противника, который, съ помощью быстроты движеній, могъ вездѣ атаковать въ превосходныхъ силахъ.

Слѣдующая кампанія доказала, что хотя исходящіе пункты Шафгаузена и Симплона представляютъ нѣкоторыя стратегическія выгоды, какъ проходы; но не менѣе того Австрія и Франція сдѣлали грубѣйшую ошибку, включивъ Швейцарію въ театръ военныхъ дѣйствій. Чего не объяснили происшествія 1799 года, то совершенно доказывается моими дѣйствіями 1805 и 1809 годовъ. Я не трогалъ Швейцаріи, хотя могъ все сдѣлать въ ней при моемъ титлѣ посредника и моемъ могуществѣ. Собственная выгода моя требовала ея неприкосновенности. Я понималъ всю цѣну двумъ или тремъ проходамъ, но умѣлъ подчинить военныя соображенія разсчетамъ политики, и доказалъ, что не попирая правъ народовъ и не разрушая взаимныхъ отношеній европейскихъ государствъ, можно найти дорогу, чтобы дѣйствовать на сообщенія непріятеля. Но оставимъ Швейцарію и возвратимся къ директоріи и египетской экспедиціи, занимавшей всѣ мои мысли.

За нѣсколько дней до занятія Берна, палъ Римъ подъ ударами Бертье. Братъ мой Іосифъ, бывшій посланникомъ при папскомъ дворѣ, зналъ расположеніе Италіянцевъ принять идеи директоріи. Всѣ умы пришли въ броженіе, каждый хотѣлъ первымъ провозгласить свободу. Въ Неаполѣ всѣ тюрьмы уже были наполнены подозрительными. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, Римъ не могъ не

вспомнить свое минувшее; всѣ грамотные, отъ перваго до послѣдняго, въ отечествѣ Цицерона, Эмилія и Брута, съ презрѣніемъ смотрѣли на духовное правленіе, и были готовы воскресить славныя времена консуловъ; всего страшнѣе то, что даже часть духовенства раздѣляла эти чувства!

Послѣ заключенія мира въ Толентино, согласіе не вполнѣ возстановилось: Іосифъ чувствовалъ, что положеніе его требовало большой осторожности и благоразумія. Приверженцы Франціи изъявляли ему желаніе возстановить римскую республику. Онъ старался отвлечь ихъ отъ этой мысли, и наконецъ, узнавъ стороною о томъ, что 26 Декабря, партія эта намѣрена произвесть возстаніе, онъ для доказательства своего расположенія къ папѣ, откровенно извѣстилъ обо всемъ государственнаго секретаря кардинала Доріу. Но высшее духовенство было слишкомъ предубѣждено противъ насъ, и Іосифу не удалось этимъ возстановить согласія. Надзоръ былъ удвоенъ. Но, не взирая на всѣ предосторожности, революція быстро созрѣвала, и 28 Декабря, близъ дома французскаго посольства раздались громкіе крики: Да здравствуетъ римская республика! да здравствуетъ французская республика! Атакованная солдатами и жандармами папскими, толпа кинулась подъ портики посольскаго дома, чему никто не могъ воспрепятствовать. Ружейными выстрѣлами преслѣдовали ее даже на дворахъ.

Генералъ Дюфо, молодой человѣкъ съ большими достоинствами, обрученный съ одною изъ моихъ сестеръ, кинулся со шпагою въ рукѣ защищать неприкосновенность посольства, и былъ изранен ружейными пулями. Подобные поступки римскихъ сбировъ не должны были остаться безъ наказанія. Генералъ Бертье двинулся на Римъ, и 10 Февраля, съ двумя дивизіями, стоялъ уже подъ стѣнами замка Св. Ангела. 5 дней спустя, у подошвы Квиринала раздались крики свободы, въ первый разъ послѣ достопамятнаго заговора Ріенди. Народъ, подобно знаменитымъ своимъ предкамъ, собрался въ Форуму, провозгласилъ себя свободнымъ и избралъ консуловъ, сенаторовъ и трибуновъ. Правда, что Римъ сдѣлался теперь смѣшною пародіею Рима Сципіоновъ; но эти громкія названія произвели сильное впечатлѣніе на умы Европы, и если бы директорія была искуснѣе въ выборѣ своихъ агентовъ, она извлекла бы изъ этого неисчислимыя выгоды.

Бертье, удовлетворяя желанію народа, вошелъ съ гренадерами своими въ Капитолій, и тамъ торжественно провозгласилъ возстановленіе римской республики. Папѣ оставалось только отречься отъ престола. Но болѣе всего огорчало Пія VI то, что возмущеніе это случилось 15-го Февраля, въ тотъ самый день, когда онъ праздновалъ юбилей 25-лѣтняго своего правленія, и что три дня спустя, четырнадцать кардиналовъ служили благодарственное молебствіе въ церкви Св. Петра, по случаю уничтоженія папской власти и возстановленія римской республики; 20-го Февраля Пій выѣхалъ навсегда изъ Рима. Бертье назначилъ особый отрядъ для

ГЛАВА IV.

Положеніе Англичанъ въ Индіи. Египетская экспедиція. Взятіе Мальты. Вступленіе Французовъ въ Александрію. Сраженіе при пирамидахъ. Взятіе Каира. Дезе покоряетъ верхній Египетъ. Походъ въ Сирію. Возвращеніе въ Египетъ. Турки выходятъ на берегъ при Абукиръ. Они разбиты. Бонапарте возвращается во Францію.

—

Торжество, съ которымъ приняли меня въ столицѣ, сдѣлало бы гордымъ и самаго скромнаго человѣка, одушевило бы самаго ничтожнаго честолюбца. Я уже могъ надѣяться всего достигнуть во Франціи; но, чтобы вполнѣ воспользоваться моимъ положеніемъ, нужно было привязать къ себѣ народъ и выждать, пока директорія совершенно лишится довѣрія. Франція признала меня своимъ героемъ; но этого было мало. Чтобъ сдѣлаться главою государства, нужно было быть его спасителемъ и возстановителемъ.

Каковы бы ни были права мои на благодарность отечества, онѣ не позволяли мнѣ низвергнуть правительство, которому я обязанъ былъ и моимъ быстрымъ возвышеніемъ и частью славы моей; надобно было, чтобъ оно само себя уничтожило своею неспособностью и несчастіями, которымъ подвергало Францію: тогда только я могъ явиться въ глазахъ народа, какъ спаситель отечества. Я зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и потому не сомнѣвался, что рано или поздно это должно случиться. Стоило только оставить директорію дѣйствовать по собственному произволу; порядокъ вещей, даже безъ слабыхъ, ограниченныхъ умовъ ихъ, измѣнился бы непремѣнно. И въ самомъ дѣлѣ: или директорія достигла бы полновластія и, подобно комитету общественнаго спокойствія стала бы диктаторствовать въ государствѣ, или ее уничтожила бы анархія, подобно исполнительному совѣту 1792 года. Въ обоихъ случаяхъ паденіе было неизбѣжно.

Роль, которую я долженъ былъ разыгрывать въ ожиданіи возвышенія, была затруднительна. Мнѣ дали громкое, но пустое, мечтательное титло главнокомандующаго англійской арміи. Этимъ напрасно хотѣли испугать лондонскій кабинетъ, когда ничего еще не было приготовлено къ войнѣ съ Англичанами. Можно было только отрядить въ Ирландію тысячъ 20 или 30 войска; предпріятіе, конечно, выгодное; но для меня оно было слишкомъ ничтожно; а съ моею славою я не могъ жить сложа руки въ Парижѣ. Директорія смѣшивала свои возгласы съ восторженными кликами народа; но я зналъ, что Ревбель и Мерлень были противъ меня. Они обвиняли меня въ томъ, что я заключилъ миръ съ Австріею, а не

пошелъ въ Вѣну, утверждая, что это было бы вѣрное средство возмутить Германію; то есть, это принесло бы Ревбелю удовольствіе устроить нѣсколько демократическихъ республикъ на развалинахъ римской имперіи. По ихъ мнѣнію, это должно было утвердить преобладаніе Франціи надъ всѣми ея сосѣдями. Они не разсчитывали того, что поднять имперію противъ Австріи не такъ легко какъ произвесть революцію въ Римѣ или Миланѣ; или, лучше сказать, они не знали, что нигдѣ народъ не былъ такъ мало расположенъ къ ихъ утопическимъ предположеніямъ, какъ въ земляхъ, подвластныхъ Австріи. Ихъ глухіе возгласы противъ меня становились невыносимы. Нужно было пристать къ какой нибудь партіи, изъ которыхъ каждая старалась склонить меня на свою сторону. То агенты роялистовъ старались доказать мнѣ невозможность существованія республиканскаго правленія во Франціи и убѣждали возстановить монархію; то республиканцы жаловались на директорію, за посягательства ея на свободу народную, и хотѣли, чтобы я былъ новымъ Гракхомъ. Мнѣ нужно было или стать на сторонѣ директоріи, или составить заговоръ противъ нее; но отъ перваго я уже отказался рѣшительно, а начать второе было еще рано. Благоразуміе совѣтовало мнѣ удалиться; но удалиться съ блескомъ. Я зналъ, что скрываясь съ глазъ толпы, нужно сильно поразить ея вниманіе, чтобъ остаться въ памяти, а для этого надобно было выбрать что нибудь необычайное: люди любятъ, чтобъ ихъ изумляли. Я получалъ много безъименныхъ писемъ, предварявшихъ меня о затруднительной ролѣ, которую начиналъ я играть во Франціи. Въ одномъ изъ нихъ мнѣ совѣтовали создать себѣ государство въ Италіи, подобно тому, какъ хотѣлъ сдѣлать Дюмурье въ Бельгіи; но этотъ планъ былъ слишкомъ мечтателенъ: я поговорю о немъ въ послѣдствіи.

Договариваясь о мирѣ въ Кампо-Форміо, я упомянулъ вскользь объ экспедиціи въ Египетъ; хотя тогда я вовсе не думалъ сдѣлаться исполнителемъ этого проэкта, который былъ одобренъ Талейраномъ. Возвратясь въ Парижъ, я предложилъ приступить къ этому дѣлу. Слѣдствія могли быть огромныя, и этого было достаточно, чтобы заставить меня за него взяться.

Весьма естественно, что большая часть директоровъ, которымъ не нравились моя извѣстность и привязанность народа ко мнѣ, съ восторгомъ приняли предложеніе, избавлявшее ихъ отъ опаснаго посредника. Я самъ предупреждалъ ихъ желанія, добровольно удаляясь изъ Франціи.

Нѣкоторые государственные люди хотѣли удержать меня, давая чувствовать, что, судя по тому положенію, въ которомъ я находился, мнѣ должно надѣяться завладѣть кормиломъ государства. Я отвѣчалъ имъ, что время еще не настало, и что я хочу пріобресть новыя права на ихъ довѣренность.

Мы не имѣли точныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалось въ это время на востокѣ, потому что потеря Пондишери, и положеніе, въ которомъ находилась республика, не давали ей возможности заниматься дѣлами Индіи;

по мы знали, что Типпо-Саибъ, владыка мизорскаго государства, которое основалъ Гидеръ-Али, предлагалъ Людовику XVI еще въ 1788-мъ году изгнать Англичанъ изъ Индіи, требуя для этого только 8,000 Европейцевъ и достаточнаго числа офицеровъ для начальствованія надъ его войсками, и что Людовикъ XVI отказалъ ему, не желая начинать морскую войну, въ то время, когда ему угрожали внутреннія безпокойства. Мы знали также, что Англичане отмстили Типпо-Саибу за это предложеніе, помогая Низаму дѣйствовать противъ него, и осадивъ его въ Серингапатнамѣ, предписали ему въ 1792 году миръ, по которому онъ лишился части своихъ владѣній. Изъ этого ясно можно было заключить, что мы могли надѣяться на помощь мизорскаго султана. Намъ также было извѣстно, что Маратты, враги Моголовъ и мусульманъ, ненавидятъ столько же и англійскую компанію, и потому не трудно было сдѣлать ихъ своими союзниками.

Чтобы вполнѣ оцѣнить выгоды египетской экспедиціи, надобно знать положеніе Индіи въ это время, и потому возвратимся за нѣсколько лѣтъ назадъ.

Татарскій государь Авренгъ-Зебъ, современникъ Людовика XIV, распространяя завоеванія своихъ предшественниковъ, основалъ посреди Индіи могольскую имперію. Она имѣла не менѣе 50,000,000 жителей, давала 900,000,000 доходу, могла выставить 800,000 войска, и состояла изъ большаго числа областей, управляемыхъ субабами и набабами.

Завоеватель этотъ умеръ въ 1807 году. Могущество деспотическихъ династій на востокѣ такъ непрочно, что сорокъ лѣтъ спустя, наслѣдники его, воюя въ одно время и съ своими вассалами, и съ грознымъ персидскимъ шахомъ Тахмасъ-Кули-Ханомъ, и съ Мараттами, были вынуждены просить пособія у Европейцевъ, уступивъ имъ за то нѣсколько провинцій.

Трудно сдѣлать совершенно опредѣлительный очеркъ всѣхъ происшествій послѣдняго полувѣка, на берегахъ Ганга. Онѣ имѣютъ свой особенный характеръ и скорѣе похожи на арабскія сказки, нежели на исторію. Возвышеніе и упадокъ множества мелкихъ деспотовъ, безпрестанно измѣняли границы областей; но достаточно схватить однѣ главныя черты, чтобъ объяснить положеніе Индіи, во время первыхъ революціонныхъ войнъ, когда я обратилъ мое вниманіе на востокъ.

Въ половинѣ XVIII вѣка, остъиндская компанія въ первый разъ приняла участіе въ ссорахъ владѣтелей этихъ странъ. Здѣсь, какъ и въ Европѣ, политика Англіи заключалась въ томъ, чтобъ управлять государствами, раздѣляя ихъ. Компанія искусно достигала своей цѣли и скоро завладѣла важнѣйшими участками здѣшнихъ земель, то поддерживая индѣйскихъ владѣльцевъ въ войнахъ противъ мусульманъ могольской династіи, то дѣйствуя противъ первыхъ, когда они дѣлались слишкомъ сильны.

При началѣ французской революціи Индію составляли четыре главныя мусульманскія государства: на югѣ владѣнія Типпо-Саиба, султана мизорскаго; на сѣверѣ Моголъ, по

имени принадлежавшій Шахъ-Аллауду, а на самомъ дѣлѣ его первымъ сановникамъ; еще далѣе на сѣверъ Белуджистанъ, страшный изувѣрствомъ и воинственностью своихъ обитателей; Кандагаръ и Кабулъ, которыми владѣлъ Земанъ-Шахъ, государь Афганистана. Наконецъ, въ серединѣ полуострова было замѣчательное государство Маратговъ, основанное Севаджи, индѣйскимъ владѣтелемъ, который, утвердившись въ саттарахскомъ государствѣ, присоединилъ къ нему большую часть завоеваній Моголовъ въ Деканѣ. Вскорѣ послѣ его смерти, мелкіе владѣльцы, платившіе ему дань, отложились отъ его наслѣдниковъ, владычество которыхъ, постепенно уменьшаясь, заключилось наконецъ въ одной крѣпости Саттарахѣ. Признавая по наружности права этой династіи на престолъ, Пейшва, первый министръ, завладѣлъ западною частью полуострова и основалъ тамъ королевство Пунахъ. Мададжи-Цинділхъ сдѣлалъ то же на сѣверѣ и на востокѣ и, разбивъ войска Измаилъ-Бея, и помогая Шахъ-Аллауну противъ жестокаго Голаимъ-Кадира, достигъ наконецъ того, что возстановилъ преобладаніе Маратговъ въ земляхъ великаго Могола, захватилъ всю власть, правя подъ его именемъ, и оставилъ ему только дворецъ съ незначительнымъ содержаніемъ, въ единственное наслѣдство отъ колоссальнаго могущества Авренгъ-Зеба.

Мададжи-Цинділхъ былъ поддержанъ въ своихъ дѣйствіяхъ войскомъ европейскимъ, или лучше сказать, устроеннымъ и обученнымъ по-европейски де-Буанемъ, савойскимъ офицеромъ. Этотъ знаменитый Маратгъ умеръ въ 1794 году, и племянникъ его Довлутъ-Ровъ, хотя не наслѣдовалъ способностей дяди, но, придерживаясь его системѣ, удержалъ свою власть въ Моголѣ и даже успѣлъ, въ 1796 году, распространить свое могущество до владѣній Пейшвы, посадивъ на престолъ пунахскій Баджи-Рова, который и оставался постоянно въ совершенной его зависимости. Послѣ Де-Буаня, начальство войска было ввѣрено генералу Пейрону. Оно состояло изъ пяти бригадъ, совершенно устроенныхъ по-европейски, изъ 34,000 хорошо обученной пѣхоты и многочисленной кавалеріи.

Третіе государство Маратговъ, управляемое раею берарскимъ, лежало къ сѣверу отъ Декана. Хотя оно уступало въ могуществѣ двумъ первымъ, однако же было одно изъ сильнѣйшихъ въ союзѣ. Въ Мальвѣ царствовалъ родъ Голькара; кромѣ того Маратгами управляли до двадцати мелкихъ владѣльцевъ, независимыхъ отъ главныхъ государствъ.

Изъ этого видно, что Маратты составляли сильный союзъ, довольно похожій на германскую имперію, отъ которой они отличались постановленіями, силою главныхъ государствъ и частыми измѣненіями, слѣдствіемъ внутренняго устройства каждаго и обычаевъ востока. Индійскій союзъ этотъ имѣлъ въ самомъ дѣлѣ странной составъ. Главный, наслѣдственный рая, обладавшій обширнѣйшими областями безъ полновластія надъ ними, окруженъ былъ владѣніями двухъ своихъ сановниковъ, которые, мало того, что сдѣлали свои должности также наслѣдственными въ своемъ

потомствѣ, дѣлили еще между собою земли государя.

Но великій Моголъ былъ еще болѣе достоинъ сожалѣнія. Онъ раздавалъ короны, и не могъ ни одной удержать для себя. Это былъ, такъ сказать, государь безъ подданныхъ, деспотъ, который не могъ заставить себѣ повиноваться. Онъ продавалъ право неограниченной власти въ своихъ провинціяхъ; былъ бѣденъ, хотя вся монета въ Индостанѣ чеканилась съ его изображеніемъ; хвасталъ тѣмъ, что имѣлъ данниками сильныхъ государей, хотя отъ ихъ великодушія зависѣли даже средства его содержанія.

Тонкая политика лорда Клайва, глубокій макіавелизмъ Гастингса, и мудрыя дѣйствія лорда Корнуоллиса достигли своей цѣли. Они заставили компанію обратить все вниманіе на многосложныя разнородныя выгоды этихъ земель, и съ видомъ миролюбія брать участіе въ ихъ распряхъ. Она всегда являлась посредницею, помогала слабѣйшему для того, чтобъ подѣлиться съ нимъ добычею, пріобрѣтенною отъ сильнѣйшаго, который становился ей опасенъ. Такимъ образомъ, съ помощію Мараттовъ и Низама, побѣдила она въ 1792 году Типо-Саиба, которому не могла простить его посольства къ Людовику XVI, имѣвшаго цѣлью вытѣснить ее изъ Индіи.

Два года спустя Маратты сдѣлали съ двухъ сотъ-тысячною арміею нападеніе на Низама, и покорили часть его владѣній, въ то время, когда компанія, усыпленная своими успѣхами, не думала помогать этому государю, бывшему подъ ея покровительствомъ. Недовольный ли слабымъ участіемъ компаніи, или желая, можетъ быть, возвратить свою независимость, онъ поручилъ одному офицеру, Раймонду, устроить для него 15,000 армію по-европейски, и на содержаніе ея отдалъ ему богатую провинцію.

Типпо-Саибъ дышалъ мщеніемъ, послѣ несчастнаго договора въ Серингапатнамѣ, лишившаго его половины владѣній. Франція, раздираемая безначаліемъ и потерявшая Пондишери, совершенно пренебрегала тѣми выгодами, которыя легко бы пріобрѣла, если бы воспользовалась ненавистью государствъ Индостана къ англійской компаніи. Ни одного человѣка, ни одного корабля не послала она въ Индію, и, судя по беспечности губернаторовъ Иль-де-Франса, можно было думать, что они не знаютъ даже о существованіи обоихъ полуострововъ Ганга. Трюге былъ единственный человѣкъ, который предложилъ въ 1796 году, подать помощь мизорскому султану, по проэкту его, основанный на возможности устроить въ Иль-де-Франсѣ нѣсколько баталіоновъ изъ Негровъ, остался вовсе безъ исполненія. Для достиженія желанной цѣли, необходима была хотя малая часть старыхъ войскъ, а республиканское правительство не сдѣлало для этого никакихъ распоряженій.

Нѣсколько искателей приключеній едва не исполнили того, что было оставлено безъ вниманія Людовикомъ XVI изъ слабости, и комитетомъ общественнаго спокойствія изъ неопытности въ управленіи колоніями. Риппо, корсаръ, брошенный на берегъ Мангалоры, былъ приведенъ къ Типпо-Саибу, извѣстилъ его о

побѣдахъ республиканскихъ войскъ, и пробудилъ въ немъ надежду получить помощь отъ старыхъ союзниковъ своего отца. Султанъ отправилъ посольство въ Иль-де-Франсъ, съ предложеніемъ союза директоріи, столь хорошо обдуманнаго, что ни одинъ европейскій дипломатъ не нашелъ бы въ немъ ничего, кромѣ обоюдныхъ выгодъ. Отвѣтъ губернатора, Малартика, доказываетъ, что онъ не умѣлъ оцѣнить замыслы Типпо-Саиба; онъ отправилъ однако къ нему человѣкъ тридцать унтеръ-офицеровъ и артиллеристовъ, заставивъ отпускать имъ большое содержаніе; но они унизили только французскій мундиръ своими революціонными выходками, и своимъ поведеніемъ дали компаніи предлогъ напасть на султана. Все заставляетъ думать, что директорія вовсе не получала достовѣрныхъ свѣдѣній объ этихъ происшествіяхъ.

Между тѣмъ Типпо-Сайбъ старался утушить раздоры Мараттовъ и вооружить Пейшву и Цинділха противъ компаніи; простирая свои виды еще далѣе, онъ искалъ даже союза съ Земанъ-Шахомъ.

Силы этихъ государствъ въ совокупности могли составить 50,000 человѣкъ, устроенныхъ по-европейски и сверхъ того 300,000 вооруженныхъ Индѣйцевъ. Если бы смѣлое войско Мараттовъ, рыцарская храбрость Раяпутовъ, и честолюбіе всѣхъ владѣльцевъ приняли одну общую цѣль и совокупно устремились къ освобожденію Индіи: то нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое грозное ополченіе восторжествовало бы надъ Англіею, особенно, если бы еще была тамъ хоть одна французская дивизія съ опытнымъ начальникомъ, который бы могъ управлять союзными войсками и распоряжать всѣми ихъ дѣйствіями.

Компанія была тогда въ союзѣ только съ двумя или тремя незначительными Набабами и Низамомъ; но и сей послѣдній, отославъ обратно англійскіе батальоны своей гвардіи, и ввѣрясь совершенно Раймонду, заставлялъ думать, что онъ, рано или поздно, приметъ политику своего предшественника, сражавшагося подъ знаменами Гидеръ-Али-Хана.

Но компанія была уже сама по себѣ страшна, потому что три президентства, ее составлявшія, равнялись тремъ сильнымъ государствамъ. Главнѣйшее, заключая Калькутту, Бенгаль, берегъ Орикса и богатую равнину отъ Ганга до Уда, было средоточіемъ владѣній и не уступало самой Англіи ни въ могуществѣ, ни въ богатствахъ. Второе, въ Деканѣ, состояло изъ земель, окружавшихъ Мадрасъ, главный городъ его, и наконецъ третіе, въ Бомбаѣ, заключало берега Суратскій и Малабарскій, и сверхъ того конторы, основанныя у персидскаго залива. Войско ихъ могло простираться до 25,000 Европейцевъ и 60,000 хорошо обученныхъ Сипаевъ.

Таково было положеніе Индіи въ то время, когда я рѣшился открыть съ нею прямое сообщеніе. Я былъ увѣренъ, что это вѣрнѣйшее средство поразить Англію въ сердце, потому что тогда Индія была для нее все. Потерявъ владѣнія на твердой землѣ Америки, она не могла болѣе властвовать на этомъ богатомъ полушаріи. Египетская экспедиція имѣла три цѣли: основать на Нилѣ

французскую колонію, которая, не нуждаясь въ обработкѣ земель рабами, могла бы замѣнить для республики С. Доминго и всѣ острова, доставлявшіе ей сахарный тростникъ; открыть мануфактурамъ путь къ сбыту своихъ издѣлій въ Африкѣ, Аравіи и Сиріи, и передать въ руки нашей торговли всѣ произведенія этихъ странъ; наконецъ, основать операціонную базу въ Египтѣ, чтобы двинуть на Индъ 50,000 войска, и произвесть возстаніе Мараттовъ, Индусовъ, Мусульманъ, однимъ словомъ, всѣхъ народовъ, притѣсняемыхъ компаніею въ этой обширной странѣ. Хорошая армія, составленная частью изъ Европейцевъ, частью изъ новонабранныхъ жителей тропическихъ странъ, съ 10,000 лошадей и такимъ же числомъ верблюдовъ, имѣющая съ собою дней на 50 или 60 жизненныхъ припасовъ, дней на 5 или на 6 воды, и артиллерію изъ 150 полевыхъ орудій съ двойнымъ запасомъ зарядовъ, могла бы мѣсяца въ четыре достигнуть береговъ Инда. Песчаныя степи и пустыни не препятствуютъ походу войска, при достаточномъ количествѣ верблюдовъ и дромадеровъ.

Экспедиція эта должна была дать высокое мнѣніе о могуществѣ Франціи, обратить всеобщее вниманіе на своего исполнителя, изумить и устрашить Европу своею смѣлостью. Этихъ причинъ было для меня достаточно, чтобы предложить ее. Египетъ былъ данникъ Порты, древнѣйшей союзницы Франціи, потому что со временъ Франциска I, она не переставала быть всегда съ нашей стороны. Но какъ Мамелюки, настоящіе владѣтели, а слѣдовательно и защитники его, бунтовали противъ турецкаго султана, то можно было предположить, что диванъ, который велъ войну съ виддинскимъ пашею Пасванъ-Оглу и съ Вехабитами, и былъ до того слабъ, что терпѣлъ независимость многихъ пашей, отказавшихся повиноваться, не станетъ поддерживать нашихъ непріятелей для того, чтобъ удержать одно пустое имя верховной власти, которую, впрочемъ, въ случаѣ надобности, мы могли бы, какъ и Мамелюки, признавать надъ собою. Можно было ожидать, что не трудно будетъ увѣрить диванъ въ нашемъ дружественномъ къ нему расположеніи, если это поручено будетъ искусному дипломату. Съ этою цѣлью назначенъ былъ въ Турцію Талейранъ. Совершенно увѣренный въ успѣхѣ его посольства, я не переставалъ торопить приготовленія къ моему отъѣзду.

Чтобъ отвлечь вниманіе непріятелей отъ гаваней средиземнаго моря, гдѣ все было въ движеніи, я воспользовался титломъ главнокомандующаго англійской арміи, и поѣхалъ осматривать гавани сѣвернаго берега. Прибывъ въ Антверпенъ, я совершенно удостовѣрился при видѣ бассейна Шельды, въ неисчислимыхъ выгодахъ, какія можемъ мы получить отъ этого важнаго мѣста. Онъ произвелъ на меня то же впечатлѣніе, какое видъ прекрасной Невы сдѣлалъ на Петра Великаго.

Между тѣмъ новая буря собиралась на политическомъ горизонтѣ Европы. Послѣ отъѣзда моего изъ Раштадта, конгрессъ началъ переговоры, для утвержденія мира съ имперіею. Французскіе уполномоченные

не безъ труда достигли согласія на уступку лѣваго берега Рейна, потому что уничтоженіе курфиршествъ Майнца, Трира и Кельна производило совершенный переворотъ въ составѣ Германіи. Но сильнѣйшія государства соглашались на обращеніе духовныхъ владѣній въ свѣтскія, потому что надѣялись получить значительныя пріобрѣтенія. Австрія полагала получить архіепископства Зальцбургъ, Пассау и Трентъ; Баварія епископства во Франконіи (Вюрцбургъ, Бамбергъ и Эйхштедтъ); Пруссія Мюнстеръ, Падерборнъ и другія.

Въ слѣдствіе этого, за главное основаніе была принята обширная система вознагражденій, и лѣвый берегъ Рейна признанъ границею Франціи. Но дѣла не могли такъ оставаться, потому что сильная буря собиралась уже на политическомъ горизонтѣ. Очевидно, что занятіе Швейцаріи, образованіе лигурійской республики и перевороты въ Римѣ, разрушали кампо-формійскій миръ, и что Австрія, допуская выполненіе всѣхъ условій этого трактата относительно Германіи, должна была теперь требовать того же и отъ директоріи, которая слишкомъ далеко зашла, придерживаясь пропаганды, чтобы возвратиться назадъ.

Англія спѣшила воспользоваться несправедливыми поступками директоріи, чтобы снова вооружить Европу на Францію, и начала возстановлять противъ насъ Россію, Вѣну, Берлинъ, Туринъ, Тоскану и Неаполь. Она скоро убѣдилась, что нѣтъ ничего легче, какъ составить новую коалицію.

Правда, что восшествіе на престолъ императора Павла I измѣнило ходъ дѣлъ на сѣверѣ. Вездѣ носилась молва, что смерть Екатерины остановила заключеніе договора съ Англіею о денежномъ вспоможеніи. Уже указомъ ея обнародованъ былъ рекрутскій наборъ 130,000 человѣкъ. Желала ли императрица принять участіе въ войнахъ европейскихъ, или предпринимала походъ въ Турцію, или, наконецъ намѣревалась отмстить молодому Густаву, будущему королю шведскому, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ нужно было ожидать съ этой стороны важныхъ событій.

Первою заботою императора Павла I было остановить эти приготовленія къ войнѣ. Онъ изъявилъ желаніе вступить въ союзъ съ королемъ прусскимъ и предался совершенно внутреннимъ дѣламъ своей огромной державы.

Эти доказательства мирнаго расположенія не замедлили подѣйствовать на общую довѣренность, и первымъ слѣдствіемъ ихъ было возвышеніе курса ассигнацій, поднявшихся даже выше своей первоначальной цѣнности: разительный примѣръ того, какъ огромны были способы Россіи къ исполненію величайшихъ предпріятій. Но мирныя отношенія не долго продолжались. Лондонскій кабинетъ рѣшился вовлечь императора Павла I въ войну противу Франціи и не упустилъ ничего изъ виду, чтобы достигнуть своей цѣли. Старались убѣдить его, что выгоды Россіи, не позволяютъ допустить Австрію изнемочь подъ могуществомъ соперницы, постоянно поддерживавшей Порту; не смотря на маловажность этой причины, она произвела

свое дѣйствіе. Къ несчастію, скоро нашлись и другія: уступка Франціи іоническихъ острововъ, дѣла въ Швейцаріи и Піемонтѣ, заставили петербургскій кабинетъ и россійскаго императора, бывшаго, по тешенскому договору, порукою сохраненія германской имперіи, не оставаться долѣе чуждыми неизбѣжныхъ переговоровъ.

Странное происшествіе обнаружило директоріи непріязнь Австріійцевъ. Бернадоттъ, назначенный посланникомъ въ Вѣну, празднуя день побѣды, одержанной надъ Австріійцами, выставилъ надъ домомъ своимъ трехцвѣтное знамя. Подобный поступокъ, равно не понравился и кабинету, и народу. Домъ посольства былъ окруженъ разъяренною чернью, и Бернадоттъ, выказавъ всю республиканскую гордость, долженъ былъ видѣть, какъ народъ ворвался въ домъ его, сорвалъ и сжегъ знамя. На другой же день онъ оставилъ Вѣну.

Директорія хотѣла объявить войну, и ввѣрить мнѣ главное начальство. Я старался отклонить ее отъ этого намѣренія, доказывая, что Бернадоттъ не правъ, и что если бы Австрія желала войны, то старалась бы избѣжать подобнаго разрыва, чтобъ выиграть время для приготовленій.

Я скоро перемѣнилъ мысли. Многія обстоятельства ясно показывали, что дѣла примутъ другой оборотъ. Мнѣ хотѣлось отложить отъѣздъ; но директорія, удовлетворенная по дѣлу Бернадотта, стала настаивать, и поставленный въ необходимость погубить себя или повиноваться, я покорился ея волѣ.

Восхищенная тѣмъ, что могла отъ меня отдѣлаться, она согласилась на всѣ мои требованія. Я приготовился къ отъѣзду въ величайшей тайнѣ; это было необходимо для успѣха, и придавало экспедиціи какой-то особенный характеръ. Никогда еще такія огромныя приготовленія не были произведены такъ скрытно.

10-го Мая 1798, я былъ въ Тулонѣ. 19-го я отплылъ съ 13-ю линейными кораблями, 6-ю фрегатами и транспортными судами, на которыхъ было 25,000 десантнаго войска. Вскорѣ ко мнѣ присоединились эскадры, вышедшія изъ гаванеи Бастіи, Генуи и Чивитта-Веккіи, съ 7 или 8 тысячами человѣкъ, назначенныхъ участвовать въ моеи экспедиціи; 9-го Іюня мы достигли Мальты.

Мы имѣли сношенія съ нѣсколькими французскими рыцарями, болѣе привязанными къ родинѣ своей, нежели къ ордену, приходившему уже въ упадокъ. Рыцари насъ не ждали и не приготовились къ оборонѣ. Если бы я не завладѣлъ Мальтою, Англичане не преминули бы взять ее; постъ этотъ былъ необходимъ для сохраненія нашихъ сообщеній съ Франціею. Я опасался, что бы воспоминаніе прежней славы не подало рыцарямъ мысли защищаться. Подобное обстоятельство могло замедлить и даже совершенно разстроить мое предпріятіе; къ счастію, они сдались скорѣе еще, нежели я надѣялся. Достаточно было нѣсколькихъ демонстрацій, чтобы завладѣть одною изъ значительнѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ.

Оставя въ Мальтѣ сильный гарнизонъ и давъ нужныя наставленія на случай обороны, я окончилъ переѣздъ мой съ

рѣдкимъ счастіемъ. Англійскій флотъ, вездѣ насъ искавшій, перерѣзалъ линію нашего пути, не встрѣтясь съ нами. Адмиралъ Нельсонъ ранѣе насъ прибылъ въ Александрію; но узнавъ, что мы еще не показывались тамъ, отправился искать насъ у береговъ Сиріи. 30-го Іюня вечеромъ, мы достигли Александріи. Въ ту же ночь я началъ высадку на рейдѣ Марабу, а на другой день двинулся къ Александріи съ высаженною частью войскъ. Одна колонна шла по отлогому берегу Марабу, и произвела нападеніе со стороны новой гавани; двѣ другія обошли городъ и атаковали его со стороны помпеевой колонны и розетскихъ воротъ. Многочисленныя толпы покрывали стѣны и башни этого арабскаго города. Артиллерія моя не была еще выгружена; однако же колонны наши взяли приступомъ эту первую преграду; новый городъ и укрѣпленія сдались въ тотъ же день.

Обладаніе Александріею дало мнѣ средство стать твердою ногою въ Египтѣ. Высадка продолжалась безпрепятственно. Армія моя состояла изъ 30,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на 5 дивизій, подъ начальствомъ генераловъ Клебера, Дезе, Ренье, Бона и Мену (*). У кавалеріи моей, числомъ до 3,000, было не болѣе 300 лошадей; остальныхъ надлежало достать на мѣстѣ.

Должно было быстро завоевать Египетъ, чтобы не дать Мамелюкамъ времени приготовиться къ оборонѣ. Страшнѣйшая и лучшая въ свѣтѣ кавалерія составляла главную часть ихъ силъ; пѣхота же не была въ состояніи противустоять нашимъ войскамъ. Успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты атакъ нашихъ и отъ изумленія, въ которое онѣ должны были привести непріятеля. Крестоносцы претерпѣли неудачи въ Египтѣ, потому что вели войну за вѣру; войска ихъ, приведенныя изъ странъ отдаленныхъ, боролись со всею массою исламизма, котораго каждый приверженецъ, можно сказать, родился воиномъ. Благодаря возмущенію и независимости Мамелюковъ, мусульманское народонаселеніе было раздѣлено. Намъ должно было явиться друзьями Порты, и такимъ образомъ привлечь къ себѣ значительную часть Турокъ. Побѣда есть вѣрнѣйшее средство склонять жителей на свою сторону; предлагая въ одно время оливъ и лавръ, мы могли привязать къ себѣ мирныхъ жителей, угнетенныхъ жестокимъ правленіемъ воинственнаго племени.

Людовикъ IX употребилъ четыре мѣсяца, чтобы достигнуть Каира, и тамъ остановился въ бездѣйствіи. Я рѣшился поспѣть туда въ двѣ недѣли и, не теряя времени, докончивать свое предпріятіе.

6-го Іюля, я оставилъ Александрію и направился на Раманію черезъ степь. Дивизія Клебера двинулась на Розетту, овладѣла ею и соединилась со мною въ Раманіи. Дорогою мы имѣли первую схватку съ Мамелюками, отрядъ которыхъ былъ опрокинутъ генераломъ Дезе, составлявшимъ мой авангардъ. Я продолжалъ

(*) Меня обвиняли въ томъ, что я хотѣлъ увезти съ собою всѣхъ лучшихъ генераловъ; но это клевета: опасаясь, не безъ основанія, войны на твердой землѣ Европы, я предлагалъ директоріи оставить Клебера и Дезе. Она не согласилась.

движеніе къ Капру вверхъ по берегу Нила; по входъ въ столицу нужно было открыть побѣдами.

13-го Іюля, мы встрѣтили Мурадъ-Бея, отважнѣйшаго изъ начальниковъ Мамелюковъ.

Онъ расположился съ 4,000 кавалеріи близь деревни Шебрейссы, прикрывъ правый флангъ флотиліею. Ничто не можетъ сравниться съ красотою картины, представляемой этою африканскою кавалеріею. Красивыя стати арабскихъ лошадей, въ богатой сбруѣ, воинственный видъ всадниковъ, блестящая пестрота ихъ наряда, величественныя, украшенныя перьями чалмы ихъ начальниковъ, все это вмѣстѣ составляло картину и новую, и любопытную. Прекрасная турецкая кавалерія далеко отстала отъ Мамелюковъ. Бой завязался между флотиліями: непріятельская атаковала нашу, сопровождавшую движеніе монхъ войскъ вверхъ по Нилу. Чтобы освободить ее, я пошелъ на Мурадъ-Бея, устроившись въ боевый порядокъ, употребляемый обыкновенно Русскими въ войнахъ противъ Турокъ. Каждая дивизія составляла огромное каре, внутри котораго находился обозъ и малочисленная кавалерія. Эти каре, расположенныя уступами, доставляли другъ другу фланговую оборону. Напрасно Мамелюки наскакивали на насъ со всѣхъ сторонъ: встрѣчаемые огнемъ артиллеріи изъ нашихъ каре, они не рѣшились продолжать атаку и отступили къ столицѣ.

21-го Іюля завидѣли мы Капръ. Уже нѣсколько дней любовались мы пирамидами. Взглядъ на эти мавзолеи, кажется, современные міру, и на славную кавалерію мамелюковъ, носящуюся по долинѣ, произвелъ въ солдатахъ монхъ изумленіе, смѣшанное съ какою-то гордостью. Пользуясь такимъ расположеніемъ духа, я обратился къ нимъ съ этимъ воззваніемъ, которое безъ сомнѣнія будетъ такъ же вѣчно, какъ и пирамиды, при которыхъ я произнесъ его.

«Солдаты! вы пришли въ эту стра-
«ну, чтобъ образовать ее, чтобы
«пронесть просвѣщеніе на востокъ и
«освободить эти прекрасныя земли
«отъ ига Англіи. Вспомните жъ, что
«сорокъ вѣковъ взираютъ на васъ съ
«вершинъ этихъ пирамидъ.»

Мурадъ-Бей занялъ артиллерію деревню Эмбабе; въ укрѣпленіяхъ поставлена была милиція, которую поддерживали 6,000 кавалеріи изъ Мамелюковъ и Арабовъ. Я двинулъ мои каре. Дезе и Ренье пошли правымъ флангомъ впередъ, чтобы отрѣзать сообщеніе Эмбабе съ верхнею долиною Нила; а дивизіи Бона и Клебера атаковали ретраншементы съ фронта. Мамелюки, замѣтивъ движеніе Дезе, понеслись на него всею массою; но ихъ быстрыя, отчаянныя атаки ничего не могли сдѣлать противу стойкости и непоколебимаго мужества каре. Чрезвычайная быстрота и горячность славныхъ коней мамелюкскихъ, только увеличивали безпорядокъ въ рядахъ ихъ; отчаяваясь врубиться, они бросались въ каре на вѣрную смерть. Между тѣмъ, войска, двинувшіяся на Эмбабе, овладѣли укрѣпленіями. Непріятель, сжатый между линіею нашихъ каре и Ниломъ, обратился въ бѣгство къ верхнему Египту, потерявъ въ волнахъ Нила тысячи полторы человѣкъ. Весь

станъ его и 40 орудій достались намъ въ добычу (*).

Эта блистательная побѣда, стоившая намъ всего 200 человѣкъ, отворила мнѣ врата Каира. Я вступилъ въ столицу 25-го числа.

Ибрагимъ - Бей, начальствовавшій Мамелюками праваго берега Нила, отступилъ къ Бельбейссу. Мурадъ-Бей съ Мамелюками лѣваго берега, направился къ верхнему Египту. Я послалъ Дезе его преслѣдовать. Этотъ отличный генералъ съ горстью войскъ своихъ успѣлъ утвердиться въ верхнемъ Египтѣ и отражалъ Мурадъ-Бея, который, претерпѣвая постоянныя пораженія, но не теряя надежды, безпрерывно возобновлялъ свои попытки съ изумительнымъ постоянствомъ.

Чтобъ окончить наше завоеваніе, надобно было разбить Ибрагимъ - Бея. 7-го Августа, съ дивизіями Ренье, Мену, Клебера и кавалеріею, пошелъ я на Бельбейссъ. Ибрагимъ отступалъ къ сирійской степи. Я слѣдовалъ за нимъ. 11-го Мая кавалерія моя настигла арріергардъ его и разбила при Сальшихѣ. У Ибрагима оставалось еще около тысячи всадниковъ. Онъ ускакалъ съ ними черезъ степь и остановился въ Газѣ. Я оставилъ Ренье въ Сальшихѣ съ приказаніемъ укрѣпить этотъ постъ, прикрывающій Египетъ со стороны Сирія. Дивизія Клебера завладѣла Дамиттою, и тогда весь берегъ былъ въ моей власти. Я возвратился въ Каиръ съ дивизіею Мену.

До сихъ поръ все шло хорошо; по крайней мѣрѣ, я такъ думалъ; но между тѣмъ неудача, происшедшая отъ невыполненія моихъ приказаній, нанесла гибельный ударъ моимъ надеждамъ. Я нѣсколько разъ упорно настаивалъ, чтобы флотъ нашъ отступилъ въ старый александрійскій портъ; если же это невозможно, то чтобы возвратился во Францію. Моряки наши утверждали, что фарватеръ этого порта, не способенъ для прохода линейныхъ кораблей. Измѣреніе глубины, сдѣланное по моему приказанію, доказало, что по немъ могутъ проходить 74-хъ пушечные, и я торопилъ адмирала Брюйса войти

(*) Вальтеръ-Скоттъ, такъ много уронившій себя, взявшись писать исторію, рѣшился сравнить сраженіе при пирамидахъ съ битвою подъ Ватерлоо. Можетъ ли существовать хотя какое нибудь сходство между небольшимъ кавалерійскимъ корпусомъ, половина котораго погибаетъ въ волнахъ Нила, а другая несется по огромной равнинѣ и двумя стами тысячъ пѣхоты, съ 800 орудій, искусно маневрирующими съ той и другой стороны на поляхъ Ватерлоо?.... Ни мѣстныя обстоятельства, ни распорядокъ битвы, ни роды войскъ, ни маневры ихъ съ обѣихъ сторонъ, ни относительная важность дѣла, словомъ, ничто не дастъ и малѣйшей тѣни сходства. Это все тоже, что сравнить сраженіе бородинское или лейпцигское съ вермонпильскимъ. Если бы я привелъ Веллингтона въ то положеніе, въ которомъ находились Мамелюки, и если бы 60-тысячная армія не подоспѣла къ Англичанамъ на выручку, у нихъ не осталось бы ни одного человѣка, чтобы принесть въ Лондонъ вѣсть о пораженіи. Знаменитый англійскій романистъ гораздо выше стоялъ во мнѣніи образованнаго свѣта, пока писалъ свои историческіе романы. Писать исторію въ наше время не такъ легко, какъ напримѣръ разграбленіе Литтиха, которое Вальтеръ Скоттъ такъ хорошо представилъ въ своемъ Квентинъ-Дорвардѣ.

въ портъ. Ему казалось это опаснымъ. Онъ говорилъ, что его можно запереть тремя кораблями въ этомъ дефиле, изъ котораго потомъ нельзя будетъ выйти и предпочелъ держаться на морѣ. Разгрузивъ свои корабли, онъ ожидалъ съѣстныхъ припасовъ и сталъ на рейдъ у Абукира, въ боевый порядокъ у самаго берега, ожидая возможности возвратиться въ Тулонъ или Корфу. 1-го Августа, при наступленіи ночи, онъ былъ атакованъ. Адмиралъ самонадѣянно ожидалъ непріятеля, думая, что тотъ нападетъ на него съ фронту. Но Нельсонъ смѣло провелъ нѣсколько судовъ у самыхъ отмелей, между нашею линіею и берегомъ, прорвалъ центръ, разбилъ и уничтожилъ лѣвый флангъ, поставя его между двухъ огней, въ то время, какъ правый оставался бездѣйственнымъ зрителемъ этой странной битвы. Бой продолжался 36-ть часовъ и кончился уничтоженіемъ трехъ четвертей нашего флота. Адмиралъ Брюйсъ загладилъ отчасти славною смертью свою ошибку, столь гибельную для французскаго флота.

Это несчастіе чрезвычайно уменьшило вѣроятность удачи нашей экспедиціи, но еще не совершенно лишило меня надежды на успѣхъ. Склонивъ жителей на свою сторону, намъ можно было удержать въ своей власти эту страну. Снабженные деньгами, офицерами и оружіемъ, мы могли бы комплектовать войска свои, подобно Мамелюкамъ, и я устремилъ къ этому всѣ мои усилія; но тутъ надобно было преодолѣть два могущественныя препятствія. Первое было то, что война на морѣ останавливала внѣшнюю торговлю, единственный источникъ богатства этой земли; второе препятствіе была религія. Коранъ повелѣваетъ уничтожать невѣрныхъ или дѣлать ихъ данниками; онъ не позволяетъ повиноваться имъ. Въ X, XI и XII вѣкахъ догматы исламизма были важными препятствіями христіанамъ въ Сиріи, переродивъ войну въ разбой и убійства, въ которыхъ Европа теряла милліоны людей. Если бы тотъ же духъ одушевлялъ Египтянъ въ 1798 году, гибель наша была бы неизбѣжна. Малочисленное войско мое, не воспламененное фанатизмомъ, не могло бы и шести мѣсяцевъ устоять противъ народонаселенія изъ нѣсколькихъ милліоновъ отчаянныхъ Мусульманъ. Къ счастію, коранъ потерялъ много вліянія своего чрезъ безпрерывныя сношенія Египтянъ съ Европою. Существовавшая еще ненависть далеко не походила на изувѣрство X вѣка. Я не терялъ надежды преклонить имановъ и все мусульманское духовенство на мою сторону. Со временъ революціи, Французская армія была очень хладнокровна ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; даже въ Италіи солдаты наши никогда не ходили въ церковь. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы увѣрить мусульманъ, что войска мои готовы принять магометанскую вѣру. Христіане различныхъ вѣроисповѣданій думали воспользоваться нашимъ пребываніемъ, чтобы освободиться отъ нѣкоторыхъ притѣсненій, терпимыхъ ими въ отправленіи предписаній религіи; но я всячески старался не вмѣшиваться въ духовныя дѣла и оставить ихъ въ томъ же положеніи. Съ восходомъ

солнца являлись ко мнѣ ежедневно шейки главной мечети; ихъ принимали съ большими почестями, и я часто разсуждалъ съ ними о жизни пророка и различныхъ главахъ корана. Я присутствовалъ при совершеніи многихъ изъ ихъ обрядовъ, и уваженіемъ къ ихъ обычаямъ и вѣрѣ успѣлъ внушить имъ полное ко мнѣ довѣріе.

Слѣдуя этой системѣ, я употребилъ всѣ средства, чтобы успокоить Порту. Сдѣлавъ высадку въ Египетъ, я всячески старался доказать турецкому правительству, что я хочу только наказать бековъ, которыми оно было недовольно, подорвать торговлю Англичанъ въ Индіи и сдѣлать въ Египтѣ складочное мѣсто произведеній востока. Я надѣялся, что Талейранъ для этой же цѣли поѣдетъ въ Константинополь; но хитрая лисица слишкомъ боялась семибашеннаго замка. Талейранъ, подъ различными предлогами, передалъ порученіе другому, остался самъ въ Парижѣ и далъ полную свободу Англіи и Россіи возмущать противъ насъ Порту. Однако жъ она не смѣла еще дѣйствовать открыто, и только съ уничтоженіемъ нашего флота, рѣшилась объявить войну; 1-го Сентября Руффинъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, заключенъ былъ въ семибашенный замокъ.

До сего времени я имѣлъ основательныя причины надѣяться на успѣхъ учрежденія колоніи въ Египтѣ, который, казалось, уже успокоился; только изрѣдка тревожили насъ набѣги Мамелюковъ. Различныя заведенія, учрежденныя въ Каирѣ бывшими при мнѣ учеными, развлекали нашу скуку въ этой чуждой странѣ. Устроены были мастерскія, литейные и пороховые заводы, и вообще всѣ пособія, какія доставляютъ войнѣ искусства. Разрывъ съ Портою разрушилъ наши блестящія надежды.

Слухъ о войнѣ быстро разнесся по Египту и произвелъ всеобщее волненіе. Лишь только глава Мусульманъ объявилъ себя противу насъ, мы сдѣлались въ глазахъ народа невѣрными собаками, которыхъ законъ велитъ истреблять. 22-го Октября закипѣлъ бунтъ въ Каирѣ. Генералъ Дюпюи, тамъ начальствовавшій, и до 300 человѣкъ нашихъ солдатъ и офицеровъ были изрублены. Необходимо было прибѣгнуть къ строгимъ и рѣшительнымъ мѣрамъ. Войска мои, расположенныя вокругъ города, ворвались въ него и умерщвляли всѣхъ, кто попадался съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ двухъ дней самаго ужаснаго кровопролитія, тишина была возстановлена, и этотъ укрощенный бунтъ еще болѣе упрочилъ наше могущество въ Египтѣ; къ тому же Дезе окончилъ завоеваніе верхняго Египта и разбилъ остатки Мамелюковъ при Седиманѣ.

Отдыхъ нашъ недолго продолжался. Я узналъ, что Турки собрали армію въ Натоліи, съ намѣреніемъ проникнуть въ Египетъ по восточному берегу средиземнаго моря. Джезаръ, паша сенъ-жанъ-д'акрскій, уже заготовилъ магазины для прохода этой арміи, которую онъ долженъ былъ усилить собранными въ Сиріи войсками. Лучшее средство противъ этого было тотчасъ же поспѣшить уничтожить всѣ приготовленія Джезара, прежде чѣмъ оттоманская армія

успѣетъ поддержать его, и я рѣшился итти въ Сирію съ тою частью войскъ моихъ, которая не была необходима для охраненія Египта и удержанія его въ покорности въ мое отсутствіе. 10-го Февраля вышелъ я изъ Каира съ дивизіями Бона, Лана и кавалеріею; 17-го прибылъ въ Эль-Аришъ, и соединился съ дивизіями Ренье и Клебера, пришедшими туда изъ Сальшиха и Даміетты.

Ренье уже взялъ приступомъ деревню Эль-Аришъ, но укрѣпленія еще защищались, и могли задержать насъ, потому что съ нами были одни полевыя орудія, которыми нельзя было скоро разрушить довольно толстыя стѣны. Къ счастію нашему гарнизонъ сдался 20-го.

Со мною было всего около 13,000 войска, но и тѣ шли отдѣльными отрядами, чтобъ не истощить колодезей, составляющихъ единственное средство къ освѣженію войскъ въ этой безводной странѣ. Послѣ двухъ сутокъ самаго тягостнаго перехода пришли мы въ долину Газы. Вся армія моя соединилась передъ этимъ городомъ, въ которомъ непріятель оставилъ намъ значительные запасы. 3-го Марта мы достигли Яффы. Гарнизонъ былъ великъ и готовился къ оборонѣ. Я устроилъ баттареи, чтобы разрушить стѣну, окружающую городъ. 7-го сдѣланъ былъ довольно широкій проломъ, и городъ взяли приступомъ.

Мы захватили тутъ 2,000 плѣнныхъ, которые чрезвычайно меня затруднили. Малочисленность моей арміи не позволяла мнѣ отдѣлить достаточныя силы для охраненія ихъ. Отпустить же на слово этихъ людей, не имѣющихъ понятія о чести, было бы еще безразсуднѣе; тѣмъ больше, что между ними очень многіе были уже отпущены мною послѣ эль-аришскаго дѣла, съ условіемъ противъ насъ не сражаться; я велѣлъ разстрѣлять всѣхъ ихъ. Я отдалъ это приказаніе не охотно; одна лишь мысль, что эти азіятскіе варвары не иначе поступаютъ съ нашими плѣнными, и считаютъ за честь представлять головы ихъ султану, заставила меня рѣшиться на это. Меня осуждали враги мои за этотъ поступокъ, непростительный по законамъ человѣколюбія; но мое затруднительное положеніе и спасеніе арміи, быть можетъ, извинятъ меня передъ потомствомъ.

Джезаръ-Паша собралъ всѣ средства къ защитѣ Акры, которую обложили мы 18-го Марта. Укрѣпленія города состояли изъ стѣны, со рвомъ, фланкированной башнями. Средства мои къ осадѣ были тѣмъ ограниченнѣе, что Сиднеи-Смитъ, командовавшій англійскими крейсерами, успѣлъ захватить нашу осадную артиллерію, отправленную мною моремъ изъ Александріи и дѣйствовалъ ею противу насъ. Траншеи были открыты 20-го Марта. Джезаръ, руководимый французскими инженеромъ и артиллеристомъ (*), далъ мнѣ отчаянный отпоръ. Первый приступъ, произведенный 28-го, былъ неудаченъ и только ободрилъ осажденныхъ.

Изъ Саффета и Назарета наблюдательные посты дали мнѣ знать о

(*) Филиппо и Тромелень. Послѣдній просилъ меня потомъ принять его по французскую службу. Я принялъ его полковникомъ, сказавъ ему, чтобъ онъ такъ же предлъ моимъ непріятелямъ, какъ мнѣ въ Египтѣ.

приближеніи непріятельской арміи, собранной въ Дамаскѣ и безпрерывно возрастающей на походѣ, присоединеніемъ жителей Палестины. Чтобъ задержать ее, я послалъ два небольшіе корпуса къ Іордану: Клебера съ его дивизіею въ Назаретъ, а Мюрата съ двухтысячнымъ отрядомъ къ Саффету. Спустя нѣсколько дней, узналъ я, что непріятельская армія перешла Іорданъ черезъ мостъ въ Гизъ-Эль-Мезаніе и готовилась атаковать Клебера. Я поспѣшилъ къ нему на помощь. 15-го Апрѣля я оставилъ лагерь подъ Сенъ-Жанъ-д'Акромъ, съ дивизіею Бона и кавалеріею. На другой день утромъ подошелъ я къ горѣ Ѳавору, въ виду непріятеля, занимавшаго деревню Фули большою массою пѣхоты. Кавалерія ихъ, силою около 20,000, покрывала славную долину эздрелонскую, окруживъ со всѣхъ сторонъ дивизію Клебера, построенную въ два каре и съ удивительною стойкостью выдерживавшую натискъ непріятеля.

Появленіе мое было громовымъ ударомъ для Турокъ: потерявъ надежду, они не рѣшились вступить въ бой съ приведенными мною свѣжими войсками, и въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство. Мы ворвались на штыкахъ въ деревню Фули. Оттоманская армія въ совершенномъ разстройствѣ перешла за Іорданъ черезъ мостъ въ Гизъ-Эль-Мезаніе и отступила къ Дамаску.

Эта побѣда произвела столь сильное впечатлѣніе на непріятелей, что они не смѣли уже больше безпокоить нашу армію во все время осады. Я оставилъ Клебера въ Назаретѣ, а съ остаткомъ войска возвратился къ Акрѣ.

Осада продолжалась дѣятельно, но безуспѣшно. Турки, съ помощію Англичанъ изъ эскадры Сиднея-Смитта, подъ руководствомъ Феллиппо и Тромеленя защищались превосходно. Уже пять приступовъ были отбиты, когда флотилія, снаряженная въ Родоссѣ, привезла осажденнымъ съѣстные припасы и знаменитый корпусъ, устроенный по-европейски Гуссейнъ-пашею. Думая предупредить высадку этого корпуса, я сдѣлалъ шестый приступъ 8-го Мая. Мы были еще разъ отражены и уже теряли надежду овладѣть городомъ. Упрямо продолжая осаду, я могъ бы погубить мою небольшую армію; это заставило меня готовиться къ отступленію.

Я такъ мало привыкъ къ неудачамъ, что не могъ рѣшиться начать отступленіе, не испытавъ еще разъ счастья. Клеберъ присоединился ко мнѣ съ свѣжимъ войскомъ и это давало мнѣ надежду взять крѣпость, въ которой пробиты были широкія бреши. 10-го Мая, утромъ и вечеромъ, въ седьмой и восьмой разъ повторилъ я атаку. Рвеніе солдатъ моихъ казалось удвоило ихъ силы; но ничто не могло преодолѣть упорнаго мужества осажденныхъ.

Я снялъ осаду 21-го Мая и возвратился въ Египетъ. Дорогою мы совершенно раззорили страну, какъ для того, чтобы воспользоваться представляемыми ею средствами къ обезпеченію перехода черезъ степь, такъ и для того, чтобы уничтожить тѣ пособія, которыя могъ найти непріятель, направясь къ границамъ Египта. Я взялъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Только пятьдесятъ изъ нихъ должно было оставить на жертву свирѣпому

Джезару, потому что, зараженные чумою, они не могли за нами слѣдовать. Чтобъ избавить ихъ отъ мучительной смерти, я велѣлъ отравить ихъ опіумомъ. Меня и тутъ упрекаютъ въ жестокости; признаюсь, что я былъ не правъ; но не изъ однаго ли человѣколюбія рѣшился я поступить такъ? И какую выгоду могла принесть мнѣ смерть этихъ несчастныхъ? Я поступилъ съ ними какъ бы желалъ, чтобы со мною поступили въ подобномъ случаѣ, и никогда не думалъ, чтобы этимъ могъ дать врагамъ моимъ еще предметъ для злословія. Мнѣ слѣдовало бы оставить ихъ на произволъ судьбы, и жестокихъ Турокъ.

Возвратясь въ Египетъ я направился съ главными силами къ Каиру, куда и прибылъ 14-го Іюня; Клеберъ снова занялъ Даміетту. Я оставилъ сильный гарнизонъ въ Катихѣ. Въ продолженіе похода въ Сирію, Дезе окончилъ покореніе верхняго Египта, и сраженіемъ при Семангу довершилъ пораженіе Мамелюковъ.

Дурной успѣхъ предпріятія моего въ Сирію, поставилъ меня еще въ большую необходимость вступить въ переговоры съ главами духовенства, чтобы дѣйствовать на умы черни. Возвратясь изъ Сальшиха, я предложилъ имъ издать фетамъ, который бы повелѣвалъ народу присягнуть въ повиновеніи главнокомандующему. Это предложеніе привело ихъ въ трепетъ; старѣйшій изъ нихъ отвѣчалъ мнѣ: за чѣмъ сами вы съ вашимъ войскомъ не сдѣлаетесь мусульманами? 100,000 человѣкъ сбѣгутся тогда подъ ваши знамена и, устроивъ ихъ по вашему, вы возстановите аравійское государство и покорите востокъ. Обрѣзаніе и запрещеніе пить вино, были единственныя препятствія, которыя я противопоставлялъ имъ. Стали разсуждать о томъ, какъ бы устранить ихъ, и наконецъ положили, что можно быть мусульманиномъ и пить вино, искупая это преступленіе благодѣяніями. Я начерталъ тогда планъ мечети, большей нежели существующая въ Жемпль-Эль-Азарѣ, какъ бы желая оставить памятникъ обращенія нашей арміи въ мусульманскую вѣру. Но въ самомъ дѣлѣ, я хотѣлъ только выиграть время. Фетамъ о всеобщемъ повиновеніи былъ обнародованъ шейками, объявившими меня поклонникомъ пророка, покровительствуемымъ свыше. Разнеслась молва, что черезъ годъ все войско надѣнетъ чалму; солдаты скоро почувствовали благодѣтельныя послѣдствія этой хитрости, весьма невинной и извинительной въ томъ положеніи, въ которомъ я находился.

Въ концѣ Іюля Мамелюки снова показались въ нижнемъ Египтѣ, и Мурадъ-Бей спустился по берегу къ Гизеху. Между тѣмъ какъ я дѣлалъ распоряженія, чтобъ встрѣтить его, мнѣ дали знать, что 15,000 Турокъ, прибывъ на судахъ изъ Родосса, сдѣлали высадку на полуостровъ Абукиръ и завладѣли уже крѣпостью этого имени. Я чувствовалъ необходимость разбить этотъ корпусъ, прежде чѣмъ къ нему присоединятся Мамелюки и возставшіе противъ насъ туземцы; 24-го Іюля, часть арміи, назначенная для этой экспедиціи, собралась у колодезей, между Александріею и Абукиромъ. На другой день я атаковалъ Турокъ.

Они болѣе всего надѣются на кавалерію; но у нихъ не было этого рода войскъ, потому что они прибыли водою. На этомъ основалъ я планъ моей атаки. Двѣ линіи укрѣпленій, которыми заградили они полуостровъ, были взяты, не смотря на упорное сопротивленіе непріятеля. Въ тоже время Мюратъ успѣлъ прорваться съ нѣсколькими эскадронами между линій и довершилъ пораженіе. Всѣ бросились къ берегу, спѣша достигнуть судовъ своихъ, но не успѣли: спасшіеся отъ штыковъ, погибли въ волнахъ. Изъ 12 или 13,000 избѣгли смерти всего 2,000 человѣкъ, запершихся въ крѣпости и 200 взятыхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ пашею, начальникомъ всего отряда. Мы потеряли около 1,000 человѣкъ выбывшими изъ строя. Эта побѣда принесла мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, что она нѣкоторымъ образомъ омыла стыдъ пораженія нашего флота при Абукирѣ. Сильно бомбардированная нами крѣпость, сдалась 2-го Августа.

Успѣхи эти такъ упрочили завоеванія наши въ Египтѣ, что достаточно было получать ежегодно 5 или 6000 войска въ подкрѣпленіе, чтобъ удержаться въ этой странѣ.

Между тѣмъ событія гораздо важнѣйшія привлекли мое вниманіе. Еще подъ Сенъ-Жанъ-д'Акромъ узналъ я о новой коалиціи противу Франціи. Потомъ, черезъ Сиднея-Смитта, получили мы нѣсколько англійскихъ журналовъ и французскую Франкфуртскую газету, въ которыхъ описаны были пораженія войскъ нашихъ въ Италіи и на Рейнѣ, и безпрестанные перевороты во Франціи, доведшіе директорію до совершеннаго уничиженія.

Я получилъ также извѣщеніе отъ правительства, которое сообщало мнѣ, что адмиралъ Брюи вышелъ изъ Бреста, чтобы соединиться съ испанскою и тулонскою эскадрами, очистить средиземное море и перевезти обратно египетскую армію, если того потребуютъ обстоятельства. Меня снова уполномочивали возвратиться во Францію. Брюи не показывался, и должно было думать, что англійскій флотъ не допустилъ его до береговъ Африки.

Я чувствовалъ себя способнымъ возвратить отечеству его недавнюю славу, побѣды и благоденствіе мира внѣшняго и внутренняго. Все показывало, что въ умахъ уже потухли гибельныя идеи революціи и что настала минута окончить ее, завладѣвъ наслѣдіемъ. Нужно было торопиться, чтобы кто либо другой не предупредилъ меня. Ничто не удерживало меня въ Египтѣ. Всѣ распоряженія были уже сдѣланы, чтобъ основать колонію въ этой завоеванной странѣ; Клеберъ былъ не менѣе меня способенъ довершить исполненіе предпріятія. Я могъ гораздо болѣе принесть пользы моему отечеству, служа въ Европѣ. Теперь же настала самая удобная минута для удаленія изъ Египта: слава моя, помраченная неудачею сирійской экспедиціи, была возстановлена въ прежнемъ блескѣ побѣдою при Абукирѣ. Не теряя времени, я велѣлъ изготовить небольшую эскадру изъ четырехъ судовъ и отплылъ съ нею 24 Августа, оставивъ Клеберу главное начальство надъ войсками въ Египтѣ.

Многіе обвиняли меня за этотъ отъѣздъ, и весьма несправедливо. Во-первыхъ, я былъ уполномоченъ отъ директоріи возвратиться. Во-вторыхъ, если бы экспедиція была безуспѣшна, то стоило только подписать условія, на которыхъ оставляли мы страну, что всякій могъ исполнить не хуже меня; если же она могла продолжаться съ успѣхомъ, то Клеберъ былъ совершенно способенъ бороться съ остававшимися тамъ врагами. Этотъ генералъ, съ его дѣятельнымъ, возвышеннымъ умомъ, съ его образованіемъ и храбростью, былъ, сверхъ того, однимъ изъ первыхъ красавцевъ въ Европѣ. Онъ могъ служить идеаломъ Марса. Пылкій, ужасный въ битвахъ, спокойный и холодный въ сужденіяхъ, великій администраторъ, любимый солдатами, онъ походилъ во всемъ на маршала де-Сакса. Если онъ не имѣлъ случая стать на ряду величайшихъ полководцевъ, то, по крайней мѣрѣ, обладалъ всѣми нужными для этого достоинствами. Быть можетъ, не обнималъ онъ стратегіи во всей обширности ея соображеній; но онъ достигъ бы и этого съ его геніальнымъ умомъ, пріучась со временемъ къ обязанностямъ высшаго начальника.

Я скажу потомъ нѣсколько словъ о счастливыхъ послѣдствіяхъ этого выбора. Чтобы не потерять нити событій и объяснить ими мои дѣйствія, я долженъ сдѣлать быстрый обзоръ кампаніи 1799 года.

—

ГЛАВА V.

Положеніе Европы въ 1798 году. Переговоры въ Раштадтѣ и въ Зельцѣ. Коалиція Россіи, Англіи, Австріи, Турціи и Неаполя, противъ Франціи. Неаполитанцы начинаютъ военныя дѣйствія, овладѣваютъ Римомъ, и оттѣснены обратно къ Неаполю. Шампіоне входитъ побѣдителемъ въ эту столицу. Фердинандъ IV бѣжитъ въ Сицилію. Парѳенопейская республика. Французы разбиты при Штокахѣ, при Маньянѣ и на Аддѣ; они вытѣснены изъ Германіи, Италіи и Граубиндена. Макдональдъ оставляетъ Неаполь. Битва при Требіи. День 10 Прэріаля. Мантуа сдается Австрійцамъ. Цитадель Александріи также. Битва при Новѣ. Новый планъ союзниковъ. Эрцгерцогъ Карлъ идетъ на нижній Рейнъ. Герцогъ іоркскій назначенъ дѣйствовать въ Голландіи. Суворовъ принимаетъ начальство надъ центромъ въ Швейцаріи. Битва при Цюрихѣ. Англо-русскія войска дѣлаютъ высадку въ Голландію и уводятъ голландскій флотъ. Они разбиты при Бергенѣ и оттѣснены. Мелассъ осаждаетъ Коні. Шампіоне хочетъ спасти крѣпость и самъ разбитъ при Дженолѣ.

—

Въ то время, когда мы хотѣли основать на берегахъ Нила грозную точку опоры, съ цѣлью ниспровергнуть въ Индіи могущество Англичанъ, Франціи угрожала опасность въ самыхъ ея предѣлахъ. Отъѣздъ мой въ Египетъ не сдѣлалъ директорію осторожнѣе; напротивъ, побѣды мои на востокѣ только усиливали въ ней желаніе новыхъ завоеваній.

Агенты ея поступали въ цизальпинской республикѣ, какъ нѣкогда римскіе проконсулы съ побѣжденными народами; въ Піемонтѣ производили они такіе безпорядки, что король, для водворенія спокойствія, сталъ просить помощи французскаго войска. Брюнъ, будто бы страшась опасности, которой можетъ подвергнуться войско республики, согласился только на томъ условіи, чтобы Карлъ Эммануилъ отдалъ въ его руки туринскую цитадель.

Раштадтскій конгресъ, признавъ за Франціею весь лѣвый берегъ Рейна, пересталъ быть столь уступчивымъ послѣ моего отъѣзда. Директоріи казалось мало, что за нею утверждалось все, что было уступлено по кампоформійскому договору; она дала новыя наставленія своимъ уполномоченнымъ, приказавъ имъ требовать еще крѣпости Кель и Кассель, всѣ острова на Рейнѣ, срытіе Эренбрейтштейна (съ явною цѣлью, облегчить себѣ наступательныя дѣйствія на правомъ берегу Рейна, что совершенно было противно договору), свободное плаваніе французскимъ судамъ по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Рейнъ, и наконецъ переводъ долговъ съ земель, ею пріобрѣтаемыхъ на лѣвомъ берегу, на земли, отданныя въ вознагражденіе, что было, разумѣется, нестерпимою несправедливостью. Эти неумѣренныя требованія директоріи не были слѣдствіемъ благороднаго честолюбія, но лишь одной неуступчивой гордости и желанія распространить власть свою. Самый составъ ея вполнѣ оправдываетъ справедливость этого мнѣнія; стоикъ Ревбель, благородный Баррасъ, адвокатъ Мерленъ, иллюминатъ Ларевельеръ, поэтъ Франсуа-де-Нёшато, были не честолюбцы, но близорукіе политики, слишкомъ самоувѣренные. Война не могла не вспыхнуть при переворотахъ, со всѣхъ сторонъ угрожавшихъ Европѣ и при невѣроятныхъ требованіяхъ Франціи. Миръ не былъ еще нарушенъ только потому, что противникамъ нашимъ нужно было время, чтобы согласить свои намѣренія.

Вѣнскій кабинетъ хотя и зналъ расположеніе Россіи и Англіи, но намѣренъ еще былъ испытать, не удастся ли окончить дѣла миролюбиво; онъ и долженъ былъ прежде изложить причины неудовольствій и требовать удовлетворенія, а потомъ уже взяться за оружіе. Съ этою цѣлью были открыты новые переговоры въ Зельцѣ, для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ споровъ. Баронъ Тугутъ, удалившійся отъ дѣлъ, чтобы не подписывать мира съ нами, снова принялъ должность отъ Кобенцеля, который отправился въ Зельцъ для переговоровъ съ Франсуа-де-Нёшато.

Хотя прямая цѣль этихъ переговоровъ не была объявлена оффиціально, но не трудно было догадаться, о чемъ происходили пренія. Очевидно, что совѣтники Франца II обманули бы его довѣренность, если бы согласились, что положеніе Европы въ половинѣ 1798 года было тоже, какъ и тотчасъ по заключеніи кампо-формійскаго мира. При каждомъ новомъ требованіи, директорія простодушно увѣряла, что она чужда желанія разорвать миръ съ Австріею: какъ будто первостепенная держава тогда

только поднимаетъ оружіе, когда она сама оскорблена, и какъ будто уничтоженіе самостоятельности ея сосѣдей, не есть уже достаточная причина для войны? Сверхъ того, Австрія имѣла право требовать, по послѣднему трактату, кромѣ очищенія Швейцаріи отъ французскихъ войскъ, возвращенія независимости Цизальпиніи, Риму и даже Піемонту, обращеннымъ почти въ завоеванныя земли; или по крайней мѣрѣ приличныхъ вознагражденій за это насильственное приращеніе могущества ея соперницы. Носились слухи, впрочемъ весьма правдоподобные, что въ Зельцѣ договаривались объ уступкѣ нѣкоторыхъ провинцій аппенинскаго полуострова, въ вознагражденіе за отреченіе императора отъ пріобретенія Зальцбурга и Инфиртеля, и за допущеніе рѣшительнаго вліянія Франціи на возникшія вокругъ нея республики.

Когда всѣ предложенія вѣнскаго кабинета были отвергнуты, онъ убѣдился, что ему нечего ждать отъ директоріи, и рѣшился сблизиться съ Россіею. Держава эта тѣмъ менѣе могла оставаться чуждою происшествій, измѣнявшихъ положеніе Европы, что она, по тешенскому договору, была порукою благосостоянія Германіи, которой грозили разрушительные перевороты отъ превращенія духовныхъ владѣній въ свѣтскія и отъ системы вознагражденій. Если бы даже политика не вмѣняла въ обязанность императору Павлу I обратить вниманіе свое на происшествія въ Швейцаріи, Туринѣ, Римѣ и на средиземномъ морѣ, онъ и тогда бы вступился въ это дѣло, по живому участію, которое постоянно принималъ въ мальтійскомъ орденѣ.

Петербургскій кабинетъ чувствовалъ всю выгоду своего положенія. Уступая очевидной опасности, угрожавшей цѣлой Европѣ, онъ послалъ князя Рѣпнина сначала въ Берлинъ, а потомъ въ Вѣну, во первыхъ, чтобы убѣдить оба двора отказаться отъ всѣхъ вознагражденій въ Германіи, а во вторыхъ, чтобы принять мѣры противъ Франціи и привести честолюбіе директоріи въ границы, начертанныя мирными договорами.

Князю Рѣпнину было легко достигнуть первой цѣли, потому что Фридрихъ-Вильгельмъ находилъ даже въ самыхъ условіяхъ кампо-формійскаго трактата, средства возвратить Гельдрію, если отвергнутъ систему вознагражденій; но за то второе предложеніе не имѣло такаго успѣха, и Пруссія не соглашалась нарушить принятаго ею неутралитета. Молодой король ея, одушевленный стремленіемъ ко всему благому и дорого цѣнившій выгоды мира, занимался только исправленіемъ того, что было разстроено расточительностью отца его. Онъ былъ убѣжденъ, что вся политика его должна стремиться къ одному охраненію границъ и чести своего флага, и къ тому, чтобы благоденствовать въ мирѣ, между тѣмъ какъ его соперники раззоряли другъ друга. Строгіе критики осуждали управленіе его министра графа Гаугвица, и не смотря на краснорѣчивую защиту знаменитаго Ломбара, вышедшую нѣсколько лѣтъ спустя, еще остается нерѣшеннымъ, оцѣнилъ ли вполнѣ берлинскій кабинетъ всѣ свои выгоды? Нельзя не согласиться, что

положеніе Пруссіи было весьма затруднительно: будучи государствомъ второстепеннымъ, она должна была держать равновѣсіе между могущественнѣйшими державами, готовыми прійти въ столкновеніе. Къ которой бы сторонѣ ни присталъ берлинскій кабинетъ, онъ могъ дать рѣшительный перевѣсъ; но нельзя же было ему оставаться спокойнымъ зрителемъ униженія имперіи и порабощенія Швейцаріи и Италіи. Можетъ быть, явившись вооруженною посредницею, Пруссія бы лучше предохранила себя отъ бѣдствій, нежели сохраняя строгій неутралитетъ. Умѣніе пользоваться всѣми обстоятельствами и во время употреблять могущество свое, есть доказательство обширной и глубокомысленной политики. Вся логика Ломбара не въ состояніи убѣдить насъ, что Пруссія, въ эту рѣшительную минуту, употребила всѣ свои усилія, чтобы отклонить грозившую Европѣ войну. Если бы она твердо и откровенно объявила умѣренныя требованія, то склонила бы и директорію къ очищенію занятыхъ послѣ мира земель, и вѣнскій кабинетъ къ большей уступчивости.

Австрія съ своей стороны, не смотря на готовность выполнить обѣщанія, не могла однако же не видѣть необходимости положить основаніе будущихъ отношеній между четырьмя первенствующими державами. Она выигрывала во всякомъ случаѣ, потому что и самыя несогласія могли только благопріятствовать ея оружію.

Извѣстіе о пораженіи при Абукирѣ и война, объявленная намъ Портою, удостовѣрили Австрію что она, вступивъ снова на военное поприще, можетъ возвратить Италію. Тамъ считалось, правда, 100,000 Французовъ между Альпами и Тибромъ; но войско это было лишено всѣхъ припасовъ, оставлено на жертву всѣхъ нуждъ нерадѣніемъ правителей, раздроблено для удержанія обширныхъ завоеваній Франціи, и потому не въ состояніи было успѣшно дѣйствовать. Сверхъ того, самовластные поступки съ цизальпинскою директоріею, и деспотизмъ Труве и Брюна съ правителями республики, которая долженствовала быть независимою, произвели неудовольствіе даже въ Ломбардцахъ, бывшихъ самыми ревностными приверженцами Франціи, и совершенно возстановили противу насъ всѣхъ, державшихъ еще сторону Австріи. Хотя Брюнъ и былъ потомъ замѣненъ Жубероиъ въ главномъ начальствѣ надъ италіянскою арміею, но зло уже было сдѣлано; и тѣмъ труднѣе можно было изгладить это дурное впечатлѣніе, что причины народнаго неудовольствія не были устранены.

Не лучше поступали мы съ Піемонтомъ; и не слишкомъ дружелюбное расположеніе турінскаго двора оправдывалось нашими собственными дѣйствіями. Вмѣсто того, чтобы стараться всѣми мѣрами сдѣлать изъ него вѣрнаго союзника, вознаградивъ за понесенныя потери, мы напротивъ возмущали его владѣнія подобно Швейцаріи, чтобы ввести ихъ въ составъ демократической системы. Занятіе турінской цитадели нашими войсками не остановило распространителей новыхъ идей, но еще придало имъ болѣе смѣлости. Карлъ-Эммануилъ, заключившій наконецъ съ нами оборонительный и

наступательный союзъ, по которому обязывался выставить 8-ми тысячное вспомогательное войско, разумѣется, неохотно сносилъ подобные поступки. Великій герцогъ тосканскій принадлежалъ къ австрійскому дому, и не смотря на его мирное расположеніе, этого родства было достаточно, чтобы подать поводъ захватить его владѣнія, и такимъ образомъ связать римскую республику съ цизальпинскою и лигурійскою. Могли ли мы увеличить подобнымъ поведеніемъ число приверженцевъ нашихъ? Къ тому же и уважаемый всѣми Пій VI, лишенный нами свѣтской власти, употреблялъ все свое вліяніе, чтобы увеличить число нашихъ враговъ.

Ко всѣмъ этимъ вѣроятностямъ успѣха для Австріи, присовокуплялась еще та, что вѣнскій кабинетъ могъ надѣяться на помощь Неаполитанцевъ, въ которыхъ отсутствіе мое и приближеніе бури революціи, угрожавшей переступить предѣлы церковной области, пробудили снова ненависть, еще гораздо сильнѣйшую прежней. Договоръ, подписанный 19-го Мая 1798-го года, какъ мѣра оборонительная, былъ причиною набора для пополненія неаполитанской арміи. Актонъ еще прежде побѣды при Абукирѣ, обнаружилъ намѣреніе возвратиться къ прежней своей политикѣ. Пріемъ, сдѣланный англійскому адмиралу, которому, въ противность условіямъ парижскаго договора, дозволили снабдиться провіантомъ въ сиракузской гавани, для облегченія производства поисковъ въ средиземномъ морѣ, могъ служить достаточнымъ доказательствомъ приверженности неаполитанскаго кабинета къ Англіи; но тайный договоръ, подписанный уполномоченными обоихъ дворовъ 11-го Іюня, совершенно уже утвердилъ союзъ ихъ противу Франціи. Лишь только пришло извѣстіе о побѣдѣ при Абукирѣ, совѣтники Фердинанда IV сбросили съ себя личину и учредили наборъ всѣхъ способныхъ къ военной службѣ отъ 18 до 45-лѣтняго возраста, для того, какъ говорили они, чтобы защитить берега королевства отъ опасности, угрожавшей имъ по взятіи Мальты. Кромѣ укомплектованія линейныхъ полковъ, значительное число хорошо обученныхъ войскъ увеличило силу неаполитанской арміи до 60,000 человѣкъ. Такой сильный союзникъ былъ въ состояніи дать императорскимъ войскамъ перевѣсъ на полуостровѣ.

При подобныхъ обстоятельствахъ могъ ли Францъ II долѣе колебаться, когда сверхъ того Русскіе и Турки соглашались дѣйствовать противу общаго непріятеля; когда, съ одной стороны Ломбардія простирала къ нему руки, а съ другой вторженіе Французовъ въ Швейцарію угрожало опасностію его собственнымъ владѣніямъ. Если бы даже, отвергнувъ всякое честолюбіе, онъ отказался отъ обратнаго пріобретенія потерянныхъ въ Италіи земель, то уже самая безопасность австрійской монархіи заставляла его предупредить несчастія, которыми угрожало Германіи утвержденіе Французовъ у самаго Форарльберга.

Но какъ бы то ни было, первымъ попеченіемъ его было, избавить Неаполь отъ судьбы, постигшей Римъ, подписавъ оборонительный договоръ

19-го Мая, о которомъ я упомянулъ выше, и который полагали достаточнымъ для обеспеченія Неаполя отъ непріятельскаго вторженія.

Къ этимъ договорамъ, заключеннымъ изъ одной предосторожности, присовокупились вскорѣ болѣе важныя мѣры: увѣрившись въ безполезности переговоровъ въ Зельцѣ, Австрія отправила графа Кобенцеля въ Берлинъ и Петербургъ, чтобы сблизиться съ этими дворами. Съ Россіею не трудно было заключить договоръ; въ Октябрѣ, вспомогательная армія, надъ которою начальство предполагалось дать Суворову, вступила въ Галицію, и должна была направиться въ Моравію. Съ другой стороны гофскригсратъ, узнавши о паденіи Берна, поспѣшилъ поставить императорскія арміи на военную ногу, и всѣ происшествія вполнѣ оправдывали эту предосторожность.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было надѣяться обратить Ревбеля и его товарищей къ болѣе умѣренной системѣ? ознаменовалось ли вліяніе Талейрана на политику Франціи чѣмъ либо особеннымъ, чтобы могло оправдать ту славу, которую пріобрелъ этотъ государственный человѣкъ? Не со времени ли его вступленія произошли всѣ эти вторженія и безразсудные поступки?

Сверхъ того, насильства агентовъ директоріи отъ источниковъ Тибра до устьевъ Эмса, болѣе и болѣе увеличивались. Проконсулы ея, вездѣ, гдѣ только можно было ожидать малѣйшаго сопротивленія, гдѣ осмѣливались только думать, что свобода не состоитъ въ слѣпомъ повиновеніи несправедливой ихъ власти, дѣлали повторенія 18-го Фруктидора. Вскорѣ послѣ насильственной отставки правителей цизальпинской республики, дошла очередь и до Голландіи. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, былъ хотя какой нибудь предлогъ. Съ принятіемъ батавской конституціи, должно было учредить и новое начальство. Члены временнаго народнаго собранія, въ томъ видѣ, въ какомъ оно оставалось послѣ 22-го Генваря, издали, 4-го Мая, по примѣру конвента, декретъ, по которому большая часть новаго законодательнаго корпуса должна была быть избрана изъ среды ихъ: ничего нѣтъ естественнѣе, какъ желаніе удержать власть, вкусивши уже разъ ея сладости. Генералъ Дендельсъ, желая показать на дѣлѣ любовь свою къ свободѣ, поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы открыть виды нѣкоторыхъ изъ членовъ правительства, поддерживаемыхъ тогдашнимъ французскимъ посланникомъ въ Гаагѣ, Карломъ де-ла-Круа. Батавская директорія приказала взять подъ стражу своего непокорнаго генерала и просила Францію выдать его. Однакожъ Дендельсъ, успѣвшій убѣдить Ревбеля, возвратился самъ 10-го Іюня съ приказаніемъ генералу Жуберу вспомоществовать ему въ его предпріятіи. Борьба началась: по приказанію директоріи были арестованы члены коммисіи, назначенные замѣстить палаты. Національное собраніе готовилось сопротивляться; но Дендельсъ, явившійся, подобно Ожеро, съ нѣсколькими гренадерскими ротами, уничтожилъ законодательное собраніе и поспѣшилъ взять подъ стражу трехъ директоровъ: Вреде, Лангена и Филіе; но двое изъ нихъ бѣжали, а

третій былъ тотчасъ освобожденъ. Верховная власть была ввѣрена временному правительству, до начатія дѣйствія новыхъ конституціонныхъ властей.

Эти потрясенія коснулись и Швейцаріи. Конституція, составленная въ Парижѣ Оксомъ, Лагарпомъ и Талейраномъ, по образцамъ, вовсе несвойственнымъ этой странѣ, была отринута, въ особенности малыми кантонами. Граубинденъ, пользуясь этимъ, просилъ, въ силу старинныхъ договоровъ, покровительства Австріи-цевъ; и вскорѣ дивизія корпуса Белльгарда двинулась къ Куру. Отягощенія, до толѣ непзвѣстныя, наложенныя на эту страну расположеніемъ въ ней на кантонирь-квартирахъ 40,000 войска, были нестерпимы: угнѣтенія же проконсула Раппна довершили озлобленіе обѣихъ сторонъ: онъ потребовалъ смѣны двухъ директоровъ, которые и были замѣщены Лагарпомъ и Оксомъ. Первый былъ равнодушенъ къ этому назначенію; и принялъ его, боясь обвиненія, что онъ ввергнулъ родину свою въ бездну несчастій, не имѣя довольно мужества, чтобы спасти ее.

19-го Августа былъ заключенъ въ Парижѣ договоръ между Франціею и Швейцаріею. Къ чести гельветическаго правительства и уполномоченныхъ его Іеннера и Цельтнера, должно полагать, что согласіе на условія этого договора, предписанныя силою, оправдывалось отказомъ посредничества сосѣднихъ державъ въ пользу угнѣтенныхъ: этимъ наступательнымъ и оборонительнымъ союзомъ, возлагались на Швейцарію наборъ вспомогательнаго войска и учрежденіе двухъ военныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна должна была вести въ Италію, а другая въ Швабію. Это было для Гельвеціи хуже, нежели быть завоеванною и совершенно присоединенною къ Франціи; потому что она подвергалась въ военное время всѣмъ тягостямъ набора, податей и театра войны, не имѣя никакой надежды на вознагражденіе. Маловажнымъ возмездіемъ за эту жертву было пріобретеніе Фрикталя и обѣщаніе очистить Швейцарію въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; обѣщаніе ложное, исполненіе котораго было невозможно и противорѣчило самому содержанію договора.

Между тѣмъ, какъ при такихъ печальныхъ предзнаменованіяхъ, Гельвеція связывала судьбу свою съ судьбою французской республики, ей угрожала внутренняя междоусобная брань. Не довольствуясь приведеніемъ въ дѣйствіе ненавистной всѣмъ конституціи, требовали еще торжественной клятвы въ вѣрности, и подвергали наружное, пустое требованіе рѣшеніямъ шумныхъ народныхъ собраній. Присяга, данная уже большею частію Швейцаріи, встрѣтила сильное сопротивленіе въ малыхъ кантонахъ. Швицъ и Унтервальденъ поклялись скорѣе умереть нежели присягнуть. Директоріи не нравилось, что потомки Вильгельма Теля дерзали считать себя независимѣе якобинцевъ.

Чтобы устрашить непокорныхъ, Шауэмбургъ вступилъ съ войсками въ Люцернъ; но видя, что переговоры оставались безъ успѣха, онъ рѣшился потушить эту искру сопротивленія въ Альпахъ и направилъ двѣ колонны противъ Унтервальдена. Этотъ

кантонъ состоптъ изъ небольшой долины, ограниченной со стороны Оберланда горою Бруниг, а съ сѣверной стороны люцернскимъ озеромъ. Отправленная водою изъ Туна колонна вышла на берегъ въ Бріенцѣ, и взойдя на бруниг скую гору, спустилась къ Сакселену; другая, посаженная на суда въ Люцернѣ, достигла Штанцштадта. Отъ двухъ до трехъ тысячъ поселянъ, съ малочисленною и худо управляемою артиллеріею, не могли ничего сдѣлать противу семи или восьми тысячъ воиновъ, побѣдоносныхъ во ста сраженіяхъ; не будучи въ состояніи одержать побѣды, они, по крайней мѣрѣ, дорого продали свою жизнь и пали героями послѣ двухдневнаго кровопролитнаго боя. Даже женщины брали оружіе падшихъ и, безъ пользы умирая, умножали только число жертвъ; Французы, озлобленные значительною потерею и приведенные въ неистовство ружейными выстрѣлами изо всѣхъ домовъ, зажгли мѣстечко, состоявшее изъ однѣхъ деревянныхъ строеній; оно быстро сдѣлалось добычею пламени, и продолжавшійся еще нѣсколько времени на развалинахъ его бой, мало по малу перешелъ въ энгельсбергскую долину..... Набросимъ покрывало на картину этихъ событій, равно ужасныхъ для Франціи и для Швейцаріи, происшедшихъ единственно отъ макіавелизма нѣсколькихъ человѣкъ.

Это кровавое наказаніе исполнило негодованія всю Европу; республиканцы досадовали, что изъ золоченныхъ палатъ люксамбургскаго дворца была объявлена война бѣднымъ хижинамъ, чтобы заставить ихъ пушечными выстрѣлами промѣнять на метафизику иллюминатовъ свою прежнюю вольность. Государственные люди всѣхъ партій, со стыдомъ видѣли, какъ бесполезно Франція губитъ храбрыхъ сыновъ своихъ.

Для избѣжанія подобнаго кровопролитія, Швицъ и Ури присягнули; но это не избавило ихъ отъ бесчисленныхъ притѣсненій.

Послѣ этой горестной экспедиціи, оставалось еще рѣшить судьбу Граубиндена. Участь прочихъ кантоновъ была слишкомъ незавидна, чтобы побудить Граубиндцевъ раздѣлить ее. Старанія французскаго посланника Флорана Гюйо, примѣръ Планта и Салисъ-Севиса, не могли заставить патриціевъ вдругъ покориться и народному правленію, и тягостному политическому игу. Напрасно просили они въ Парижѣ сохраненія своихъ старинныхъ учрежденій и независимости; отвѣтъ Талейрана не давалъ имъ никакой надежды, и они рѣшились предаться Австріи и просить ея помощи. Основываясь на старинныхъ договорахъ императора Максимиліана, Австрія поспѣшила отправить къ нимъ тысячъ семь или восемь войска, и 19-го Октября дивизія Имперцевъ вступила въ Куръ.

Между тѣмъ директорія, убѣжденная возвращеніемъ Франсуа-де-Нёшато, что миръ можетъ быть сохраненъ только значительными уступками, увидѣла необходимость готовиться къ бою. Арміи ея состояли почти изъ однихъ кадровъ; лучшіе полки бесполезно тратили время на берегахъ Нила и въ песчаныхъ степяхъ Сиріи, какъ нѣкогда Лузиньянъ передъ Птолемандою.

Реквизиція не доставляла болѣе людей, и въ настоящихъ обстоятельствахъ, этотъ революціонный законъ не могъ уже имѣть никакого примѣненія. Въ совѣщаніи, которое директорія имѣла съ военными людьми, засѣдавшими въ законодательномъ собраніи, она убѣдила ихъ въ необходимости обеспечить арміи новымъ способомъ набора рекрутъ, который былъ бы скоръ въ исполненіи, и надеженъ. Генералъ Журданъ уже въ концѣ Августа предложилъ проектъ закона, по которому всѣ молодые люди отъ 20 до 25 лѣтъ, безъ исключенія, подлежали воинской службѣ. Этотъ родъ набора, уступая въ строгости реквизиціи, не падалъ по крайней мѣрѣ безъ различія на цѣлыя поколѣнія: раздѣливъ военное народонаселеніе на пять классовъ, онъ дозволялъ постепенно набирать необходимое число рекрутъ, допуская выборъ по жребію и поставку за себя другаго.

Пораженіе нашего флота при Абукирѣ и объявленіе войны Портою, убѣдили директорію въ невозможности держаться долѣе въ Египтѣ противу соединенныхъ силъ Англіи и Турціи, и заставили ее раскаяваться въ этой экспедиціи, какъ въ первоначальной причинѣ всеобщаго пожара, готоваго снова вспыхнуть.

Въ такомъ положеніи дѣлъ оставалось одно только средство: поспѣшить наборомъ для укомплектованія армій и съ умѣренностію продолжать переговоры, какъ для того, чтобы выиграть время, такъ и для того, чтобы по возможности избѣжать рѣшительнаго разрыва.

Между тѣмъ приступили къ набору одной части изъ 200,000 конскриптовъ, отданныхъ въ распоряженіе директоріи закономъ 28 Сентября. Договоромъ, заключеннымъ въ Люцернѣ 30 Ноября, было положено набрать 18-тысячный вспомогательный корпусъ въ Швейцаріи, обмундированіе и содержаніе котораго приняла Франція на себя (*).

Наборъ рекрутъ продолжался сначала довольно успѣшно, исключая Бельгіи, гдѣ непокорные, подкрѣпляемые поселянами, открыто подняли знамя бунта. Къ счастію, корпуса, расположенные по сію сторону Рейна и въ Голландіи, могли еще во время направить туда довольно сильныя колонны, чтобы все привести въ порядокъ; однако же, огонь тлѣлъ подъ пепломъ, и могъ вспыхнуть отъ малѣйшей искры.

Гораздо труднѣе было достать денегъ; ассигнаціи, этотъ ложный признакъ оборотныхъ капиталовъ во Франціи, уничтожились; звонкой монеты не было; обыкновенныя подати были слишкомъ незначительны; а расходъ утроился огромными выгодами, которыя должно было предоставлять корыстолюбивымъ и недовѣрчивымъ поставщикамъ, чтобы

(*) Сверхъ сего, въ случаѣ, если бы противники угрожали вторженіемъ въ Гельвецію, она должна была образовать народное ополченіе. Организація его опредѣлялась весьма благоразумнымъ закономъ: подвижнымъ было только отборное войско, составленное, по возможности, изъ холостыхъ людей отъ 18 до 45 лѣтъ; оно состояло изъ 64 батальоновъ, каждый въ 1,000 человѣкъ; первый вспомогательный корпусъ этого ополченія былъ опредѣленъ въ 25,000 человѣкъ.

заставить ихъ принять на себя подряды по различнымъ отраслямъ продовольствія.

Однакоже, не смотря на дѣятельность, съ которою производились съ обѣихъ сторонъ приготовленія къ войнѣ, переговоры все еще продолжались; или отъ того, что съ обѣихъ сторонъ надѣялись еще кончить миролюбиво, или, можетъ быть, отъ того, что желали выиграть время для вооруженія. Испанія явилась посредницею: посланники ея въ Вѣнѣ и Парижѣ передавали взаимныя предложенія. Австрія готова была изъ уваженія къ Россіи и Пруссіи отказаться отъ Инфантеля; но требовала за это Мантуи и линіи Минчіо, выступленія французскихъ войскъ изъ Швейцаріи и Рима, и, наконецъ, возстановленія независимости Піемонта и цизальпинской республики.

Если эти требованія были искренны и сдѣланы съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы на долго утвердить миръ, то нельзя не согласиться съ ихъ справедливостью. Но не должно ли было опасаться, что, по возвращеніи Мантуи и очищеніи Швейцаріи и Италіи, вѣнскій кабинетъ найдетъ новыя причины къ войнѣ? Когда между двумя сильными державами существуетъ обоюдная недовѣрчивость, политика ихъ дѣлается мрачнѣе и затруднительнѣе. Директорія готова была все захватить, чтобы обезпечить себя противъ своихъ непріятелей, а Австрія видѣла въ этихъ поступкахъ одну нестерпимую жажду завоеваній. Отъ того-то, не смотря на мирный ходъ дѣлъ Раштадтскаго конгресса, рекрутскій наборъ производился съ дѣятельностію въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и полки пополнялись. Русскіе подавались впередъ къ Моравіи, но не слишкомъ спѣшили своимъ движеніемъ, которое обстоятельства могли еще сдѣлать излишнимъ.

Между тѣмъ Раштадтскій конгрессъ приближался къ окончанію дѣла, не замѣчая, что труды его зависѣли отъ оборота, который примутъ частные переговоры между большими державами. Французы получили почти все, чего желали. Срытіе Эренбрейтштейна хотя и встрѣтило нѣкоторое сопротивленіе, но миролюбивые уполномоченные Германіи были готовы наконецъ согласиться, съ условіемъ, чтобы Кель, нами срытый, былъ возвращенъ имперіи. Система обращенія духовныхъ владѣній въ свѣтскія, которую предложилъ Робержо, и ультиматумъ французскихъ уполномоченныхъ, были приняты за первоначальное основаніе переговоровъ. Казалось, все брало удовлетворительный оборотъ, когда извѣстіе о движеніи Русскихъ къ Моравіи послужило поводомъ къ нотѣ французскаго правительства, въ которой оно объявляло, что почтетъ это движеніе за объявленіе войны, если Русскіе вступятъ въ предѣлы имперіи, и что переговоры должны быть остановлены, пока не дано будетъ совершенно удовлетворительнаго отвѣта по этому предмету. Тогда окончились дѣйствія раштадтскаго конгресса, существовавшаго послѣ сего только для виду, потому что война второй коалиціи уже начиналась непріязненными дѣйствіями Неаполя.

Англія снова торжествовала, видя

сбирающуюся со всѣхъ сторонъ бурю надъ Франціею, лишенною тогда лучшихъ своихъ защитниковъ. На этотъ разъ, для составленія коалиціи не нужно было ея кабинету глубокихъ соображеній: неблагоразуміе директоріи, болѣе нежели агенты Албіона, способствовало къ соглашенію совершенно противуположныхъ выгодъ Россіи, Австріи и Турціи. Однакожъ, не смотря на то, англійское министерство не упускало ничего, чтобы еще болѣе воспламенить ихъ противъ Франціи, и съ этимъ намѣреніемъ предлагало въ Ноябрѣ вѣнскому кабинету денежное вспоможеніе; предложеніе было отвергнуто, чтобы не повредить переговорамъ, начатымъ съ директоріею на счетъ уступки части Италіи.

Англійскія эскадры, владычествовавшія со времени побѣды при Абукирѣ на средиземномъ морѣ, рѣшились прочно на немъ утвердиться и овладѣли островомъ Миноркою. Нельсонъ, именемъ короля неаполитанскаго, занялъ островъ Гоццо, а Мальтѣ, блокированной съ моря, угрожала атака и съ сухаго пути.

Англія не довольствовалась изысканіемъ средствъ къ увеличенію этого внѣшняго могущества; совершенное присоединеніе Ирландіи и соединеніе ея парламента съ великобританскимъ, подавало надежду на полное примиреніе и сліяніе обоихъ народовъ, и на значительное умноженіе внутренней государственной силы.

Средства для замѣщенія отправленныхъ въ Остъ-Индію 5000 человѣкъ и для пріуготовленія экспедиціи, съ цѣлью отнять Египетъ у Французовъ, необходимо должны были умножить наборы и государственныя издержки. Умноженіе числа пунктовъ, охраняемыхъ флотами и завоеваній въ колоніяхъ, требовало также умноженія морской силы. Не смотря на счастливо придуманный способъ погашенія внутренняго государственнаго долга, огромные проценты его увеличивались ежегодно новыми займами. Налогъ десятаго процента съ доходовъ, замѣнившій нѣкоторыя другія неудовлетворительныя подати, увеличилъ государственный доходъ противъ прошедшаго года на 240 милліоновъ и вполнѣ покрылъ недоимки по всѣмъ частямъ бюджета.

Послѣдніе члены мальтійскаго ордена, удалившіеся въ Германію, поднесли, по смерти барона Гомпеша, званіе гроссмейстера императору Павлу I. Въ концѣ Октября прибылъ въ Архипелагъ россійско-турецкій флотъ, предшествуемый воззваніемъ греческаго архіепископа къ православнымъ, и возмутилъ Іоническіе острова противъ Французовъ, которыхъ незначительное число, запершееся въ стѣнахъ Корфу, было вскорѣ атаковано и съ моря, и съ суши.

Мадритскій кабинетъ, вѣрный естественному своему союзу, но наскучившій жертвами, которыя приносилъ болѣе прихотямъ начальниковъ бурной республики, нежели истиннымъ пользамъ Испаніи и Франціи, видѣлъ себя снова въ необходимости подвергать опасностямъ флотъ свой въ океанѣ или на средиземномъ морѣ. Судя по слабости его усилій, можно было думать, что онъ какъ бы противъ воли выполнялъ требованія

своихъ политическихъ пользъ и искалъ своею недѣятельностію снисхожденія сенъ-джемскаго кабинета; дѣйствія Карла IV были тѣмъ естественнѣе, что поступки съ его родственниками, королями сардинскимъ и неаполитанскимъ, заставляли его раскаяваться въ обязательствахъ, принятыхъ имъ по сентъ-иль-де-фонзскому трактату. Не смотря на то, онъ былъ увлеченъ обстоятельствами; опасность, грозившая морскому равновѣсію, заставила его выставить обѣщанныя вспоможенія и усилія его посланниковъ въ Вѣнѣ и Парижѣ для отвращенія войны доказывали, что кабинетъ его вполнѣ постигалъ, какое дурное вліяніе можетъ имѣть она на дѣйствія нашихъ морскихъ силъ.

Португалія болѣе, нежели когда нибудь, была прикована къ судьбѣ Британіи и побѣда при Абукирѣ заставляла предполагать, что она долго еще не выйдетъ изъ этой зависимости.

Въ положеніи Швеціи и Даніи не произошло значительной перемѣны; хотя ихъ флаги и начинали ощущать затрудненія, представляемыя Англіею торговлѣ неутральныхъ державъ; но при общихъ волненіяхъ, положеніе ихъ было еще довольно хорошо.

Къ удивленію всей Европы, знакъ къ начатію войны былъ поданъ Неаполитанцами. Армія ихъ увеличилась до 70,000 человѣкъ, и слишкомъ извѣстный въ послѣдствіи Маккъ былъ назначенъ предводительствовать ею. Этотъ генералъ, ученикъ Ласси, велъ довольно успѣшно экспедицію принца кобургскаго противъ Дюмурье, въ 1793 году; но въ предположеніяхъ его для похода 1794 былъ замѣтенъ недостатокъ военныхъ правилъ; онъ обладалъ пылкимъ воображеніемъ и познаніями, но умъ и сужденія его имѣли ложное направленіе. Фердинандъ IV, гордясь своими силами и побуждаемый Нельсономъ и Актономъ, отважился вторгнуться съ 50-тысячною арміею въ римскія владѣнія, откуда онъ тѣмъ легче надѣялся вытѣснить насъ, что Шампіоне прикрывалъ эту страну только 18,000, растянутыми отъ адріатическаго моря до средиземнаго. Выступивъ 23-го Ноября, Маккъ приблизился 27-го къ Риму нѣсколькими колоннами и принудилъ слабую армію Шампіоне отступить къ Чивита-Кастелланѣ (древней Веіѣ), крѣпкая позиція которой позволила нашимъ войскамъ дождаться подкрѣпленій.

Чтобы ускорить приближеніе ихъ, главнокомандующій поспѣшилъ въ Анкону. Въ отсутствіе его, Маккъ напалъ на генераловъ Келлермана и Макдональда; но былъ отбитъ ими съ урономъ. Шампіоне, возвратясь, захватилъ при Кальви отдѣльно стоявшую неаполитанскую дивизію осмѣлившуюся угрожать его сообщеніямъ, и началъ маневрировать, стараясь отрѣзать дивизію Дамаса, направленную на Витербо. Устрашенный Маккъ оставилъ Римъ, а Фердинандъ IV возвратился въ Неаполь, чтобы произвесть поголовный наборъ. Оставленный ими, Дамасъ заключилъ съ Келлерманомъ договоръ, по которому получилъ право сѣсть на суда.

Шампіоне, снова вступивъ въ Римъ 13 Декабря, оставался тамъ нѣсколько дней, ожидая извѣстій изъ сѣверной Италіи: въ то время, какъ онъ

былъ вытѣсненъ изъ Рима королемъ неаполитанскимъ, разнесся слухъ, что король сардинскій и великій герцогъ тосканскій дѣйствуютъ за-одно съ этимъ монархомъ. Отношенія директоріи къ этимъ двумъ державамъ были такъ сомнительны, что хотя извѣстія сіи не были подтверждены никакимъ дипломатическимъ актомъ, но не могли быть оставлены безъ вниманія. Еще недавно туринскій кабинетъ заплатилъ 8 милліоновъ за то, что въ перепискѣ своей съ Австріею, изъявилъ желаніе освободиться отъ Французовъ. Эти новыя притѣсненія заставили Жубера быть осторожнымъ; провѣдавъ, что Карлъ-Эммануилъ тайно готовится къ войнѣ, онъ рѣшился предупредить его. Узнавъ о вторженіи Неаполитанцевъ въ римскую республику, онъ сталъ требовать черезъ посланника Эйлара исполненія договора прошедшаго года, по которому король обязывался выставлять 8,000 вспомогательнаго войска, въ случаѣ войны Французовъ въ Италіи. Туринскій дворъ извинялся, представляя невозможность тотчасъ собрать эти войска; тогда Жуберъ, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній директоріи и будучи увѣренъ, что дѣйствуетъ согласно съ ея видами, изложилъ неудовольствія свои въ видѣ манифеста, соединилъ 5-го Декабря на Тессинѣ дивизіи Виктора и Дессоля, и направилъ ихъ къ Верчелли, между тѣмъ, какъ крѣпости Новара, Суза, Конэ и Александрія были внезапно захвачены Французами. Послѣ весьма незначительнаго сопротивленія, піемонтскія войска были опрокинуты къ Турину, куда Французы, владѣвшіе уже цитаделью, ворвались вмѣстѣ съ ними.

Карлъ Эммануилъ, которому шаткій престолъ его приносилъ только униженіе и горести, сошелъ съ него съ самоотверженіемъ и подписалъ 8 Декабря отреченіе отъ всѣхъ правъ своихъ на Піемонтъ, требуя только нѣкоторыхъ мѣръ для личной своей безопасности до прибытія въ Сардинію, куда, какъ говорили, онъ удалялся добровольно. Но, достигнувъ Ливорно, онъ издалъ торжественное отреченіе отъ акта, вынужденнаго отъ него силою.

Когда такимъ образомъ Карлъ Эммануилъ былъ низведенъ съ престола безъ значительныхъ усилій, Жуберъ направилъ одну дивизію къ Флоренціи. Новыя увѣренія въ приверженности со стороны великаго герцога, а можетъ быть и приказанія директоріи, удержали руку, уже готовую нанести ударъ; однако же посланная въ Тоскану дивизія расположилась въ великомъ герцогствѣ и заняла Ливорно. Тогда, обезопасивъ себя въ покорности Италіи, Жуберъ далъ знать Шампіоне, что онъ можетъ въ свою очередь дѣйствовать наступательно противъ Неаполитанцевъ, и прислалъ ему подкрѣпленіе.

Дурной успѣхъ римской экспедиціи навелъ такой страхъ на Фердинанда IV, что онъ оставилъ Неаполь 21 Декабря, и съ такою поспѣшностію и безпорядкомъ переправился ночью въ Сицилію, какъ будто Французы были уже подъ стѣнами его столицы.

Однако Шампіоне, не прежде 3 Генваря перешелъ Вольтурно, и обложилъ Капую, ожидая извѣстій съ лѣваго крыла своего, которое подъ

начальствомъ Дюхема должно было покорить Пескару и примкнуть къ главнымъ силамъ черезъ Сульмону. Въ центрѣ дивизія Лемуана двинулась на Поноли, опрокинула здѣсь корпусъ Гамбса и приближалась къ Венафро; Келлерманъ и Рей шли на правомъ флангѣ чрезъ Итри къ Гаэтѣ, важной крѣпости, которая, имѣя хорошій, силою до 3,000 гарнизонъ, была сдана безъ выстрѣла восьмидесятилѣтнимъ Комендантомъ.

Народное возстаніе, произведенное дворомъ и духовенствомъ, едва не дало положенію дѣлъ совершенно другой оборотъ: Шампіоне самъ былъ осажденъ толпами возмутившихся въ своемъ лагерѣ, при Капуѣ. Но временное правленіе, порученное королемъ князю Пиньятелли, такъ мало пользовалось довѣренностію возставшаго народа, что не только не рѣшилось атаковать Шампіоне, но, напротивъ, поспѣшило заключить съ нимъ перемиріе, доставившее намъ Капую, Беневенто и два милліона денегъ. Раздраженный этимъ народъ обвинялъ Макка и временное правленіе въ измѣнѣ, обезоружилъ войска генерала Дамаса, прибывшія моремъ изъ Орбителло, и даже послалъ отрядъ для взятія Макка подъ стражу. Пиньятелли, не зная что начать, потребовалъ отъ Макка отборнѣйшихъ войскъ, чтобы вести ихъ не на Французовъ, а противъ бунтующей черни. Народъ остановилъ и обезоружилъ посланную для этого бригаду Диллона. Маккъ, устрашенный яростію Неаполитанцевъ, не видѣлъ для себя другаго спасенія, какъ удалиться въ лагерь Шампіоне, гдѣ и сдался военноплѣннымъ, 15 Генваря.

Шампіоне, собравъ всѣ свои дивизіи, двинулся къ столицѣ. Жители ея, равно какъ и окрестностей, возбужденные духовенствомъ, спѣшили къ оружію при кликахъ: viva la santa fede! принудили Пиньятелли, бѣжать въ Сицилію, чтобы избѣгнуть смерти и клялись погребсти себя подъ развалинами Неаполя.

Недостатокъ мужества замѣнялся въ этой толпѣ народа пылкими и бурными страстями: сопротивленіе было согласно съ живымъ и вѣтренымъ характеромъ этого народа: чрезвычайно упорно въ первый день, а въ слѣдующіе безпорядочно и вовсе ничтожно; 21-го Генваря, Шампіоне вступилъ побѣдителемъ въ Неаполь.

Если бы дворъ обѣихъ Сицилій объявилъ себя противъ Франціи съ начатіемъ военныхъ дѣйствій на Эчѣ, это было бы понятно; но итти на вѣрную гибель, пока еще Австрія не совсѣмъ была готова къ бою, было совершенно неблагоразумно. Ошибка эта, отъ которой пострадалъ одинъ Неаполь, была однако полезна для коалиціи, какъ причина новыхъ ошибокъ французскаго правительства.

Директорія, имѣвшая въ Италіи 116,000 войска, измѣряла могущество, котораго она могла достигнуть съ такими силами, по масштабу успѣховъ монхъ съ 50,000, и не понимала, что занимая всю страну, она будетъ всюду слаба. Для покоренія Неаполя, Шампіоне было достаточно 33,000, и если бы директорія предложила Фердинанду сносный миръ, то безъ всякаго сомнѣнія, этотъ государь охотно бы подписалъ его, и далъ бы Шампіоне возможность еще во время возвратиться къ Мантуѣ и

принять участіе въ кампаніи. Вмѣсто того, Ревбелю вздумалось образовать парѳенопеійскую республику; и эта глупая мысль заставила насъ поддерживать нѣсколькихъ идеологовъ противъ двора, Англичанъ, духовенства и 6 милліоновъ жителей королевства, и ослабила насъ на Эчѣ 30,000, подвергая ихъ почти неизбѣжной гибели. Если присовокупить къ этимъ значительнымъ силамъ еще дивизію Готье, оставленную въ Тосканѣ, войска необходимыя для занятія Піемонта, дивизію въ Вальтелинѣ для обезпеченія сообщенія съ гельветическою арміею и дивизію въ Лигуріи, то выходитъ, что 60,000 войска было отряжено отъ нашихъ главныхъ силъ, и Шереру оставалось только 47,000 на Эчѣ и 10,000 въ Мантуѣ; а этого было слишкомъ мало, чтобы бороться противу огромныхъ способовъ, выставленныхъ коалиціею.

Русскія войска проходили уже Штирію, и приближались къ Италіи. Эрцъ-герцогъ Карлъ перешелъ Иннъ, вступилъ въ Баварію и достигъ Ульма. Генералъ Край сосредоточилъ 71,000 Австріійцевъ, между Вероною и р. Тальяменто.

Директорія постигала, что чрезвычайно важно было, начать кампанію до прихода Русскихъ; но неблагоразумные правители, надѣявшіеся сохранить миръ, измѣняя по своему произволу положеніе половины Европы, вовсе не были въ состояніи поддержать насильственные поступки свои оружіемъ. Однако же, не смотря на это, они рѣшились нанести первые удары. Бывшему адъютанту генерала Моро, инженеру безъ большихъ способностей, бригадному генералу Лагори было поручено составить планъ кампаніи.

Онъ предположилъ двинуть Журдана съ дунайскою арміею, (36,000) прямо къ Ульму, по направленію между этимъ городомъ и горами; между тѣмъ, какъ Массена съ 38 тысячною гельветическою арміею долженъ былъ преодолѣть всѣ препятствія ретическихъ и тирольскихъ Альповъ, скалы и пропасти Граубиндена, Форарльберга и Тироля, и достигнуть Инна. Въ то же время Шереру съ его 47,000, надлежало начать наступательныя дѣйствія противъ Вероны и на Эчѣ.

Этимъ тремъ небольшимъ массамъ предстояло имѣть дѣло съ силами значительными: Шереръ долженъ былъ атаковать слишкомъ 70,000 Австріійцевъ, собранныхъ подъ начальствомъ Краія между Вероною и Удине, и ожидавшихъ въ непродолжительномъ времени въ подкрѣпленіе два Русскіе корпуса, силою въ 20,000 каждый; одинъ изъ нихъ, состоявшій подъ начальствомъ Суворова, проходилъ уже Каринтію. Журдану слѣдовало бороться съ эрцъ-герцогомъ Карломъ, у котораго было на Лехѣ и въ Форарльбергѣ не менѣе 78,000 человѣкъ. Массена долженъ былъ имѣть дѣло съ Готце, отряженнымъ изъ арміи эрцъ-герцога, и Бельгардомъ, прикрывавшимъ Тироль съ 44,000. Третью россійскую армію, силою въ 30,000, подъ командою Корсакова, ожидали въ Іюлѣ; ей предназначалось составлять резервъ арміи эрцъ-герцога.

Не смотря на неравенство силъ, Массена началъ дѣйствія свои 6-го Марта блистательнымъ подвигомъ;

передъ нимъ были только войска генерала Ауфенберга, простиравшіяся до 7,000 человѣкъ и призванныя въ помощь Граубиндцами; корпусъ же Готце, расположась въ окопахъ Фельдкирха, и не думалъ оставлять ихъ; онъ могъ быть наблюдаемъ однимъ лѣвымъ флангомъ Массены. Сей послѣдній перешелъ Рейнъ, обошелъ и взялъ крѣпостцу Люціенштейгъ, дебушировалъ къ Куру и, окруживъ Ауфенберга съ 6,000 человѣкъ, принудилъ его положить оружіе. Массена опрокинулъ остатки этого корпуса на Енгадинъ, куда подоспѣлъ и Лекурбъ, направившійся изъ Беллинцоны черезъ Тузисъ. Генералъ Дессолль двинулся изъ Борміо къ Тауферсу съ вальтелинскою дивизіею, назначенною для поддержанія сообщенія; онъ опрокинулъ корпусъ Лаудона, который, бывъ въ то же время отрѣзанъ правымъ флангомъ Массены, потерялъ 4,000 человѣкъ и едва спасъ 500, пробравшихся черезъ глетшеры (горные ледники).

Эрцъ-герцогъ Карлъ, узнавъ о переходѣ Журдана черезъ Рейнъ, двинулся къ нему на встрѣчу съ 60,000, по направленію къ Штоккаху. Желая содѣйствовать Журдану, Массена приказалъ 14-го Марта атаковать Готце въ его окопахъ при Фельдкирхѣ: но, не смотря на всѣ усилія Удино, Французы, слишкомъ малочисленные въ сравненіи съ непріятелемъ, были опрокинуты.

Готце двинулся съ половиною своего корпуса противъ праваго фланга Журдана для поддержанія эрцъ-герцога. Массена, желая этимъ воспользоваться, снова атаковалъ, 22-го Марта, сильную позицію непріятеля дивизіями Менара и Удино; но, отбитый и въ этотъ разъ, онъ съ значительною потерею отступилъ обратно въ Граубинденъ и долину Рейна.

Хотя Журданъ могъ противупоставить 60 тысячамъ эрцъ-герцога, только 35 т., но онъ рѣшился атаковать, 25-го Марта, всю его линію и обойти ее, не смотря на значительное протяженіе, слѣва войсками Сенъ-Сира, а справа войсками Ферино; первый дебушировалъ черезъ Туттлингенъ, а второй черезъ Шафгаузенъ, на разстояніи 10 льё одинъ отъ другаго.

Эрцъ-герцогъ, находясь въ центрѣ, разбилъ Сульта, отдѣльно стоявшаго при Штоккахѣ; что было не трудно съ тридцатью тысячами противъ десяти. Сенъ-Сиръ, маневрировавшій въ трехъ льё за непріятельскою линіею, съ 12,000, занялъ Зигмарингенскій мостъ и поспѣшно перешелъ его, стараясь черезъ Шварцвальдъ добраться до Страсбурга. Правый флангъ, отрѣзанный отъ главныхъ силъ, былъ отброшенъ къ Шафгаузену. Мы еще дешево отдѣлались; если бы Журданъ имѣлъ дѣло со мною, я бы уничтожилъ его армію, и поступилъ бы съ отрядомъ Сенъ-Сира, какъ съ войсками Лузиньяна и Проверы при Риволи.

Не болѣе успѣха имѣлъ Шереръ въ Италіи. Противникъ его, прежде чѣмъ началъ дѣйствовать наступательно, выждалъ между Вероною и Леньяго прибытія Меласа и двухъ австрійскихъ резервныхъ дивизій. Шереръ, пользуясь этимъ, атаковалъ 26-го Марта главными своими силами двѣ непріятельскія бригады, стоявшія отдѣльно въ укрѣпленіяхъ

[redacted]
Крамарев...

между Эчемъ и гардскимъ озеромъ. Онъ ввелъ въ дѣло три дивизіи и, взявъ лагерь при Пастренго, овладѣлъ возвышеннымъ плато при Риволи, мостами черезъ Эчъ въ Поло и двинулъ центръ свой подъ начальствомъ Моро къ Веронѣ, растянувъ правый флангъ до Леньяго. Этотъ флангъ встрѣтилъ здѣсь Край и главныя его силы; австрійскій генералъ, вышедъ изъ Леньяго, стремительно ударилъ на Монришара, опрокинулъ его черезъ Ангіари на Менаго и угрожалъ дорогѣ въ Мантуу. Край, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ успѣхомъ и сосредоточить главныя силы свои на этомъ пунктѣ, перешелъ обратно Эчъ, торопясь на помощь Веронѣ, которой угрожали центръ и лѣвый флангъ французской арміи.

Моро съ войсками центра безуспѣшно завязалъ, 27-го числа, бой при Веронѣ. Шереръ, дѣйствовавшій нерѣшительно всею линіею цѣлые два дня, вздумалъ наконецъ, 28-го приказать своему лѣвому флангу подъ начальствомъ Серюрье, перейти Эчъ, чтобы двинуться отъ Поло къ Веронѣ, стараться обойти эту крѣпость, которая, упираясь въ неприступныя горы, вовсе не можетъ быть обойдена, и дебушировать посреди главныхъ силъ австрійской арміи. Однакожъ, 29-го, онъ понялъ, что предположеніе это вовсе неисполнимо, и Серюрье спасся отъ неизбѣжнаго, совершеннаго пораженія.

Шереръ, вспомнивъ дѣйствія мои при Арколе, взялъ въ голову смѣшную мысль повторить ихъ. Онъ соединилъ двѣ трети своей арміи при Ронко, чтобы перейти Эчъ на этомъ пунктѣ, забывъ, что въ 1796 году, Верона и Леньяго были въ нашей власти и что переправою въ Ронко я совершенно запиралъ Альвинци. Теперь же Австрійцы владѣли этими двумя мѣстами, что совершенно измѣняло условія задачи. Бросить 30,000 въ Ронко, среди 70,000 непріятелей, владѣющихъ Вероною и Леньяго, значило всѣ свою армію въ каудинскія фуркулы. Для довершенія глупости, дивизія Серюрье, чтобы привлечь на себя вниманіе непріятеля, между тѣмъ, какъ главныя силы подавались правымъ флангомъ къ Ронко, двинулась 30-го числа, совершенно одна, отъ Поло къ Веронѣ. Край бросился на эту дивизію, отданную на жертву и опрокинулъ ее обратно къ Поло; она потеряла до 2,000 человѣкъ; остальная часть спаслась только быстрымъ разрушеніемъ мостовъ. Къ счастію Шерера, Край дебушировалъ 2-го Апрѣля изъ Вероны, и тѣмъ принудилъ его отказаться отъ исполненія страннаго, непонятнаго намѣренія.

Армія, возвратясь съ большимъ трудомъ отъ Ронко къ Леньяго, черезъ ужасныя болота и грязи, была атакована съ праваго фланга 5-го Апрѣля и опрокинута въ совершенномъ безпорядкѣ къ Мантуѣ. Еслибы Край, имѣвшій съ 3-го по 5-е число предъ собою только двѣ дивизіи Моро, разбилъ ихъ до возвращенія Шерера, то сей послѣдній былъ бы отброшенъ на нижнюю часть р. По и окруженъ. Во время самаго сраженія Австрійцы отступили отъ первоначальнаго своего плана, весьма хорошо обдуманнаго, и повели главную атаку не на лѣвый, а на правый флангъ

французовъ. Не смотря на то, побѣда ихъ имѣла важныя послѣдствія. Шереръ не удержался даже за Мантуею; но, усиливъ гарнизоны этого города, Феррары и Пескьеры, самъ отошелъ за Кіезу.

Отступленіе дунайской арміи, заставило отступить и небольшую наблюдательную армію Бернадотта, бросившую нѣсколько бомбъ въ Филипсбургъ. Въ это же время директорія приняла отставку Журдана и, соединивъ его войска съ арміею Бернадотта, ввѣрила начальство надъ ними Массенѣ.

Это несчастное начало доказало директоріи совершенную несообразность ея плана. Не приготовивъ средствъ, она начала войну въ полномъ убѣжденіи, что 120,000 разбросанныхъ французскихъ войскъ, будутъ въ состояніи побѣдить 200,000 Австріійцевъ, гораздо болѣе сосредоточенныхъ. Впрочемъ, этотъ неровный бой не былъ безъ славы для генераловъ и войскъ республики; и я дѣйствительно не знаю, чему должно болѣе удивляться, дерзости французскаго правительства, или непонятной робости гофскригсрата, такъ мало воспользовавшагося своими первыми успѣхами.

Страхъ, произведенный этими неожиданными событіями, былъ вскорѣ разсѣянъ кровавою развязкою безконечнаго раштадтскаго конгресса. Когда Журданъ вошелъ въ Швабію, то объявилъ Раштадтъ неутральнымъ городомъ и снабдилъ конгрессъ охраннымъ листомъ. Это обстоятельство благопріятствовало намѣреніямъ Франціи, желавшей отвлечь имперскихъ князей отъ союза съ Австріею, и оборотъ, принятый переговорами, уже обѣщалъ директоріи совершенный успѣхъ; какъ вдругъ сраженіе при Штоккахъ и отступленіе дунайской арміи, склонили дипломатическіе вѣсы переговоровъ на сторону побѣдителей. Тогда вѣнскій кабинетъ почелъ себя вправѣ рѣшить участь южной Германіи. Желая знать, какъ далеко зашли имперскіе князья въ своихъ переговорахъ съ директоріею, онъ поручилъ уполномоченному своему, графу Лербаху, придумать средство перехватить ихъ переписку съ республиканскими уполномоченными. Лербахъ не придумалъ лучшаго способа, какъ захватить бумаги французскихъ уполномоченныхъ при закрытіи конгресса. Ему было дозволено истребовать отъ эрцъ-герцога войска для исполненія этого предпріятія. Сначала эрцъ-герцогъ отказалъ ему, отговариваясь тѣмъ, что войскамъ его не должно вмѣшиваться въ дипломатическія дѣла; но когда графъ Лербахъ представилъ ему новыя приказанія, эрцъ-герцогъ нашелся вынужденнымъ отдать въ распоряженіе его отрядъ гусаръ Цеклера. Полковнику этого полка была объявлена тайна; офицеру, которому было поручено исполненіе, надлежало только захватить письменный ящикъ канцеляріи, вынуть всѣ бумаги и, при случаѣ, ударить нѣсколько разъ плашмя саблею Дебри и Бонне, въ наказаніе за надмѣнность, съ которою они вели переговоры. Робержо, старинный товарищъ австрійскаго уполномоченнаго, находившійся съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ, былъ именно изъятъ отъ этого тѣлеснаго наказанія.

Французскіе уполномоченные хотѣли выѣхать 28 Апрѣля; но 19 числа вечеромъ предложили имъ оставить немедленно городъ, потому что на другой день предполагалось занять его войсками, и они еще въ ту же ночь отправились по дорогѣ въ Страсбургъ. Не успѣли они выѣхать изъ Раштадта, какъ гусары, поджидавшіе своей добычи, окружили кареты; забывъ данное имъ приказаніе, солдаты, большею частью пьяные, начали рубить саблями уполномоченныхъ, только не плашмя и безъ всякаго различія лицъ. Боннье и Робержо были убиты, а Жанъ-Дебри, раненый въ голову и руку, случайно спасся отъ смерти, и съ разсвѣтомъ дня явился къ прусскому уполномоченному, прося его защиты.

Это неслыханное нарушеніе священнѣйшихъ правъ произвело во Франціи дѣйствіе электрическаго удара. Всюду раздались крики мщенія и народный духъ воспламенился на мигъ какъ въ 1792-мъ году. Директорія, пользуясь этимъ, ускорила наборъ конскриптовъ, и хотя на короткое время, сдѣлала виды и поступки свои болѣе народными.

Между тѣмъ, эрцъ-герцогъ Карлъ не воспользовался своими успѣхами: если бы онъ съ 60,000 перешелъ Рейнъ въ Шафгаузенѣ и произвелъ соединенную атаку съ 40,000 Белльгарда, то Массена не избѣжалъ бы гибели въ Энгадинѣ. Но Французамъ дали время перевести всю армію Журдана въ Швейцарію по мѣрѣ вступленія ея въ Альзасъ, и Массена, принявъ надъ нею начальство, расположилъ свои главныя силы вдоль Рейна до Люціенштейга, вытянувъ свой правый флангъ къ Энгадину.

Ошибка Австріійцевъ состояла въ томъ, что они не подчинили Белльгарда эрцъ-герцогу, и этому-то обстоятельству, равно какъ и болѣзни Карла, должно приписать непонятное бездѣйствіе австріійской арміи съ 27 Марта по 14 Мая.

Суворовъ между тѣмъ прибылъ 17 Апрѣля къ Кіезѣ и оттѣснилъ Шерера за Адду. Гарнизоны, сраженія и безразсудныя усплія прикрывать всю Италію, ослабили французскую армію до 28,000. Сверхъ того Шереръ растянулъ ее отъ Пидзигетоне до Лекко. Правый флангъ, подъ начальствомъ Монришара, былъ даже переброшенъ на правый берегъ По, чтобы прикрыть Модену и Болонью, или войти въ сообщеніе съ Тосканою и Римомъ.

Директорія, справедливо раздраженная противъ Шерера, отозвала его. Моро принялъ начальство въ ночь 25 Апрѣля, и не имѣвъ даже времени осмотрѣть свою позицію, былъ атакованъ на разсвѣтѣ. Хотя союзники, для блокады Мантуи, Пескьеры и Феррары, употребили 35,000, но не смотря на то, у нихъ оставалось еще 54,000 человѣкъ на Аддѣ. Прикрывать линію длиною въ 20 миль съ 28,000, противъ войскъ вдвое сильнѣйшихъ, дѣло невозможное. Отряды Моро, атакованные 26 Апрѣля при Кассано и Ваприо, были прорваны въ центрѣ; Серюрье, отрѣзанный на лѣвомъ флангѣ при Вердеріо, былъ вынужденъ положить оружіе. Два дня спустя, Суворовъ вступилъ въ Миланъ. Моро, приведшій къ Тессину едва 20,000

человѣкъ, раздѣлилъ ихъ, направя на Валенцію и Туринъ. Суворовъ перешелъ По въ Піаченцѣ, чтобы двинуться къ Александріи. Край принялъ на себя блокаду Мантуи. Графъ Гогенцоллернъ атаковалъ одну за другою крѣпости Пескьеру и Орчи-Нови, и въ нѣсколько дней взялъ ихъ. Ему поручили послѣ того осаду миланской цитадели и наблюденіе за войсками, прибывшими изъ Граубиндена въ Вальтелинъ. Каймъ обложилъ Пидзигетоне и завладѣлъ этимъ мѣстомъ, почти безъ выстрѣла. Кленау атаковалъ Феррару, съ помощію сильной флотиліи, вооруженной въ Венеціи; ему весьма много благопріятствовали отпаденіе генерала Лагоза и возстаніе сосѣдственныхъ провинцій. Огромное зданіе, воздвигнутое мною въ Италіи, распадалось съ ужасною быстротою.

Директорія, видя опасность, грозившую ей со стороны новой коалиціи, рѣшилась произвесть морскую экспедицію, съ тройною цѣлью: соединить въ средиземномъ морѣ брестскую эскадру съ испанскою; перевезть на ней армію изъ Египта, и потомъ пустить эти соединенныя эскадры въ Океанъ для исполненія давно предполагаемаго предпріятія на Ирландію. Другіе полагаютъ, что директорія, напротивъ того, намѣрена была усилить меня въ Египтѣ войсками, взятыми изъ Италіи, но что она была принуждена отказаться отъ этого плана дурнымъ оборотомъ дѣлъ и изгнаніемъ нашихъ войскъ изъ Ломбардіи. Какъ бы то ни было, въ началѣ Апрѣля Брюи отплылъ съ 25 кораблями изъ Бреста въ Кадиксъ, принудилъ адмирала Кейта притянуть къ себѣ своихъ крейсеровъ, и возвратился въ Тулонъ. Оттуда пустился онъ, 30 Мая, опять въ море, соединился при Картагенѣ съ испанскою эскадрою подъ начальствомъ Массаредо, и разъѣзжалъ съ 50 кораблями по средиземному морю, не снабдивъ Мальты съѣстными припасами, не подкрѣпивъ Египта, однимъ словомъ, не предпринявъ ничего полезнаго; наконецъ, онъ заперся съ испанскимъ флотомъ въ Брестѣ. Кейтъ, усиленный до 48 кораблей, тщетно искалъ его въ средиземномъ морѣ, и послѣдовалъ за нимъ къ Бресту. Дѣйствія эти, слѣдствіемъ которыхъ было приведеніе испанскаго флота въ видѣ залога въ Брестъ, и заключеніе всей нашей морской силы въ этой гавани, гдѣ она пропадала даромъ, остаются до сего времени загадкою для всѣхъ моряковъ.

Между тѣмъ, какъ мы были такимъ образомъ вытѣснены изъ Граубиндена и верхней Италіи, Макдональдъ, принявшій начальство отъ Шампіоне, дѣйствовалъ нѣсколько времени противъ остатковъ неаполитанской арміи и бунтующей толпы народа въ Неаполѣ, Абруццо и Апуліи; наконецъ, получивъ позднее приказаніе двинуться къ берегамъ По, онъ направился къ Риму. Суворовъ, для наблюденія его, отрядилъ въ Модену дивизію Отта. Россійско-турецкій флотъ покорилъ іоническіе острова и осаждалъ Корфу. Гибель нашей неаполитанской арміи казалась неизбѣжною; къ позднему ея возвращенію присоединилась еще и та ошибка, что ей приказано было оставить гарнизоны въ Неаполѣ,

Гаэтѣ, Капуѣ, Чивита-Веккіѣ и Римѣ.

Моро удостовѣрился въ Туринѣ, что столица порабощеннаго королевства, униженная побѣдителемъ до степени провинціяльнаго города, не можетъ быть хорошо расположена къ нему. Ему слѣдовало оставить гарнизонъ въ туринской цитадели и сосредочиться въ окрестностяхъ Валенціи и Александріи, чтобы прикрыть Генуу и проходы аппенинскихъ горъ, удержаніе которыхъ было необходимо для спасенія Макдональда и его арміи. Суворовъ послѣдовалъ за Моро по правому берегу По и дорогѣ въ Александрію. Авангардъ его шелъ по лѣвому берегу, по дорогѣ изъ Валенціи въ Туринъ. Этотъ авангардъ, слишкомъ пылкій, безъ приказанія перешелъ рѣку По въ Бассиньяно, чтобы напасть на французскій лагерь при Валенціи; но во время атакованный 18,000, оставшимися у Моро, онъ былъ опрокинутъ съ урономъ.

Эта неудачная попытка и превосходная оборона Моро подъ Маренго и Александріею, не воспрепятствовали Суворову снова перейти По въ Камбіо и вступить 27 Мая побѣдителемъ въ Туринъ, жители котораго, вмѣстѣ съ авангардомъ Вукассовича, напали на гарнизонъ. Моро достигъ Асти, окруженный непріятелями и инсургентами, которые, взявъ Чеву, отрѣзали послѣднее его сообщеніе. Онъ рѣшился собрать свои силы на Аппенинахъ, и оружіемъ проложить себѣ дорогу на соединеніе съ дивизіею Перпіьона, охранявшею Лигурію.

Во время этихъ происшествій въ Италіи, Массена, тѣснимый со всѣхъ сторонъ въ Граубиндене, отдѣлался дешевле, нежели можно было ожидать. Австрійцы, наскучивъ пятинедѣльнымъ бездѣйствіемъ (съ 27 Марта по 30 Апрѣля), согласились наконецъ съ призвавшими ихъ граубиндцами произвесть 1 Мая атаку на крѣпостцу Люціенштейгъ. Но Готце дѣйствовалъ такъ дурно, что одна изъ колоннъ его, подъ начальствомъ генерала Сенъ-Жюльена, дебушировала ранѣе другихъ и, наткнувшись на дивизію Менара, была ею окружена и принуждена положить оружіе. Въ тотъ же день вспыхнуло опасное возстаніе въ Альпахъ, отъ Кура до Швица и Альторфа, и Массена былъ принужденъ отрядить дивизію Сульта, чтобы усмирить эти два небольшіе кантона и возстановить сообщеніе съ С. Готардомъ.

Лекурбъ, оставленный въ Енгадине на произволъ судьбы, боролся съ превосходными силами Белльгарда и покрылъ себя славою въ дѣлѣ при Цернетцѣ, между тѣмъ, какъ небольшой отрядъ Луазона, оставленный Дессоллемъ въ Вальтелинѣ, подвергался нападеніямъ праваго фланга Суворова. Эти войска, казалось, должны были погибнуть, потому что непріятель, рано или поздо, могъ проникнуть черезъ Куръ на Диссентисъ или чрезъ итальянскія земли къ С. Готарду.

Лекурбъ постигалъ, что ему не оставалось лучшаго средства, какъ освободить Беллинцону, угрожаемую графомъ Гогенцоллерномъ, и для того двинулся 13 Мая къ Таверну и вытѣснилъ оттуда герцога Рогана въ то самое время, когда на лѣвомъ его

флангѣ собиралась гораздо опаснѣйшая гроза. Австрійцы, которымъ былъ нуженъ двухъ-недѣльный отдыхъ послѣ неудачнаго покушенія 1 Мая, положили произвесть 14 числа новую атаку на Люціенштейгъ; эрцъ-герцогъ подкрѣпилъ ихъ 12,000 ч., приказавъ имъ, сверхъ того, дѣйствовать совокупно съ Белльгардомъ. Съ помощію этого сильнаго подкрѣпленія, они обошли и взяли крѣпостцу, прорвали дивизію Менара, опрокинули лѣвый флангъ его къ Саргансу и оттѣснили правый по направленію къ Диссентису до подошвы С. Готарда. Предоставивъ Луазону оборонять доступъ къ Айроло, Лекурбъ поспѣшилъ самъ на защиту угрожаемыхъ непріятелемъ Альповъ.

Вѣнскій кабинетъ, заботившійся болѣе о томъ, чтобы утвердиться въ Италіи, нежели объ уничтоженіи корпусовъ, оставленныхъ нами въ Граубинденѣ, отдалъ Белльгарду приказаніе оставить у С. Готарда одну только дивизію Гаддика и двинуться чрезъ Вальтелинъ къ Милану для подкрѣпленія Суворова, принужденнаго въ то время осадить нѣсколько крѣпостей и готовившагося, сверхъ того, встрѣтить шедшую изъ Неаполя армію. Это обстоятельство много способствовало спасенію Лекурба, успѣвшаго возвратиться къ Альторфу послѣ славнаго и чрезвычайно труднаго отступленія. Ему удалось даже нанести значительный уронъ бригадѣ Сенъ-Жюльена, спустившейся отъ Диссентиса въ долину Рейсса и другому отряду, прорвавшемуся въ Муттенталь, между нимъ и главнымъ корпусомъ Массены.

Эрцъ-герцогъ Карлъ, намѣреніямъ котораго нѣсколько помѣшало движеніе Белльгарда въ Италію, перешелъ наконецъ Рейнъ въ Шафгаузенѣ 27 Мая. Готце переправился также въ Курѣ. Массена, отступившій за Туръ, понимая, что ему должно воспрепятствовать соединенію этихъ двухъ корпусовъ, атаковалъ Готце при Фрауэнфельдѣ и одержалъ надъ нимъ частный успѣхъ; однакожъ, не смотря на то, спустя два дня, онъ долженъ былъ отступить къ Цюриху. Этотъ городъ окруженъ весьма толстою, снабженною бастіонами каменною стѣною. Лиммать, стремительно вытекающій изъ озера, служитъ рвомъ южной сторонѣ или малому городу; съ сѣверной же, цюрихская гора командуетъ городомъ и, не смотря на хорошее дефилированіе укрѣпленій, сторона эта не могла долго держаться. Массена приказалъ расположить на горѣ пространный укрѣпленный лагерь, чтобы связать оборону ея съ обороною гонгскаго плато.

Эрцъ-герцогъ рѣшился атаковать его 6 Іюня, но не имѣлъ успѣха: одной австрійской колоннѣ удалось незамѣтно пробраться вдоль озера до самыхъ воротъ города, но она дорого поплатилась за эту отважность. Положеніе Массены было однако же весьма затруднительно. Все почти народонаселеніе горныхъ частей Граубинденa и малыхъ кантоновъ, взялось за оружіе при приближеніи Австрійцевъ. Успѣхи союзниковъ въ Италіи угрожали Симплону и С. Бернарду; С. Готардъ былъ уже въ ихъ власти, а Лекурбъ оттѣсненъ до Швица и Альторфа. Неблагоразумно было бы жертвовать арміею для удержанія Цюриха, имѣя дефиле въ тылу. Массена оставилъ городъ

Австріящамъ и предпочелъ для обороны линію Альбиса; эта крутая гора служитъ берегомъ Лиммату и озеру отъ Брука до Уцнаха.

Вѣнскій военный совѣтъ увѣдомилъ эрцъ-герцога о приближеніи Корсакова съ 30,000 Русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему повелѣніе, не предпринимать ничего рѣшительнаго, до прибытія этого значительнаго подкрѣпленія; въ слѣдствіе чего, эрцъ-герцогъ и оставался въ своемъ лагерѣ за Цюрихомъ до Августа мѣсяца, давъ время Массенѣ утвердиться въ превосходныхъ своихъ позиціяхъ, а директоріи прислать ему значительныя подкрѣпленія.

Макдональдъ оставилъ между тѣмъ Неаполь и Римъ, чтобы соединиться съ Моро. Ослабленный гарнизонами, но усиленный за то дивизіею, занимавшею Тоскану, онъ подступилъ къ Моденѣ съ 30,000. Моро послалъ къ Требіи, на встрѣчу ему, дивизію Виктора, которая и соединилась съ арміею Макдональда 14-го Іюня при Фиренцуолѣ. Самъ Моро началъ спускаться съ аппенинскихъ высотъ въ долину. Онъ полагалъ соединить оставшіяся въ Лигуріи 16,000 съ 34,000 Макдональда, и занявъ этими силами линію рѣки По, освободить Мантуу; что впрочемъ было не совсемъ невозможно, при раздробленіи силъ союзниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не ведетъ такъ легко къ разсѣянію силъ, какъ быстрыя завоеванія противъ непріятеля, также раздробленнаго. Союзники испытали это на опытѣ: въ то время, какъ Макдональдъ спускался съ Аппенинъ къ Моденѣ, Край оставался еще у Мантуи; Гогенцоллернъ и Кленау при Болоньи; Отто въ Пармѣ; Секкендорфъ и Вукассовичъ у Чевы и Монтепотте; Фрѣлихъ наблюдалъ Кони; Лузиньянъ находился у Фенестреллы; Багратіонъ только что покорилъ Сузу; Суворовъ съ главными силами Меласа и дивизіею Кайма осаждалъ туринскую цитадель; и только прибытіе Белльгарда, приближавшагося къ Милану черезъ Вальтелинъ, дало русскому полководцу возможность, собрать въ центральныхъ долинахъ Бормиды, довольно значительныя силы, между тѣмъ какъ Гадднкъ прикрывалъ Альпы, противъ праваго фланга Массены.

Союзники, узнавъ о приближеніи Макдональда, послали противъ него отряды Кленау и Гогенцоллерна, которые двинулись къ Моденѣ и были тамъ отдѣльно разбиты 12-го Іюня. Первый весьма много потерпѣлъ и былъ опрокинутъ за По, а послѣдній отступилъ къ Феррарѣ въ нѣсколько лучшемъ порядкѣ.

Суворовъ, получивъ извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ, поручилъ Каю продолжать блокаду туринской цитадели, и усиленными переходами двинулся къ Піаченцѣ, чтобы соединиться съ отрядомъ Отто; онъ приказалъ въ тоже время Краю оставить подъ Мантуею только слабый отрядъ, а самому спѣшить чрезъ Медзана-Корте къ По, гдѣ надѣялся собрать до 50,000 человѣкъ, не считая Белльгарда, оставшагося подъ Александріею для наблюденія Моро. 15-го Іюня, Суворовъ, подойдя къ Тидоне, нашелъ тамъ Отто, уже сильно тѣснимаго, поддержалъ его и оттѣснилъ Виктора. На слѣдующій день Макдональдъ, сосредоточивъ растянувшіяся колонны свои, атаковалъ

непріятеля; у Суворова было 33,000, Край еще не показывался, и число войскъ съ обѣихъ сторонъ было одинаково. Начался кровопролитный бой; обѣ арміи были равно одушевлены: одна, воспоминаніемъ прежнихъ побѣдъ, другая счастіемъ недавнихъ успѣховъ; силы были ровны; но не ровны были полководцы.

Ожидая прибытія Моро отъ аппенинскихъ горъ на лѣвый флангъ, Макдональдъ дѣйствовалъ ошибочно, направляя свои атаки съ противуположной стороны, вдоль рѣки, въ которую войска его могли быть опрокинуты, не имѣя на ней ни одного моста. Суворовъ дѣйствовалъ благоразумнѣе, сосредоточивая всѣ усилія свои противъ лѣваго фланга Французовъ; онъ былъ убѣжденъ, что, успѣвъ опрокинуть этотъ флангъ, пріобрететъ огромное превосходство надъ нами. Послѣ трехдневнаго достопамятнаго боя, французская армія, лишившись половины силъ своихъ, была отброшена въ Тоскану. Погибель ея казалась неизбѣжною; но Моро разбилъ между тѣмъ Бельгарда на равнинахъ Александріи; войска Суворова были разстроены продолжительнымъ боемъ; а Край, исполняя точныя повелѣнія своего кабинета, спокойно оставался у Мантуи. Русскій фельдмаршалъ, приведенный этимъ въ негодованіе, далъ Макдональду время привести свою армію въ самомъ жалкомъ положеніи черезъ понтремольскую береговую дорогу къ Спецціи. Довольно было и того, что хотя часть ея спаслась. Эта неудача уничтожила всякую надежду улучшить въ Италіи положеніе нашихъ дѣлъ, судьба которыхъ зависѣла до того отъ соединенія армій Моро и Макдональда.

Послѣ побѣды на Требіи, Суворовъ имѣлъ сначала намѣреніе броситься на Генуу, чтобы совершенно выгнать насъ изъ Италіи. Но Австрійцы болѣе всего дорожили покореніемъ крѣпостей. Императоръ неотступно приказывалъ ему ограничиться осадою Мантуи, Александріи и Тортоны.

Въ четыре мѣсяца, отъ необдуманнаго плана дѣйствій, французскія арміи лишились всѣхъ завоеваній, которыми директорія такъ гордилась, и были оттѣснены почти къ самымъ границамъ Франціи. Не смотря на сто тысячъ конскриптовъ, распредѣленныхъ по всѣмъ родамъ оружія, у насъ оставалось не болѣе 200,000 человѣкъ, утомленныхъ трудами, убитыхъ духомъ отъ безпрерывныхъ пораженій и терпѣвшихъ во всемъ крайній недостатокъ; эти 200,000 должны были бороться противу побѣдоносныхъ австро-россійскихъ армій, которыя, сверхъ того, и въ Италіи, и въ Швейцаріи были подкрѣпляемы жителями, возставшими противъ угнетавшаго ихъ ига. Казалось, вездѣ счастіе оставляло знамена республики. Послѣ шестидесяти дней траншейныхъ работъ, восточная армія принуждена была снять осаду Акры и возвратилась въ Египетъ, гдѣ турецкая экспедиція готовилась сдѣлать высадку; въ Индіи, Англичане взяли приступомъ столицу Мизора и раздѣлили съ Низамомъ это государство, которое такъ долго было въ союзѣ съ Франціею.

Король неаполитанскій и великій герцогъ тосканскій возвратились въ свои столицы; Суворовъ призвалъ

обратно въ Турин короля сардинскаго. Коалиція торжествовала и душа ея, Англія, нетерпѣливо желая ускорить паденіе республики, подписала договоръ съ Россіею, по которому назначена была экспедиція въ Голландію, съ цѣлью изгнать оттуда Французовъ.

Восшествіе на португальскій престолъ принца бразильскаго, который уже и безъ того занималъ его семь лѣтъ въ званіи регента, по случаю разстроеннаго разсудка королевы, не уничтожило вліянія англійской политики на это государство.

Таково было положеніе враждующихъ державъ. Франція болѣе другихъ страдала отъ перемѣны военнаго счастія: если бы даже директорія и могла устранить затрудненія въ положеніи внѣшнихъ дѣлъ, навлеченныя странною ея политикою, она не была въ состояніи избѣгнуть грозы, собиравшейся противъ нее въ самыхъ нѣдрахъ республики.

Со времени 18-го Фруктидора, во всѣхъ ея дѣйствіяхъ обнаруживались только самовластіе и несправедливость. Наслѣдовавъ отъ комитета общественнаго спокойствія запутанныя обстоятельства его, она не наслѣдовала диктаторскаго могущества, которымъ тотъ поддерживалъ свою силу; она не должна была и надѣяться дѣйствовать столь же успѣшно, потому что мощныя пружины, приводившія въ движеніе Французовъ, ослабѣли отъ безпрестаннаго злоупотребленія и не доставляли болѣе прежнихъ вспомогательныхъ средствъ. Утомленный совершенно безполезными пожертвованіями, народъ остался бы равнодушнымъ даже къ воззванію правительства, вполнѣ одушевленнаго любовью къ общему благу. Требованіе новыхъ пожертвованій должно было казаться угнетеніемъ. Изъ этого происходило обоюдное нерасположеніе; директорія хотѣла пріобрести необходимую власть, чтобы поставить себя въ возможность выполнить важную обязанность ею принятую; а народъ, требовавшій свободы, извѣстной ему только изъ прокламацій, смотрѣлъ на каждый шагъ директоровъ къ власти, какъ на нестерпимый поступокъ тиранства, противнаго цѣли революціи.

Законодательный корпусъ воспользовался труднымъ положеніемъ директоріи, чтобы еще болѣе очернить ее въ глазахъ народа, явно обвиняя ее въ томъ, «что она нарушила на-«родное право, напавъ на Швейца-«рію и Порту безъ манифеста и объ-«явленія; что она уничтожила свобо-«ду первоначальныхъ собраній; воз-«двигла новыя бастиліи; что каждо-«го, имѣвшаго несчастіе ей не нра-«виться, вносила въ списокъ эми-«грантовъ; что самовластно управля-«ла правосудіемъ въ Италіи, Швей-«царіи и Голландіи, стараясь дер-«жать представителей въ беспрестан-«номъ угнетеніи.» При такомъ расположеніи умовъ, всѣ старанія директоріи управлять выборами VII года, остались тщетными, и новые депутаты явились съ твердою рѣшимостію, низвергнуть самовластіе, которое могло быть терпимо только при величайшей опасности отечества, или въ надеждѣ на новыя побѣды.

Назначеніе Сіеса вмѣсто Ревбеля, долженствовавшаго по жребію оставить директорію, еще болѣе утвердило

депутатовъ въ ихъ намѣреніи. Новый директоръ, замѣтивъ, что Мерлень и Трейларъ, проникнутые правилами своихъ предшественниковъ, увлекали за собою и слабаго Ларевельера, чувствовалъ всю важность уничтоженія этого перевѣса; онъ условился съ братомъ моимъ Луціаномъ и Женисьё, главами совѣщательныхъ собраній, и сталъ съ ними искать случая лишить этихъ директоровъ ихъ званія искуснымъ ударомъ, противнымъ тому, который употребили преобразователи 18-го Фруктидора, чтобы освободиться отъ мѣшавшихъ имъ законодателей.

Для этого были присланы просьбы изъ различныхъ департаментовъ, въ совѣщательныя собранія; представители ихъ, въ особенности обвиняли директорію по предмету государственныхъ издержекъ; потому что, получивъ 725,000,000, она, не смотря на то, запустила всѣ вѣтви управленія; военное министерство обвиняли даже въ томъ, что будто бы оно продало изъ парижскаго арсенала 130,000 ружей, за самую низкую цѣну.

Въ Вандеѣ мятежъ тлѣлъ еще подъ пепломъ; Бельгія сопротивлялась вооруженною рукою набору рекрутъ и сбору податей. Жалобы на неспособныхъ начальниковъ исполнительной власти, дѣлались съ каждымъ засѣданіемъ язвительнѣе.

Борьба оставалась сомнительною, пока обвиняемые директоры держались еще на своихъ мѣстахъ и дѣйствовали единодушно; и потому должно было начать уничтоженіемъ этого тріумвирата; но можно ли было это сдѣлать, не нарушая конституціи? Стараясь его низвергнуть, не давали ли ему оружія противу представителей народа? Въ этомъ затрудненіи, одинъ изъ депутатовъ вспомнилъ весьма кстати, что Трейларъ избранъ тремя днями ранѣе, нежели позволялось по закону; оба совѣта воспользовались этимъ предлогомъ, чтобы объявить назначеніе его недѣйствительнымъ. Говорятъ, что этотъ директоръ лично принялъ свою отставку и оставилъ своихъ товарищей скорѣе съ удовольствіемъ, нежели съ досадою. Эта перемѣна поставила директорію на нѣсколько дней въ совершенное бездѣйствіе, по несогласію прочихъ четырехъ членовъ между собою. Однако жъ, вскорѣ возвратили ей силу, назначивъ пятымъ членомъ Гойе, который склонилъ вѣсы въ пользу желавшихъ преобразованія.

Впрочемъ это была только полупобѣда; необходимость вытѣснить Ларевельера и Мерленя сдѣлалась очевидна. Сначала пытались они противиться сбиравшейся надъ ними грозѣ, принявъ видъ, что хотятъ внесть дѣло на апелляцію своимъ конституціоннымъ судьямъ; но, устрашенные угрозами, которыми осыпали ихъ съ трибуны, они уступили и подали унизенно прошеніе объ отставкѣ въ ночь съ 16-го на 17-е Іюня. Эта готовность обезоружила законодательный корпусъ, и онъ удовольствовался тѣмъ, что осыпалъ ихъ язвительными насмѣшками. «Они возвращены опять своему ничтожеству, говорилъ Борда, они окружены одними угрызеніями совѣсти; ихъ лазутчики отъ нихъ отрекаются, сообщники оставляютъ ихъ.» Буле зашелъ еще далѣе, называя Мерленя человѣкомъ недальновиднымъ, малодушнымъ,

мелочнымъ, какъ въ страстяхъ, такъ и въ мщеніи, однимъ словомъ, человѣкомъ, достойнымъ быть канцлеромъ Людовика XI.

Вмѣсто уволенныхъ директоровъ совѣты назначили бывшаго члена конвента, Рожера Дюко, столь же мало извѣстнаго своимъ краснорѣчіемъ, какъ и товарищъ его, генералъ Мулень, военною славою; такъ, что Сіесъ остался главою директоріи.

Бернадоттъ былъ назначенъ военнымъ министромъ; на этомъ выборѣ основывали ложныя надежды на возстановленіе разстроенной отъ пораженій арміи.

Полученныя вслѣдъ за этими перемѣнами извѣстія объ очищеніи Цюриха и отступленіи Моро къ Аппенинамъ, дали почувствовать необходимость сильныхъ мѣръ. Дѣло шло не о повѣркѣ финансовъ, но о пополненіи ихъ. Журданъ предложилъ сдѣлать насильственный заемъ во 100 милліоновъ у богатѣйшихъ гражданъ; эта мѣра, сама по себѣ вредная и всегда отвергаемая общественнымъ мнѣніемъ, могла впрочемъ быть извинена чрезвычайно стѣсненными обстоятельствами. Всѣ классы народа, подлежавшіе воинской повинности, были отданы въ распоряженіе директоріи, и при беспрепятственномъ произведеніи набора, можно было имѣть для усиленія арміи почти 200,000 рекрутъ. Нужны были только деньги и время. Баталіоны національной гвардіи были двинуты къ пограничнымъ крѣпостямъ, чтобы сдѣлать подвижными всѣ линейныя войска и устранить опасность непріятельскаго вторженія.

Едва всѣ эти мѣры были приняты, какъ извѣстіе о сраженіи при Требіи еще болѣе увеличило всеобщее опасеніе. Это заслуженное несчастіе дѣйствовало различно на партіи: добрые Французы вздыхали, республиканцы негодовали, а внутренніе враги радовались; но всѣ, хотя и отъ различныхъ причинъ, единогласно проклинали правительство, бывшее причиною бѣдствій.

Гдѣ жъ, кричали со всѣхъ сторонъ, побѣдители при Тюркуенѣ, Флёрюсѣ, Риволи, Кастильоне? Развѣ арміи состоятъ не изъ тѣхъ же войскъ и полководцевъ, которые еще такъ недавно распространяли славу Франціи отъ Альповъ норическихъ до границъ Богеміи? Когда съ бо́льшимъ вниманіемъ размыслили о причинахъ прежняго счастія, то нашли, что ихъ не совсѣмъ вѣрно понимали, и что онѣ были произведены большими и, въ особенности, искусно управляемыми массами, между тѣмъ какъ ихъ приписывали единственно французской храбрости и любви къ отечеству. Хотя бурное время этого опаснаго положенія было вовсе неудобно къ размышленіямъ, но не смотря на это, всѣ ясно видѣли, что, приписывая слишкомъ много общимъ причинамъ, правительство не умѣло оцѣнить людей, способныхъ приковать побѣду къ знаменамъ республики. Всеобщій крикъ негодованія поднялся противъ Ревбеля и Талейрана. Послѣдняго обвиняли въ томъ, что онъ былъ совѣтникомъ и сообщникомъ ложной политики и несправедливыхъ поступковъ перваго.

Общественная нужда требовала возвышенія народнаго мужества и была причиною образованія новыхъ

политическихъ партій. Въ манежѣ составилось общество достойныхъ подражателей якобинцамъ; тамъ, у самыхъ дверей совѣта старѣйшинъ, громко говорили о неопытности государственнаго правленія. Чтобы не итти противъ закона, воспрещавшаго общества, подъ предсѣдательствомъ президента, Друэ былъ названъ *руководителемъ преній* (régulateur des débats). Эти пламенные республиканцы, хотя и не имѣли въ виду способствовать торжеству бѣднѣйшаго класса народа, но хотѣли быть главами его, и вскорѣ манежный клубъ сравнялся съ кордельерскимъ. Франціи угрожало безначаліе, ужаснѣе того, которое она испытала въ 1793 году, потому что тогда диктаторство комитета общественнаго спокойствія, поддержанное побѣдами, могло нѣсколько исправить ошибки народнаго правленія, а теперь ни какая власть не могла бы этого достигнуть, если бы приверженцы безначалія начали снова своевольствовать.

Уже съ трибуны манежа раздавались обвиненія противъ тѣхъ, которые управляли кормиломъ государства, и ожидали только знака, чтобы взвести ихъ на плаху. Послѣ Ревбеля и Шерера, поведеніе Талейрана наиболѣе подверглось изслѣдованію: его обвиняли въ несчастной египетской экспедиціи, которая была источникомъ всего зла. Вынужденный къ оправданію, онъ утверждалъ, что экспедицію эту рѣшено произвесть еще до вступленія его въ министерство. Карлъ де-ла-Круа, считая себя обвиненнымъ этимъ показаніемъ, объявилъ, что если планъ экспедиціи былъ составленъ гораздо ранѣе, то, по крайней мѣрѣ, во все время его правленія министерствомъ, ни разу не было упомянуто объ этомъ предположеніи.

Противники Талейрана не были убѣждены его оправданіемъ, и директорія, уступая общественному мнѣнію, назначила министрами: иностранныхъ дѣлъ, Рейнгарда; финансовъ, Роберта Линде; юстиціи, Камбасереса. Но перемѣна министерства не можетъ имѣть слѣдствіемъ непосредственной перемѣны внѣшней политики, если мы не въ состояніи заключить хотя довольно выгодный миръ; и увольненіе Талейрана не могло разрушить коалицію. Бросивъ взглядъ на прошедшее, нельзя было не раскаяваться во всѣхъ глупостяхъ 1798 года. Какая бы разница была въ послѣдствіяхъ, если бы мы утвердили вліяніе республики надъ Италіею, и вовлекли Испанію въ свои выгоды, усиливъ инфанта, герцога пармскаго, и давъ справедливыя вознагражденія дому савойскому, вмѣсто того, чтобъ вооружить противъ себя всѣ дворы аппенинскаго полуострова революціями Генуи, Рима и Монферрата! Образованіе державы въ пользу зятя Карла IV было бы превосходнымъ средствомъ, доказать королевѣ обѣихъ Сицилій и Карлу Эммануилу піемонтскому, что мы умѣемъ цѣнить союзъ государей, вступающихъ съ нами откровенно въ дружескія сношенія, и принудить Испанію усугубить свои усилія на морѣ и выставить обѣщанное по сенъ иль-де-фонзскому договору вспомогательное войско, для общей обороны Италіи. Такимъ образомъ, не имѣя необходимости посылать

Макдональда въ Неаполь, а Готье въ Тоскану, мы были бы въ состояніи выставить на Эчѣ противъ имперцевъ 140,000 Французовъ, Италіянцевъ и Португальцевъ.

Во всякомъ случаѣ, не время было заниматься этими взаимными жалобами и обвиненіями. Дѣло шло уже не о владычествѣ въ Италіи, но о спасеніи Франціи. Директорія обратила вниманіе на внутренность государства, гдѣ бѣшенство манежнаго клуба угрожало всеобщимъ писпроверженіемъ. Нельзя было долѣе терпѣть подобные безпорядки у самыхъ дверей законодательнаго собранія. Общество, изгнанное изъ мѣста засѣданій своихъ, стало собираться въ бакской улицѣ, подъ руководствомъ Ожеро. Пренія дѣлались съ каждымъ днемъ шумнѣе. Похвальное слово Бабёфу, произнесенное съ трибуны собранія, показало директоріи, что время дѣйствовать. Сіесъ ввѣрилъ Фуше министерство полиціи, и этотъ бывшій проконсулъ, у котораго нельзя оспоривать большаго искуства въ дѣлахъ, поспѣшилъ уничтожить пещеру якобинства, а директорія въ то же время требовала закона противъ злоупотребленій печатанія.

Все это было весьма хорошо для положенія дѣлъ внутреннихъ, но должно было брать другія мѣры для удержанія непріятелей Франціи. Директорія, убѣжденная, что доставитъ себѣ новымъ закономъ два главные элемента войны, людей и деньги, стала заботиться объ отраженіи вторженія, угрожавшаго Франціи съ востока. Топографическому бюро было поручено опредѣлить операціонную линію, которую по всѣмъ вѣроятностямъ изберутъ союзныя арміи, если удастся имъ вытѣснить Массену изъ Швейцаріи, и обозначить естественныя и искуственныя препятствія, которыя можно противупоставить непріятелю по этому направленію. Хотя одинъ изъ отличныхъ военныхъ людей, и указалъ въ умной своей статьѣ на проходъ между вогезскими горами и Юрою, какъ на естественное направленіе противниковъ; но начальникъ топографическаго бюро, генералъ Кларкъ съ упрямствомъ утверждалъ, что союзникамъ должно идти чрезъ Швейцарію и котическія Альпы на Ліонъ. Въ слѣдствіе этого, онъ представилъ длинную, подробную статью о всѣхъ средствахъ, которыми должно воспользоваться для обороны альпійскихъ границъ. Эти средства состояли преимущественно въ образованіи арміи, которая должна была прикрывать большой и малый С. Бернардъ, Симплонъ, Монъ-Ценисъ, Монъ-Женевръ и Коль-д'Аржантьеръ, между тѣмъ какъ италіянская армія, вышедъ изъ Аппенинъ, предупредитъ наступательными дѣйствіями осаду Кони или освободитъ Мантуу, а Швейцарская произведетъ сильную диверсію на Лимматъ.

Новая директорія, чувствовавшая необходимость, возстановить къ себѣ довѣренность блистательнымъ ударомъ, назначила Жубера, молодаго генерала, подававшаго большія надежды, вмѣсто Моро, котораго уподобляли Фабію медлителю, и который былъ назначенъ главнокомандующимъ рейнской арміи. Преемнику его надлежало образовать въ Лигуріи новую 45,000 армію, и снова двинуться на По, чтобъ освободить Мантуу.

Шампіонс, преданный суду за то, что въ Неаполѣ осмѣлился воспротивиться проконсуламъ директоріи, былъ оправданъ, и сошелъ со скамьи подсудимыхъ, чтобы принять начальство надъ 34,000 арміею, собиравшеюся въ Альпахъ.

Близость Гренобля и Шамбери была поводомъ къ образованію этой арміи вмѣсто отправленія войскъ черезъ Провансъ въ Геную; но не было никакой причины назначить надъ этими двумя арміями отдѣльныхъ начальниковъ и опредѣлить альпійской преимущественно оборонительную цѣль. Блокада Мантуи, продолжавшаяся уже нѣсколько мѣсяцевъ довольно слабо, производилась дѣятельнѣе со времени паденія Пескьеры; когда всѣ приготовленія были окончены, Край приказалъ 15-го Іюля открыть траншеи: Латуръ-Фуасакъ сдался на капитуляцію 30-го. Въ то же время Шастелеръ и Белльгардъ усилили осаду александрійской цитадели, гдѣ въ особенности отличилась австрійская артиллерія; цитадель сдалась также на капитуляцію, 22-го Іюля, послѣ семи-дневной, весьма жаркой атаки.

Жуберъ въ началѣ Августа прибылъ къ арміи и наконецъ 12-го спустился черезъ Аппенины къ Нови. Моро хотя и отозванъ былъ для предводительства рейнской арміи, но не хотѣлъ оставить молодаго друга своего до конца сраженія. Они полагали имѣть дѣло только съ 40,000 человѣкъ. Носились неопредѣленные слухи о сдачѣ Мантуи на капитуляцію, но ихъ не считали достойными вѣроятія.

Къ вечеру 14-го Августа, когда правый флангъ и центръ соединились въ равнинѣ при Нови, у подошвы Аппенинъ, получили печальное извѣстіе, что не только Мантуа дѣйствительно сдалась, но что корпусъ Края, осаждавшій крѣпость, уже соединился съ Суворовымъ, готовымъ встрѣтить насъ (*). Трудно было повѣрить, что крѣпость, сопротивлявшаяся мнѣ цѣлые десять мѣсяцевъ, не болѣе трехъ противустояла Австрійцамъ. Правда, что Латуръ-Фуасакъ худо защищалъ ее: допустивъ даже, что онъ былъ правильнѣе атакованъ и не имѣлъ тѣхъ средствъ, которыя были у австрійскаго коменданта, онъ все могъ продлить свою оборону еще недѣли на двѣ; а этого времени было слишкомъ достаточно для спасенія его.

Вечеромъ получено было подтвержденіе этого несчастія и уже нельзя было долѣе сомнѣваться. При подобныхъ обстоятельствахъ армія не должна была отваживаться на сраженіе съ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Надобно было перейти обратно Аппенины и вмѣстѣ съ Шампіоне придумать новый планъ дѣйствій: но армія стояла въ превосходной позиціи; къ утру долженъ былъ присоединиться и лѣвый флангъ; казалось, ничто

(*) У Суворова передъ взятіемъ Мантуи вмѣстѣ съ подкрѣпленіями было:

55,000	между	Александріею и Тортоною.
13,000	подъ нач.	Кайма, въ Турине и около Альпонъ.
14,000	———	Гаддика въ Валисѣ.
6,000	———	Отто и Кленау въ Моденѣ и Феррарѣ.
27,000	———	Края при Мантуѣ.
всего 115,000 человѣкъ.		

Жуберъ и Шампіонс считали подъ своимъ начальствомъ 70,000.

не требовало поспѣшнаго отступленія, тѣмъ болѣе, что невѣроятно было, чтобы непріятель напалъ на такую сильную позицію, когда собственная его выгода требовала привлечь насъ на равнину. Но Суворовъ думалъ иначе. 15-го Августа на разсвѣтѣ онъ началъ атаку правымъ своимъ флангомъ, подъ командою Края. Уже австрійскія колонны взбирались по склону виноградниковъ и показывались на занимаемой нами площадкѣ. Жуберъ прилетѣлъ на мѣсто опасности, самъ повелъ 34-й полкъ, и опрокинулъ непріятеля; но былъ смертельно раненъ однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ. Это было въ 6 часовъ утра.

Моро, которому, казалось, было опредѣлено рѣшать всѣ труднѣйшія задачи этой кампаніи, принялъ начальство надъ арміею, вступившею въ сраженіе противъ воли и безъ цѣли. Сначала ему удалось оттѣснить непріятеля.

Уже три часа дрались на лѣвомъ нашемъ флангѣ, когда, въ 9 часовъ, Суворовъ дебушировалъ противу нашего центра съ русскимъ корпусомъ. Онъ намѣренъ былъ, во чтобы то ни стало, взять съ фронта Нови и впереди лежащія высоты. Сенъ-Сиръ защищался удивительно; непріятель, два раза опрокинутый и взятый во флангъ Ватренемъ, былъ оттѣсненъ до Поццоло-Формигаро. Наконецъ, только въ 2 часа, Меласъ подошелъ отъ Ривальты съ резервомъ, или лучше сказать, съ лѣвымъ флангомъ союзниковъ, двинулся вдоль Скривіи, приказалъ 8 гренадерскимъ баталіонамъ взобраться по заднему склону Монте-Ротундо, гдѣ идутъ дороги изъ Гави и Генуи, и такимъ образомъ обошелъ позицію. Суворовъ и Край поддержали его новыми усиліями. Тогда отступленіе наше сдѣлалось неизбѣжнымъ и вмѣстѣ затруднительнымъ. Моро произвелъ его по проселочнымъ дорогамъ на Пастуранну, гдѣ войска совершенно стѣснились въ дефиле. Чтобы доставить колоннамъ возможность пройти это дефиле, Периньонъ и Грушп приняли впереди его бой съ превосходящими ихъ въ четверо силами, приведенными непріятелемъ по всѣмъ направленіямъ. Оба они были ранены и взяты въ плѣнъ съ 4 или 5,000 храбрыхъ, дѣлившихъ съ ними опасность; большая часть артиллеріи сдѣлалась добычею союзниковъ. Этотъ несчастный день рѣшилъ невозвратно судьбу Италіи.

Массена былъ счастливѣе; почти въ тоже время (14-го Августа) одержалъ онъ значительный успѣхъ. По странному стеченію обстоятельствъ, онъ вознамѣрился снова занять верхнія Альпы, утраченныя имъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, въ то самое время, когда эрцъ-герцогъ Карлъ, подкрѣпленный наконецъ Корсаковымъ, хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы начать дѣйствовать наступательно, на противуположной сторонѣ Альповъ.

Эрцъ-герцогъ намѣревался сосредоточить свою армію подъ Брукомъ, чтобы однимъ разомъ перейти чрезъ значительныя и быстрыя рѣки Ааръ, Лиммать и Рёйссъ, сливавшіяся вблизи этого города. Ааргау находится только въ 4 миляхъ отъ Брука, и эрцъ-герцогъ въ одинъ и тотъ же день могъ перейти чрезъ означенныя три важныя препятствія

и овладѣть высотами Юры, отдѣляющими Ааргау отъ Базеля. Это движеніе могло быть весьма опаснымъ для французской арміи, растянутой отъ Альбиса до Гларуса.

Директорія, желая съ своей стороны согласовать предпріятія Жубера и Массены, понуждала сего послѣдняго приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ; началомъ ихъ должно было быть обратное взятіе хребта верхнихъ Альповъ, оставленнаго въ Іюнѣ мѣсяцѣ.

Лекурбъ, получившій подкрѣпленія, напалъ на корпусъ Симбшена, занялъ Гримзель, Фурку, С. Готардъ, Гриспальтбергъ и взялъ до 4,000 плѣнныхъ. Валиская дивизія вытѣснила Рогана съ Симплона. Сультъ и Шабранъ очистили кантонъ Гларусъ и лѣвый берегъ Линта. Эти частные успѣхи, вмѣсто того, чтобы принести пользу, могли быть причиною совершенной погибели арміи, еслибъ удалось предположеніе эрцъ-герцога.

Въ виду деревни Деттингенъ, собрались, 16-го Августа, 30,000 Австрійцевъ и столько же Русскихъ. Одна дивизія Нея прикрывала Брукъ и Фрикталь, и только 6 баталіоновъ находились довольно близко, чтобъ воспрепятствовать переправѣ. Необходимость прикрывать огромныя линіи и охранять большое число пунктовъ, обыкновенно влечетъ за собою подобныя невыгоды. Если бы Швейцарія сохраняла неутралитетъ, то 122 батальона и 140 эскадроновъ, составлявшіе рейнскую и дунайскую арміи, представили бы значительную массу силъ между Ульмомъ и Стразбургомъ; между тѣмъ какъ теперь, принужденные прикрывать все пространство отъ Женевы до Диссельдорфа, они составляли дѣйствующую армію не сильнѣе 70 или 75,000, разсѣянныхъ на линіи въ 100 льё длиною; у переправы не было даже 8,000 человѣкъ.

Не соблюдая обыкновенныхъ мѣръ предосторожности, Австрійцы надѣялись навести мостъ подъ огнемъ 40 орудій, обстрѣливавшихъ противуположный берегъ, и не переправили даже войскъ для прикрытія рабочихъ. Бригада Кетара, пришедшая по первой тревогѣ, вскорѣ принуждена была удалиться; австрійскія гаубицы зажгли деревню Деттингенъ. Баталіонъ цюрихскихъ стрѣлковъ засѣлъ въ строеніяхъ; эти храбрые и искусные стрѣлки, вооруженные превосходными винтовками, мѣтко поражали непріятельскихъ понтонеровъ. Съ другой стороны якоря не могли держаться въ каменистомъ днѣ Аара. Такъ прошло нѣсколько часовъ. 10,000 Французовъ, подъ командою Нея, успѣли подойти къ пункту переправы, и это заставило эрцъ-герцога отказаться отъ своего намѣренія. Французы могли почесть неудачу Австрійцевъ большимъ для себя счастіемъ, потому что, еслибъ эрцъ-герцогъ достигъ своей цѣли, то едвали можно исчислить всѣ гибельныя для насъ послѣдствія этой переправы. Массена съ резервомъ находился въ Муттенталѣ; половина арміи его неминуемо бы погибла.

Не смотря на побѣды союзниковъ, коалиціи угрожала опасность отъ возникшаго несогласія между Суворовымъ и вѣнскимъ кабинетомъ. Первою заботою россійскаго фельдмаршала по прибытіи его въ Туринъ, было призвать короля сардинскаго

обратно въ его столицу. Но Тугутъ, хитрый дипломатъ, не хотѣлъ еще рѣшать будущую судьбу Піемонта, и всѣми силами противился намѣренію Суворова. Уже въ Зельцѣ онъ требовалъ нѣсколькихъ провинцій Піемонта, и можетъ быть на возвращеніи короля основывалъ онъ надежду получить отъ него при заключеніи мира новарскую область, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ домомъ савойскимъ дѣлить титулъ и обязанности стража альповъ. Политика эта не нравилась Суворову, и фельдмаршалъ, недовольный уже и прежнею недѣятельностію Края, во время дѣйствій на Требіи, приносилъ теперь столь сильныя жалобы, что совершенное несогласіе угрожало стану союзниковъ.

Лондонскій и вѣнскій кабинеты согласились предложить петербургскому новый операціонный планъ, по которому положено было:

1) Чтобы всѣ россійскія войска, подъ командою Суворова и Корсакова соединились въ Швейцаріи, составили центръ и въ совокупности съ австрійскимъ корпусомъ вторглись во Франшъ-Конте.

2) Чтобы эрцъ-герцогъ Карлъ направилъ главныя силы своей арміи противъ Мангейма, взялъ его обратно и перешелъ Рейнъ, какъ для того, чтобы поддержать Суворова, такъ и для того, чтобы способствовать англо-россійской экспедиціи въ Голландіи.

3) Чтобы сія послѣдняя, подъ начальствомъ герцога іоркскаго, состоявшая изъ 25,000 Англичанъ и 15,000 Русскихъ, подъ командою генерала Германа, освободила Голландію и подкрѣпленная войсками, собраннымъ штатгальтеромъ, и диверсіею эрцъ-герцога, вытѣснила Французовъ изъ Бельгіи.

4) Чтобы Меласъ командовалъ Австрійцами, которымъ предоставлялось теперь однимъ рѣшеніе дѣлъ въ Италіи и очистилъ совершенно отъ непріятелей Лигурію и Піемонтъ.

5) Чтобы россійскій флотъ, покорившій Корфу, поддержалъ осаду Анконы, порученную корпусу генерала Фрёлиха; и наконецъ,

6) Чтобъ Англичане дѣятельно помогали Неаполитанцамъ въ покореніи французскихъ гарнизоновъ, оставленныхъ въ Неаполѣ, Римѣ, Чивитта-Веккіѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Когда Суворовъ, оставивъ Италію, вступилъ въ Швейцарію, эрцъ-герцогъ безъ возраженія долженъ былъ исполнить свое движеніе къ нижнему Рейну. 31-го Августа онъ началъ его; но, не желая оставить Корсакова одного на вѣрное пораженіе которое, казалось, кабинетъ вѣнскій съ намѣреніемъ ему готовилъ, онъ оставилъ Готце съ 25-тысячнымъ корпусомъ въ малыхъ кантонахъ, а 10-тысячный корпусъ Науэндорфа у впаденія Аара въ Рейнъ, для прикрытія Шварцвальда и праваго фланга Русскихъ.

Эрцъ-герцогъ, узнавъ въ Донауэшингенѣ, что генералъ Миллеръ перешелъ Рейнъ съ 18,000 подъ Мангеймомъ и бомбардировалъ Филипсбургъ, отрядилъ въ помощь этому городу корпусъ Старрая, а самъ съ 25,000 слѣдовалъ за нимъ для его подкрѣпленія. Миллеръ не дождался его и перешелъ обратно Рейнъ, оставивъ для охраненія Мангейма слабую

дивизію Ларошa. Эрцъ-герцогъ атаковалъ ее 17-го Сентября, ворвался въ неккерауссное предмостное укрѣпленіе и, не смотря на усилія Нея, приспѣвшаго на помощь, взялъ городъ и 1,500 плѣнныхъ.

Суворову предстояла трудная задача. Попытки Моро, освободить Тортону, заставили его замедлить выступленіемъ; онъ вышелъ изъ Асти 11-го Сентября, т. е. одиннадцатью днями позже эрцъ-герцога, тогда какъ ему для успѣшнаго дѣйствія слѣдовало начать движеніе прежде Австрійцевъ. Онъ могъ выбирать между тремя дорогами: или чрезъ Валисъ вступить въ Ваатландъ, чтобъ сдѣлать диверсію, но въ этомъ случаѣ онъ могъ быть разбитъ отдѣльно; или перейти С. Готардъ безъ артиллеріи, дебушировать къ Швицу и соединиться съ Готце, а обозъ и артиллерію направить къ Куру; или наконецъ, итти по дорогѣ изъ Комо черезъ Сплюгенъ, и безъ боя совершить свое соединеніе черезъ Граубинденъ. Онъ предпочелъ дорогу черезъ С. Готардъ, какъ безопаснѣе первой и короче послѣдней.

Массена, узнавъ черезъ Сюше о движеніи Суворова въ Швейцарію, равно и о томъ, что эрцъ-герцогъ повелъ главныя силы своей арміи къ Мангейму, не могъ не воспользоваться случаемъ разбить Корсакова до прибытія фельдмаршала, потому что, обождавъ побѣдителя при Нови, онъ вѣроятно былъ бы опять опрокинутъ къ Юрѣ; онъ собралъ въ центрѣ 38,000 человѣкъ и рѣшился начать атаку 25-го Сентября.

Сультъ перешелъ Линтъ подъ Шёнисомъ. Готце, подоспѣвшій къ переправѣ при первыхъ выстрѣлахъ, былъ убитъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ штаба; безпорядокъ распространился въ его корпусѣ, который и былъ опрокинутъ къ Тоггенбургу съ уономъ до 5,000 человѣкъ. Мортье атаковалъ Цюрихъ съ лѣваго берега Лиммата. Лоржъ и Менаръ переправились черезъ эту рѣку въ Фарѣ, чтобъ обойти Цюрихъ и взять Цюрихсбергъ.

Корсаковъ получилъ извѣстіе отъ Суворова, что онъ 26-го прибудетъ въ Швицъ; центръ его, стѣсненный впереди малаго города Цюриха, уже былъ готовъ атаковать Альбисъ, когда громъ орудій Фуа и Лоржа со стороны Фара, извѣстилъ его о предстоящей опасности. Имѣя ложное понятіе о положеніи своемъ, россійскій генералъ выдвинулъ впередъ свой лѣвый флангъ между рѣкою Циль и озеромъ, и неблагоразумно завлекся фальшивою атакою генерала Друэ. Только съ прибытіемъ Массены и Лоржа, къ сѣверу отъ Цюриха, онъ постигъ опасность, въ которой находился. Одна дивизія его была въ Вуреплосѣ противъ Брука, и Массена переправою войскъ въ Фарѣ отрѣзалъ ее. Не медля ни мало, Корсаковъ долженъ былъ, или прорваться черезъ Альбисъ и въ Швицѣ соединиться съ Суворовымъ, или всѣми своими силами ударить на Лоржа и перебросить его назадъ за Лиматъ. Корсаковъ не зналъ на что рѣшиться. Страхъ дѣйствовать противъ приказаній Суворова, не позволилъ ему воспользоваться единственнымъ, оставшимся ему благоразумнымъ средствомъ, то есть, броситься на Лоржа. Извѣстіе же о смерти

Готце и пораженіи его корпуса, вполнѣ лишило его присутствія духа; онъ продолжалъ удерживаться съ половиною своихъ силъ между рѣкою Циль и Цюрихомъ, гдѣ Мортье и гренадеры Клейна сражались съ нимъ съ перемѣннымъ счастіемъ въ продолженіи цѣлаго дня. Между тѣмъ, Удино и Лоржъ уже обстрѣливали винтертурскія ворота и заняли высоты, командующія съ сѣвера Цюрихомъ, единственнымъ путемъ отступленія непріятеля.

Наконецъ ночью, Корсаковъ рѣшился отступить. Вся его армія прошла Цюрихъ и дебушировала утромъ 26-го числа, чтобъ открыть себѣ дорогу въ Шафгаузенъ, въ чемъ она и успѣла, опрокинувъ дивизію Лоржа. Но эта дивизія, получивъ подкрѣпленіе, снова атаковала непріятельскую линію и отрѣзала хвосты ея колоннъ, между тѣмъ какъ Мортье ворвался въ Цюрихъ, защищаемый только нѣсколькими застрѣльщичьими взводами. Корсакову удалось достичь Шафгаузена, оставивъ намъ 5,000 раненыхъ, 2,000 плѣнныхъ и почти всю свою артиллерію. Болѣе 10,000 выбыло изъ строю въ его арміи; а въ корпусѣ Готце, по крайней мѣрѣ, пять.

Одержавъ эту блистательную побѣду, Массена извѣстился о успѣхахъ Суворова на С. Готардѣ. Фельдмаршалъ, задержанный три дня въ Люцернѣ, только 23-го и 24-го могъ атаковать Айроло и южный склонъ хребта. Подкрѣпленный Штраухомъ, онъ вытѣснилъ Гюденя, принудивъ его отступить къ Фуркѣ и расположился бивуакомъ у монастыря. Русская колонна изъ 6,000 человѣкъ, подъ командою Розенберга, должна была проложить себѣ дорогу черезъ скалы, льды и пропасти Гриспальтсберга, чтобъ спуститься къ Урзерену и отрѣзать Лекурба, если онъ осмѣлится держаться у чортова моста.

Это смѣлое и трудное движеніе, имѣло полный успѣхъ. Лекурбъ, узнавши въ монастырѣ о приближеніи непріятеля къ Урзерену, рѣшился на отчаянное средство; онъ бросилъ орудія свои въ Рёйссъ, взобрался на гешёненскія скалы, почти неприступныя; продолжалъ нѣсколько времени движеніе по склону ихъ, и наконецъ спустился къ Вазену; но здѣсь узналъ онъ, что долина аммтетская уже занята другою австрійскою колонною, вышедшею изъ Граубиндена, и что Суворовъ, съ своей стороны, разбилъ въ кровопролитномъ дѣлѣ арріергардъ его у чортова моста и соединился съ Розенбергомъ. Отважность Лекурба возрастала съ опасностію; не теряя времени, онъ бросился на австрійскую колонну, которая, будучи угрожаема съ другой стороны резервомъ, шедшимъ на встрѣчу Лекурбу изъ Альторфа, открыла ему дорогу, считая себя счастливою, что не была уничтожена. Послѣ сего онъ переправился черезъ Рёйссъ подъ Зеедорфомъ, разрушилъ мостъ и занялъ позицію тыломъ къ суренскимъ горамъ и бернскому кантону.

Тогда Суворовъ беспрепятственно спустился къ Альторфу и Флуэлену; но тутъ не оставалось уже ни одной удобопроходимой дороги и должно было сѣсть на суда, чтобы переправиться черезъ люцернское озеро, единственное сообщеніе между

кантонами Урп и Люцерномъ. Положеніе Суворова было опасно. У Лекурба была вооруженная флотилія и онъ забралъ не большое число имѣвшихся у жителей судовъ. Не долго колебался фельдмаршалъ: онъ перебрался черезъ отвѣсныя скалы кессеренскихъ горъ въ Шахенталѣ, которыя никогда еще не были переходимы войсками, и которыя самъ Лекурбъ полагалъ неприступными; при этомъ движеніи потерялъ онъ неболшое число остававшихся у него горныхъ орудій, много людей и лошадей, и утомленный прибылъ 28-го въ Муттенталь, тремя днями позже, нежели расчитывалъ.

Извѣстившись о несчастіи Корсакова, онъ надѣялся, по крайней мѣрѣ, быть подкрѣпленнымъ двумя дивизіями праваго фланга Готце, которыя по общему плану должны были занять Гларусъ, и обезопасить сообщенія.

Дѣйствительно, эти двѣ дивизіи, подъ командою Елашича и Линкена, атаковали 25-го числа отдѣльно стоявшую бригаду Молитора. Елашичъ дебушировалъ къ Везену по дурной тропинкѣ, идущей вдоль валленштадтскаго озера. Молиторъ изумилъ его сильнымъ сопротивленіемъ, и когда австрійскій генералъ, уже безъ того находившійся въ настоящей западнѣ, узналъ еще о пораженіи и смерти Готце, то полагалъ себя погибшимъ, если останется тутъ долѣе, и отступилъ къ Валленштадту.

Линкенъ на слѣдующій день дебушировалъ тремя колоннами изъ Граубинденa черезъ дефиле Энги и Тодибергъ, спустился въ сернстскую долину, захватилъ отдѣльно стоявшій въ горахъ батальонъ бригады Молитора и подходилъ уже къ Гларусу; но, освободившійся отъ Елашича Молиторъ оказалъ ему весьма сильное сопротивленіе. Линкенъ, узнавъ объ участи своего товарища и опасаясь быть взятымъ въ плѣнъ, отступилъ обратно по дорогѣ въ Граубинденъ. Нельзя не замѣтить здѣсь, какъ удачно генералъ Молиторъ съ 4 французскими и 2 швейцарскими батальонами, умѣлъ отстоять этотъ рѣшительный пунктъ соединенія 12,000 австрійцевъ съ Суворовымъ. Конечно, мѣстность ему благопріятствовала, но нельзя не отдать должной справедливости его твердости, дѣятельности и рѣшительности.

Суворовъ тотчасъ выступилъ изъ Муттена къ Брагелю, трудно-проходимому хребту, гдѣ опять наткнулся на авангардъ Молитора, успѣвшаго всѣмъ сопротивляться. Это обстоятельство убѣдило фельдмаршала въ томъ, что австрійцевъ не было уже въ Гларусѣ; въ то же время для умноженія затруднительности его положенія, Массена и Мортье съ побѣдоносными при Цюрихѣ войсками достигли Швица, а гренадеры Клейна Эйнзиделя. Малѣйшая нерѣшительность могла погубить Русскихъ. Къ счастію ихъ, Оффенбергъ и Багратіонъ успѣли опрокинуть 30-го въ Клёнталѣ небольшой авангардъ Мортье, и спустились внизъ къ Гларусу. Суворовъ съ Дерфельденомъ слѣдовалъ за ними. Остававшійся въ Муттенталѣ генералъ Розенбергъ, былъ атакованъ 1-го Октября войсками Мортье, и послѣ славной обороны, опрокинулъ его и оттѣснилъ до самаго Швица. Освобожденный этимъ

счастливымъ успѣхомъ, арріергардъ достигъ Брагеля безъ потери. Молиторъ отошелъ за Линтъ, къ Неффельсу. Багратіону было поручено аттаковать его 1-го Октября. Объ стороны дрались съ остервененіемъ: небольшой отрядъ Молитора дѣлалъ чудеса храбрости, но непріятель не уступалъ ему, пока наконецъ дивизія Сульта, возвращавшаяся съ преслѣдованія остатковъ корпуса Готце, отброшенныхъ ею до Граубиндена, рѣшила побѣду. Положеніе Суворова сдѣлалось еще опаснѣе послѣ этого происшествія и онъ не долженъ былъ терять ни минуты. Онъ бросился въ Граубинденъ по тропинкамъ Паникса и Энги, то есть вдоль склоновъ Тодиберга; дорога эта ужасна, даже и въ хорошее время года, а тогда, покрытая глубокимъ снѣгомъ, она была еще опаснѣе и затруднительнѣе. У подошвы этого ущелья было брошено небольшое число остававшихся еще лошадей и лошаковъ. Сотни людей гибли въ пропастяхъ. Не возможно описать всѣ ужасы этого отступленія. Слава пріобрѣтается не однѣми опасностями битвъ и побѣдъ: не менѣе достойна ея и борьба со стихіями, природою и недостатками всякаго рода; въ этомъ отношеніи, было мало событій въ продолженіе всего похода, принесшихъ болѣе славы войскамъ обѣихъ сторонъ.

Между тѣмъ, усиленный нѣсколькими отрядами Баварцевъ и малою арміею Конде, пришедшаго изъ Россіи съ 3 или 4000 эмигрантовъ для завоеванія Франціи, Корсаковъ чувствовалъ, что ему должно, во что бы то ни стало, помочь главнокомандующему въ его сомнительномъ положеніи, чтобы хотя нѣсколько загладить пораженіе подъ Цюрихомъ. Въ этомъ намѣреніи, двинулся онъ черезъ Констанцъ и Буспигенъ къ Винтертуру; но, атакованный рѣзервами и дивизіями Лоржа и Менара, онъ былъ принужденъ отступить за Рейнъ и снять за собою мосты.

Я говорилъ уже, что эрцъ-герцогъ по повелѣнію своего кабинета повелъ армію къ Мангейму. Вскорѣ получилъ онъ извѣстіе о бѣдственномъ сраженіи подъ Цюрихомъ; это побудило его отказаться отъ всякаго другаго плана и содѣйствовать единственно спасенію арміи; со всевозможною поспѣшностію двинулся онъ обратно къ Донауэшингену.

Эрцъ-герцогъ предлагалъ Суворову соединиться съ нимъ и снова вторгнуться въ Швейцарію черезъ Шафгаузенъ. Суворовъ съ своей стороны хотѣлъ итти туда черезъ Рейнэкъ. Австрійскій полководецъ не одобрялъ этого двойнаго, раздѣльнаго плана дѣйствій, и русскій фельдмаршалъ, обиженный этимъ, двинулся въ Баварію и расположилъ войска свои на кантонир-квартирахъ.

Во время этихъ происшествій въ Швейцаріи, Англичане и Русскіе привели въ исполненіе предположенное вторженіе въ Голландію. Аберкрёмби 27 Августа первый высадился въ сѣверной Голландіи съ 3000 Англичанъ, за которыми на другой день послѣдовали еще 12,000. Онъ встрѣтилъ только слабую дивизію Дендельса, которая не въ состояніи была ему сопротивляться. Англійская эскадра адмирала Мичеля вошла въ Тексель; голландская, возбужденная приверженцами оранскаго дома,

взбунтовалась и заставила адмирала Стори поднять флагъ штатгальтера и сдать эскадру Англичанамъ.

Узкій полуостровъ сѣверной Голландіи способствовалъ безопасности первой высадки, но вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятствовалъ и оборонѣ Брюна. Сосредоточивъ подъ Алькмаэромъ французскія дивизіи Гувьона и Вандамма и двѣ батавскія Дюмонсо и Дендельса, онъ имѣлъ до 22,000 человѣкъ. 10 Сентября онъ хотѣлъ вытѣснить Аберкрёмби изъ выгодной его позиціи при Слаперъ-Дикѣ, но былъ опрокинутъ.

Въ то же время принцъ оранскій показался на границахъ Фрисландіи; но приверженцы его были тогда еще малочисленны и не могли ничего сдѣлать въ его пользу.

Наконецъ, 16 Сентября, Русскіе и Англичане высадили остальныя силы экспедиціи, назначенной состоять подъ начальствомъ герцога Іоркскаго, и число ихъ возросло до 35,000. Армія Брюна была усилена прибывшими подкрѣпленіями до 28,000.

Союзники 19 Сентября атаковали Брюна при Алькмаэрѣ; Русскимъ должно было произвесть главную атаку при Бергенѣ, но большая часть англійскихъ войскъ, вмѣсто того, чтобы ихъ поддержать надлежащимъ образомъ, бросилась безъ всякой причины въ зюдерзейскіе каналы. Русскіе раздѣлились на двѣ колонны: одна, подъ начальствомъ самого генерала Германа, атаковала Вандамма и опрокинула его за Бергенъ; но Гувьонъ и Ростолланъ во время прислали на помощь французской дивизіи, и колонна Русскихъ, атакованная съ фронта и фланга, была совершенно разбита. Самъ Германъ попалъ въ плѣнъ съ 2000, прочіе остались на мѣстѣ или разсѣялись. Эссенъ, наступавшій со второю колонною Русскихъ, болѣе влѣво, былъ атакованъ въ свою очередь и, угрожаемый съ тылу, отступилъ за Зейпъ. Дендельсъ, поддержанный русскою бригадою, одержалъ сначала верхъ надъ Дюмонсо при Шоорлдамѣ; но подкрѣпленія, которыя Брюнъ успѣлъ прислать сему послѣднему, принудили непріятеля отступить съ уономъ. Пёльтней одержалъ въ центрѣ маловажный успѣхъ надъ Дендельсомъ, но вскорѣ послѣ того опять возвратился въ свою позицію. Аберкрёмби, встрѣтившій на лѣвомъ флангѣ подъ Гоорномъ только слабые отряды, утомилъ свои войска движеніями по ужаснымъ дорогамъ, не принявъ ни какаго участія въ дѣлѣ.

2 Октября было сдѣлано вторичное покушеніе при Эгмонтъ-опъ-Зее. На этотъ разъ Аберкрёмби направилъ главную атаку на лѣвый флангъ Брюна; благопріятствуемый флотиліями, обстрѣливавшими берегъ, онъ принудилъ Брюна отступить къ Алькмаэру и выждать тамъ дивизію Буде, которая 5-го числа должна была прійти изъ Бельгіи. Чтобы выйти изъ невыгоднаго мѣстоположенія, въ которое они попали, Англичане хотѣли двинуться 6-го къ Гарлему. Дѣло началось при Кастрикумѣ, и союзники были снова опрокинуты съ значительнымъ уономъ.

Союзная армія была окружена каналами Зейпа; осенніе дожди еще болѣе затрудняли ея положеніе; извѣстіе о цюрихскомъ сраженіи лишало ее всякой надежды на помощь

со стороны Рейна; приверженцы орапскаго дома оставались въ бездѣйствіи, а взятіемъ батавскаго флота, Англія достигла уже въ половину своей цѣли. Эти обстоятельства заставили герцога іоркскаго рѣшиться на возвращеніе въ Лондонъ; онъ обеспечилъ удаленіе свое, не слишкомъ славнымъ договоромъ объ очищеніи запятой имъ страны. Договоръ этотъ былъ подписанъ 18-го Октября.

Въ такомъ-то положеніи были дѣла наши, при возвращеніи моемъ въ Парижъ. Голландія и Швейцарія только что были освобождены отъ непріятелей, и притомъ въ то рѣшительное мгновеніе, когда соединеніе россійскихъ силъ въ средоточіи театра войны угрожало вторженіемъ самой Франціи. Но безначаліе, болѣе нежели когда либо, владычествовало внутри государства, и союзники продолжали одерживать въ Италіи успѣхи, довольно значительные, чтобы заставить насъ опасаться за наши южные департаменты, въ которыхъ начинали приходить въ волненіе разнородныя страсти партій, подавая новыя причины къ безпокойствамъ.

Движеніе эрцъ-герцога отъ Мангейма, на помощь Суворову, было причиною отданнаго Лекурбу приказанія перейти опять Рейнъ и покорить Филипсбургъ: ему удалось обложить эту крѣпость; но Старрай, получившій подкрѣпленія, вторично принудилъ насъ отказаться отъ нашего намѣренія. Перемиріе положило конецъ этому предпріятію, не имѣвшему никакого непосредственнаго вліянія на судьбу войны.

Въ Италіи не удалось гораздо важнѣйшее предпріятіе. Шампіоне, принявшій послѣ Жубера и Моро главное начальство въ альпахъ и Италіи, долженъ былъ воспользоваться отбытіемъ Суворова и освободить Конп, единственную крѣпость, которую мы еще удерживали на склонѣ хребта къ Піемонту, и которую Меласъ готовился осадить.

Для воспрепятствованія этому было приведено въ движеніе болѣе 50,000 человѣкъ отъ Спеціи и Бокетты, черезъ Коль-д'Аржантьеръ до самаго Монъ-Чениса. Шесть или семь корпусовъ, разсѣянныхъ на этомъ огромномъ пространствѣ, едва ли могли успѣшно дѣйствовать противу Меласа, сосредоточеннаго со всѣми силами на Стурѣ, между Туриномъ и Александріею и бывшаго въ состояніи устремить массы свои по произволу въ одинъ или два перехода туда, куда бы потребовали того обстоятельства.

Это было совершенное повтореніе сраженія при Риволи, только въ масштабѣ, въ десятеро большемъ.

Въ концѣ Сентября, Шампіоне атаковалъ Мондови, и былъ опрокинутъ; въ концѣ Октября онъ сдѣлалъ вторичное сильнѣйшее нападеніе; но та же ошибка должна была имѣть тѣ же слѣдствія. Хотя Сенъ-Спръ съ правымъ флангомъ и одержалъ 24-го Октября весьма блистательный частный успѣхъ у Нови, но дивизіи центра, дѣйствовавшія на Фоссано безъ всякаго единодушія, были разбиты 3-го Ноября 34,000 Австрійцевъ, которые подавили ихъ превосходствомъ силъ. Дюхемъ, дебушировавшій въ тоже время, съ лѣвымъ флангомъ чрезъ Фенестреллу и Салуччо къ Савильяно, былъ опрокинутъ въ свою

очередь, и долженъ былъ отступить къ подошвѣ горъ. Сенъ-Сиръ успѣшно дѣйствовалъ подъ Нови противъ Края, подкрѣпленнаго дивизіею изъ Валиса, бывшею тамъ излишнею по причинѣ глубокаго снѣга, выпавшаго на Симплонѣ и С. Готардѣ. Но когда центръ былъ снова разбитъ 10-го Ноября при Мондови, а лѣвый флангъ отброшенъ въ альпы, соединеніе французскихъ войскъ сдѣлалось невозможнымъ, и ничто уже не мѣшало Меласу дѣятельно вести осаду Кони; крѣпость сдалась на капитуляцію 4-го Декабря. Тогда Край опрокинулъ Сенъ-Сира на Боккетту, а Клепау пытался овладѣть Генуею, но напрасно.

Между тѣмъ, какъ Меласъ увѣнчалъ славный походъ 1799-го года этими искусными дѣйствіями, генералу Фрёлиху поручено было покорить Анкону, въ которой генералъ Монье держался во все время кампаніи, не смотря на приближеніе россійской эскадры и наблюдательнаго корпуса, составленнаго изъ Русскихъ, Турокъ и взбунтовавшихся поселянъ. Наконецъ осада началась 1-го Ноября, и крѣпость, не смотря на отличную оборону Монье и малочисленнаго гарнизона, сдалась 12-го. Гарнизонъ, состоявшій изъ 2,700 человѣкъ, покрылся славою, и былъ отпущенъ на честное слово во Францію.

Такъ кончился знаменитый походъ 1799-го года, столь обильный событіями, который я долженъ былъ представить въ краткомъ обзорѣ, чтобы показать положеніе дѣлъ въ то время, когда я былъ назначенъ консуломъ.

—

ГЛАВА VI.

Возвращеніе изъ Египта. 18 Брюмера. Наполеонъ назначенъ первымъ консуломъ. Походъ 1800 года. Сраженія при Энгенѣ и Мескирхѣ. Массена обложенъ въ Генуѣ. Переходъ черезъ С. Бернардъ. Сраженіе при Маренго. Перемиріе. Безполезные переговоры съ Австріею. Новый разрывъ. Сраженія при Гогенлиденѣ и на Минчіо. Люневильскій миръ. Положеніе неутральныхъ державъ. Морское сраженіе при Копенгагенѣ. Питтъ оставляетъ министерство. Кончина императора Павла I. Начало переговоровъ съ Англіею. Лондонскія предварительныя статьи. Договоръ съ Россіею. Портою и Соединенными Штатами. Экспедиція въ С. Доминго. Присоединеніе Піэмонта. Конкордатъ. Учрежденіе италіянской республики. Аміенскій миръ. Контрреволюція въ Швейцаріи. Актъ посредничества. Посредничество Франціи и Россіи въ дѣлѣ о вознагражденіяхъ въ Германіи.

—

Необходимость слѣдовать за связью военныхъ дѣйствій, заставила меня нѣсколько опередить событія: мы должны возвратиться къ кораблю, который, вышедъ въ море изъ Александріи 24-го Августа, несъ меня и судьбу всей Европы. Переѣздъ нашъ былъ нѣсколько продолжителенъ, но счастливъ: 6-го Октября я вышелъ на берегъ въ Фрежюсѣ.

Владимиръ Константиновичъ
Крамаренко

Присутствіе мое возбудило энтузіазмъ народа. Военная слава моя успокоила всѣхъ, страшившихся непріятельскаго вторженія. Проѣздъ мой походилъ на тріумфальное шествіе, и достигнувъ Парижа, я убѣдился, что Франція зависѣла отъ моей воли, что все въ ней созрѣло для великаго переворота.

Послѣ революціи, сокрушившей до основанія общественное зданіе, измѣнившей всѣ выгоды, всѣ обычаи, правительство, желающее положить конецъ этимъ потрясеніямъ, не должно довольствоваться исправленіемъ законовъ, рожденныхъ безумiемъ духа партій или изданныхъ въ состояніи совершеннаго изступленія; оно должно замѣнить ихъ конституціонною хартіею, которая бы непарушимо утвердила главныя, основныя положенія органическихъ законовъ и въ особенности обеспечила общественную свободу; предоставить времени и опытности издавать исподволь частные законы, утверждающіе ходъ правленія и собраніе узаконеній, которыми бы опредѣлялись права и обязанности гражданъ. Каждый просвѣщенный человѣкъ чувствовалъ, что конституція III-го года ни куда не годилась, и что утвержденное ею управленіе было вовсе несообразно, а правители не имѣли никакихъ способностей; но не всѣ соглашались на счетъ средствъ, могущихъ исправить зло.

Способы для уничтоженія этого зла, разрушающаго представительную и избирательную державу, болѣе или менѣе затруднительны, смотря по положенію, въ которое она приведена прежними событіями. Съ перваго взгляда кажется самымъ простымъ и естественнымъ средствомъ, ввѣрить законодательному корпусу право исправить конституціонную хартію. Но придерживаясь этой системѣ, не должно ли опасаться, что совѣщательныя сословія, желая ограничить исполнительную власть, станутъ пользоваться всякимъ случаемъ уничтожать ее, что каждый день будутъ являться новые честолюбцы, и что наконецъ непріязненныя столкновенія двухъ властей ниспровергнутъ вскорѣ первоначальныя учрежденія. Если же, напротивъ того, ввѣрить исполнительной власти это право измѣненій, то не увеличится ли опасность, и налагая оковы на совѣщательныя собранія, не принудятъ ли ихъ подъ предлогомъ общественнаго блага къ само-уничтоженію, подобному тому, которое разрушило 18-го Фруктидора законодательный корпусъ? Притомъ, какую довѣренность можетъ внушить договоръ, существованіе котораго зависитъ отъ произвола правительствующихъ лицъ, которыхъ обязанности въ немъ едва означены, а власть весьма неопредѣлительна?

Если бы, избѣгая этихъ двухъ опасностей, ввѣрили охраненіе конституціи третьей власти и вмѣстѣ съ тѣмъ возложили бы на нее введеніе большихъ преобразованій, требуемыхъ нуждами и желаніями всего народа, то не трудно предвидѣть, что цѣль не была бы достигнута; исполнительная власть, распоряжающая государственною казною и арміею, заключающая союзы и раздающая мѣста, будетъ неминуемо управлять этою новою властію, или вскорѣ

придетъ съ нею въ столкновеніе. Каковы бы ни были послѣдствія этой борьбы, они всегда будутъ гибельны: потому что государственный ударъ противъ этого собранія содѣлается неизбѣжнымъ, если оно не согласится добровольно принять недостойную роль Тиверіева сената, или, напротивъ того, не овладѣетъ верховною властью, какъ нѣкогда мятежный сенатъ въ Стокгольмѣ.

Эта истина, выведенная изъ многихъ опытовъ, служитъ доказательствомъ, что представительное правленіе, зараженное духомъ безначалія, не можетъ быть подвержено перемѣнамъ безъ того, чтобы не приводить ежеминутно въ опасность свободу, или не потрясать государство учрежденіями, рождающими то зло, которое хотятъ искоренить.

Но когда учрежденная для этого власть, не представляетъ въ пользу исправленій почти никакого ручательства, то необходимо должно прибѣгнуть къ переворотамъ, производимымъ штыками. Это средство хотя не менѣе ужасно, но примѣненіе его не всегда было гибельно для народовъ, къ нему прибѣгавшихъ. И въ самомъ дѣлѣ, что бы ни говорили противъ этого политики, которые хотятъ подвергнуть ходъ государственныхъ дѣлъ неизмѣннымъ правиламъ, но разогнаніе парламента Кромвелемъ, стокгольмскаго сената Густавомъ III и 18 Брюмера, служатъ доказательствами, что употребленіе вооруженной силы въ великихъ опасностяхъ, угрожающихъ народу, также можетъ быть признано однимъ изъ спасительныхъ средствъ. Впрочемъ, если мое мнѣніе и подкрѣпляется этими важными историческими событіями, то еще остается вопросъ, черезъ кого и въ какихъ обстоятельствахъ должно прибѣгать къ этимъ мѣрамъ, чтобы не сдѣлать ихъ въ тысячу разъ ненавистнѣе, нежели все зло, происходящее отъ ошибочныхъ учрежденій, или чтобы не довести народа до отвратительныхъ переворотовъ римской имперіи во время ея паденія. Такъ какъ я не намѣренъ углубляться въ подробности, относительно гражданскаго права, то ограничусь лишь тѣми замѣчаніями, которыя необходимы, чтобы справедливо оцѣнить событіе, которое считаю долгомъ представить съ нѣкоторыми подробностями.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, вся Франція требовала разсмотрѣнія конституціи и уничтоженія множества законовъ, введенныхъ изступленными собраніями. Общественное мнѣніе отвергало эту директорію, которая, въ продолженіе двухлѣтняго управленія своего, произвела только однѣ бѣдствія, которая 18-го Фруктидора и 22-го Флореаля явилась съ властью деспотическою, а 30-го Преріаля показала всю низость и ничтожество свое. Постыдные споры, ежедневно раждавшіеся въ совѣщательныхъ собраніяхъ, также уже наскучили, а постоянно-непріязненное положеніе ихъ противъ исполнительной власти, заставляло желать болѣе опредѣленнаго равновѣсія между высшими присутственными мѣстами республики.

Сіесъ, занимавшій три мѣсяца высшее правительственное мѣсто, слѣдилъ наблюдательнымъ окомъ за общественнымъ мнѣніемъ. Извѣстный не только хорошимъ успѣхомъ своихъ

дипломатическихъ порученій, но и способностію въ дѣлахъ управленія, онъ, сверхъ того, обладалъ еще народностью, которую пріобрелъ первыми своими сочиненіями; онъ составилъ планъ, по которому существовавшія высшія правительственныя мѣста должны были замѣниться правленіемъ, имѣющимъ болѣе силы и единства, которое въ особенности обеспечило бы права и собственность гражданъ. Онъ желалъ этого тѣмъ болѣе, что якобинцы, недовольные закрытіемъ манежа, уже явно нападали на него въ своихъ журналахъ и требовали, чтобы совѣты объявили выборъ его недѣйствительнымъ и противнымъ правиламъ конституціи: нѣкоторые полагали, что онъ хотѣлъ возвести на престолъ одного изъ брауншвейгскихъ принцевъ, и что поѣздка его въ Берлинъ не имѣла иной цѣли. Другіе же думали, что этотъ хитрый изобретатель конституцій готовилъ собственно для себя пожизненное президенство республики. Предпріятіе это, конечно, было опасно, однако возможно; потому что вся Франція была нѣкоторымъ образомъ въ заговорѣ, и сами члены директоріи содѣйствовали къ разрушенію зданія, которое поддержать были уже не въ состояніи. Планъ Сіеса былъ скоро принятъ многими членами законодательнаго собранія, и въ особенности совѣта старѣйшинъ; однихъ побуждало обманутое честолюбіе, другихъ желаніе имѣть вѣсъ въ государствѣ; наконецъ, благоразумнѣйшихъ страшила мысль, что при множествѣ препятствій, ходъ государственныхъ дѣлъ непремѣнно долженъ остановиться. Напротивъ того, совѣтъ пяти сотъ, считавшій еще въ числѣ своихъ членовъ многихъ ревностныхъ республиканцевъ, не смотря на то, что былъ очищенъ въ знаменитый день Флореаля, не хотѣлъ согласиться на перемѣны, клонящіяся къ уничтоженію конституціи III года. Между тѣмъ, вспомоществуемый славою, которою я покрылъ все мое семейство, и движимый пронырливымъ нравомъ своимъ, не измѣнившимся и въ послѣдствіи, братъ мой Луціанъ, президентъ этого совѣта, умѣлъ составить въ немъ сильную партію.

Человѣкъ, на котораго Сіесъ болѣе всего надѣялся, былъ Талейранъ, подъ начальствомъ котораго онъ находился во время посольства своего въ Берлинъ, когда Талейранъ завѣдывалъ еще портфелемъ иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ согласія въ образѣ мыслей, бывшій министръ горѣлъ нетерпѣніемъ отмстить за клевету, которой онъ сталъ жертвою нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Только блистательнымъ торжествомъ могъ онъ пріобресть прежнее уваженіе, и для этого готовъ былъ на все рѣшиться.

Но подобный переворотъ не могъ быть исполненъ безъ содѣйствія и согласія войскъ: должно было привлечь на свою сторону кого нибудь изъ генераловъ, извѣстныхъ въ арміи, который былъ бы столько уступчивъ, чтобы слѣдовалъ по начертанному пути и остановился тамъ, гдѣ ему назначатъ. Генералы Моро и Жуберъ были единственные, на которыхъ сначала обратили вниманіе. Первый навлекъ на себя нѣкоторую недовѣрчивость двусмысленнымъ

поведеніемъ своимъ 18-го Фруктидора; второй же палъ на полѣ брани, въ ту самую минуту, когда надѣялись, что онъ пріобрететъ побѣдою достаточный блескъ, чтобы довести къ цѣли это великое предпріятіе.

Изъ этого можно видѣть, что умы были надлежащимъ образомъ приготовлены, когда я, руководимый счастіемъ, вышелъ на берегъ въ Фрежюсѣ, 6-го Октября, ускользнувъ какъ бы чудомъ, изъ рукъ англійскихъ крейсеровъ. Пріѣздъ мой и единодушный восторгъ, сопровождавшій меня до Парижа, заставили меня дѣйствовать рѣшительно. Сіесъ понялъ, что безъ меня ничего не сдѣлаетъ, и потому поспѣшилъ, вмѣстѣ съ Луціаномъ, представить мнѣ всѣ нити заговора; и тогда было рѣшено, мечемъ моимъ окончить все, что предположили они и приготовили.

Никогда, можетъ быть, обстоятельства не были такъ благопріятны для исполненія подобнаго плана. Большинство директоріи состояло изъ трехъ ничего не значащихъ людей. Одинъ только Баррасъ пользовался нѣкоторою извѣстностью, которою онъ одолженъ былъ происшествіямъ Вандемьера и незначительнымъ заслугамъ, оказаннымъ во флотѣ. Если бы эти три директора имѣли болѣе народности и были искуснѣе, то легко бы могли разрушить нашъ заговоръ тѣмъ оружіемъ, которое представляла имъ самая конституція. Но они допустили обмануть себя и оставались въ бездѣйствіи. Они даже не были согласны между собою, и Баррасъ первый готовъ былъ признать необходимость измѣненія государственныхъ постановленій, съ тѣмъ только, чтобъ играть роль и при новомъ порядкѣ вещей.

Хотя со времени происшествій Преріаля, трое изъ членовъ директоріи были замѣщены другими, но не менѣе того общее мнѣніе о ней не перемѣнилось, и вновь избранные должны были страдать за ошибки своихъ предшественниковъ, потому что произведенное зло все еще было чувствительно. Слѣдовательно, руководители совѣщательныхъ собраній могли навѣрное полагать, что никто не подастъ голоса въ пользу большинства директоріи. Тріумвиратъ этотъ не могъ ожидать никакой помощи, ни внѣ границъ, ни въ арміяхъ. Побѣды Массены въ Швейцаріи и Брюна въ Голландіи уравновѣшивались пораженіями италіянской арміи, разстройство и слабость которой оставляли почти безъ прикрытія границу приморскихъ Альповъ. Исполненіе предписаннаго набора дѣлалось ежедневно затруднительнѣе: недостатокъ, которому были преданы въ жертву только что сформированные вспомогательные батальоны, не слишкомъ побуждалъ конскриптовъ спѣшить подъ знамена. Хотя новобранцы и шли въ походъ, но это вынужденное отправленіе увеличивало только всеобщее негодованіе. Патріотическій восторгъ 1792 года исчезъ вмѣстѣ съ обстоятельствами, его породившими; а дѣйствія правительства стремились погасить и послѣднюю искру его.

Прибавьте къ этому, что побѣды иностранцевъ раздули опять пламень междуусобной войны въ западныхъ департаментахъ, и что бурные отголоски 1793 года, раздававшіеся въ

клубѣ манежа, были нѣкоторымъ образомъ причиною возстановленія ненавистнаго закона избранія амапатовъ между дворянствомъ, родственниками эмигрантовъ и богатѣйшими владѣльцами областей, объявленныхъ преданными королю. Эта бѣдственная мѣра не только не привела къ желанной цѣли, но еще сильнѣе раздула пламень: въ Пуату и въ Бретани снова начались кровопролитія и убійства.

Финансы были разстроены, кредитъ подорванъ; слабое вспоможеніе, доставленное вынужденнымъ займомъ, ничего не исправило, и эта ненавистная мѣра возбудила только всеобщее негодованіе, не покрывъ недоимка финансовъ.

Слабость правительства и ошибочныя постановленія его равно содѣйствовали къ паденію Франціи. Я опять нашелъ въ ней полное безначаліе. Всякій хотѣлъ спасать отечество и предлагалъ свои планы. Мнѣ сообщали ихъ, и я скоро замѣтилъ, что при всѣхъ этихъ предположеніяхъ не было ни одного человѣка, способнаго счастливо исполнить ихъ и дать имъ соотвѣтственное направленіе. И такъ, я долженъ былъ сдѣлаться опорою для всѣхъ, почитавшихъ перемѣну во Франціи необходимою. Они всѣ надѣялись на меня, потому что имъ былъ нуженъ мечъ. Я же ни на кого не надѣялся, и потому ни что не препятствовало мнѣ избрать тотъ планъ, который наиболѣе согласовался съ моими собственными видами.

Счастіе вручало мнѣ кормило правленія. Мнѣ было назначено быть не предводителемъ переворота: эта роль была уже мала для меня; но полнымъ распорядителемъ, властелиномъ его. Мнѣ предстояло рѣшить будущую судьбу Франціи, а можетъ быть и всей вселенной.

Правленіе директоріи клонилось къ концу. Ее должно было замѣнить грозною, внушающею уваженіе властью, а для этого необходима была слава военная. Директорія могла быть замѣщена только мною или анархіею. Франція не могла колебаться въ этомъ выборѣ, и я долженъ былъ покориться общественному мнѣнію.

Республиканцы, принявшіе меня сначала съ восторгомъ, скоро сдѣлались ко мнѣ недовѣрчивѣе. Они замѣчали начала диктатуры во власти, которую мнѣ хотѣли ввѣрить, и составили партію противъ меня. Самое присутствіе Сіеса не могло ихъ успокоить. Хотя онъ и взялъ на себя начертать конституцію; но якобинцы болѣе страшились моего меча, нежели надѣялась на разсчетливое перо бывшаго аббата.

Тогда всѣ партіи собрались подъ двумя знаменами: на одной сторонѣ были республиканцы, сопротивлявшіеся моему возвышенію; на другой вся Франція, желавшая его. Однако же государственный ударъ и дѣйствіе штыковъ были необходимы для произведенія переворота 18-го Брюмера. Я надѣялся нѣсколько времени, что намъ удастся совершить его, не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ.

Знакъ къ началу былъ поданъ въ совѣтѣ старѣйшинъ, гдѣ мы имѣли на своей сторонѣ всѣхъ умѣренныхъ и образованнѣйшихъ людей, уступчивыхъ и гибкихъ честолюбцевъ, и

наконецъ нѣсколькихъ ученыхъ законодателей, настоящихъ алхимиковъ политики, искавшихъ совершеннаго равновѣсія властей въ государствѣ, какъ философскаго камня. Но, ожидая сильной оппозиціи, мы согласились съ смотрителями опредѣленной для засѣданій залы, принадлежавшими также къ заговору, назначить 18-го Брюмера (9-го Ноября) чрезвычайное собраніе въ 8 часовъ утра, соблюдая при томъ ту предосторожность, чтобы члены, могущіе болѣе прочихъ возстановить противъ насъ мнѣніе своихъ товарищей, были увѣдомлены объ этомъ нѣсколько позже. Какъ только собралось достаточное большинство 150 членовъ, тотчасъ же положено было перевести совѣщательныя собранія въ Сенъ-Клу, гдѣ они были болѣе безопасны отъ демагоговъ и приверженцевъ директоріи, если бы тѣ или другіе покусились привлечь на свою сторону жителей столицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было поручено главное начальство надъ войсками и дана необходимая власть, чтобы выполнить это перемѣщеніе и обеспечить безопасность какъ общественную, такъ и совѣщательныхъ собраній.

Порученіе это само по себѣ было уже ударомъ государственнымъ, потому что, если совѣтъ старѣйшинъ и имѣлъ право перемѣнить мѣстопребываніе собраній, онъ не былъ въ правѣ раздавать военныя мѣста. Всѣ необходимыя мѣры были взяты въ точности. Совѣтъ пяти сотъ, извѣщенный о декретѣ перемѣщенія засѣданій, начиналъ уже роптать; но президентъ его Луціанъ объявилъ засѣданіе закрытымъ и назначилъ слѣдующее на другой день въ Сенъ – Клу.

До сихъ поръ я раздѣлялъ главную роль съ Сіесомъ; но, принявъ начальство надъ войсками, я расположилъ главную квартиру мою въ Тюльери, и тотчасъ же сосредоточилъ тамъ 8,000 ч. Я сдѣлалъ имъ смотръ и произнесъ рѣчь. Важнѣйшіе посты были ввѣрены преданнѣйшимъ генераламъ. Всѣ недовольные директоріею спѣшили подъ мои знамена и просили употребить ихъ; Моро былъ изъ первыхъ. Высокопарными прокламаціями требовалось отъ жителей Парижа спокойствія и довѣренности къ любимцу счастія и побѣдъ: я обѣщалъ имъ благоденствіе отечества, и могъ выполнить обѣщаніе, потому что половина поля сраженія уже была въ моей власти. Я послалъ къ директорамъ Баррасу, Гойе и Муленю, повелительное предложеніе подать въ отставку; военные рѣшились повиноваться; но адвокатъ сопротивлялся. Баррасъ доставилъ мнѣ просьбу объ увольненіи, черезъ своего секретаря, вѣроятно въ той мысли, что я, изъ уваженія къ нашимъ прежнимъ отношеніямъ, дозволю ему принять значительное участіе во вновь образуемомъ правленіи; но я слишкомъ хорошо зналъ Барраса, чтобъ взять его въ товарищи. Посланный его прибылъ въ комитетъ, который былъ составленъ нами въ Тюльери, изъ части совѣта старѣйшинъ и меньшей половины директоріи (Сіеса и Рожера-Дюко), и въ которомъ находилась большая часть начальниковъ войскъ. Я чувствовалъ, что эта минута была очень выгодна, чтобы произвесть сильное впечатлѣніе на войска и присутствующихъ, и

потому, давъ довольно сухой отвѣтъ посланному Барраса, я прибавилъ громко:

«Что сдѣлали вы изъ этой Франціи, «которую я вамъ оставилъ въ такомъ «блистательномъ положеніи? Я оста«вилъ вамъ миръ, и нахожу войну; «оставилъ вамъ побѣды, и нахожу «одни пораженія; оставилъ милліоны «Италіи, и нахожу вездѣ угнетенія, «грабежи и бѣдствія. Что сдѣлали «вы изъ сотни тысячъ Французовъ, «которыхъ всѣхъ я зналъ, которые «всѣ были моими сподвижниками въ «побѣдѣ и славѣ? ихъ уже нѣтъ!..... «Подобный ходъ дѣлъ не можетъ «продолжаться..... Еще три года и «онъ доведетъ насъ до деспотизма! «Время, наконецъ, отдать защитни«камъ отечества ту довѣренность, на «которую они пріобрели столько пра«ва. По мнѣнію нѣкоторыхъ бунтов«щиковъ, мы враги республики; мы, «которые утвердили ее нашими по«двигами и нашимъ мужествомъ: пусть «всѣ любятъ свое отечество такъ, «какъ эти храбрые, изувѣченные на «службѣ республики.»

На слѣдующій день, законодатели отправились въ Сенъ-Клу въ сопровожденіи пяти тысячъ войска, занявшаго всѣ выходы и ворота замка. Совѣтъ старѣйшинъ имѣлъ засѣданія свои въ старой галереѣ и въ оранжереѣ. Необходимыя приготовленія этихъ комнатъ позволили открыть засѣданіе не прежде двухъ часовъ по полудни, и дали время начальникамъ республиканской партіи условиться въ планѣ сопротивленія или лучше сказать нападенія. Засѣданія открылись самымъ бурнымъ образомъ. Я вошелъ сперва къ старѣйшинамъ, доказалъ имъ существованіе заговора, объявивъ имъ сдѣланныя мнѣ Баррасомъ и Муленемъ открытія, на счетъ предполагаемаго ими государственнаго переворота и требовалъ принять рѣшительныя мѣры для спасенія республики. Мнѣ противупоставляли конституцію, но я убѣдилъ ихъ, что она, нарушенная нѣсколько разъ, была уже не что иное, какъ пустой звукъ, которымъ партіи по очереди пользовались для выгодъ своихъ. Наконецъ, предложивъ старѣйшинамъ исполнить ожиданія Франціи, я присовокупилъ: «Мнѣ ли страшиться мя«тежниковъ, когда я безпрепят«ственно боролся противу внѣшнихъ вра«говъ республики? Если я дѣйствую «коварно, будьте Брутами, пронзите «грудь мою. Къ вамъ обращаюсь, «храбрые гренадеры, меня сопрово«ждающіе и стоящіе вокругъ этой «ограды! Пусть въ такомъ случаѣ «эти штыки, которые столько разъ «доставляли намъ побѣду, пусть эти «штыки, говорю я, вонзятся въ грудь «мою! Но, если какой нибудь ора«торъ, подкупленный иностранцами, «осмѣлится произнесть грозное слово: «*внѣ закона!* Пусть обрушится на его «главу ваше мстящее оружіе. Помни«те, что меня сопровождаютъ богъ «счастія и богъ войны.» Я говорилъ, какъ Магометъ Сендамъ. Хотя я обратился въ воззваніи къ моимъ гренадерамъ, но оно явно относилось до членовъ оппозиціи; впрочемъ я не могъ думать о пощадѣ въ начатой мною борьбѣ; я долженъ былъ или выйти изъ нея побѣдителемъ, или поплатиться головою. Должно прибавить, что со стороны старѣйшинъ, я и не опасался значительныхъ

препятствіи; страшнѣйшіе противники мои засѣдали въ совѣтѣ пяти сотъ.

При открытіи засѣданія этого совѣта, одинъ изъ секретарей, Годень, сдѣлалъ предложеніе составить коммисію изъ семи членовъ, чтобы до закрытія засѣданія донести объ опасностяхъ, угрожающихъ общественному благоденствію и представить для устраненія ихъ соотвѣтственнѣйшія мѣры. Общій крикъ заглушилъ его голосъ. Дельбрель сталъ требовать, чтобы прежде всего представители возобновили клятву свою въ сохраненіи конституціи III года; предложеніе его было единодушно принято. Луціанъ долженъ былъ, вѣроятно противъ его желанія, присягнуть первымъ. Республиканцамъ удалось возбудить мгновенный восторгъ и увлечь тѣхъ, которымъ заговоръ не былъ извѣстенъ. Но они не умѣли воспользоваться этою выгодою; вмѣсто того, чтобы объявить отечество въ опасности и принятіемъ какой нибудь рѣшительной мѣры заставить, можетъ быть, и совѣтъ старѣйшинъ раскаяться въ ошибкѣ, они провели три часа надъ присягою и безполезными преніями объ отставкѣ Барраса.

Въ это самое время я вышелъ изъ залы старѣйшинъ и явился въ совѣтѣ пяти сотъ. Меня извѣстили о томъ, что тамъ происходило, и мнѣ необходимо должно было, не теряя времени, поспѣшить на помощь къ упавшимъ духомъ приверженцамъ моимъ; напередъ зная, что дѣло не окончится безъ шума, я поставилъ войска подъ ружье и назначилъ отрядъ гренадеръ, который бы могъ, въ случаѣ нужды, поддержать меня.

Эта предосторожность оказалась не излишнею: едва я переступилъ порогъ, какъ раздался со всѣхъ сторонъ крикъ: «*внѣ закона!....*» Депутатъ Бигонне бросился на трибуну и съ жаромъ требовалъ, чтобы я удалился. Одни тѣснились возлѣ трибуны, другіе взорами и грозными тѣлодвиженіями выражали, что мнѣ готовится судьба Цезаря. Тщетно старался я заставить себя выслушать; злѣйшіе враги мои, между которыми находились Арена и Дестремъ, стали ко мнѣ приближаться: (они, какъ говорятъ, были вооружены кинжалами) убѣдившись, что словами ничего нельзя сдѣлать, я вышелъ наконецъ изъ этого собранія, кипѣвшаго какъ бурное море, подъ защиту моихъ храбрыхъ воиновъ.

Я только и ждалъ этой минуты, чтобы отмстить за множество перенесенныхъ мною обидъ. Между тѣмъ Луціанъ, желая придать моему поведенію по возможности законный видъ, произнесъ рѣчь къ войскамъ, въ которой объявилъ имъ, что представителямъ народа угрожаютъ кинжалы бунтовщиковъ, и что онъ въ качествѣ предсѣдателя, проситъ ихъ содѣйствія, для изгнанія непокорныхъ изъ совѣта.

На эту рѣчь, которую онъ заключилъ обыкновеннымъ восклицаніемъ: «*да здравствуетъ республика!*» Солдаты отвѣчали крикомъ: «*да здравствуетъ Бонапарте!*» Двадцать гренадеръ вошли въ залу, и командовавшій ими штабъ-офицеръ предложилъ депутатамъ выйти вонъ. Прюдонъ, Бигонне и генералъ Журданъ сослались на конституцію, и обратившись къ гренадерамъ, стали упрекать ихъ въ неисполненіи своего долга; солдаты,

узнавъ Журдана, который еще не задолго передъ тѣмъ водилъ ихъ къ побѣдамъ, изумились и остановились въ бездѣйствіи. Бездѣлица могла уничтожить наше предпріятіе. Но тутъ Мюратъ все кончилъ, объявивъ, что законодательный корпусъ распущенъ. Загремѣли барабаны, показались новыя войска, и въ одно мгновеніе зала, въ которую ворвался цѣлый батальонъ, была оставлена депутатами.

Старѣйшины узнали о случившемся отъ убѣжавшихъ. Совѣту не было еще извѣстно, чѣмъ кончится этотъ день, когда нѣкоторые изъ числа пяти сотъ явились и объявили о насильствіи, противъ нихъ употребленномъ. Не безпокоясь объ ихъ участи, коммисія, едва за нѣсколько минутъ составленная, только и ожидала этого извѣстія, чтобы потребовать отсрочки законодательнаго собранія и образованія временнаго консульскаго правленія. Этотъ поступокъ былъ противузаконенъ: подобная мѣра должна была быть предложена совѣтомъ пяти сотъ. И потому закрыто было засѣданіе на нѣсколько часовъ, чтобъ отыскать членовъ этого совѣта.

Въ 9 часовъ собралось въ оранжереѣ достаточное число депутатовъ, и Луціанъ объявивъ совѣтъ довольно полнымъ открылъ засѣданіе. Членовъ оппозиціи почти вовсе не было, а малое число находившихся тутъ республиканцевъ было объято такимъ страхомъ, что ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился произнесть ни слова противъ различныхъ, сдѣланныхъ тутъ предложеній.

Вскорѣ потомъ, Шазаль предложилъ проектъ закона, составленнаго съ согласія старѣйшинъ, который былъ поддержанъ всѣми зачинщиками заговора, и единодушно принятъ. Главныя статьи его состояли въ уничтоженіи директоріи, въ ссылкѣ объявленныхъ демагогами депутатовъ (въ числѣ 61), въ порученіи исполнительной власти мнѣ, Сіесу и Рожеру-Дюко, въ званіи консуловъ республики; въ отсрочкѣ законодательнаго собранія на три мѣсяца и составленіи двухъ временныхъ коммисій изъ обоихъ совѣтовъ, чтобы безъ замедленія произвести одною изъ нихъ перемѣны, которыя предполагалось сдѣлать въ органическихъ, основныхъ постановленіяхъ конституціи, а другою образовать гражданское уложеніе. Этотъ законъ тотчасъ былъ утвержденъ старѣйшинами, и оба совѣта закрыли, въ 5 часовъ утра, это долгое и бурное засѣданіе, принявъ клятву въ вѣрности отъ новыхъ правителей Франціи.

Въ продолженіе этой двухъ-дневной борьбы жители столицы были совершенно покойны. Привыкнувъ къ политическимъ бурямъ и мало довѣряя обѣщаніямъ свободы, которыми осыпали ихъ демагоги, они радовались происшествію, обѣщавшему имъ лучшую будущность. Никто не заботился о судьбѣ конституціонной хартіи, столько разъ уже нарушенной и слишкомъ слабой для обузданія духа партій. Никто не сожалѣлъ о членахъ высшихъ государственныхъ мѣстъ, потерявшихъ всю довѣренность и любовь народа, и каждый напротивъ, казалось, ждалъ наступленія лучшихъ, счастливѣйшихъ дней. Дворянство и духовенство,

эти естественные приверженцы всякаго правительства, приближающагося болѣе къ монархическому, видѣли въ новомъ образѣ правленія конецъ своимъ бѣдствіямъ; купцы, возстановленіе кредита; покупщики народныхъ имѣній, обезпеченіе своей собственности; войско, конецъ пораженіямъ; словомъ, все народонаселеніе ожидало новаго вѣка благоденствія и безопасности. Уничтоженіе ненавистныхъ законовъ аманатства и вынужденнаго займа, вскорѣ оправдали отчасти эти счастливыя ожиданія, и съ этого времени во всѣхъ классахъ народа начала мало по малу возстановляться довѣренность, которая, казалось, навсегда была потеряна.

Моро удовольствовался въ этотъ день тѣмъ, что подъ моимъ главнымъ начальствомъ командовалъ батальономъ, съ которымъ онъ и былъ направленъ къ люксамбургскому дворцу; эта роль согласовалась также дурно съ ролью республиканца, которымъ выставлялъ онъ себя во многихъ случаяхъ, какъ и съ предложеніями возстановленія королевскаго престола, которыя Бурбонамъ угодно было приписать ему въ 1813 году.

По уничтоженіи совѣтовъ, они были замѣщены законодательною коммисіею; сверхъ того, особенному комитету было поручено составить новую конституцію. Сіесъ подарилъ насъ своимъ проектомъ великаго избирателя, который имѣлъ бы право выбирать двухъ консуловъ и смѣнять ихъ, въ случаѣ, если они дерзнутъ употребить во зло данную имъ власть. Одинъ изъ этихъ консуловъ долженъ былъ управлять политикою и военнымъ вѣдомствомъ, другой внутренними дѣлами. Въ самомъ этомъ подчиненіи общественнаго управленія двумъ, независимымъ другъ отъ друга консуламъ, заключалась уже нелѣпость: какъ будто внутреннее управленіе не имѣетъ вліянія на миръ или войну, а побѣды, или выгодные договоры не касаются внутренняго управленія государства? Но всего забавнѣе былъ этотъ избиратель безъ власти и силы, имѣвшій право руководствовать и смѣнять консула, командовавшаго арміею въ полмилліона.

Очевидно, что Сіесъ готовилъ для себя эти постановленія; онъ полагалъ навѣрно быть этимъ всемогущимъ *избирателемъ* и управлять всѣмъ, безъ труда и отвѣтственности съ спокойствіемъ каноника. Этотъ родъ далаи-ламы не приличествовалъ такому воинственному народу, какъ Французы; и еще менѣе народу, глубоко погрузившемуся во всѣ бѣдствія неслыханной революціи и внѣшней и внутренней войны, безпримѣрной въ лѣтописяхъ исторіи.

Я выставилъ эти недостатки, и предложилъ избрать перваго консула какъ верховнаго правителя и двухъ другихъ, какъ совѣщательныхъ членовъ. Предложеніе это было одобрено къ большой досадѣ новаго Ликурга, обманувшагося въ разсчетѣ. По всей справедливости, первая роль принадлежала мнѣ; и для избѣжанія всякаго соперничества я старался, чтобы товарищи мои были избраны не изъ военныхъ и не изъ честолюбцевъ; мнѣ удалось заставить выбрать Камбасереса и Лебрюна. Первый изъ нихъ былъ извѣстный ученостью законовѣдецъ, а другой

просвѣщенный административный человѣкъ: оба люди дѣловые, но безъ сильной воли, словомъ точно такіе, какихъ мнѣ было надобно.

Министерство получило слѣдующій составъ: военнымъ министромъ сдѣланъ былъ Бертье (*); министромъ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ, который былъ однако же назначенъ цѣлымъ мѣсяцемъ позже; я съ нимъ еще не помирился за то, что онъ не хотѣлъ ѣхать въ Константинополь, чтобы оправдать нашу египетскую экспедицію. Финансы поручилъ я Барбе-Марбуа и Годену; морскимъ министерствомъ управляли попеременно Бурдонъ, Форфе и Декре; министерствомъ юстиціи Абріаль, а послѣ Ренье; министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сначала правилъ Лаплассъ, потомъ братъ мой Луціанъ, сдавшій его Шапталю; полиція не могла миновать неизбѣжнаго Фуше; важное мѣсто государственнаго секретаря, бывшее нѣкоторымъ образомъ средоточіемъ всѣхъ вѣтвей управленія, было отдано Маре, соединявшему въ себѣ способности государственнаго человѣка съ познаніями дипломата, безукоризненно прошедшаго революцію.

Общій голосъ далъ мнѣ первое мѣсто въ государствѣ. Сопротивленіе, которое мнѣ противупоставляли, не безпокоило меня, потому что происходило отъ людей, не имѣвшихъ вѣсу въ общественномъ мнѣніи. Роялисты не показывались, видя что ихъ предупредили. Масса народа, убѣжденная въ томъ, что революція нашла во мнѣ надежнѣйшую поруку, имѣла ко мнѣ довѣренность. Я былъ могучъ только тѣмъ, что сдѣлался первымъ защитникомъ созданныхъ ею выгодъ; заставивъ ее пятиться назадъ, я бы поставилъ себя въ положеніе Бурбоновъ.

Въ образованіи моей власти все должно было быть ново, чтобы всякій родъ честолюбія могъ найти для себя пищу; однако жъ, въ этомъ образованіи не было ничего опредѣленнаго. Теоретики, которые во всемъ ищутъ опредѣлительности, скажутъ, что это была ошибка; но напротивъ въ этомъ-то и было главное достоинство новаго образа правленія, который былъ не иное что, какъ диктаторство, скрытое подъ иными формами, и болѣе всякаго другаго соотвѣтствовалъ времени перелома и переворота въ порядкѣ вещей. Быть можетъ, я сдѣлалъ бы лучше, если бы прямо присвоилъ себѣ званіе диктатора; тогда каждый могъ бы оцѣнить мою власть, и это было бы лучше. Диктаторство имѣло ту выгоду, что не допускало дѣлать предложеній на счетъ будущаго, могло остановить волненіе мнѣній и устрашить непріятеля, показавъ ему твердую рѣшимость Франціи; но самое названіе оскорбляло еще слухъ и время для учрежденія опредѣлительнаго порядка вещей еще не приспѣло.

Но, если я, по уставу конституціи, былъ только первымъ чиновникомъ республики, за то жезлъ мой былъ мечъ, страшнѣйшій сабли Скандербека. Трудно было согласить мои конституціонныя права съ тѣмъ вліяніемъ, которое давали мнѣ сила моего характера и моя слава. Просвѣщенная часть народа, чувствовала

(*) Въ Апрѣлѣ этотъ портфель получилъ Карно, сдавшій его обратно Бертье, по возвращеніи сего послѣдняго изъ Италіи.

это такъ же какъ и я; и потому дѣла не могли оставаться въ прежнемъ положеніи; все само собою готовилось къ перемѣнамъ, которыя должны были имѣть цѣлью силу и твердость государства.

Я нашелъ болѣе ласкателей нежели желалъ; переднія мои были полны, и я нисколько не безпокоился на счетъ утвержденія моей власти.

Положеніе Франціи внушало мнѣ болѣе опасеній. Не смотря на возможность удачи, я почелъ нужнымъ просить мира. Въ то время, мнѣ не трудно было на это рѣшиться; миръ былъ бы для меня счастіемъ, а предшествовавшія бѣдствія произошли не отъ меня. Если бы я сталъ просить мира нѣсколько позже, я бы унизился въ общемъ мнѣніи.

Питтъ отвергнулъ мои предложенія, и сдѣлалъ величайшую ошибку; потому что это мгновеніе было, можетъ быть, единственное, въ которое союзныя державы могли съ увѣренностію заключить миръ съ Франціею. Требуя мира, она признавала себя побѣжденною, а народы легко оправляются отъ всѣхъ бѣдствій, кромѣ необходимости склониться подъ иго превратности счастія.

Англійскій министръ отказомъ своимъ заставилъ меня открыть себѣ обширнѣйшій кругъ дѣйствія, и этимъ помогъ мнѣ распространить владычество надъ всею Европою. Форма отказа была такъ же необыкновенна, какъ и самыя причины его. Я обратился непосредственно къ англійскому королю; письмо мое осталось безъ отвѣта; а секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ написалъ Талейрану отвѣтъ, въ которомъ говорилъ, что возвращеніе Бурбоновъ во Францію есть единственное средство для окончанія безпокойствъ въ Европѣ.

Странно было видѣть, что правительство, которое, два раза договариваясь въ Лиллѣ, признавало республику и директорію, въ послѣдствіи не хотѣло вступить въ переговоры съ правленіемъ, болѣе твердымъ и прославленнымъ побѣдами. Конечно, шаткое правленіе директоріи болѣе нравилось Англіи, находившей свои разсчеты во всѣхъ нашихъ бѣдствіяхъ.

Предлагая Англіи миръ, я въ то же время старался сблизиться съ Россіею. Императоръ Павелъ I негодовалъ на неудачи, которыя его войска претерпѣли въ Голландіи, и приписывалъ ихъ Англичанамъ; Суворовъ жаловался на австрійскихъ генераловъ, которые очистили малые кантоны въ то самое время, когда онъ производилъ свое смѣлое движеніе. Оскорбленный дѣйствіями ихъ, принудившими его къ гибельному, хотя и славному отступленію, онъ имѣлъ неудовольствія съ эрцъ-герцогомъ Карломъ, въ слѣдствіе которыхъ россійская армія отдѣлилась отъ австрійской и вступила въ Баварію. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы примириться съ императоромъ Павломъ I. Безъ обмѣна и выкупа, я возвратилъ ему отъ 5 до 6000 человѣкъ плѣнныхъ, одѣвъ ихъ, какъ говорится, съ ногъ до головы; этотъ поступокъ произвелъ желаемое дѣйствіе; правда, что между нами не было заключено никакаго договора; но Русскіе не принимали болѣе участія въ коалиціи, и армія

ихъ вскорѣ послѣ того отступила въ Польшу. Хотя сила этой арміи простиралась только отъ 30 до 35,000, но тѣмъ не менѣе отступленіе ея было рѣшительнымъ событіемъ.

Отказы Англіи и Австріи заставили меня упорно вести войну. Хотя дѣйствія на твердой землѣ Европы болѣе всего обращали на себя мое вниманіе, но тѣмъ не менѣе я не забывалъ арміи, недавно мною оставленной, и необходимыхъ для успѣленія ея морскихъ вооруженій.

Между тѣмъ великія событія совершались на востокѣ; въ то самое время, когда я снялъ осаду Сенъ-Жанъ-д'Акра, палъ старинный союзникъ нашъ въ Индіи, Типпо-Сапбъ. Англійское министерство, получивъ достовѣрное извѣстіе о высадкѣ моей въ Египетъ, сосредоточило всѣ бывшія въ его распоряженіи силы въ устьѣ Таго, въ Гибралтарѣ и другихъ гаваняхъ, и со всевозможною поспѣшностію отправило моремъ въ Индію до 5000 человѣкъ.

Маркизъ Уэльслей рѣшился немедленно воспользоваться этимъ подкрѣпленіемъ, для нанесенія Типпо-Сапбу рѣшительнаго удара и тѣмъ лишить насъ могущественной опоры, которую этотъ мусульманскій военачальникъ представлялъ намъ въ самомъ центрѣ Индостана. Обезопасивъ себя союзомъ Низама и неутралитетомъ Синдіяха и Мараттовъ, непримиримыхъ враговъ Мусульманъ, Англичане подъ командою генераловъ Гарриза, Стьюарта и Уэльслея (въ послѣдствіи Веллингтона) напали на владѣнія султана, и послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе упорныхъ дѣлъ, осадили Серингапатнамъ, пробили брешь, и взяли городъ послѣ знаменитаго, но не весьма кровопролитнаго приступа, 3-го Мая 1799 года. Вѣрный своей славѣ, Типпо-Сапбъ палъ подъ развалинами своего чертога, и владѣнія его были раздѣлены между компаніею и ея приверженцами. Этотъ важный и рѣшительный ударъ, и вѣроятность скораго паденія Мальты, блокированной уже два года, дѣлалъ положеніе нашей арміи въ Египтѣ сомнительнымъ, но однако жъ еще не отчаяннымъ.

Я приказалъ Гантому отплыть туда изъ Бреста съ войсками, оружіемъ и аммуниціею. Такъ какъ испанскій флотъ еще не вышелъ изъ этой гавани, въ которую, онъ возвратился вмѣстѣ съ адмираломъ Брюи, а голландскій еще не совсѣмъ оправился отъ пораженія при Кампердюнѣ, то я не имѣлъ средства предпринять на морѣ что нибудь рѣшительное. Ирландія не могла уже представить намъ тѣхъ выгодъ, какъ во времена директоріи. Высадка небольшаго отряда генерала Гёмберта, заставила Англію сдѣлаться внимательнѣе, и лондонскій кабинетъ, чтобы избавиться отъ постоянныхъ безпокойствъ въ этой странѣ, сосредоточилъ тамъ сильную армію подъ командою лорда Корнуалисса; болѣе 40,000 человѣкъ были туда переправлены; инсургенты, обманутые обѣщаніями, которыхъ мы не умѣли выполнить, большею частію положили оружіе. На Санъ-Доминго дѣла приняли съ 1796 года болѣе выгодный оборотъ: тамъ Туссень-Лувертюръ съ своими Неграми принялъ сторону республики, возстановилъ порядокъ въ плантаціяхъ, взялъ

верхъ надъ бѣлыми и заперъ Англичанъ въ Сенъ-Маркѣ, гдѣ генералъ Майтлендъ, отчаявшись побѣдить его, предложилъ признать его государемъ Гаити. Директорія отправила къ нему Гедувиля; но коварный и недовѣрчивый Туссенъ принудилъ его силою возвратиться во Францію; такимъ же образомъ, отвергнулъ онъ предложенія нашихъ непріятелей въ надеждѣ избѣжать явнаго разрыва съ нами, и притворно показывалъ совершенную преданность республикѣ. Гваделупа хорошо держалась; Мартиника уже шесть лѣтъ находилась въ рукахъ Англичанъ: голландскія колоніи Суринамъ и Эссекебо, на твердой землѣ южной Америки и островъ Курассао подпали также подъ власть ихъ.

Если морская война представляла дѣятельности моей мало надежды на успѣхъ, то тѣмъ болѣе занимала меня война на твердой землѣ. Италіянская армія уменьшилась до 30,000 и была оттѣснена къ скаламъ генуэзскимъ; 10,000 человѣкъ охраняли береговыя Альпы и Дофине. Рейнская армія, силою болѣе 100,000 человѣкъ, была расположена на кантониръ-квартирахъ въ Альзасѣ и Швейцаріи, отъ Страсбурга до Шафгаузена.

Войска наши не осмѣливались снова перейти Альпы, въ виду превосходныхъ силъ непріятеля, сосредоточенныхъ въ долинѣ рѣки По; однако жъ намъ необходимо было или въ одно и тоже время ворваться въ Италію и Германію, или нанесть на Дунаѣ такіе рѣшительные удары, чтобы предписывая Австріи миръ, можно было снова пріобресть полуостровъ. Въ Вѣнѣ должны мы были взять обратно Мантуу, Александрію и Миланъ; таковъ былъ планъ мой.

Я сзывалъ конскриптовъ, приготовлялъ оружіе, возбуждалъ чувство народной чести, которое въ душѣ Французовъ бываетъ усыплено, но никогда не угасаетъ совершенно; скоро составилъ я армію, хотя изъ молодыхъ и неопытныхъ, но пылкихъ, храбрыхъ солдатъ.

Слѣдствія неудачъ нашихъ, отозвались въ Вандеѣ, гдѣ снова вспыхнула междуусобная война. Я послалъ туда двѣ превосходныя дивизіи арміи Брюна, прославившейся побѣдами въ Голландіи. Приближеніе этихъ войскъ и болѣе умѣренное управленіе заставило начальниковъ роялистовъ положить оружіе и я могъ употребить эти войска на восточной границѣ.

Какъ дурна была армія въ Италіи, также превосходны были соединенныя теперь арміи рейнская и швейцарская; я ввѣрилъ начальство надъ ними Моро, отправивъ къ нему необходимое число рекрутъ, чтобы пополнить его корпуса и дать ему возможность дѣйствовать наступательно. Остатокъ бывшихъ въ моемъ распоряженіи войскъ я собралъ подъ Дижономъ, гдѣ приказалъ образовать 40-тысячную резервную армію, которая должна была быть въ готовности итти съ этого центральнаго пункта смотря по обстоятельствамъ, въ Швабію, Швейцарію или Италію. Основаніе этой арміи составляли дивизіи, возстановившія порядокъ въ Вандеѣ.

Обладая Швейцаріею, мы имѣли ту важную выгоду, что могли взять въ тылъ операціонныя линіи непріятеля въ Италіи и Швабіи. Первымъ моимъ намѣреніемъ было оставить

армію Массены въ Аппенинахъ въ оборонительномъ положеніи, и выдвинуть въ долину Дуная резервную и рейнскую арміи. Такъ какъ по конституціи VIII года, не позволялось консуламъ лично начальствовать войсками, я рѣшился ввѣрить кому нибудь резервную армію, а большую предоставить Моро; но слѣдуя за главною квартирою сей послѣдней, я могъ самъ управлять дѣйствіями обѣихъ. Я намѣренъ былъ направить Моро такъ, чтобы онъ, вышедъ изъ Шафгаузена, зашелъ въ тылъ Краю, оттѣснилъ его въ уголъ, составляемый Майномъ и Рейномъ, и отрѣзалъ отъ Вѣны; однимъ словомъ, чтобы онъ дѣйствовалъ такъ противъ лѣваго фланга австрійскаго генерала, какъ дѣйствовалъ я пять лѣтъ позже противъ праваго фланга Макка при Донаувертѣ: тогда бы мы беспрепятственно вступили въ Австрію и въ Вѣнѣ завоевали Италію. Но не было никакой возможности преодолѣть упрямство Моро, непремѣнно хотѣвшаго играть блистательную роль. Во-первыхъ онъ отказался отъ начальства, если я прибуду къ арміи; а во-вторыхъ не согласился съ моимъ предложеніемъ перейти Рейнъ въ Шафгаузенѣ, находя это слишкомъ опаснымъ. Я еще не довольно утвердился, чтобы войти въ открытую вражду съ человѣкомъ, имѣвшимъ значительное число приверженцевъ въ войскахъ, которому не доставало только силы воли, чтобы стать на моемъ мѣстѣ. Надлежало съ нимъ договариваться какъ съ самостоятельною властью, потому что онъ дѣйствительно имѣлъ тогда власть весьма сильную. И такъ я долженъ былъ оставить ему начальство надъ прекраснѣйшею армією, какой Франція давно уже не видала, и позволить ему вести ее къ Дунаю по его произволу; а самъ рѣшился итти съ конскриптами своими черезъ С. Готардъ въ Ломбардію и приказалъ Лекурбу содѣйствовать мнѣ, при первыхъ успѣхахъ Моро.

Въ это время дѣла наши въ Италіи, казалось были потеряны безъ возврата. Англія готовилась высадить туда армію; а Неаполь, Тоскана и Римъ, наученныя прошедшими событіями, могли собрать значительныя средства для ея подкрѣпленія.

Когда мы должны были оставить Италію, директорія вздумала отвезть Пія VI во Францію. Подобный поступокъ съ этимъ достопочтеннымъ старцемъ можно назвать непростительною ошибкою. Подъ правленіемъ иллюмината Ларевельера, директорія не могла надѣяться переселить во Францію вмѣстѣ съ папою и вліяніе его; но въ тоже время она не имѣла средствъ къ уничтоженію этого вліянія. Пій VI стоялъ уже одною ногою въ могилѣ, и сошелъ въ нее нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда своего въ Бріансонъ. Если бы онъ и остался живъ, то Конклавъ все таки назначилъ бы преемника плѣнному папѣ (*). По смерти Пія VI, Конклавъ избралъ знаменитаго Кіарамонте, епископа Имолы, который своими республиканскими проповѣдями, не очень этого заслуживалъ. Въ

(*) Наполеонъ также перевезъ папу по Франціи; но тогда Римъ былъ во власти его и онъ хотѣлъ только перенесть престолъ св. Петра въ Парижъ: въ этомъ есть разница.

началѣ 1800 года, онъ былъ провозглашенъ папою, подъ именемъ Пія VII. Впрочемъ онъ былъ превосходный папа, и чувства, которыя онъ питалъ ко мнѣ, не измѣнялись никогда. Оба мы не разъ сожалѣли о томъ, что наше взаимное положеніе дѣлало насъ противниками. Церковь хочетъ властвовать.... и притомъ властвовать исключительно: политика ватикана не измѣнялась со временъ Григорія; если и случалось, что она дремала при болѣе умѣренныхъ и человѣколюбивыхъ папахъ, то всегда пробуждалась съ большею дерзостью, и Европа никогда не должна переставать ее остерегаться. Я одинъ былъ въ такомъ положеніи, что могъ соединить выгоды ея съ пользами моей великой державы. Но объ этомъ послѣ; возвратимся къ дѣламъ полуострова.

Англія, не упускавшая ни одного случая для вытѣсненія насъ изъ какого бы ни было приморскаго пункта, составила совокупно съ Австріею новый планъ, чтобы выгнать насъ даже изъ Генуи. Генералъ Абёркрёмби, возвратившійся изъ своей неудачной экспедиціи въ Голландію, получилъ повелѣніе собрать 20-тысячный корпусъ Англичанъ въ Миноркѣ и подкрѣпить имъ имперцевъ. Весьма вѣроятно, что виды лондонскаго кабинета простирались далѣе Лигуріи, и что онъ, въ полной надеждѣ на воинское счастіе прекрасной арміи Меласа, полагалъ водрузить знамена союзниковъ даже на стѣнахъ самаго Тулона.

Австрійскому генералу, котораго армія втрое превосходила силою находившіяся въ генуэзскихъ владѣніяхъ французскія войска, дѣйствительно удалось 6-го Апрѣля прорваться изъ Капро къ Савонѣ, и такимъ образомъ разрѣзать на двое нашу оборонительную линію. Массена нашелся въ необходимости броситься въ Генуу съ правымъ флангомъ арміи, силою въ 12,000 человѣкъ. Меласъ приказалъ генералу Отту блокировать его съ 35,000 Австрійцевъ, между тѣмъ какъ Каймъ долженъ былъ прикрывать Піемонтъ; а самъ онъ съ оставшимися у него 30,000, обратился противъ лѣваго фланга французской арміи, которымъ командовалъ Сюше. Этотъ генералъ, имѣя едва 8 или 9,000 человѣкъ, тѣснимый съ фронта превосходными силами и беспрестанно обходимый съ лѣваго фланга, долженъ былъ отступить до Вара, за которымъ и занялъ позицію; онъ былъ еще довольно счастливъ, что успѣлъ спасти свой корпусъ, который могъ легко быть отрѣзанъ въ горахъ.

Какъ ни непріятны были сами по себѣ эти извѣстія, но онѣ мало безпокоили меня: онѣ служили доказательствомъ, что генуэзскія владѣнія обратили на себя все вниманіе Меласа, и что онъ отнюдь не готовъ отразить тотъ ударъ, который я намѣренъ былъ ему нанесть. Я чувствовалъ, что наступила выгоднѣйшая минута исполнить мой планъ и напасть на Италію съ той стороны, съ которой меня менѣе всего ожидали. Нельзя было терять ни одной минуты, чтобы успѣть спасти Генуу; переходъ черезъ С. Готардъ былъ бы нѣсколько продолжителенъ; и потому я предпочелъ двинуться черезъ С. Бернардъ, предоставляя первую изъ этихъ двухъ

дорогъ корпусу, который я намѣревался взять въ подкрѣпленіе изъ рейнской арміи. Я отправился въ Дижонъ въ первыхъ числахъ Мая.

Чтобы ускорить прибытіе подкрѣпленій, которыя Моро долженъ былъ мнѣ прислать, ему необходимо было начать дѣйствовать наступательно и армія его тронулась въ послѣднихъ числахъ Апрѣля. Силы его простирались слишкомъ до 100,000, не считая значительныхъ гарнизоновъ въ Майнцѣ, Страсбургѣ и другихъ крѣпостяхъ на Рейнѣ. Противникъ его, Край, былъ по крайней мѣрѣ такъ же силенъ; но гофскригсратъ лишилъ его возможности дѣйствовать лѣвымъ флангомъ, приказавъ оставить его въ горахъ форарльбергскихъ. Моро, благопріятствуемый этимъ обстоятельствомъ, доставившимъ дѣйствующимъ его войскамъ превосходство, сдѣлалъ нѣсколько ложныхъ движеній къ Келю, двинулся съ половиною своей арміи отъ Базеля къ Энгену и соединился тутъ съ Лекурбомъ, переправившимъ Рейнъ въ Шаффгаузенѣ съ швейцарскою арміею, долженствовавшею составить правый флангъ Моро.

Край, расположенный близъ источниковъ Дуная, у Донауэшингена, не только не принялъ приличныхъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать этому соединенію, но еще напротивъ самъ вдался въ сѣть, двинувъ правый флангъ свой къ Келю. Однако жъ онъ тотчасъ возвратился назадъ и при Энгенѣ наткнулся на армію Моро; но уже было поздо. Онъ былъ разбитъ 3 Мая. Лекурбъ наиболѣе содѣйствовалъ этой побѣдѣ, взятіемъ Штоккаха, одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ, угрожавшаго линіи отступленія непріятеля.

Два дня спустя, Край претерпѣлъ новое пораженіе при Мёскирхѣ, не смотря на то, что онъ притянулъ къ себѣ свой правый флангъ прежде, нежели приспѣлъ лѣвый флангъ Моро. Австрійцы отступили къ Ульму двумя колоннами, изъ которыхъ одна была еще разъ разбита 8 Мая, при Биберахѣ. Край понесъ въ этихъ дѣлахъ значительный уронъ, и рѣшился занять пространный укрѣпленный лагерь, еще за годъ до того приготовленный подъ пушками Ульма.

Бертье, назначенный главнокомандующимъ резервной арміи, сдалъ Карно портфель военнаго министра. Предполагая, что въ равнинахъ энгенскихъ уже рѣшенъ успѣхъ дѣйствій рейнской арміи, я послалъ къ Моро новаго министра, съ порученіемъ отрядить черезъ С. Готардъ на Тессинъ 20,000 человѣкъ, а самъ отправился изъ Дижона въ Женеву.

Моро видѣлъ въ порученіи, даномъ Карно, одну обидную недовѣрчивость, которая сильно его оскорбила; но послѣ того, что произошло между нами относительно плана кампаніи, могъ ли я броситься очертя голову въ Ломбардію, не бывъ совершенно увѣренъ, что требуемое мною подкрѣпленіе будетъ отправлено безъ противурѣчія и замедленія?

8 Мая я прибылъ въ Женеву, и приказалъ сдѣлать нѣсколько демонстрацій къ Дофинѣ, между тѣмъ, какъ колонны резервной арміи уже тянулись черезъ Лозанну въ нижній Валисъ. Переходъ верхнихъ Альповъ былъ чрезвычайно затруднителенъ,

но я зналъ, что онъ возможенъ. Главную 35-тысячную колонну мою направилъ я черезъ большой С. Бернардъ; генералъ Шабранъ съ небольшою дивизіею, изъ 4000 человѣкъ, двинулся по дорогѣ черезъ малый С. Бернардъ; генералъ Монсей, отряженный съ 15-тысячнымъ корпусомъ изъ рейнской арміи, получилъ приказаніе спуститься съ С. Готарда къ Беллинцонѣ; небольшая колонна подъ командою генерала Бетанкура должна была итти черезъ Симплонъ, въ направленіи къ Домо-Доссолѣ; генералу Тюро приказалъ я, для развлеченія вниманія непріятеля, собрать изъ разныхъ крѣпостей въ Дофинѣ тысячъ пять войска и итти черезъ Монъ-Ценисъ и Монъ-Женевръ къ Сузѣ.

Эти хорошо соображенныя движенія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Меласъ, поставленный въ неизвѣстность пребываніемъ моимъ въ Женевѣ и демонстраціями на Монъ-Ценисъ, оставался еще въ Вентимилле. Сначала онъ имѣлъ намѣреніе двинуться въ Піемонтъ съ 20,000, но раздумалъ и отправился туда потомъ только съ двумя сильными бригадами. Армія его тогда была раздроблена: Вукассовичъ, командовавшій правымъ флангомъ, стоялъ на верхнемъ Тессинѣ, у подошвы С. Готарда; Лаудонъ наблюдалъ за проходомъ черезъ Симплонъ; Брісй прикрывалъ долину Аосты съ трехтысячнымъ отрядомъ; Гадцикъ и Каймъ съ 20,000 занимали равнину Піемонта, выходъ къ Ивреѣ и долины Сузы, Пиньероля и Кони; главныя же силы арміи находились въ Лигуріи и на р. Варѣ.

Генералъ Ланнъ, командовавшій моимъ авангардомъ, вышелъ 17 Мая изъ мѣстечка Сенъ-Пьеръ и направился на большой С. Бернардъ; обозъ былъ по возможности облегченъ, пушки сняты съ лафетовъ, и люди везли ихъ въ корытахъ и въ колодахъ, выдолбленныхъ на подобіе саней. Присутствіе мое и величіе самаго предпріятія одушевляли войска, не знавшія преградъ, когда онѣ слѣдовали за мною.

Я вступилъ въ ущелья Альповъ, исполненный самаго счастливаго предчувствія. Эхо вторило громкіе, радостные клики арміи, предвѣщавшіе мнѣ несомнѣнную побѣду. Я снова приближался къ Италіи, первому поприщу моихъ военныхъ [illegible]говъ. Гренадеры мои, взошедъ на вершину С. Бернарда, бросали вверхъ украшенныя красными перьями шляпы свои, съ громкими криками, обыкновенными предвѣстниками побѣды. Мы сдѣлали привалъ у монастырской гостинницы, гдѣ распоряженіями моими, съ помощью добрыхъ монаховъ, совершенно посвятившихъ себя человѣколюбію, заготовлено было нѣсколько жизненныхъ припасовъ для освѣженія нашихъ войскъ. Послѣ кратковременнаго отдыха, онѣ весело взялись за оружіе и спустились съ горы, которой южный скатъ, представляющій прелестнѣйшее зрѣлище, восхищалъ моихъ пылкихъ воиновъ и воспламенялъ ихъ мужество. Армія перевалилась за Альпы и, какъ бурный потокъ, готова была разлиться въ долины Піемонта. Мы тогда всѣ были молоды: и солдаты, и генералы. Мы презирали труды и опасности, и не заботились ни о чемъ, кромѣ славы.

Между тѣмъ препятствіе, котораго важность не была вполнѣ оцѣнена, могло остановить побѣдоносный походъ нашъ въ самомъ его началѣ. Армія спускалась по долинѣ Доріи, опрокинувъ при Шатильонѣ небольшой непріятельскій отрядъ, слишкомъ слабый, чтобы остановить наше движеніе, и достигла крѣпостцы Бардъ, совершенно неприступной и заслонявшей намъ дорогу. Гарнизонъ, составленный всего изъ 400 человѣкъ, не внималъ никакимъ предложеніямъ и отбилъ всѣ нападенія, произведенныя мною съ помощью штурмовыхъ лѣстницъ. Можно было придти въ отчаяніе, видя себя остановленнымъ подобною горстью непріятелей; но труды и отвага освободили насъ изъ этого сомнительнаго положенія. Пѣхота Ланна взобралась по тропинкѣ на высоты Альбаредо, но ни лошади, ни орудія не могли слѣдовать за нею.

Я приказалъ проложить новую дорогу посреди скалъ, чтобы провесть мою кавалерію. Подобно воинамъ Аннибала, и мои солдаты шли по дорогѣ, проложенной ихъ собственными руками. Карѳагенскаго полководца затрудняли его слоны, а меня мои орудія. Я отважился провезть ихъ на полу-ружейный выстрѣлъ отъ крѣпости черезъ улицы предмѣстья, обстрѣливаемыя съ укрѣпленій. Чтобы непріятель не слыхалъ стука колесъ, я приказалъ обернуть ихъ соломою. Все удалось, и мы, полные новою надеждою, продолжали свое движеніе къ Ивреѣ. Этотъ городъ уже былъ взятъ Ланномъ, а занимавшіе его Австрійцы, опрокинуты къ Романо. Только 3,000 человѣкъ находились на пути нашемъ въ долинѣ Аосты; но болѣе 30,000 было разсѣяно въ долинахъ Тессина и По.

Меласъ не понялъ моихъ движеній. Онъ воображалъ, узнавъ о походѣ резервной арміи къ Женевѣ, что мы не имѣемъ другаго намѣренія, какъ отвлечь его вниманіе отъ генуэзскихъ владѣній демонстраціями противу сѣвернаго Піемонта, и тѣмъ облегчить затруднительное положеніе Массены и Сюше. Чтобы удержать насъ, онъ полагалъ достаточнымъ отрядить семи-тысячный корпусъ изъ Вентимилле въ Туринъ. Вскорѣ онъ и самъ послѣдовалъ за этимъ отрядомъ съ другою дивизіею, оставивъ генералу Отту 25,000 для осады Генуи, а генералу Эльсницу 18,000 для прикрытія этой осады со стороны Вара. Не оставляя прежняго мнѣнія, что мы хотимъ только сдѣлать сильную диверсію, Меласъ далъ себя обмануть нападеніемъ Тюро на Сузу, 22-го Мая, и не только приказалъ генералу Каю двинуться изъ Турина противъ этой небольшой колонны, но еще направилъ туда большую часть подкрѣпленій, приведенныхъ имъ изъ Ниццы; 24-го числа онъ самъ двинулся къ Савильяно.

И такъ всѣ силы, назначенныя противустать 60,000, приведеннымъ мною въ Ломбардію, состояли только изъ 18,000 человѣкъ, и были раздѣлены на три корпуса, подъ начальствомъ Вукассовича, Лаудона и Гаддика.

Въ самый тотъ день, какъ Меласъ вступилъ въ Савильяно, я прибылъ въ Иврею, оставивъ Шабрана для продолженія осады крѣпостцы Бардъ. Тюро, взявшій съ бою сузскій

проходъ, занялъ позицію при Буссолино, изъ которой угрожалъ Турину. Монсей спустился съ С. Готарда, а Бетанкуръ приближался къ крѣпости Ароне. Планъ мой приходилъ уже въ полное, блестящее развитіе, а непріятель не имѣлъ еще объ немъ ни малѣйшаго свѣдѣнія.

Генералъ Гаддикъ, выступивъ изъ Турина къ Кіузеллѣ, принялъ войска, опрокинутыя Ланномъ въ Ивреѣ, и такимъ образомъ усилился до 10,000 человѣкъ; Ланнъ атаковалъ его 26-го Мая, овладѣлъ мостомъ черезъ Кіузеллу, оттѣснилъ непріятеля до Кивассо, куда и самъ вошелъ на другой день. Гаддикъ отступилъ къ Турину, и соединился тамъ съ Меласомъ.

Я только для того двинулъ свой авангардъ въ Кивассо, чтобы заставить непріятеля думать, что иду къ Турину, но вовсе не намѣренъ былъ взять это направленіе. Чтобъ успѣшно исполнить предположеніе мое и овладѣть всѣми сообщеніями Австріійцевъ, должно было непремѣнно дѣйствовать противу Милана: взятіе его нанесло бы блистательный ударъ, который, въ одно и то же время дѣйствуя на мнѣніе народовъ Италіи и распространяя ужасъ въ непріятельской арміи, ускорилъ бы соединеніе мое съ 15-ти-тысячнымъ корпусомъ, который велъ Монсей изъ рейнской арміи. Я продолжалъ движеніе отъ Ивреи черезъ Сантію, Верчелли и Новару къ Тессину.

Авангардъ Ланна, сдѣлавшись теперь арріергардомъ, маскировалъ мое движеніе, двинувшись къ Павіи черезъ Кремпентино, Трино и Мортару. Новый авангардъ, подъ начальствомъ Мюрата, овладѣлъ 31-го Мая переправою черезъ Тессинъ близъ Турбиго. Генералъ Лаудонъ собралъ нѣсколько войскъ для обороны этой рѣки, но былъ разбитъ и потерялъ 1,500 человѣкъ. Вукассовичъ, спѣшившій къ нему на соединеніе изъ долины верхняго Тессина, опоздалъ и едва имѣлъ время спастись за Адду. Австріійцы бросили 2,000 гарнизона въ миланскую цитадель, а съ остальными войсками (въ числѣ 6000) отступили къ Минчіо. 2-го Іюня я вступилъ въ Миланъ.

Меласъ, все еще не знавшій съ какими силами имѣлъ онъ дѣло, хотѣлъ сначала перейти По въ Казале и напасть на насъ съ тыла; но, видя изъ донесеній Вукассовича и Гаддика, что у меня въ Ломбардіи до 60,000 войска, отказался отъ этого намѣренія, понявъ необходимость притянуть къ себѣ 40,000 человѣкъ Отта и Эльсница, прежде нежели отважиться вступить въ сраженіе. Эльсницъ, оставшійся съ 18,000 на рѣкѣ Варѣ, и не успѣвшій, не смотря на превосходство силъ, вытѣснить Сюше изъ позиціи его на правомъ берегу этой рѣки, получилъ повелѣніе отступить внизъ по долинѣ Танаро до Асти. Отту приказано было скорѣе окончить переговоры съ Массеною, или въ противномъ случаѣ снять блокаду Генуи, перейти Боккетту и спѣшить къ Піаченцѣ, для обороны рѣки По.

Эльсницъ началъ отступленіе свое 28-го Мая. Корпусъ Сюше, усиленный до 12,000, преслѣдовалъ его стремительно до Танаро, опередилъ его у прохода Тенде искуснымъ дѣйствіемъ противъ праваго фланга, прорвалъ центръ и нанесъ ему

значительный уронъ, простиравшійся до 8,000 человѣкъ. Послѣ этого успѣха, Сюше двинулся черезъ Финале къ Савонѣ, спѣша на помощь къ Генуѣ; но уже было поздно: Массена сдался на капитуляцію 5 Іюня, выдержавъ 60 дней самой жестокой блокады и мученія ужаснѣйшаго голода. Онъ уже съ 3 Мая велъ переговоры съ генераломъ Оттомъ, когда сей послѣдній получилъ повелѣніе согласиться на всѣ условія, на которыхъ Массена рѣшится немедленно сдаться, или снять осаду, если французскій генералъ вздумаетъ держаться долѣе. Это обстоятельство спасло Массену отъ отчаяннаго предпріятія, которое онъ готовъ былъ скорѣе выполнить, нежели сдаться военнопленнымъ. Онъ хотѣлъ броситься съ своими изнуренными голодомъ войсками въ тосканскія владѣнія; приказанія Меласа спасли его. Восьми тысячамъ, оставшимся отъ гарнизона Генуи, былъ дозволенъ свободный выходъ; но только шесть изъ нихъ успѣли соединиться съ Сюше въ окрестностяхъ Савоны.

Оттъ, гордясь своимъ завоеваніемъ, поспѣшилъ перейти обратно черезъ Боккетту, оставя въ Генуѣ сильный гарнизонъ и направился черезъ долину Скривіи къ Тортонѣ, съ намѣреніемъ воспрепятствовать нашей переправѣ черезъ р. По; но уже было поздно: 6 Іюня Ланнъ перешелъ рѣку при Санъ-Чипріяно, а Мюратъ въ тоже время въ Ночетто близъ Піаченцы, опрокинувъ безъ большаго труда сопротивлявшіеся имъ непріятельскіе отряды,

Событія быстро приближались къ развязкѣ. Хотя я и утвердился уже въ тылу непріятеля, но онъ могъ еще ускользнуть по правому берегу р. По, если бы спустился до Борго-форте, противъ Мантуи. Надобно было отнять у него это послѣднее средство и я рѣшился перейти По съ дивизіями Ватрена, Шамбарлака, Гарданна, Моннье, Буде и кавалеріею Мюрата, что составляло до 30,000 ч., прочія же войска должны были обезпечивать собственныя наши сообщенія съ Швейцаріею и охранять лѣвый берегъ По. Дивизія Шабрана, которую сдача крѣпостцы Бардъ возвратила въ мое распоряженіе, направилась къ Верчелли и заняла Иврею, Кивассо, Крешентино и Трино. Бетанкуръ продолжалъ блокаду Ароны; Монсей оставался въ миланскихъ владѣніяхъ. Одна изъ дивизій его была расположена подъ Павіею; другая осаждала миланскую цитадель, а третья занимала Крему и Брешію, и удерживала австрійскія войска, расположенныя на Минчіо. Дивизія Луазона осаждала Пидзигетоне и замокъ Піаченцы, наблюдала за нижнимъ По и прикрывала тылъ моей арміи. Сознаюсь, что войска мои были разбросаны, и что мысль окружить Меласа и вмѣстѣ съ тѣмъ все прикрывать была нѣсколько отважна. Гораздо благоразумнѣе было бы собрать тысячъ пятнадцать лишнихъ войскъ около Тортоны, потому что, если бы Меласъ двинулся къ Минчіо черезъ Миланъ, то я точно такъ же бы завоевалъ Италію однимъ движеніемъ и, соединившись съ Массеною, не нуждался бы болѣе въ сохраненіи сообщенія черезъ С. Бернардъ; но успѣхи дѣлаютъ насъ слишкомъ самоувѣренными: я хотѣлъ все или

ничего. Къ тому же я надѣялся, что Массена удержится нѣсколько дней долѣе, и что намъ легко будетъ, двинувшись къ Тортонѣ, соединиться съ нимъ черезъ Нови.

Я говорилъ уже, что Оттъ со всею поспѣшностію шелъ съ своимъ корпусомъ изъ Генуи, чтобы принять участіе въ оборонѣ По; но онъ не могъ поспѣть во время и уже въ Монтебелло встрѣтилъ корпусъ Ланна. Спѣша достигнуть Піаченцы, и полагая имѣть дѣло съ малымъ отрядомъ моей арміи, Оттъ бросился на мѣстечко Кастеджіо противъ всѣхъ правилъ военнаго искусства; Австрійцы могли спастись только быстрымъ сосредоточеніемъ силъ и не должны были вступать въ отдѣльныя стычки. Ланнъ, съ дивизіями Ватрена и Шамбарлака, встрѣтилъ его, самъ перешелъ въ наступательное положеніе и рѣшился обойти Отта, направясь по высотамъ, командующимъ мѣстечкомъ Кастеджіо и всею окрестностію до р. По.

Австрійцы храбро дрались и побѣда была сомнительна, пока наконецъ прибытіе Виктора съ дивизіею Гарданна рѣшило дѣло въ нашу пользу. Непріятель, обойденный на обоихъ флангахъ, былъ совершенно разбитъ. Центръ, его стѣсненный на мосту въ Кастеджіо, былъ уничтоженъ; Австрійцы потеряли 6 орудій, 5,000 плѣнныхъ и 3,000 убитыми и ранеными. Оставивъ 2,000 ч. въ тортонской цитадели, Оттъ отступилъ къ Александріи, гдѣ Меласъ сосредоточилъ остатки своей арміи.

Это происшествіе было чрезвычайно важно; оно ослабило непріятеля 8,000 въ тотъ рѣшительный мигъ, когда онъ видѣлъ себя принужденнымъ пробиваться съ оружіемъ рукахъ, и въ тоже время возвысило нравственную силу нашихъ войскъ, твердо рѣшившихся не пропускать его.

Я продолжалъ свое движеніе къ Александріи. Іюня 12 мы перешли Скрпвію и развернулись въ равнинѣ Санъ-Джульяно. Аррiергардъ, оставленный Оттомъ въ Маренго, былъ вытѣсненъ изъ этого мѣста дивизіею Гарданна и опрокинутъ за Бормиду. Я расположилъ армію мою уступами по дорогѣ изъ Александріи въ Тортону. Дивизія Гарданна заняла Педрабону, противъ предмостнаго укрѣпленія, которое Австрійцы удерживали еще на Бормидѣ. Для поддержанія этого перваго эшелона, были расположены подъ Маренго, Викторъ съ дивизіею Шамбарлака и кавалерійская бригада Келлермана; позади Виктора при Санъ-Джульяно стоялъ Ланнъ съ дивизіею Ватрена и кавалерійскою бригадою Шампо. Наконецъ дивизія Монсея составляла послѣдній эшелонъ при Торре-ди-Гафарало. Кавалерійская бригада Рпво, расположенная при Сале на правомъ флангѣ арміи наблюдала р. По и нижнюю часть р. Тапаро; на лѣвомъ флангѣ генералъ Дезе былъ направленъ съ дивизіею Буде въ Ривальту, чтобы не дать непріятелю двинуться своимъ правымъ флангомъ къ Нови, и чтобъ открыть сообщеніе съ италіянскою арміею, спускавшеюся по долинѣ Бормиды черезъ Дего къ Акви. Я полагалъ, что могу растянуть такимъ образомъ свои силы, потому что слабость сопротивленія, оказаннаго непріятелемъ при оборонѣ

равнины Сапъ-Джульяно, заставляла меня думать, что онъ отнюдь не предполагалъ вступить въ сраженіе, но напротивъ того, намѣренъ былъ маневрировать, чтобы достигнуть Генуи, и оттуда пробраться въ Парму и Модену. Онъ даже утвердилъ меня въ этомъ ложномъ мнѣніи извѣстіями лазутчика, который бралъ деньги съ обѣихъ сторонъ и, казалось, былъ преданъ намъ. Ошибка эта, за которую безъ сомнѣнія нельзя обвинять меня, обошлась было намъ очень дорого.

Меласъ только 13 числа сосредоточилъ свою армію. На слѣдующій день, онъ съ разсвѣтомъ перешелъ съ 35,000 Бормиду и стремительно атаковалъ насъ. Дивизія Гарданна принуждена была отступить; Викторъ принялъ ее и расположилъ на правомъ флангѣ дивизіи Шамбарлака, выстроенной въ одну линію отъ деревни Маренго до Бормиды. Генералъ Гаддикъ съ правымъ флангомъ Австрійцевъ развернулся противъ позиціи Виктора въ двѣ линіи. Каймъ, командовавшій центромъ, сталъ косвенною линіею на лѣвомъ флангѣ Гаддикка. Оттъ былъ направленъ противъ Кастель-Черіоло; резервъ, подъ начальствомъ Эльсница, остался позади праваго фланга на дорогѣ, ведущей изъ Маренго въ Александрію; но двѣ трети его кавалеріи были весьма не кстати отряжены къ югу отъ Александріи по дорогѣ къ Акви, для наблюденія за Сюше и Массеною.

Мы не были въ готовности принять сраженіе. Я поспѣшилъ расположить свои уступы такъ, чтобъ они взаимно могли другъ друга поддерживать, и отозвалъ Дезе изъ Ривальты къ Сапъ-Джульяно. Въ 10 часовъ утра, я уже долженъ былъ ввести Ланна въ линію на правомъ крылѣ Виктора, котораго Каймъ готовъ былъ взять во флангъ. Викторъ упорно защищалъ переходъ черезъ ручей Барботту, на берегу котораго лежитъ Маренго: съ обѣихъ сторонъ открыли живый, убійственный огонь: Австрійцы теряли много людей, и Меласъ пустилъ въ атаку половину оставшейся у него резервной кавалеріи. Эта отдѣльная бригада была опрокинута въ болотистый ручей, и непріятель, имѣвшій вдвое болѣе кавалеріи нежели мы, уже въ началѣ битвы былъ лишенъ ея дѣйствія на томъ пунктѣ, гдѣ она могла бы рѣшить побѣду. Ланну удалось удержать центръ непріятеля; но между тѣмъ Оттъ прошелъ за Кастель-Черіоло, подкрѣпленный кавалеріею центра, подъ начальствомъ Фримона и угрожалъ обходомъ нашему правому флангу. Я противупоставилъ ему моихъ гвардейскихъ гренадеръ. Эти восемь сотъ храбрыхъ, подавшись впередъ по равнинѣ между Кастель-Черіоло и Виллановою, построились въ каре, подобный неприступному редуту, и отбивали повторенныя атаки австрійскихъ эскадроновъ. Пользуясь славнымъ сопротивленіемъ этого отборнаго войска, я отрядилъ 5 батальоновъ изъ дивизіи Моннье къ Кастель-Черіоло, чтобы вытѣснить засѣвшую тамъ непріятельскую легкую пѣхоту. Къ несчастію, стремительная атака Австрійцевъ на лѣвый флангъ дивизіи Моннье, отдѣлила этого генерала отъ части войскъ его, принудила примкнуть къ Ланну, оттѣснила лѣвую фланговую бригаду, и

заставила такимъ образомъ и бригаду Карра-Сенъ-Сира слѣдовать за движеніемъ всей линіи въ то самое время, когда застрѣльщики ея уже вторгались въ Кастель-Черіоло.

Однако жъ кратковременное занятіе этой деревни, дало моему правому флангу опорный пунктъ и возстановило дѣла мои на этомъ крылѣ. За то на лѣвомъ флангѣ онѣ шли хуже. Викторъ, нѣсколько часовъ сопротивлявшійся усиленнымъ атакамъ непріятеля, не могъ долѣе держаться; лѣвый флангъ его отступилъ и потерялъ опору Бормиды; центръ былъ прорванъ и весь корпусъ его опрокинутъ въ безпорядкѣ на Санъ-Джульяно. Пораженіе лѣваго крыла моего, открывъ флангъ Ланна, заставило его также начать отступленіе, которое онъ и произвелъ въ большомъ порядкѣ по направленію на Гилину.

Уже побѣдные клики раздавались въ рядахъ Австрійцевъ. Всѣ мои генералы, и въ особенности Бертье, считали сраженіе пропграннымъ. Но Дезе и я думали иначе. Быстрыми шагами приближался Дезе къ Санъ-Джульяно; 6,000 свѣжаго войска, которыя онъ мнѣ велъ, должны были сдѣлать чудеса подъ предводительствомъ такаго начальника. Я употребилъ всѣ возможныя усилія для замедленія отступленія моего лѣваго фланга, чтобы дать Дезе время прибыть на поле сраженія. Послѣ кратковременнаго отдыха, непріятель снова началъ сильно наступать; но ошибка, которую сдѣлалъ Меласъ, лишивъ свой правый флангъ кавалеріи и отрядивъ ее противъ Сюше и Массены, лишила его возможности преслѣдовать насъ съ должною стремительностію и собрать трофеи побѣды; если бы эта кавалерія могла быть употреблена для преслѣдованія Виктора, она привела бы всю армію мою въ величайшее разстройство и доставила бы Австрійцамъ неотъемлемую побѣду.

Наконецъ, къ 5-ти часамъ вечера, Дезе дебушировалъ изъ Санъ-Джульяно и выстроился впереди этой деревни; Ланнъ занялъ позицію косвенною линіею между правымъ флангомъ Дезе и Виллановою; каре моей гвардіи связывало оконечность линіи Ланна съ Кастель-Черіоло. Кавалерія Шампо построилась за Дезе, а Келлермана за интерваломъ между Дезе и Ланномъ. Викторъ старался собрать свои батальоны сзади и лѣвѣе Дезе. Наступающій непріятель растягивался болѣе и болѣе съ обоихъ фланговъ. Лѣвое крыло его, подъ командою Отта, уже достигло Виллановы; центръ его, остановившись на короткое время на высотахъ Гуаско, готовился наступать къ Санъ-Джульяно, а правый флангъ дебушировалъ изъ Кассина-Гроссы. Меласъ такъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что поспѣшилъ въ Александрію для отправленія извѣстія въ Вѣну и Генуу, объ одержанномъ имъ успѣхѣ, приказавъ своему начальнику штаба Цаху продолжать наступленіе походными колоннами по большой дорогѣ въ Тортону и собирать плоды побѣды. Ни сколько не сомнѣваясь въ успѣхѣ, Цахъ двинулся уступами весьма отдаленными одинъ отъ другаго. За первымъ уступомъ, состоявшимъ изъ 5,000 отборнѣйшихъ войскъ, подъ личнымъ его начальствомъ, слѣдовали на

четверть льё разстоянія, другіе три, подъ командою Кайма, Бельгарда и Эльсница. Какъ только голова колонны достигла Санъ-Джульяно, маскированная резервная артиллерія моя открыла сильный огонь и распространила смерть въ рядахъ непріятельскихъ; въ то же время Дезе произвелъ стремительную атаку; къ несчастію, одна изъ первыхъ пуль поразила въ грудь этого храбраго генерала и лишила Францію одного изъ преданнѣйшихъ сыновъ ея, а меня, одного изъ любимѣйшихъ сподвижниковъ. Солдаты наши, озлобленные смертью своего знаменитаго начальника, удвоили усилія; непріятель, спѣшившій на встрѣчу вѣрной побѣдѣ, остановился въ изумленіи. Келлерманъ воспользовался этимъ мгновеніемъ и атаковалъ его съ фланга четырьмя эскадронами. Приведенная въ безпорядокъ непріятельская колонна, смялась въ кучу и передняя часть ея, отрѣзанная и окруженная, положила наконецъ оружіе. Войска наши, пользуясь этимъ успѣхомъ, двинулись впередъ. Келлерманъ, предоставивъ пѣхотѣ сбирать плѣнныхъ, поспѣшилъ на встрѣчу отряда Кайма, слѣдовавшаго за Цахомъ на четверть льё разстоянія; блистательная кавалерійская атака, выполненная своевременно и неожиданно, произвела здѣсь тотъ же безпорядокъ. Австрійцы въ смятеніи обратились въ бѣгство. Резервъ ихъ старался удерживаться въ Маренго, но безъ успѣха: ничто не могло остановить стремительнаго напора нашихъ войскъ. Непріятель былъ принужденъ перейти Бормиду въ величайшемъ безпорядкѣ, оставя намъ 8 знаменъ, 20 орудій и 10,000 плѣнныхъ.

Генералъ Оттъ, дошедшій между тѣмъ до Гилины, могъ почесть за счастіе, что успѣлъ возвратиться къ Кастель-Черіоло, уже занятому нашими застрѣльщиками, и не безъ затрудненія отступилъ оттуда къ мостовому укрѣпленію на Бормидѣ.

Эта побѣда была блистательна; послѣдствія ея неисчислимы. Хотя армія Меласа и была еще также многочисленна какъ и наши дивизіи, стоявшія подъ Маренго, и онъ на слѣдующій день могъ возобновить сраженіе; но если бы я и тутъ разбилъ его, то онъ попался бы въ каудинскія фуркулы, и былъ бы долженъ отдаться на мой произволъ. Такъ какъ у него оставался мостъ черезъ По въ Казале, то многіе полагали, что ему по крайней мѣрѣ надлежало воспользоваться этою выгодою и броситься къ Мантуѣ черезъ Миланъ и Брешію. Конечно, это было бы весьма хорошо, если бы ему удалось опрокинуть Шабрана и Монсея; но, если бы наши войска успѣли удержать Австрійцевъ только два дня въ пересѣченныхъ поляхъ Ломбардіи, гдѣ можно сражаться только на дорогахъ и плотинахъ, то не могъ ли я подоспѣть и заставить Меласа положить оружіе? Онъ не могъ также надѣяться пробраться въ Генуу, потому что Сюше, находившійся уже въ Акви, могъ предупредить его. И такъ австрійскому полководцу оставались на выборъ только два способа: или снова атаковать меня подъ Маренго, или спасти своему государю 60,000 разсѣяннаго войска, согласившись сдать мнѣ крѣпости

въ Италіи; первое было славнѣе, второе благоразумнѣе и вѣрнѣе: онъ уступалъ крѣпости, во все не принадлежавшія Австріи, и спасалъ за то прекрасную армію.

На другой день послѣ сраженія, онъ прислалъ ко мнѣ парламентера, чтобы вступить въ переговоры. Я съ радостью принялъ предложеніе, возвращавшее мнѣ однимъ почеркомъ пера обладаніе бо́льшею частью Италіи, и дозволилъ Меласу удалиться съ армією на Минчіо, съ тѣмъ, чтобы онъ сдалъ мнѣ крѣпости Конн, Александрію и Генуу, крѣпостцу Урбино, цитадели Тортоны, Милана, Турина, Пидзигетоне, Піаченцы, Чевы и Савоны, и наконецъ аронскій замокъ.

Александріійское перемиріе вскорѣ распространилось и на войска въ Германіи. Моро, принужденный отрядить ко мнѣ значительную часть своей арміи, подъ командою Монсея, сдѣлался осторожнѣе, и провелъ цѣлый мѣсяцъ около Ульма и укрѣпленнаго лагеря въ незначительныхъ стычкахъ; но, увѣрившись наконецъ, что превосходитъ въ силахъ генерала Края, онъ началъ въ половинѣ Іюня маневрировать, стараясь лишить Австріійцевъ выгодъ этого лагеря. Онъ произвелъ обширное движеніе правымъ флангомъ впередъ, перешелъ Лехъ, занялъ Аугсбургъ и довершилъ свое захожденіе, занявъ на правомъ берегу Дуная позицію, съ которой угрожалъ отрѣзать Края отъ Вѣны. Этотъ маневръ былъ искусенъ и увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Не довольствуясь этимъ, французская армія перешла Дунай подъ Гохштедтомъ и отмстила за посрамленіе, нанесенное въ этихъ равнинахъ французскому оружію, разбивъ лѣвый флангъ и резервъ генерала Края, которому ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ поспѣшно отступить къ Изеру (*).

Моро предупредилъ его въ Мюнхенѣ и оттѣснилъ къ Инну, когда заключенное въ Парсдорфѣ перемиріе остановило военныя дѣйствія и съ этой стороны.

Я имѣлъ право надѣяться, что эти неудачи Австріи склонятъ ее къ миру, и поручилъ австріійскому генералу Сенъ-Жульену, отправиться еще съ поля сраженія при Маренго къ вѣнскому кабинету съ предложеніями мира, давъ ему почувствовать, что я готовъ заключить его на условіяхъ кампо-формійскаго договора.

Правда, что какъ ни блистательна была моя побѣда, но она не довела меня до норическихъ альповъ, какъ въ 1797 году; за то рейнская армія находилась въ положеніи гораздо лучшемъ, нежели въ то время.

Вѣнскій кабинетъ прислалъ ко мнѣ обратно генерала Сенъ-Жульена съ довѣрительнымъ письмомъ самаго императора, позволявшимъ мнѣ полагаться на слова посланнаго. Намѣреніе двора его было, договариваться вмѣстѣ съ Англіею, съ которою Австрія за два дня до полученія

(*) Аббатъ Монгальяръ, низкій клеветникъ, очернявшій гнуснымъ перомъ своимъ всѣхъ, о комъ ни писалъ, говоритъ, что я тащилъ передъ Французами успѣхи Моро; а между тѣмъ, всѣ листы монитера IX года наполнены прекрасно написанными донесеніями Дессолля, начальника штаба Моро. Вотъ какъ позволяли себѣ судить обо всѣхъ моихъ дѣлахъ.

извѣстія о маренгскомъ пораженіи, заключила договоръ о вспоможеніи деньгами. Положеніе было критическое, и договариваться отдѣльно, спустя недѣлю послѣ подобнаго трактата, значило измѣнять своему слову.

Принявъ отъ генерала Сенъ-Жульена довѣрительныя письма, я объяснилъ ему всѣ выгоды, которыя могло доставить двору его поспѣшное заключеніе мира: безъ вѣрнаго поручительства я не могъ согласиться ни на малѣйшую отсрочку; побѣда поставила меня въ такое положеніе, что я всюду могъ съ успѣхомъ продолжать дѣйствія; слѣдовательно каждая недѣля промедленія стоила бы Австріи или крѣпости, или цѣлой области. Сенъ-Жульенъ, болѣе взвѣсивавшій военныя выгоды, нежели дипломатическое положеніе своего кабинета, подписалъ 28 Іюля предварительныя статьи на основаніяхъ договора въ Кампо-Форміо. Дюрокъ отправился съ нимъ въ Вѣну для ратификаціи.

Тугутъ, взбѣшенный тѣмъ, что посолъ его зашелъ далѣе, нежели хотѣлъ вѣнскій кабинетъ, сослалъ его въ Трансильванію и отвергъ предварительныя статьи, объявя однако же, что онъ готовъ продолжать переговоры, но только вмѣстѣ съ Англіею, потому что въ это время англійскій посолъ въ Вѣнѣ, лордъ Минто объявилъ, что лондонскій кабинетъ также согласенъ вступить въ переговоры, имѣющіе цѣлью общую пользу обоихъ дворовъ.

Хотя при настоящемъ положеніи дѣлъ рѣшеніе это было довольно естественно, но оно привело меня въ негодованіе, потому что письмо императора не позволяло ему отступить отъ обязательствъ, на которыя согласился его посланный; къ тому же эти условія были довольно умѣренны. Посредничество Англичанъ должно было неминуемо замедлить ходъ дѣлъ, а всякое замедленіе было выгоднѣе моимъ непріятелямъ, нежели мнѣ; и сверхъ того, я именно желалъ отдѣлить выгоды Австріи отъ выгодъ Англіи. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, я приказалъ генерамъ Моро и Брюну прекратить немедленно перемиріе и въ Германіи, и въ Италіи.

Вѣсть объ этомъ смутила вѣнскій кабинетъ. Онъ чувствовалъ необходимость мира, и я самъ не хотѣлъ отвергнуть его за простое нарушеніе формъ, тѣмъ болѣе, что уже договаривался въ Лондонѣ черезъ Отто о заключеніи перемирія на морѣ. Изъ побѣдоноснаго положенія моего на Иннѣ и Минчіо, я могъ извлечь двойную выгоду; во-первыхъ, достигнуть перемирія на морѣ и такимъ образомъ имѣть возможность отправить нѣсколько фрегатовъ въ Египетъ и Мальту съ людьми, оружіемъ и аммуниціею; а во-вторыхъ, требовать для прекращенія моихъ наступательныхъ дѣйствій, чтобы Австрія сдала мнѣ крѣпости: Ульмъ, Ингольштадтъ и Филипсбургъ. Австрія согласилась, и перемиріе было подписано 20 Сентября въ Гогенлиденѣ и подтверждено для италіянской арміи въ Кастильоне.

Англія не хотѣла согласиться на перемиріе на морѣ, потому что надѣялась на скорую сдачу Мальты, находившейся уже два года въ строгой блокадѣ, и опасалась сверхъ того, что отправленіемъ подкрѣпленій въ Египетъ, мы утвердимъ положеніе наше въ этой странѣ.

На востокѣ случилось между тѣмъ происшествіе, которое могло имѣть весьма важныя послѣдствія. Клеберъ, по отъѣздѣ моемъ изъ Египта, смотрѣлъ на свое положеніе, со слишкомъ дурной точки зрѣнія; онъ жаловался на меня директоріи; но, когда письмо его пришло въ Парижъ, кормило правленія было въ моихъ рукахъ. Полагая, что первый консулъ не долженъ мстить за ссоры съ генераломъ Бонапарте, я отвѣчалъ Клеберу ласково, поощряя его держаться по возможности. Между тѣмъ визирь Мехметъ-Паша, увѣренный, что ему стоитъ только показаться, чтобы побѣдить, подступилъ къ Эль-Аришу съ 50-тысячною арміею. Клеберъ предложилъ ему очистить Египетъ, и Турки съ радостію приняли это предложеніе. Но Англичане, узнавъ, что условія договора уже всюду приводятся въ исполненіе, и что большая часть крѣпостей сдана Туркамъ, почли себя въ правѣ отказать въ ратификаціи этого трактата, не смотря на то, что переговоры производились вмѣстѣ съ Сиднеемъ-Смитомъ. Они расчитывали, что весь Египетъ будетъ уже въ рукахъ Турокъ до прибытія отказа ихъ, и что армія наша, принужденная сѣсть на суда, попадетъ во власть англійскаго флота; но этотъ Махіавелевъ разсчетъ обратился къ стыду ихъ.

Клеберъ сдѣлалъ очевидную безразсудность; онъ чувствовалъ, что могъ поправить ее только побѣдою, и двинулся 20-го Марта на встрѣчу визирю, шедшему къ Геліополису. Менѣе нежели въ 4 часа, онъ совершенно разбилъ турецкую армію, отбросилъ ее въ степь, съ урономъ до 10,000 человѣкъ, и съ торжествомъ вошелъ въ Каиръ, вытѣснивъ оттуда турецкій корпусъ, занявшій было этотъ городъ. Визирь отмстилъ за свое пораженіе низкимъ убійствомъ: Клеберъ былъ умерщвленъ по его приказанію въ тотъ самый день, когда оружіе наше покрывалось новою славою подъ Маренго.

Геліопольская побѣда могла бы упрочить наше положеніе въ Египтѣ, если бы удалось перевезть въ эту страну нѣсколько тысячъ человѣкъ подкрѣпленія и все что нужно для основанія колоніи. Питтъ и Гренвиль, опасаясь этого, изыскивали всѣ возможныя препятствія, чтобы не допустить перемирія на морѣ.

Я далъ имъ почувствовать, какъ безразсудно было бы съ моей стороны заключить миръ съ державою, надъ которою я имѣлъ превосходство, продолжая вести войну съ другою, и лордъ Гренвиль убѣдился справедливостью этого довода. Англичане соглашались на необходимость морскаго перемирія и уничтоженіе крейсерства; но не хотѣли дозволить нашимъ военнымъ судамъ свободное плаваніе и только позволяли снабдить на двѣ недѣли жизненными потребностями Мальту и Александрію. (Мальта сдалась 5-го Сентября генералу Пиготу, въ то самое время, когда мы спорили о снабженіи ея припасами; но происшествіе это тогда еще не было намъ извѣстно.) Послѣ этого казалось, что мы не могли сойтись на счетъ заключенія мира ни съ обѣими державами вмѣстѣ, ни съ одною Австріею.

Я воспользовался въ Парижѣ свободнымъ временемъ, доставленнымъ

мнѣ этою остановкою военныхъ дѣйствій, чтобы привесть въ порядокъ отношенія наши съ Соединенными Штатами.

Демагогическія глупости агентовъ комитета общественнаго спокойствія, поссорили насъ въ 1793 году, а забвеніе своего долга уполномоченными директоріи препятствовало Пикрисю возстановить доброе согласіе, которое никогда бы не должно было нарушаться между нами. Правда, что Американцы могли упрекнуть себя въ томъ, что согласились на право осмотра судовъ, которое Англія себѣ присвоила; но явнымъ разрывомъ или сильными угрозами мы не могли обратить ихъ къ лучшему расположенію. Побѣды мои открыли новое, вѣрнѣйшее средство. Находившіеся уже два года въ Парижѣ депутаты, согласились съ братомъ моимъ Іосифомъ и Редереромъ, и договоромъ, заключеннымъ 30-го Сентября въ Морфонтенѣ, опредѣлили дальнѣйшія, совершенно дружескія отношенія между обѣими державами, утвердивъ основанія морскаго права. Свобода нейтральнаго мореплаванія, была торжественно объявлена, безъ другихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя проистекаютъ изъ всеобщаго права, касательно блокированія гаваней и запрещенныхъ товаровъ, то есть жизненныхъ припасовъ, оружія и аммуниціи. Наконецъ постановленіе, что флагъ прикрываетъ товаръ, было принято, какъ единственное, достойное справедливаго и мудраго законодательства.

Это событіе было чрезвычайно важно, потому что уже съ Августа мѣсяца Данія и Швеція были вовлечены въ важные споры съ Англіею, которая, не довольствуясь тѣмъ, что нарушала всѣ постановленія морскаго права, не стыдилась даже нападать на купеческіе флоты, шедшіе подъ прикрытіемъ датскихъ и шведскихъ военныхъ кораблей. Россія и Пруссія, заботясь о поддержаніи уваженія къ своимъ флагамъ, вмѣшались въ этотъ важный споръ, и собиравшаяся отвсюду буря угрожала Великобританіи.

При такихъ обстоятельствахъ, мнѣ не прилично было подавать примѣръ уступчивости требованіямъ Англичанъ. Напротивъ того, я твердо рѣшился не иначе приступить къ переговорамъ о мирѣ, какъ обезпечивъ хотя довольно выгоднымъ морскимъ перемиріемъ важнѣйшія для меня дѣла. Такъ какъ предложенныя лордомъ Гренвилемъ условія не соотвѣтствовали моей цѣли, то переговоры прекратились въ Лондонѣ 9-го Октября, и я объявилъ, что заключу договоры съ Австріею и Англіею не иначе какъ отдѣльно.

Въ тотъ самый день, въ который прекратились въ Лондонѣ переговоры, въ Парижѣ приведенъ былъ въ исполненіе заговоръ, имѣвшій цѣлью лишить меня жизни. Низкіе бунтовщики, сравнивая себя съ Брутами и Кассіями, изыскивали во мракѣ средства, освободиться отъ человѣка, котораго ихъ распаленное воображеніе представляло имъ вторымъ Кромвелемъ или восточнымъ деспотомъ.

Я собирался ѣхать въ этотъ день въ оперу; весь Парижъ это зналъ. Фуше донесъ мнѣ, что заговорщики, за непмѣніемъ Капитолія, избрали для исполненія своей цѣли коридоры

театра. Меня уговаривали не ѣхать туда; я не хотѣлъ слѣдовать такому малодушному совѣту, но приказалъ принять всѣ нужныя мѣры для взятія подъ стражу виновныхъ. Черакки и Арена были схвачены съ оружіемъ, которымъ хотѣли меня умертвить, и преданы суду.

Англія, посреди возбужденныхъ ею споровъ, усугубляла свою отважность и дѣятельность, стараясь обезпечить за собою выгоды, доставляемыя ей настоящимъ положеніемъ дѣлъ, и чтобы заставить народъ забыть о бѣдствіяхъ голода, свирѣпствовавшаго во всѣхъ трехъ королевствахъ Великобританіи, побѣдоносный флагъ ея развѣвался на всѣхъ пунктахъ земнаго шара. Казалось, что англійскому правительству не доставало только гарнизоновъ, чтобы занять полвселенной. Потеря колоній дѣйствовала на политику европейскихъ государствъ, такъ же какъ и на морскую силу ихъ; разрушивъ торговлю народовъ въ другихъ частяхъ свѣта, она лишила ихъ основныхъ элементовъ морской силы и препятствовала имъ поддерживать ихъ колоніяльную систему.

Еще за полгода Суринамъ и Демерари, голландскія колоніи на американскомъ материкѣ, были отняты Англичанами; той же участи подверглись и острова Курасао и Св. Евстахія. Адмиралъ Поффъ отплылъ, неизвѣстно для чего, въ южный океанъ. Въ разныхъ гаваняхъ Англіи готовилась также значительная экспедиція, долженствовавшая подъ начальствомъ генерала Пёльтнея соединиться съ Абёркрёмби, для приведенія въ дѣйствіе какаго-то важнаго предпріятія. Вотъ выгоды обширной морской силы: она всему угрожаетъ и никогда неизвѣстно, гдѣ она появится; она наноситъ удары, когда и гдѣ ей заблагоразсудится.

Экспедиція Пёльтнея могла имѣть цѣлью Голландію, изъ которой мы вывели войска, сначала для образованія резервной арміи, а въ послѣдствіи для составленія французско-батавской арміи, которую Ожеро собиралъ подъ Майнцомъ; экспедиціи этой также легко было напасть на Антверпенъ, Флессингенъ, Булонь, какъ и вторгнуться въ Испанію или сдѣлать высадку въ Египетъ. Предполагая, что Англичане направятся противъ Голландіи или Антверпена, я собралъ близъ Аміена корпусъ подъ начальствомъ Мюрата; въ составъ этого корпуса поступили гренадеры всѣхъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ. Но Пёльтней отплылъ къ берегамъ Испаніи, гдѣ онъ надѣялся сдѣлать то же съ флотомъ феррольскимъ, что Абёркрёмби и адмиралъ Мичель сдѣлали съ батавскимъ въ Текселѣ. 25-го Августа Пёльтней пропзвелъ высадку и атаковалъ крѣпостцу Св. Филиппа и бріонскія высоты; но адмиралъ Морено, высадивъ часть экипажей своей эскадры, воспрепятствовалъ исполненію этого предпріятія, успѣхъ котораго былъ, кажется, основанъ только на нечаянности нападенія и на нерадѣніи, съ которымъ Испанцы обыкновенно исполняютъ службу. Пёльтней, встрѣтивъ сопротивленіе, тотчасъ же отказался отъ своего покушенія и отплылъ въ Кадиксъ.

Въ то же время Абёркрёмби, котораго присутствіе въ Италіи сдѣлалось

ненужнымъ послѣ заключеннаго перемирія, получилъ повелѣніе отправиться къ Кадиксу и эскадры соединились при Гибралтарѣ.

Лордъ Кейтъ, предводительствуя этою новою армадою, явился 6-го Октября передъ Кадиксомъ. Этотъ богатый городъ былъ тогда добычею такой сильной желтой лихорадки, что многіе жители оставили его. Однако жъ, менѣе смѣлый, нежели знаменитый Эссексъ, лордъ Кейтъ удовольствовался сначала бомбардированіемъ. Генералъ Морла, комендантъ города, упорно оборонялся. Наконецъ Абёркрёмби высадилъ часть своихъ войскъ у мыса Санъ-Лукара; они уже начали наступательное движеніе, какъ вдругъ получили повелѣніе оставить свое предпріятіе и снова сѣсть на суда. Полагаютъ, что болѣзнь заразы была причиною этого приказанія, спасшаго Кадиксъ.

Эти два предпріятія удались бы можетъ быть, если бы производились съ бо̀льшею настойчивостію: непонятно, какъ англійскіе генералы, имѣя въ распоряженіи своемъ такіе способы, могли ограничиться однѣми демонстраціями.

Между тѣмъ, какъ война такъ дѣятельно производилась на морѣ, дѣла на твердой землѣ не принимали еще рѣшительнаго оборота. Тугутъ, оставлявшій министерство въ 1797 году, чтобы только не вести съ нами переговоровъ, снова сдалъ должность графу Кобенцелю (4 Октября); но какъ сей послѣдній нѣсколько дней спустя выѣхалъ изъ Вѣны въ Люневилль, гдѣ предполагали открыть конгрессъ, то мѣсто его заступилъ графъ Лербахъ, подъ именемъ котораго Тугутъ продолжалъ управлять дѣлами.

Онъ все еще надѣялся исторгнуть Италію изъ нашихъ рукъ. Армія Австрійцевъ на Минчіо была усилена. Неаполитанцы, освободившись отъ внутреннихъ распрей и кровавыхъ приговоровъ королевы, бесчеловѣчно исполнявшихся на корабляхъ Нельсона, приближались къ тосканскимъ границамъ. Можно было ожидать, каждый часъ, что Абёркрёмби высадится въ Ливорно съ своею небольшою арміею, съ которою онъ разъѣзжалъ изъ Минорки къ берегамъ Тосканы и оттуда къ Гибралтару. Великій герцогъ, съ помощью австрійскаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Соммаривы, занимался образованіемъ народнаго ополченія.

Я рѣшился предупредить соединеніе этихъ грозныхъ силъ. Генералъ Дюпонъ получилъ приказаніе вступить въ тосканскія владѣнія, обезоружить вновь образованное ополченіе и занять Флоренцію и Ливорно; что онъ и исполнилъ 16 Октября, послѣ незначительныхъ сраженій при Барберино и Арредзо.

Дѣятельность, съ которою производились политическіе переговоры въ продолженіи Іюля, Августа и Сентября мѣсяцевъ, не препятствовала обѣимъ сторонамъ продолжать приготовленія. Я поручилъ Макдональду образовать въ Дижонѣ вторую резервную армію, силою отъ 14 до 15,000 и приказалъ ей вступить въ Швейцарію. Небольшая французско-батавская армія такой же силы, собиралась въ Майнцѣ, подъ начальствомъ Ожеро. Цѣль этихъ корпусовъ, была освободить главныя

мои арміи отъ тѣхъ второстепенныхъ дѣйствій, которыя безпокоятъ фланги, заставляютъ раздроблять силы и влекутъ за собою всѣ ошибки посредственныхъ полководцевъ. Макдональду слѣдовало въ одно и тоже время прикрывать въ Тиролѣ лѣвый флангъ Брюна и правый Моро, и маневрировать такимъ образомъ, чтобы обходить фланги непріятеля и сохранять сообщеніе между обѣими арміями. Ожеро надлежало очистить лѣвый берегъ Дуная, удерживать армію, собираемую непріятелемъ въ Богеміи, и доставить полную свободу дѣйствіи прекрасной арміи Моро.

Австрійцы также не теряли времени; эрцъ-герцогъ палатинъ отправился въ Венгрію, чтобы снова, какъ въ 1797 году, произвесть поголовное возстаніе. Эрцъ-герцогъ Карлъ, который, подпавъ подъ несправедливую немилость, былъ лишенъ главнаго начальства и назначенъ губернаторомъ въ Богемію, формировалъ тамъ новые отряды войскъ, силою отъ 10 до 12,000 человѣкъ, которые скоро должны были вступить въ строй. Во всѣхъ наслѣдственныхъ земляхъ австрійскихъ собирались рекруты для пополненія полковъ. Сверхъ того императорская армія была усилена небольшимъ отрядомъ Конде, перешедшимъ изъ россійской въ англійскую службу и прекраснымъ баварскимъ вспомогательнымъ войскомъ. Императоръ Францъ самъ отправился въ армію, для возбужденія въ ней любви къ отечеству и славѣ. Трудно рѣшить, какія причины побудили его назначить главнокомандующимъ, на мѣсто Края, эрцъ-герцога Іоанна, юнаго принца, хотя имѣвшаго военныя познанія, но не обладавшаго ни опытностію, ни дарованіями своего брата, эрцъ-герцога Карла. Къ нему назначили, въ званіи совѣтниковъ, Лауэра и Вейротера, тѣхъ самыхъ генераловъ, которые, въ достопамятные дни Бассано и Риволи, руководили дѣйствіями Вурмзера и Альвинци, и которые, не смотря на свою ученость, дѣйствовали такъ, что всегда терпѣли пораженія. Нѣтъ ничего хуже этой учености, безъ хорошихъ основныхъ правилъ.

При подобныхъ вооруженіяхъ, Австрія считала постыднымъ заключить миръ съ уступкою Мантуи, находившейся еще въ ея власти. Государство рѣдко заключаетъ миръ послѣ нѣсколькихъ пораженій, не возвратя части потеряннаго, въ вознагражденіе за уступку остальнаго; еще рѣже рѣшается оно уступить болѣе нежели потеряло, и особенно, видя возможность защищать свои уступки. Я въ послѣдствіи скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ мало обратили вниманія на эти весьма естественныя правила, при предложеніяхъ, которыя хотѣли заставить меня принять.

Всякая надежда на заключеніе мира безъ новаго боя исчезла. Я рѣшился, не смотря на суровое время года, прекратить перемиріе въ половинѣ Ноября. Оставляя Австрійцевъ въ покоѣ, въ продолженіе цѣлой зимы, мы бы поступили противъ собственныхъ нашихъ выгодъ. Моро и Брюнъ получили приказаніе объявить противникамъ о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Я составилъ чрезвычайно смѣлый планъ, чтобы обойти армію Бельгарда на Минчіо: Макдональдъ долженъ

былъ перейти хребетъ ретическихъ Альповъ, дебушировать къ Тренту и опрокинуть Австрійцевъ къ каналамъ Венеціи, между тѣмъ какъ Брюнъ будетъ атаковать ихъ съ фронта. Для большей увѣренности въ успѣхѣ, я приказалъ Мюрату выступить изъ аміенскаго лагеря въ Италію, какъ скоро цѣль экспедиціи Пёльтнея обнаружится и сдѣлаетъ его присутствіе излишнимъ. Въ головѣ моей родилась на одно мгновеніе мысль двинуться на Вѣну съ 80,000 черезъ норическіе Альпы, въ то самое время, какъ Моро подступилъ бы къ этой столицѣ по долинѣ Дуная. Однако же я рѣшился не присутствовать лично при арміи Брюна, потому что по ходу событій, дѣйствія ея должны были сдѣлаться второстепенными; въ намѣреніи моемъ утвердило меня еще болѣе то, что случилось въ Парижѣ во время сраженія при Маренго. Побѣжденная 18 Брюмера партія, была не совершенно уничтожена; говорятъ, что, получивъ первое извѣстіе объ успѣхахъ Меласа, привезенное однимъ купеческимъ курьеромъ, якобинцы, считавшіе меня побѣжденнымъ, предложили Карно, бывшему тогда военнымъ министромъ, воспользоваться этимъ и низложить меня. Не извѣстно, на что бы онъ рѣшился, если бы мой курьеръ, пріѣхавшій часомъ позже съ извѣстіемъ о совершенной побѣдѣ, не далъ обстоятельствамъ совсѣмъ другой оборотъ. Я заключилъ изъ этого, что гораздо благоразумнѣе управлять военными дѣйствіями изъ кабинета, и приказалъ Бертье снова принять портфель военнаго министерства.

Макдональдъ находилъ, что данное ему порученіе неисполнимо и что у него не было достаточныхъ средствъ; онъ отправилъ ко мнѣ своего начальника штаба, чтобы представить мнѣ всѣ эти причины.

Выслушавъ со вниманіемъ донесеніе его, я разспросилъ о предполагаемой силѣ и расположеніи корпуса генерала Гиллера, находившагося со стороны Германіи, и дивизіи: Лаудона, Дедовича и Вукассовича, прикрывавшихъ Тироль со стороны Италіи. Обнявъ однимъ взглядомъ массу Альповъ между Рейномъ и Эчемъ, я обдумалъ различныя соображенія, представляемыя этимъ пространнымъ театромъ войны, и заключилъ этими словами: «Мы возьмемъ Тироль, эту «огромную крѣпость, безъ боя; намъ «должно маневрировать на флангахъ «Австрійцевъ, угрожать послѣднему «пути сообщенія ихъ; они сами по- «спѣшатъ очистить всѣ верхнія до- «лины. Я ничего не перемѣню въ «моемъ предположеніи. Возвратитесь «какъ можно поспѣшнѣе; я скоро «прерву перемиріе: *скажите Макдо- «нальду, что армія можетъ пройти «всегда, во всякое время года и вездѣ, «гдѣ только могутъ ступить два че- «ловѣка.* Двѣ недѣли спустя послѣ «начатія военныхъ дѣйствій, грау- «бинденская армія должна быть у «источниковъ Адды, Оліо и Эча, «сразиться съ непріятелемъ на горѣ «Тональ, раздѣляющей ихъ, и до- «стигнувъ Трента, составить лѣвый «флангъ италіянской арміи, чтобы «вмѣстѣ съ нею дѣйствовать въ тылъ «Бельгарду. Я же не замедлю от- «править подкрѣпленія туда, гдѣ они «будутъ нужны. Я цѣню достоинство

«начальника не по числу силъ, но «по цѣли и важности порученія.»

Въ концѣ Ноября, начались опять военныя дѣйствія. Нѣсколько дней спустя, Моро выигралъ рѣшительное сраженіе при Гогенлиденѣ. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ, хотѣвшій начать наступательныя дѣйствія, вмѣсто того, чтобы ожидать насъ въ своей неприступной позиціи за Инномъ, бросился въ лѣсистую страну между этою рѣкою и Изеромъ, чтобы дебушировать къ Мюнхену, и при Дахау соединиться съ корпусомъ Кленау и большею частью кавалеріи, направленными на Регенсбургъ. По совѣту Вейротера, эрцъ-герцогъ вступилъ 3 Декабря въ большой гогенлиденскій лѣсъ четырьмя колоннами. Три изъ нихъ шли по чрезвычайно дурнымъ дорогамъ, еще болѣе испорченнымъ изобильнымъ снѣгомъ. Главная же колонна, состоявшая изъ центра, всѣхъ парковъ и резервовъ, производила движеніе свое черезъ лѣсъ по прекрасному шоссе, и, достигнувъ Анцинга двумя часами ранѣе прочихъ колоннъ, попала въ середину дивизіи Моро, и была ими жарко встрѣчена. По не менѣе счастливому случаю, Ришпансъ, направляясь черезъ лѣсъ по поперечной дорогѣ, пересѣкъ линію движенія лѣваго фланга Австрійцевъ, далеко отставшаго, достигъ шоссе, овладѣлъ имъ, и атаковалъ съ тыла центръ эрцъ-герцога въ дефиле, котораго выходъ былъ запертъ войсками Моро. Тѣснимый въ этой западнѣ со всѣхъ сторонъ, эрцъ-герцогъ Іоаннъ могъ почесть себя счастливымъ, успѣвъ возвратиться къ Инну, съ потерею 100 орудій и 12,000 человѣкъ.

Эта побѣда была тѣмъ счастливѣе, что была одержана безъ содѣйствія праваго фланга, подъ начальствомъ Лекурба, и лѣваго, подъ командою Колло; хотя Моро, получивъ извѣстіе о наступательномъ движеніи непріятеля, тотчасъ же приказалъ имъ примкнуть къ себѣ, но они не успѣли прибыть во время.

Побѣдоносная армія быстро слѣдовала за устрашеннымъ непріятелемъ. Головы колоннъ нашихъ, подъ начальствомъ Лекурба, Ришпанса, Декаэна, молодыхъ, пылкихъ и дѣятельныхъ воиновъ, гнали его почти безъ отдыха, съ тою неутомимостью, примѣръ которой я показалъ имъ въ 1796 году.

Даже самый Инъ, эта грозная естественная преграда, усиленная тремя укрѣпленными во время перемирія мостами и крѣпостью Браунау, не могла ихъ удержать долѣе сутокъ. Ошибочное расположеніе непріятеля позволило Моро, угрожая правому флангу Австрійцевъ, перейти Инъ въ Розенхаймѣ, на крайней оконечности лѣваго крыла ихъ.

Австрійцы держались передъ Зальцбургомъ, и Лекурбъ едва не былъ принужденъ вступить въ невыгодный бой: но рѣшимость его дала ему время поправить дѣло. Зальца, Траунъ и Энсъ были переѣдены съ тою же стремительностію. Ришпансъ нѣсколько разъ захватывалъ части непріятельскаго арріергарда и показалъ большое искуство въ своихъ дѣйствіяхъ. Генералъ Кленау, направленный на Регенсбургъ съ корпусомъ довольно сильнымъ, въ особенности кавалеріею, былъ остановленъ въ движеніи своемъ пораженіемъ

главной арміи и не могъ предпринять ничего лучшаго, какъ соединиться съ генераломъ Симбшеномъ и богемскими войсками, чтобы напасть на небольшую армію Ожеро, который, занявъ Вюрцбургъ и обложивъ цитадель этого города, подступалъ къ Нюрембергу. Хотя Австрійцы и одержали частный успѣхъ на этомъ второстепенномъ пунктѣ, но не смотря на то, главная ихъ армія должна была отступить къ Санктъ-Польтену въ величайшемъ разстройствѣ. Въ продолженіе этого кратковременнаго похода, достопамятнаго переправами черезъ Иннъ и Зальцу, и дѣлами при Шванштадтѣ, Фоклабрюкѣ и Ламбахѣ, генералы Ришпансъ, Лекурбъ и Декаэнъ покрылись славою.

Эрцъ-герцогъ Карлъ принялъ отъ брата своего начальство надъ лишенною бодрости арміею, потерявшею въ продолженіе двадцати дней 25,000 человѣкъ, 120 орудій и 4,000 повозокъ. Какимъ образомъ могъ онъ, прибывъ къ этой арміи безъ подкрѣпленій и даже безъ надежды на скорое полученіе ихъ, возвратить ей самонадѣянность и побѣду?

Онъ предложилъ перемиріе. Моро дано было приказаніе принять это предложеніе, если Австрія согласится безъ замедленія и отдѣльно отъ Англіи вступить въ переговоры. Двое сутокъ должно было ждать отвѣта изъ Вѣны, а Моро не соглашался остановить свое движеніе, будучи увѣренъ, что продолженіе дѣйствій принесетъ ему богатую добычу плѣнными и обозомъ. Наконецъ вѣнскій кабинетъ согласился на все, и 23-го Декабря генералъ Брюне подписалъ въ Штейерѣ перемиріе, но только для германскихъ войскъ.

Италіянская армія оставалась въ бездѣйствіи. Брюнъ не находилъ ни какой выгоды принуждать непріятеля къ бою, потому что все еще ожидалъ Макдональда и Мюрата. Белльгардъ, которому назначеніе этихъ двухъ отрядовъ было неизвѣстно, хотѣлъ переждать осенніе дожди, затруднявшіе движеніе между рукавами Оліо и нижняго По.

Послушная повелѣніямъ моимъ, граубинденская армія со рвеніемъ бросилась черезъ снѣга и льды Сплюгена, въ такое время года, когда даже путешественники, могущіе принять всѣ мѣры предосторожности, боятся рѣшиться на подобное предпріятіе.

Груды нетвердаго, легкаго снѣга, едва прикрывающія ужасныя пропасти, грозныя лавины, тысячи другихъ разнородныхъ опасностей, не могли удержать храбрыхъ воиновъ, уже давно привыкшихъ презирать смерть. Наконецъ, послѣ чрезвычайныхъ усилій, колонны достигли цвѣтущихъ береговъ озера Комо.

Но этого было мало; и среди живописныхъ странъ Италіи надобно было чѣмъ нибудь питаться, а наши войска должны были добывать изъ Ломбардіи средства для продовольствія арміи, которую не могъ прокормить изнуренный и истощенный Вальтелинъ. Макдональдъ перешелъ второстепенную цѣпь горъ Коль д'Априга, которыя хотя и не такъ высоки какъ Сплюгенъ, но представляютъ можетъ быть еще болѣе препятствій для прохода войскъ.

Онъ предложилъ Брюну отрядить

къ нему лѣвый флангъ италіянской арміи, чтобы выйдетъ изъ горъ, сдѣлать болѣе рѣшительное нападеніе. Но Брюнъ опасался слишкомъ ослабить себя въ долинѣ, и чрезъ то подвергнуться нападеніямъ Белльгарда; потому что, если бы онъ былъ разбитъ и опрокинутъ на Адду, то армія Макдональда неминуемо погибла бы въ ущельяхъ Тироля.

Оба они были правы: полезно было соединить усилія наши на лѣвомъ флангѣ, но только не частью войскъ. Если бъ я находился тамъ, то оставивъ на Эчѣ слабый корпусъ, я двинулся бы съ лѣвымъ флангомъ и центромъ на соединеніе съ Макдональдомъ и сдѣлалъ бы съ Белльгардомъ то же, что съ Вурмзеромъ при Бассано, въ 1796 году. Макдональдъ, обиженный отказомъ, произвелъ съ однѣми своими войсками нападеніе на гору Тональ, которой ледяная вершина была увѣнчана окопами. Онъ былъ опрокинутъ.

Переправа черезъ Минчіо совершилась 25-го Декабря; назначено было произвесть ее въ Мондзамбано; правый флангъ, подъ начальствомъ Дюпона, долженъ былъ сдѣлать ложную атаку при Вольтѣ. Остановка въ исполненіи предположенія была причиною, что центру и лѣвому флангу было отмѣнено приказаніе; Дюпонъ получилъ извѣстіе объ этомъ уже тогда, когда совершилъ свою ложную переправу, которая такимъ образомъ превратилась въ настоящую. Правое крыло должно было выдержать всѣ атаки Белльгарда и всѣ усилія его противу Подзоло. Сюше, безъ приказанія Брюна, подоспѣлъ къ нему на помощь, и войска наши противу всякаго ожиданія удержались на лѣвомъ берегу. Въ слѣдующій день, Брюнъ дѣйствительно переправился въ Мондзамбано; непріятель повсемѣстно уступалъ атакамъ прекрасной нашей арміи, побѣдоносное движеніе которой и самый Эчъ могъ остановить только на мгновеніе. Лѣвый флангъ, подъ командою Монсея, двинулся вверхъ по этой рѣкѣ на Ровередо.

Оставивъ половину небольшаго своего корпуса у источниковъ Эча, подъ командою Бараге-д'Илье, Макдональдъ перешелъ скалы Априги и спустился къ Брено, чтобы открыть сообщеніе съ бригадою Лекки, посланною къ нему на встрѣчу Брюномъ. Опрокинутый, какъ уже сказалъ я, при нападеніи на тональскую гору, онъ долженъ былъ обратиться черезъ Пизоньо и Коль-Санъ-Дзено на Сторо, проложивъ себѣ дорогу черезъ льды, какъ и на Сплюгенѣ. Этотъ кратковременный походъ былъ весьма замѣчателенъ, въ особенности, по всякаго рода затрудненіямъ и естественнымъ препятствіямъ, которыя наши войска преодолѣли своею рѣшительностью, самоотверженіемъ и мужествомъ. Исторія сохранитъ его для потомства, какъ одинъ изъ памятниковъ нашей славы.

Наконецъ, 4 Генваря, Макдональдъ возстановилъ сообщеніе съ Монсеемъ и дебушировалъ 7, черезъ Коль-Весаньо, къ Тренту, гдѣ примкнулъ къ нему Вандаммъ, спустившійся черезъ посскую долину, какъ только непріятель очистилъ Тональ.

Правый флангъ Белльгарда, стоявшій въ Кальяно между Монсеемъ и Макдональдомъ, казался погибшимъ.

Генералъ Лаудонъ спасъ его, обманувъ Моисея ложнымъ извѣстіемъ о заключеніи перемирія. Австріійцы пробрались долиною Бренты, на соединеніе съ Белльгардомъ. Моисей, думавшій занять Трентъ въ слѣдствіе переговоровъ своихъ съ Лаудономъ, не мало изумился, нашедъ тамъ Макдональда. Досадуя, что далъ себя обмануть такою пошлою военною хитростію, которая, однако же, почти всегда удается, онъ бросился за Лаудономъ и Вукассовичемъ въ долину Бренты. Макдональдъ двинулся на Боценъ за австрійскою дивизіею, прикрывавшею Граубинденъ и верхній Эчъ и которую Бараге-д'Илье оттѣснилъ къ Мерану. Онъ уже готовъ былъ окружить ее, но тревизское перемиріе связало ему руки въ то самое мгновеніе, когда онъ могъ собрать по крайней мѣрѣ нѣсколько трофеевъ, за свой трудный походъ.

Брюнъ, слабо тѣснившій непріятеля къ Тревизѣ, дѣйствительно заключилъ перемиріе, по которому предоставлялъ Австріійцамъ Мантуу и давалъ свободный пропускъ гарнизонамъ Вероны, Леньяго, Пескьеры и Анконы, уступленныхъ ему непріятелемъ. Это была двойная глупость, потому что Мантуа должна была сдѣлаться главнымъ пунктомъ переговоровъ съ вѣнскимъ кабинетомъ, а гарнизоны, которымъ онъ дозволилъ уйти, были бы принуждены сдаться военнопленными. Я предвидѣлъ эту ошибку, и пятью днями ранѣе предписалъ Брюну не иначе заключить перемиріе, какъ получивъ Мантуу. Приказаніе мое опоздало двумя днями. Этотъ странный договоръ тѣмъ болѣе былъ не у мѣста, что Мюратъ въ тоже время вступилъ въ Ломбардію и приближался къ По съ 12,000 отборнаго войска.

Въ слѣдствіе этого, я приказалъ Брюну тотчасъ же прекратить перемиріе, двинуться впередъ и остановить военныя дѣйствія только тогда, когда ему уступятъ Мантуу. Кобенцель, узнавъ въ Люневиллѣ объ этомъ затрудненіи, поспѣшилъ устранить его, согласясь на сдачу крѣпости и утвердилъ такимъ образомъ тревизское перемиріе.

Мнѣ бы ничего не оставалось желать въ это время, если бы происшествіе 3 Нивоза (24 Декабря) не доказало мнѣ, что я еще стою надъ едва закрытымъ жерломъ волкана. Этотъ не предвидѣнный заговоръ былъ единственный, котораго не предупредила полиція. Заговорщиковъ было не много, и потому онъ удался. Предпріятіе было весьма просто: оно состояло только въ томъ, чтобы какъ нибудь остановить мой экипажъ во время проѣзда черезъ сенъ-никезскую улицу и взорвать его на воздухъ посредствомъ машины, наполненной порохомъ и другими подобными веществами, и названной *адскою*.

Странный случай спасъ меня отъ погибели. Всеобщее участіе вполнѣ вознаградило меня за этотъ заговоръ, для котораго неудачно выбрали время. Во Франціи ничто не было еще готово для пріема бурбоновъ.

Стали отыскивать преступниковъ. Я откровенно признаюсь, что подозрѣвалъ только площадныхъ брутовъ; мы привыкли приписывать имъ всѣ преступленія. Я весьма удивился, когда по изслѣдованіи оказалось, что

жители улицы сенъ-никезской были обязаны роялистамъ тѣмъ, что взлетѣли на воздухъ.

Неаполитанцамъ, рѣшившимся, кажется, все дѣлать не въ попадъ, вздумалось во время дѣйствій Брюна противу Австрійцевъ, вытѣснить наши отряды изъ Сіенны и занять Тоскану. Графъ Дамасъ вступилъ туда съ 8,000 Неаполитанцевъ. Соммариве, шедшему туда же изъ Анконы, поручено было взбунтовать сосѣднія долины и перейти Аппенины, чтобъ съ нимъ соединиться. Мюратъ подходилъ въ то время къ Пармѣ. Міоллисъ, движимый отважностію, пошелъ между тѣмъ на встрѣчу Неаполитанцамъ съ 3,000 французско-цизальпинскихъ войскъ, и нанесъ имъ совершенное пораженіе при Санъ-Донато, 14 Генваря. Тревизское перемиріе остановило дѣйствія Соммаривы и предало Неаполь въ наши руки.

Увѣренный, что съ Австріею скоро будетъ заключенъ миръ, и что во всякомъ случаѣ перемиріе дастъ намъ время сладить съ Неаполемъ, я предписалъ Брюну усилить двумя дивизіями Мюрата, которому приказалъ итти къ Риму съ 27,000. Мнѣ хотѣлось овладѣть прекрасною рейдою Тарента, которая еще Карѳагенянамъ служила крѣпкимъ пунктомъ, дававшимъ имъ возможность противиться римскому могуществу на полуостровѣ; рейда эта, съ незначительными поправками, могла вмѣщать огромные флоты. Въ то время, когда Египетъ находился еще въ нашей власти, она имѣла для меня двойную цѣну, представляя выгодный пунктъ для отправленія туда подкрѣпленій. Мюратъ безпрепятственно дошелъ до Фолиньо.

Между тѣмъ неаполитанскій дворъ предчувствовалъ опасность, въ которую его должны были ввергнуть слѣдствія сраженія при Маренго. Хотя королева Каролина и была ослѣплена своею ненавистью къ намъ; однако нельзя не сознаться, что она имѣла обширный умъ. Она отправилась въ Вѣну и оттуда въ Петербургъ, просить помощи Россіи, столь сильно содѣйствовавшей къ возвращенію ей престола.

Виды императора Павла I-го на Мальту естественнымъ образомъ должны были расположить его ко всему, что могло дать ему силу въ Неаполѣ; но занятіе этого острова Англичанами раздражило его до такой степени, что онъ рѣшился дѣйствовать вмѣстѣ со мною, и послалъ Колычева въ Парижъ, а Левашова въ Италію. Неудовольствіе россійскаго монарха дошло до того, что Людовикъ XVIII долженъ былъ оставить Митаву и удалиться въ Варшаву.

Мнѣ было весьма выгодно удовлетворить требованіямъ императора Павла I и притомъ было бы безполезно оставлять въ бездѣйствіи большія массы войскъ въ отдаленнѣйшей части полуострова, и потому я охотно принялъ предложенія Левашова. Согласно съ моимъ приказаніемъ, Мюратъ подписалъ въ Фолиньо перемиріе съ дворомъ Обѣихъ Сицилій, который во всемъ удовлетворилъ насъ, и согласился даже на занятіе нашими войсками тарентской рейды до заключенія общаго мира. Для взятія ее былъ командированъ Сультъ съ 10,000; я предписалъ ему немедленно приступить къ работамъ, необходимымъ для того, чтобы обезопасить

этотъ пунктъ отъ нападенія Англичанъ.

Мюратъ отправился въ Римъ и папа принялъ его очень хорошо. Онъ убѣдилъ святѣйшаго отца въ миролюбивыхъ моихъ намѣреніяхъ и прежнее согласіе было вскорѣ возстановлено между нами.

Миръ, подписанный 9-го Февраля въ Люневиллѣ, положилъ конецъ второй коалиціи; онъ мало разнился отъ кампо-формійскаго. Главнѣйшая перемѣна состояла въ томъ, что Тоскана была уступлена инфанту пармскому, а великій герцогъ тосканскій переведенъ въ Зальцбургъ. Эта статья была потому важна, что доставляла Испаніи участіе въ дѣлахъ Италіи какъ во времена Людовика XIV и XV и отдаляла австрійскій домъ, который, обладая Вероною и Венеціею, могъ удобно, съ помощію Тосканы, производить вторженія въ Италію.

Впрочемъ, вотъ главнѣйшія статьи этого договора: 1) Императоръ, какъ императоръ австрійскій и какъ глава германскаго союза, уступаетъ Бельгію и весь лѣвый берегъ Рейна. 2) Онъ отказывается отъ Ломбардіи съ тѣмъ, чтобъ изъ нее составлено было особое государство. 3) Въ замѣну же Австрія сохраняетъ венеціянскія владѣнія до Эча, и границею полагается долина этой рѣки отъ выхода ея изъ Тироля до моря. 4) Герцогъ моденскій получаетъ Брейсгау въ замѣнъ своего герцогства, присоединеннаго къ республикѣ цизальпинской. 5) Великій герцогъ тосканскій отказывается отъ своихъ владѣній и отъ принадлежащей ему части острова Эльбы и уступаетъ ихъ инфанту, герцогу пармскому; онъ долженъ получить за эту уступку полное вознагражденіе въ земляхъ германскихъ. 6) Франція возвращаетъ Кель, Кассель и Эренбрейтштейнъ, съ условіемъ, чтобы эти крѣпости оставались въ томъ положеніи, въ которомъ онѣ будутъ возвращены. 7) Князья, лишенные своихъ владѣній уступкою лѣваго берега Рейна, должны получить вознагражденіе въ нѣдрахъ германской имперіи. 8) Республикамъ батавской, швейцарской, цизальпинской и лигурійской, которыя признаны независимыми въ силу статьи 11, предоставлено полное право избрать такой образъ правленія, какой имъ заблагоразсудится.

Эта статья должна была произвести новый раздоръ, что скоро увидѣли и на опытѣ. То, что справедливо, не всегда сообразно съ здравою политикою.

Во всякомъ случаѣ я могъ считать день заключенія этого мира, однимъ изъ лучшихъ въ моей жизни, потому что онъ возвращалъ счастіе Франціи; она снова явилась могущественною и страшною; она могла успокоиться теперь сномъ льва, окрѣпнуть среди своего благоденствія и пробудиться съ новыми силами, грозными для враговъ ея.

Между тѣмъ, какъ я съ такими значительными выгодами оканчивалъ войну противу второй коалиціи, важныя событія готовились и на сѣверѣ и въ Африкѣ. Чтобы сдѣлать очеркъ первыхъ, я долженъ не много возвратиться назадъ.

Могущество Англіи превратилось въ нестерпимый деспотизмъ. Она такъ же мало щадила неутральныя

державы, какъ и своихъ непріятелей.

Въ самыя бѣдственныя времена, народное право освящало условіе, что суда купеческія, идущія подъ прикрытіемъ военныхъ кораблей нейтральнаго флага, не подвергаются никакому освидѣтельствованію; и что на оборотъ, суда какаго либо государства не могли прикрывать ни судовъ иностранныхъ, ни судовъ, нагруженныхъ военными припасами. Эти спасительныя постановленія служили послѣднимъ убѣжищемъ европейской торговли въ военное время. Англичане безстыдно нарушили всѣ права, почитавшіяся дотолѣ священными; они силою захватывали купеческіе флоты, шедшіе во Францію, или съ французскими товарами, или съ такими, которые были полезны и нужны республикѣ. Они даже атаковали и захватили датскіе и шведскіе фрегаты, хотѣвшіе защищать собственность, ввѣренную охраненію ихъ чести и чести ихъ государей, которыхъ флаги были унижены и посрамлены этимъ насильственнымъ поступкомъ Англичанъ. При подобномъ морскомъ правѣ торговля Россіи, Даніи, Швеціи, Пруссіи и Голландіи была совершенно подчинена вліянію сенъ-джемскаго кабинета и эти государства не могли допустить подобный порядокъ вещей, не отказавшись отъ совершенной независимости и отъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ своего благосостоянія...

Англія отвѣчала на справедливыя представленія кабинетовъ: *что она должна дѣлать все, что упрочиваетъ ея владычество на моряхъ, и что она можетъ дѣлать все, что захочетъ.* Эти объясненія и занятіе Мальты, которую Англія оставила за собою, а не возвратила ордену, въ гроссмейстеры котораго былъ избранъ императоръ Павелъ I, исполнили негодованія россійскаго государя, Пруссію, Данію и Швецію. Всѣ взялись за оружіе, чтобы воспротивиться этой постыдной и гибельной монополіи. Флоты вооружались въ Копенгагенѣ, Стокгольмѣ, Кронштадтѣ и Ревелѣ. Четверный союзъ соединилъ державы сѣвера для поддержанія ихъ правъ и чести.

Англія очень хорошо знала, что я, раздѣлавшись съ Австріею, обращу все мое вниманіе на морскія силы. Слѣдовательно ей необходимо было дѣйствовать рѣшительно противъ державъ сѣверныхъ, пока мы еще не обдумали общаго, огромнаго плана; ей должно было пользоваться тѣмъ, что ледъ не позволялъ выдти въ море 25 россійскимъ кораблямъ, и поспѣшить нападеніемъ на другія державы.

Сенъ-джемскій кабинетъ не только не устрашился возстающей бури, но еще отправилъ 20 кораблей съ посланникомъ въ Копенгагенъ. Когда ультиматумъ его былъ отвергнутъ по причинѣ сильнаго вліянія графа Бернсторфа на дѣла, Нельсонъ силою прошелъ черезъ Зундъ, что онъ впрочемъ могъ безъ труда выполнить, потому что шведскія батареи не открыли огня. Онъ явился передъ Копенгагеномъ, доступъ къ которому былъ защищаемъ десятью старыми, поперегъ поставленными кораблями, множествомъ канонерскихъ лодокъ и двумя огромными береговыми батареями на обѣихъ окопечностяхъ линіи.

2 Апрѣля Нельсонъ атаковалъ эту линію 12 кораблями и нѣсколькими фрегатами, пройдя вдоль мели Миттельгрундъ, раздѣляющей проливъ на двѣ части, при чемъ одинъ корабль его сѣлъ на мель. Бой былъ ужасенъ; правый флангъ Нельсона не могъ ничего сдѣлать противу батареи трехъ коронъ; центръ его былъ разстроенъ жестокимъ огнемъ 8 или 9 сотъ орудій, громившихъ его корабли. Пространство было такъ мало, что если бъ удалось сбить ихъ снасти и такелажъ, то они непремѣнно сѣли бы на мель, но и тамъ бы не укрылись отъ огня датской линіи. Положеніе ихъ было такъ опасно, что адмиралъ Паркёръ подалъ сигналъ къ отступленію; Нельсонъ отвѣчалъ сигналомъ боя до послѣдней капли крови.

Но и Датчане много претерпѣли: нѣсколько совершенно разбитыхъ кораблей плавали между сражающимися линіями. Нельсонъ, сѣвшій на мель съ тремя кораблями, въ числѣ которыхъ былъ и его собственный, вздумалъ послать парламентера, подъ предлогомъ спасенія раненныхъ съ датскихъ кораблей, которые по его словамъ спустили флагъ, но которыхъ онъ не въ состояніи былъ взять.

Наслѣдный принцъ, покрывшійся славою въ этотъ день, не сходя съ береговыхъ батарей, лично распоряжалъ этою достопамятною обороною. Онъ вдался въ обманъ и заключилъ перемиріе. Не смотря на то, что условія его не были унизительны для Датчанъ, они все еще были выгодны для Англичанъ, потому что безъ этого перемирія, Нельсону, говорятъ, было бы очень трудно спастись.

Прибавляютъ также, чтобы истолковать это перемиріе, что датскій принцъ во время самаго сраженія получилъ извѣстіе о кончинѣ Павла I, которая должна была перемѣнить всю систему сѣвернаго союза. И это весьма вѣроятно: императоръ дѣйствительно скончался въ ночь на 22 Марта и легко могло быть, что въ Копенгагенѣ узнали объ этомъ 2 Апрѣля.

Какъ бы то ни было, но успѣхъ, одержанный Англичанами въ Копенгагенѣ и мирныя расположенія императора Александра I, объявленныя имъ при вступленіи на престолъ, отсрочили исполненіе моихъ надеждъ, и Англія, которой угрожала роковая борьба съ Европою, побѣдоносно вышла изъ своего опаснаго положенія.

Англія была не менѣе счастлива въ Египтѣ. Слѣдствія сраженія при Геліополисѣ, дали почувствовать сенъджемскому кабинету всю необходимость рѣшительныхъ мѣръ. Ходъ дѣлъ въ Италіи позволилъ ей располагать значительнымъ корпусомъ. Абёркрёмби получилъ приказаніе перевезть его на берега Нила и 8 Марта высадился въ Абукирѣ съ 16,000, за которыми вскорѣ послѣдовали еще шесть. Онъ долженъ былъ согласоваться въ дѣйствіяхъ съ арміею великаго визиря, которая шла изъ Сиріи черезъ степь и съ корпусомъ Бёрда, шедшимъ изъ Индіи черезъ Суецъ. Если бы Мену былъ смѣтливѣе, онъ могъ бы разбить эти корпуса отдѣльно и отбросить Англичанъ къ морю, такъ какъ я отбросилъ Турокъ. Но онъ напротивъ самъ раздѣлился, отвергнувъ совѣты своихъ генераловъ и допустилъ разбить свой

корпусъ по частямъ. Проигравъ сраженіе при Александріи, въ которомъ Аберкрёмби нашелъ славную смерть, французскій генералъ былъ принужденъ броситься въ городъ, между тѣмъ какъ Бельяръ, оставленный съ слишкомъ большими силами у Каира, былъ окруженъ въ немъ Турками, соединившимися съ Гётчинзономъ.

Къ довершенію несчастія, адмиралъ Гантомъ, отправленный мною съ 6,000 подкрѣпленія, три раза показывался у береговъ Египта, но не имѣвъ довольно мужества или искусства, чтобы высадиться, три раза возвращался въ Тулонъ. Бельяру и Мену не оставалось другаго средства, какъ подписать условія очищенія Египта.

Питтъ чувствовалъ, что война не имѣла уже болѣе законной цѣли, и что наступило время окончить ее. Еще прежде нежели флотъ Паркёра вышелъ изъ Ярмута, онъ уже рѣшился облегчить сближеніе враждующихъ сторонъ. Онъ удалился отъ дѣлъ и новое министерство поспѣшило возобновить прерванные въ концѣ 1800 года переговоры съ Отто, все еще находившимся въ Лондонѣ.

Республика со дня на день, болѣе и болѣе процвѣтала; принявъ кормило правленія, я тотчасъ же обратилъ вниманіе на финансы. Они были въ ужасномъ безпорядкѣ. Десять разрушительныхъ системъ, слѣдовали одна за другою со времени Калонна. Въ концѣ царствованія Людовика XVI, государственные доходы простирались до 480 милліоновъ, какъ видно изъ знаменитаго отчета, поданнаго Неккеромъ; но за то былъ и долгъ, котораго одни проценты требовали 260 милліоновъ на государственные расходы, простиравшіеся до 380 милліоновъ, кромѣ долгу. Годовой недостатокъ пополняли новыми займами, которые только увеличиваютъ зло, если въ то же время не найдутъ источниковъ, чтобы ихъ уравновѣсить или совершенно уничтожить. Конституціонное собраніе думало сбереженіемъ уменьшить издержки до 530 милліоновъ; но это уменьшеніе существовало только на бумагѣ и не было существеннымъ благомъ. Тысяча милліоновъ ассигнацій, обеспеченныхъ народнымъ имуществомъ, позволили министерству удобно дѣйствовать до конца 1791 года. Военныя вооруженія заставили постепенно увеличивать выпускъ ассигнацій и второе собраніе почло лучшимъ средствомъ для пріобретенія народности, не собирать насильно податей, а прибѣгнуть къ способу бумажныхъ денегъ, по видимому, столь удобному. Національный конвентъ довелъ злоупотребленіе ассигнацій до такой смѣшной степени, что выпущенная сумма дошла до 50,000.000,000. Было время, что давали по 12 и по 15,000 франковъ за золотую двадцати-четырехъ-франковую монету.

Директорія сначала отбросила упавшія въ цѣнѣ ассигнаціи и объявила первое банкротство, приказавъ менять ассигнаціи на мандаты, по 30 франковъ на одинъ; но ни кто не довѣрялъ клочкамъ бумаги, которыя только перемѣняли имя, и должно было возвратиться къ тому, чтобы всѣ казенные платежи производить звонкою монетою. Этотъ переходъ былъ одинъ изъ труднѣйшихъ въ настоящемъ положеніи, при войнѣ

внутренней и внѣшней, и въ особенности въ то время, когда бѣдственная морская война уничтожила гавани, колоніи и внѣшнюю торговлю.

Десять лѣтъ общественный долгъ платился, или дурно, или безцѣнными ассигнаціями. Директорія чувствовала себя не въ состояніи выдавать ежегодно звонкою монетою 240 милліоновъ, чтобы платить за роскошь Людовика XIV, регента и Людовика XV. Она вздумала послѣ 18 Фруктидора уничтожить двѣ трети долга, то есть привести его къ ежегодной уплатѣ 70 мил. вѣчнаго долга и 10 мил. пожизненнаго. Остальное было выплачено векселями, которые принимались при покупкѣ народныхъ имуществъ.

Это второе банкротство до того потрясло кредитъ, что оставшаяся треть долга ходила только по 12 на 100, а двѣ другія трети, уплаченныя векселями, вовсе не имѣли цѣнности.

Не смотря на это уничтоженіе двухъ третей долга, бюджетъ расходовъ возвышался все еще отъ 7 до 800 милліоновъ, то есть на 300 милліоновъ болѣе, нежели во время правленія Неккера (*). Потребности флота, арміи и издержки республиканскаго правленія, были причиною этого значительнаго умноженія расходовъ. Но за то и вновь пріобрѣтенныя провинціи Бельгіи и лѣваго берега Рейна, Савоія и графство Ницца, доставляли общественной казнѣ приращеніе въ податяхъ, которое можно оцѣнить въ 60 милліоновъ.

Директорія никогда не могла довести доходовъ до половины суммы, показанной въ бюджетѣ, и удовлетворяла потребностямъ продажею огромнаго количества лѣса, вырубленнаго въ народныхъ имѣніяхъ, ненавистнымъ вынужденными займами, деньгами, которыя получала она изъ Италіи, и раззорительнымъ, ни чѣмъ не обеспеченнымъ бременемъ долговъ.

Чтобы привести государственные доходы въ порядокъ и облегчить ихъ сборъ, я приказалъ раздѣлить ихъ на 12 частей и вносить ежемѣсячно. Главные сборщики податей должны были доставить мѣсячные отчеты всѣхъ податей, поземельныхъ, пожиточныхъ и личныхъ; казна, увѣренная въ своихъ средствахъ, имѣла уже съ 1 Генваря въ своемъ распоряженіи достаточный капиталъ для обеспеченія всѣхъ потребностей. Порядокъ въ счетной части, въ уплатахъ и расходахъ, былъ также улучшенъ, и довѣріе скоро возстановилось.

Правда, что я долженъ былъ учредить родъ инквизиціи, для уничтоженія злоупотребленій и лихоимствъ, вкравшихся при поставкахъ, продажахъ народныхъ имѣній и при рубкѣ лѣсовъ. Неумолимый Дефермонъ былъ назначенъ главою этого ликвидаціоннаго учрежденія, которое, будучи въ одно время и судьею, и подсудимымъ, дѣйствовало немного на революціонный ладъ, но за то не

(*) По поданнымъ отчетамъ расходъ, включительно съ 260 мил. процентовъ, простирался до 635 мил., а доходъ до 472 мил.; недостатокъ 161 мил. покрытъ былъ займомъ по 4 процента. Если бы директорія присовокупила къ бюджету 1799 года, простиравшемуся до 780 мил., еще уничтоженныя двѣ трети долга, то расходъ возвысился бы до 941 милльона.

допустило государство сдѣлаться жертвою жадныхъ торговцевъ и безстыдныхъ, корыстолюбивыхъ ростовщиковъ.

Благодаря этимъ благоразумнымъ распоряженіямъ, бюджетъ расходовъ, возвысившійся постепенно отъ 680 до 800 милльоновъ, былъ постоянно обезпеченъ. Ходъ финансовыхъ дѣлъ не останавливался ни на минуту, за исключеніемъ двухъ или трехъ дней разстройства, произведеннаго ошибкою министра; проценты государственнаго долга платились исправно. Поставщики, чиновники, армія, флотъ были своевременно удовлетворяемы; общественный кредитъ возвысился на равнѣ съ цѣнностью денегъ; касса погашенія долга была учреждена для бо̀льшаго обезпеченія его, и Франція, которой политическіе экономы, подкупленные Англіею, предвѣщали совершенное разрушеніе по недостатку денегъ, никогда еще не была въ такомъ цвѣтущемъ положеніи.

Все внутреннее управленіе шло также хорошо какъ финансы, политика и война; въ типи готовилось изданіе важныхъ узаконеній; списокъ эмигрантовъ уменьшился до 1000 человѣкъ, отмѣченныхъ какъ зачинщиковъ безпорядковъ, или начальниковъ партій; всѣ остальные, которыхъ число простиралось болѣе нежели до 100,000, были призваны обратно; имъ возвратили непроданныя ихъ имѣнія, за исключеніемъ лѣсовъ, превышавшихъ мѣру 400 десятинъ, которые были присоединены къ народнымъ имѣніямъ, и права сборовъ съ общественныхъ капаловъ. Образованіе и просвѣщеніе, приходившія въ безпорядокъ, были преобразованы декретомъ (1 Мая 1802). Фуркруа, а потомъ Фонтанъ, завѣдывали этою частью.

Возмущенія, казалось, затихли; ихъ удерживалъ яркій блескъ моей славы. Вандея мало по мало успокоилась: отъѣздъ Пюизея въ Америку и смерть Фротте, котораго схватили и разстрѣляли въ то самое время, какъ онъ готовилъ въ Бретани новое возстаніе, лишили роялистовъ ихъ извѣстнѣйшихъ начальниковъ. Жоржъ, самый смѣлый изъ оставшихся, былъ принужденъ искать убѣжища въ Англіи; а прочіе, наскучивъ быть орудіемъ и жертвою другихъ, думали только о спокойствіи. Даже якобинцы не могли не одобрить моего торжества: оно имъ было также полезно, какъ и мнѣ. У меня не оставалось болѣе соперниковъ.

Для совершеннаго прекращенія безпокойствъ во Франціи, не доставало только возстановленія алтарей, ниспровергнутыхъ въ минуту самаго ужаснаго безначалія. Духовенство находилось въ состояніи совершеннаго раскола, со времени его гражданскаго устройства въ 1791 году; церкви были оставлены и приходили въ разрушеніе. Я почелъ нужнымъ, возстановить католическую вѣру, по тѣмъ же причинамъ, которыя за два столѣтія передъ симъ убѣдили Генриха IV принять ее. Но, если необходимо было возвратить служителей церкви, то не менѣе необходимо было обуздать ихъ честолюбіе. Надлежало воспретить входъ въ республику этой рати безъ отчизны, которая, признавая знамена чужестраннаго

начальника, для возвышенія тіары надъ всѣми прочими вѣнцами, замѣняла въ продолженіи десяти столѣтій божественное ученіе евангелія невѣжествомъ, предразсудками, фанатизмомъ и нетерпимостью другихъ вѣръ. Словомъ, должно было возстановить религію Фенелона, а не Лоіолы или Муши.

Мнѣ представлялось три способа достигнуть этой двойной цѣли: или снова подвесть галликанскую церковь подъ власть римскаго двора, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограничить его права, чтобъ онъ не имѣлъ никакаго вліянія на государственныя дѣла; или уничтожить вовсе это докучливое покровительство, и воспользовавшись равнодушіемъ къ церковнымъ дѣламъ, произведеннымъ революціею, возвести французскаго прелата въ достоинство патріарха, и ввѣрить ему право раздавать духовныя мѣста и должности, сохранивъ впрочемъ католическое вѣроисповѣданіе со всѣми его обрядами; или, наконецъ, признать въ равной степени въ государствѣ католическое и протестантское вѣроисповѣданія и содѣйствовать распространенію послѣдняго, уже довольно усилившагося въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, не допуская однако же введенія іерархіи.

Это послѣднее средство, можетъ быть болѣе соотвѣтствовало будущему благу Франціи и партіи, одержавшей верхъ въ революціи. Нѣкоторые публицисты были того мнѣнія, что оно снова бы произвело въ западныхъ провинціяхъ возстанія и возбудило бы негодованіе половины республики, которую я долженъ былъ всѣми силами стараться успокоить. Опасенія ихъ были бы безъ сомнѣнія весьма основательны, если бы я сталъ вводить эту реформу силою; потому что, не смотря на мою власть, я могъ не успѣть въ томъ, что удалось Генриху VIII и Густаву Ваз. Великія перемѣны вѣроисповѣданія, бываютъ дѣломъ обстоятельствъ и благопріятнаго случая; производить же ихъ силою, значитъ возстановлять народъ и, вмѣсто обращенія къ новой вѣрѣ, губить его мученическою смертью. Не ограничивая свободу совѣсти, довольно кротостію руководить умы. По всей вѣроятности, при тогдашнемъ положеніи католической вѣры во Франціи, введеніе системы, уравнивавшей первоначальную религію Генриха IV съ вѣрою Карла IX, не встрѣтило бы непреодолимыхъ препятствій.

Я бы не колебался принять реформу, еслибы могъ предвидѣть, что сойду въ послѣдствіи съ трона въ 1814 и 1815 годахъ. Тогда бы это самое положило могущественную преграду возвращенію Бурбоновъ, въ особенности, если бы реформа была принята просвѣщенною частью націи. Исторія Стуартовъ достаточно доказала, что сближеніе между низведенною съ престола династіею и народомъ, исповѣдующимъ другую вѣру, весьма трудно. Тѣ, которые хотѣли сравнивать возстановленіе Карла II съ возведеніемъ на престолъ Людовика XVIII, не постигли вполнѣ различія этихъ обстоятельствъ. Увлеченный обширностію моихъ плановъ, я пожертвовалъ внѣшней политикѣ внутренними выгодами.

Съ другой стороны, мнѣніе о легкости введенія этой реформы,

основывалось только на догадкахъ; быть можетъ, не смотря на все, что по видимому благопріятствовало ей, введеніе новой системы религіи пробудило бы давно уснувшія страсти.

Могущество мое было еще ново; ему нужно было укрѣпиться; я скорѣе Людовика XIV имѣлъ право сказать: «*Государство заключается во мнѣ*;» а потому всякая мѣра, которая могла произвесть несогласіе или сопротивленіе, должна была казаться мнѣ вредною собственно для меня, какія бы выгоды не представляла она для общественнаго блага.

Изъ этого видно, что второе средство, состоявшее въ замѣненіи папы французскимъ патріархомъ, должно было казаться мнѣ еще менѣе безопаснымъ; потому что, если уже гражданское устройство, данное въ 1791 году духовенству, произвело такія безпокойства во Франціи, то можно ли было надѣяться, что священники южныхъ и западныхъ провинцій отложатся отъ папы и признаютъ прелата, который неминуемо былъ бы имъ отлученъ отъ церкви? Притомъ вліяніе Франціи на Италію и Испанію требовало всякаго уваженія къ святѣйшему отцу; отношенія наши съ Ирландіею основывались также на единствѣ вѣроисповѣданія. Въ войнѣ съ Англіею, намъ было необходимо содѣйствіе Испаніи: а извѣстно, что тамъ духовенство важнѣе короля въ управленіи; какимъ же бы образомъ могли продлиться сношенія между державою, управляемою изувѣрными монахами и республикою, пораженною громами ватикана? И потому лучше было оставить церковь съ существовавшимъ уже въ ней расколомъ, нежели произвести такую опасную брань. Видя что и этимъ нельзя было непосредственно достигнуть желаемой цѣли, и успѣвъ достаточно оцѣнить въ Италіи то вліяніе на правленіе, которое тамъ имѣетъ католическая вѣра, я рѣшился вступить въ переговоры съ римскимъ дворомъ, чтобы по крайней мѣрѣ, поставить наши отношенія на ту же ногу, на какой были онѣ до революціи. Однако же я пріобрелъ для галликанской церкви болѣе свободы, нежели сколько она имѣла прежде; число епископствъ значительно уменьшилось, а правительство сохранило право противиться изліянію религіознаго фанатизма и опасности введенія заальпійскаго образа мыслей.

Этотъ договоръ, дѣлающій столь же много чести умѣренности кардинала Гонзальви, какъ и мнѣ, навлекъ однако же на себя хулу приверженцевъ республики и даже нѣкоторыхъ знаменитыхъ публицистовъ. «Бонапарте, говорили они, тщетно ста«рается уничтожить слѣды револю«ціи и воспретить всякій доступъ «требованіямъ контръ-революціоне«ровъ, потому что этимъ же конкор«датомъ онъ самъ открываетъ имъ «безопасный путь и подкапываетъ «сооружаемое имъ зданіе.»

Но опасенія ихъ были преувеличены: зданіе мое было разрушено соединенными усиліями всей Европы, и духовное оружіе римскаго двора весьма мало къ тому содѣйствовало. Однакожъ, въ послѣдствіи, я самъ увидѣлъ, что не сбросивъ совершенно этого духовнаго ига, я дѣйствительно далъ оружіе противудѣйствію. Я не страшился его при жизни, но

оно могло повредить послѣ моей смерти. Заблуждаются, полагая, что фанатизмъ можно сдѣлать навсегда невреднымъ, ограничивъ его предѣлы. Надо только вспомнить, какъ различна была религія Григорія VII и Бонифація VIII отъ исповѣданія первыхъ епископовъ, чтобы судить объ успѣхахъ, которые можетъ пріобрѣсть фанатизмъ въ короткое время, если только дадутъ ему точку опоры, съ которой онъ могъ бы потрясать вселенную.

Я полагалъ, что достаточно защитилъ отъ него Францію и Европу; но опытъ доказалъ, что я ошибался.

Въ самомъ дѣлѣ, положительныя статьи конкордата представляли превосходный религіозный договоръ. Онъ доставлялъ обществу способъ къ поддержанію законовъ чистѣйшей и строжайшей нравственности, обеспечивалъ народъ и правительство отъ честолюбія духовенства, стремившагося ко всемірному обладанію, и доказывавшаго это опытами, со временъ Григорія VII. Какой благомыслящій человѣкъ могъ предполагать, что права этого конкордата будутъ уничтожены въ 1817 году?.... Кто знаетъ, что можетъ произойти отъ этой ошибки? Можно ли по желанію положить предѣлы такому грозному обществу, которое основываетъ свои виды на божественныхъ таинствахъ, и такимъ образомъ освобождается отъ законовъ гражданскихъ?

Религіозная нравственность составляетъ безцѣнное сокровище для человѣчества. Поученія ея могутъ даже сдѣлаться могучимъ рычагомъ въ рукахъ государственнаго человѣка, если положены точные предѣлы вліянію ея служителей. Но, подъ священнымъ покровомъ божественнаго, скрываются часто мятежныя общества, потрясающія власть самыхъ могущественныхъ государей, если они не будутъ умѣть положить вліянію духовенства границы, которыя благоразумное правительство никогда не должно дозволить преступать.

Испанія и Турція являютъ живые примѣры зла, которое ѳеократія можетъ причинить націи, когда глава церкви находится въ несогласіи съ исполнителями свѣтской власти. Напротивъ того Россія, Англія, Голландія, Пруссія, также и протестантскія державы доказываютъ, какъ выгодно подчинить духовенство гражданскимъ законамъ и сдѣлать его зависимымъ отъ политической власти, избавивъ отъ всякаго чужеземнаго вліянія. Понятно, что десять вѣковъ невѣжества и заблужденій могли еще удержать государей XVII столѣтія подъ игомъ римскаго вліянія и подъ властью поборниковъ Лоіолы; невозможно было совершенно сбросить съ себя это иго безъ религіозныхъ переворотовъ, которые всегда влекутъ за собою печальныя послѣдствія, если въ нихъ могутъ вмѣшаться другія державы, какъ на примѣръ Испанія во времена лиги. Но трудно понять, какъ министры моихъ преемниковъ ниспровергли преграду, воздвигнутую конкордатомъ, и разрушили зданіе, которое они должны бы были улучшить, если нашли его не совершенно оконченнымъ, и не вполнѣ способнымъ сохранить безопасность Франціи; поступокъ ихъ былъ преступленіе противъ престола и націи, за которое они должны отвѣтствовать

потомству и будутъ осуждены неумолимою исторіею. Какъ могутъ люди, которымъ вручены бразды правленія великаго народа, до такой степени не постигать простѣйшихъ законовъ своей обязанности и способствовать основанію подобной деократіи? Если религія должна быть для народа средствомъ къ поддержанію нравственности, то она, въ тоже время, должна быть и сильною опорою для правительства; какъ скоро служители ея хотя на шагъ выступятъ изъ назначеннаго имъ круга дѣйствій, въ нихъ проявляется уже духъ честолюбія и мятежа, и они дѣлаются опаснѣе дворянства и другихъ классовъ общества, потому что управляютъ воспламененною фанатизмомъ толпою и ставятъ себя выше всякой человѣческой власти.

Весьма естественно, что духовные правители государствъ, какъ Хименесъ, Мазаринъ, Ришльё, желали утвердить владычество церкви, выгоды котораго сливались съ ихъ собственными, но подобное желаніе, со стороны свѣтскаго правителя XIX столѣтія, совершенно непонятно.

Все, случившееся во время моего заточенія, удостовѣрило меня, что въ философическомъ отношеніи, я избралъ не лучшее средство. Но, если смотрѣть на систему мою съ политической точки зрѣнія, соображая вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія наши къ Испаніи и Италіи, то людямъ государственнымъ она покажется извинительною.

Переговоры съ Англіею, которые опять начались, когда Питтъ оставилъ министерство по заключеніи люневилльскаго мира, не соотвѣтствовали моимъ желаніямъ.

Камнемъ преткновенія для обоихъ кабинетовъ были Египетъ и Мальта. Англичане высадили 20,000 человѣкъ близъ устья Нила и дѣйствовали не безъ успѣха; они ожидали окончанія, чтобы выгоднѣе вести переговоры. Я хотѣлъ съ своей стороны поставить себя въ столь же выгодное положеніе, угрожая вторженіемъ въ Португалію и даже въ самую Англію. Братъ мой Луціанъ, бывшій тогда посланникомъ въ Мадритѣ, получилъ приказаніе снестись объ этомъ съ испанскимъ правительствомъ.

Небольшая армія, собранная въ Байоннѣ, подъ начальствомъ зятя моего Леклерка, прошла Кастилію и расположилась передъ Альмейдою, въ то самое время, когда князь Мира съ 30,000 Испанцевъ спустился черезъ долину Таго и угрожалъ Лиссабону. Принцъ регентъ поспѣшилъ купить миръ, заплативъ за него 30 милліоновъ и уступивъ Испаніи Оливенсу. Это не согласовалось съ моею цѣлью и я отказалъ въ ратификаціи договора, требуя занятія всего королевства.

Въ то же время я собралъ флотилію въ Булонѣ, чтобъ угрожать Ирландіи или даже берегамъ самой Англіи. Нельсонъ атаковалъ эту флотилію брандерами, но былъ отбитъ съ урономъ.

Эти обоюдныя дѣйствія не имѣли большаго вліянія на ходъ переговоровъ: они длились до половины Іюля мѣсяца, не приходя къ окончанію. Англичане не торопились, потому что ежедневно получали новыя извѣстія объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Аберкрёмби въ Египтѣ; съ другой же стороны мы заняли полуостровъ

тарентскій, покорили Неаполь и угрожали новымъ вторженіемъ въ Португалію. Между тѣмъ миръ на твердой землѣ утверждался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, и неопредѣлительность отношеній нашихъ съ Англіею должна была когда нибудь кончиться. Отто извѣстилъ 14 Іюля сенъ-джемскій кабинетъ, что я отказываюсь утвердить ратификацію бадаіозскій договоръ между Испаніею и Португаліею, и настоятельно требую совершеннаго занятія этого послѣдняго королевства только для того, чтобы сохранить возможность вознаградить чѣмъ нибудь потерю испанскихъ колоній, которыя Англія хотѣла удержать. За этимъ объявленіемъ послѣдовали другія, что значительно ускорило ходъ переговоровъ; труднѣйшимъ пунктомъ была до того времени Мальта. Въ нотѣ отъ 27 Іюля, Отто изъяснялся слѣдующимъ образомъ: «французское правительство не хочетъ упустить изъ виду «ничего, могущаго вести къ общему «миру, потому что этого требуютъ «выгоды союзниковъ ея и всего человѣчества.

«Англійскому королю предстоитъ «разсмотрѣть, согласуется ли также «этотъ миръ съ выгодами его политики, торговли и самой націи, и въ «этомъ случаѣ отдаленный островъ, «не можетъ служить побудительною «причиною къ продолженію всеобщихъ бѣдствій.

«Нижеподписавшійся уже объявилъ «въ послѣдней своей нотѣ, какъ первый консулъ былъ огорченъ медленностію переговоровъ; но такъ «какъ лордъ Гауксбёри не соглашается на это обстоятельство въ своей «нотѣ отъ 20 Іюля, то должно снова «приступить къ разсмотрѣнію нашего «вопроса съ тою искренностію и точностію, какую требуютъ столь важныя дѣла.

«Вопросъ раздѣляется на три части. «Средиземное море, Индія, Америка.

«Египетъ будетъ возвращенъ Порте; республика Семи Острововъ признана; всѣ гавани адріатическаго и средиземнаго морей, которыя заняты французскими войсками, будутъ «возвращены неаполитанскому королю или папѣ; Магонъ будетъ отданъ Испаніи; Мальта возвращена «ордену, и если Англія, какъ первостепенная морская держава, почтетъ «согласнымъ съ своими выгодами, «срыть укрѣпленія, то это условіе «будетъ также принято.

«Въ Индіи Англія сохранитъ Цейлонъ, и тѣмъ сдѣлается совершенною обладательницею этой обширной и богатой страны; другія же «колоніи, считая въ числѣ ихъ и «мысъ Доброй Надежды, будутъ возвращены союзникамъ.

«Въ Америкѣ все будетъ возвращено прежнимъ обладателямъ. Англійской король уже такъ силенъ «въ этой странѣ, что требуя еще болѣе, онъ ясно обнаружитъ стремленіе къ такому же преобладанію и «въ Америкѣ, какого достигъ онъ «въ Индіи.

«Португалія останется не прикосновенною.

«Вотъ условія, которыя французское правительство соглашается утвердить.

«Выгоды, предоставляемыя британскому правительству, неисчислимы; «требовать еще большихъ, значитъ

«не желать справедливаго и для обѣ-
«ихъ сторонъ непостыднаго мира.

«Такъ какъ Мартиника не покоре-
«на англійскимъ оружіемъ, но вру-
«чена жителями покровительству Ан-
«гличанъ до того времени, пока во
«Франціи не возстановится правленіе,
«то она не можетъ почесться англій-
«скимъ владѣніемъ. Франція никогда
«не согласится на это.

«Теперь остается лондонскому ка-
«бинету объявить, на что онъ рѣ-
«шается: если же эти условія для
«него неудовлетворительны, то по
«крайней мѣрѣ это послужитъ дока-
«зательствомъ въ глазахъ всего свѣ-
«та, что первый консулъ ничего не
«упустилъ изъ виду и показалъ свою
«готовность къ всевозможнымъ по-
«жертвованіямъ для возстановленія
«мира и избавленія человѣчества отъ
«слезъ и крови, необходимыхъ спут-
«никовъ новой брани.»

Дѣло протянулось до начала Сентября. Англія уже не довольствовалась Тринидатомъ; она требовала Табаго и всѣхъ голландскихъ владѣній на твердой землѣ Америки, и дѣлала затрудненія въ обратной сдачѣ Мальты ордену. Обладая Азіею, она не скрывала болѣе намѣренія распространить свое преобладаніе надъ Америкою и надъ Левантомъ. 11 Сентября, я послалъ ея правительству сильное и окончательное объявленіе, въ которомъ угрожалъ занятіемъ Португаліи моими войсками, если дѣла не будутъ приведены къ скорому окончанію.

Эта твердость увѣнчалась тѣмъ счастливымъ успѣхомъ, котораго можно было отъ нея ожидать. Англійское правительство, не только отказалось отъ обладанія Демерари и Бербисомъ, но и отъ объявленія ихъ независимости, что оно сначала имѣло въ виду, если бы не удержало ихъ за собою. Наконецъ предварительныя статьи этого желаннаго мира были подписаны 1 Октября въ Лондонѣ, Отто и лордомъ Гауксбери.

Первая статья состояла въ немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій на сушѣ и на моряхъ, и въ обратной сдачѣ всѣхъ завоеваній, которыя будутъ сдѣланы тою или другою стороною, послѣ заключенія договора.

Прочія 8 статей утверждали: возвращеніе французской республикѣ, и союзникамъ ея, Испаніи и Голландіи, всѣхъ покоренныхъ въ продолженіе войны колоній и владѣній, за исключеніемъ острова Тринидата и голландскихъ владѣній на островѣ Цейлонѣ, которые оставались въ полной власти короля англійскаго.

Открытіе гавани мыса Доброй Надежды для торговли и мореходства обѣихъ договаривающихся державъ, которыя будутъ пользоваться въ ней равными правами и выгодами.

Сдачу Англіею ордену св. Іоанна іерусалимскаго острова Мальты и зависящихъ отъ него острововъ.

Сдачу Египта Портѣ, владѣнія которой будутъ вполнѣ обеспечены договаривающимися державами.

Обеспеченіе всѣхъ владѣній Португаліи.

Очищеніе отъ французскихъ войскъ неаполитанскаго королевства и римскихъ владѣній, а отъ англійскихъ Порто-Ферраіо и всѣхъ гаваней и острововъ, занятыхъ ими въ средиземномъ и адріатическомъ моряхъ.

Признаніе Франціею республики Семи Острововъ и проч. и проч.

Извѣстіе объ этомъ событіи распространило всеобщую радость въ Европѣ; торговля, столь долгое время угнетенная, наконецъ опять могла оживиться. И неутральныя державы не менѣе принимали участія въ этомъ счастливомъ примиреніи, хотя оно и лишало ихъ выгодъ, которыя онѣ получали до того времени отъ тайной торговли; онѣ въ этомъ событіи видѣли лучшую будущность; мирныя сношенія могли вознаградить ихъ нѣкоторымъ образомъ за тягость, наложенную было на нихъ новымъ морскимъ правомъ Англичанъ. Даже въ самомъ Лондонѣ, радость достигла высочайшей степени; народъ былъ въ такомъ восхищеніи, какъ будто бы сошелъ съ ума отъ быстраго перехода изъ мученій отчаянія къ вершинѣ счастія. Адъютантъ мой, привезшій туда ратификацію, не мало удивился, когда этотъ непріязненный народъ выпрягъ лошадей изъ его экипажа и въ тріумфѣ тащилъ его на себѣ.

Политика моя въ этомъ году была весьма дѣятельна. Я привелъ въ порядокъ отношенія мои съ императоромъ Александромъ I договоромъ 8 и 11 Октября; потому что, хотя я и близокъ былъ вступить въ союзъ съ Павломъ I, но до мирнаго договора у насъ еще не дошло. Споры съ Портою были окончены договоромъ. Я утвердилъ моею ратификаціею трактатъ, заключенный въ Морфонтенѣ съ Соединенными Штатами и наконецъ начерталъ также судьбу Батавіи, Швейцаріи и цизальпинской республики.

Я вытребовалъ отъ Испаніи обратную уступку Луизіаны, которую мы должны были отдать ей по постыдному парижскому миру въ 1763 году, хотя Испанія была тогда въ союзѣ съ нами. Обладаніе этою страною, способною ко всякому роду промышленности, имѣло въ глазахъ моихъ большую цѣну: положеніе ея, между Мексикою и Соединенными Штатами, могло со временемъ вручить мнѣ участь сѣверной Америки; владѣя устьемъ Миссисипи, мы имѣли въ своихъ рукахъ всю торговлю странъ, орошаемыхъ водами, изливающимися въ эту огромную рѣку. Потерявъ Санъ-Доминго, мы бы на берегахъ Миссисипи нашли и почву, и климатъ, способные для разведенія колоніяльныхъ товаровъ. Два года спустя, я отказался отъ всѣхъ моихъ надеждъ, продавъ эту драгоцѣнную колонію Соединеннымъ Штатамъ: опасеніе, чтобы Англичане не завладѣли ею и не основали тамъ поселенія, которое утвердило бы за ними вліяніе на Мексику и Соединенные Штаты, было главною причиною, побудившею меня къ этой продажѣ.

Между тѣмъ, какъ въ Лондонѣ договаривались о мирѣ, я старался поставить малыя сосѣднія государства въ такое положеніе, которое бы соотвѣтствовало моимъ видамъ. По моему желанію Тоскана была уступлена инфанту, герцогу пармскому, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ признанъ королемъ этрурскимъ. Этотъ принцъ испанскаго дома могъ бы всегда, въ случаѣ надобности, требовать помощи Испаніи для войны противъ австрійскаго дома въ Италіи, какъ это было при Филиппѣ V и Людовикѣ XV. Вмѣстѣ

съ тѣмъ я болѣе и болѣе привязывалъ къ себѣ королевскую фамилію въ Мадритѣ, а она была мнѣ нужна для достиженія намѣреній моихъ на моряхъ и для изгнанія Англичанъ изъ Америки. Наконецъ я пріобрелъ при этомъ случаѣ герцогство пармское въ замѣнъ Тосканы.

Чтобы еще тверже укрѣпить эти отношенія, Луціанъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, развестись съ Жозефиною и жениться на испанской инфантинѣ Изабеллѣ. Это соединеніе съ домомъ Бурбоновъ безъ сомнѣнія принесло бы мнѣ большія выгоды; однакожъ я находилъ и неудобства; притомъ принцесса была слишкомъ молода, чтобъ я могъ рѣшиться. Подозрѣвая, что Луціанъ сдѣлалъ мнѣ это предложеніе изъ одного только нерасположенія къ Жозефинѣ, я приказалъ ему совершенно оставить это дѣло.

Я воспользовался свободою, возстановленною лондонскимъ трактатомъ на моряхъ, чтобы подумать о нашихъ колоніяхъ. По вступленіи моемъ въ консульское достоинство, я нашелъ колоніи преданными въ жертву междуусобію: Негры, Мулаты и бѣлые взаимно ненавидѣли и уничтожали другъ друга. Бѣлые почти всѣ были истреблены; число цвѣтныхъ людей, исполненныхъ силы и мужества, простиралось до сорока тысячъ, между тѣмъ какъ Негровъ было до 500,000. Съ помощью послѣднихъ, имѣвшихъ уже 25,000 подъ ружьемъ, мы могли бы распространить ужасъ на островахъ, принадлежавшихъ Англіи. Для этого я осыпалъ Негровъ милостями. Начальникъ ихъ Туссень показалъ въ войнѣ съ Англичанами способность и усердіе; я ласкалъ себя надеждою, что удовлетворю его, принеся ему въ жертву Риго и цвѣтныхъ, и ввѣривъ исключительно ему благоденствіе колоніи; но честолюбецъ не знаетъ предѣловъ: поощряемый Англичанами и окружавшими его интригантами, Туссень вздумалъ самъ учредить колоніяльную конституцію и объявилъ себя пожизненнымъ президентомъ, подобно тому, какъ я сдѣлался консуломъ. Такой поступокъ не могъ быть терпимъ: онъ рѣшительно велъ къ отложенію колоніи; это намѣреніе было слишкомъ дурно скрыто подъ личиною остатковъ преданности къ метрополіи.

Я раскаялся, что отозвалъ Риго и обезоружилъ цвѣтныхъ, которыхъ привязанность къ Франціи никогда не была сомнительна, пока дозволяли имъ пользоваться политическими правами, утвержденными за ними декретами. И въ самомъ дѣлѣ, превосходство ихъ образованія и способностей дѣлало ихъ первенствующими обитателями острова.

Вооруживъ 30 кораблей и 16 фрегатовъ, я перевезъ постепенно на Сенъ-Доминго 25,000 человѣкъ, и ввѣрилъ надъ ними начальство зятю моему, генералу Леклерку, поручивъ ему *возстановить снова вліяніе цвѣтныхъ, захватить до сотни начальниковъ Негровъ (до батальоннаго командира, включительно) и замѣстить ихъ Мулатами и бѣлыми.*

Леклеркъ произвелъ высадку; но, руководимый старыми колонистами, которые ввели его въ заблужденіе, онъ дѣлалъ все то, что могло возстановить противъ насъ цвѣтныхъ,

безъ содѣйствія которыхъ порученіе его никогда не могло исполниться.

Однако же, не смотря на то, онъ завоевалъ съ помощью ихъ восточную часть и Портъ-о-Пренсъ. Туссенъ, Дессалинъ и Кристофъ сопротивлялись, и предавъ пламени прибрежные города, удалились глубже въ горы. Разбитые во многихъ сраженіяхъ, они наконецъ покорились. Но Туссенъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ притворно: онъ выжидалъ только осеннихъ дождей и лихорадокъ. Вскорѣ замыслы его обнаружились; онъ былъ схваченъ, отвезенъ во Францію, и кончилъ тамъ жизнь въ темницѣ. Между тѣмъ Леклеркъ, не дѣйствуя по моимъ наставленіямъ, далъ поводъ къ новымъ безпокойствамъ, необдуманно поступивъ съ Рига, возвратившимся на островъ по моему приказанію. Онъ велѣлъ схватить его, и насильно отвезть опять во Францію; многіе другіе Мулаты были невинно наказаны и даже утоплены. Съ этого мгновенія возмущеніе сдѣлалось явнымъ; знакъ къ нему подали два Мулата, которые до того были всегда преданы Франціи.

Адмиралъ Лакроссъ не благоразумнѣе поступалъ на Гваделупѣ противъ Пелажа; колонія возстала; но генералъ Ришпансъ, посланный туда, дѣйствовалъ счастливѣе Леклерка, и покорилъ ее совершенно.

Отпаденіе Дессалина и Кристофа произошло вскорѣ послѣ отпаденія цвѣтныхъ начальниковъ. Эти два племени, пылавшія нѣкогда жаждою взаимнаго истребленія, соединили теперь злобу свою въ общую ненависть къ бѣлымъ.

Желтая лихорадка, столь же страшная какъ и чума, истребила въ теченіе трехъ недѣль двѣ трети прекрасной нашей арміи. Двадцать тысячъ умерли или умирали въ госпиталяхъ. Вновь прибывшіе полки уменьшились до половины черезъ сутки послѣ высадки своей. Ужасный этотъ бичь не оставлялъ ни какого средства 4000-амъ разсѣянныхъ Французовъ защищать такую пространную страну; а объявленіе войны Англіею, заставивъ отозвать флотъ, котораго экипажи были также истреблены болезнію, отняло послѣднюю надежду къ отступленію остатковъ этихъ храбрыхъ солдатъ, прославленныхъ столькими побѣдами. Зять мой не пережилъ своего несчастія: онъ самъ сталъ жертвою ужасной заразы.

Счастливый успѣхъ дѣлъ моихъ въ Европѣ вознаграждалъ меня за эти неудачи. Піемонтъ, обращенный сначала въ 27 военный округъ, чтобы въ послѣдствіи быть совершенно присоединеннымъ къ Франціи, обезпечивалъ владычество мое по ту сторону Альповъ. Голландія, Италія и Швейцарія также покорились предписаннымъ мною законамъ.

Уполномоченные мои въ Люневилѣ, руководимые справедливостію, согласились на то, чтобы сосѣднія республики, возникшія подъ вліяніемъ Франціи, были свободны въ избраніи себѣ рода правленія. Ничего не могло быть справедливѣе; но такъ какъ видъ этихъ государствъ былъ опредѣленъ и признанъ мирнымъ договоромъ, то статья эта могла относиться только къ будущей ихъ независимости, безъ нарушенія

контръ-революціями настоящаго положенія, торжественно признаннаго.

Весьма важно было, чтобы Голландія, цизальпинская республика и Гельвеція получили свои конституціонныя хартіи послѣ заключенія этого договора, чтобы Францію нельзя было обвинить въ ихъ принужденномъ выборѣ. Въ Гаагѣ было основано новое правительство, а въ Декабрѣ 1801 года, я созвалъ въ Ліонъ италіянскую консульту.

Батавская республика сосредоточила верховную власть свою въ рукахъ людей, наиболѣе преданныхъ Франціи, и тѣмъ еще распространила вліяніе мое надъ нею. Цизальпинцы основали италійскую республику и ввѣрили мнѣ пожизненное президентство. Разумѣется, что всѣ эти мѣры принимались не безъ моего содѣйствія. Италіи необходимо было избрать себѣ главу, и никто не имѣлъ права оспоривать у меня это достоинство. Франція обязалась сдѣлать цизальпинскую республику государствомъ независимымъ; но вмѣстѣ съ этимъ я не лишилъ себя права занять въ ней высшее мѣсто. Согласенъ, что это значитъ привязываться къ словамъ; однако жъ, всякій можетъ какъ хочетъ толковать договоры въ свою собственную пользу. Австрія не чувствовала себя довольно сильною, чтобъ воспротивиться; другія же государства Европы вовсе и не заботились о томъ, потому что это назначеніе было только пожизненное.

Если лондонскія предварительныя статьи возбудили радость въ нѣкоторой части Англичанъ, то не менѣе того, онѣ были сильно охуждаемы этими изувѣрами-патріотами, которыми наполнена Великобританія.

Когда 30 Октября, статьи эти были офиціально сообщены парламенту, то представители этой отдѣльной партіи, лорды Гренвиль и Виндѣмъ немилосердо возстали противъ условій договора, утверждая, что онѣ гораздо выгоднѣе для Франціи, нежели для Англіи. Послѣдній изъ нихъ сказалъ между прочимъ, *что такъ какъ министры подписали смертный приговоръ отечества, то онъ не знаетъ на торжество или на погребеніе пригласили его.* По его словамъ, Англія давала Франціи способы оспоривать владычество на моряхъ, возвративъ ей ея торговлю и позволивъ возстановить морскую силу. Онъ былъ готовъ доказывать, что миръ не былъ ни безопасенъ, ни необходимъ. Оппозиція одобряла этотъ миръ по противуположнымъ причинамъ, но хулила его условія, которыя, по собственному мнѣнію Шеридана, должны были имѣть слѣдствіемъ униженіе націи: грустное предзнаменованіе для прочности договора въ такой землѣ, въ которой общая польза, неразлучная съ народною честью, считается первою добродѣтелью и священнѣйшимъ долгомъ! Въ первый разъ со времени начала войны, голоса Фокса, Шеридана соединились съ голосами постоянныхъ приверженцевъ министерства. Питтъ еще болѣе увеличилъ всеобщее изумленіе, объявивъ себя защитникомъ договора, который онъ прежде не могъ согласиться подписать. Впрочемъ, споры эти, происходившіе въ верхней палатѣ, доказали, что мы представляемъ себѣ въ совершенномъ различномъ

видѣ все, что касается до внѣшней политики, если смотримъ на нее сквозь призму страстей; вмѣстѣ съ тѣмъ, они показали и склонность Англичанъ къ подобнымъ преніямъ. Приверженцы министерства старались доказать, какъ выгодно было пріобретеніе острововъ Цейлона и Тринидата, изъ которыхъ одинъ могъ быть наблюдательнымъ пунктомъ для пространныхъ владѣній въ Индіи, а другой, по чрезвычайно счастливому положенію, представлялъ возможность наблюдать за южною Америкою, и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ служить сборнымъ пунктомъ для нападенія на богатыя испанскія провинціи Каракасъ и Венецуэлу или на голландскія и французскія владѣнія въ Гвіанѣ. Пріобретенія, сдѣланныя Англичанами въ Индіи надъ Типпо-Сапбомъ и очищеніе Египта отъ французскихъ войскъ, также не были забыты этими защитниками.

Правда что лордъ Спенсёръ приводилъ противу договора болѣе ложныя, нежели основательныя доказательства; но онѣ были довольно сильны, чтобы возбудить народную гордость, которую онъ почиталъ оскорбленною. «Мы извлекли только, го-«ворилъ онъ, маловажную выгоду «изъ неисчислимыхъ пожертвованій; «мы возвратили Франціи и ея союз-«никамъ владѣнія, съ большими уси-«ліями пріобретенныя, которыя долж-«но было удержать для безопасности «Великобританіи и для обезпеченія «ея противъ расширенія Франціи на «твердой землѣ. Покровительство, ко-«торое мы считали долгомъ оказать «нашимъ союзникамъ, состояло въ «однѣхъ пустыхъ словахъ, потому «что мы допустили отнять у Порту-«галліи Оливенсу и вовсе не упомяну-«ли о домѣ оранскомъ, который по-«жертвовалъ собою Англіи и котора-«го преданность мы наградили лишь «неблагодарностію и молчаніемъ. Ус-«тупка мыса Доброй Надежды и Ко-«хина открыла соперникамъ Англіи «путь въ Индію; Франція пріобрела «грозное положеніе при устьѣ ама-«зонской рѣки. Мы возвратили ей «острова антильскіе, между тѣмъ «какъ сами лишили себя власти на «средиземномъ морѣ сдачею Маль-«ты.»

Лордъ Спенсёръ присовокупилъ еще къ этимъ преувеличеннымъ упрекамъ, что онъ съ сожалѣніемъ видѣлъ, какъ этимъ миромъ утверждались основанія революціи; онъ говорилъ это въ то время, когда я готовился нанести послѣдній ударъ, чтобы совершенно ниспровергнуть ее. Но не въ одной этой ошибкѣ можно было упрекнуть его: грозныя владѣнія, которыя онъ усматривалъ при устьѣ амазонской рѣки, состояли изъ пустынь Гвіаны до Нордъ-Капа и рѣки Аровари, о которыхъ даже и не было упомянуто въ предварительныхъ статьяхъ; извѣстно было только, что Португалія уступила ихъ Франціи по мадритскому договору. Что жъ касается до Кохина и мыса Доброй Надежды, объявленнаго нольною гаванью, то это не могло внушать Англіи никакаго опасенія на счетъ ея индейской торговли.

Новые министры, не смотря на эти жалобы, твердо придерживались системы, побудившей ихъ къ этому договору, и лорду Корнуаллису поручено было отправиться на амiенскій

конгресъ для заключенія окончательнаго мира вмѣстѣ съ братомъ моимъ Іосифомъ, кавалеромъ д'Азарою со стороны Испаніи и Шимельпеннинкомъ со стороны Голландіи. Англійскій уполномоченный былъ отличнo принятъ въ Парижѣ, гдѣ его встрѣчали съ необыкновенными почестями. Хотя соотечественники его умѣли оцѣнить это вниманіе и основанія мира были такъ точно начертаны предварительными статьями, что обнадеживали въ скоромъ достиженіи цѣли переговоровъ, но не смотря на все это, можно было замѣтить при самомъ открытіи аміенскихъ совѣщаній, что прежняя зависть и закоренѣлая недовѣрчивость управляли даже самыми незначительными помышленіями обоихъ кабинетовъ.

Мальта прежде всего сдѣлалась поводомъ къ новымъ затрудненіямъ; мелочныя предосторожности и опасенія касательно сдачи и будущей судьбы этого острова, доказываютъ лучше всякаго ученаго военнаго разсужденія, какъ высоко каждая изъ противныхъ сторонъ цѣнила устраненіе этого пункта отъ всякаго вліянія ея соперницы. Орденъ св. Іоанна іерусалимскаго, которому намѣревались отдать назадъ островъ, былъ тогда разсѣянъ и находился такъ сказать въ состояніи раскола, и потому-то казался имъ стражемъ подозрительнымъ и ненадежнымъ, особенно же въ глазахъ Англичанъ, исключенныхъ изъ него по причинѣ вѣроисповѣданія. Лордъ Корнуаллисъ замѣтилъ, что если учрежденіе англійскаго отдѣленія не можетъ согласоваться съ статутами ордена, то въ замѣну слѣдовало уничтожить и французское отдѣленіе. Это условіе приняли мы тѣмъ легче, что намъ самимъ трудно было согласить рыцарскій орденъ съ учрежденіями республики. Не такъ легко однакожъ согласились на счетъ будущаго назначенія самаго острова. Я сдѣлалъ предложеніе, срыть его укрѣпленія, обратить его навсегда въ общій лазаретъ для всѣхъ народовъ и возвратить ордену первобытное его назначеніе, сдѣлавъ рыцарей простыми лазаретными надзирателями. Англія воспротивилась этому, безъ сомнѣнія въ надеждѣ когда нибудь снова овладѣть этими грозными укрѣпленіями. Уполномоченный мой предложилъ признать островъ въ зависимости отъ короля неаполитанскаго, однако же съ поручительствомъ Россіи, Австріи, Пруссіи, Испаніи, Англіи и Франціи. Въ случаѣ, если для его защиты войскъ ордена оказалось бы недостаточно, каждая изъ сихъ большихъ державъ должна была выставить вспомогательное войско.' Такимъ образомъ Мальта была бы уважаема въ военное время и служила бы общимъ лазаретомъ.

Англія согласилась на это мнѣніе съ нѣкоторыми перемѣнами: она требовала, чтобы гарнизонъ, въ случаѣ недостатка мальтійскихъ войскъ, состоялъ изъ Неаполитанцевъ. Такъ какъ дворецъ короля неаполитанскаго находился подъ выстрѣлами пушекъ британскихъ флотовъ, то имъ весьма бы легко было въ случаѣ войны, склонить правительство Обѣихъ Сицилій къ выгодамъ сенъ-джемскаго кабинета, и вытребовать отъ него, если не сдачу Мальты, то по крайней мѣрѣ свободный входъ въ

ся гавань англійскимъ эскадрамъ. Не соглашаясь на всѣ эти требованія и желая упрочить независимость ордена, я предложилъ снабдить Мальту швейцарскимъ гарнизономъ до того времени, пока она сама придетъ въ состояніе защищать себя. Впрочемъ, не представляя съ моей стороны никакихъ препятствій къ миру, я отнюдь не былъ недоволенъ тѣмъ, что переговоры длились нѣсколько мѣсяцевъ; потому что черезъ это я выигралъ время для окончанія устройства италійской республики, президентство которой было мнѣ ввѣрено собранною тогда въЛіонѣ консультою. Для меня въ самомъ дѣлѣ много значило, прежде или послѣ подписанія мира окончу я это дѣло, могущее подать поводъ къ возраженіямъ; не потому, чтобы мнѣ необходимо нужно было, чтобы меня по договору формально признали въ званіи президента новой республики; но потому что для меня было весьма важно, чтобы договоръ этотъ былъ подписанъ послѣ моего назначенія, и въ случаѣ разрыва, служилъ бы мнѣ законнымъ оправданіемъ.

Наконецъ упрямство сенъ-джемскаго кабинета восторжествовало надъ всѣми препятствіями: положено было, чтобы король неаполитанскій снабдилъ Мальту двухъ-тысячнымъ гарнизономъ на одинъ годъ, считая со времени сдачи крѣпости, и если орденъ до того времени не соберетъ достаточныхъ силъ для защиты острова и всего принадлежащаго ему, то чтобы неаполитанскій гарнизонъ оставался до смѣны его соединенными войсками державъ, подъ покровительствомъ которыхъ состоялъ островъ.

Послѣ нѣкоторыхъ другихъ объясненій о распространеніи границъ французскихъ владѣній, въ окружности Пондишери, и на счетъ ньюфаундлендской рыбной ловли, уполномоченные устранили вопросъ о признаніи новыхъ государствъ въ Италіи, и миръ былъ наконецъ подписанъ 27 Марта.

Многіе сомнѣвались въ прямодушномъ расположеніи обѣихъ договаривающихся державъ, потому что многія статьи, совершенно пропущенныя, дѣлали трактатъ неполнымъ, и необходимо должны были въ скоромъ времени возобновить раздоры. Собственное мое положеніе, заставило меня высоко цѣнить этотъ миръ, возпесшій меня въ общественномъ мнѣніи на высочайшую степень славы; утверждая внутреннее благоденствіе Франціи, онъ въ тоже время облегчалъ мнѣ средства перешагнуть пространство, отдѣлявшее меня отъ престола; нельзя было сомнѣваться въ прямодушіи съ моей стороны; тѣмъ болѣе, что всѣ эти пропуски были выгодны для меня, и чтобы извлечь изъ нихъ пользу, мнѣ достаточно было оставить дѣла въ томъ положеніи, въ которое онѣ были приведены договоромъ.

Англійское правительство поступало совсѣмъ иначе: можно было полагать, что сенъ-джемскій кабинетъ, устраняя всякое объясненіе касательно Тосканы и Піемонта, которыхъ прежніе государи не задолго до того были его союзниками, хотѣлъ сохранить себѣ поводъ къ разрыву. Если разсматривать это дѣло только какъ политическую форму, то разумѣется, что этрурское королевство

могло существовать, не будучи признано въ Лондонѣ и морской міръ, вѣроятно, въ продолженіе цѣлаго столѣтія не былъ бы отъ этого нарушенъ; но какимъ образомъ ливорнская гавань могла быть открыта для англійской торговли, когда министерство отказывалось признать царствующаго тамъ государя? Вопросъ на счетъ Піемонта былъ еще гораздо важнѣе: по люневильскому миру, земли его были раздѣлены на 6 департаментовъ; хотя это было еще не совершенное соединеніе съ Франціею, но Журданъ управлялъ ими отъ ея имени и названіе 27 военнаго округа, данное этому, довольно пространному государству, показывало будущую его судьбу. Англія, не имѣя тайнаго намѣренія, не могла оставить безъ вниманія такое важное обстоятельство; потому, что если и предположимъ, что Франція еще на долго отдаляла полное присоединеніе Піемонта, то все таки было вѣрно то, что она управляла этою землею по собственному произволу, располагала ея доходами, войскомъ и крѣпостями, однимъ словомъ, пріучала ее незамѣтно къ своему владычеству.

О Швейцаріи также ничего не упомянули; и хотя британскія конторы и флоты не имѣли никакихъ сношеній съ обитателями скалъ С. Готарда, но государство, соединенное съ Франціею такими сильными политическими, торговыми и военными узами, должно было казаться довольно важнымъ для министерства Георга III.

Вскорѣ однако же, какъ увидимъ ниже, постигли важность этихъ упущеній; ихъ можно приписать только той сторонѣ, которой нужнѣе было привести въ порядокъ эти различные предметы. При всемъ томъ, мирный договоръ, мало различествовалъ отъ предварительныхъ статей. Одна только значительная перемѣна касалась оранскаго дома: для него замѣчанія лорда Спенсёра не остались безъ пользы, потому что дому этому было вытребовано вознагражденіе; съ другой стороны были утверждены уступки въ Гвіанѣ, сдѣланныя Португаліею во время переговоровъ, и судьба Мальты была опредѣлена.

Измѣненія эти не могли доставить окончательному договору лучшій пріемъ нежели предварительнымъ статьямъ. Англійское купечество, смотрѣвшее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ на вооруженіе Франціи противъ антильскихъ острововъ и на предстоявшее завоеваніе Санъ-Доминго, казалось, было менѣе удовлетворено этимъ миромъ, нежели прежде. Аристократіи досадно было видѣть, что демократическое и республиканское правленіе успѣло принесть хорошіе плоды; она, казалось, напередъ постигала изъ первыхъ дѣйствій искуснаго и сильнаго правительства всѣ трудности и препятствія, которыя мы противупоставимъ ея предпріятіямъ. Такъ какъ обѣ противныя партіи старались охуждать предварительныя статьи, то не удивительно, что миръ былъ принятъ большею частью Англіи съ холодностью, странно противорѣчившею восторгу, произведенному предварительными статьями.

Тѣ же возраженія, были сдѣланы обѣими палатами при чтеніи аміенскаго договора; лордъ Гренвиль приводилъ противъ него свои сильные и убѣдительные доводы. Онъ

Владиміръ Константиновичъ
Крамаренко

старался доказать, что министерство, возвративъ Франціи всѣ ея колоніи, ничѣмъ не уменьшило ея преобладанія на твердой землѣ. Съ самаго начала переговоровъ, ліонская консульта упрочила мое вліяніе на Италію. Слухъ объ уступкѣ Французамъ Лунзіяны, два года содержанный въ тайнѣ, началъ безпокоить и Америку, и Англію; наконецъ, со смертію герцога пармскаго, владѣнія его перешли въ мою власть, и уже островъ Эльба былъ упроченъ за нами.

Тогда всѣ партіи соединились и буйство ихъ дошло до того, что Виндѣмъ обвинялъ министерство даже въ томъ, что оно приняло странныя мѣры, для обезпеченія независимости Мальты, отдавъ ее подъ покровительство державы, въ которой Французы занимали всѣ рейды, и даже, такъ сказать, держали въ блокадѣ самую столицу.

Министръ Гауксбёри отвѣчалъ, что вліяніе, пріобрѣтенное Франціею надъ однимъ изъ второстепенныхъ государствъ твердой земли, не касалось Англіи непосредственно, и за исключеніемъ не многихъ случаевъ, подобная причина не должна была служить поводомъ къ безконечной войнѣ. Онъ замѣтилъ сверхъ того, что положеніе твердой земли торжественно утвержденное миромъ люневилльскимъ, тѣмъ менѣе допускало разрывъ, что перемѣны, происшедшія въ Италіи, были признаны Россіею и Пруссіею. Этотъ доводъ былъ ложенъ, потому что никакимъ оффиціальнымъ актомъ не были признаны ни власть наша въ Піемонтѣ и въ Швейцаріи, ни присоединеніе острова Эльбы къ Франціи.

Однако жъ вліяніе двойной оппозиціи не воспрепятствовало министерству утвердить договоръ, а палатамъ по обыкновенію поднесть королю благодарственный адресъ, утвержденный значительнымъ большинствомъ голосовъ. Сношенія между двумя государствами тотчасъ возстановились. Лордъ Корнуаллисъ былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ, а я съ своей стороны послалъ въ Лондонъ Андреосси, одного изъ отличнѣйшихъ артиллерійскихъ генераловъ.

Этотъ договоръ былъ лучше принятъ во Франціи, гдѣ досадовали на крики англійской олигархіи, произведенные торжествомъ революціонныхъ правилъ, между тѣмъ, какъ послѣдніе остатки ихъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе уничтожались.

Въ самомъ дѣлѣ я разсѣялъ послѣднее облако, омрачавшее нашъ политическій горизонтъ, и еще болѣе утвердилъ свою власть. Вездѣ, гдѣ нѣтъ постояннаго, неоспоримо опредѣленнаго средоточія власти, всегда найдутся люди, надѣющіеся овладѣть ею. Это случилось и со мною. Власть моя была только временная и слѣдовательно не была непоколебима. Люди, исполненные тщеславія и полагавшіе въ себѣ довольно способностей, чтобы держать кормило правленія, возстали противъ меня. Они избрали трибунатъ своимъ сборнымъ мѣстомъ и начали вооружаться противъ меня, какъ противъ власти исполнительной. Эти новые Гракхи утверждали, что всякая верховная власть, то есть власть исполнительная не совмѣстна съ вольностью; изъ этихъ ложныхъ началъ, они выводили, что всякое сопротивленіе

этой власти, есть дѣйствіе похвальное, и что все позволительно, чтобъ только ей противудѣйствовать. Если бъ я уступилъ ихъ крикамъ, то государство бы погибло. Оно имѣло слишкомъ много враговъ, чтобъ раздѣлять свои силы и терять время на пустыя слова; жестокій опытъ доказалъ уже это, но прошедшаго урока было еще недостаточно, чтобы принудить къ молчанію людей, предпочитавшихъ выгоды своего тщеславія истинной пользѣ отечества. Чтобы упрочить свою народность, они возставали противу налоговъ, осуждали правительство и препятствовали всѣмъ его дѣйствіямъ

Консульство пало бы какъ директорія, если бы я не уничтожилъ эту оппозицію государственнымъ ударомъ, выславъ этихъ упрямыхъ трибуновъ. Въ числѣ ихъ былъ Бенжаменъ-Констанъ, любимецъ госпожи Сталь, женщины знаменитой и необыкновенной, для которой однако же прописи были необходимою стихіею; она хотѣла повсюду первенствовать и управлять дѣлами государственными, какъ управляла кругомъ своего знакомства.

Тотдашнее положеніе Франціи и намѣреніе мое придать болѣе прочности правленію, котораго я былъ главою, требовало этого переворота. Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе чувствовалъ, что республиканская конституція VIII года была только временная, и не могла долго существовать. Уравновѣшиваніе власти едва ли хорошо и посреди мира и тишины, но для бурнаго и смутнаго времени, необходима диктатура. Слѣдовательно, мнѣ необходимо было усиливать ввѣренную мнѣ власть, послѣ всякой опасности, чтобъ опять не подвергнуться новой.

Правда, что пожизненная диктатура была бы также власть временная; нужна власть болѣе опредѣлительная, чтобы доставить народу силу внѣшнюю и спокойствіе внутреннее; но при тогдашнемъ расположеніи умовъ, я руководствовался только необходимостію настоящаго. Мнѣ довольно было имѣть въ то время только власть, необходимую для внутренняго устройства и для упроченія нашего преобладанія; самое же названіе верховной власти ничего не значило. Пожизненное консульство, предложенное мнѣ 2 Августа, содѣлалось первымъ основаніемъ того зданія, которое я началъ сооружать. Въ силу сенатусъ-консульта 6 Мая, это званіе оставлено мнѣ было еще на десять лѣтъ, чтобы и продлило его до 1820 года; но всѣ весьма справедливо разсудили, что лучше сдѣлать его пожизненнымъ, и я удовольствовался этимъ, въ ожиданіи болѣе прочныхъ постановленій.

Мнѣ предстояло положить конецъ революціи, давъ ей законный характеръ, по которому бы она могла быть признана всеобщимъ европейскимъ правомъ. Правда, что прежде нежели я могъ выказать это намѣреніе, мнѣ надобно было опредѣлить ея основанія, утвердить законы и уничтожить ея злоупотребленія; я сознавалъ въ себѣ довольно силы, чтобы выполнить это, и не ошибся.

Основнымъ правиломъ революціи было уничтоженіе кастъ, а не званій; оно требовало равенства правъ, а не классовъ; я держался этого,

издавая законы. Злоупотребленія происходили отъ торжества демагогическихъ мнѣній, и отъ существованія партій; я уничтожилъ первыя и не обращалъ вниманія на послѣднія, такъ что онѣ исчезли сами собою. Злоупотребленія эти проявлялись еще въ разрушеніи церкви: я возстановилъ ее; въ существованіи эмигрантовъ: я призвалъ часть ихъ обратно; во всеобщемъ безпорядкѣ государственнаго управленія: я далъ ему правильное устройство; въ упадкѣ финансовъ: я ихъ привелъ въ порядокъ; оно обнаруживалось наконецъ въ недостаткѣ верховной власти, способной управлять Франціею, и я далъ ей эту власть, овладѣвъ браздами государства.

Безъ сомнѣнія, немногіе сдѣлали столько и въ такое короткое время какъ я. Со временемъ исторія скажетъ, что была Франція, когда я вступилъ въ консульство, и что была она, когда предписывала законы всей Европѣ. Для достиженія моей гигантской цѣли, мнѣ не нужна была насильственная власть. Быть можетъ, я бы и могъ употреблять ее, но не хотѣлъ; мнѣ было пріятнѣе властвовать законами. Я много ихъ издалъ, и законы мои были строги и точны, но справедливы. Я неослабно наблюдалъ за ихъ исполненіемъ, потому что это долгъ правителя; но и самъ уважалъ ихъ. Они переживутъ меня. Гражданское уложеніе (кодексъ), равно какъ и коммерческое и уголовное права, составленныя подъ предсѣдательствомъ моимъ и послѣ жаркихъ преній, въ которыхъ я самъ принималъ живѣйшее участіе, достаточны уже, чтобы увѣковѣчить славу моего царствованія.

Я постигалъ необходимость, возвратить моей арміи сильную пружину военныхъ отличій, уничтоженныхъ смѣшною и гибельною системою равенства; я учредилъ орденъ, который можно было получить за заслуги, оказанныя отечеству во всякое время, и какаго бы рода онѣ ни были: орденъ почетнаго легіона не нарушалъ строжайшихъ понятій о равенствѣ; онъ допускалъ только различіе въ важности оказанныхъ государству заслугъ. Не смотря на это, его не хотѣли постигнуть; онъ былъ опровергаемъ многочисленною партіею тѣхъ привязчивыхъ членовъ трибуната, которые всѣ мои постановленія считали преторіянскими и былъ принятъ только малочисленнымъ большинствомъ голосовъ.

Конкордатъ съ папою сохранялся въ тайнѣ въ продолженіе осьми мѣсяцевъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, для того, чтобы выхлопотать отрѣшеніе епископовъ-эмигрантовъ, которые, казалось, были твердо намѣрены отвергать новыя учрежденія; а во-вторыхъ, чтобы обдумать на свободѣ въ государственномъ совѣтѣ статьи, которыми опредѣлялись отношенія религіозной системы съ просвѣщеніемъ и потребностями государства. Началомъ всѣхъ этихъ мѣръ было учрежденіе особеннаго министерства духовныхъ дѣлъ, котораго портфель получилъ Портали.

Я воспользовался обнародованіемъ заключенія мира, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ объявить и конкордатъ, который былъ такъ важенъ въ

нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Предметъ этотъ былъ чрезвычайно щекотливъ для республиканцевъ и арміи; потому что, хотя каждый высоко цѣнилъ поученія св. евангелія, но не смотря на то, большая часть гражданъ еще питала ненависть и отвращеніе къ тѣмъ духовнымъ особамъ, пропскамъ и коварству которыхъ приписывали большую часть бѣдствій, произведенныхъ революціею; 77 опредѣлительныхъ статей едва достаточно было для того, чтобы конкордатъ могъ уничтожить опасенія, которыя произвело бы въ республикѣ возвращеніе упрямаго духовнаго сословія. Эти статьи, внушенныя мудрою и справедливою терпимостью, привели въ порядокъ отношенія различныхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, и такимъ образомъ освятили догматы, обремененные до того проклятіемъ отлученія. Они отнимали у Католиковъ всѣ поводы къ религіознымъ спорамъ и согласовали конкордатъ съ духомъ вѣка; но римскій дворъ, образъ мыслей котораго опровергался этими новизнами, а вліяніе уменьшалось, скоро началъ тайно подрывать ихъ.

Ограниченный такимъ образомъ, конкордатъ былъ представленъ на утвержденіе законодательному корпусу, и обнародованъ 18 Апрѣля. Торжественное празднество, бывшее по этому случаю въ церкви парижской Богоматери, блистало совершенно новымъ великолѣпіемъ и представляло изумленнымъ Парижанамъ рѣзкую противуположность съ изысканнымъ цинизмомъ правителей 1793 года. Со временъ торжества по случаю рожденія дофина и знаменитаго собранія на марсовомъ полѣ, ни одно празднество не представляло подобнаго зрѣлища. Шествіе, составленное изъ гвардіи и различныхъ отрядовъ арміи, сопровождавшихъ консуловъ, папскаго легата, министровъ и депутатовъ изъ сената въ соборъ, могло изгладить тѣ впечатлѣнія, которыя были оставлены въ памяти блескомъ королевскаго дома. Изысканная торжественность, съ которою была совершена эта религіозно-политическая церемонія, была дурнымъ предзнаменованіемъ для приверженцевъ республики, въ которыхъ она возбудила негодованіе: они громко говорили, что республика существуетъ только по названію присутственныхъ мѣстъ. Подобными мнѣніями многіе генералы (*) навлекли на себя немилость, отъ которой избавились только, предложивъ мнѣ свои услуги въ ту минуту, когда почувствовали, что спасеніе отечества тѣсно соединено съ моимъ собственнымъ.

Конкордатъ, благодаря этимъ основнымъ опредѣлительнымъ статьямъ, имѣлъ сначала только благопріятныя послѣдствія, потому что примирилъ съ правительствомъ милліоны земледѣльцевъ, вздыхавшихъ въ продолженіе 9 лѣтъ о разрушеніи алтарей.

Карлъ-Эмануилъ IV, король сардинскій, удалившійся на свой островъ, отказался 4 Іюня въ пользу брата своего Виктора-Эмануила IV отъ бремени престола, приносившаго ему однѣ огорченія. 11 Сентября Піемонтъ былъ формально присоединенъ къ Франціи. Присоединеніе острова

(*) Лекурбъ, Моннье, Делма и нѣкоторые другіе.

Эльбы совершилось нѣсколькими недѣлями раньше.

Вся Европа молчала при этомъ событіи, которое легко можно было предвидѣть, потому что Туринъ, уже цѣлый годъ былъ главною квартирою военнаго округа и управлялся французскими законами. Но это молчаніе отнюдь нельзя было принять за согласіе, и только формальные договоры могли дать законность этому присоединенію.

Съ кончиною герцога пармскаго, владѣнія его должны были также присоединиться къ Франціи, потому что въ замѣнъ ихъ, сынъ его былъ объявленъ королемъ этрурскимъ. Октября 9, я приказалъ занять эту прекрасную страну, но оставилъ ей особенное управленіе. Могъ ли я предугадать тогда, что Парма содѣлается со временемъ наслѣдіемъ вдовы моей?

Перемѣны, которыхъ я желалъ въ сосѣдственныхъ республикахъ, не произошли въ Швейцаріи такъ миролюбиво, какъ въ цизальпинской республикѣ. Образъ правленія, предписанный директоріею этимъ горнымъ республиканцамъ, произвелъ множество недовольныхъ. Считая себя въ правѣ по люневильскому миру взяться за оружіе и внимая побужденіямъ Австріи, они хотѣли воскресить древнюю бернскую олигархію и демагоговъ малыхъ кантоновъ, а вмѣстѣ съ симъ и всѣ недостатки федеративнаго государственнаго управленія.

Единство правительства существовало и было принято; съ нѣкоторыми измѣненіями, оно могло составить счастіе Швейцаріи; и если федеративное правленіе казалось выгоднѣе этимъ мелкимъ честолюбіямъ, хотѣвшимъ, чтобы каждое мѣстечко управлялось само собою, то по крайней мѣрѣ должно было утвердить выгоды, рожденныя революціею и указать средоточіе этому федерализму, чтобы доставить ему болѣе самостоятельности и уваженія.

Дѣло шло о томъ, чтобы спокойствіе Европы не было нарушено нѣсколькими бернскими ратсгерами; для насъ было очень важно не допустить Австрійцевъ къ уничтоженію нашего вліянія на Швейцарію, утвердивъ свое собственное. Какъ государство ни могущественно, но оно можетъ скоро упасть въ политическомъ отношеніи, позволивъ соперникамъ своимъ распространять ихъ вліяніе на сосѣдственныя государства. Австрія уже угрожала Баваріи, стараясь присовокупить Инфиртель, не опредѣливъ еще ничего на счетъ вознагражденія.

Я приказалъ Нею съ 20,000 опять вступить въ Швейцарію. Бернцамъ и малымъ кантонамъ, открыто дѣйствовавшимъ противъ гельветическаго правительства и опрокинувшимъ уже до Лозанны его слабыя силы, было предложено распустить свои войска: порядокъ опять былъ возстановленъ и я созвалъ въ Парижъ 50 швейцарскихъ депутатовъ, чтобы обдумать совокупно съ ними удобнѣйшія средства къ удовлетворенію различныхъ партій. Актъ посредничества, 19 Февраля 1803 года, былъ слѣдствіемъ этихъ мѣръ, которымъ Швейцарцы обязаны совершеннымъ возстановленіемъ ихъ внутренняго спокойствія.

Если бы при этомъ актѣ дать жителямъ Берна вознагражденіе и назначить городъ ихъ постоянною столицею швейцарской республики, то

были бы выполнены всѣ условія, необходимыя для благоденствія этой страны.

Такимъ образомъ въ Европѣ все дѣлалось по моимъ желаніямъ, и мнѣ оставалось только устроить дѣла о вознагражденіяхъ въ Германіи. Нѣсколько времени я опасался, что старанія императора Александра возстановить дружелюбныя сношенія съ Англіею, произведутъ между нами несогласія; но эти самыя дѣла доставили мнѣ скоро случай разувѣриться. Они были весьма сложны и легко могли разорвать люневилльскій миръ. Умѣренность императора Александра согласовалась съ желаніемъ моимъ удержать спокойствіе на твердой землѣ. Тогда, въ самомъ дѣлѣ, не было между нами никакаго повода къ соперничеству. Франція и Россія въ тогдашнемъ положеніи были естественными союзниками, которые по произволу могли располагать дѣлами Европы. Я дѣлалъ завоеванія; но и Россія пріобрела за то прекраснѣйшую часть Польши.

Должно было окончить дѣла на счетъ тѣхъ вознагражденій, которыя были обѣщаны люневилльскимъ договоромъ Австріи и великому герцогу тосканскому; тѣхъ, которыя Франція должна была дать прусскому королю за страну, уступленную ей на лѣвомъ берегу Рейна; тѣхъ, которыя Бавaрія требовала за Пфальцъ и, наконецъ, тѣхъ, которыя слѣдовало дать оранскому дому.

Для полученія этихъ вознагражденій должно было поколебать основанія священной римской имперіи. Я не могъ приступить къ этому безъ согласія Россіи, какъ державы, бывшей порукою тешенскаго договора: и къ совершенному удовольствію мнѣ это удалось. Безъ сомнѣнія я охотно бы обошелся безъ ея посредничества; но она была уполномочена къ тому прежними договорами и мнѣ не слѣдовало оспоривать у нея власть, которую я присвоилъ себѣ съ меньшимъ правомъ. Мы согласились быть посредниками и дѣйствовать откровенно и согласно, чтобы успѣшно совершить великое дѣло примиренія. Меня тѣмъ болѣе радовали эти дружелюбныя расположенія, что происшествія въ Швейцаріи могли бы быть причиною къ разрыву. Австрія была не очень довольна этими мѣрами; виды ея на Инфиртель рушились; великій герцогъ тосканскій получилъ только половину вознагражденій, требуемыхъ для него Австріею; а вступленіе французскихъ войскъ въ Швейцарію, почти совершенно разорвало мирныя сношенія наши съ вѣнскимъ кабинетомъ.

Однако жъ я устрашилъ его моею твердостію, а умѣренность моя съ Швейцаріею, которую войска наши не замедлили очистить, заслужила одобреніе моего могущественнаго союзника. Доброе согласіе между нами, еще болѣе утвердилось возстановленіемъ торговаго договора, заключеннаго Сегюромъ между Россіею и Франціею, въ 1787 году.

Наконецъ, имперскій сеймъ упрочилъ миръ на твердой землѣ, и Европа могла отдохнуть. Только одна Англія, завидуя нашему благоденствію, готовилась къ новымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

И дѣйствительно миръ распространилъ у насъ благосостояніе: гавани

пали едва могли вмѣщать въ себѣ суда всѣхъ народовъ, отвсюду къ намъ стремившіяся. Парижъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ всей Европы, и въ особенности Англичанъ, которые десять лѣтъ лишены были удовольствія жить на твердой землѣ Европы.

Торговля наша виномъ и другими произведеніями опять приняла прежнюю дѣятельность: мануфактуры, въ особенности ліонскія, были въ самомъ блестящемъ положеніи; тѣмъ болѣе, что всѣ вспомогательныя средства и наукъ, и изящныхъ искусствъ, примѣнялись къ нимъ, развивая вкусъ и улучшая самую матеріяльную часть мануфактурнаго производства.

—

ГЛАВА VII.

Англія отказывается отъ выполненія условій амьенскаго договора. Новый разрывъ. Вторженіе въ Ганноверъ. Занятіе части неаполитанскаго королевства. Преобладаніе Англичанъ въ Индостанѣ. Состояніе Европы. Приготовленіе къ высадкѣ въ Англію. Питтъ снова вступаетъ въ министерство. Билль о защитѣ. Заговоръ Жоржа и Пишегрю. Основаніе имперіи. Правила Наполеона въ управленіи государствомъ. Онъ провозглашенъ императоромъ. Это достоинство остается наслѣдственнымъ въ его родѣ. Папа коронуетъ его. Отъѣздъ Наполеона въ Италію. Организація большой арміи. Разрывъ съ Россіею. Выступленіе флота. Наполеонъ возвращается въ Булонь.

—

Между тѣмъ, какъ побѣды и переговоры увеличивали славу Франціи, внутреннія дѣла шли также по моему желанію. Государство перерождалось съ удивительною быстротою. Я ревностно этимъ занимался: исключая нѣсколькихъ жителей сенъ-жерменскаго предмѣстія, которыхъ нельзя было ничѣмъ исправить, и нѣсколькихъ демократовъ-фанатиковъ, вся нація рукоплескала моимъ дѣяніямъ и пламенно обнаруживала свой восторгъ. Чтобы не обвинили меня въ преувеличеніи при разсказѣ моихъ собственныхъ дѣлъ, я приведу слова человѣка, который былъ моимъ поклонникомъ, какъ идеологъ, и врагомъ, какъ фанатикъ и историкъ.

«Славный въ войнѣ и въ мирѣ,
«Наполеонъ помрачилъ блескъ всѣхъ
«великихъ мужей древняго и новаго
«міра; воспоминаніе объ его подви-
«гахъ въ Египтѣ и въ Италіи вос-
«пламеняло всѣ умы, было предме-
«томъ всѣхъ разговоровъ. Отблескъ
«древности въ его прокламаціяхъ и
«рѣчахъ переносилъ насъ въ лучшія
«времена Аѳинъ и Рима, выказывая
«и великій геній его, и возвышен-
«ную душу.

«Онъ извлекъ республику изъ ни-
«тожества и дважды возвелъ ее на
«высочайшую степень славы и могу-
«щества. Онъ удалился, и она упала;
«возвратился, и она возстала снова.
«враги его торжествовали въ его

«отсутствіе; какъ новый Геркулесъ, «онъ восторжествовалъ надъ ними.

«Его удаленіе было знакомъ къ «войнѣ; его присутствіе залогомъ по«бѣды и мира, не только съ Ав«стріею, но и съ Россіею, Англіею, «Турціею, Португаліею, Германіею и принцемъ оранскимъ.

«Даже отъ варваровъ исторгъ онъ «выгодный для Франціи союзъ. Ту«нисъ и Алжиръ сдѣлались нашими «друзьями; Французы, не опасаясь бо«лѣе жестокости дикаго Африканца, «уже свободно проходятъ съ судами «своими средиземное море; либійскіе «морскіе разбойники не оскорбляютъ «болѣе флага республики. Наполеонъ «утушилъ междуусобные раздоры, «возвратилъ изгнанникамъ ихъ оте«чество, и папѣ Пію VI почести по«гребенія. Договоромъ съ Піемъ VII, «онъ успокоилъ совѣсть и сохранилъ «нравственность Французовъ.

«Онъ обезсмертилъ свой вѣкъ из«даніемъ важныхъ уложеній и узако«неній. Наши финансы одолжены ему «своимъ благосостояніемъ; должност«ные люди, исправною платою жа«лованья; армія, честью своихъ зна«менъ и точнымъ полученіемъ со«держанія; путешественники, спокой«ными дорогами; купцы, возстанов«леніемъ каналовъ; мореходцы бу«дутъ ему обязаны со временемъ «свободою мореплаванія.

«Франція приняла во всемъ свой «прежній блескъ: дворцы, разрушен«ные временемъ или яростью людей, «возстановлены; воздвиглись новые «памятники, которые будутъ гово«рить нѣкогда о нашей славѣ. Искус«ство повсюду украшаетъ природу; «развалины, плачевные памятники «прошедшихъ раздоровъ, исчезаютъ; «великолѣпныя зданія оканчиваются «подъ вліяніемъ мудраго правленія. «Вотъ плоды достигнутаго имъ мира «и водвореннаго имъ согласія.

«Онъ положилъ конецъ революціи, «и уничтожилъ источникъ несчастій «всего міра.»

Эти похвалы были только повтореніемъ того, что говорила вся Франція. Ораторы на каѳедрахъ, магистраты въ своихъ депутаціяхъ, писатели въ сочиненіяхъ, не находили достаточно сильныхъ выраженій для прославленія моихъ подвиговъ, не могли вполнѣ передать порывы народной благодарности. Но какъ ни были преувеличены выраженія тѣхъ, которые выдавали себя за отголоски общаго мнѣнія, совѣсть говорила мнѣ, что похвалы ихъ были истинны, и что я ихъ заслуживалъ.

При всемъ томъ, я чувствовалъ, что нашей системѣ не доставало опредѣлительности. Хотя я и желалъ дать революціи твердое и прочное основаніе; но видѣлъ, что для достиженія этой цѣли мнѣ должно было побѣдить антипатію между новымъ и старымъ порядками вещей. Они образовали два разряда, которыхъ выгоды были совершенно противуположны. Всѣ прежнія государства, существовавшія согласно съ древнимъ народнымъ правомъ, считали себя въ опасности отъ духа революціи; она же, напротивъ, только сама могла найти поручительство въ своей самостоятельности, или заставивъ непріятеля договариваться, или уничтоживъ его, если онъ не согласится ее признать.

Мнѣ назначила судьба, какимъ бы то ни было образомъ, окончить эту

борьбу; я былъ главою той многочисленной партіи, которая стремилась ниспровергнуть систему управленія всего мира, со времени паденія римской имперіи, и потому я сдѣлался предметомъ ненависти всѣхъ, находившихъ свои выгоды въ сохраненіи этой вѣковой ржавчины; ненависть ихъ была несправедлива, потому что только я одинъ могъ возстановить порядокъ и согласить выгоды обѣихъ сторонъ. Если бы партіи могли разсуждать и принудить себя къ взаимнымъ уступкамъ, мы бы черезъ недѣлю были во всемъ согласны.

Болѣе гибкій характеръ, могъ бы предоставить времени разрѣшить часть этой задачи; но, читая въ глубинѣ сердецъ этихъ партій, я увѣрился, что онѣ дѣлили на двое Европу, какъ во времена реформаціи, и что трудно и продолжительно будетъ ихъ примиреніе. Не смотря на это, я готовъ былъ все предпринять для достиженія подобной цѣли. Задача эта была сложнѣе, нежели какъ полагала подложная рукопись острова св. Елены. Нужно было не только доставить побѣду революціи или погибнуть съ нею, но еще примирить ее съ внѣшними непріятелями и успокоить внутреннихъ враговъ, до того времени, пока не произойдетъ совершенное сліяніе ихъ выгодъ; а для этого нужны были по крайней мѣрѣ два поколѣнія. Я позже буду имѣть случай объяснить, что авторъ рукописи несправедливо смѣшиваетъ революцію, въ отношеніяхъ ея собственно къ Франціи, съ революціею въ различныхъ проявленіяхъ ея, относительно прочихъ державъ, и въ особенности эпоху признанной уже имперіи съ эпохою республики.

Я посвятилъ цѣлые два года (1801—1803), чтобы излечить раны Франціи, сблизить выгоды и мнѣнія, и утишить волненія страстей. Успѣхъ превзошелъ всѣ мои надежды; но онъ не долженъ былъ слишкомъ увлекать меня. Роялисты смотрѣли на тогдашнее положеніе дѣлъ, какъ на путь къ контръ-революціи, а ихъ противники находили, что я слишкомъ далеко зашелъ по стезѣ, которой они такъ страшились.

Создать во Франціи одну общую выгоду и заставить другія державы уважать и признавать ее, вотъ въ чемъ заключалась явная цѣль моего назначенія; я понялъ, что дабы дать Франціи твердое основаніе, должно было согласить ея внутреннія учрежденія съ учрежденіями древнихъ державъ, а потомъ усилить ее до того, чтобы онѣ не могли безнаказанно нападать на нее. Чтобъ имѣть перевѣсъ, намъ необходимо было склонить на свою сторону большую часть Европы. Къ этому вели только два пути, или добровольные союзы, или повиновеніе, вынужденное превосходствомъ нашего могущества. При невозможности достигнуть перваго, я долженъ былъ прибѣгнуть къ послѣднему.

Я прилагалъ все свое стараніе, чтобы достигнуть этой цѣли; но мои сношенія съ Англіею снова сдѣлались непріязненными. Аміенскій миръ, казалось, былъ для нея только средствомъ высмотрѣть устройство моего зданія для удобнѣйшаго нападенія: она никогда не была расположена къ точному выполненію договора. Мальта не была возвращена: обладаніе

этимъ укрѣпленнымъ островомъ было выставлено англійскими писателями, какъ ключъ средиземнаго моря и какъ единственное средство, которое имѣла Англія противустать соединеннымъ силамъ Франціи и Испаніи. Сенъ-джемскій кабинетъ рѣшился удержать его въ своей власти.

Вмѣсто того, чтобы очистить Египетъ, генералъ Стьюартъ занималъ еще Александрію, и казалось, хотѣлъ тамъ утвердиться. Я послалъ Себастіани возстановить наши прежнія сношенія съ Левантомъ и увѣриться въ обѣщанномъ очищеніи. Англичане подняли шумъ противъ его посольства отъ того, что его донесеніе, сдѣланное въ видѣ военной рекогносцировки, показало, что у меня было много приверженцевъ въ этомъ краю, и что англійское правительство имѣло мысль тамъ удерживаться.

Съ другой стороны, я долженъ былъ жаловаться на грубыя оскорбленія моего сана, печатавшіяся въ англійскихъ и эмигрантскихъ журналахъ. Англія показывала мнѣ болѣе вражды, нежели Вильгельмъ Людовику XIV, хотя положеніе дѣлъ было совершенно обратное, потому что въ это время законный претендентъ французскаго престола находился въ Англіи, и она намъ съ лихвою возвращала то зло, которое Стуарты хотѣли ей сдѣлать съ помощью Франціи: я имѣлъ слѣдовательно двойную причину жаловаться. Генералъ, вознесенный побѣдами на степень владыки одной изъ могущественнѣйшихъ державъ Европы, и оскорбляемый ежедневно журналами и пасквилями, въ которыхъ легко было узнать руку министерства, долженъ былъ наконецъ потерять терпѣніе. Болѣе раздражительный, чѣмъ принцъ, рожденный на престолѣ, я не могъ видѣть безъ негодованія, что не отдавали должной справедливости моимъ военнымъ предпріятіямъ и моему правленію; что старались представить мои побѣды какъ пустое кровопролитіе безъ искусства, а мое правленіе какъ деспотизмъ и похищеніе престола; по правиламъ и по сердцу уподобляли меня Калигулѣ.

Я жаловался; мнѣ противупоставляли англійскіе законы свободы книгопечатанія. Я замѣтилъ, что изгнанники не имѣли права ссорить двѣ державы, подъ предлогомъ злоупотребленій книгопечатанія, и просилъ, чтобы, основываясь на биллѣ о чужестранцахъ (alien-bill), удалили этихъ людей, возмущавшихъ спокойствіе Европы.

Англія, отказавъ намъ въ этой просьбѣ, хотѣла заставить насъ на все согласиться. Мало того, что способствовала къ отнятію у насъ С. Доминго, она хотѣла еще насъ разорить торговымъ договоромъ. Тотъ, который былъ заключенъ въ 1786 году, былъ слишкомъ худо принятъ народомъ, чтобъ я рѣшился возобновить его. Безъ сомнѣнія, вывозъ невыдѣланныхъ произведеній Франціи могъ бы вознаградить, какъ полагали нѣкоторые министры, упадокъ мануфактуръ; но намъ необходимо было замѣнить потерю колоній хорошею промышленностью, чтобы никогда не получать отъ Англичанъ товаровъ, которые Франція сама можетъ производить; я отвергъ предложеніе торговаго договора, и требовалъ очищенія Мальты.

Лондонскій кабинетъ прислалъ ко мнѣ лорда Уптсуортза, подъ предлогомъ изысканія средствъ къ сохраненію мира, но болѣе кажется для того, чтобы возбудить меня къ войнѣ; потому что этотъ посланный не сдѣлалъ ничего, чтобы привести насъ къ согласію.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ его пріѣзда, я имѣлъ съ нимъ довольно продолжительный разговоръ, въ которомъ, можетъ быть, слишкомъ откровенно объяснилъ положеніе мое и всей Европы. Я ему объявилъ: «что «низко заключать договоры и на дру- «гой же день отказываться отъ ихъ «выполненія; что ни что не заста- «витъ меня отказаться отъ очищенія «Мальты, и что я лучше соглашусь «видѣть англійскія войска на мон- «мартрскихъ высотахъ, нежели обла- «дателями этого острова.»

Я жаловался на журналы, но въ особенности на то, что Жоржу и сообщникамъ его даютъ прибѣжище и содержаніе, вмѣсто того, чтобы отправить ихъ въ Канаду, какъ это было обѣщано. «Каждый попутный «вѣтеръ приноситъ мнѣ изъ Англіи «только вражду и ненависть; какъ же «мнѣ не потерять терпѣнія? говорилъ «я; далѣе коснувшись Египта, я его «увѣрялъ, что Себастіани былъ по- «сланъ совершенно безъ непріязнен- «ной цѣли; что отъ меня зависѣло «послать туда 25,000 войска, чтобы «помочь Портѣ вытѣснить Англи- «чанъ, которыхъ пребываніе тамъ, «давало мнѣ полное право это сдѣ- «лать; что, *хотя бы я имѣлъ жела- «ніе основать тамъ колонію, но не «сдѣлалъ этого потому, что не стои- «ло нарушать миръ и казаться за- «чинщикомъ войны, для завладѣнія «*страною*, *которая рано или поздно «подпадетъ подъ власть Франціи, или «черезъ разрушеніе турецкой имперіи, «или черезъ договоръ съ Портою.*» Хитрый Уптсуортзъ не проронилъ этихъ необдуманныхъ словъ, которыми Англія въ послѣдствіи оправдывала свои поступки.

Объявивъ желаніе мира, я исчислилъ всѣ выгоды и невыгоды войны, съ той и съ другой стороны; я откровенно изложилъ намѣреніе мое сдѣлать высадку и всѣ опасности, представляемыя этимъ предпріятіемъ: хотя неудача была въ сто разъ вѣрнѣе удачи; но и тѣни надежды на успѣхъ было достаточно, чтобы заставить меня рѣшиться. Я ему напомнилъ, что у меня 480,000 человѣкъ подъ ружьемъ, готовыхъ явиться по первому мановенію; что Европа не захочетъ болѣе соединяться съ Англіею и жертвовать для нея собою, и что не смотря на все это, я желаю мира. «Я всѣхъ могущественнѣе на сушѣ; вы владычествуете на «моряхъ; оставаясь въ согласіи, мы «бы управляли всѣмъ міромъ; напро- «тивъ того малѣйшая ссора наша «произведетъ въ немъ сильнѣйшіе «перевороты. Еслибъ я не испыты- «валъ при каждомъ случаѣ дурнаго «расположенія Англіи, я бы всѣмъ «пожертвовалъ, чтобы пріобрѣсть ея «дружбу; она получила бы участіе «въ вознагражденіяхъ, вліяніе на «твердой землѣ, торговый договоръ; «я на все бы согласился для держа- «вы, уважающей меня и хорошо ко «мнѣ расположенной, между тѣмъ «какъ я долженъ во всемъ отказы- «вать такимъ непримиримымъ вра- «гамъ, какъ вы.»

Этотъ продолжительный разговоръ ни сколько насъ не сблизилъ; Англичане замѣтили въ немъ только желаніе мое обратить Египетъ въ колонію, и почли это поводомъ къ удержанію Мальты и къ начатію вооруженій и первыхъ непріязненныхъ дѣйствій. Посланіе короля къ парламенту отъ 8 Марта уничтожило всякое сомнѣніе. Это объявленіе раздражило меня потому, что причины его были несправедливы. Въ самомъ дѣлѣ, съ какаго времени *предполагаемые и дальніе виды* какаго либо кабинета на провинцію, принадлежащую третьей державѣ, стали считаться законными причинами разрыва? Англія сознается, что еще при Вальполѣ и Георгѣ I она желала обладать южною Америкою; но неопредѣленное желаніе ея министерства утвердиться въ этой странѣ было ли законною причиною разрыва съ Франціею?

Я не могъ скрыть моего неудовольствія передъ Уптсуортзомъ, при первомъ его появленіи въ Тюльери, и можетъ быть говорилъ съ нимъ слишкомъ вспыльчиво: «Мы вели «войну въ продолженіи 10-ти лѣтъ, «сказалъ я, вы хотите вести ее еще «десять, вы принуждаете меня къ «этому!» Потомъ обратясь къ посланникамъ другихъ дворовъ, я прибавилъ: «Англичане желаютъ войны; «но ежели они заставятъ меня обна«жить мечъ, то безъ сомнѣнія не я «первый вложу его въ ножны. Они «не уважаютъ договоровъ; но можно «ихъ заставить раскаяться въ этомъ.»

Чувствуя, что я зашелъ немного далеко, я снова обратился къ Уптсуортзу съ этими словами: «Для чего всѣ эти вооруженія? Противъ «кого всѣ эти предосторожности? У «меня во всѣхъ французскихъ гава«няхъ нѣтъ ни одного линейнаго ко«рабля: если вы хотите драться, я «буду драться; можетъ быть вамъ «удастся уничтожить Францію, но «устрашить ее, никогда! Вы говори«те, что желаете мира; въ такомъ «случаѣ уважайте договоры. Горе «тѣмъ, которые ихъ не исполняютъ! «Они будутъ отвѣтствовать передъ «всею Европою, которую они вле«кутъ къ погибели!» Я былъ слишкомъ раздраженъ, и удалился, опасаясь снова зайти далѣе, нежели слѣдовало.

Между тѣмъ мои министры предложили согласиться на условія Англичанъ, для обезпеченія ихъ на счетъ Египта. Англичане показали видъ, что согласны не удерживать Мальты и не считать ее своею собственностью, но предоставляли себѣ право занимать ее въ продолженіи десяти лѣтъ. Они сверхъ того требовали: 1) чтобы имъ былъ уступленъ королемъ неаполитанскимъ островъ Лампедуза; 2) чтобы мои войска очистили Голландію и Швейцарію; 3) чтобы королю сардинскому назначили вознагражденіе въ Италіи. Только на этихъ условіяхъ они соглашались признать короля этрурскаго и лигурійскую республику. Твердо рѣшившись не отступать отъ условій аміенскаго договора, я отвергъ эти предложенія и долженъ былъ снова прибѣгнуть къ оружію. Сознаюсь, что я многимъ жертвовалъ для ничтожной выгоды: я бы могъ безъ стыда и опасности принять эти предложенія, которыя впрочемъ были, можетъ быть, сдѣланы не отъ чистаго сердца.

Я не могъ вести войны, не обезпечивъ себя вознагражденіемъ за потерю колоній, которыхъ мы легко могли лишиться и не занявъ приморскихъ странъ, могущихъ служить намъ важнымъ пособіемъ. Мои войска вступили въ неаполитанское королевство, чтобы снова занять тарентскій полуостровъ и запереть гавани Италіи для торговли Англичанъ. Сенъ-Спръ заключилъ по этому случаю новый договоръ и занялъ Абруццо.

Усиленныя въ Голландіи войска наши, перешли Рейнъ и проникли въ Ганноверъ, который Мортье и занялъ. Ганноверскія войска, собранныя въ числѣ 15,000 на нижней Эльбѣ, сдались на капитуляцію въ Артленбургѣ, и были распущены съ условіемъ возвратиться по домамъ.

Эти вторженія безъ сомнѣнія были намъ очень выгодны, но онѣ вовсе не правились другимъ державамъ: говорили, что онѣ противны признаннымъ народнымъ правамъ, которыя не дозволяютъ всякой державѣ захватывать все, что ей выгодно. Россія принимала нѣкоторое участіе въ судьбѣ Голландіи, а Австрія не могла безъ неудовольствія смотрѣть на вторженіе въ Ганноверъ, нарушавшее неприкосновенность германской имперіи. Но вѣнскій кабинетъ видѣлъ, что я въ войнѣ съ королемъ Георгомъ, и что нельзя было препятствовать мнѣ въ справедливыхъ нападеніяхъ на его владѣнія; и потому онъ удовольствовался размѣномъ нѣсколькихъ незначащихъ дипломатическихъ нотъ.

Хотя люневильскій миръ и былъ предписанъ Австріи, но онъ оставилъ ее въ такомъ могущественномъ положеніи, что она не могла рѣшиться подвергнуть себя снова невѣрнымъ случайностямъ войны, которой вся польза состояла въ отвлеченіи моихъ силъ; что конечно было бы весьма выгодно для Англіи. Мѣсто Тугута въ министерствѣ занималъ графъ Кобенцель, государственный человѣкъ болѣе умѣренный; и такъ я могъ надѣятся сохранить съ Австріею мои дружественныя сношенія.

Пруссіи былъ очень выгоденъ ея неутралитетъ, и она не имѣла никакой причины перервать его.

Россія наблюдала за мною, и протестовала въ пользу Голландіи, Неаполя и сардинскаго короля. Почти вся Италія вошла уже въ мою систему.

Испанія затруднялась снова принять участіе въ войнѣ, такъ много повредившей ея колоніямъ; она старалась уклониться отъ исполненія условій сентъ-иль-дефонзскаго договора, надѣясь сохранить неутралитетъ. Переговоры по этому предмету продолжались отъ 6 Іюня до половины Октября 1803 года. Въ это время мнѣ было вовсе безполезно присоединеніе испанскаго флота къ нашему, и я былъ бы даже очень доволенъ, еслибы торговля Испаніи стала процвѣтать подъ сѣнью неутралитета, потому что и Франція получила бы отъ этого значительную прибыль. Однакоже, чтобы не лишиться выгодъ договора, я вытребовалъ вмѣсто вспомогательнаго войска, 60 милліоновъ ежегоднаго денежнаго вспоможенія, и утвердилъ это договоромъ, подписаннымъ въ Мадритѣ 19 Октября Бёрнонвилемъ и Севаллосомъ, испанскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Англія узнала объ этомъ договорѣ, и тотчасъ же приняла грозный видъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобное положеніе дѣлъ не могло нравиться англійскому министерству: ему необходимо было, чтобы Испанія, или сохраняла совершенный нейтралитетъ, или, по крайней мѣрѣ, дала позволеніе Англичанамъ производить торговлю въ ея гаваняхъ; въ противномъ случаѣ выгоднѣе было вести войну. Переговоры длились цѣлый годъ, и приняли непріязненный оборотъ, когда адмиралъ Кокренъ донесъ министерству, что французская эскадра, состоявшая изъ 10 или 12 кораблей, пришедшая изъ С. Доминго въ Ферроль, была тамъ вооружена и исправлена, и что Испанія дѣлаетъ значительныя приготовленія.

Партія, желавшая войны, имѣла въ Лондонѣ множество приверженцевъ. Испанскій флотъ въ тогдашнемъ упадкѣ своемъ былъ не опасенъ, и мало увеличивалъ настоящія силы Франціи; слѣдовательно, въ продолженіе войны, всѣ испанскія владѣнія въ Америкѣ были бы открыты англійскимъ экспедиціямъ или вліянію агентовъ сенъ-джемскаго кабинета, которые привели бы тамъ въ волненіе духъ независимости; а испанскіе корабли и галіоны содѣлались бы добычею ихъ крейсеровъ и каперовъ.

Такая значительная выгода должна была произвести разрывъ. Лондонскій кабинетъ отдалъ приказаніе своему флоту атаковать Испанцевъ, и многіе фрегаты, возвращавшіеся изъ Мексики съ грузомъ отъ 15 до 20 милліоновъ, частью въ піастрахъ, а частью въ слиткахъ золота, были атакованы и взяты адмираломъ Моромъ безъ предварительнаго объявленія войны. Стали говорить, что это просто морской разбой; Англія оправдывалась, утверждая, что Испанія союзница Франціи и подаетъ ей помощь. Испанія, пылая мщеніемъ, объявила наконецъ формально войну, отъ которой она тщетно хотѣла избавиться, сохраняя дружелюбныя сношенія съ англійскимъ правительствомъ.

Португалія также купила нейтралитетъ сжегодною податью въ 16 милліоновъ, въ слѣдствіе договора, заключеннаго 25 Декабря, и подписаннаго въ Лиссабонѣ генераломъ Ланномъ и министромъ Португаліи. Остальная часть Европы была также въ дружескихъ съ нами сношеніяхъ. Чтобы укрѣпить союзъ нашъ съ Соединенными Штатами, я уступилъ имъ за 70 милліоновъ Луизіану. Мнѣ пріятнѣе было видѣть ее въ рукахъ Американцевъ, нежели подвергнуть ее опасности перейти во власть Англіи; причиною тому было сосѣдство Луизіаны съ Мексикою и Соединенными Штатами, откуда я также намѣренъ былъ вытѣснить торговлю Англичанъ.

Война едва началась, какъ уже Англичане собрали плоды съ успѣховъ, пріобретенныхъ ими въ прошедшіе годы. Они удвоили свое могущество на востокѣ, покоривъ Индостанъ. Смерть Типпо-Саиба избавила ихъ отъ однаго опаснаго соперника; но оставался другой, еще болѣе страшный, изъ поколенія Мараттовъ; это былъ славный Синдіахъ.

Ему удалось захватить власть надъ магометанскою кастою Шахъ-Алуна: могольскою имперіею управлялъ

собственно онъ. Пока эта монархія существовала, могущество Англичанъ могло еще быть сомнительнымъ. Капитуляція египетской арміи уменьшила опасность. Только что она сдѣлалась извѣстною въ Индіи, какъ ободренный этимъ Уэллслей атаковалъ Синдіаха. По обычаю компаніи, онъ подкрѣплялъ выгоды мусульманъ противъ Мараттовъ, какъ прежде онъ поддерживалъ выгоды туземцевъ и Низама противъ мусульманина Типпо-Саиба. Побѣда не долго колебалась: войска, образованныя Пейрономъ по европейски, измѣнили маратскому владѣльцу, который и былъ разбитъ Лейкомъ и Веллингтономъ въ рѣшительномъ сраженіи при Ассіѣ. Дели и Агра подпали подъ власть Англичанъ, которые, овладѣвъ богатою могольскою имперіею, повелѣваютъ по нынѣ 40 милліонами Индусовъ.

Это важное событіе служитъ лучшимъ оправданіемъ моей экспедиціи въ Египетъ, цѣлью которой было не допустить его. Къ несчастію ударъ былъ неотразимъ и, хотя въ царствованіе Людовика XVI онъ послужилъ бы поводомъ къ непримиримой войнѣ противъ Англичанъ, но обстоятельства такъ перемѣнились, что я не имѣлъ никакаго средства воспротивиться ему. Къ тому же, мы узнали въ Европѣ эти бѣдственныя происшествія только въ началѣ 1803 года, когда уже Англія объявила разрывъ аміенскаго мира. Генералъ Декаэнъ, посланный мною для занятія Иль-де-Франса и бѣдной колоніи Пондишери, не могъ бороться противъ этого исполинскаго могущества: онъ вскорѣ былъ принужденъ оставить свой слабый пунктъ на твердой землѣ и ограничиться одною защитою Иль-де-Франса.

На твердой землѣ не предвидѣлось скораго нападенія на Францію, и я воспользовался этимъ, чтобъ угрожать Англіи высадкою. Это предпріятіе всегда казалось хотя и весьма затруднительнымъ, но возможнымъ; если бы оно удалось, взятіе Лондона было почти несомнѣнно. При занятіи столицы тотчасъ бы образовалась сильная партія противъ олигархіи. Можетъ быть мы подвергались бы и опасностямъ; но думалъ ли объ нихъ Аннибалъ, переходя Альпы или Цезарь, дѣлая высадку въ Эпиръ, въ Африку или въ Англію?

Лондонъ отстоитъ только на нѣсколько переходовъ отъ Кале; и англійская армія, разсыпанная для защиты береговъ, не могла бы во время соединиться для прикрытія столицы. Безъ сомнѣнія эта экспедиція не могла быть предпринята съ однимъ корпусомъ; но успѣхъ ея былъ вѣренъ, при 150-ти тысячной арміи, которая, на пятый день послѣ выступленія своего на берегъ, явилась бы передъ Лондономъ.

Флотиліи послужили бы только къ тому, чтобы перевезти въ нѣсколько часовъ 150,000 человѣкъ, и овладѣть всѣми мелководными мѣстами. Переѣздъ долженъ былъ совершиться подъ прикрытіемъ эскадры, которая, собравшись въ антильскомъ морѣ, принеслась бы оттуда на всѣхъ парусахъ въ Булонь. Если бы предположенное соединеніе не удалось въ этомъ году, оно могло исполниться въ другой разъ. Пятьдесятъ кораблей, вышедшихъ изъ Тулона, Бреста,

Рошфора, Лоріана, Кадикса, соединились бы при Мартинике; ихъ отплытіе заставило бы трепетать за Индію, и покуда Англичане отыскивали бы ихъ у мыса Доброй Надежды или въ антильскомъ морѣ, эти корабли возвратились бы въ Булонь и обеспечили бы высадку въ Англію.

Мнѣ нужно было не болѣе 10 часовъ, чтобъ высадить 150,000 старыхъ, побѣдоносныхъ воиновъ въ страну, совершенно не имѣющую укрѣпленныхъ мѣстъ и регулярной арміи. Полагали, что патріотизмъ Англичанъ заставитъ ихъ сдѣлать общее возстаніе для защиты отечества, и что отступленіе моей арміи сдѣлается невозможнымъ. Во всякомъ другомъ случаѣ этотъ патріотизмъ могъ бы быть преградою; но когда авангардомъ моимъ были бы демократическія начала, которыя нашли столько приверженцевъ въ Англіи, мы бы раздѣлили выгоды націи, и такимъ образомъ противупоставили одну часть ея другой. Если когда либо система пропаганды могла служить средствомъ къ успѣху, то именно въ этомъ случаѣ. Впрочемъ однѣ послѣдствія могли рѣшить эту задачу; я ее не привелъ къ окончанію.

Болѣе важная причина могла заставить меня отказаться отъ этого предпріятія; а именно, сомнительное положеніе сношеній моихъ на твердой землѣ, въ особенности съ Россіею. Стараніями петербургскаго или лондонскаго кабинетовъ, Австрія могла возобновить войну въ тотъ самый день, когда бы я вступилъ на великобританскій берегъ, и отнять у насъ такимъ образомъ плоды десятилѣтнихъ побѣдъ изъ-за сомнительнаго успѣха. Достовѣрно то, что безъ союза которой либо изъ этихъ державъ высадка была бы не благоразумна, и это обстоятельство много способствовало мнѣ рѣшиться на бракъ, заключенный мною нѣсколько лѣтъ спустя.

Во всякомъ случаѣ, угроза ничего не стоила, потому что мнѣ нечего было дѣлать съ моими войсками, и все равно было, расположить ли ихъ на берегахъ, или въ другомъ мѣстѣ. Однѣ приготовленія высадки уже вовлекли Англію въ раззорительныя издержки для защиты: и это было выгодно.

Въ теченіе 1803 и 1804 годовъ, я занялъ лагерями прибрежныя окрестности Булоня, Дюнкирхена и Остенде; значительныя эскадры готовились въ Брестѣ, Рошфорѣ, Тулонѣ; французскія верфи были наполнены прамами, шлюпками, канонерскими лодками, и всякаго рода большими и малыми транспортными судами; тысячи рукъ были употреблены для расчищенія въ Ла-Маншѣ гаваней къ принятію этой многочисленной флотиліи.

Англія съ своей стороны приняласъ за оружіе. Питтъ, не устрашась грозной опасности, полагалъ обязанностью принять на себя управленіе дѣлами въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Онъ не удовольствовался извѣстнымъ биллемъ о защитѣ (18 Іюня 1804), но оставя мирныя занятія финансами, надѣлъ мундиръ и только мечталъ о военныхъ машинахъ, баталіонахъ, укрѣпленіяхъ, батареяхъ. Старый и почтенный Георгъ III, покинулъ свои царскія палаты и ежедневно дѣлалъ смотры; на песчаныхъ

берегахъ Дувра, графствъ Кента и Суссекса появились лагери. Англійская армія, простиравшаяся въ 1792 году только до 70,000 человѣкъ, возрасла до 150,000 линейныхъ войскъ и регулярной милиціи, не считая силъ, находившихся внѣ трехъ королевствъ. Опасность отечества, побудила записаться 300,000 волонтеровъ (fencibles). Флотилія въ 800 канонерскихъ лодокъ, окружила берега Англіи и Ирландіи, кромѣ флота, простиравшагося до 470 судовъ. Противныя арміи стояли въ виду другъ отъ друга; онѣ были раздѣлены только проливомъ. Эти мѣры дорого обошлись Англіи; но надобно признаться, что онѣ оживили воинный духъ ея подданныхъ и приготовили ихъ противустать мнѣ на сушѣ.

Не смотря на эти необычайныя приготовленія къ защитѣ, министерство не было спокойно на счетъ послѣдствій моего грознаго предпріятія; чтобы развлечь мое вниманіе, составили противъ меня заговоръ. Для лучшаго успѣха, было собрано множество заговорщиковъ. Въ теченіе сутокъ мы были увѣдомлены обо всемъ, такъ хорошо были выбраны повѣренные.

Я хотѣлъ только наказать людей, старающихся нарушать спокойствіе государства, и потому долженъ былъ собрать неопровержимыя доказательства, чтобъ уличить ихъ.

Пишегрю былъ главою заговора. Этотъ человѣкъ, имѣвшій болѣе храбрости, нежели талантовъ, хотѣлъ играть роль Монка; это шло къ нему. Подобныя намѣренія меня мало безпокоили; я зналъ, что онѣ не слишкомъ важны, и что притомъ общее мнѣніе не одобряло ихъ. Роялисты могли меня захватить или даже умертвить, и не подвинулись бы ни на шагъ впередъ. Все хорошо въ свое время.

Партіи хотя еще не пали, но уже теряли свои силы; взаимныя опасенія ихъ, приковывали къ мосй колесницѣ всѣхъ разсудительныхъ людей. Предводители роялистовъ, совершенно забытые со временъ успокоенія Вандеи, хотѣли снова появиться на политическомъ горизонтѣ. Желаніе ихъ было естественнымъ слѣдствіемъ усиленія моего могущества; я возобновлялъ единодержавную монархію: это значило охотиться на ихъ поляхъ.

Республиканцы страшились высоты, на которую я былъ вознесенъ обстоятельствами и не довѣряли употребленію моей власти. Они боялись, чтобы я не возстановилъ древнюю монархію съ помощью моей арміи. Роялисты поддерживали этотъ слухъ, и старались выставить меня неблагоразумнымъ подражателемъ государей древности. Другіе, болѣе хитрые, глухо распространяли, что я старался возстановить власть только для того, чтобы поднесть ее Бурбонамъ, когда она будетъ доведена до того состоянія, что имъ можно будетъ предложить ее.

Умы посредственные, не умѣвшіе оцѣнить моихъ силъ, вѣрили этимъ слухамъ, цѣлью которыхъ было увеличить партію роялистовъ и уронить меня во мнѣніи народа и арміи; потому что какъ тотъ, такъ и другая стали сомнѣваться въ моей приверженности къ ихъ пользамъ. Я не могъ позволить этому мнѣнію

распространяться, потому что оно могло разстроить насъ. Надобно было, во чтобы то ни стало, разувѣрить въ этомъ Францію, роялистовъ и Европу, чтобы они знали, что обо мнѣ думать. Частное преслѣдованіе подобныхъ слуховъ всегда производитъ дурныя слѣдствія, потому что оно не искореняетъ зла. Впрочемъ это средство было невозможно.

Я вскорѣ узналъ, что Моро былъ въ сношеніяхъ съ заговорщиками. Дѣло становилось болѣе щекотливымъ, потому что онъ былъ чрезвычайно любимъ народомъ. Ясно, что имъ выгодно было его привлечь. Онъ былъ слишкомъ славенъ, и мы не могли ужиться въ согласіи. Планъ кампаніи 1800 года, который онъ не хотѣлъ или не умѣлъ оцѣнить, былъ первымъ поводомъ къ несогласію между нами и открылъ притязанія Моро. Онъ слишкомъ много мечталъ о своемъ превосходствѣ, чтобы слѣпо мнѣ повиноваться. Надобно было отыскать приличный способъ насъ разлучить, и онъ нашелъ его, охуждая при всякомъ случаѣ всѣ мѣры, которыя я предпринималъ, и ни мало не обращая вниманія на старанія мои привлечь его къ себѣ.

Говорили, будто я завидовалъ его славѣ: это клевета; но онъ дѣйствительно мнѣ завидовалъ. Я уважалъ его, какъ хорошаго полководца. Его друзьями были всѣ мои недоброжелатели, то есть, очень многіе. Они бы прославили его какъ героя, еслибъ онъ погибъ. Я хотѣлъ его сдѣлать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, то есть, человѣкомъ второстепеннымъ, и успѣлъ въ этомъ: удаленіе погубило его, друзья о немъ забыли, и въ послѣдствіи никто уже не вспоминалъ Моро.

Болѣе важное обстоятельство присоединилось къ этому дѣлу. Моя внѣшняя полиція вмѣстѣ получила свѣдѣнія о заговорахъ, составленныхъ въ Лондонѣ Жоржомъ, Пишегрю и другими агентами роялистовъ и въ Стутгардтѣ Англичаниномъ Дрейкомъ. Не совсѣмъ дознано, было ли что нибудь общее между этими заговорами. Въ то же самое время, герцогъ енгіенскій находился у береговъ Рейна и увѣряли, что Дюмурье также прибылъ туда. Тотчасъ началась страшная тревога между шпіонами Фуше: нѣтъ никакаго сомнѣнія, говорили они, что герцогъ душа заговора: за чѣмъ бы иначе Бурбонъ прибылъ къ вратамъ Страсбурга, въ страну, гдѣ онъ хотя и имѣетъ много сношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается великимъ опасностямъ? Какъ повѣрить, что его присутствіе и пребываніе Жоржа и Пишегрю въ Парижѣ не условлены? Сосредоточивъ революцію на главѣ моей, я облегчилъ способы ниспровергнуть ее. Казалось, что какъ скоро не станетъ перваго консула, то можно будетъ тотчасъ же поднять бѣлое знамя; это было несправедливо; но всѣ обстоятельства этого происшествія невѣроятнымъ образомъ согласовались съ тѣми, которыя побуждали меня утвердить мнѣніе Франціи.

Желаніе угодить мнѣ подстрекало тайную полицію открыть этотъ заговоръ; нѣсколько перехваченныхъ писемъ побудили меня приказать захватить герцога; по донесеніямъ шпіоновъ, мы должны были найти въ его бумагахъ тысячу доказательствъ.

Мнѣ было важно утушить съ одной стороны жалобы партіи, желавшей революціи безъ демагогіи, а съ другой, отбить у предводителей роялистовъ охоту производить новые раздоры во Франціи. Я принялъ намѣреніе нанести рѣшительный ударъ, необходимый для того, чтобы утвердить мнѣніе двухъ милліоновъ Французовъ, прилѣпившихся къ революціи и за нее сражавшихся.

Въ Страсбургъ были посланы приказанія, выслать ночью незначительную колонну въ Кель, чтобъ окружить деревню Эттенгеймъ, гдѣ находился принцъ сигіенскій, и забравъ тамъ, и въ Оффенбургѣ всѣхъ чужестранцевъ, доставить ихъ въ Парижъ. Моему адъютанту Колепкуру, бывшему тогда дежурнымъ, было поручено передать эти приказанія и оправдать исполненіе ихъ передъ баденскимъ герцогомъ. Извѣстно, что Дюмурье тамъ не было; ошибка произошла отъ имепъ: графа Тюмери почли за него. Впрочемъ все было въ точности исполнено.

Полиція продолжала увѣрять въ существованіи огромнаго заговора и въ скоромъ прибытіи нѣсколькихъ сундуковъ съ бумагами, которыя его вполнѣ докажутъ. Намѣреніе мое было собрать высшій національный судъ, пригласить въ оный часть сената, высшихъ чиновниковъ и предводителей арміи и заставить его произнесть торжественный приговоръ; приказанія мои для этого были отданы. Кирасирскій полковникъ Преваль, отличный офицеръ, былъ призванъ изъ Компьеня для сдѣланія донесенія согласно съ существующими постановленіями. Отецъ его былъ полковникомъ того же полка подъ начальствомъ принца сигіенскаго, и онъ благородно отвергъ это предложеніе. Между тѣмъ полиція осмотрѣла бумаги принца, и не нашла въ нихъ ни малѣйшаго признака заговора. Должно было отказаться отъ мысли высшаго національнаго суда, ибо оправданіе принца еще болѣе бы сдѣлало ненавистнымъ нарушеніе неприкосновенности имперіи и вообще все это дѣло. Оставалось два пути: первый и единственно благоразумный былъ удержать его до заключенія общаго мира, на основаніи полицейской предосторожности, какъ хотѣвшаго произвесть безпорядокъ въ Альзасѣ; вторый, предать его военному суду, какъ эмигранта, поднявшаго оружіе на отечество, съ условіемъ однако же, удержать его военноплѣнпымъ до заключенія мира, въ случаѣ, если онъ будетъ оправданъ судомъ. Я предпочелъ вторый, согласно съ мнѣніемъ главнѣйшихъ лицъ государства.

Видно, что въ семъ дѣлѣ я былъ руководимъ предопредѣленіемъ; потому, что еслибъ я могъ знать, что не найдутъ даже слѣдовъ доказаннаго заговора, я бы остерегся переступить баденскую границу насильственнымъ образомъ, и обратить на себя ненависть за похищеніе, котораго слѣдствія, каковы бы онѣ ни были, могли принесть мнѣ вредъ. Низкія, ложныя донесенія моей тайной полиціи, причинили все зло. Еслибъ мы захватили, какъ она говорила, сундуки съ бумагами, и вина принца была бы признана верховнымъ національнымъ судомъ, все было бы сдѣлано по строжайшимъ

правпламъ и согласно моему первоначальному намѣренію.

Всѣмъ извѣстно, что коммиссія приговорила принца по его собственному признанію, ибо онъ въ 1793 году входилъ съ оружіемъ въ рукахъ во Францію. Всякій также знаетъ, что мнѣ вовсе не было извѣстно о томъ, что онъ ввѣрялъ судьбу свою моему великодушію, ибо мнѣ сказали объ этомъ и о письмѣ, которое онъ хотѣлъ мнѣ писать, уже по исполненіи приговора, который, согласно съ военными законами, былъ исполненъ до закрытія засѣданія. Мнѣ совершенно не были извѣстны печальныя подробности, сопровождавшія это несчастное происшествіе; достаточно уже и того что на меня пала отвѣтственность за самое событіе... Я былъ увлеченъ вѣроломными наущеніями, ложными доносами, силою обстоятельствъ. Разсматривая это дѣло, какъ дѣло государственное, я могъ допустить даже преступленіе, ибо оно распространило страхъ въ приверженцахъ возврата прежняго образа правленія, прекратило внутреннія безпокойства и дало тремъ милліонамъ Французовъ, столь высоко возведшимъ меня, непреложное доказательство вѣчнаго моего разрыва съ Бурбонами.

Процессъ Моро и заговорщиковъ, къ которымъ онъ былъ причисленъ, производился съ большею торжественностью и продолжался еще нѣсколько мѣсяцовъ. Прочіе преступники не заслуживали подобнаго снисхожденія. Они всѣ были старые заговорщики, отъ которыхъ надобно было очистить Францію. Мы въ этомъ успѣли, потому что съ того времени они болѣе не появлялись.

Пишегрю былъ найденъ удавленнымъ на своей постели; разумѣется, сказали, что это сдѣлалось по моему приказанію; но къ чему мнѣ было спасать этого преступника отъ неизбѣжнаго приговора? Онъ былъ не лучше другихъ, и для его осужденія существовали судилища. Я никогда ничего не дѣлалъ безъ цѣли.

Много разсуждали объ этомъ происшествіи и о томъ, что я долженъ былъ предпринять въ такую рѣшительную минуту. Всякій разсуждалъ, согласно съ своими видами: одни хотѣли, чтобы я докончилъ уничтоженіе республиканской гидры, остался бы консуломъ и приготовилъ Бурбонамъ, для ихъ возвращенія, цвѣточное ложе. Другіе хотѣли, чтобы я соединилъ выгоды революціи съ моими, и остался бы на всю жизнь консуломъ; это бы утвердило, по ихъ мнѣнію, республику и свободу, и дало вмѣстѣ съ тѣмъ правленію приличную твердость.

Такіе доводы хороши для школьниковъ. *Избирательное правленіе всегда порождаетъ смуты; оно даже достойно порицанія тамъ, гдѣ допускаются къ избранію одни только законныя династіи*, какъ это было въ Польшѣ или германской имперіи. Но въ государствѣ, котораго царствовавшій домъ въ изгнаніи въ чужихъ краяхъ, избирательное правленіе было бы верхомъ безумства. Какъ въ самомъ дѣлѣ избѣжать, чтобы всякое избраніе не породило междуусобной войны, въ которую вмѣшались бы и чужеземцы? Мы могли бы почесть счастіемъ, если бъ отдѣлывались при

каждомъ консулѣ потерею провинціи, колоніи или части правъ народной независимости. Если бъ Англія, по смерти Кромвеля, осталась избирательнымъ государствомъ, то Людовикъ XIV и Стуарты покорили и раздробили бы ее.

Разумѣется, если бы это касалось только до меня, то я очень легко могъ бы остаться властелиномъ и въ званіи консула; но тутъ дѣло шло о благѣ Франціи, и я слишкомъ ее любилъ, чтобы оставить въ ней избирательное консульство; я лучше призвалъ бы Бурбоновъ.

Тысячи томовъ написаны о правилахъ правленія и учрежденіяхъ, наиболѣе приличныхъ государствамъ; но мы немного подвинулись впередъ со временъ Ксенофонта.

Эти пренія вѣроятно еще долго будутъ занимать міръ, отъ того что ихъ поддерживаютъ одни безъ убѣжденія въ своихъ собственныхъ словахъ, другіе безъ надлежащаго познанія дѣла. Одни, проповѣдуя неисполнимыя теоріи, все запутываютъ въ пустой надеждѣ увеличить, какъ они называютъ, свободу народа: дѣло безъ сомнѣнія достойное всякаго уваженія, но весьма неопредѣлительное, и которое каждый хочетъ опредѣлять согласно со своими выгодами и страстями. Много пустыхъ головъ даже твердо увѣрены въ возможности народнаго правленія, или чистой демократіи.

Другіе предлагаютъ допустить аристократическое правленіе, или учрежденіемъ патриціевъ въ республикахъ, или вліяніемъ высшаго дворянства въ монархіяхъ. Они имѣютъ своихъ якобинцевъ, которые, подъ видомъ защиты народныхъ правъ противъ трона, защищаютъ только свои феодальныя привиллегіи на счетъ королевской власти. Таковы были: стокгольмскій сенатъ, польскіе сеймы и даже французскій парламентъ. Наконецъ, третьи проповѣдуютъ неограниченное правленіе, или отъ того, что они къ нему привыкли при веденіи дѣлъ, или отъ того, что они привержены къ власти, которую со временемъ надѣются захватить въ свои руки. Однакожъ кажется, что исторія и разсудокъ могли бы привесть различныя теоріи на счетъ правленія къ простѣйшимъ выраженіямъ, и вѣроятно мои слушатели пожелаютъ, чтобъ я имъ развилъ мысли мои на счетъ этого предмета, въ то время, когда я пріобрелъ нѣкоторую опытность въ правленіи.

Демократія можетъ только тамъ назваться господствующею, гдѣ народъ непосредственно избираетъ своихъ предводителей, и гдѣ они поочередно опять вступаютъ въ классъ народа. Она никогда иначе не существовала, какъ только по названію и въ малыхъ государствахъ; даже въ Римѣ она существовала временно. Вездѣ народъ, возбужденный честолюбцами, подпадаетъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ подъ владычество аристократіи.

При теперешнемъ положеніи Европы, ни одна большая держава не могла бы существовать, какъ демократическая республика; даже и небольшіе швейцарскіе кантоны едва удерживаются, и стоитъ только знать, что тамъ происходитъ, чтобы постичь глубокій смыслъ стиховъ Корнеля:

Mais quand le peuple est maître on n'agit qu'en tumulte,
La voix de la raison jamais ne se consulte;
Les honneurs sont vendus aux plus ambitieux,
L'autorité livrée aux plus seditieux, и проч. (*).

Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, приводимый идеологами при всякомъ случаѣ, есть въ глазахъ разсудительнаго публициста лучшее доказательство, что республиканское правленіе истощаетъ способы народа, или обращается въ ужасное диктаторство. Американскіе штаты такъ слабы, что имѣя 10 милліоновъ жителей, они со стыдомъ были свидѣтелями взятія и разоренія своей столицы одною англійскою дивизіею, прибывшею моремъ! Подобный позоръ могъ быть только слѣдствіемъ системы, недопускающей въ республикахъ учрежденія сильной регулярной арміи, и старающейся сколь возможно болѣе противиться мѣрамъ правительства.

Республика не можетъ избѣгнуть этой опасности, иначе, какъ черезъ учрежденіе неограниченной власти, какую имѣлъ напримѣръ комитетъ общественнаго благосостоянія; но ни одинъ благоразумный человѣкъ не пожелаетъ этого своему отечеству вмѣсто умѣренной, но твердо основанной монархіи. Американскіе штаты подъ правленіемъ болѣе твердымъ содѣлались бы уже обладателями Америки по крайней мѣрѣ до Панамы. Притомъ же, ихъ ни въ чемъ нельзя уподобить Франціи. Націи, имѣющей сосѣдями слабыхъ Ирокезовъ или европейскія колоніи, отдаленныя отъ центра своихъ дѣйствій и силы двумя тысячами льё моря, нечего опасаться, каково бы ни было ея управленіе: она всегда будетъ сильнѣе своихъ сосѣдей. Соединенные Штаты, перенесенные въ центръ Европы, не существовали бы десяти лѣтъ послѣ мира 1783 года. Нравы народа, совершенно юнаго, трудолюбиваго, занимающагося земледѣліемъ, не имѣющаго ни низшаго, совершенно бѣднаго класса, ни дворянства, ни предразсудковъ, ни опасныхъ сосѣдей, могли способствовать къ развитію демократическихъ началъ. Всѣ данные были совершенно отличны во Франціи; нельзя создать Римлянъ и Спартанцевъ изъ старой безправственной монархіи.

Аристократія имѣетъ ту выгоду, что она сосредоточиваетъ власть въ рукахъ людей болѣе искусныхъ, болѣе безопасныхъ, нежели необразованная чернь; но аристократія всегда должна быть исключительно себялюбива и ревнива. *Монархъ облагораживаетъ заслуги простолюдина; аристократія ихъ отвергаетъ:* бернскій или венеціянскій патриціи болѣе гордъ, нежели герцогъ или грандъ испанскій.

Кромѣ того, подъ аристократіею понимается всегда избирательное управленіе, коего члены временны и перемѣняются. Большая держава не можетъ быть избирательною: она неминуемо погибнетъ. Сколько внутреннихъ войнъ родилось въ Германіи за избраніе императоровъ? Какія были послѣдствія избирательной системы въ Польшѣ, которой попеременно давали королей Франція, Россія и Швеція?

Изъ этого слѣдуетъ, что наслѣдственное монархическое правленіе есть

(*) Когда управляетъ народъ, владычествуетъ безпорядокъ; голосъ разсудка безмолвствуетъ; почести продаются честолюбивѣйшимъ; а власть предоставлена дерзости бунтовщиковъ, и т. д.

единственное, приличное большому государству, единственное, которое въ состояніи твердою рукою держать бразды его, доставить ему внутреннее спокойствіе и постоянно слѣдовать мудрой системѣ во внѣшней политикѣ.

Величіе и упадокъ государствъ никогда не проистекаютъ изъ внутреннихъ безпорядковъ или изъ учрежденій болѣе или менѣе народныхъ; они всегда происходятъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Греческая имперія существовала бы еще поныне съ своими слабыми царями и поварёнками (*), если бы Магометъ II не взялъ Константинополя; Римляне по сіе время господствовали бы надъ Италіею, не смотря на дурныя законы и недостойныхъ императоровъ, если бы Аттила, Гензерикъ и Ѳеодорикъ не покорили имперіи.

Слѣдовательно, внѣшняя политика есть первая потребность образованной націи; но нельзя найти хорошую политическую систему тамъ, гдѣ дипломатическія дѣла обсуживаются въ многочисленныхъ палатахъ; даже секретные комитеты не уменьшаютъ опасности предоставлять народную политику шумнымъ собраніямъ, или открывать государственныя таины пяти стамъ законодателямъ, не согласнымъ между собою во мнѣніяхъ, и обыкновенно мало понимающимъ свое дѣло.

Народъ, окруженный монархіями, можетъ найти свое спасеніе только въ монархическомъ правленіи. Допустивши это, остается только рѣшить, должно ли быть монархическое правленіе неограниченное или ограниченное: и въ послѣднемъ случаѣ кѣмъ и какъ должно оно быть ограничено?

Въ этой точкѣ всѣ теоріи смѣшиваются, всѣ системы разбиваются о человѣческія страсти и слабости. Если народъ предписываетъ границы власти монарха черезъ своихъ депутатовъ, то эти законодатели должны быть сильнѣе законовъ. Въ такомъ случаѣ, депутаты нынѣшняго поколѣнія могутъ быть благоразумны, честны, приверженны къ законамъ, ими составленнымъ; но депутаты слѣдующаго поколѣнія будутъ ли также мыслить? не будутъ ли они обвинять въ раболѣпствѣ депутатовъ, довольствовавшихся ролею почтительныхъ совѣтниковъ? не захотятъ ли они начать борьбу для распространенія правъ такъ называемой народной свободы? стыдясь незначительной власти, оставленной имъ законами, не захотятъ ли они ихъ передѣлать, а борьба между престоломъ, старающимся сохранить порядокъ, и нововводителями, стремящимися ниспровергать его, начавшись разъ, не должна ли окончиться подобно борьбѣ между конституціоннымъ и національнымъ собраніями? Во всѣхъ революціяхъ, происходившихъ въ Англіи, Швеціи Польшѣ, Карѳагенѣ, Римѣ, Флоренціи, однимъ словомъ, почти на каждой страницѣ исторіи, не находимъ ли мы доказательствъ справедливости этихъ истинъ?

Если депутаты не будутъ участвовать въ законодательствѣ, то потеряютъ

(*) Въ восточной имперіи почиталось за честь имѣть титулъ въ домѣ и даже въ кухнѣ императора. Въ византійскомъ дворцѣ считалось болѣе 5,000 поварёнковъ.

свое вліяніе; но при невозможности дѣлать добро, они сохранятъ власть дѣлать зло. Они будутъ тогда отвергать законы, отказывать въ податяхъ и дѣлать всѣ возможныя затрудненія правительству. Если другія державы захотятъ этимъ воспользоваться, и нападутъ на управляемую такимъ образомъ страну, то цѣлыя области ея будутъ отторгнуты, а раздирающія ее партіи станутъ поддерживаться штыками чужеземцевъ. Войны фронды, лиги, и борьба Польши съ Карломъ XII и Екатериною II, могутъ служить этому доказательствомъ.

Въ ограниченномъ правленіи, остается еще рѣшить, кому будетъ поручено это ограниченіе: аристократіи ли, или городскимъ обществамъ? Какъ то, такъ и другое опасно; потому что всѣ эти многочисленныя правительственныя собранія весьма естественно находятъ, что они принимаютъ слишкомъ мало участія въ управленіи, и чтобы увеличить его, нарушаютъ спокойствіе государства.

Очень затруднительно провести точные предѣлы между политическою свободою народа и правами верховной власти. Должно ли быть свободно книгопечатаніе? Должно ли дозволять каждому безумцу ежедневно охуждать дѣйствія правительства и не лишится ли оно черезъ это должнаго внутренняго и внѣшняго уваженія? Не взволнуетъ ли эта свобода страстей черни, всегда готовой рукоплескать всѣмъ лжепророкамъ, объявляющимъ себя отголосками общаго мнѣнія?

Неограниченная свобода періодическихъ изданій есть настоящій ящикъ Пандоры. Нѣтъ ни однаго правительства, которое могло бы ему противиться, въ особенности послѣ того, какъ революціи возродили тысячу противуположныхъ выгодъ и страстей. Чтобъ увѣриться, стоитъ только прочесть журналы: отца Дюшена (Le Père Duchesne) 1793, Зеркало (Le Miroir) 1798, Дневникъ (La Quotidienne), журналъ свободныхъ людей (Le Journal des Hommes libres), Газету (La Gazette), Бѣлое знамя (Le Drapeau blanc) и проч. (*)

Книгопечатаніе должно быть ограничено, но не порабощено, потому что если есть зло бо́льшее необузданности книгопечатанія, то это именно порабощеніе его выгодамъ фанатизма: его необузданность ведетъ къ комитету общественнаго благосостоянія, его порабощеніе къ инквизиціи; первое прилично демагогіи, второе такому чудовищу, какъ Филиппъ II. Мудрый законодатель долженъ стараться ввести справедливую систему ограниченія.

Проникнутый этими истинами, я увѣрился, что лучшій образъ правленія есть наслѣдственный, съ сосредоточеніемъ верховной власти въ одномъ лицѣ, управляющемъ согласно съ общею и народною пользою, не руководствуясь частными выгодами, съ помощью совѣщательнаго собранія, которое имѣло бы полное право давать совѣты, но не останавливать хода правленія, еслибъ ему это вздумалось для осуществленія какой нибудь утопіи или для удовлетворенія какаго нибудь частнаго тщеславія.

(*) Государству необходима цензура, но не уничтоженіе книгопечатанія и рабство мыслей.

Къ этимъ главнымъ основнымъ правиламъ слѣдовало присоединить для Франціи.

1) Мудро обдуманную избирательную систему, которая ручалась бы каждому за приличное представительство народа въ палатѣ депутатовъ, то есть, служила бы порукою сохраненію собственности, промышленности и даже самому правительству, потому что безумно предполагать возможность учрежденія правленія, не принимающаго никакаго участія въ составленіи законовъ.

2) Равенство гражданъ передъ закономъ и въ общественныхъ должностяхъ.

3) Дворянство или пожизненное благородство за заслуги, государству оказанныя, не допуская наслѣдственности, за исключеніемъ званія пера, переходящаго на старшаго въ семействѣ, глава котораго славными побѣдами или искусными переговорами пріобрелъ право на народную благодарность; но съ тѣмъ, чтобы оставляя это достоинство только двумъ или тремъ поколѣніямъ, открывать дорогу новымъ заслугамъ, и опасеніемъ лишиться достоинства заставлять дѣтей перовъ оказывать въ свою очередь услуги государству.

4) Независимость судилищъ и обеспеченіе личной свободы, исключая только случаи государственной измѣны.

5) Хорошее уложеніе наказаній за злоупотребленія книгопечатанія, и цензурное судилище, составленное изъ извѣстныхъ, безукоризненныхъ и достойныхъ уваженія людей.

6) Народное вѣроисповѣданіе, не подчиненное вліянію чужеземнаго духовенства.

Безъ сомнѣнія эти учрежденія не могутъ быть доведены до такаго совершенства, чтобы нельзя было найти въ нихъ недостатковъ; я не вѣрю въ возможность подобнаго совершенства въ дѣлахъ человѣческихъ, но почитаю необходимыми эти установленія, для предохраненія государственнаго правленія отъ ораторовъ, полагающихъ, что словами можно управлять государствомъ, и отъ честолюбцевъ, которые, показывая видъ, что также этому вѣрятъ, ищутъ между тѣмъ только случая играть важную роль, не заботясь о томъ, какія это можетъ имѣть послѣдствія на спокойствіе народа, на величіе и благосостояніе государства.

Вотъ мой образъ мыслей съ 1804 года; вотъ причины всѣхъ моихъ поступковъ во всѣ эпохи, когда внутреннія волненія обуревали мое правленіе.

Руководимый подобными правилами, я не могъ вѣрить въ возможность сохраненія республиканскихъ формъ; я зналъ, что, въ сущности, большей части Французовъ это было совершенно все равно; Франція желала только величія. Я ей доставилъ его; я одинъ могъ ручаться за его прочность. Слѣдовательно Франція желала, чтобъ я царствовалъ надъ нею. Все было не надежно въ системѣ консульства, потому что все было не на своемъ мѣстѣ. Въ ней по имени существовала республика, а на самомъ дѣлѣ самодержавіе; въ ней было слабое народное представительство и сильная исполнительная власть; гражданскія власти раболѣпствовали, силы военныя все перевѣшивали.

Политическая система не можетъ хорошо итти, если въ ней дѣла не согласуются съ названіями. Правительство унижаетъ себя безпрестанною ложью, и наконецъ заслуживаетъ презрѣніе, какъ всякая ложь; потому что то, что ложно, всегда и слабо. Единственная тайна управленія есть сила, ибо въ ней нѣтъ ни заблужденій, ни ошибокъ: это нагая истина.

Я чувствовалъ, какъ слабо мое положеніе, какъ шатко мое зданіе. Слѣдовало создать болѣе твердую опору выгодамъ, порожденнымъ революціею: учрежденіе имперіи было рѣшено, и опредѣленіе сената, 18 Мая 1804 года, объявило ее наслѣдственною въ моемъ родѣ. Карно былъ одинъ замѣчательный человѣкъ, который этому противился.

Я не могъ сдѣлаться королемъ: этотъ титулъ былъ слишкомъ изношенъ; онъ влекъ за собою принятыя идеи. Я хотѣлъ, чтобы титулъ мой былъ новъ, какъ происхожденіе моей власти. Я не былъ наслѣдникомъ Бурбоновъ и не могъ имѣть никакого притязанія на ихъ корону, хотя я ее нашелъ низвергнутою; но ничто не противилось возложенію другой на мою главу. Я принялъ титулъ императора, потому что онъ былъ величественнѣе и неопредѣленнѣе.

Мои непріятели (я подразумѣваю подъ этимъ именемъ противоборствующую партію) никогда не могли простить мнѣ этотъ шагъ; даже приверженцы мои ему удивлялись. Разглашали, будто я дѣйствительно хотѣлъ призвать Бурбоновъ, и что только угрозы защитниковъ 18 Брюмера удержали меня отъ этого.

Эти предположенія, сами собою уничтожающіяся, дѣлали мнѣ мало чести. Я слишкомъ хорошо зналъ свѣтъ, людей и дѣла, чтобъ видѣть, что, еслибы даже я удовольствовался титломъ констабля, или палатнаго мера, или какимъ либо другимъ, которымъ бы королю угодно было меня украсить, то не позже полугода я былъ бы изгнанъ, или бы сдѣлался главою партіи бунтовщиковъ. Могъ ли я надѣяться управлять подобно Карлу Мартеллу, подъ именемъ другаго Хильперика и переносить побѣдоносныхъ орловъ моихъ, соединенныхъ съ лиліями, съ береговъ Эльбы до Таго? Подобная роль исполнима только въ согласномъ государствѣ, гдѣ народъ не вооруженъ противъ правительства. Но послѣ ужасной революціи, которой начала еще существуютъ.... это невозможно.

Я нимало не сомнѣвался въ благорасположеніи королевской фамиліи; но я также ясно постигалъ то ложное положеніе, въ которомъ она находилась. Удачное выраженіе графа д'Артуа: «*во Франціи все по прежнему, только теперь въ ней однимъ французомъ болѣе*,» было превосходно; но эта благородная утопія подобна равновѣсію властей Сіеса, безконечному миру, и т. п.

Королевская фамилія возвратилась бы съ роялистами всѣхъ сословій; она должна была пещись о выгодахъ ста тысячъ дворянскихъ семействъ, которыя бы спросили, какъ и въ 1816 году: «*одна ли только законность существуетъ?*» Король сдѣлался бы главою контръ-революціи, а я главою тѣхъ, которые не могли допустить ее. Я бы палъ на эшафотѣ, или

довершилъ мое предпріятіе. Мнѣ осталось бы одно средство: сдѣлаться Монкомъ во Франціи, и потомъ, искать убѣжища въ Италіи, вѣнчавъ себя римскою короною. Во время переговоровъ въ Кампо-Форміо, весьма остроумное безыменное письмо подало мнѣ эту мысль; я полагалъ, что оно было отъ Людовика XVIII. Но былъ ли бы я болѣе закоснымъ королемъ Италіи, нежели императоромъ Французовъ? Согласилась ли бы Австрія на учрежденіе государства, которое лишило бы ее на всегда Ломбардіи? Поддержала ли бы меня Франція? А въ противномъ случаѣ не безумно ли было добровольно оставить начальство надъ 500 тысячъ побѣдоносныхъ Французовъ, чтобъ повелѣвать тридцатью народами Италіи, несогласными между собою, которые были еще не соединены, не слиты въ одну націю, которые наконецъ не имѣли ничего въ готовности для своей защиты.

Возвратимся къ имперіи. Никогда ни одинъ переворотъ не былъ произведенъ такъ тихо, какъ этотъ, низвергнувшій республику, за которую было пролито такъ много крови; причина ясная: тутъ перемѣнялось только названіе, а самая сущность оставалась, и потому республиканцы не страшились имперіи. Перевороты, не нарушающіе частныхъ выгодъ, всегда весьма спокойны.

Революція была наконецъ окончена, и новый порядокъ вещей утвердился подъ правленіемъ постоянной династіи. Республика удовлетворяла только одно мнѣніе; имперія служила порукою и выгодамъ, и мнѣніямъ.

Выгоды эти касались большинства народонаселенія, потому что самыя постановленія имперіи обеспечивали равенство. Въ ней существовала и демократія, но уже лишенная всѣхъ своихъ недостатковъ. Только свобода была ограничена, потому что она никуда не годится во время опасности; но свободою пользуются одни просвѣщеннѣйшіе классы народа, и тѣ рѣдко дѣлаютъ изъ нея надлежащее употребленіе; напротивъ того, равенство всѣмъ приноситъ пользу. Отъ того-то моя власть осталась народною, даже въ послѣдствіи, при всѣхъ бѣдствіяхъ, поразившихъ Францію.

Моя власть не основывалась, какъ въ другихъ монархіяхъ, на подмосткахъ кастъ и классовъ промежуточныхъ; она была непосредственна, и находила опору въ самой себѣ; потому что въ имперіи былъ только *я* и *нація*. Всѣ члены этой націи были одинаково призываемы къ занятію общественныхъ должностей. Происхожденіе не могло никому служить преградою; стремленіе въ возвышенію сдѣлалось общимъ въ государствѣ. Это стремленіе сдѣлало меня сильнымъ; я не изобрѣталъ этой системы: она произошла изъ развалинъ бастиліи, и была слѣдствіемъ образованности и правовъ, введенныхъ временемъ въ Европу. Трудно будетъ ее уничтожить; она поддержится положеніемъ обстоятельствъ: въ ней заключалась сила, которую дворянство утратило съ того времени, какъ оно дозволило народу носить оружіе, и не хотѣло быть единственнымъ войскомъ государства. Духовенство также лишилось этой силы съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ убѣдился въ его злоупотребленіяхъ и въ опасности этого сословія.

Самое мудрое правительство есть то, которое умѣетъ опереться на сильнѣйшую часть народа, предписавъ ей предѣлы, удерживающіе ее въ благодѣтельномъ направленіи: я держался этой мысли, воздвигая совершенно новое зданіе.

Уничтоженіе предразсудковъ обнаружило во Франціи источникъ власти. Слѣдовательно надлежало перемѣнить планъ правленія; предразсудки и это ослѣпленіе, которое называютъ вѣрою, не должны уже были сопровождать его. Оно не наслѣдовало никакихъ правъ; ему должно было заключаться въ однѣхъ дѣлахъ, т. е. въ силѣ.

Я не взошелъ на престолъ какъ наслѣдникъ старой династіи, спокойно опираясь на силу привычки и ослѣпленія; но долженъ былъ согласовать законы съ правами и содѣлать Францію страшною, для сохраненія ея независимости.

Я предчувствовалъ, что признаніе Имперіи будетъ подвержено затрудненіямъ: Людовикъ XVIII, бывшій тогда въ Варшавѣ, подалъ знакъ всѣмъ государямъ сильною прокламаціею своею противъ моего, какъ онъ называлъ похищенія престола. Сверхъ того и политическій горизонтъ начиналъ помрачаться. Россія показывала мнѣ уже не столь благопріятное расположеніе какъ прежде.

Императоръ Александръ былъ молодъ и любилъ войско: вдохновенный съ колыбели великими дѣяніями Петра и Екатерины, онъ жаждалъ случая показаться достойнымъ преемникомъ ихъ и мы должны были итти по одной стезѣ; соединился ли бы онъ со мною противъ Англіи, помогалъ ли бы ей противустать моимъ намѣреніямъ, во всякомъ случаѣ мы должны были встрѣтиться на поприщѣ славы. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онъ не упустилъ бы увеличить могущество своей имперіи и сталъ бы въ исторіи на ряду съ своими знаменитыми предками. До 1803 года онъ былъ расположенъ въ мою пользу. Гулъ орудій Нельсона подъ Копенгагеномъ отозвался въ Кронштатѣ и Петербургѣ и склонилъ россійскаго государя на мою сторону. Согласіе, съ которымъ мы дѣйствовали въ важномъ дѣлѣ о вознагражденіяхъ въ Германіи, въ 1803 году, довольно доказываетъ расположеніе его ко мнѣ.

Но съ того времени множество происшествій увлекли Александра въ противуположную сторону.

Онъ предложилъ въ концѣ того же года свое посредничество для заключенія мира съ Англіею; предварительно требовали, чтобъ я очистилъ Голландію, Италію и Швейцарію. Я не дѣлалъ никакаго затрудненія на счетъ послѣдняго пункта: что же касается до другихъ условій, то я не могъ на нихъ согласиться, не будучи увѣренъ въ успѣхѣ посредничества: подписывая предварительный договоръ нельзя было болѣе требовать отъ меня. Я предложилъ прекратить военныя дѣйствія и собрать конгресъ, оставя до заключенія мира дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились. Лондонскій кабинетъ требовалъ, до принятія посредничества, чтобъ я очистилъ Ганноверъ, и я, видя невозможность согласиться, долженъ былъ отказаться отъ переговоровъ. Мой отказъ поселилъ холодность

между Россіею и мною. Марковъ уѣхалъ изъ Парижа, оставивъ тамъ только Убри повѣреннымъ въ дѣлахъ. Характеръ и чувства этого посланника, много способствовали къ моему разрыву съ Россіею; онъ бы вспыхнулъ можетъ быть при другомъ случаѣ; рано или поздно мы должны были встрѣтиться; но въ это время я совершенно былъ занятъ моими планами противъ Англіи, и можетъ быть со временемъ пожалѣютъ, что недопустили меня ихъ выполнить. Одинъ умный историкъ справедливо сказалъ: «Выгоды Евро«пы требуютъ, чтобы превосходство «на моряхъ находилось въ рукахъ «сухопутной державы, потому что «это единственное средство спасти «основанія народнаго права, и дать «способъ всѣмъ державамъ твердой «земли принять участіе въ поддержа«ніи свободнаго мореплаванія.» Покуда мой геній и моя дѣятельность были направлены противъ Великобританіи и на берега Ла-Манша, не слѣдовало отвлекать ихъ. Россійскій императоръ жаловался, что я не давалъ сардинскому королю вознагражденія за Піемонтъ, обѣщаннаго ему по трактату 11 Октября 1801; честь повелѣвала ему настоятельно требовать этого. Его войска еще занимали республику семи острововъ, съ намѣреніемъ, безъ сомнѣнія, очистить ее только по выполненіи условій касательно Италіи. Занятіе Ганновера, нарушавшее неутралитетъ сѣверныхъ державъ, заставило его опасаться моихъ будущихъ видовъ. Насильственное вступленіе въ границы его тестя, герцога баденскаго, когда захватили принца енгіенскаго, совершенно раздражило его и было сочтено имъ за обиду для его фамиліи. 7 Мая онъ послалъ регенсбургскому сейму нѣсколько сильныхъ нотъ противъ этого насильственнаго поступка, и требовалъ удовлетворенія. Шведскій король Густавъ IV, также зять баденскаго герцога, раздувалъ пламя по всей Европѣ. Желая играть важную роль, и быть новымъ Густавомъ Адольфомъ, котораго онъ былъ только жалкій современникъ, онъ полагалъ, что еще не прошли тѣ времена, когда 30,000 Шведовъ держали вѣсы Европы, и принимали тонъ наставника съ державами, не показывавшими расположенія слѣдовать его системѣ.

Сенатусъ-консультъ, поднесшій мнѣ императорскую корону, увеличилъ затрудненія. Это происшествіе также было важно для Франціи, какъ и для всѣхъ старыхъ династій. Признаніе меня императоромъ казалось влекло за собою паденіе старыхъ началъ законности и самыхъ священныхъ правъ. Впрочемъ, разсматривая подробно, можно было также видѣть въ немъ блистательное признаніе превосходства наслѣдственной системы, побѣду монархіи надъ республикою. Императоръ Александръ, смотря съ этой точки зрѣнія, вѣроятно пожертвовалъ бы самолюбіемъ династіи пользѣ государства, еслибы мы были въ дружескихъ сношеніяхъ; но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, это обстоятельство было новою побудительною причиною къ разрыву, присоединившеюся къ существовавшимъ уже до того времени. Въ самомъ дѣлѣ, Убри подалъ 28 Августа 1804 года ноту, которую можно было назвать

настоящимъ манифестомъ и потребовалъ своего отправленія. При всемъ томъ, должно прибавить, что Россія не стала тотчасъ же вооружаться. Убри остался даже въ Майнцѣ до конца Октября, и мнѣ представляли возможность избѣжать разрыва, согласіемъ на вознагражденія, требуемыя Баденомъ и Піемонтомъ. Не испытавъ на дѣлѣ, я не знаю, было ли это предложеніе искренно.

Вѣнскій кабинетъ дѣлалъ менѣе затрудненій и, желая поддержать миръ, призналъ меня императоромъ безъ малѣйшаго возраженія. Это меня ободрило, потому что Россія была слишкомъ удалена, чтобы до меня достигнуть, и я рѣшился не уступать ей.

Пруссія, Испанія и Данія поспѣшили потами объявить мнѣ признаніе титула, который не только не былъ имъ непріятенъ, но еще долженъ былъ сблизить и упрочить наши сношенія.

Меня болѣе всего удивило, что Турція колебалась признать меня императоромъ. Съ того времени, какъ договоръ 1801 г. примирилъ насъ, намъ было нѣсколько трудно возстановить прежнія наши сношенія, поколебавшіяся отъ революціи. Это происходило не отъ того, чтобы Турки брали слишкомъ большое участіе въ судьбѣ Бурбоновъ: всѣмъ извѣстно, какъ они поступаютъ съ своими собственными государями; но члены дивана не забыли древняго союза, соединявшаго оттоманскую имперію съ Франціею; они помнили, какъ много помогли своими войнами въ Венгріи Франциску I противъ Карла V, а Людовику XIV противъ Леопольда I, и какъ много они въ свою очередь были обязаны этимъ двумъ французскимъ государямъ за сильныя отвлеченія ударовъ Австріи. Въ послѣдней войнѣ съ 1789 по 1791 годъ, Людовикъ XVI, занятый внутри государства, не могъ ничего сдѣлать въ пользу Турокъ и предоставилъ англо-прусскому союзу быть посредникомъ мира. Тутъ впервые поколебалась довѣренность Турціи къ Франціи; безпорядки революціи, уничтоженіе самостоятельности Венеціи, покореніе Іоническихъ острововъ, воззванія Монжа къ возстановленію Греціи, и въ особенности египетская экспедиція, вооружили диванъ противу французской республики и произвели странный феноменъ соединенія бунчуковъ магометанскихъ съ россійскими и англійскими знаменами.

Чувствуя надобность сблизиться съ Портою, я отправилъ туда посланникомъ маршала Брюна: онъ былъ въ Константинополѣ во время моего коронованія. Англичане не упустили изъ виду этого случая для вооруженія дивана противъ меня, представляя ему, что я былъ причиною экспедиціи въ Египетъ, на который, по ихъ словамъ, я все еще имѣлъ виды. Они приводили въ доказательство слова, сказанныя лорду Уитсуортзу и порученіе, данное Себастіани. Россія, рѣшившаяся на разрывъ, сильно поддерживала ихъ. Брюнъ не могъ уничтожить этихъ предубѣжденій и возвратился безъ формальнаго признанія меня императоромъ, но и безъ отказа: онъ оставилъ въ Константинополѣ Руффина, котораго я поспѣшилъ утвердить, чтобы не отнять способа къ сближенію.

Между тѣмъ я убѣдилъ Пія VII пріѣхать въ Парижъ, чтобы согласить все, что казалось сомнительнымъ въ конкордатѣ, и чтобы условиться на счетъ мірскихъ выгодъ святѣйшаго отца; я хотѣлъ этимъ воспользоваться для моего коронованія и помазанія на царство. Я надѣялся торжественностью, которую благословеніе святѣйшаго отца придавало этой церемоніи, освятить въ глазахъ толпы все, что могло казаться незаконнымъ въ моемъ восшествіи на престолъ.

Почтенный святитель, благодарный за миръ, возвращенный мною церкви, надѣясь получить обратно отнятыя у него провинціи, не поколебался, не смотря на свои преклонныя лѣта, пріѣхать во Францію, подобно Стефану III, возложившему корону Меровинговъ (754) на главу Пепина, отца Карла великаго, который, также какъ и я, былъ родоначальникъ новой династіи.

Я ожидалъ только для моего коронованія, объявленія народнаго желанія, касательно торжественнаго акта, предоставлявшаго мнѣ имперію. По отобраніи голосовъ, депутація поднесла мнѣ наконецъ 1 Декабря результатъ этого удивительнаго собранія мнѣній. Изъ числа 4 мил. наличныхъ гражданъ, болѣе 3 мил. съ половиною подали голоса за меня: Генрихъ IV не царствовалъ во Франціи по столь единодушному желанію.

На другой день, я былъ помазанъ первосвятителемъ въ церкви парижской богоматери, и послѣ благословенія, самъ возложилъ на себя корону, не желая получить ее отъ папы. Депутаціи отъ всѣхъ корпусовъ арміи были при этомъ величественномъ торжествѣ, и удвоивали блескъ его, достаточно произведенный присутствіемъ конституціоннаго корпуса, министровъ, посланниковъ, сенаторовъ, законодателей и префектовъ. Такаго блистательнаго дня не видывалъ Парижъ даже во времена Людовика XIV.

Чтобъ увѣнчать дѣло, я чувствовалъ, что мнѣ слѣдовало показать мирныя намѣренія. Открытіе законодательнаго корпуса, назначенное 25 Декабря, представило мнѣ къ тому случай. Я торжественно объявилъ, что не хочу увеличивать присоединеніемъ другихъ земель мою имперію, но что я буду умѣть сохранить ее въ цѣлости; что не хочу распространять моего вліянія, но не потерплю потери уже пріобрѣтеннаго мною. Министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ палатѣ, что Англія выйдетъ изъ заблужденія; что она убѣдится въ тщетности своихъ усилій; что она можетъ только нести потери въ войнѣ, веденной безъ цѣли; однимъ словомъ, что ея кабинетъ перемѣнитъ свой образъ мыслей, увѣрившись, что Франція никогда ему не дозволитъ нарушать договоры, и что мы никогда не заключимъ мира на иныхъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя положены аміенскимъ трактатомъ.

Нѣсколько дней спустя, я рѣшился писать прямо къ Георгу III, предлагая миръ и вмѣстѣ доказывая, что коалиція еще болѣе увеличитъ силы Франціи. Но этотъ государь былъ неспособенъ отвѣчать мнѣ, а министерство отвергло эти непосредственныя воззванія къ чувствамъ короля, какъ противныя основнымъ началамъ

англійскаго правленія. И потому, лордъ Мёлгревъ отвѣчалъ Талейрану нѣсколькими незначительными словами. Надобно бы, говорилъ онъ, прежде отвѣта на эти предложенія, объясниться съ державами твердой земли и изыскать способы къ обезпеченію безопасности Европы, и предупрежденію несчастій, въ которыя она была вовлечена.

Мы вскорѣ увидимъ, каковы были эти способы, предложенные Англіею Россіи въ нотѣ, которую составлялъ Питтъ въ то самое время, какъ я писалъ упомянутое письмо къ королю.

Только что празднество коронаціи кончилось, я сталъ обдумывать болѣе дѣйствительныя приготовленія для высадки въ Англію. Мои войска уже два года стояли лагеремъ на берегахъ у пролива, занимаясь только ученіями; никогда не видывали красивѣйшей и болѣе воинственной арміи.

Я употребилъ это время для усовершенствованія ея организаціи: опыты показали необходимость принять составъ отдѣльныхъ частей сильнѣе дивизіи, какъ это было въ продолженіе революціи. Я образовалъ корпуса, изъ трехъ дивизій каждый, ввѣривъ начальство надъ ними маршаламъ. Этого числа достаточно, чтобъ выдержать натискъ цѣлой арміи. Я тогда могъ принимать каждый изъ этихъ корпусовъ за крыло арміи, и имѣть удобство усилить часть моей линіи, пододвинувъ къ ней одинъ или два корпуса; наконецъ это сосредоточеніе упрощало исполненіе предписанныхъ движеній.

Я сформировалъ болѣе сильные кавалерійскіе резервы, придавъ каждому корпусу только одну легкую бригаду кавалеріи; я далъ кирасы и щеголеватые мундиры моей тяжелой кавалеріи, которая до сихъ поръ походила на полицейскихъ жандармовъ, и не имѣла ничего, что должно составлять настоящую силу этого рода войскъ, кромѣ храбрости, свойственной французскому кавалеристу. Одинъ офицеръ предлагалъ въ это время образовать уланъ; надъ нимъ смѣялись, потому что наши гусары всегда побѣждали австрійскихъ уланъ; но я не разъ раскаявался въ послѣдствіи въ маломъ вниманіи, котораго удостоилось его предложеніе. Уланъ не умѣли цѣнить, потому что ихъ всегда употребляли на аванъ-постахъ, гдѣ они, сражаясь порознь, не пользовались всею своею выгодою. Но въ атакахъ сомкнутыми колоннами, уланы равно страшны и пѣхотѣ, которую они легче могутъ достать и вооруженной саблями кавалеріи, которая не въ состояніи имъ противиться.

Посреди сихъ заботъ я сдѣлалъ ошибку, расустивъ генеральный штабъ; я имѣлъ причину негодовать на многихъ изъ офицеровъ этой части, служившихъ въ италіянской арміи, и вооружившихъ меня противъ своихъ товарищей. Я уничтожилъ корпусъ офицеровъ, который долженъ быть душою арміи; отнялъ у генеральнаго штаба чинъ баталіоннаго командира, такъ что капитанъ не могъ выслужиться до полковника (*): всѣ лучшіе офицеры увидѣли, что для производства слѣдовало оставить

(*) Въ послѣдствіи уничтожили этотъ приказъ, производя въ сей чинъ многихъ офицеровъ генеральнаго штаба; но зло было сдѣлано.

генеральный штабъ и вступить во фронтъ, только одни штабъ-офицеры генеральнаго штаба остались, потому что они имѣли хорошія мѣста, и при томъ этотъ приказъ до нихъ не касался; но лучшіе оберъ-офицеры оставили, не колеблясь, прежній родъ службы. Я мало дорожилъ этимъ, полагая, что маасштабъ моихъ движеній увеличится наравнѣ съ моими силами и что назначеніе сихъ офицеровъ будетъ только передавать приказанія; и въ самомъ дѣлѣ они вскорѣ сдѣлались простыми курьерами. Это бы не было зломъ, еслибъ я всегда могъ лично начальствовать и вездѣ находиться въ одно время; но, уничтоживъ разсадникъ этихъ офицеровъ, которые должны быть способны къ военнымъ занятіямъ всякаго рода, я лишилъ себя средства быть замѣщеннымъ на полѣ битвы, когда не могъ быть тамъ лично.

Размышляя объ этой ошибкѣ въ моемъ заточеніи, я убѣдился, что она много способствовала моимъ неудачамъ. Бертье, воспитанникъ прежней школы генеральнаго штаба, вмѣсто того, чтобъ защищать корпусъ офицеровъ, которыхъ онъ былъ прямымъ начальникомъ, еще напротивъ того старался увеличить униженіе, въ которое я его поставилъ: онъ думалъ мнѣ угодить и до конца поддерживалъ эту ошибку.

Я ввѣрилъ командованіе корпусами людямъ, испытаннымъ во многихъ бояхъ. Я произвелъ при моемъ вступленіи на престолъ, шестьнадцать генераловъ, командовавшихъ отдѣльными частями, въ маршалы Франціи; не всѣ были тотчасъ назначены въ армію.

Бернадоттъ получилъ первый корпусъ: онъ былъ умный человѣкъ, блестящей наружности; операціонные планы, составленные имъ въ то время, какъ онъ былъ военнымъ министромъ, доказывали, что онъ скорѣе хорошій помощникъ, нежели главнокомандующій.

Мармонъ, мой бывшій адъютантъ, командовалъ вторымъ, хотя и не былъ маршаломъ.... Я слишкомъ много пострадалъ черезъ него, и не могу судить его безпристрастно: я предоставлю это потомству.

Даву сдѣланъ былъ начальникомъ 3-го корпуса: этотъ человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе, имѣлъ обширный умъ и весьма правильно судилъ о военномъ дѣлѣ. Его грубое обращеніе и характеръ, вмѣстѣ подозрительный и суровый, пріобрели ему много непріятелей, и духъ партіи сильно противъ него вооружался въ важныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ему случалось находиться. Строгій, но вмѣстѣ и справедливый съ своими подчиненными, онъ болѣе другихъ умѣлъ поддержать въ рядахъ своихъ войскъ порядокъ и дисциплину: ни одинъ изъ моихъ маршаловъ не требовалъ болѣе отъ своихъ подчиненныхъ и ни одинъ не заставлялъ ихъ исполнять обязанности службы съ такою точностью.

3-й корпусъ былъ ввѣренъ Сульту. Этотъ человѣкъ, мощнаго сложенія, имѣвшій умъ обширный, трудолюбивый, дѣятельный, неутомимый, показалъ на опытѣ, въ Швейцаріи и въ Генуѣ, свои высокія дарованія: его упрекали въ излишнемъ честолюбіи.

Ланнъ получилъ 5-й корпусъ. Покрытому ранами и славою, этому

храброму генералу не доставало основательныхъ воинскихъ познаній; но онъ замѣнялъ этотъ недостатокъ удивительнымъ соображеніемъ, и не уступалъ на полѣ битвы ни одному изъ товарищей.

Ней начальствовалъ 6-мъ корпусомъ. Онъ слишкомъ извѣстенъ всей Европѣ, чтобы мнѣ входить въ подробности, до него касающіяся. Если, увлеченный судьбою; онъ не былъ рыцаремъ безъ упрека, то за то вполнѣ заслужилъ имя рыцаря безъ страха (*). Ланнъ можетъ быть равно блестящъ въ нѣкоторыхъ атакахъ; но душевная сила, показанная Неемъ въ бѣдствіяхъ 1812 года, гдѣ онъ попеременно командовалъ всѣми корпусами арміи, даетъ ему право на первое мѣсто въ ряду храбрыхъ всѣхъ вѣковъ и поколѣній. Подобно многимъ своимъ товарищамъ онъ не понималъ стратегическихъ соображеній на планѣ; но, на мѣстѣ боя, ничто не могло сравниться съ его увѣренностью, быстрымъ взглядомъ и твердостью.

7-й корпусъ подъ начальствомъ Ожеро сформировался въ послѣдствіи въ Брестѣ. Его начальникъ стяжалъ лавры при Кастиліоне: наружность, внушающая почтеніе и солдатскіе пріемы, составили его счастіе; но если слава бросила на него еще нѣсколько лучей при Арколе, то съ тѣхъ поръ онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы могло оправдать его репутацію.

Мюратъ получилъ начальство надъ кавалерійскими резервами. Титулъ моего зятя и владѣтельнаго герцога бергскаго ставили его въ число генераловъ, могущихъ имѣть притязаніе на командованіе нѣсколькими корпусами. Этотъ кавалерійскій генералъ, одолженный своей красивой наружности, храбрости и дѣятельности честью быть моимъ адъютантомъ и зятемъ, никогда не былъ достоинъ той великой славы, которою онъ былъ обязанъ мнѣ. Онъ имѣлъ природный умъ, блистательную храбрость и чрезвычайную дѣятельность; но онъ доказалъ, что блескъ второй степени меркнетъ, будучи поставленъ на первую.

Человѣкъ совершенно другихъ свойствъ былъ назначенъ предводителемъ италіянской арміи. Одна его побѣда при Цюрихѣ, уже давала ему право на командованіе отдѣльною арміею. Массена получилъ отъ природы все, что образуетъ отличнаго воина: одаренный возвышеннымъ характеромъ, испытаннымъ мужествомъ и вѣрнымъ взглядомъ, внушавшимъ ему скорыя и счастливыя мѣры, онъ имѣлъ полное право стать

(*) Слабость Нея въ 1815 году можетъ быть оцѣнена только самыми близкими къ нему людьми; если она казалась не извинительною и противною всѣмъ правиламъ нравственности, то намѣреніе показывало по крайней мѣрѣ хорошаго гражданина: Ней полагалъ, что онъ призванъ рѣшить междуусобную войну, и онъ всѣмъ пожертвовалъ, чтобъ избавиться отъ нея. Какъ поступилъ онъ въ Фонтенебло, такъ и тутъ попралъ онъ правила чести для худо-обдуманной любви къ отечеству; но онъ не былъ ни измѣнникомъ, ни честолюбцемъ. Онъ былъ честный и храбрый воинъ, который былъ легкомысленъ и достоинъ болѣе сожалѣнія, нежели хулы. Судьи его должны были уменьшить строгость приговора: Ней былъ бы довольно наказанъ, живя далеко отъ Франціи.

на ряду съ извѣстнѣйшими новѣйшими полководцами. Впрочемъ надобно сознаться, что онъ болѣе блисталъ на полѣ битвы, нежели въ совѣтѣ.

Брюнъ, Мортье и Бессьеръ были также изъ числа избранныхъ. Первый имѣлъ нѣкоторыя достоинства; но онъ былъ скорѣе ораторъ, нежели воинъ. Второй, менѣе блистательный, былъ болѣе основателенъ: его твердость и хладнокровіе пріобрели ему много удачь, и онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые могли успѣшно начальствовать корпусомъ подъ моимъ предводительствомъ. Что же касается до Бессьера, то я узналъ его достоинства въ италіянской арміи, гдѣ онъ начальствовалъ вожатыми и отличался порядкомъ и храбростью. Въ совѣтѣ онъ былъ чрезвычайно остороженъ и даже робокъ.

Лефебръ, герцогъ данцигскій, былъ настоящій гренадеръ. Дитя природы, онъ всѣмъ былъ одолженъ своему природному уму, отличной храбрости и простодушному и веселому характеру; онъ умѣлъ заставить солдатъ любить себя и смѣло велъ ихъ прямо на позицію: вотъ все его достоинство.

Журданъ былъ главнокомандующимъ большой арміи. Побѣдитель при Флёрюсѣ, въ одномъ изъ рѣшительнѣйшихъ сраженій, онъ счастью обязанъ былъ большею частью своей славы. Хорошій администраторъ, человѣкъ трудолюбивый, любящій порядокъ и честный, онъ имѣлъ познанія и могъ быть хорошимъ начальникомъ штаба большой арміи у полководца, который бы умѣлъ дать ему хорошее направленіе.

Моссей, Периньонъ и Серюрье не сражались уже во времена имперіи, и потому я о нихъ не стану распространяться; два первые, бывъ главнокомандующими, съ успѣхомъ вели дѣла въ Пиренеяхъ и ихъ распоряженія въ 1794 и 1795 показывали большія дарованія. Поставленные въ число сенаторовъ, они не появлялись болѣе передъ войсками, до того горестнаго дня, когда непріятель явился подъ стѣнами Парижа.

Макдональдъ и Лекурбъ, командовавшіе арміями, имѣли бы право на маршалскій жезлъ; но первый такъ худо дѣйствовалъ при Требіи, что я почелъ нужнымъ отсрочить его назначеніе. Лекурбъ также допустилъ разбить себя при Филипсбургѣ въ 1799. Но онъ показалъ такъ много искусства въ горной войнѣ въ Швейцаріи и принималъ такое участіе въ побѣдахъ Моро въ 1800 году, что болѣе многихъ другихъ заслуживалъ это отличіе, котораго однако онъ не получилъ за нѣсколько недоброжелательныхъ ко мнѣ выраженій, вырвавшихся у него во время дѣла Моро. Я не могъ довѣрять важнѣйшихъ обязанностей врагамъ моимъ.

Изъ этого описанія моихъ полководцевъ видно, что исключая Массены, Сульта и, можетъ быть, Даву, ни одному изъ нихъ не могъ я поручить начальство надъ арміею (*). Я думалъ, что для меня было слишкомъ достаточно этихъ генераловъ: я хотѣлъ самъ давать главное направленіе войнѣ, и болѣе нуждался

(*) Вице-король, Сенъ-Сиръ, Сюше и Удино были назначены маршалами только въ послѣдствіи.

въ храбрыхъ исполнителяхъ, нежели въ искусныхъ товарищахъ.

Не смотря на незначительные, показанные здѣсь недостатки, военныя силы имперіи были могущественнѣе военныхъ силъ прочихъ государствъ Европы, потому что другія державы не оказывали еще тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлали онѣ потомъ, подражая намъ и въ устройствѣ войскъ, и въ искусствѣ военномъ.

Первый корпусъ стоялъ въ Ганноверѣ; второй былъ расположенъ въ Голландіи лагеремъ у Цейста; 3-й, 4-й, 5-й и 6-й занимали пространство отъ Амблетюза до Монтрёля; 7-й находился въ Брестѣ. 120,000 пѣхоты, 12,000 кавалеріи и 8000 пѣшихъ драгунъ, которые должны были добыть лошадей въ Англіи, 4000 артиллеристовъ съ 450 полевыхъ орудій и 7000 лошадей, готовы были сѣсть на суда и даже нѣсколько разъ уже садились. 2200 разныхъ судовъ, вооруженныхъ болѣе нежели 5000 орудій и раздѣленныхъ на столько эскадръ, сколько предполагалось десантныхъ отрядовъ, должны были перевезти войска, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда нашъ флотъ, если не очиститъ совершенно Ла-Маншъ, то по крайней мѣрѣ удалитъ на нѣкорое время непріятельскія суда.

Всѣ запасы и снаряды, нужные для высадки были нагружены; стоитъ только сдѣлать перечень многочисленности всѣхъ приготовленій къ ней (*) чтобъ доказать, что меня не устрашали трудности этого предпріятія и что я былъ въ состояніи выполнить его. Отличный порядокъ, царствовавшій во флотиліи; частыя ученія и примѣрныя движенія, которыми я пріучилъ войско садиться на суда и оставлять ихъ по данному сигналу менѣе нежели въ часъ времени; старанія, съ которыми каждому объяснены были его обязанности; однимъ словомъ, все обеспечивало успѣхъ этого великаго предпріятія.

Я не стану опровергать довольно пѣльнаго сравненія, сдѣланнаго между экспедиціею Цезаря и моею высадкою; эти два подвига не имѣютъ ничего общаго, кромѣ мѣста, выбраннаго для перевоза войскъ на судахъ; но самый выборъ этого мѣста, опредѣляемый географическимъ положеніемъ, не зависѣлъ отъ соображеній полководца.

Цезарь, побѣдитель Галловъ, нападалъ съ римскими легіонами на дикихъ и раздѣленныхъ несогласіемъ обитателей Британіи; онъ имѣлъ флотъ, который превосходилъ плохія суда Британцевъ и числомъ, и устройствомъ, и искусствомъ движеній. Онъ могъ быть увѣренъ въ успѣхѣ высадки и въ отступленіи; можно сказать, что онъ шелъ на вѣрную побѣду.

Я, напротивъ того, нападалъ на самую искусную, самую гордую націю всего земнаго шара; владычицу морей, на которыхъ она господствовала съ помощью 140 большихъ кораблей, вооруженныхъ 15,000 орудій; націю,

(*) Они состояли изъ 14 милліоновъ ружейныхъ и 90 тысячъ пушечныхъ зарядовъ, 32,000 запасныхъ ружей, 1,500,000 порцій сухарей, 1,300,000 кремней, 30,000 штукъ рабочаго инструмента, 11,000 сѣделъ и прочаго прибора, 450 орудій, 7,400 лошадей на судахъ, устроенныхъ для конюшенъ, наконецъ 160,000 войска всѣхъ оружій.

имѣвшую 15 милліоновъ жителей; еслибъ война продолжалась, я долженъ былъ ожидать встрѣтить, даже за исключеніемъ Ирландіи, по крайней мѣрѣ 200,000 человѣкъ, хотя неопытныхъ, мало обученныхъ, но воспламененныхъ любовію къ отечеству. Цезарева экспедиція была дѣтская забава; моя, предпріятіе Титановъ. Вотъ ихъ единственное сравненіе. Правда, я не шелъ подобно ему съ тѣмъ, чтобы занять и покорить гордый Албіонъ; я хотѣлъ только разорить англійскія верфи, арсеналы и мануфактуры, и потомъ, возвратясь во Францію, явиться Европѣ побѣдителемъ, могущимъ предписывать ей законы.

Не смотря на опасенія, внушенныя мнѣ неудовольствіями съ Россіею, которыя могли имѣть вліяніе на дѣйствія всей Европы, я сознаюсь, что былъ обманутъ мирнымъ расположеніемъ Австріи, въ особенности послѣ формальнаго, только что воспослѣдовавшаго признанія меня императоромъ; если бы она сохранила эти отношенія, а Пруссія не оставила нейтралитета, который былъ ей столь полезенъ, то ничто бы не могло противиться исполненію моего предпріятія. Въ противномъ же случаѣ, я разсчитывалъ, что Австрія, не будучи на военной ногѣ, не рѣшится дѣйствовать, не сдѣлавъ продолжительныхъ приготовленій, и не дождавшись Русскихъ. Притомъ же мнѣ потребны были только 3 недѣли, чтобы произвесть высадку, достигнуть Лондона, разорить верфи и уничтожить арсеналы въ Портсмутѣ и въ Плимутѣ. Въ случаѣ удачи не достаточно ли бы было одной славы этого подвига, чтобъ остановить войну на твердой землѣ? И въ противномъ случаѣ, не могъ ли я посредствомъ удвоенной конскрипціи замѣнить войска, посаженныя на суда, и противустать такимъ образомъ опасности, угрожавшей намъ на берегахъ Рейна и Эча?

Я наиболѣе основывалъ надежду успѣха на быстротѣ, съ которою разсчитывалъ нанесть рѣшительный ударъ и снова возвратиться. Я не старался уменьшать въ собственныхъ глазахъ моихъ ни дерзость, ни трудность этого предпріятія; но однимъ изъ важнѣйшихъ достоинствъ моихъ было то, что я однимъ взоромъ обнималъ и препятствія, и способы восторжествовать надъ ними.

Побуждаемый столь важными причинами, я приказалъ морскому министерству сдѣлать приготовительное распоряженіе къ высадкѣ, то есть соединить флотъ. Для успѣха слѣдовало назначить отдаленное мѣсто для соединенія эскадръ, бывшихъ въ Тулонѣ, Кадиксѣ, Рошфорѣ и Брестѣ. Я рѣшился направить ихъ въ Мартинику, откуда, на возвратномъ пути, освободивъ отъ блокады Ферроль, онѣ соединенными силами заняли бы каналъ и способствовали высадкѣ. Планъ мой былъ таковъ, что не только соединялъ семь или восемь эскадръ, разбросанныхъ въ Тулонѣ, Кадиксѣ, Ферролѣ, Рошфорѣ и Брестѣ, но заставлялъ бояться за англійскія колоніи въ Остъ и Вестъ-Индіи; а слѣдствіемъ этого должно было быть удаленіе главной части морскихъ силъ Англіи отъ береговъ ея, въ то самое время, когда туда явились бы наши корабли. Опытомъ этихъ

эскадръ можно было воспользоваться для отправленія десантовъ въ колоніи. Генералъ Лористонъ долженъ былъ возвратить Суринамъ и голландскія колоніи въ Америкѣ, гдѣ не должно было дозволять Англичанамъ утвердиться. Рейль могъ завладѣть островомъ Св. Елены, чтобы пресѣчь сообщенія съ Индіею и покровительствовать нашимъ крейсерамъ противъ торговли компаніи и, сверхъ того, стараться занять французскимъ гарнизономъ мысъ Доброй Надежды. Другіе бы отряды очистили антильскіе острова и снова овладѣли островами С. Люціи, Табаго, С. Петра и проч., подпавшими подъ власть непріятеля.

Адмиралъ Миссіесси вышелъ счастливо изъ Рошфора 4 Генваря съ 5 кораблями и нѣсколькими баталіонами десантныхъ войскъ; но разбитый бурею, онъ 13 дней боролся со стихіями, и не безъ поврежденій достигъ антильскихъ острововъ. Въ началѣ Февраля онъ высадилъ въ Мартиникѣ отправленное съ нимъ туда вспоможеніе людьми и военными припасами, потомъ приказалъ Лагранжу атаковать островъ Доминикъ. Лагранжъ овладѣлъ всемъ островомъ, исключая укрѣпленіе Руперa, срылъ батареи Розо, и не теряя времени для осады, снова сѣлъ на суда и поступилъ подобнымъ же образомъ съ островами С. Христофора, Невп и Монсерра. Онъ получилъ приказаніе возвратиться въ Европу, потому что тулонская эскадра была принуждена вернуться въ свою гавань, бывъ также застигнута бурею. Однакожъ онъ успѣлъ на возвратномъ пути освободить отъ осады Санто-Доминго, послѣдній пунктъ, занимаемый нашими войсками на островѣ С. Доминго, гдѣ генералъ Ферранъ защищался съ мужествомъ, достойнымъ лучшей участи. Миссіесси не исполнилъ своего порученія по моему желанію; я отнялъ у него начальство надъ рошфорскою эскадрою, получившею приказаніе къ отплытію, подъ начальствомъ контръ-адмирала Лаллемана.

Адмиралъ Вильнёвъ съ меньшею упорностью противился бурямъ. Отплывши 18 Генваря изъ Тулона съ 18 кораблями и фрегатами, и застигнутый подобно Миссіесси бурею, онъ потерялъ на одномъ кораблѣ мачты, а три фрегата его принуждены были искать спасенія у береговъ Корсики: эта неудача подала ему несчастную мысль возвратиться въ Тулонъ. Онъ снова вышелъ 30 Марта, когда уже рошфорская эскадра возвращалась; обстоятельство, которое сдѣлалось гибельнымъ, какъ оказалось въ послѣдствіи.

Дошедши до Картагены, Вильнёвъ хотѣлъ присоединить къ себѣ испанскую эскадру, тамъ находившуюся и состоявшую изъ 7 кораблей; но правительство ему отвѣчало, что эта эскадра имѣла другое назначеніе. Онъ направилъ путь къ Кадиксу, гдѣ встрѣтилъ только 5 англійскихъ кораблей, которые поспѣшили выйти въ открытое море. Здѣсь Вильнёвъ соединился съ малымъ числомъ кораблей, готовыхъ сняться съ якоря. Такимъ образомъ у него составилось тогда 14 кораблей и 6 фрегатовъ, съ которыми онъ направилъ путь къ антильскимъ островамъ и 13 Мая достигъ Мартиники. Онъ присоединилъ къ эскадрѣ 4 испанскіе корабля,

отплывшіе изъ Кадикса немедленно послѣ него, подъ командою храбраго адмирала Гравины.

Адмиралъ Гантомъ, которому велѣно было слѣдовать тому же назначенію, не успѣлъ этого исполнить, имѣя передъ собою адмирала Корнуализа съ превосходными силами, и не воспользовавшись погодою для выхода. Должно было воротить Вилльнёва, чтобы совершить соединеніе около Бреста, предоставя ему освободить отъ блокады эту гавань: приказаніе было ему послано съ адмираломъ Магономъ, вышедшимъ для этого съ двумя кораблями изъ Рошфора.

Нельсонъ, извѣщенный объ отплытіи тулонской эскадры, вообразилъ, что она назначалась въ Египетъ. Сборъ корпуса Сенъ-Сира въ Таренть, на окопечности неаполитанскаго полуострова, и войска, посаженныя на суда, дѣлали это предположеніе весьма вѣроятнымъ. Нельсонъ оба раза доходилъ до устья Нила; онъ былъ не мало изумленъ, узнавъ, что Вилльнёвъ, освободивъ Кадиксъ отъ блокады, продолжалъ путь въ Океанъ.

Хотя англійскій адмиралъ имѣлъ только 10 кораблей, поврежденныхъ двухлѣтнимъ крейсированіемъ, но онъ направилъ однако же путь къ Лиссабону, когда попутный вѣтеръ позволилъ ему пройти проливъ; убѣжденный полученными тамъ извѣстіями, что Французы направились въ западную Индію, онъ вышелъ въ слѣдъ за ними 11 Мая, въ то самое время, когда Вилльнёвъ достигъ уже Мартиники.

Сей послѣдній не умѣлъ воспользоваться ни выигрышемъ имъ у непріятеля временемъ, ни отправленными съ нимъ десантами; онъ ограничился нападеніемъ на скалу Діаманъ, служившую Англичанамъ пристанищемъ для ихъ крейсеровъ въ антильскомъ морѣ. Этотъ второстепенный пунктъ, не такъ былъ важенъ, чтобъ исключительно обратить на себя вниманіе французскаго адмирала, и взятіе его было довольно затруднительно, по неимѣнію мѣста для высадки. Полковникъ Бойе, которому поручено было исполнить это предпріятіе съ нѣсколькими ротами, успѣлъ овладѣть этимъ Гибральтаромъ въ маломъ видѣ, пробираясь изъ пещеры въ пещеру, со скалы на скалу, встаскивая своихъ застрѣльщиковъ вверхъ, съ помощью веревокъ, и захватилъ тамъ 150 человѣкъ въ плѣнъ. Эта опасная и трудная эскалада была однимъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ морскаго похода.

Потерявъ напрасно 3 недѣли въ ожиданіи брестскаго флота, Вилльнёвъ рѣшился дѣйствовать противъ англійскихъ острововъ, и для этого присоединилъ къ себѣ войска изъ Гваделупы и Мартиники. Въ это время контръ-адмиралъ Магонъ привезъ ему 6 Іюня приказаніе возвратиться въ Европу, чтобы соединиться съ феррольскою и рошфорскою эскадрами и потомъ освободить отъ блокады Брестъ, гдѣ Гантомъ ожидалъ его съ 21 кораблемъ, получивъ приказаніе выйти на рейду и принять участіе въ сраженіи, если оно произойдетъ.

Извѣщенный въ тоже время о прибытіи Нельсона въ Барбаду, Вилльнёвъ, основываясь на приказаніи возвратиться въ Европу, вышелъ 10 Августа въ море, не высадивъ даже

бывшаго у него десанта, который я приказалъ оставить въ Мартиникѣ, для продолженія съ успѣхомъ войны съ Англичанами на антильскихъ островахъ.

Нельсонъ, узнавши о его отплытіи и не сомнѣваясь, что онъ нападетъ на островъ Тринидатъ, поспѣшилъ туда на помощь. Разувѣрившись, онъ возвратился въ Антигоу; уже нѣсколько дней спустя, онъ узналъ объ отплытіи Вилльнёва въ Европу. Тогда онъ направилъ путь къ Кадиксу, и отправилъ вѣстовыя суда, чтобъ извѣстить объ этомъ и мѣста расположенія эскадръ, и адмиралтейство; потомъ, не успѣвъ въ точности узнать путь нашей эскадры, онъ возвратился съ двумя кораблями въ Англію, а остальные девять послалъ усилить флотъ Корнуализа, стоявшій передъ Брестомъ, удостовѣрясь немного поздно, что единственною моею цѣлью было соединеніе нашихъ силъ у этого пункта.

—

ГЛАВА VIII.

Проэктъ Питта унизить Францію. Третья коалиція. Кампанія 1805 года. Сраженія при Ульмѣ и Аустерлицѣ. Дѣйствія въ Италіи и Тиролѣ. Несогласія съ Пруссіею. Вѣнскій и пресбургскій договоры. Баварскій и виртембергскій курфирсты принимаютъ титло королей. Массена занимаетъ неаполитанское королевство. Морская война. Сраженіе при Трафальгарѣ.

—

Выступленіе такаго сильнаго флота и расположеніе 160,000 войска на берегахъ, противъ Англіи, въ 20 льё отъ гаваней ея, должны были внушить ей справедливыя опасенія; она почувствовала необходимость выйти, во что бы то ни стало, изъ своего затруднительнаго положенія. Питтъ снова сдѣлался главою министерства; этотъ непримиримый врагъ Франціи сталъ тотчасъ же искать во всѣхъ державахъ Европы союзниковъ; чтобы составить новую коалицію противъ насъ.

Начало этой третьей коалиціи еще не совсѣмъ извѣстно: кажется Россія подала первую мысль; другіе приписываютъ это лондонскому кабинету; впрочемъ, какъ бы то ни было, этимъ двумъ державамъ не трудно было согласиться между собою, послѣ того какъ россійское посольство оставило Парижъ, не получивъ отъ меня удовлетворенія ни на одно изъ своихъ требованій, и когда шведскій посланникъ послѣдовалъ этому примѣру.

Сенъ-джемскій кабинетъ прилагалъ всѣ старанія увеличить неудовольствія: князь Чарторижскій, министръ иностранныхъ дѣлъ, далъ почувствовать англійскому министерству готовность императора Александра противиться съ оружіемъ въ рукахъ всякому новому увеличенію власти съ моей стороны. Питтъ съ жадностью

принялъ эту мысль: тотчасъ же начались переговоры для составленія ужасной коалиціи, единственнаго средства къ отвращенію удара, готоваго поразить Англію. Говорятъ, что эти сообщенія Чарторижскаго, были слѣдствіемъ происковъ людей, которыхъ приверженность къ Англіи не была тайною.

Нашему неумолимому сопернику казалось не достаточнымъ поставить предѣлы могуществу Франціи, въ ея тогдашнихъ границахъ, освященыхъ трактатами; онъ хотѣлъ заставить насъ принять границы 1792 года. Безъ этого нельзя было ни обѣщать Австріи увеличенія, желаніе которыхъ увлекло ее къ объявленію войны, ни побудить къ ней Пруссію.

Знаменитая нота 16 Генваря, предлагавшая Европѣ раздѣлъ всего, что у насъ отнимется, есть любопытный памятникъ, оправдывающій всѣ мои дѣйствія для огражденія Франціи отъ опасности подобныхъ намѣреній.

Питтъ предлагалъ возвратить Австріи Ломбардію, а сардинскому королю не только Піемонтъ, Савоію и Ницу, но, для укрѣпленія его противъ насъ, уступить ему и генуезскую республику; Пруссіи отдать Бельгію, чтобъ этимъ отдѣлить насъ отъ Голландіи и лишить меня вліянія на нее. Малыя княжества, расположенныя на лѣвомъ берегу Рейна, уступленныя намъ по договорамъ кампо-формійскому и люневилльскому, Питтъ хотѣлъ отдать Пруссіи, Австріи или другимъ членамъ германской имперіи, которые примутъ участіе въ коалиціи.

Сколь справедливо было съ одной стороны, чтобы европейскія державы противились увеличенію моей имперіи, столь съ другой было несправедливо стѣснять Францію въ границы 1792 года. Это бы еще имѣло видъ справедливости, еслибъ и другія державы согласились войти въ прежнія свои границы; но Россія, Австрія и Пруссія не раздѣлили ли Польшу въ 1795 году? Не пріобрела ли Англія почти половину Индіи? Франція же напротивъ того не утратила ли своихъ семейственныхъ связей съ Испаніею, Австріею, Сардиніею и Неаполемъ? не сдѣлались ли ея союзники въ Индіи англійскими провинціями? раззореніе С. Домнго не лишило ли ее первенства въ антильскомъ морѣ? *Лишить теперь Францію всего того, что пріобрела она въ Европѣ послѣ 1792 года, значило привести ее въ положеніе еще вдвое слабѣйшее того, въ какомъ она была въ 1792 году. Великая нація, побѣдоносная въ продолженіе десяти лѣтъ не должна упадать, когда непріятели ея возвышаются. Подвергать меня такому униженію, значило заставить меня или умереть съ оружіемъ въ рукахъ, или покорить Европу.*

Опасенія, внушенныя Европѣ моимъ предпріимчивымъ геніемъ и моимъ превосходствомъ, могутъ объяснить согласіе, съ которымъ сухопутныя державы приняли проэктъ лондонскаго кабинета; а опасеніе безпрестанно подвергаться подобной опасности, оправдываетъ всѣ мѣры, принятыя мною, чтобы первенствовать въ Европѣ, и тѣмъ избѣгнуть угрожавшей мнѣ погибели. Такія обоюдныя опасенія, слишкомъ далеко простертыя, служатъ часто поводомъ къ самымъ ужаснымъ политическимъ

несогласіямъ и увлекаютъ людей заграницы благоразумія, въ особенности послѣ революціи.

Какъ худо ни былъ расположенъ ко мнѣ россійскій кабинетъ, но не могъ не найти проэктъ Питта преувеличеннымъ; новое происшествіе отстранило всѣ затрудненія. Я чувствовалъ, что Италія не могла существовать подъ республиканскою формою рядомъ съ моею имперіею; это бы было противурѣчіе. Я не могъ также никому предоставить управлять сею, потому что Европа мнѣ ее уступила, и полуостровъ этотъ былъ необходимъ для моихъ морскихъ плановъ.

Италіянская депутація, прибывшая къ моему коронованію была обращена въ совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Мельдзи, и послѣ преній, продолжавшихся нѣсколько недѣль, поднесла мнѣ 17 Марта конституціонный актъ, по которому италіянская республика обращалась въ наслѣдственное королевство и корона предоставлялась мнѣ.

Чтобъ успокоить Европу, хотя на время, я велѣлъ предложить эту корону моему брату Іосифу, надѣясь уменьшить этою тѣнью раздѣльности опасное впечатлѣніе, произведенное такимъ увеличеніемъ моего могущества.

Но Іосифъ затруднился принять тронъ, платящій дань и хотѣлъ предписать мнѣ уничтоженіе договора, по которому Италія обязана была платить ежегодно 30 милліоновъ, или содержать 30,000 Французовъ, необходимыхъ для ея защиты.

Мнѣ не понравилась эта кичливость, несогласная съ моими намѣреніями, и я возложилъ на мою собственную главу желѣзную корону ломбардскихъ королей, вѣнчавшую нѣкогда чело Карла великаго и уже нѣсколько вѣковъ забытую. Однако, чтобы предупредить возраженія моихъ непріятелей, я обѣщалъ передать вѣнецъ другому и отдѣлить его отъ короны французской, когда Англичане возвратятъ Мальту, а Русскіе очистятъ республику семи острововъ: это бы мнѣ позволило оставить владѣнія Неаполя и возвратить Ломбардіи нѣкоторый родъ независимости.

Впрочемъ, въ сущности, Европѣ было все равно, былъ ли я пожизненный президентъ или король: важно было то, чтобы корона Италіи была отдѣлена отъ французской тотчасъ же, или, по крайней мѣрѣ, послѣ моей смерти. Въ особенности настаивала на этомъ Австрія, охотнѣе соглашаясь однакоже имѣть на границѣ своей королевство, нежели демократическую республику.

Для объявленія этой важной перемѣны, я прибылъ 18 Марта въ сенатъ и снова имѣлъ случай объяснить передъ Европою мои политическіе виды: я заключилъ рѣчь свою слѣдующими словами:

«Геній зла тщетно будетъ искать
«поводъ возжечь войну на твердой
«землѣ: что присоединено къ нашей
«имперіи конституціонными закона-
«ми, то и останется къ ней присое-
«диненнымъ. *Никакая новая держава*
«*не будетъ съ нею соединена*; по по-
«становленія батавской республики,
«актъ посредничества 19-ти Швей-
«царскихъ кантоновъ, и этотъ пер-
«вый статутъ италіянскаго королев-
«ства, останутся постоянно подъ

«нашимъ покровительствомъ; мы ни-«когда не потерпимъ, чтобы на нихъ «посягнули! Всегда и во всѣхъ об-«стоятельствахъ мы будемъ такъ же «умѣренны, и надѣемся, что народъ «нашъ не будетъ болѣе въ необхо-«димости снова напрягать тѣ усилія «и то мужество, съ которыми онъ «всегда защищалъ свои законныя «права.»

Но то, что я считалъ умѣренностью, казалось насильствомъ въ глазахъ остальной части Европы. Императоръ Александръ сталъ договариваться съ Англіею на счетъ проэкта Питта, въ то время, когда получилъ это извѣстіе. Онъ разсудилъ, что нельзя было долѣе колебаться объявить войну, и, не теряя времени, подписалъ 11 Апрѣля оборонительный и наступательный договоръ съ лондонскимъ дворомъ. Однакожъ Россія, по благоразумной умѣренности, не опредѣлила въ немъ ничего положительнаго на счетъ Бельгіи и рейнскихъ провинцій; она требовала только очищенія Неаполя и Голландіи, возвращенія Піемонта сардинскому королю и независимости Швейцаріи. Хотя эти первоначальныя распоряженія дѣлались въ величайшей тайнѣ, но я не могъ обманываться на счетъ непріязненнаго расположенія Россіи; впрочемъ, пока Австрія не приступила къ союзу, чего мнѣ было опасаться непріятеля, отдѣленнаго отъ меня 500 льё непроходимаго для насъ пространства?

Можетъ быть я избѣжалъ бы грозы, если бы согласился заплатить за неутралитетъ Австріи совершенною независимостью италіянской республики; но я повторяю, это было бы противурѣчіе въ организаціи Европы; а какъ только въ Италіи утверждалось монархическое правленіе, то слѣдовало или овладѣть самому короною, или видѣть ее на главѣ чужеземнаго принца; въ такомъ случаѣ, для чего же мы покорили эту страну? Впрочемъ, кто могъ ручаться, что моя умѣренность не будетъ принята вѣнскимъ кабинетомъ за слабость? Я не могъ довѣрять Австріи: она была слишкомъ дурно ко мнѣ расположена, и я полагалъ, что довольно сдѣлалъ съ своей стороны, обязавшись торжественнымъ актомъ, отдѣлить Италію отъ Франціи.

Въ самомъ дѣлѣ, большая часть древнихъ династій ужасалась, видя меня на тронѣ. Не смотря на учтивость, ими другъ другу оказываемую, онѣ видѣли во мнѣ опаснаго противника. Я въ самомъ себѣ заключалъ уже революцію. Онѣ опасались имперіи не менѣе республики; даже еще и болѣе, потому что имперія была могущественнѣе.

Со временемъ я бы успокоилъ ихъ моею умѣренностью; но жестокая необходимость, заставлявшая меня закрыть для Англичанъ Неаполь, Голландію и Ганноверъ, распространила вездѣ опасенія. Не смотря на увѣренія мои, что эти дѣйствія клонились къ общей выгодѣ, и составляли мѣру, чисто оборонительную, всѣ великія державы увѣрились, что политика ихъ требуетъ напасть на меня сколь возможно скорѣе, то есть, не давъ мнѣ времени собрать всѣ мои силы.

Однакожъ Австрія колебалась еще нѣсколько времени, или отъ того, что она опасалась принять участіе

въ борьбѣ, которой первые удары ей самой должно было выдержать, или отъ того, что хотѣла лучше приготовиться. Вѣнскій кабинетъ, увѣренный, что не слѣдовало торопиться, но напротивъ выждать благопріятнѣйшую минуту, медлилъ; онъ впрочемъ и не былъ согласенъ съ Англичанами на счетъ организаціи, предположенной ими для государствъ твердой земли.

Въ то самое время, какъ мои эскадры плыли къ Мартиникѣ, чтобы совершить соединеніе легче и удобнѣе, нежели въ Европѣ, я рѣшился отправиться въ Италію, чтобы короноваться въ Миланѣ. Эта поѣздка соотвѣтствовала многимъ, равно важнымъ цѣлямъ. Первою изъ нихъ было усыпить Англичанъ, обманувъ ихъ совершенно на счетъ моего предпріятія; во вторыхъ, я хотѣлъ устрашить Австрію моимъ присутствіемъ на ея границахъ; наконецъ возбудить народный духъ Италіянцевъ, явясь въ блескѣ, который былъ для нихъ новъ и долженъ былъ возбудить любовь къ славѣ и отечеству. По дорогѣ къ Ліону, я заѣхалъ въ Бріенъ, гдѣ получилъ воспитаніе, которому былъ всѣмъ обязанъ и гдѣ судьба готовила мнѣ въ послѣдствіи ужасные удары. Ліонъ меня встрѣтилъ съ невиданнымъ восторгомъ; роскошь, которою я окружалъ мой дворъ, была ему порукою за процвѣтаніе его мануфактуръ: слава и выгоды одушевляли пріемъ Ліонцевъ.

Проѣзжая Александрію, я предписалъ приступить къ работамъ, которыя сдѣлали ее въ нѣсколько лѣтъ сильнѣйшимъ пунктомъ Европы и ключемъ Италіи. Двадцать милліоновъ были назначены для этого предмета. Находясь въ южной долинѣ рѣки По, въ выгодномъ разстояніи отъ Турина, Генуи, Милана, Піаченцы и Пармы, Александрія должна была въ случаѣ неудачъ служить убѣжищемъ большой арміи и основаніемъ всѣхъ нашихъ наступательныхъ дѣйствій въ сѣверной Италіи. Можетъ быть Павія или Кремона болѣе бы способствовали къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Австріи и къ господствованію линіею рѣки По; но, какъ политическій пунктъ, Александрія вполнѣ соотвѣтствовала моимъ видамъ. Шестьнадцать полковъ пѣхоты, собранные для маневровъ въ лагерѣ при Маренго, должны были представить выигранное нами тамъ сраженіе и напомнить Австрійцамъ о превосходствѣ нашего оружія; другой лагерь, собранный у Кастильоне для той же цѣли и состоявшій изъ 17 полковъ, доказывалъ вѣнскому кабинету, что я готовъ былъ вступить съ нимъ въ бой, если бы ему это вздумалось.

Коронація моя въ Миланѣ совершилась 26 Мая, съ торжественностью, достойною великолѣпнаго собора, въ которомъ она происходила. Даже во времена Карла великаго, подобная пышность не ослѣпляла Италіянцевъ. Послѣ благословенія, даннаго архіепископомъ и кардиналомъ Капрарою, я взялъ желѣзную корону ломбардскихъ королей и возложилъ ее на себя. Миланъ былъ въ восторгѣ, который Ломбардія тѣмъ откровеннѣе раздѣляла, что духовенство возносило меня до небесъ, какъ возстановителя алтарей. Папа, ѣхавшій впереди меня на разстояніи двухъ дней пути,

раздавалъ благословенія подвластнымъ мнѣ народамъ, и тѣмъ возвысилъ въ глазахъ черни блескъ моихъ побѣдъ,

Стоустая слава вѣрно не передастъ потомкамъ той дѣятельности, съ которою, я во время этого путешествія, въ одно и то же время учреждалъ организацію италіянскаго королевства, отдавалъ приказанія булонской экспедиціи моимъ эскадрамъ, находившимся въ морѣ, занимался приведеніемъ въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ Франціи и наконецъ переговорами съ европейскими кабинетами о присоединеніи къ моей имперіи генуэзской республики. Одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ писателей сего вѣка (*), которому не достаетъ только болѣе твердой точки зрѣнія, чтобы сравниться съ извѣстнѣйшими писателями древности, занялся изображеніемъ этой занимательной картины, которое потомство вѣрно поставитъ на ряду съ лучшими мѣстами Тита-Ливія. Оставивъ Миланъ, я передалъ бразды правленія Евгенію съ титломъ вице-короля; онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ достоинъ моей довѣренности, и сдѣлался искреннѣйшимъ другомъ моимъ и однимъ изъ лучшихъ моихъ генераловъ. Вскорѣ послѣ этого лукскій тронъ былъ отданъ моей сестрѣ Элизѣ Баккіоки. Я прибылъ въ Генуу и занялъ ее съ торжествомъ и пышностью, которая на нѣсколько минутъ заставила Генуэзцевъ забыть перемѣну ихъ положенія: Генуа присоединена была актомъ 4 Іюня.

Разсчитавъ, что пора возвратиться флоту адмирала Вилльнёва, я ускакалъ изъ Турина съ парада, и прибылъ, въ величайшемъ инкогнито, въ три дня въ Парижъ и потомъ въ Булонь, гдѣ все приготовлялось къ амбаркаціи.

Между тѣмъ какъ я составлялъ въ Миланѣ, Туринѣ, Александріи и Генуѣ эти великія предположенія, Вилльнёвъ возвращался въ Европу, согласно съ данными ему приказаніями. Это возвращеніе, котораго Англичане не ожидали, сильно безпокоило ихъ. У нихъ было въ готовности только десять кораблей, подъ командою адмирала Кольдёра у Ферроля, гдѣ считалось до восемнадцати французскихъ и испанскихъ кораблей. Только пять кораблей, подъ начальствомъ адмирала Стирлинга, были расположены передъ Рошфоромъ, гдѣ у насъ было шесть кораблей и столько же прекрасныхъ фрегатовъ, которые скоро нашли случай выйти изъ гавани, подъ командою адмирала Лаллемана. Вилльнёвъ, выигравъ болѣе двухъ недѣль времени передъ англійскими вѣстовыми судами, казалось, легко могъ напасть въ расплохъ на Англичанъ у Ферроля, прогнать ихъ, соединиться съ собранною въ этой гавани эскадрою, прибыть къ Рошфору, и потомъ съ 40 кораблями итти къ Бресту. Но, по непредвидѣнному несчастію, англійскія вѣстовыя суда, благопріятствуемыя попутнымъ вѣтромъ, прибыли во время для извѣщенія разныхъ эскадръ и рошфорской флотъ получилъ приказаніе немедленно присоединиться къ Кольдёру: тогда предположенное нами соединеніе не могло уже обойтись безъ боя.

(*) Mathieu Dumas: Precis des événements militaires.

Въ самомъ дѣлѣ, Кольдёръ, съ 15 кораблями и тремя фрегатами, 22 Іюля, на высотахъ Финистера, встрѣтилъ Вилльнёва, имѣвшаго 19 кораблей и 7 фрегатовъ. Пасмурная погода не дозволила имъ рекогносцировать другъ друга; оба устроились въ боевую линію, сошлись бортъ къ борту, и дали одно изъ тѣхъ сраженій въ параллельномъ боевомъ порядкѣ, гдѣ искусство ничего не значитъ. Два испанскіе корабля, сильно поврежденные, вогнаны были въ средину англійскаго флота и взяты; впрочемъ, это сраженіе не было ознаменовано никакими рѣшительными послѣдствіями.

Вилльнёвъ преслѣдовалъ на другой день отступающаго непріятеля, который, притянувъ крейсеровъ, оставленныхъ у Ферроля, отправился къ Бресту для соединенія съ флотомъ, тамъ находившимся; но онъ былъ принужденъ бурею войти 25 Іюля въ заливъ у Виго, не будучи въ состояніи, по причинѣ противнаго вѣтра, достигнуть желаемой пристани. Онъ возвратился въ Ферроль нѣсколько дней спустя, и соединясь съ 5 французскими и 10 испанскими кораблями, отправился 13 Авг. съ 30 кораблями въ Виго, а потомъ къ Кадиксу, куда и прибылъ 21 Августа, въ то самое время, когда, по моему разсчету, ему слѣдовало явиться передъ Брестомъ, гдѣ Гантомъ уже началъ маневрировать, чтобы поддержать его дѣйствія.

Адмиралъ Колингвудъ снова блокировалъ Кадиксъ; у него не было и половины силъ Вилльнёва и надобно было ожидать, что нашъ адмиралъ, воспользовавшись своимъ превосходствомъ, нападетъ и разобьетъ его, поставивши между двухъ огней: съ берега и флота. Но онъ ничего не сдѣлалъ и удовольствовался тѣмъ, что вошелъ въ гавань. Онъ такъ потерялся, страшась большой отвѣтственности, что даже забылъ оставить въ Виго нужныя приказанія адмиралу Лалемману, который искалъ его съ 6 прекрасными французскими кораблями, вышедшими изъ Рошфора, и явился въ Виго двумя днями позже Вилльнёва. Но не зная его пути, Лалеманъ не могъ къ нему присоединиться и сталъ крейсировать между Бискаіею и Ирландіею.

Корнуализъ, узнавши о соединеніи нашего флота, отправилъ Кольдёра съ 20 кораблями къ Финистерре, приказавъ наблюдать за нами или вступить въ бой. Не найдя нашего флота, этотъ адмиралъ дошелъ до Кадикса, гдѣ соединился съ Колингвудомъ. Корнуализъ, способствавалъ бы этимъ исполненію моего предположенія, если бы Вилльнёвъ, по приказанію моему, направилъ свои силы къ Бресту. Въ самъ дѣлѣ, здѣсь могли представиться два случая: или бы Вилльнёвъ встрѣтилъ Кольдёра на пути, или бы они разошлись; въ первомъ случаѣ, имѣя 38 кораблей противу двадцати непріятельскихъ, онъ разбилъ бы ихъ и тѣмъ принудилъ бы Корнуализа подать помощь Кольдёру и освободить Гантома; во второмъ, Вилльнёвъ, разъѣхавшись съ Кольдёромъ, явился бы передъ Брестомъ, напалъ бы тамъ въ расплохъ на Корнуализа, бывшаго въ двое его слабѣе; сей послѣдній случай, болѣе вѣроятный, былъ вмѣстѣ и самый выгодный.

Вилльнёвъ, отступя совершенно отъ

моего плана, вмѣсто того, чтобы явиться съ торжествомъ у Бреста, отправился на самый южный конецъ полуострова, съ 33 кораблями и 10,000 десантнаго войска, безъ всякой пользы для Франціи.

Такимъ образомъ черезъ малодушіе одного человѣка и случайную скорость двухъ вѣстовыхъ судовъ разрушился планъ, такъ глубоко обдуманный; я увѣренъ, что Вилльнёвъ, не смотря на недостатокъ силы духа, вполнѣ выполнилъ бы свое порученіе, если бы успѣлъ напасть въ расплохъ у Финистерре на одного Кольдёра, крейсировавшаго и не бывшаго въ состояніи съ успѣхомъ сразиться, и такимъ образомъ не допустилъ бы сего послѣдняго соединиться съ Стирлингомъ и совершенно изготовиться къ бою.

Направленіе на Кадиксъ, взятое Вилльнёвомъ сдѣлало высадку совершенно невозможною въ этомъ году, потому что Англичане, узнавъ наши намѣренія, приняли противъ нихъ свои мѣры. Притомъ же, полученныя мною донесенія отъ моего посланника изъ Вѣны, извѣщавшія о грозныхъ приготовленіяхъ Австріи, заставили меня рѣшиться обратить на твердую землю удары, которыми я надѣялся, хотя не уничтожить Англію, то по крайней мѣрѣ лишить ее владычества на моряхъ и вліянія на твердой землѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, моя поѣздка въ Италію рѣшила недоумѣніе Австріи, которая уже четыре мѣсяца продолжала переговоры съ Англіею и Россіею для образованія новой коалиціи. Самымъ ревностнѣйшимъ агентомъ ея былъ Винцингероде, генералъ-адъютантъ императора Александра. Вѣнскій кабинетъ хотѣлъ прежде испытать вооруженное посредничество и только въ случаѣ неудачи рѣшиться на открытый разрывъ. Это обыкновенное средство, чтобы выиграть время; Австрія показала подъ Прагою, что разумѣетъ она подъ именемъ посредничества.

Однако, чтобъ угодить Францу II-му и самому испытать нельзя ли кончить дѣло переговорами, императоръ Александръ рѣшился послать Новосильцева въ Парижъ. Этотъ посланникъ доѣхалъ до Берлина, но извѣстіе о присоединеніи къ Франціи Генуэзской республики заставило послать ему приказаніе не продолжать пути. Это присоединеніе въ самомъ дѣлѣ разрушало послѣднюю возможность сближенія, потому что только эту республику можно было предложить сардинскому королю въ вознагражденіе за Піемонтъ. Притомъ же, какъ заставить меня отказаться отъ короны Италіи, когда я только что присоединилъ къ моей имперіи государство, объявленное независимымъ по люневильскому договору? съ этого времени война становилась неизбѣжною.

Подкупленные Англіею публицисты обвиняли меня, какъ зачинщика непріязненныхъ дѣйствій; какъ будто бы предложеніе отнять у насъ Бельгію и рейнскія провинціи не было уже само по себѣ объявленіемъ войны! Впрочемъ я долженъ сознаться, что изъ всѣхъ моихъ политическихъ дѣйствій нѣтъ ни одного, неосновательнѣе этого присоединенія, не во время произведеннаго. Выбранная для этого минута была

неблагопріятна; я готовился оставить Италію и отправиться въ Булонь, чтобы приготовить мою армію къ произведенію десанта, когда Вилльнёвъ появится въ каналѣ. Мои выгоды требовали щадить Австрію, чтобы остановить непріязненныя намѣренія Россіи. Когда вѣнскій кабинетъ соглашался признать меня президентомъ италіянской республики, я могъ быть увѣреннымъ, что онъ также признаетъ меня и королемъ (что въ сущности не измѣняло положенія дѣлъ), если эта новая корона должна была послѣ моей смерти отдѣлиться отъ короны французской. Но присоединять къ этому насильству еще другое, то есть уничтоженіе республики, освященной договорами, и открывать этими постепенными присоединеніями дальнѣйшія виды на италійской полуостровъ, вопреки всѣхъ договоровъ, значило подавать добровольно поводъ къ общей коаліціи въ то самое время, когда я готовился двинуться на берега Темзы (*).

Время, въ которое Австрія тайно приступила къ С. Петербургскому договору 11 Апрѣля, въ точности неизвѣстно: но съ половины Іюля она занималась составленіемъ операціоннаго плана, на случай, если вооруженное посредничество не достигнетъ своей цѣли; она формально къ нему приступила 9 Августа, но только въ такомъ случаѣ, когда предложенныя ею перемѣны въ преобразованіи положенія государствъ твердой земли будутъ приняты.

Первопачальный планъ союзниковъ былъ слѣдующій: выставить въ поле 400,000 войска, а именно: 250,000 Австрійцевъ, 115,000 Русскихъ и 45,000 Шведовъ или другихъ малыхъ державъ, на содержаніи Англіи. Австрія находила, что этихъ войскъ было недостаточно для сильныхъ совокупныхъ дѣйствій въ Италіи и противъ грозной преграды Рейна. Она объявила, хорошо составленною нотою, что, такъ какъ французскія военныя силы простираются, по предположеніямъ, до 600,000, то необходимо увеличить и дѣйствующія войска. *Такъ какъ затрудненіе состояло въ прибытіи Русскихъ прежде моего нападенія на Австрійцевъ, то почитали необходимымъ дѣйствовать главными силами въ Италіи, а въ Германіи только обороняться.* Предложеніе было справедливо, но выведенное изъ него заключеніе нелѣпо. Мѣсто соединенія Русскихъ въ Германіи было

(*) Наполеонъ долженъ здѣсь находиться въ очевидномъ затрудненіи, объясняя свое тогдашнее поведеніе. Онъ продиктовалъ, на островѣ С. Елены, всѣ точки зрѣнія, съ которыхъ онъ смотрѣлъ на высадку. Онъ далъ Вильнёву наставленія, которыя вполнѣ заставляютъ вѣрить дѣйствительности предположенія этой экспедиціи. Многіе этому никогда не вѣрили. Но достовѣрно то, что поведеніе Наполеона, казалось, вызывало войну на твердой землѣ, и заставило думать, что онъ охотнѣе желалъ пріобрѣтать лавры въ Австріи нежели въ Англіи. Но если онъ хотѣлъ войны на твердой землѣ, то какимъ образомъ объяснить мысль подвергать опасности всѣ морскія силы Франціи и Испаніи, соединенныя въ каналѣ и жертвовать ими безъ всякой цѣли? Если же напротивъ, онъ хотѣлъ сдѣлать высадку въ Англію, то отъ чего не отложить на шесть мѣсяцевъ перемѣны въ Италіи и присоединеніе Генуи, которыя необходимо вовлекали его въ двойную войну?

главнымъ пунктомъ, а потому то именно и слѣдовало расположить главныя силы на операціонной линіи, гдѣ это соединеніе должно было совершиться; къ тому же эта линія была для меня и кратчайшая, и важнѣйшая. Эгоизмъ вѣнскаго кабинета его ослѣпилъ; онъ велъ войну только для возвращенія Италіи и потому полагалъ, что туда слѣдовало устремить всѣ свои усилія. Австрія ошибочно увеличила силы, которыя я могъ противупоставить коалиціи. Она полагала, что будетъ имѣть дѣло со всею нашею арміею, что было совершенно невозможно при охраненіи нашихъ обширныхъ границъ: я никогда не могъ бы выставить противъ нея болѣе 250,000 человѣкъ.

Петербургскій кабинетъ послалъ въ Вѣну генерала Винцингероде условиться и положительно опредѣлить планъ дѣйствій. Этотъ генералъ замѣтилъ, что Русскимъ предстояло пройти отъ Бродовъ до Браунау 284 льё, а большой арміи отъ Булоня туда же 274. И такъ, разсчитывая время, нужное для извѣщенія меня о вступленіи Русскихъ въ Австрію и распоряженій для направленія арміи по различнымъ дорогамъ для прохода Франціи, Русскіе должны дойти ранѣе меня до Инна и даже до Изера. Александръ обѣщалъ имѣть въ совершенной готовности значительные резервы, такъ что онъ могъ бы даже увеличить положенное число войскъ.

Австрія рѣшилась объявить войну и окончательно было положено:

1) что она выставитъ для дѣйствій:

въ Италіи	130,000 пѣх.	и	13,500 кавал.
— Тиролѣ	50,000 —	—	2,000 — —
— Германіи	66,000 —	—	23,000 — —
— отдѣльн. корпусахъ	28,000 —	—	1,500 — —
Всего	274,000 —	—	40,000 — —

2) что Россія двинетъ въ Германію 100,000 человѣкъ, половина которыхъ прибудетъ въ половинѣ Октября; отправитъ одинъ корпусъ изъ Корфу и, высадивъ его въ Неаполь, велитъ ему присоединиться къ Неаполитанцамъ и Англичанамъ, и вмѣстѣ съ ними направиться къ По. Третій англо-русскій корпусъ выйдетъ въ Ганноверѣ и Помераніи, присоединится къ шведскимъ войскамъ подъ начальствомъ Густава IV; наконецъ четвертая русская армія, собранная на Бугѣ и подъ стѣнами Варшавы, будетъ угрожать Пруссіи, съ цѣлью или увлечь ее къ войнѣ, или, если она на это не согласится, удержать ее въ неутральномъ положеніи.

Однакоже надежды союзниковъ разрушились о твердую волю Фридриха Вильгельма, который рѣшился, во что бы то ни стало, сохранить неутралитетъ. Союзники испрашивали у него дозволенія пройти черезъ польскія его провинціи, но онъ въ отвѣтъ на это собралъ на Вислѣ военныя силы, достаточныя, чтобы внушить почтеніе къ неприкосновенности его державы.

Я довольно поздно получилъ извѣстіе о намѣреніяхъ союзниковъ; но въ Іюлѣ мѣсяцѣ, я предугадывалъ существованіе коалиціи по сбору Австрійцевъ въ Италіи, а Русскихъ на Бугѣ. Русскіе меня бы не безпокоили, еслибъ Австрія не принимала

участія въ моей борьбѣ съ Англіею. Я черезъ Талейрана требовалъ объясненій; Кобенцель отвѣчалъ уклончиво. Я велѣлъ объявить вѣнскому кабинету, чтобъ онъ отозвалъ свои войска, или я приму ихъ расположеніе за нарушеніе мира. Между тѣмъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, готовились къ войнѣ.

Австрія, постигая всю выгоду союза съ Баваріею, употребляла всѣ возможныя усилія, чтобъ привлечь ее на свою сторону, но не успѣла; курфирстъ Максимиліанъ Іосифъ слишкомъ хорошо понималъ всю важность союза, доказанную дѣйствіями его предковъ, и помнилъ недавнія притязанія Австріи, желавшей увеличить на его счетъ свои владѣнія; онъ былъ лично преданъ Франціи, и увѣренный, что я во время приспѣю, чтобы помочь ему, рѣшился присоединиться къ намъ, если бы Австрійцы ворвались въ его владѣнія.

Курфирсты виртембергскій и баденскій желали вступить въ коалицію, что было весьма естественно по ихъ родственнымъ связямъ съ австрійскимъ дворомъ; но сосѣдство Страсбурга и Майнца заставило ихъ опасаться сдѣлаться первыми моими жертвами и помогло моимъ министрамъ привлечь въ наши ряды этихъ владѣтелей.

Австрійцы начали кампанію хуже, нежели когда либо. Они надѣялись напасть на меня въ расплохъ, и эта надежда послужила къ ихъ погибели. Я принялъ всѣ мѣры, чтобы обратиться на Темзу при спокойствіи на твердой землѣ, или на Дунай, въ случаѣ если твердая земля вызоветъ меня на бой и помѣшаетъ исполненію моего предпріятія. Отъѣзжая изъ Парижа въ Булонь, я объявилъ Кобенцелю, что желаю мира на твердой землѣ, и что, увѣренный въ дружелюбномъ расположеніи его государя, ѣду отдать послѣднія приказанія на счетъ высадки. Я велѣлъ производить частыя репетиціи амбаркацій и десантовъ, для пріученія войскъ исполнять ихъ съ быстротою; мы посадили на суда 150,000 человѣкъ въ полчаса; всѣ военныя тажести уже были заранѣе нагружены; я приказалъ удвоить репетиціи, и наложилъ амбарго (*) на всѣ гавани. Авангардъ корпуса Нея выступилъ изъ Монтрёля, чтобъ слѣдовать по берегу и потомъ присоединиться къ булонскому сбору. Корпусъ Сульта цѣлые два дня оставался на судахъ, равно какъ и мои экипажи. Эти приготовленія обманули Кобенцеля; онъ донесъ, что черезъ недѣлю я буду въ морѣ. Австрійцы, повѣривъ ему на слово, немедленно ворвались съ 84,000 въ Баварію, не дождавшись прибытія Русскихъ. Они надѣялись этимъ увлечь курфирста, чтобы имъ доставило 20,000 подкрѣпленія и выгоду перенесть театръ войны на Рейнъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это отдаляло соединеніе съ русскими войсками и увеличивало всѣ трудности выполнить его.

Они вдвойнѣ обманулись въ разсчетѣ: Максимиліанъ, узнавъ о намѣреніяхъ непріятеля, приготовился къ отъѣзду изъ Мюнхена, и только что Австрійцы перешли Иннъ, онъ удалился въ Вюрцбургъ со всѣмъ

(*) Запрещеніе выходить судамъ изъ гаваней.

Владиміръ [illegible]
Крамарск[illegible]

своимъ дворомъ и арміею. Австріійцы продолжали однако же свой походъ, хотя онъ былъ уже послѣ этого безразсуденъ, и не имѣлъ вовсе никакой цѣли. Вошедъ въ Баварію и перейдя Изеръ и Лехъ, они расположились на Дунаѣ и Иллерѣ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ ими предводительствовалъ только по имени: онъ имѣлъ приказаніе слѣпо повиноваться генералу Макку, котораго вся Германія признавала за великаго полководца, хотя онъ показалъ свою неспособность во Фландріи и Неаполѣ. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ занималъ съ 40,000 Тироль; другая армія, силою во 100,000, подъ начальствомъ эрцъ-герцога Карла, шла на Эчъ, чтобы ворваться въ Италію.

Извѣстіе о непріязненныхъ приготовленіяхъ вѣнскаго кабинета и дѣйствіяхъ его противъ Баваріи и Италіи, дошло до меня почти въ одно время съ извѣстіемъ о сраженіи, данномъ Вилльнёвомъ Кольдёру, и объ отплытіи его къ Виго.

Еслибъ эта экспедиція была даже моимъ единственнымъ планомъ, то при такихъ обстоятельствахъ отъ него слѣдовало отказаться. Моя армія, на все готовая, въ сутки поворотила на право, и направилась въ Германію: почты были остановлены; наши колонны уже шесть дней шли въ Лотарингію, а въ Парижѣ думали еще, что онѣ садятся на суда. Однакожъ я не могъ оставить всю мою флотилію безъ защиты отъ нападенія Англичанъ: я сформировалъ въ Булонѣ корпусъ изъ третьихъ (резервныхъ) батальоновъ арміи и ввѣрилъ начальство надъ ними Брюну. Другой корпусъ, подъ начальствомъ Колло, охранялъ Антверпенъ и Флесспингенъ; сверхъ того, въ Страсбургѣ, Майнцѣ, Юлихѣ и Александріи были учреждены четыре запасные лагеря. Маршалы Лефебръ и Келлерманъ образовывали въ Майнцѣ конскриптовъ, назначенныхъ въ корпуса большой арміи и формировали изъ нихъ, до поступленія на мѣста назначенія, резервныя дивизіи и гарнизоны. Независимо отъ этихъ подвижныхъ силъ, слѣдовало совершенно обезпечить наши и голландскіе берега и приготовить вспомогательныя средства, чтобы дѣйствовать за границею всѣми силами государства. Я возстановилъ полезное учрежденіе національной гвардіи, предоставивъ однако себѣ право распоряжаться ея организаціею и опредѣленіемъ времени и числа назначаемыхъ къ выступленію разныхъ частей ея. При нуждѣ это средство могло намъ дать для внутренняго охраненія 100,000 человѣкъ, а это не бездѣлица. Назначена была конскрипція въ 80,000, чтобы во время обезпечить рекрутскій наборъ и такимъ образомъ комплектовать дѣйствующіе корпуса. Значительные торги были заключены на устройство въ Страсбургѣ транспортовъ для артиллерійскихъ обозовъ съ лошадьми и проводниками, нанятыми въ Альзасѣ, Швейцаріи и Лотарингіи.

Я также долженъ былъ полагать, что Англичане и Русскіе возобновятъ предположеніе сдѣлать высадку въ Голландію, или по крайней мѣрѣ завладѣть Ганновером; утвердясь въ этой странѣ, они бы могли безпокоить батавскую республику. Я предложилъ Пруссіи занять это курфиршество,

оставляемое Бернадоттомъ, шедшимъ въ Австрію, и въ ожиданіи, на что она рѣшится, ввѣрилъ начальство надъ Бельгіею и Голландіею моему брату Людовику.

На Массену, имѣвшаго въ Италіи 50,000 войска, возложено было противустать вдвое сильнѣйшимъ войскамъ эрцъ-герцога Карла. Сенъ-Сиръ долженъ былъ завладѣть Неаполемъ и распустить неаполитанскую армію, прежде нежели Англичане и Русскіе могли бы его предупредить и напасть на него: но по заключеніи договора о неутралитетѣ, подписаннаго 27 Сентября герцогомъ Гаэло, неаполитанскимъ министромъ, по которому земли его государя должны были быть обеспечены отъ нападеній Англичанъ и коалиціи, Сенъ-Сиръ поспѣшилъ очистить королевство и идти къ Эчу для подкрѣпленія Массены.

Я предоставилъ себѣ командовать большою арміею (*) и наказать Макка за дерзость, съ которою онъ самъ шелъ подъ наши удары. Мои колонны направлялись къ Рейну съ величайшею быстротою. Кавалерійскіе резервы, подъ командою Мюрата, подкрѣпляемые корпусомъ Ланна перешли эту рѣку 25 Сентября уКеля, и угрожали выходамъ Шварцвальда, чтобъ обмануть непріятеля и маскировать движенія, которыхъ цѣлью было обойти правый флангъ Австрійцевъ. 26 Сентября переправились корпуса Нея, Сульта и Даву; первый, вышедъ у Карлсруэ, направился на Штутгардъ. Курфирстъ виртембергскій не пропустилъ его главной квартиры въ Луисбургъ, а курфиршескія войска, не получивъ надлежащихъ приказаній, заперли ему ворота Штутгарда. Ней вывезъ артиллерію, чтобъ ихъ выбить. Генералъ Фуль почелъ за лучшее отворить ихъ, что не было одобрено его государемъ. Сультъ перешелъ рѣку у Шпейера и двинулся къ Гейльбруну, а Даву, переправившись при Мангеймѣ, направился къ Неккаръ-Эльсу; Мармонъ перешелъ у Бараге д'Илліс.

(*) Состояніе большой арміи въ 1805 году.

Баварцы, двѣ дивизіи: Вреде и Деруа.

1-й корпусъ, Бернадоттъ; пѣхотныя дивизіи: Друэ, Рено; кавалерія, Келлерманъ.

2-й корпусъ, Мармонъ; пѣхотныя дивизіи: Буде, Груши, Дюмонсо; кавалерія, Гершъ.

3-й корпусъ, Даву; пѣхотныя дивизіи: Биссонъ, Фріанъ, Гюденъ; кавалерія Фоконе.

4-й корпусъ, Сультъ; пѣхотныя дивизіи: Сентъ-Илеръ, Вандамъ, Легранъ, кавалерія Маргаронъ.

5-й корпусъ, Ланнъ; пѣхотныя дивизіи: Сюше, Газанъ, Удино; сводные гренадеры.

6-й корпусъ, Ней; пѣхотныя дивизіи: Дюпонъ, Луазонъ, Малеръ; кавалерія, Колберъ; пѣшіе драгуны, подъ начальствомъ

7-й корпусъ, Ожеро; пѣхотныя дивизіи: Дежарденъ, Матіё.

Кавалерійскій резервъ подъ начальствомъ Мюрата.
- дивизіи кирасирскія: Нансути, д'Опуль.
- дивизіи драгунскія: Клейнъ, Вальтеръ, Бомонъ, Бурсье.
- дивизія легкая: Трельяръ.

Гвардія: Мортье, пѣшая 8 баталіоновъ; Бессьеръ, конная 14 эскадроновъ.

Пр. Сультъ имѣлъ сначала 4 дивизіи; но Сюше былъ потомъ откомандированъ. Мортье въ послѣдствіи получилъ корпусъ, въ составъ котораго поступили изъ другихъ корпусовъ пѣхотныя дивизіи: Дюпона, Газана и Дюмонсо.

Майнца и двинулся въ Вюрцбургъ, гдѣ нашелъ корпусъ Бернадотта, шедшій изъ Ганновера и соединенный съ баварскою арміею, простиравшеюся до 25,000.

Между тѣмъ, какъ исполнялись эти приготовительныя движенія, я старался привлечь на свою сторону виртембергскаго курфирста, нѣсколько обиженнаго насильственнымъ входомъ Нея въ его столицу. Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Луисбургъ, я заключилъ съ нимъ трактатъ, по которому получилъ 8,000 вспомогательнаго войска. Три недѣли передъ тѣмъ я уже заключилъ подобный договоръ съ курфирстомъ баденскимъ на 4,000 человѣкъ. Гессенъ-дармштатскій курфирстъ обѣщалъ столько же; эти войска не принимали никакаго участія въ войнѣ; но онѣ служили къ охраненію моихъ сообщеній; это было выгоднѣе нежели видѣть ихъ въ рядахъ непріятельскихъ.

Всѣ силы, какія я имѣлъ подъ рукою на правомъ берегу Рейна, считая и Баварцевъ, простирались до 180,000 человѣкъ. Я рѣшился воспользоваться этимъ превосходствомъ для уничтоженія непріятельской арміи, зайдя ей въ тылъ и прервавъ такимъ образомъ сообщенія ея съ Русскими, шедшими изъ Моравіи. Корпуса Нея, Сульта, Ланна, кавалерія Мюрата и моя гвардія двинулись на Донаувертъ и Диллингенъ, корпуса Даву и Мармона въ Нёйбургъ, а Бернадоттъ съ Баварцами на Ингольштадтъ. Мармонъ и Бернадоттъ прошли во время своего марша княжество аншпахское, владѣніе Пруссаковъ, надѣявшихся на свой неутралитетъ. Это обстоятельство, которое я почиталъ ничтожнымъ, судя по происшествіямъ въ 1796 и 1800 годахъ, поссорило насъ съ Пруссіею (*). Ожеро, шедшій съ 7 корпусомъ изъ Бреста и долженствовавшій по этому сдѣлать болѣе переходовъ, былъ назначенъ прикрывать нашъ правый флангъ со стороны Граубиндена и охранять пространство между Рейномъ и верхнимъ Дунаемъ.

Австрійцы сдѣлали ошибку, начавъ слишкомъ рано непріязненныя дѣйствія; но ихъ можно было извинить тѣмъ, что они питали надежду привлечь, волею или неволею, Баварію на свою сторону; но когда дворъ и армія оставили Мюнхенъ и перешли въ Вюрцбургъ, то непонятно, за чѣмъ Маккъ продолжалъ наступать до Ульма и тамъ остановился. Если онъ имѣлъ хотя малѣйшее извѣстіе о быстротѣ, съ которою моя армія подвигалась изъ Булоня къ Рейну, то непростительно рисковалъ успѣхомъ всей кампаніи, ведя отдѣльно въ бой силы, когда только успѣшное соединеніе ихъ съ Русскими могло доставить побѣду коалиціи; еслижъ онъ ничего не зналъ, то это еще страннѣе потому что всей Германіи это было извѣстно.

Я не терялъ ни минуты, чтобы показать Макка за его грубую ошибку. Мы были расположены на Дунаѣ, какъ въ 1800 году на По. Дѣйствія самаго Макка намъ удивительно

(*) Въ 1796 году, Журданъ и Эрцъ-Герцогъ Карлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ проходили неутральныя владѣнія Пруссаковъ; въ 1800 году, Старрай и Ожеро дали сраженіе около Нюренберга, также на землѣ, имъ принадлежащей.

помогали. Этотъ знаменитый ученикъ Ласси не могъ ни на что рѣшиться. Онъ надѣялся прикрыть линію Дуная, направивъ свой правый флангъ, подъ командою генерала Кинмайера къ Райну, центръ на Гунтцбургъ, а лѣвый флангъ подъ ульмскія укрѣпленія. Онъ выстраивалъ такимъ образомъ боевый порядокъ, фронтомъ къ Рейну. въ то самое время, когда мы выходили уже на окопечности его линіи, чтобъ напасть на него съ тылу.

Кинмайеръ былъ слишкомъ слабъ, чтобы воспрепятствовать намъ перейти Дунай. 6 Октября Вандаммъ, подкрѣпленный другими дивизіями Сульта, овладѣлъ донаувертскимъ мостомъ; на другой день Мюратъ переправился съ своею кавалерісю на правый берегъ и, перейдя Лехъ открытою сплою, дошелъ до Райна. Кинмайеръ отступилъ на Айху. Даву и Мармонъ шли по тому же направленію, черезъ Нёйбургъ. Сультъ, 8-го, двинулся изъ Донауверта прямо къ Аугсбургу. Ней поднялся вверхъ по лѣвому берегу Дуная изъ Диллингена къ Гунцбургу, а Мюратъ и Ланнъ, вверхъ по правому берегу. Пришедъ въ Вертингенъ, они встрѣтили тамъ отрядъ изъ 12 баталіоновъ, подъ начальствомъ генерала Ауффенберга, посланный Маккомъ слишкомъ поздно изъ Инспрука на помощь Кинмайеру. Наша кавалерія, подкрѣпленная гренадерами Удино, разсѣяла этотъ корпусъ и взяла 3,000 плѣнныхъ. Съ другой стороны, Кинмайеръ не осмѣлился принять бой, и отступилъ къ Изеру. 9-го Сультъ прибылъ въ Аугсбургъ, куда также явился и Мармонъ. Даву направился черезъ Айху. Мюратъ остановился съ своею кавалерісю въ Цумарсгаузенѣ. Такимъ образомъ болѣе 120,000 человѣкъ, разлились подобно грозному потоку на всѣхъ сообщеніяхъ непріятеля съ Вѣною.

Маккъ, совершенно не понимая нашихъ дѣйствій, полагалъ избѣгнуть опасности, сдѣлавъ перемѣну фронта назадъ; онъ растянулъ свой правый флангъ до Меммингена, а центръ между Иллеромъ и Гунцбургомъ, оставя лѣвый флангъ подъ Ульмомъ, и не составивъ никакаго рѣшительнаго плана, чтобы противустать ударамъ, ему угрожавшимъ (*). Я отдалъ приказаніе Бернадотту и Даву двинуться къ Мюнхену, какъ для преслѣдованія Кинмайера, такъ и для удержанія русской арміи, которая шла къ нему на помощь и уже миновала Линцъ. Сультъ былъ направленъ черезъ Ландсбергъ къ Меммингену, чтобъ отрѣзать Макку путь въ Тироль. Я же самъ пошелъ къ Ульму по правому берегу Дуная съ кавалерісю Мюрата и корпусами Ланна и Мармона.

Но недостаточно было отрѣзать Макка отъ основанія его дѣйствій на Инѣ и отъ большой дороги, ведущей черезъ Мюнхенъ въ Вѣну; цѣль этого генерала была соединиться съ Русскими и онъ легко могъ достигнуть Богеміи, слѣдуя изъ Ульма по правому берегу Дуная на Нордлингенъ и Мангеймъ. Тѣмъ болѣе слѣдовало опасаться этого движенія, что непріятель, зашедъ намъ въ тылъ,

(*) Такъ какъ Австрійцы ничего не печатали о несчастіяхъ этого похода, то и нельзя было достовѣрно узнать планы и соображенія Макка.

захватилъ бы наши парки, обозы и отсталыхъ, и разрушивъ мосты на Дунаѣ, обезопасилъ бы себя противъ нашихъ ударовъ. Я предвидѣлъ всѣ эти неудобства и усилилъ Нея дивизіею Газана, драгунами Бараге д'Илье и кавалерійскою дивизіею Бурсье. Ему было предписано подняться по лѣвому берегу Дуная съ 40,000 войска, во первыхъ, чтобы прикрыть наши сообщенія, во вторыхъ, чтобы отрѣзать сообщенія непріятеля и въ третьихъ, чтобы маскировать Ульмъ, единственный пунктъ для дебушпированія Австрійцевъ. Однако же, чтобы не лишиться столь значительной части силъ, я приказалъ Нею овладѣть мостами на Дунаѣ, переправить черезъ нихъ авангарды, поручивъ имъ защищать эти мосты и увѣдомлять маршала о происходящемъ на моей сторонѣ, чтобъ онъ могъ принять участіе въ рѣшительномъ сраженіи, если бы оно произошло недалеко отъ него. Онъ имѣлъ славное дѣло въ Гунцбургѣ, гдѣ овладѣлъ мостомъ; онъ захватилъ также мосты эльхингенскій и лейпгеймскій. Его правый флангъ, подъ начальствомъ Дюпона занялъ позицію у Альбека. Мюратъ, прибытіемъ своимъ въ Бургау, облегчилъ эти успѣхи, зашедши въ тылъ войскамъ, противупоставленнымъ Нею.

Хотя мы были многочисленнѣе непріятеля, но мои сложныя движенія разсѣяли армію; помня нашу неудачу при Маренго, я думалъ избѣгнуть подобнаго несчастія, ввѣривъ Мюрату войска Нея, Ланна и кавалерійскіе резервы, чтобы дать болѣе единства моимъ отрядамъ. Эта предосторожность дозволяла мнѣ самому устремиться на встрѣчу Русскимъ, еслибъ они вышли на Мюнхенъ, ранѣе совершеннаго разбитія Макка. Я послѣ въ этомъ раскаялся: Мюратъ не постигъ причины наставленій, данныхъ мною Нею; онъ вообразилъ, что непріятель сосредоточивался на Иллерѣ, для того чтобъ принять за основаніе Тироль, и потому приказалъ Нею совершенно оставить лѣвый берегъ Дуная, и двинуться изъ Гунцбурга и Эльхингена на Роту, а оттуда къ Ульму и Виблингену. Это значило совершенно открыть дорогу въ Богемію и наши сообщенія. Къ счастію Нея только частью исполнилъ эти приказанія: онъ двинулъ дивизію Луазона изъ Эльхингена къ Ротѣ, намѣревался соединиться съ нею черезъ Лейпгеймъ въ Киссендорфѣ; но вопреки приказанію великаго герцога бергскаго, оставилъ на лѣвомъ берегу рѣки дивизіи Дюпона и Бараге д'Илье.

Извѣстясь объ этомъ уже въ послѣдствіи, я получилъ высокое мнѣніе о дарованіяхъ Нея: но потомъ я узналъ, что обязанъ былъ этимъ одному изъ его офицеровъ.

Маккъ совершенно потерялся, видя наши смѣлыя и быстрыя дѣйствія; наконецъ, опомнясь, онъ почувствовалъ, что время искать средства выпутаться изъ своего опаснаго положенія. Собранъ былъ военный совѣтъ, и послѣ долгихъ преній, рѣшили, какъ говорятъ, чтобы эрцъ-герцогъ Фердинандъ, съ 20,000 отборнаго войска, пробился по дорогѣ на Гейденгеймъ и Нордлингенъ (*);

(*) Австрійцы ничего не издали объ этой несчастной для нихъ кампаніи, и мы знаемъ объ ихъ дѣйствіяхъ только по

Маккъ, для прикрытія этого движенія, рѣшился удерживать Ульмъ съ остальною частью арміи, надѣясь безъ сомнѣнія пробраться потомъ въ Тироль. Если дѣйствительно австрійскіе генералы приняли планъ этого эксцентрическаго отступленія по методѣ Бюлова, то они достойно увѣнчали всѣ сдѣланныя ими ошибки. Для спасенія ихъ, имъ слѣдовало оставить въ Ульмѣ 4,000 человѣкъ гарнизона, а остальныя силы собрать въ массу, и стараться пробиться или въ Богемію, или въ Тироль, а не разсыпаться по всѣмъ дорогамъ, доставляя мнѣ этимъ возможность истребить по частямъ всю армію.

Какъ бы то ни было, но корпусъ въ 25,000 вышелъ изъ Ульма по лѣвому берегу, въ тотъ самый день, когда Ней, дурно направленный Мюратомъ, оттянулъ обратно дивизію Луазона изъ Эльхингена на Роту, и чтобы соединиться съ нею, вышелъ самъ изъ Гунцбурга съ дивизіею Малера. Мои генералы, казалось, сговорились очистить непріятелю свободный проходъ, чего онъ ни какъ не долженъ былъ ожидать. Къ довершенію неудачи, Бараге д'Илье, получившій приказаніе соединиться съ Дюпономъ въ Альбекѣ, чтобы вмѣстѣ итти на Ульмъ, не исполнилъ этого. Дюпонъ прибывъ одинъ, 11 Октября, въ деревню Гаслахъ съ 6 баталіонами и 3 полками кавалеріи, наткнулся на главныя силы Макка. Счастіе поправило эти ошибки. Австрійскій генералъ хотѣлъ растянуть свои фланги, чтобъ окружить нашъ малый отрядъ: его многочисленная кавалерія сдѣлала слишкомъ дальнее движеніе влѣво; между тѣмъ Дюпонъ сосредоточилъ свои силы въ центрѣ у Юнгингена. Эта деревня переходила изъ рукъ въ руки до 6-ти разъ. 9-я легкая полубригада, заслужившая подъ Маренго названіе несравненной и храбрая 32-я, краса бывшей италіянской арміи, обезсмертили себя въ этотъ день. Благодаря ихъ мужеству, Дюпонъ прорвалъ 1-ю непріятельскую линію, окружилъ и взялъ отдѣльно стоявшую колонну, удержался до ночи, и до разсвѣта началъ отступать къ Альбеку, ведя до 3,000 плѣнныхъ. Правда, онъ оставлялъ поле сраженія, усѣянное третью его дивизіи; кавалерія, заскакавшая ему въ тылъ, взяла 9 орудій и весь его обозъ; но онъ съ 7,000 восторжествовалъ надъ 20,000 непріятелей и удержалъ ихъ движеніе: онъ возвращался, покрытый славою и трофеями. Бараге д'Илье, который долженъ былъ ему помочь, остановился въ Лангенау, подъ предлогомъ, что боялся подвергать явной опасности свои войска; странный образъ помогать своему товарищу! На другой день Ней, введенный въ заблужденіе Мюратомъ, который все еще предполагалъ дать сраженіе на Иллерѣ, отозвалъ обратно Дюпона въ Гунцбургъ, боясь оставить его одного на лѣвомъ берегу.

Я узналъ 12-го, въ Аугсбургѣ, о движеніяхъ, предписанныхъ Нею Мюратомъ; я имѣлъ прежде намѣреніе итти

наслышкѣ. Одни говорятъ, что военный совѣтъ былъ слѣдствіемъ гунцбургскаго сраженія 10 числа; по словамъ другихъ, онъ былъ собранъ послѣ Эльхингенскаго дѣла, происшедшаго въ ночь съ 14 на 15 число. Эрцгерцогъ и Маккъ не были согласны въ ихъ мнѣніяхъ.

съ Даву на Мюнхенъ, гдѣ опасались приближенія Русскихъ и эрцъ-герцога Іоанна; но, видя что безъ моего личнаго присутствія, на Дунаѣ будутъ дѣлать только глупости, я поспѣшилъ въ Пфаффенгофенъ, а гвардію мою направилъ на Гунцбургъ. Мармонъ двинулся къ Иллеру; Ланну было поручено охранять Вейсенгорнъ и Пфуль; Сультъ свернулъ отъ Ландсберга на Меммингенъ, чтобъ занять дорогу въ Тироль. 13 утромъ, я получилъ донесеніе о неравномъ боѣ, выдержанномъ Дюпономъ; нельзя было терять времени; я поспѣшилъ въ Киссендорфъ, главную квартиру Нея, которому я уже приказалъ черезъ Бертье снова занять эльхингенскую позицію, не понимая, что могло побудить оставить ее. Ней направился въ Фалльгеймъ, намѣреваясь снова взять эльхингенской мостъ, гдѣ слышна была довольно сильная канонада.

Маккъ, извѣщенный 12-го объ отступленіи Дюпона, послалъ вслѣдъ за нимъ къ Альбеку корпусъ Вернека; корпусъ Лаудона долженъ былъ итти въ Эльхингенъ, чтобъ занять этотъ пунктъ. Австрійскій генералъ не зналъ что начать; только что отлѣлавшись отъ Дюпона, онъ узналъ, что Сультъ напалъ на оконечность его праваго фланга въ Меммингенѣ, окружилъ въ этомъ городѣ дивизію Спангена и оттѣснилъ отрядъ Вольфскеля на Оксенгаузенъ. Онъ поспѣшно отправилъ изъ Ульма генерала Елашича для прикрытія этой дороги, а въ случаѣ возможности и для освобожденія Спангена. Но уже было поздно: окруженный 25,000 войска въ городѣ, обнесенномъ стѣною и старымъ валомъ, лишенный жизненныхъ и военныхъ припасовъ, Спангенъ сдался 13-го, почти съ 7,000 Австрійцевъ. Мысль послать Вернека на Гейденгеймъ, между тѣмъ какъ Елашичъ шелъ на Биберахъ, достаточно поясняетъ съ какимъ непріятелемъ мы имѣли дѣло.

Австрійскія дивизіи Лаудона и Риша, расположенныя на эльхингенскихъ высотахъ, должны были прикрывать движеніе Вернека и всей арміи, которая готовилась за нимъ слѣдовать. Этотъ авангардъ ихъ, который во время моего прибытія въ Киссендорфъ атаковалъ эльхингенскій мостъ, защищаемый генераломъ Малеромъ съ однимъ полкомъ. Чтобъ прикрыть себя отъ многочисленнаго непріятеля, начальствовавшій тамъ офицеръ велѣлъ разрушить одну арку моста и отступилъ на правый берегъ. Ней, видя, что все предсказанное имъ Мюрату сбывается, поспѣшилъ собрать дивизію Малера и двинулся самъ съ дивизіею Луазона. Австрійцамъ, угрожаемымъ въ свою очередь приближеніемъ этихъ силъ, оставалось только сжечь остатки моста; однакожъ они не успѣли исполнить это вполнѣ.

Ней сдѣлалъ всѣ приготовленія чтобъ исправить мостъ и снова перейти на лѣвый берегъ, который онъ занималъ три дня тому назадъ. Такимъ образомъ, при моемъ прибытіи, я нашелъ, что все зло исправлено и что мои планы поняты и отлично выполнены: оставалось сообразить средства придвинуть туда же остальную часть моей арміи. Ланнъ, занимавшій противъ Ульма Пфуль и Кирхберхъ, долженъ былъ приготовиться поддержать въ случаѣ нужды

Нея; Мармонъ получилъ приказаніе смѣнить Ланна съ его позиціи и расположиться на обоихъ берегахъ Иллера. Сультъ, заставивъ Австрійцевъ, окруженныхъ имъ въ Мемминген, положить оружіе, двинулся по направленію къ Ахштеттену, чтобы отрѣзать дорогу въ Биберахъ. Дюпонъ, получившій приказаніе снова наступать изъ Бренца на Альбекъ, долженъ былъ поддерживать Нея въ его атакѣ на Эльхингенъ. Такимъ образомъ все было приготовлено къ совершенному окруженію непріятеля. Чтобы не предпринялъ онъ, его погибель была не избѣжна и зависѣла отъ успѣха сраженія 14 Октября.

Нѣсколько дней сряду продолжалась ужасная погода: мы стояли въ грязи по колѣна; Дунай выступилъ изъ береговъ; мостъ, частью сожженный, былъ исправленъ, но не совсѣмъ хорошо. 14 Октября утромъ погода прояснилась. Ней мужественно перешелъ на разсвѣтѣ мостъ со стрѣлками 6 легкаго и гренадерами 39 полковъ. Деревня Эльхингенъ возвышается амфитеатромъ на крутомъ берегу Дуная, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи; она окружена садами со стѣнами, командующими постепенно другъ надъ другомъ; огромный монастырь вѣнчаетъ вершину возвышенности. Это одинъ изъ крѣпчайшихъ пунктовъ, какіе только можно себѣ вообразить. Надобно было овладѣть первыми домами, чтобы прикрыть переходъ и построеніе войскъ, и потомъ тѣснить непріятеля изъ дома въ домъ, по мѣрѣ прибытія нашихъ отрядовъ. Подобный подвигъ, произведенный въ виду 15,000 войска и 40 орудій, требовалъ всей неустрашимости Нея, никогда не обнаружившаго столь блестящаго мужества, какъ въ этомъ случаѣ (*). Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ успѣховъ монастырь былъ взятъ 6 легкимъ полкомъ и вся дивизія успѣла выстроиться на площадкѣ, обойдя лѣвый флангъ непріятеля черезъ часовню св. Вольфганга. Тутъ закипѣлъ настоящій бой; Ней видѣлъ, что ему надлежало произвесть перемѣну фронта, чтобъ не быть опрокинутымъ въ Дунай и чтобъ очистить переходъ черезъ него; но вытянувъ свое правое крыло на высоты, онъ долженъ былъ обеспечить лѣвое, составлявшее рѣшительный пунктъ, гдѣ Австрійцы удерживались подъ покровительствомъ лѣса и могли снова взять Эльхингенъ. Храброму 69 полку было поручено взять этотъ лѣсъ, который долженъ былъ сдѣлаться опорою нашей новой линіи. Этотъ полкъ бросился въ дѣло съ непомѣрною смѣлостью, посѣялъ смерть и страхъ въ рядахъ непріятеля и преодолѣлъ всѣ преграды.

Въ это самое время кавалерія Кольбера и Бурсье, поддерживаемая пѣхотою Луазона, исполнила блестящую атаку; вскорѣ дивизія Малера перешла въ свою очередь мостъ и дала Нею возможность продолжать его успѣшныя дѣйствія. Разбитый непріятель былъ отброшенъ черезъ Кесселбрунъ на Гаслахъ, въ направленіи

(*) Онъ имѣлъ довольно жаркій споръ съ Мюратомъ, и какъ бы вызывая его на испытаніе храбрости, онъ, въ полномъ мундирѣ, направлялъ самъ голову каждаго батальона. Находясь всюдѣ, гдѣ было болѣе опасности, онъ, казалось, искалъ погибели: смерть не смѣла сразить безстрашнаго.

къ Ульму, съ потерею 20 орудій и 3,000 плѣнныхъ; одинъ только отдѣльный корпусъ успѣлъ направиться по дорогѣ въ Альбекъ, куда, какъ все заставляло полагать, дивизіи Луазона назначено было двинуться вслѣдъ за Вернекомъ. Ней, извѣщенный, что близь праваго его фланга находится непріятельскій отрядъ, полагалъ опаснымъ провести ночь на гаслахскихъ высотахъ и возвратился, для удобнѣйшаго прикрытія мостовъ, на альбекскія высоты, гдѣ и расположилъ свою главную квартиру.

Между тѣмъ какъ Ней собиралъ столь дорого купленныя лавры, Дюпонъ между Альбекомъ и Лангенау сражался съ пѣхотою Вернека, которая, по видимому, хотѣла дѣйствовать наступательно.

15 по утру, арміи были еще въ виду одна другой, но въ такомъ положеніи, что погибель непріятеля казалась неизбѣжною. Маккъ занималъ прежнимъ лѣвымъ своимъ флангомъ, превратившимся въ правый, высоты Лара и Морингена, впереди Ульма. Войска Вернека были растянуты къ сѣверу за Альбекъ, по направленію къ Нерешштеттену.

Дождь, переставшій 14, снова пошелъ сильнѣе прежняго; не смотря на ужасную погоду, наши войска удвоили усилія, одушевленныя увѣренностію въ побѣдѣ. Ней направилъ дивизіи Луазона и Малера къ Гаслаху, кавалерія моей гвардіи ихъ поддерживала. Дюпонъ, отдѣленный еще отъ насъ, находился между Альбекомъ и Лангенау противъ силъ превосходныхъ. Ланнъ перешелъ эльхингенскій мостъ и старался возстановить мостъ у Тальфингена, чтобъ поддержать Нея; Мармонъ занялъ его мѣсто на ифульскихъ высотахъ и у кирхбергскаго моста на Иллерѣ; Сультъ продолжалъ приближаться къ Ульму по дорогѣ, ведущей отъ Бибераха; наконецъ Мюратъ съ своею кавалеріею, также дебушировалъ изъ Эльхингена на высоты лѣваго берега рѣки.

Изъ этого расположенія видно, что Австрійцы, ставъ тыломъ къ Рейну, казалось, заняли мѣсто моей арміи, которая въ свою очередь, какъ будто шла изъ Вѣны и заняла мѣсто Австрійцевъ. Это было повтореніе сраженія при Маренго, но представлявшее намъ еще болѣе выгодъ и надежды на успѣхъ. Бой не долго продолжался; Маккъ, потерявъ надежду держаться подъ стѣнами Ульма, вошелъ въ городъ (*), арріергардъ его былъ сильно тѣснимъ; на всѣхъ пунктахъ непріятель бѣжалъ въ безпорядкѣ.

Ульмъ, окруженный хорошими бастіонными фронтами съ водяными рвами, расположенъ въ долинѣ, надъ которою господствуютъ михельсбергскія и тюллерійскія высоты. Край расположилъ тамъ въ 1800 году укрѣпленный лагерь, единственный способъ долго защищать этотъ пунктъ. Эти наружныя укрѣпленія были уже срыты: Маккъ принялся ихъ возобновлять, но эта работа была только что начата. Ней бросился съ дивизіею Малера на Михельсбергъ и взялъ редутъ, въ слѣдъ за нимъ

(*) Полагаютъ, что тутъ только эрцъ-герцогъ Фердинандъ, видя, что сообщеніе съ Вернекомъ прервано, рѣшился выступить съ 5000 кавалеріи, чтобъ съ нимъ соединиться и достигнуть Богеміи.

направлялся Луазонъ. Сюше овладѣлъ тюллерійскимъ укрѣпленіемъ.

Занявъ Михельсбергъ и обозрѣвая Ульмъ, Ней замѣтилъ нѣсколько австрійскихъ войскъ внѣ города, и послалъ къ штутгардскимъ воротамъ 50-й полкъ. Цѣль его была устрашить непріятеля и потомъ заставить его сдаться, потому что не было сдѣлано никакаго распоряженія, чтобы поддержать эту атаку. Храбрый 50-й полкъ, досадуя, что не принималъ участія въ эльхингенскомъ сраженіи, съ яростію бросился на непріятеля, и смѣшавшись съ нимъ, проникъ до самыхъ воротъ города; одинъ батальонъ бросился даже на право въ укрѣпленіе. Сюше, видя эту атаку, послалъ туда 17-й легкій полкъ, не зная цѣли Нея: этотъ полкъ смѣшался съ 50; но Австрійцы, замѣтивъ, что натискъ не поддержанъ, ободрились, взяли въ плѣнъ часть войскъ, проникнувшую въ городъ и опустили рѣшетку. Ней послалъ офицера въ Ульмъ, требовать сдачи, угрожая Макку новою, сильнѣйшею атакою.

Между тѣмъ, какъ происходили эти дерзкія попытки противъ Ульма, Вернекъ тѣснилъ Дюпона между Альбекомъ и Лангенау. Не извѣстно, хотѣлъ ли Вернекъ, отрѣзанный отъ Ульма эльхингенскимъ сраженіемъ, соединиться съ Маккомъ, или думалъ только завладѣть Лангенау для прикрытія своего отступленія; но мнѣ трудно было повѣрить этому донесенію. Видя наконецъ изъ положенія дѣлъ, что непріятель точно разрѣзанъ на двѣ части, я тотчасъ приказалъ Мюрату двинуться съ 3-мя дивизіями драгунъ черезъ Альбекъ на помощь Дюпону, и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для подкрѣпленія драгунами постовъ въ Гунцбургѣ и Донаувертѣ. Я старался только уничтожить ту часть непріятельскихъ войскъ, которая заперлась въ Ульмѣ, будучи увѣренъ, что другая не уйдетъ отъ нашей кавалеріи. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ возвратился въ Ульмъ вмѣстѣ съ Маккомъ; но видя позорную и неизбѣжную участь остатковъ его арміи, рѣшился броситься со всею своею кавалеріею черезъ Гейслингенъ на Аленъ, чтобы тамъ соединиться съ пѣхотою Вернека и достигнуть вмѣстѣ Богеміи (*).

На другой день, 16-го, я велѣлъ бросить въ Ульмъ нѣсколько гранатъ и послалъ полковника Сегюра къ Макку съ предложеніемъ о сдачѣ, угрожая ему приступомъ и гибелью всего гарнизона: я уполномочилъ его дать 6 дней срока. Маккъ требовалъ 8 дней; онъ полагалъ, что Русскіе были въ Дахау и могли въ это время подкрѣпить его; онъ объявилъ парламентеру, что прежде съѣстъ 3000 лошадей, у него бывшихъ, нежели сдастся; это значило признаться въ недостаткѣ жизненныхъ припасовъ, и я очень хорошо зналъ, что его нападеніе было слишкомъ быстро, чтобъ дозволить ему достаточно снабдить магазейны. Все, что онъ привезъ съ собою или собралъ посредствомъ реквизиціи, было едва достаточно для продовольствія на

(*) Таковы донесенія, полученныя Наполеономъ; другія же извѣстія увѣряютъ, что эрцъ-герцогъ началъ свое отступленіе до эльхингенскаго сраженія.

двѣ недѣли, проведенныя имъ безъ всякой пользы на Иллерѣ.

Сегюръ былъ вторично посланъ въ Ульмъ 17-го; Бертье вскорѣ за нимъ послѣдовалъ, и послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, Маккъ прислалъ въ мою главную квартиру князя Лихтенштейна, чтобъ кончить это дѣло. Я ему представилъ въ самомъ мрачномъ видѣ отчаянное положеніе, въ которомъ находились Австрійцы; намекнулъ о приступѣ, припомнивъ ему, что въ Яффѣ упрямство шейка заставило меня предать мечу 4,000 Турокъ: онъ возвратился вполнѣ увѣренный, что оставалось одно только средство: сдаться на капитуляцію.

Увѣренный, что Бернадоттъ, Вреде и Даву занимаютъ Мюнхенъ, что эрцъ-герцога Фердинанда преслѣдуютъ на дорогѣ къ Нордлингену превосходныя силы, и что Русскіе не думали еще переходить Инъ; однимъ словомъ, считая совершенно невозможнымъ получить скорую помощь, австрійскій фельдмаршалъ рѣшился сдать городъ 25 Октября, если до истеченія этого срока не будетъ освобожденъ; а до того времени онъ сдалъ одни ворота Нею. Я тотчасъ же отрядилъ Ланна на Аленъ, чтобы содѣйствовать Мюрату въ преслѣдованіи эрцъ-герцога.

Спустя сутки послѣ заключенія этого условія, мы получили извѣстіе о блистательныхъ успѣхахъ, одержанныхъ Мюратомъ надъ эрцъ-герцогомъ Фердинандомъ. Неутомимый въ случаѣ удачи, Мюратъ настигъ сначала арріергардъ Вернека, 16-го у Лангенау. Рекогносцировать, атаковать вмѣстѣ съ Дюпономъ и опрокинуть непріятеля было для него дѣломъ одной минуты. Онъ взялъ 2,000 плѣнныхъ, и до разсвѣта отправился преслѣдовать главный корпусъ по дорогѣ въ Нересгеймъ. Затрудненный 500 артиллерійскими повозками и обозомъ, Вернекъ не могъ не быть настигнутъ нашими войсками, которымъ побѣда придавала крылья; принужденный принять невыгодный бой, онъ потерялъ еще около 1,000 человѣкъ. Эрцъ-герцогъ, чтобъ ускорить свое отступленіе, снова отдѣлился отъ пѣхоты Вернека и направился по дорогѣ въ Нюрембергъ.

Вернекъ, сильно атакованный 18 у Трохтельфингена, близъ Нордлингена, обойденный и окруженный съ усталыми и всего лишенными войсками, сдался на капитуляцію съ 8,000 человѣкъ. Общее мнѣніе обвиняло этихъ старыхъ генераловъ, отличавшихся во многихъ сраженіяхъ, за то что они положили оружіе почти передъ равными силами; въ самомъ дѣлѣ, нельзя быть окруженнымъ меньшимъ числомъ кавалеріи, когда имѣешь хорошую пѣхоту и артиллерію. Большой паркъ, направленный влѣво, былъ въ тотъ же день взятъ у Топфингена бригадою драгунъ.

Извѣщенный въ тотъ же вечеръ объ этихъ побѣдахъ, я тотчасъ увидѣлъ, какую можно извлечь изъ нихъ пользу. Мнѣ важно было ускорить развязку, потому что войска, собранныя около Ульма терпѣли во всемъ недостатокъ. При быстромъ походѣ нашемъ, мы не устроили ни одного магазина: правда что мы занимали очень большое пространство и земля была весьма изобильна; но на позиціи, гдѣ войска въ сборѣ, необходимы большіе запасы продовольствія.

Притомъ же мнѣ необходимо было итти къ Инну, чтобы не подвергнуть Бернадотта и Даву ударамъ Русской арміи. Я пригласилъ Макка въ мою главную квартиру; онъ былъ такъ простъ, что явился. Я ему сообщилъ плѣнъ Вернека; объявилъ, что Бернадоттъ и Вреде опрокинули Кинмайера за Инъ, взявъ у него 2,000 плѣнныхъ; что Сультъ, перешедъ Дунай выше Ульма, занялъ сообщенія съ Тиролемъ и Форарльбергомъ; наконецъ я ему предложилъ сдать Ульмъ, не ожидая срока, что было бы совершенно безъ пользы и цѣли. Онъ такъ потерялся, что попалъ въ разставленные ему силки и забылъ о только что выпущенной прокламаціи противъ перваго, кто осмѣлится говорить о сдачѣ, и о томъ что онъ хотѣлъ прежде съѣсть послѣднюю лошадь нежели сдаться. Ослѣпленный соблазнительнымъ моимъ предложеніемъ оставить въ Ульмѣ корпусъ Нея въ полномъ составѣ, казавшійся достаточнымъ для его осады, онъ полагалъ спасти свою честь и славу смѣшнымъ разсчетомъ, которымъ бы нельзя было обмануть послѣдняго изъ его солдатъ (*). Онъ согласился сдать Ульмъ на другой день.

(*) Подъ предлогомъ привести въ бездѣйственное состояніе корпусъ Нея въ Ульмѣ, Маккъ, казалось нетерпѣливо желалъ увѣнчать свой позоръ и ускорилъ 6 днями сдачу, которая возвращала въ мое распоряженіе корпуса Сульта, Мармона и гвардію. Притомъ же безумно было полагать, что одинъ Ней съ 25,000 могъ обложить крѣпость, имѣвшую 30,000 гарнизона, растянутую на довольно значительномъ пространствѣ и расположенную по обѣимъ сторонамъ Дуная.

Согласно съ этою прибавочною статьею, 30,000 Австрійцевъ, предводимые 16 генералами, прошли мимо меня утромъ 19 числа, и сложили свое оружіе, которое назначалось отправить во Францію. Многіе изъ австрійскихъ солдатъ, вышедши изъ себя, бросали свои ружья при выходѣ изъ города, вмѣсто того, чтобы класть ихъ въ кучи, показывая этимъ негодованіе противъ своихъ предводителей. 40 знаменъ, 60 пушекъ и 3,000 кавалерійскихъ лошадей, были сверхъ того трофеями этого славнаго дѣла. Въ числѣ плѣнныхъ генераловъ находились Кленау, Гьюлаи, Готтесгеймъ, два князя Лихтенштейна, о храбрости и дарованіяхъ которыхъ говоритъ каждая страница исторіи.

Въ продолженіе десяти лѣтъ я одержалъ много побѣдъ, но никогда еще не наслаждался подобнымъ торжествомъ: цѣлая непріятельская армія складывала у ногъ моихъ оружіе, знамена и пушки. Ставъ на возвышеніи, господствующемъ надъ городомъ и всѣмъ Дунаемъ, я могъ насмотрѣться на эту чудную картину, обѣщавшую мнѣ такъ много въ будущности. Маккъ помѣстился съ прочими генералами возлѣ меня. Пока проходили ихъ колонны, я ихъ утѣшалъ въ случайностяхъ войны, и жалѣлъ объ ослѣпленіи кабинета, пославшаго ихъ на погибель, только для выгодъ Англіи. Совершенно преданный мысли о высадкѣ, я ничего не требовалъ отъ Австріи, говорилъ я; мнѣ надобны были корабли, колоніи, торговля. Какую же выгоду могъ имѣть императоръ, отклоняя удары мои отъ державы, производящей всѣ смуты на твердой землѣ?

До сихъ поръ все шло превосходно; но увлеченный моимъ предметомъ, я прибавилъ къ этому нѣкоторыя угрозы противъ императорскаго дома. «Всѣ монархіи оканчиваются, ска- «залъ я, императоръ долженъ ужа- «саться мысли, что время паденія «лотарингскаго дома можетъ скоро «наступить.» Я могъ бы гордиться послѣ столь славнаго событія, увѣнчавшаго мои соображенія; но не чувство гордости внушило мои слова. Я хотѣлъ заставить трепетать Вѣну и предписать ей законы. Я всегда былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ, но гордость никогда не ослѣпляла меня. Во всякомъ случаѣ эта выходка, сдѣланная съ извинительною цѣлью, была неумѣстна, и я почувствовалъ, что могъ бы обойтись и безъ нее.

Изъ всей арміи Макка только корпусъ Кинмайера, эрцъ-герцогъ Фердинандъ съ 3,000 кавалеріи и дивизія Елашича, избѣжали совершеннаго пораженія; послѣдняя, вышедшая изъ Ульма по дорогѣ въ Фуссенъ, осталась прикрывать тирольскіе дефиле и вскорѣ была также окружена.

Эрцъ-герцогъ предоставивъ Вернека на произволъ судьбы, слѣдовалъ прежде по дорогѣ въ Нюрембергъ, а потомъ бросился на Альтмюль и Донаувертъ, чтобъ достигнуть дороги, ведущей въ Хамъ. Онъ приказалъ своему арріергарду идти по дорогѣ въ Нюрембергъ, чтобъ обмануть Мюрата, успѣлъ въ этомъ и возвратился въ Богемію, съ 2 или 3,000 конницы.

Потомству будутъ лучше извѣстны соображенія Макка и вѣнскаго кабинета; пусть оно судитъ ихъ. Говорили, что Маккъ въ своей арміи имѣлъ сильныхъ противниковъ, что не выполняли его приказаній и что разбросали армію противъ его воли. Все это можетъ быть справедливо; но можетъ ли главнокомандующій согласиться сдѣлаться орудіемъ погибели своей арміи? Когда его ставятъ между славою и безчестіемъ, между спасеніемъ государства и потерею его арміи, онъ долженъ умѣть сдѣлать достойный выборъ. Запертый въ Ульмѣ, Маккъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, попытаться выйти, чтобъ послѣдовать за Елашичемъ по дорогѣ въ Фуссенъ: онъ успѣлъ бы и позже сдаться безъ выстрѣла.

Такимъ образомъ я уничтожилъ 80,000 армію, безъ генеральнаго сраженія, какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла, потерявъ съ моей стороны всего 6,000 человѣкъ. Начало кампаніи было блистательно; но, чтобы рѣшить успѣхъ ея, намъ нужно было разбить Русскихъ, шедшихъ усиленными маршами на помощь къ своимъ союзникамъ. Еще до сдачи Ульма, я направилъ Сульта на Ландсбергъ и Мюнхенъ; Ланнъ и Мюратъ двинулись по тому же направленію, разбивъ эрцъ-герцога Фердинанда.

Не смотря на всѣ наши успѣхи, мое положеніе дѣлалось затруднительно. Прусскій король, приказавшій 8 Сентября двинуть 60 баталіоновъ и столько же эскадроновъ на Вислу, для встрѣчи Русскихъ, получилъ извѣстіе о насильственномъ переходѣ нашихъ войскъ черезъ Аншпахъ; его десятилѣтняя политика вдругъ рушилась; всеобщій крикъ мщенія раздался во всемъ государствѣ. Берлинскій кабинетъ предписалъ образовать

корпуса въ Гофѣ, Гильдесгеймѣ, Мюнстерѣ и резервъ въ Берлинѣ. Одна дивизія вступила въ Ганноверъ, оставленный Бернадоттомъ и возстановила правленіе курфирста; въ тоже самое время я получилъ ноты, коими требовали отъ меня удовлетворенія за насильственной переходъ черезъ прусскія владѣнія. Однако же совершенное разбитіе Макка не много усмирило этотъ воинственный порывъ; я отчасти на это разсчитывалъ: я былъ увѣренъ въ успѣхѣ моихъ дѣйствій, съ той минуты, какъ Маккъ остался въ Ульмѣ; я полагалъ, допустивъ движеніе моихъ войскъ черезъ нейтральныя владѣнія, что всегда буду имѣть довольно времени и способовъ удовлетворить Фридриха Вильгельма, если мой планъ удастся.

Чтобъ разсѣять вновь собиравшіяся надъ нами тучи, было необходимѣе, нежели когда либо, воспользоваться огромными выгодами и превосходствомъ, которое онѣ мнѣ доставили надъ первою русскою арміею, предоставленною нашимъ ударамъ погибелью Макка. Кутузовъ пришелъ съ 40,000 въ Браунау на Иннѣ, гдѣ онъ принялъ колонну Кинмайера, которую Бернадоттъ и Вреде преслѣдовали и разбили въ двухъ сраженіяхъ. Генералъ Мерфельдтъ присоединился къ ней съ нѣсколькими подкрѣпленіями и принялъ надъ нею начальство. Первое движеніе непріятелей было впередъ на Хаагъ, но извѣстіе объ ульмской капитуляціи не долго оставило ихъ въ пріятномъ заблужденіи возможности наступленія.

Окончивъ распоряженія объ отправленіи плѣнныхъ во Францію и приказавъ приступить къ работамъ для обезпеченія Аугсбурга отъ нападеній, построивъ на Лехѣ сильное мостовое укрѣпленіе, я прибылъ 24 вечеромъ въ Мюнхенъ, по почтѣ, и пробывъ тамъ три дня, поспѣшилъ на Инпъ, съ довольно основательною надеждою уничтожить Кутузова подобно Макку. Безъ сомнѣнія я долженъ былъ ожидать здѣсь болѣе сопротивленія: но неравенство способовъ было такъ велико, что я не могъ сомнѣваться въ результатахъ. Сультъ и Мармонъ также направлялись къ Инну; Ланнъ, освобожденный капитуляціею Вернека, свернулъ въ Баварію; даже Мюратъ, преслѣдовавшій остатки арміи эрцъ-герцога Фердинанда до Нюренберга, обратился съ своею обычною дѣятельностью черезъ Нёймаркъ въ Регенсбургъ и прибылъ къ Инну почти въ одно время со мною.

Ожеро перешелъ Рейнъ въ Гунингенѣ 26 Октября; я приказалъ ему и Нею, вмѣстѣ съ баварскою дивизіею Деруа, уничтожить корпуса, оставшіеся въ Тиролѣ. Когда все было готово къ переходу черезъ Инпъ, мы тронулись 28 Октября 3-мя колоннами. Бернадоттъ, подкрѣпляемый Мармономъ, перешелъ въ Вассербургѣ и направился на Зальцбургъ, для обороны котораго оставленъ былъ корпусъ Мерфельдта. Даву встрѣтилъ Русскихъ у мюльдорфскаго моста, который они сожгли; онъ исправилъ мостъ и достигъ Зальцы въ Бурггаузенѣ, гдѣ онъ также принужденъ былъ исправить мостъ, что дало союзникамъ два дня времени. Резервы Сульта слѣдовали тою же дорогою. Ланнъ, находившійся на лѣвомъ крылѣ,

двинулся изъ Ландсхута къ Браунау. Непріятель отступалъ на всѣхъ пунктахъ при приближеніи нашихъ колоннъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, понимая опасность вступить въ генеральное сраженіе. Онъ оставилъ безъ выстрѣла Браунау, бастіонные фронты котораго не были даже вооружены, до того Австрійцы были увѣрены, что они скорѣе займутъ Францію, нежели увидятъ насъ подъ Вѣною. Браунау хорошій пунктъ, могущій служить основаніемъ дѣйствій, равно какъ и Зальцбургъ, который хорошо укрѣпленъ, не смотря на то, что окрестная мѣстность имъ господствуетъ. Мы съ этого времени могли принять Зальцу и Инъ за прекрасную операціонную линію, потому что Баварія, Ульмъ, Ингольштадтъ, и все пространство до Рейна были или въ нашихъ рукахъ, или въ союзѣ съ нами.

Перешедъ Зальцу и Инъ, Мюратъ съ своею кавалеріею составилъ авангардъ преслѣдовавшихъ войскъ; 29-го онъ имѣлъ стычку съ арріергардомъ Кинмайера у Рида; 31-го произошло болѣе важное дѣло при Ламбахѣ, гдѣ мы въ первый разъ сошлись съ русскою пѣхотою; отрядъ, состоявшій изъ 4,000 человѣкъ, держался по сю сторону Траупа, чтобы дать время обозамъ пройти дефиле. Дивизія Биссона атаковала ихъ; 17-й линейный полкъ хотѣлъ отмстить за пораженіе при Требіи и выполнилъ это со славою; но онъ встрѣтилъ достойныхъ противниковъ; только послѣ жаркаго сраженія, во время котораго ранили Биссона, непріятель, начавъ отступленіе, былъ опрокинутъ съ значительнымъ урономъ.

Я рѣшился, не останавливаясь, итти на Вѣну. Нашлись люди, которые меня осуждали, и хотѣли, чтобъ я остановился на Иннѣ, чтобъ собраться съ силами: они не стыдились называть мое движеніе на Аустерлицъ сумазбродствомъ, и главною причиною этого выставляли то, что прусская армія угрожала направиться къ верхнему Дунаю. Не въ укоръ этимъ господамъ, я скажу, что всегда лучше ихъ умѣлъ разсчитывать маршы. Арміи нужно время, чтобы дойти отъ Берлина къ Ульму, въ особенности, когда эта армія была двинута на Вислу противъ Русскихъ и при двадцатилѣтнемъ мирѣ, уже отвыкла отъ быстроты, потребной въ движеніяхъ. Самое непреложное правило войны есть быстро ударять на непріятеля, который не приготовленъ къ встрѣчѣ. Кутузовъ самъ спѣшилъ подъ мои удары; слѣдовало наказать его за это. Оставшись на Иннѣ, я бы допустилъ эрцъ-герцоговъ Карла и Фердинанда, Кинмайера и Кутузова соединиться съ арміею Александра въ верхней Австріи, и долженъ бы былъ опасаться тогда нападенія 200,000 войска, не считая Пруссаковъ, которымъ моя позиція на Иннѣ не воспрепятствовала бы итти къ верхнему Дунаю. Не лучше ли бы было посовѣтовать мнѣ возвратиться въ Стразбургъ? Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ я остался въ Пассау, ничто не помѣшало бы герцогу брауншвейгскому двинуться черезъ Нюрембергъ къ Ульму. Чтобы отвратить это движеніе, должно было или возвратиться за Рейнъ, или предупредить непріятеля, напавъ на Русскихъ: одно было постыдно, другое славно; я не могъ

колебаться. Я понималъ лучше этихъ критиковъ, что моя выгода требовала порознь разбить удаленные другъ отъ друга корпуса; я имѣлъ превосходство надъ непріятелемъ въ сраженіяхъ, и долженъ былъ искать ихъ. Претерпѣвъ пораженіе, я могъ бы отступить къ Дунаю, или прибѣгнуть къ посредничеству Пруссіи, чтобы окончить войну переговорами.

Занявъ Вѣну, я заставлялъ трепетать Берлинъ; могъ пользоваться непстощимыми пособіями Австріи; прервать всякое сообщеніе между эрцъ-герцогомъ Карломъ и русскою арміею; однимъ словомъ, могъ располагать всѣми дѣйствіями. Охота все охуждать должна быть чрезвычайно сильна, когда могла побудить недоброжелателей моихъ выводить изъ объясненнаго плана такія ложныя заключенія. Если Пруссаки пошли бы въ Швабію, эрцъ-герцогъ Карлъ въ верхнюю Австрію, а императоръ Александръ къ Дунаю, то остаться на Иннѣ, значило избрать пунктъ, гдѣ бы эти три массы могли совокупно дѣйствовать. Еще бы можно было допустить эту позицію, если бы она предохраняла нашъ тылъ отъ обхода Пруссаковъ; но какъ въ Вѣнѣ, такъ и на Иннѣ, мы могли быть обойдены, еслибъ непріятель расположился на верхнемъ Дунаѣ и на нашихъ сообщеніяхъ съ Франціею. Притомъ же, я еще не зналъ, на что рѣшится Пруссія, когда предписалъ движеніе на Вѣну; Пруссія слишкомъ возставала противъ насъ; когда хотятъ войны, то менѣе шумятъ и болѣе дѣлаютъ: я очень хорошо зналъ, что она желала угрозами достигнуть своей цѣли. Я имѣлъ намѣреніе дать ей приличное удовлетвореніе; только въ половинѣ Ноября она начала дѣйствительно склоняться на сторону нашихъ непріятелей.

Императоръ Александръ, извѣщенный о впечатлѣніи, произведенномъ въ Берлинѣ проходомъ черезъ Аншпахъ, счелъ нужнымъ отправиться въ столицу Пруссіи, увѣренный, что своимъ увлекательнымъ обращеніемъ привлечетъ на свою сторону короля, который до сихъ поръ сопротивлялся всѣмъ предложеніямъ его кабинета. 3 Ноября былъ подписанъ между Россіею и Пруссіею договоръ, о которомъ я узналъ только по прибытіи графа Гьюлая въ мою главную квартиру, подъ стѣнами Вѣны.

Обратимся къ моему движенію на эту столицу: я слѣдовалъ за главными силами моей арміи по лѣвому берегу Дуная. Два корпуса шли по горамъ, какъ для прикрытія моего движенія, такъ равно и для обхода большихъ рѣкъ, пересѣкающихъ эту дорогу. Мы такъ сильно тѣснили непріятеля, что онъ, не смотря на прекрасную позицію на Траунѣ, ни на минуту не остановилъ насъ и безъ боя оставилъ Линцъ съ его прекраснымъ мостомъ на Дунаѣ. Не трудно было мнѣ оцѣнить всѣ выгоды, которыя я могъ извлечь изъ этого. Я тотчасъ рѣшился переправить за рѣку 20-тысячный корпусъ, подъ командою маршала Мортье (*), приказавъ ему спуститься по лѣвому берегу,

(*) Этотъ новый корпусъ былъ составленъ изъ дивизій: Дюпона, отряженной отъ Нея при ульмскомъ дѣлѣ, Газана, взятой изъ корпуса Ланна и батавской, генерала Дюмонсо, откомандированной отъ 2-го корпуса.

чтобы угрожать сообщеніямъ Русскихъ съ Моравіею и тѣмъ принудить ихъ уступить намъ безъ боя крѣпкія позиціи, облегчающія оборону доступа къ Вѣнѣ. Еслибъ они захотѣли удерживаться, то этотъ корпусъ могъ, овладѣвъ мостами и отрѣзавъ Русскихъ отъ Моравіи, совокупно со мною окружить ихъ со всѣхъ сторонъ. Чтобъ обеспечить это движеніе, я приказалъ флотскому капитану Лостанжу образовать значительную флотилію изъ судовъ, взятыхъ на Дунаѣ и спускаться по рѣкѣ, держась на одной высотѣ съ Мортье.

Между тѣмъ, какъ мои обширныя предначертанія исполнялись одно за другимъ съ точностью, удивлявшею меня самого, моя италіянская армія дѣйствовала не менѣе счастливо и выполняла съ такою же точностью свое назначеніе. Австрійцы сдѣлали три важныя ошибки въ своемъ планѣ дѣйствій: во первыхъ они наступали слабою частью своихъ войскъ; во вторыхъ, оставались въ бездѣйствіи съ сильнѣйшею частью въ Италіи; въ третьихъ, употребили въ Тиролѣ армію, бывшую свидѣтельницею уничтожія двухъ прочихъ, пока не пришла ея очередь. Эрцъ-герцогъ Карлъ долженъ былъ имѣть болѣе 100,000 человѣкъ, не считая гарнизоновъ и тирольскихъ корпусовъ. Вѣроятно эта армія не была въ готовности при открытіи кампаніи, иначе трудно объяснить, почему она не перешла Эча въ тотъ самый день, когда Маккъ перешелъ Инъ. Можетъ быть, эрцъ-герцогъ долженъ былъ ожидать соединенія Макка съ Кутузовымъ на Лехѣ; но все таки этотъ расчетъ былъ ложенъ. *Во время войны всегда должно дѣйствовать тамъ, гдѣ имѣемъ болѣе способовъ и силъ, нежели непріятель.* Эрцъ-герцогъ, начавъ дѣйствовать наступательно, отбросилъ бы Массену за Минчіо, а можетъ быть и за По. Если бы этотъ успѣхъ и не спасъ Макка, если бы онъ даже увеличилъ разстояніе, которое слѣдовало бы пройти эрцъ-герцогу, чтобы поспѣть на помощь угрожаемой Австріи, онъ не менѣе того произвелъ бы счастливую диверсію еще въ первыхъ числахъ Октября, и эрцъ-герцогъ, извѣщенный черезъ Тироль объ Ульмскомъ пораженіи, могъ бы свободно направиться въ Карнитію не будучи тѣснимъ, какъ теперь. Австрійцы, вмѣсто того, предоставили всѣ выгоды наступленія Массенѣ. Арміи были раздѣлены Эчемъ, составлявшимъ со времени люневилльскаго договора границу обѣихъ имперій; Верона была раздѣлена на двѣ части; мы занимали правую сторону; Австрійцы лѣвую съ укрѣпленіями: двѣ мостовыя арки были разрушены.

При переходѣ моей арміи черезъ Рейнъ, я уже зналъ, что Маккъ будетъ или уничтоженъ, или принужденъ къ быстрому отступленію до Инна и что, рано или поздно, эрцъ-герцогъ будетъ также принужденъ отступать. Чтобъ удалить его отъ мысли перейти Эчъ, и чтобъ дать нашимъ всѣ выгоды наступательнаго движенія, я приказалъ Массенѣ овладѣть тою половиною Вероны, которая принадлежала Австрійцамъ, исправить мостъ и утвердиться въ С. Микелѣ, въ узкой позиціи между Эчемъ и горами, гдѣ числительное превосходство непріятеля принесло бы

ему мало пользы; правда, что онъ могъ рѣшиться перейти Эчъ ниже; но это было бы одно изъ тѣхъ смѣлыхъ движеній, которыхъ мы не привыкли ожидать отъ него. Массена отлично выполнилъ порученіе; онъ 17 овладѣлъ мостами и Вероною и расположился согласно съ моими приказаніями.

Эрцъ-герцогъ, болѣе думая о собственной безопасности, нежели о покоренін Италіи, усилилъ укрѣпленіями славную позицію при Кальдьеро и Колоньолѣ, образованную, какъ извѣстно, выдавшимся отрогомъ тирольскихъ горъ, пересѣкающихъ тутъ дорогу въ Виченцу и незамѣтно склоняющихся къ Эчу. Эти высоты, усѣянныя виноградниками, деревьями, скалами и редутами, казались неприступными. Массена простоялъ передъ ними съ 18 по 29 Октября, а эрцъ-герцогъ, видя, что происшествія въ Швабіи лишали его всякой надежды на успѣхъ въ Италіи, не почелъ за нужное жертвовать людьми, чтобъ отбросить наши войска за Эчъ.

Массена, узнавъ 27-го о капитуляціи Ульма и о разбитіи арміи Макка, приготовился выполнить данныя ему наставленія и сдѣлалъ это столь же смѣло, какъ и искусно. Не желая потерять нѣсколько дней пути, оставаясь долѣе передъ занимаемою эрцъ-герцогомъ грозною позиціею, онъ 29-го опрокинулъ его аванпосты и на другой день дерзко атаковалъ его. Увѣренный, что всѣ нападенія на центръ будутъ безполезны, онъ вздумалъ обойти лѣвый флангъ, и подкрѣпивъ дивизію Вердье, приказалъ ей перейти Эчъ у Дзевіо, въ то время, какъ на противуположномъ флангѣ Молиторъ направится черезъ горы. Массена атаковалъ Кальдьеро съ дивизіями Дюгема и Гарданна (дивизія Серра охраняла на оконечности лѣваго фланга Риволи и пространство между гардскимъ озеромъ и Эчемъ). Нападеніе съ 40,000 на 80,000 человѣкъ, расположенныхъ въ укрѣпленной позиціи, было болѣе нежели дерзость, но оно едва не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Вердье не могъ совершить переправу, а Молиторъ былъ отбитъ послѣ неслыханныхъ усилій. Наши солдаты, поощренные Ульмскою побѣдою, хотѣли доказать, что они не уступаютъ большой арміи. Центръ дрался съ ожесточеніемъ. Австріійцы вышли изъ своихъ укрѣпленій съ отборными войсками, чтобъ напасть на насъ. Массена встрѣтилъ ихъ съ фронта картечью и атаковалъ съ фланговъ. Потерявъ очень много и не успѣвъ прорвать нашу линію, они были принуждены отступить и понесли сильный уронъ: кровопролитіе кончилось только съ наступленіемъ ночи.

Вердье, болѣе счастливый на другой день, перешелъ Эчъ; но одинъ посреди непріятеля, онъ почелъ за счастіе, что могъ присоединиться къ дивизіи Дюгема, выдержавъ однако сильный натискъ лѣваго фланга Австрійцевъ. 31-го было повтореніе этихъ кровавыхъ сценъ, послѣдствія которыхъ не соотвѣтствовали однако храбрости и ожесточенію сражавшихся. Наши войска провели трое сутокъ, такъ сказать, у подошвы непріятельскихъ укрѣпленій. Это дѣло стоило намъ 6000 человѣкъ; Австрійцы потеряли, по крайней мѣрѣ, столько же. Колонна, атаковавшая

насъ въ центрѣ, претерпѣла весьма сильный уронъ: мы взяли при этомъ случаѣ до 2000 плѣнныхъ.

Эрцъ-герцогъ отправилъ между тѣмъ свои обозы; онъ выступилъ 1 Ноября, предоставивъ Фримону прикрывать его отступленіе. Съ этою цѣлью двинули бригаду Гейстера съ высотъ Колоньолы, въ направленіи къ Вероне.

Массена, замѣтивъ отступленіе Австрійцевъ, рѣшился извлечь пользу изъ принесенныхъ имъ жертвъ и не упустить непріятеля. Фримонъ былъ атакованъ и опрокинутъ за Бренту. Бригада Гейстера, преступившая данныя ей приказанія, подошедъ къ самой Вероне, была окружена и взята въ плѣнъ, въ числѣ 4000 человѣкъ.

Каково бы ни было числительное превосходство непріятеля, который долженъ отступать въ слѣдствіе происшествій, случившихся въ дальнемъ отъ него разстояніи, обязанность его арріергарда не менѣе затруднительна: онъ одинъ подвергается всѣмъ усиліямъ непріятеля; армія старается ускорить свое отступленіе и не охотно возвращается назадъ, чтобъ подать помощь части войскъ, вступившей въ дѣло. Брента, Піаве, Тальяменто, Изондзо, облегчали отступленіе эрцъ-герцога, который наконецъ достигъ Лайбаха, столь сильно тѣснимый, что не могъ отступать такъ быстро, какъ того требовали обстоятельства; однако онъ не претерпѣлъ нигдѣ сильнаго пораженія; единственная неудача, имъ испытанная, состояла въ томъ, что правый его флангъ, направленный по горамъ Сетте-Коммуни и ущельямъ Бренты, былъ на короткое время отрѣзанъ и долженъ былъ броситься на Беллуно и Примолано, чтобъ достичь долины Дравы. При переправѣ черезъ Тальяменто произошло, 12 Ноября, жаркое арріергардное дѣло. Эрцъ-герцогъ тамъ остановился, чтобы рѣшить, идти ли ему на Тарвисъ и Виллахъ, чтобъ соединиться съ эрцъ-герцогомъ Іоанномъ и вмѣстѣ съ нимъ продолжать движеніе на Зальцбургъ; извѣстіе о нашемъ быстромъ наступленіи къ Вѣнѣ, понудило его направиться по дорогѣ въ Лайбахъ. Эрцъ-герцогъ оставилъ въ Венеціи значительный гарнизонъ, который по своей выгодной позиціи могъ сильно безпокоить Массену. Прибывшій изъ Неаполя корпусъ Сенъ-Сира былъ оставленъ для наблюденія и далъ тѣмъ способъ Массенѣ продолжать преслѣдованіе.

Большая моя армія шла впередъ съ быстротою, возраставшею на равнѣ съ трудностями пути. Настала довольно сильная стужа и, начиная отъ Ламбаха, и дороги, и вся мѣстность были покрыты снѣгомъ.

Я остался два дня въ Линцѣ, по разнымъ причинамъ; во первыхъ, надобно было дать пройти Мортье съ его корпусомъ, о которомъ я упоминалъ выше; во вторыхъ, я хотѣлъ дождаться баварскаго курфирста. Мы такъ быстро шли впередъ, что этотъ почтенный государь, удалившійся при началѣ войны въ Вюрцбургъ, уже не засталъ меня въ Мюнхенѣ, при возвращеніи своемъ въ столицу его государства. Онъ пріѣхалъ, чтобы поздравить меня съ побѣдами, которыя были и для него полезны, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы переговорить со мною. Я его

склонилъ присоединить нѣсколько отрядовъ къ войскамъ Бараге д'Илье, для наблюденія восточной границы Богеміи. Дивизія Деруа, которой поручено было покорить Куфштейнъ, должна была послѣ этого занять Тироль, вмѣстѣ съ корпусомъ Нея.

Въ это время Русскіе, Англичане и Шведы сдѣлали высадку въ Ганноверъ, а Пруссія, вмѣсто того, чтобъ прикрыть насъ съ этой стороны, принимала грозный видъ. У насъ оставался тамъ только гарнизонъ въ Гамельнѣ, и надобно было опасаться, что Голландія сдѣлается цѣлью дѣйствій союзниковъ. Я объявилъ образованіе сѣверной арміи, назначивъ моего брата Людовика главнокомандующимъ. Армія эта должна была состоять изъ шести дивизій, не считая корпуса Ожеро, который оставилъ бы Швабію, чтобъ итти черезъ Майнцъ въ Нидерланды. Я даже распустилъ слухъ, что самъ прибуду въ Амстердамъ, гдѣ и приказалъ приготовить для моего пріѣзда дворецъ.

Наконецъ прибыло ко мнѣ въ Линцъ посольство отъ австрійскаго императора: извѣщенный графомъ Гьюлаемъ о происшествіяхъ въ Ульмѣ, о моемъ разговорѣ съ Маккомъ, объ упадкѣ духа австрійской арміи, и о бѣдственномъ положеніи страны, сдѣлавшейся театромъ военныхъ дѣйствій, императоръ прислалъ ко мнѣ просить перемирія и предложить миръ. Онъ самъ прибылъ въ Молькъ, чтобъ ускорить ходъ переговоровъ. Предложенія Австріи могли быть чистосердечны; но я имѣлъ причины сомнѣваться въ этомъ. Должно ли было заключать перемиріе, которое давало время союзникамъ соединить свои три арміи на Дунаѣ, а Пруссіи войти въ Богемію или Баварію? Какимъ образомъ при такихъ обстоятельствахъ и результатахъ почесть искреннимъ подобное предложеніе? Для внушенія мнѣ такаго слѣпаго довѣрія былъ только одинъ способъ, а именно: включить въ самыя условія перемирія вѣрное обезпеченіе, подписавъ тотчасъ же предварительныя статьи договора и удаливъ арміи, которыхъ соединеніе могло мнѣ сдѣлаться опаснымъ, если я не воспользуюсь выгоднымъ моимъ положеніемъ. Я требовалъ, чтобы Русскіе возвратились въ Польшу, чтобъ Австрія остановила поголовное возстаніе въ Венгріи и уступила бы мнѣ Венецію и Тироль: безъ этого я находилъ себя вынужденнымъ продолжать мое движеніе къ Вѣнѣ.

Этимъ предложеніямъ удивлялись, какъ будто бы я долженъ былъ оставить булонскій лагерь, устремиться съ 150,000 на Иннъ и уничтожить большую австрійскую армію только для того, чтобъ возвратиться назадъ безъ всякой выгоды. Еслибъ Австрія захотѣла тотчасъ оставить моихъ непріятелей и, ставъ въ число моихъ союзниковъ, возобновить договоръ 1756 года, съ нѣкоторыми перемѣнами, которыхъ требовали обстоятельства, то безъ сомнѣнія несправедливо бы было съ моей стороны ограбить ее: я бы долженъ былъ оставить ей Тироль и Венецію. Но не таково было положеніе дѣлъ: Австрія оставляла коалицію, чтобы, выигравъ время, собраться съ силами и выбрать болѣе удобную минуту снова начать войну. Можетъ быть мнѣ

слѣдовало прибавить къ требованію этихъ двухъ провинцій, предложеніе увеличить Австрію, въ послѣдствіи, если она согласится возобновить упомянутый договоръ. Какъ бы то ни было, эти предложенія, хотя они и не превышали моихъ успѣховъ, показались слишкомъ тяжкими вѣнскому кабинету, ожидавшему прибытія большой русской арміи, эрцъ-герцоговъ Карла и Іоанна, не считая вспомоществованія, обѣщаннаго союзникамъ Пруссіею. Впрочемъ эти переговоры ни на минуту не остановили нашего похода.

Непріятель оставилъ линію Энса; Мюратъ, Ланнъ и Сультъ сильно тѣснили его на Амштетенъ. Тутъ (6 Ноября) князь Багратіонъ упорно удерживался, чтобы дать время Кутузову отступить. Рукопашный бой между Русскими и гренадерами Удино завязался въ лѣсахъ. Наши солдаты, болѣе понятливые, болѣе развязные и лучше вооруженные, восторжествовали надъ остервенѣніемъ своихъ безстрашныхъ противниковъ, которые, отступя, были настигнуты нашими гусарами, приведшими нѣсколько сотень израненыхъ плѣнниковъ. 7-го, Мюратъ оттѣснилъ ихъ до Молька, откуда едва успѣлъ уѣхать австрійскій императоръ.

Черезъ долину Дуная, сжатую къ югу, какъ всѣмъ извѣстно, горами Тироля и Штиріи, начиная отъ Линца пролегаетъ одна только дорога, которая тянется вдоль берега рѣки, болѣе или менѣе удаляясь отъ него. Боковая дорога идетъ у подошвы горъ черезъ Штейеръ и Вейдгофенъ; но тутъ она сворачиваетъ влѣво къ Санктъ-Польтену и соединяется съ большою дорогою, минуя цѣпь горъ Вильденъ-Альпе, отъ которыхъ отдѣляется покрытая лѣсомъ отрасль Випперъ-Вальдъ, перерѣзывающая долину до самаго берега Дуная между Санктъ Польтеномъ и Вѣною. Первый изъ этихъ городовъ, расположенъ по сю сторону Випперъ-Вальда при выходѣ изъ дефиле; для прикрытія Вѣны съ этой стороны представляетъ наилучшую позицію для арміи довольно крутой отрогъ горъ, омываемый рѣчкою Траземомъ. Изъ всѣхъ донесеній видно было, что непріятель приметъ тутъ сраженіе, тѣмъ болѣе, что другая русская армія могла къ нему присоединиться черезъ Кремсъ. Чтобъ обойти эту позицію, я послалъ по дорогѣ въ Штейеръ Даву, Мармона и Бернадотта; но узнавъ о затруднительномъ пути и о недостаткѣ продовольствія для арміи въ этой дикой странѣ, я приказалъ Бернадотту возвратиться въ дунайскую долину, Мармону спуститься отъ Штейера къ Леобену; а Даву продолжать движеніе до Лиліенфельда и оттуда свернуть на Вѣну. Съ трудомъ поднялся этотъ маршалъ 8 Ноября на кремнистыя горы, отдѣляющія Сентъ Гаммингъ отъ Маріацеля; авангардъ его нечаянно наткнулся на колонну Мерфельдта, который направился на Леобенъ, вѣроятно опасаясь попасть около Санктъ-Польтена въ средину моей арміи. Напасть на эту колонну, разрѣзать ее на двѣ части, оттѣснить одну изъ нихъ на Нёйгаузъ и заставить 3,000 человѣкъ положить оружіе было для храбраго 1-го корпуса дѣломъ одного часа; остатки Мерфельдтовой колонны достигли Нёйгауза въ величайшемъ безпорядкѣ.

Предполагаемое мною при Санктъ-Польтенѣ сраженіе не произошло. Кутузовъ, котораго войска были утомлены и уменьшились до 35,000, справедливо расчелъ, что̀ переѣдя Дунай въ Кремсѣ, онъ избавится отъ безпокойнаго преслѣдованія, стоившаго ему ежедневно лучшихъ его солдатъ и сверхъ того уменьшитъ четырьмя переходами разстояніе, которое ему слѣдовало пройти для достиженія Брюнна. И такъ онъ перешелъ рѣку въ Маутернѣ, 9 Ноября, по прекрасному, стоящему на 28 аркахъ деревянному мосту, единственному между Линцомъ и Вѣною, и сжегъ его. Мюратъ, не встрѣчая болѣе непріятелей, продолжалъ еще быстрѣе свое движеніе за Санктъ-Польтенъ и дошелъ до Буркерсдорфа, находящагося въ 4 льё отъ Вѣны. Сультъ, не получившій приказанія проходить Санктъ-Польтенъ, увлекся за нимъ до Зигартскирхена. Я остался съ моею гвардіею въ Молькѣ. Бернадоттъ возвратившійся изъ Штейера, прибылъ въ Санктъ-Польтенъ.

Кутузовъ, избавленный отъ насъ на нѣсколько времени, встрѣтился съ Мортье, который шелъ отъ Линца по лѣвому берегу рѣки. Тутъ выгода была на сторонѣ русскаго генерала, имѣвшаго всѣ свои силы, противъ отдѣльнаго корпуса, разстроеннаго сверхъ того быстрыми маршами. Мортье, увлеченный желаніемъ напасть на непріятеля при переходѣ его чрезъ Дунай, быстро вышелъ 11 Ноября изъ дефиле Дирнштейна, замокъ котораго пріобрелъ извѣстность, какъ мѣсто заключенія Ричарда-львинаго-сердца. У Мортье была съ нимъ только дивизія Газана и бригада драгунъ; дивизія Дюпона слѣдовала за нимъ на разстояніи однаго перехода, а Голландцы были еще далѣе.

Миновавъ Дирнштейнъ, Мортье встрѣтилъ авангардъ Милорадовича, котораго и откинулъ до Штейна; но эта удача, доставившая ему нѣсколько сотенъ плѣнныхъ, влекла его къ гибели: въ ту же минуту дивизія Дохтурова, которую велъ Шмидтъ, искуснѣйшій генералъ австрійскаго генеральнаго штаба, спустилась съ горъ позади Дирнштейна, и заняла входъ этого ужаснаго дефиле, а генералъ Эссенъ подкрѣпилъ Милорадовича своими резервами и съ фронта устремился на лойбенскую высоту; одно чудо могло спасти Мортье; онъ находился при дивизіи Дюпона, и приказалъ ей ускорить движеніе; возвращаясь къ дивизіи Газана, онъ нашелъ непріятелей и впереди, и позади ея, и съ величайшимъ трудомъ соединился съ нею.

Поставленный въ необходимость или сдаться, или пробиться съ оружіемъ въ рукахъ, онъ рѣшился на послѣднее. Подвигъ не легкій; дорога, ведущая изъ Лойбена въ Дирнштейнъ, идетъ между двумя высокими стѣнами, занимающими часть глубокаго дефиле, образуемаго горами и Дунаемъ; баталіоны Дохтурова, поставленные въ этой пропасти глубокою колонною, лишали надежды пробиться сквозь нихъ; съ права и съ лѣва можно было пройти съ величайшими трудностями. Маіоръ Генріодъ, съ 100-мъ полкомъ бросился въ штыки на непріятельскую колонну; два наши орудія обстрѣливали картечью все пространство вдоль стѣнъ, и производили тѣмъ большее дѣйствіе, что

Русскіе, не могшіе взять съ собою ни однаго орудія, дрались только штыками. Однимъ изъ этихъ выстрѣловъ убитъ былъ генералъ Шмидтъ. Дохтуровъ былъ человѣкъ, не легко упускавшій добычу; по вскорѣ бригада, посланная имъ вверхъ по Дунаю для прикрытія его собственныхъ сообщеній въ этой пропасти, была атакована дивизіею Дюпона. Дохтуровъ такимъ образомъ самъ очутился между двумя огнями, въ положеніи, которое онъ готовилъ для Мортье; ему оставалось только нѣсколько мгновеній, чтобъ спастись черезъ оврагъ, которымъ онъ слѣдовалъ при спускѣ съ горъ; еслибъ Дюпонъ проникъ до входа въ этотъ оврагъ, то русская колонна, не имѣя артиллеріи и не будучи слѣдовательно въ состояніи держаться, неминуемо погибла бы: она съ поспѣшностью отступила. Мортье опрокинулъ ея арріергардъ такъ легко, что самъ этому удивился; прошедъ Дирнштейнъ, онъ встрѣтилъ вмѣсто непріятелей колонну Дюпона. Можно легко себѣ представить электрическое дѣйствіе, произведенное на наши войска появленіемъ ихъ товарищей и избавителей. Это чувство понятно только тѣмъ, которые сами находились въ подобномъ положеніи, во время войны. Это соединеніе дало Мортье способъ отбросить Милорадовича и Эссена, тѣснившихъ его арріергардъ.

Послѣ этой стычки, Мортье, лишенный жизненныхъ припасовъ, зарядовъ и артиллеріи, почелъ за лучшее переправиться черезъ Дунай у Шпица, съ помощью флотиліи, и могъ считать себя счастливымъ, отдѣлавшись потерею 1,200 или 1,500 человѣкъ. Это сраженіе стоило союзникамъ столько же, но они понесли болѣе чувствительную потерю въ особѣ генерала Шмидта, друга и товарища эрцъ-герцога Карла: онъ палъ, какъ доблестный воинъ въ лойбенской атакѣ.

Это происшествіе ни сколько не измѣнило положенія дѣлъ. Я отчасти предвидѣлъ его: прибывъ въ Молкъ, я остановилъ Мюрата и Ланна, которые, преступивъ данныя имъ приказанія, стремились къ Вѣнѣ скорѣе, нежели я желалъ: я даже Сульту велѣлъ отступить отъ Зигартскирхена къ Маутерну: Бернадоттъ остался въ Молькѣ. Но, узнавъ 12 въ Санктъ-Польтенѣ объ окончаніи этого дѣла и переходѣ Мортье на правый берегъ, я тотчасъ же сообразилъ, что мнѣ оставалось дѣлать. Позиція Мюрата близъ Вѣны, и увѣренность, что ни одинъ непріятельскій корпусъ не прикрываетъ этого города, подали мнѣ надежду незапно овладѣть имъ, воспользоваться имѣвшимися въ немъ огромными мостами на Дунаѣ, и выйти на дорогу въ Моравію, ранѣе, нежели Кутузовъ достигнетъ ее черезъ Кремсъ.

Возвращеніе генерала Гюлая въ мою главную квартиру (12 Ноября) еще болѣе меня къ этому понудило; вмѣсто того, чтобъ привесть мнѣ согласіе своего государя, на сдѣланныя мною предложенія, онъ извѣстилъ меня, что Пруссія наконецъ, 3 Ноября, рѣшилась вступить въ союзъ съ Россіею и Австріею. Я зналъ медленность и нерѣшительность берлинскаго кабинета; я былъ въ состояніи нанести рѣшительный ударъ и навесть ужасъ на Европу, занявъ

Вѣну; этого было достаточно, чтобъ отвратить угрожавшую мнѣ бурю. Сверхъ того, занятіе этой столицы принудило бы эрцъ-герцога итти въ Венгрію и тѣмъ открыло бы мнѣ сообщенія съ Массеною; тогда мнѣ нечего было опасаться за сообщенія съ Швабіею, если бы Пруссаки и стали угрожать имъ.

Чтобъ успѣть въ такомъ смѣломъ предпріятіи, нужно было стеченіе необыкновенныхъ обстоятельствъ; счастіе мнѣ послужило сверхъ всякаго ожиданія. 13 я перевелъ мою главную квартиру въ Буркерсдорфъ; Мюратъ и Ланнъ, согласно съ моими приказаніями, подступили къ Вѣнѣ.

Построенная въ роскошной долинѣ, образуемой съ юга штирійскими альпами, съ запада карпатскими горами, а съ востока горою Бизамбергомъ, цѣпью богемскихъ и второстепенными горами верхней Австріи, Вѣна, по мѣстоположенію, лучше всѣхъ европейскихъ столицъ послѣ Константинополя и Неаполя. Служивши долгое время для Германіи оградою противъ нападеній Венгріи и Турціи, она всегда была военнымъ пунктомъ, хорошо укрѣпленнымъ. Взятая въ половинѣ XIII столѣтія Венгерцами, она съ того времени противустояла всѣмъ непріятельскимъ нападеніямъ. Кому неизвѣстна знаменитая осада, выдержанная ею въ 1683 году, противъ которой она не устояла бы, не смотря на храбрость своихъ защитниковъ (подъ начальствомъ графа Старемберга), если бы Поляки, подъ предводительствомъ великаго Собескаго, не приспѣли къ ней на помощь и не разбили бы совершенно оттоманскую армію въ рѣшительномъ сраженіи, данномъ подъ стѣнами города. Это сраженіе, избавившее Европу отъ владычества Турокъ, какъ нѣкогда при Карлѣ Мартелѣ битва турская избавила ее отъ Мавровъ, давало Полякамъ право ожидать большей благодарности отъ Австріи. Старый городъ Вѣны сильно укрѣпленъ бастіонными фронтами, даже со стороны Дуная: въ немъ считается около 100,000 жителей; но огромныя предмѣстья, построенныя по увеличившемуся народонаселенію, заключаютъ пространства вдвое болѣе и окружаютъ старый городъ на протяженіи 8,000 тоазовъ. Ихъ прикрыли укрѣпленными линіями, безъ сомнѣнія для того, чтобы защитить противъ нападенія Турокъ, въ случаѣ нужды. Эти окопы съ тонкими брустверами и незначительными рвами не могли держаться; но старый городъ потребовалъ бы правильной осады: вся моя армія ничего бы не могла сдѣлать противъ него, безъ осадной артиллеріи. Вѣна и Прага были два главные арсенала австрійской имперіи, и, послѣ англійскихъ, лучшіе во всей Европѣ. Тамъ находилось 2,000 мѣдныхъ орудій, между которыми 600 осадныхъ, 100,000 ружей и проч.

Корпусъ Мерфельдта прошелъ городъ и отступилъ на лѣвый берегъ Дуная: его арріергардъ занималъ мосты и все было приготовлено для уничтоженія ихъ. Еслибъ этотъ арріергардъ, соединясь съ вѣнскою милиціею, поднялъ подъемныя мосты и расположился на валѣ, то мы бы были вынуждены перейти Дунай въ другомъ мѣстѣ и отказаться отъ богатой добычи: а подобная

переправа весьма затруднительна и потребовала бы времени и способовъ, которыхъ мы не имѣли.

Императоръ Францъ, оставивъ Молькъ, проѣхалъ только черезъ Вѣну въ Пресбургъ, и закрывъ собраніе венгерскаго сейма, возвратился въ Брюннъ, чтобъ соединиться съ императоромъ Александромъ. Русской арміи назначено было тамъ сосредоточиться. Австрійскій императоръ ввѣрилъ участь жителей столицы своему оберъ-каммергеру графу Вурбнѣ, котораго онъ облекъ въ званіе губернатора. Вмѣсто того, чтобъ возбудить жителей Вѣны къ подражанію ихъ предкамъ, этотъ добрый придворный уговаривалъ ихъ повиноваться и даже угрожалъ наказаніемъ тѣмъ, которые осмѣлятся подумать о частной защитѣ, нарушающей общественный порядокъ. Къ тому же большая часть дворянства удалилась въ Венгрію. Нѣжная попечительность государя о своей столицѣ и ея жителяхъ, безъ сомнѣнія прекрасная черта; но стоитъ ли она въ числѣ первыхъ его обязанностей? Были ли умѣстны патетическія поученія графа Вурбны, когда десятидневное сопротивленіе могло спасти государство?

При такомъ расположеніи мы не должны были встрѣтить большихъ затрудненій; и въ самомъ дѣлѣ правительство, не дожидаясь даже нашего требованія, поспѣшило выслать ко мнѣ на встрѣчу графа Цинцендорфа, съ предложеніемъ сдачи Вѣны. Мюратъ получилъ уже приказаніе ускорить свое движеніе. Ворота отворились 13-го утромъ, при приближеніи драгунъ Себастіани. Наши солдаты съ удивленіемъ вступали въ этотъ прекрасный городъ; гренадеры Удино слѣдовали за драгунами; они бросились къ мосту, дѣлая разные знаки артиллерійскому офицеру, поставленному съ однимъ орудіемъ посреди моста, для защиты его и поданія потомъ сигнала къ уничтоженію. Распространившаяся молва о мирномъ посольствѣ графа Гьюлая была причиною, что офицеръ и князь Ауэрсбергъ повѣрили, что начались переговоры и что перемиріе уже подписано (*); наши войска приблизились, окружили офицера и его отрядъ; колонна заняла мостъ. Князь Ауэрсбергъ, понявъ свою ошибку, нашелъ спасеніе въ бѣгствѣ, и наши солдаты, болѣе удивленные этимъ легкимъ пріобрѣтеніемъ прекраснаго моста, длиною въ 250 тоазовъ, нежели самымъ взятіемъ Вѣны, съ поспѣшностію перебѣжали мостъ, преслѣдуя непріятеля. Князь Ауэрсбергъ былъ преданъ военному суду; но ошибка его причинила зло, которое невозможно было исправить.

Узнавъ въ Буркерсдорфѣ объ этомъ странномъ происшествіи, я въ продолженіе ночи поспѣшилъ осмотрѣть мостъ и обдумать, что предпринять мнѣ; проведя ночь на бивуакахъ, я ускорилъ на другой день прибытіе моихъ войскъ, направилъ Мюрата черезъ Штокерау на цнаймскую дорогу, а самъ съ моею гвардіею расположился главною квартирою въ

(*) Австрійцы утверждали, что въ самомъ дѣлѣ посланъ былъ парламентеръ и что Мюратъ уверялъ въ существованіи перемирія. Подобныя хитрости уже не новы, и хотя онѣ терпимы по частому употребленію, но тѣмъ не менѣе онѣ противны народному праву.

Шёнбруннѣ, этомъ австрійскомъ Версалѣ.

Кутузовъ, вышедъ 13 изъ Кремса, чтобъ достигнуть большой дороги въ Моравію, узналъ на другой день о переходѣ нашемъ за Дунай и движеніи Мюрата. Онъ увидѣлъ себя стѣсненнымъ между двумя дорогами, ведущими изъ Вѣны и Кремса въ Цнаймъ. Положеніе его было тѣмъ затруднительнѣе, что я приказалъ Мортье и Бернадотту переправиться съ помощью флотиліи черезъ Дунай въ Маутернѣ и безпокоить арріергардъ Кутузова.

Русскій генералъ имѣлъ слабую надежду достигнуть прямой дороги черезъ Голлабрунъ прежде Мюрата; и еслибы даже ему удалось это, то Мортье, двинувшись усиленнымъ маршемъ черезъ Шраттенталь, могъ достигнуть Цнайма въ одно время съ непріятелемъ. Кутузовъ не долго медлилъ: онъ двинулъ Багратіона съ отборнымъ войскомъ къ Голлабруну, приказавъ ему держаться до послѣдней крайности, а самъ пошелъ прямо на Шраттенталь.

Держаться съ 9000 войска противъ Мюрата и Ланна, въ двухъ дняхъ пути отъ арміи, было чрезвычайно трудно; къ довершенію бѣдствія, генералъ Ностицъ, прикрывавшій отступленіе австрійскаго корпуса на Цнаймъ, отъ котораго Мюратъ требовалъ, чтобы онъ отложился отъ Русскихъ, подъ предлогомъ подписаннаго перемирія, повѣрилъ этому съ удивительною простотою, и пропустилъ наши кавалерійскія колонны, которыя неожиданно напали на Багратіона; гренадеры Удино поддержали ихъ атаку; завязалось упорное дѣло. Обходъ фланговъ принудилъ Русскихъ отступить на Шёнграбенъ.

Мюратъ, горя желаніемъ достигнуть Цнайма прежде Кутузова, и зная, что отъ этого можетъ быть зависѣло окончаніе кампаніи и совершенная погибель русской арміи, вздумалъ поставить въ бездѣйствіе Багратіона, также, какъ онъ сдѣлалъ это съ Ностицемъ; онъ послалъ къ нему парламентера, но на этотъ разъ хитрость обратилась ко вреду его. Кутузовъ особенно отличался прозорливостью: увѣдомленный о прибытіи французскаго парламентера и надѣясь спасти этимъ свою армію, онъ послалъ генерала Винцингероде къ Мюрату, чтобъ договориться съ нимъ о заключеніи перемирія. Винцингероде былъ генералъ-адъютантъ, онъ взялъ на свою отвѣтственность договариваться отъ имени императора на слѣдующихъ условіяхъ: русская армія отступитъ эшелонами въ Польшу; Французы остановятъ свое движеніе въ Моравію; противныя арміи останутся до полученія моей ратификаціи въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ онѣ находятся. Мюратъ такимъ образомъ попалъ самъ въ сѣти, которыя въ продолженіи трехъ дней два раза самъ разставлялъ непріятелю; Кутузовъ не могъ спасти Багратіона, бывшаго въ виду нашихъ ведетовъ, но онъ двинулъ свою армію форсированнымъ маршемъ, покуда курьеръ ѣздилъ въ Шёнбруннъ требовать моего одобренія. Понимая дѣло лучше Мюрата и будучи увѣренъ, что онъ обманутъ, я сдѣлалъ ему строгій выговоръ и далъ приказаніе продолжать наступленіе.

Корпусъ Сульта присоединился къ Мюрату и погибель Багратіона казалась неизбѣжною: 16 вечеромъ наши колонны устремились на Русскихъ; Удино, Вандаммъ и драгуны Мюрата оспоривали честь быть первыми въ огнѣ. Правый флангъ Русскихъ былъ обойденъ, а центръ опрокинутъ, не смотря на мужественное сопротивленіе. Закипѣлъ рукопашный бой посреди дымящихся развалинъ деревни Грундъ; лѣвый непріятельскій флангъ былъ отрѣзанъ; однакожъ, благодаря темнотѣ и нечаянности нападенія, онъ пробился сквозь наши колонны и отступилъ, оставя намъ трофеемъ побѣды деревню, наполненную трупами и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Третья часть войскъ Багратіона погибла въ этомъ сраженіи, продолжавшемся до 11 часовъ вечера; но онъ со славою отступилъ съ остальными, въ виду 40,000 человѣкъ, окружавшихъ его, можно сказать, со всѣхъ сторонъ.

Соединившись съ Мюратомъ, мы прибыли 17 въ Цнаймъ. Кутузовъ уже отступилъ къ Брюнну и ни что уже не препятствовало соединенію Русскихъ, которое и совершилось 19 въ Вишау. Себастіани преслѣдовалъ непріятельскій арріергардъ и захватилъ въ плѣнъ много отсталыхъ.

Я провелъ два дня въ Шёнбруннѣ; но этотъ прекрасный дворецъ не былъ для меня Капуею: много важныхъ причинъ удерживали меня тамъ и никогда я не оказывалъ столько дѣятельности, какъ въ это время. Я не только долженъ былъ дождаться вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что предпримѣтъ Кутузовъ; но мнѣ слѣдовало еще устроить управленіе Австріи и обеспечить будущее содержаніе моей арміи: для этого наложена была контрибуція во 100 милліоновъ; сверхъ того я приказалъ Мармону рекогносцировать дорогу въ Штирію, чтобъ узнать, гдѣ находились войска эрцъ-герцоговъ Карла и Іоанна. Мнѣ слѣдовало обеспечить себя со стороны Венгріи, сильнаго королевства, котораго сеймъ предписалъ значительный наборъ войскъ; я двинулъ Даву къ Пресбургу, чтобъ устрашить эту страну. Мортье занялъ съ 8-мъ корпусомъ Вѣну. Бернадоттъ, переправясь у Маутерна, потянулся съ баварскою дивизіею Вреде въ Богемію; они двинулись на Иглавъ, чтобъ удержать эрцъ-герцога Фердинанда, который снова собралъ отъ 12 до 15,000 войска. Это раздробленіе моихъ силъ удивитъ тактиковъ, проповѣдующихъ сосредоточеніе массъ; но оно было необходимо и доказываетъ мое умѣнье вести войну. Я зналъ, что Кутузову надобно было по крайней мѣрѣ 10 или 12 дней, чтобъ присоединиться къ другой Русской арміи и собраться съ силами послѣ такаго труднаго отступленія; показать же наши корпуса въ Пресбургѣ, Иглавѣ, Леобенѣ, значило въ одно и тоже время дѣйствовать на нравственныя силы венгерскаго народа, на эрцъ-герцоговъ: Карла, шедшаго изъ Италіи, и Фердинанда, защищавшаго Богемію; для рѣшительнаго удара, я могъ всегда успѣть собрать мои корпуса. Верхъ искусства состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть раздѣляться для преслѣдованія и дѣйствія на умы, обманывать непріятеля, и снова собирать свои силы въ рѣшительную минуту битвы. Ни одинъ полководецъ

не довелъ этого искусства до такой степени совершенства, какъ я. Чтобъ увѣриться въ быстротѣ и рѣшительности моей системы, довольно припомнить, что 18 Октября я былъ въ Эльхингенѣ, договариваясь съ Маккомъ о сдачѣ Ульма, мѣсяцемъ позже я находился уже въ Брюннѣ, переправясь черезъ Иннъ, Зальцу, Траунъ, Энсъ, Дунай и давъ сраженія при Амштетенѣ, Маріацеллѣ, Кремсѣ, Санктъ-Польтенѣ и Голлабрунѣ.

Мои соображенія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Даву не только получилъ отъ венгерскихъ депутатовъ увѣренія, что это государство не помѣшаетъ военнымъ дѣйствіямъ, если я не пойду далѣе Пресбурга; но въ числѣ ихъ нашлись даже такіе, которые предлагали приняться за оружіе для возстановленія своей независимости, если я соглашусь имъ покровительствовать (*). Бернадоттъ осмотрѣлъ дорогу на Иглавъ и увѣрился, что непріятель не былъ въ состояніи вредить намъ съ этой стороны. Мармонъ, занявъ Брукъ, сдѣлалъ выгодную для Массены диверсію и облегчилъ его дѣйствія: я очень хорошо зналъ, что онъ не былъ въ состояніи бороться противъ эрцъ-герцога; онъ и не имѣлъ этого порученія: его цѣль была показать эрцъ-герцогу голову колонны въ горахъ Штиріи и тѣмъ отвлечь его отъ намѣренія идти прямо на Вѣну, и заставить его предпочесть дальнюю, но болѣе безопасную дорогу черезъ Венгрію. Я такимъ образомъ увеличивалъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ Русской арміи, и значительно удалялъ время, въ которое онъ могъ бы начать дѣйствовать совокупно съ нею; этотъ отрядъ былъ употребленъ съ выгодою: въ послѣдствіи бы Мармонъ приблизился къ Вѣнѣ, смѣнилъ Мортье, и тѣмъ далъ бы мнѣ способъ сосредоточить мои силы между Дунаемъ и Брюнномъ, и дѣйствовать по моему произволу противъ обѣихъ непріятельскихъ арміи, или избрать удобнѣйшую для отступленія дорогу. Между тѣмъ, я приказалъ Даву направить одну дивизію въ Нѣйштадтъ для подкрѣпленія втораго корпуса, если бы произошло сраженіе въ зоммерингскихъ проходахъ.

Я болѣе и болѣе оцѣнялъ благоразумную мысль дойти до Вѣны и потомъ подняться въ Моравію. Это второе движеніе было слѣдствіемъ перваго: для успѣха слѣдовало увеличить и пространство, раздѣлявшее двѣ союзныя арміи и мою базу отступленія, которое было бы гораздо удобнѣе, если бы я направилъ его на Пассау. Пруссія не была въ состояніи тотчасъ же начать военныя дѣйствія: во первыхъ потому, что она ожидала присоединенія войскъ, содержавшихъ кордонъ на Вислѣ; во вторыхъ, потому что она желала лучше достичь своей цѣли переговорами, нежели оружіемъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ принялъ предложеніе императора Александра только условно и хотѣлъ еще разъ попытаться склонить меня къ миролюбивому окончанію дѣлъ.

20 я перевелъ мою главную квартиру въ Брюннъ. Прибывъ въ этотъ

(*) По заключеніи мира одно изъ важнѣйшихъ лицъ королевства было приговорено за это предложеніе къ заключенію въ темницу на 21 годъ.

городъ, я былъ крайне удивленъ тѣмъ, что Австрійцы не оставили хотя слабаго гарнизона въ цитадели, хорошо укрѣпленной, которую нельзя было взять безъ правильной осады. Я согласенъ, что увеличеніе гарнизоновъ въ крѣпостяхъ ослабляетъ дѣйствующую армію и не можетъ спасти государства; но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, занятіе Брюнна было слишкомъ важно, чтобъ не оставить въ немъ 2 или 3,000 человѣкъ. Крѣпость была не совсѣмъ въ исправности: вѣроятно не думали, что она такъ скоро подвергнется нашимъ ударамъ. Во всякомъ случаѣ мы могли только блокировать ее, и довольно было удержаться одну недѣлю, чтобъ выполнить ея назначеніе. Корпуса Ланна, Сульта и Мюрата расположились между этимъ городомъ, Аустерлицемъ и Вишау. Тутъ мы имѣли нѣсколько дневокъ; это былъ, можно сказать, первый отдыхъ моихъ войскъ, со времени выступленія ихъ изъ Булоня. Мы перенеслись менѣе нежели въ 3 мѣсяца съ береговъ Океана въ середину Моравіи, уничтожили цѣлую армію и покорили столицу гордой Австріи. Наши солдаты не нуждались ни въ винѣ, ни въ пищѣ; но обувь была въ ужасномъ состояніи: они шли босые по снѣгу. Не только необходимость дать войскамъ отдыхъ требовала этихъ дневокъ, но и положеніе, въ которомъ находились противныя арміи. Воспользуюсь этою остановкою, чтобъ обратить вниманіе на то, что происходило въ это время около меня; увлекшись быстротою и возрастающею занимательностью моего похода, я не сказалъ ни слова о дѣйствіяхъ вспомогательныхъ корпусовъ, оставленныхъ нами назади.

Между тѣмъ, какъ я быстро шелъ на Вѣну, Ней и Ожеро пріобрели не менѣе успѣховъ въ Тиролѣ. Извѣстно, что эта гористая страна, составляя какъ будто бастіонъ, господствующій надъ Италіею и Германіею, почиталась всегда Австрійцами ключемъ этихъ двухъ государствъ. Они полагали, что владѣя горами, можно владычествовать надъ долинами; и если эта аксіома тактически вѣрна, то мнѣ удалось доказать, что въ стратегическомъ отношеніи она не справедлива. Изъ Тироля выходятъ въ Германію 5 главныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ цѣпь альпійскихъ горъ и защищаемыхъ столькими же укрѣпленіями въ Фельдкирхѣ, Рейти (Фуссенѣ), Шарницѣ, Лейтенѣ и Куфштейнѣ. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ начальствовалъ тамъ сначала 45 или 50,000 войска; но часть этихъ силъ была взята у него для подкрѣпленія съ одной стороны Макка въ Швабіи, а съ другой эрцъ-герцога Карла въ Италіи. У него все еще оставалось до 35,000 человѣкъ кромѣ милиціи. Ней, шедшій изъ Ульма только съ 10,000 человѣкъ подступилъ 5 Ноября къ Шарницу (*). Одна баварская дивизія угрожала Куфштейну, или, лучше сказать, наблюдала эту крѣпость и

(*) Ней отдѣлилъ отъ себя дивизію Дюпона, которая съ этого времени слѣдовала за Мюратомъ; одну бригаду употребилъ онъ для препровожденія военнопленныхъ. У него оставалось только 3 бригады, т. е. 12 баталіоновъ и 8 эскадроновъ. Въ Инспрукѣ къ нему присоединились 4 баталіона, препровождавшіе плѣнныхъ.

прикрывала Баварію. Ожеро, перешедшій Рейнъ въ Гунпингенѣ, двинулся черезъ Шварцвальдъ къ Кемптену, и наткнулся на дивизію Елашича, вышедшую изъ Ульма, на канунѣ эльхингенскаго дѣла и искавшую спасенія въ Форарльбергѣ. Ней, не привыкшій считать непріятелей, хотѣлъ взять укрѣпленную бастіонными фронтами крѣпостцу Шарницъ, прикрывающую проходъ; но онъ былъ опрокинутъ; одна изъ его колоннъ, взобравшись на скалы, обошла и взяла небольшое укрѣпленіе Лейташъ, спустилась къ Зесфельду въ тылъ Шарницу, прикрытому только со стороны Германіи, обратила гарнизонъ въ бѣгство, захватила отъ 5 до 600 плѣнныхъ, и смѣло потомъ двинулась на Инспрукъ, въ средину непріятельской арміи.

Эрцъ-герцогъ Іоаннъ сосредоточился на Бреннерѣ для прикрытія отступленія Елашича и принца Рогана, изъ которыхъ одинъ находился въ Меранѣ, а другой въ Форарльбергѣ. Онъ далъ имъ приказаніе отступить съ наивозможною поспѣшностью на Ботценъ. Но уже было поздно: Елашичъ, окруженный при Дорнбирнѣ корпусомъ Ожеро, былъ принужденъ съ 5,000 человѣкъ положить оружіе и отпущенъ въ Богемію, съ условіемъ не служить въ продолженіи года. Принцъ Роганъ, болѣе счастливый, опрокинулъ 19 Ноября при Ботценѣ аванпосты Луазона; но, миновавъ этотъ городъ, онъ нашелъ проходы, ведущіе въ Каринтію, занятыми французскими войсками: эрцъ-герцогъ Іоаннъ, опасаясь за свой тылъ, совершенно открытый отступленіемъ его брата, почелъ необходимымъ оставить въ почь на 15-е Бреннеръ и отступить черезъ Виллахъ и Клагенфуртъ на Цилли, гдѣ онъ и соединился съ эрцъ-герцогомъ Карломъ. Роганъ, оставленный посреди тирольскихъ горъ, пытался уйти въ Италію, въ надеждѣ достигнуть Венеціи, пробравшись позади Массены, и съ этою цѣлью спустился по долинѣ Бренты къ Бассано; Сенъ-Сиръ, осаждавшій Венецію, двинулся къ нему на встрѣчу и разбилъ его при Кастель-Франко. Роганъ, не видя никакаго спасенія, положилъ оружіе 24 Ноября, съ 5,000 войска. Массена, бывшій въ то время на Изондзо, отрядилъ поспѣшно для подкрѣпленія Сенъ-Сира свой резервъ, составленный изъ гренадеръ: но онъ подоспѣлъ, когда уже все было кончено. Въ слѣдствіе этихъ событій, Ожеро расположился около Ульма для наблюденія Пруссіи; а Ней, ввѣривъ охраненіе Тироля баварской дивизіи, двинулся въ Зальцбургъ.

Возвратимся къ моей арміи, гдѣ готовились болѣе важные подвиги. Она оставалась въ бездѣйствіи отъ 22 до 28 Ноября между Вишау и Брюномъ, въ 3-хъ или 4-хъ льё отъ русской арміи, которая, расположившись у Ольмюца, ожидала прибытія гвардіи и резервовъ.

Я воспользовался этимъ отдыхомъ, чтобъ послать къ императору Александру генерала Савари, не столько для предложенія мира, сколько для того, чтобы узнать на какихъ условіяхъ союзники предложатъ заключить его. Австрійцы съ своей стороны прислали ко мнѣ Стадіона и Гьюлая, чтобъ узнать мои требованія:

они полагали, что присоединение Пруссии, движение эрцъ-герцога Карла на Вѣну, и произведенное наконецъ соединение Австрійцевъ съ Русскими заставятъ меня уменьшить требования, объявленныя въ Молькѣ. Но намъ труднѣе было сойтись, нежели когда либо: союзники настаивали на исполнении извѣстнаго проэкта Питта; они давали замѣтить, что мнѣ можетъ быть уступятъ Бельгію, но что слѣдовало очистить Германію и Италію, между тѣмъ какъ я не только хотѣлъ удержать все, что пріобрелъ, но еще требовалъ отъ Австріи Венецію для италіянскаго королевства и Тироля для Баваріи. Только оружіе могло согласить насъ. Однакоже я предложилъ перемиріе; австрійскіе посланные замѣтили, что это зависитъ отъ россійскаго императора и что они не уполномочены заключить перемиріе; я ихъ пригласилъ пріѣхать въ Вѣну, гдѣ можно будетъ продолжать переговоры.

На другой день (28-го), прибылъ въ мою главную квартиру графъ Гаугвицъ, прусскій министръ, съ объясненіемъ жалобъ своего государя, которыя я уже цѣлый мѣсяцъ читалъ во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ; король требовалъ удовлетворенія за насильственный проходъ черезъ его земли и очищенія всей Германіи. Эти требования были совершенно согласны съ моими желаніями, потому что онѣ ни сколько не касались ни Италіи, ни Голландіи; но другіе союзники не того хотѣли.

Между тѣмъ мнѣ донесли, что Русская армія тронулась изъ подъ Ольмюца, и захватила Вишау, постъ, прикрывавшій мои кантониръ-квартиры. Я замѣтилъ Гаугвицу, что долженъ его оставить и позаботиться о безопасности моей арміи, что вѣроятно скоро произойдетъ сраженіе и что ему покойнѣе будетъ въ Вѣнѣ у Талейрана, нежели на моихъ бивуакахъ; я предложилъ ему ѣхать въ столицу, увѣряя, что я, съ моей стороны, готовъ на все согласиться для мирнаго окончанія нашихъ дѣлъ. Я намѣренъ былъ дать ему болѣе вразумительный отвѣтъ на поляхъ аустерлицкихъ.

Русская гвардія и резервы, подъ командою цесаревича Константина Павловича, прибыли 25-го. Непріятельская армія тронулась 27-го и безъ труда сбила передовой постъ въ Вишау. Мы не были совершенно готовы къ бою: затрудненіе продовольствовать большую армію заставило меня отложить до послѣдней крайности сосредоточеніе моихъ войскъ. Впрочемъ было важно, какъ я сказалъ выше, удерживать въ страхѣ Богемію и Венгрію, и я разсчитывалъ, что, владѣя Брюнномъ, я всегда могу располагать тремя днями, чтобы притянуть къ себѣ корпуса Бернадотта и Даву. Я все предвидѣлъ и приказалъ имъ расположиться уступами, чтобы сократить имъ дорогу. Я предписалъ Мюрату, Ланну и Сульту тронуться съ кантониръ-квартиръ и собраться позади Брюнна, прикрывая однако этотъ городъ. Бернадоттъ получилъ приказаніе оставить въ Иглавѣ одну баварскую дивизію и направиться ко мнѣ форсированными маршами; Даву съ наивозможною поспѣшностью долженъ былъ двинуться къ Никольсбургу; Мортье приказано было сдать Вѣну дивизіи

Дюмонсо, изъ корпуса Мармона, и также спѣшилъ къ Брюнну; самъ же Мармонъ получилъ предписаніе оставить Нейштадтъ и приблизиться къ Вѣнѣ.

29-го мои силы не превышали 50,000; союзники имѣли 80,000 и по этому для нихъ необходимо было ускорить развязку и сильнѣе тѣснить меня, чтобы принудить вступить въ сраженіе. Правда что, благодаря выгодной позиціи и укрѣпленіямъ Брюнна, который они такъ неразсчетливо оставили безъ обороны, я не слишкомъ бы далеко былъ оттѣсненъ: но тѣмъ не менѣе выгода непріятеля требовала атаковать меня, или заставить вступить въ сраженіе: въ войнѣ должно всегда предпринимать то, что болѣе сообразно съ правилами; счастіе только довершаетъ дѣло.

Слава о стойкости Русскихъ заставляла меня опасаться ихъ: они подъ Голлабруномъ сражались, какъ во времена Фридриха при Цорндорфѣ; но Русскіе большею частью имѣли дѣло только съ Турками; императоръ Александръ былъ только союзникомъ Австрійцевъ, которые лучше знали театръ войны; онъ предоставилъ имъ всѣ главныя распоряженія. Я не могъ ожидать для себя ничего лучшаго, потому что главное лицо между распорядителями былъ тотъ самый Вейротеръ, съ которымъ я имѣлъ дѣло при Ровередо, Бассано и Риволи и котораго Моро такъ легко разбилъ при Гогенлиденѣ.

Съ перваго шага союзники худо поняли положеніе дѣлъ. Отступленіе моего авангарда, внушило имъ мысль, что я боюсь дать сраженіе и помышляю только о возвращеніи въ Вѣну. Съ этою мыслью они, вмѣсто того, чтобъ напасть на насъ открыто, стали производить дальнія движенія своимъ лѣвымъ флангомъ и направились по поперечнымъ дорогамъ, чтобъ отрѣзать меня отъ Вѣны. Эта ошибка была важна. Не много размысливъ, они бы могли понять, что я никакъ не рѣшусь отступать въ ту сторону, откуда шелъ эрцъ-герцогъ Карлъ и гдѣ я могъ найти разрушенными мосты на Дунаѣ, между тѣмъ, какъ въ тылу у меня лежала Богемія, земля совершенно новая, богатая, черезъ которую, сверхъ того, идетъ ближайшая дорога въ Баварію. Они, правда, имѣли нѣкоторыя побудительныя причины дѣйствовать къ сторонѣ Венгріи, чтобы соединиться съ эрцъ-герцогомъ Карломъ; но думать объ этомъ было еще не время: онъ былъ въ Карніоліи, а Русская армія ожидала прибытія корпуса Эссена въ Ольмюцъ, слѣдовательно это обстоятельство не могло служить достаточною причиною движенія на дорогу къ Гёдингу.

29-го непріятель сдѣлалъ небольшой переходъ въ двѣ льё съ половиною, отъ Вишау до кучраускихъ высотъ. Этотъ переходъ, хотя и весьма малый, показывалъ однакоже твердое намѣреніе итти къ Ауспицу; но у нихъ предположенія, составленныя наканунѣ, отвергались на другой день. Отказавшись отъ намѣренія стратегически маневрировать, чтобъ обойти наше правое крыло, они снова обратились прямо на насъ, но и то съ величайшею медленностью. 30-го они расположились на бивуакахъ при Гогидицѣ. Я употребилъ этотъ день, чтобъ осмотрѣть окрестности,

и убѣдился, что отъ меня зависѣло подкрѣпить мое правое крыло и уничтожить намѣреніе непріятеля, занявъ съ главными силами высоту Працена отъ р. Сантона до Крженовица, чтобъ удержать его съ фронта. Но это произвело бы стычку равныхъ силъ, а я хотѣлъ вѣрнѣйшаго. Стремленіе непріятелей обойти мой правый флангъ не было подвержено никакому сомнѣнію; я разсчиталъ нанести вѣрный ударъ, дозволивъ имъ маневрировать, и растянуть ихъ лѣвое крыло; съ этою цѣлью я занялъ праценскую высоту только кавалерійскимъ отрядомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, непріятель, вышедъ 1 Декабря изъ Аустерлица, расположился противъ насъ на праценской позиціи, вытянувъ лѣвый флангъ до Ауезда. Бернадоттъ, прибывшій изъ Богеміи, вступилъ въ строй, а Даву съ одною дивизіею дошолъ до райгерискаго аббатства; дивизія Гюденя стала бивуаками у Никольсбурга.

Донесенія о непріятельскихъ движеніяхъ, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, утвердили меня въ моемъ мнѣніи. Въ 9 часовъ вечера я проѣхалъ по своей линіи, чтобъ обозрѣть мою армію, и разсмотрѣть непріятельскіе огни. Я велѣлъ прочесть войскамъ моимъ прокламацію, которая не только обѣщала имъ побѣду, но и объясняла маневръ, которымъ мы должны были пріобресть ее. Тутъ, безъ сомнѣнія въ первый разъ еще, главнокомандующій повѣрялъ своимъ войскамъ планъ сраженія; но я не опасался, что непріятели о немъ узнаютъ: онъ показался бы имъ не вѣроятнымъ. Эта поѣздка была однимъ изъ самыхъ трогательныхъ происшествій моей жизни. Мое присутствіе передъ фронтомъ сообщило войскамъ какой то восторгъ, который подобно электрическому удару, передался съ быстротою молніи отъ солдата къ солдату, отъ начала до конца линіи; совершенно неожиданно всѣ пѣхотныя дивизіи подняли вверхъ привязанные къ длиннымъ шестамъ зажженные пуки соломы и дали мнѣ иллюминацію, въ которой было что-то странное и величественное. Въ этотъ день минулъ годъ послѣ моего коронованія. Эти огни напомнили мнѣ пучки зажженныхъ лозъ, которыми Аннибалъ обманулъ Римлянъ, и бивуаки лигницкаго лагеря, которые спасли армію Фридриха, обманувъ Дауна и Лаудона. При проѣздѣ моемъ передъ каждымъ полкомъ раздавались клики: «да здравствуетъ императоръ!...» повторенные каждымъ корпусомъ, они несли въ непріятельскій лагерь доказательство восторга, одушевлявшаго моихъ солдатъ. Въ этой сценѣ было что-то торжественное, величественное. Всѣ солдаты раздѣляли со мною увѣренность въ побѣдѣ, внушенную мнѣ ихъ преданностью.

Эта линія, которую я объѣхалъ только къ ночи, простиралась отъ Кобельница до р. Сантона. Корпусъ Сульта составлялъ правый флангъ, расположенный между Сокольницемъ и Понтовицемъ, противъ непріятельскаго центра. Бернадоттъ стоялъ бивуаками позади Гирдковица, Мюратъ влѣво отъ этой деревни, а Ланнъ по обѣимъ сторонамъ брюннскаго шоссе; резервы расположились позади Сульта и Бернадотта.

Противупоставивъ мое правое крыло, подъ начальствомъ Сульта,

непріятельскому центру, я ясно видѣлъ, что на него будутъ обращены главные удары. Но чтобъ движеніе этой части силъ принесло мнѣ ожидаемую пользу, слѣдовало удалить отъ нея непріятельскія войска, которыя дебушировали къ Блазовицу и по аустерлицкому шоссе; должно было полагать, что императоры и главная квартира находились при нихъ (*) и что на нихъ слѣдовало нанесть первый ударъ и потомъ, сдѣлавъ перемѣну фронта, обратиться на ихъ лѣвое крыло, которое такимъ образомъ мы отрѣзали бы отъ Ольмюца.

И такъ я рѣшился подкрѣпить сначала мою гвардію и гренадерскими резервами движеніе Бернадотта на Блазовицъ, чтобъ опрокинуть правое крыло непріятеля, и потомъ уже ударить на лѣвое, которое, чѣмъ болѣе подвигалось къ Тельницу, тѣмъ въ худшее приходило положеніе.

Мое предположеніе было уже рѣшено наканунѣ, потому что я его объявилъ своимъ войскамъ; дѣло состояло теперь только въ томъ, чтобъ не пропустить удачной минуты. Я провелъ ночь на бивуакахъ; маршалы собрались около меня для полученія послѣднихъ приказаній.

Я сѣлъ на лошадь въ 4 часа утра. Луна уже закатилась; ночь была холодна и довольно темна, но погода ясная. Мнѣ необходимо было знать, не сдѣлалъ ли непріятель ночью какаго либо движенія, которое бы могло разстроить мой планъ. Передовые посты донесли, что шумъ въ непріятельскомъ лагерѣ, казалось, подвигался отъ праваго фланга къ лѣвому; огни казались болѣе вытянутыми къ Ауезду. На зарѣ, легкій туманъ закрылъ отчасти горизонтъ, особенно въ низменныхъ мѣстахъ; но палъ туманъ и солнце освѣтило высоты, между тѣмъ какъ долины еще дремали во мракѣ. Мы ясно видѣли праценскія возвышенія, покрытыя прежде войсками, а теперь оставленныя лѣвымъ крыломъ непріятеля: очевидно было, что онъ не перемѣнилъ намѣренія вытянуть свою линію за Тельницъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я замѣтилъ другую массу, идущую отъ центра къ правому флангу, по направленію на Голубицъ. Тогда я вполнѣ убѣдился, что непріятель самъ подвергаетъ моимъ ударамъ свой ослабленный центръ. Было 8 часовъ утра; войска Сульта собрались въ долинѣ Понтовица, построясь въ двѣ линіи, въ баталіонныхъ колоннахъ къ атакѣ. Я спросилъ у маршала, сколько ему нужно времени, чтобы достигнуть праценскихъ высотъ; онъ обѣщалъ быть тамъ менѣе нежели черезъ 20 минутъ. Подождемъ же еще немного, отвѣчалъ я.... когда непріятель производитъ ошибочное движеніе, надобно стараться не мѣшать ему.

Скоро ружейная перестрѣлка около Сокольница и Тельница сдѣлалась чаще; адъютантъ донесъ мнѣ, что непріятель выходитъ оттуда съ большими силами; я только этого и ждалъ, чтобы подать условный знакъ: Мюратъ, Ланнъ, Бернадоттъ и Сультъ поскакали къ своимъ войскамъ; я тоже сѣлъ верхомъ, направился къ центру, и проѣзжая мимо войскъ, повторилъ имъ:

(*) Русская гвардія и цесаревичъ проходили тамъ, но я не могъ знать, что императоръ Александръ, съ Кутузовымъ, находился у колонны Коловрата.

Владиміръ Константиновичъ
Крамаренко

«Непріятель самъ безразсудно спѣшитъ «на свою гибель; окончите походъ «громовымъ ударомъ!» Клики: «да здравствуетъ императоръ!» были отвѣтомъ и сигналомъ къ атакѣ; прежде нежели я опишу ее, посмотримъ, что дѣлалось въ арміи союзниковъ.

Если основываться на предположеніи, составленномъ Вейротеромъ, то союзники имѣли цѣлью дѣйствовать тактически по тому самому плану, который они до сего времени хотѣли выполнить стратегическими маневрами; то есть, произвесть движеніе усиленнымъ лѣвымъ крыломъ, чтобъ обойти мое правое, отрѣзать меня отъ дороги къ Вѣнѣ и, разбивъ, отбросить къ Брюнну. Хотя судьба моя и не была связана съ потерею этой дороги и хотя дорога чрезъ Богемію, была гораздо удобнѣе для моего отступленія, но тѣмъ не менѣе справедливо, что этотъ планъ представлялъ выгоды союзникамъ; но, чтобы выполнить его съ успѣхомъ, не слѣдовало отдѣлять дѣйствующаго лѣваго крыла; напротивъ того центру и правому крылу надлежало постепенно слѣдовать за лѣвымъ флангомъ и вытянуться въ томъ же направленіи. Вейротеръ и здѣсь, какъ при Риволи, маневрировалъ обоими флангами, или, по крайней мѣрѣ, если онъ не имѣлъ подобнаго намѣренія, то дѣйствовалъ такъ, что нельзя было не подумать этого, судя по движеніямъ войскъ.

Лѣвое крыло подъ командою Буксгевдена, состоявшее изъ авангарда Кинмайера, 3 русскихъ дивизій Дохтурова, Ланжерона и Прибышевскаго, силою въ 30,000, должно было двинуться тремя колоннами съ праценскихъ высотъ чрезъ Ауездъ на Тельницъ и Сокольницъ, перейти рѣчку, образующую въ лѣво два озера и свернуть потомъ на Турасъ.

4-я колонна, подъ начальствомъ Коловрата, составляла центръ; съ ней шла главная квартира по направленію чрезъ Працепъ къ Кобельницу, нѣсколько позади 3-й колонны; она состояла изъ 12 небольшихъ батальоновъ подъ начальствомъ Милорадовича и 15 австрійскихъ батальоновъ, составленныхъ изъ рекрутъ.

5-я, состоявшая изъ 80 эскадроновъ, подъ начальствомъ князя Іоанна Лихтенштейна, должна была оставить центръ, позади котораго она провела ночь, и подкрѣплять правый флангъ, направясь по шоссе въ Брюннъ.

6-я, бывшая на окопечности праваго фланга и составленная изъ авангарда, подъ начальствомъ Багратіона, состояла изъ 12 батальоновъ и 40 эскадроновъ, которые должны были по большой брюннской дорогѣ атаковать высоты Сантона и Бозенитца.

7-я, составленная изъ гвардіи, подъ командою цесаревича Константина Павловича, служила резервомъ правому крылу, по брюннскому шоссе.

Изъ этого видно, что непріятель хотѣлъ прорвать мою линію, полагая что она вытянута до Мельница, между тѣмъ какъ моя армія, сосредоточенная между Шлапаницомъ и брюннскою дорогою, была готова встрѣтить противниковъ.

По этой диспозиціи Буксгевденъ, уже и безъ того стоявшій впереди другихъ, ранѣе всѣхъ началъ движеніе; сверхъ того, кавалерія Лихтенштейна двинулась отъ центра къ правому крылу, такъ что праценскія

высоты, ключь всего поля сраженія, остались совершенно безъ защиты.

По данному знаку, всѣ колонны мои двинулись. Бернадоттъ прошелъ гирцковицкое дефиле и направился къ Блазовицу, поддержанный слѣва Мюратомъ; Ланнъ, держась на одной высотѣ съ нимъ, наступалъ по обѣимъ сторонамъ брюннскаго шоссе; моя гвардія и резервы слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи за корпусомъ Бернадотта, готовые ударить на центръ, если бы непріятель вздумалъ снова притянуть туда свои войска.

Сультъ какъ вихрь устремился отъ кобельницкаго и поптовицкаго оврага, съ дивизіями Сентъ-Илера и Вандамма, подкрѣпленными бригадою Левассёра. Другія двѣ бригады дивизіи Леграна были оставлены на флангѣ, чтобъ прикрыть и оборонять противъ Буксгевдена тельницкія и сокольницкія дефиле. Очевидно было, что онѣ не могли удержаться, и потому я приказалъ маршалу Даву выступить изъ Райгерна съ пѣхотною дивизіею Фріана и драгунскою Бурсье, чтобъ удерживать русскія колонны до того времени, когда обстоятельства позволятъ сильнѣе атаковать ихъ.

Едва успѣвъ взойти на праценскую высоту, Сультъ столкнулся съ колонною Коловрата (4-ю), которая направлялась въ центрѣ позади 3-й и, полагая себя обеспеченною войсками, идущими впереди, шла взводною походною колонною. Императоръ Александръ, Кутузовъ и его главный штабъ находились при ней. Такія неожиданныя встрѣчи посреди главной квартиры всегда поражаютъ войска изумленіемъ и производятъ

безпорядокъ. Милорадовичъ, шедшій въ авангардѣ, едва успѣлъ вводить въ дѣло батальоны свои по мѣрѣ того, какъ они выстраивались; онъ былъ опрокинутъ и Австрійцы, слѣдовавшіе за нимъ, подверглись той же участи. Императоръ Александръ показалъ большое хладнокровіе и лично подвергался опасности, чтобы остановить и устроить войска; но, благодаря смѣшнымъ распоряженіямъ Вейротера, у него не нашлось подъ рукою ни одной дивизіи, которая бы могла служить ему резервомъ. Союзныя войска были опрокинуты къ Гостпрадеку; бригада Каменскаго, принадлежавшая къ составу 3-й колонны, которая была такимъ образомъ атакована съ лѣваго фланга, присоединилась къ Кутузову и возстановила на нѣкоторое время равновѣсіе боя; но эта помощь недостаточна была, чтобъ удержать соединенныя усилія Сентъ-Илера, Вандамма и Левассёра; линія Коловрата, опасаясь быть опрокинутою въ болотистую бирнбаумскую долину, отступила, согласно диспозиціи, къ Вишау. Вся непріятельская артиллерія завязла на полузамерзшей мѣстности и попалась въ наши руки; а пѣхота, безъ кавалеріи и артиллеріи, ничего не могла сдѣлать противъ побѣдоносныхъ войскъ Сульта.

Въ роковую минуту этого рѣшительнаго удара, двѣ колонны праваго крыла Буксгевдена пересѣкли другъ другу дорогу и смѣшались около Сокольница, откуда однако, не смотря на усилія дивизіи Леграна онѣ вышли; самъ Буксгевденъ также дебушировалъ изъ Тельница; 4 баталіона не были въ состояніи удержать его.

Въ это мгновеніе прибылъ Даву изъ Райгерна и дивизія Фріана отбросила авангардъ непріятеля къ Тельницу; но какъ сраженіе принимало болѣе рѣшительный оборотъ при Сокольницѣ, то Даву, оставивъ при Тельницѣ только однихъ драгунъ Бурсье, двинулся вверхъ по рѣчкѣ до Сокольница съ дивизіею Фріана. Тутъ завязалось жаркое дѣло; Сокольницъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и наконецъ остался за Русскими. Ланжеронъ и Прибышевскій достигли даже марксдорфскихъ высотъ; наши войска, расположенныя полукружіемъ, атаковали нѣсколько разъ ихъ фланги весьма удачно. Это сраженіе, хотя и кровопролитное, было однакожъ не важно: достаточно было удержать непріятеля, не опрокидывая его; даже не худо было пустить его еще не много впередъ.

Между тѣмъ, какъ наши дѣла принимали столь выгодный для насъ оборотъ на нашемъ правомъ флангѣ, мы пріобрели не менѣе успѣховъ въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ. Тутъ, съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и съ гвардіею, произошло точно то же, что съ главною квартирою и 4-ю колонною: они должны были составлять резервъ и были первые атакованы.

Багратіонъ вытянулъ свой правый флангъ до Дварошны, чтобъ обойти и атаковать позицію на Сантонѣ. Кавалерія Лихтенштейна, направленная изъ центра, чтобы подкрѣпить его, столкнулась дорогою съ другими колоннами, такъ что великій князь и гвардія пришли прежде ея въ Кругъ и попали въ первую линію, въ то самое время, какъ Бернадоттъ наступалъ къ Блазовицу, а Ланнъ по обѣимъ сторонамъ брюннскаго шоссе: закипѣлъ жаркой бой.

Послѣ долгаго движенія на правое крыло цесаревича, князь Лихтенштейнъ пришелъ наконецъ и началъ строиться, когда гвардейскіе уланы, увлеченные неумѣстною храбростью, бросились между дивизіями Бернадотта и Ланна, чтобъ настигнуть легкую кавалерію Келлермана, которая отъ нихъ отступила. Храбрые русскіе уланы, были атакованы резервами Мюрата, опрокинуты и подведены подъ огонь нашихъ двухъ пѣхотныхъ линій, которыя половину ихъ положили на мѣстѣ.

Между тѣмъ наши успѣхи около Працена, заставили Кутузова отозвать Лихтенштейна для поддержанія центра; князь, угрожаемый съ обѣихъ сторонъ, не зналъ кого слушать и кому подать первую помощь; онъ поспѣшилъ послать 4 кавалерійскихъ полка, но они подоспѣли только для того, чтобъ быть свидѣтелями разбитія Коловрата. Генералъ Уваровъ съ 30 эскадронами, былъ поставленъ между Багратіономъ и великимъ княземъ, остальная кавалерія расположилась на его лѣвомъ крылѣ.

Великій князь, видя, что французскія колонны вторгаются въ Блазовицъ и выходятъ изъ него, рѣшился сойти съ высотъ, чтобъ остановить ихъ успѣхи. Это движеніе казалось ему необходимымъ, какъ для собственной его безопасности, такъ и для освобожденія центра, положеніе котораго становилось опасно.

Между тѣмъ какъ завязался упорный бой между русскою гвардіею и

дивизіею Эрлона, великій князь приказалъ конно-гвардейскому полку атаковать правый флангъ этой дивизіи, состоявшій изъ 4-го линейнаго полка, откомандированнаго отъ дивизіи Вандамма для прикрытія интервала. Русскіе кирасиры бросились на этотъ полкъ, пробились сквозь первый батальонъ, и отняли у него знамя; но заплатили за это потерею лучшихъ своихъ воиновъ. Эта отдѣльная стычка была не опасна; но, не зная однакожъ, поддержитъ ли ее непріятель, я почелъ нужнымъ отрядить туда маршала Бессьера съ моею гвардейскою кавалеріею; онъ бросился въ атаку. Русская линія послѣ упорной защиты должна была уступить соединеннымъ усиліямъ Бернадотта и Бессьера; гвардейская пѣхота, не могшая долѣе сопротивляться, отступила къ Крженовицу. Кавалергарды, прибывшіе въ это время изъ Аустерлица, надѣялись возстановить дѣло; но тщетно: этотъ отборный полкъ русской кавалеріи не въ состояніи былъ ничего сдѣлать: атакованный конными гренадерами, подъ командою Раппа, онъ былъ прорванъ и весь центръ началъ отступать къ Аустерлицу.

Между тѣмъ, Мюратъ и Ланнъ съ успѣхомъ атаковали корпусъ Багратіона и подкрѣплявшую его кавалерію Уварова. Наши кирасиры прорвали лѣвый флангъ этого крыла, тѣснимый уже дивизіями Сюше и Кафарелли. Побѣда на всѣхъ пунктахъ увѣнчала мои соображенія.

Зная, что Бернадоттъ, Ланнъ и Мюратъ были довольно сильны, чтобъ довершить съ этой стороны пораженіе непріятеля, я принялъ вправо съ моею гвардіею и резервомъ Удино, чтобы помочь Сульту разбить лѣвое крыло, атакованное съ тыла и стѣсненное посреди озеръ. Было два часа, когда Сультъ, одушевленный нашимъ прибытіемъ, соединилъ дивизіи Сентъ-Илера и Леграна, готовясь взять Сокольницъ съ тыла, между тѣмъ, какъ Даву атаковалъ его съ фронта; Вандаммъ съ своей стороны устремился къ Ауезду; моя гвардія и гренадеры слѣдовали за ними, чтобы въ случаѣ надобности подкрѣпить ихъ атаки.

Дивизія Прибышевскаго, окруженная въ Сокольницѣ, положила оружіе, и только нѣсколько человѣкъ, спасшихся бѣгствомъ принесли непріятелю извѣстіе объ этомъ несчастіи. Ланжеронъ, тѣснимый въ свою очередь, былъ не болѣе счастливъ: только половина его войскъ успѣла присоединиться къ Буксгевдену. Сей послѣдній, который съ колонною Дохтурова потерялъ пять или шесть часовъ въ безполезной схваткѣ около Тельница, вмѣсто того, чтобъ въ 10 часовъ уже начать движеніе къ Сокольницу, сталъ наконецъ помышлять о собственномъ своемъ спасеніи; онъ тронулся въ третьемъ часу, чтобъ возвратиться къ Ауезду и выйти изъ западни, въ которую попался, и двинулся долиною между озерами и высотами. Онъ выходилъ колонною изъ деревни; Вандаммъ стремительно бросился на его флангъ, проникъ въ Ауездъ и такимъ образомъ разрѣзалъ колонну на двое. Буксгевденъ, не имѣя возможности возвратиться, продолжалъ движеніе съ двумя головными батальонами, на соединеніе съ Кутузовымъ; но Дохтуровъ и

Ланжеронъ, съ остальными 28 баталіонами, не могли вырваться изъ пространства между озерами и высотами, занятыми Сентъ-Илеромъ, Вандаммомъ и моими резервами. Голова колонны со стороны Ауезда, сопровождавшая артиллерію, хотѣла пробраться черезъ каналы, образовавшіеся отъ высохшихъ озеръ; но мостъ не выдержалъ тяжести пушекъ. Храбрые воины желая спасти свои орудія, хотѣли перейти окопечность замерзшаго озера; но ледъ, пробитый нашими ядрами, лопнулъ подъ тяжестью этой массы: пушки и люди гибли подъ его глыбами: болѣе 2,000 человѣкъ потонуло. Дохтурову оставалось только итти подъ нашимъ огнемъ по берегу озера до Тельница, чтобы достигнуть плотины, отдѣлявшей тельницкое озеро отъ мельницкаго. Онъ успѣлъ въ этомъ, понеся однако же значительную потерю, и достигъ наконецъ Затхана, поддержанный храброю кавалеріею Кинмайера. Они вмѣстѣ двинулись по дорогѣ въ Цейчь, по горамъ, сильно преслѣдуемые нашими войсками. Остатокъ артиллеріи, спасенной непріятелемъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ, былъ брошенъ при отступленіи по ужаснымъ дорогамъ, которыя шедшій наканунѣ дождь и оттепель сдѣлали непроходимыми.

Положеніе непріятеля было ужасно; я опередилъ его по дорогѣ въ Вишау, по которой онъ впрочемъ и не могъ слѣдовать, потому что она была уже разворена, и притомъ остатки его лѣваго крыла не могли до нея достигнуть. Онъ вынужденъ былъ броситься въ Венгрію; но Даву, котораго одна дивизія прибыла уже въ Никольсбургъ, могъ фланговымъ движеніемъ предупредить его въ Гёдингѣ, между тѣмъ какъ мы сильно его преслѣдовали. Союзная армія, потерявъ 25,000 убитыми, ранеными и плѣнными и 180 пушекъ, была въ ужасномъ разстройствѣ. Императоръ не хотѣлъ снова ввѣрить судьбу государства случайностямъ боя, который могъ его всего лишить. Онъ прислалъ ко мнѣ князя Іоанна Лихтенштейна и просилъ свиданія со мною. На другой день мы съѣхались на бивуакахъ.

Намъ не трудно было согласиться; мнѣ надобно было чѣмъ нибудь кончить: эрцъ-герцогъ Карлъ приближался къ Дунаю; Венгрія, одушевленная его присутствіемъ, могла возстать; непріятельскіе резервы подходили къ Ольмюцу; эрцъ-герцогъ Фердинандъ вытѣснилъ баварскую дивизію Вреде изъ Иглава; Пруссія угрожала вступить изъ Саксоніи во Франконію съ 100,000 человѣкъ; правда, что все это представляло отдаленныя затрудненія, между тѣмъ какъ слѣдствія моей побѣды были вѣрны и непосредственны.

Я далъ замѣтить князю Лихтенштейну, что, соглашаясь на перемиріе, я забывалъ выгоды побѣдителя, чтобъ доказать мое желаніе мира. Я убѣждалъ въ томъ же австрійскаго императора, доказывая ему, что для него гораздо лучше было допустить меня спокойно выполнить мое предпріятіе противъ Англіи, нежели препятствовать его исполненію.

Перемиріе было заключено: Русскіе должны были немедленно возвратиться въ Польшу, а договаривающимся положено было собраться въ

Пресбургѣ, чтобъ окончательно условиться о мирѣ.

Никогда успѣхъ не былъ болѣе блистателенъ и, можно сказать, болѣе заслуженъ. Побѣда была предсказана на канунѣ; она сдѣлалась несомнѣнною, когда въ 10 часовъ утра Сультъ овладѣлъ Праценомъ, а Бернадоттъ Блазовицемъ. Безъ сомнѣнія успѣхъ нашъ былъ облегченъ слѣпымъ упорствомъ Буксгевдена, дѣйствовавшаго согласно диспозиціи, не смотря на атаки мои противъ центра арміи. Если бы онъ, услышавъ за собою канонаду, повернулъ съ своими 60 баталіонами къ Кобельницу, по лѣвому берегу рѣчки, мы увидѣли бы себя въ затруднительномъ положеніи; впрочемъ, сосредоточенные вокругъ Шлапаница, мы бы приняли сраженіе съ выгодою, имѣя дѣло съ непріятелемъ, раздѣленнымъ на двѣ части; побѣда не имѣла бы тогда такихъ блистательныхъ послѣдствій, но, вѣроятно, я во всякомъ случаѣ удержалъ бы за собою поле сраженія.

Впрочемъ странно было бы приписывать Буксгевдену несчастіе, происшедшее единственно отъ жалкихъ распоряженій Вейротера, по которымъ армія оставлена была безъ центра, и главная квартира перенесена въ первую линію, въ промежутокъ, бывшій рѣшительнымъ пунктомъ поля сраженія.

Представлялось только два способа съ выгодою атаковать меня: или поддерживать постепенно остальною арміею атаку лѣваго крыла, отказавшись отъ ольмюцкой дороги и приняв за основаніе Венгрію; это нисколько не было противно правиламъ стратегіи, потому что эрцъ-герцогъ Карлъ приближался съ этой стороны; или, напротивъ того, сблизить лѣвое крыло съ остальною частью арміи, сохраняя позади себя ольмюцкую дорогу. Для этого, Буксгевденъ долженъ бы былъ дебушировать черезъ Сокольницъ и Кобельницъ на Марксдорфъ, вмѣсто того, чтобъ растягиваться до Тельница. Такова была славная битва при Аустерлицѣ. Больше всѣхъ побѣдъ моихъ я горжусь этою, какъ потому, что поразилъ здѣсь самаго мощнаго изъ моихъ непріятелей, такъ и потому, что стеченіе обстоятельствъ увѣнчало всѣ мои предположенія, какъ будто я самъ командовалъ обѣими противными арміями (*), которыя, казалось, производили заранѣе условленные маневры.

Заключивъ перемиріе, я поспѣшилъ возвратиться въ Вѣну, чтобъ ускорить переговоры и привести въ порядокъ внутреннія дѣла моей арміи; къ тому же я долженъ былъ отвѣчать Гаугвицу.

Ожеро находился въ Баваріи; корпусъ Нея, предоставя занятіе Тироля баварской дивизіи, прибылъ въ Зальцбургъ. Массена и Мармонъ подступили къ Вѣнѣ. Армія, одержавшая аустерлицкую побѣду также приближалась къ столицѣ; я былъ въ состояніи нанести рѣшительные удары, еслибъ союзники вздумали продолжать войну. У нихъ оставалось еще

(*) Побѣды при Ульмѣ, Маренго, Іенѣ, Регенсбургѣ были также блистательны; но онѣ были слѣдствіемъ стратегическихъ дѣйствій и другихъ сраженій. Замѣчательнѣйшія тактическія сраженія были при Аустерлицѣ, Риволи и Дрезденѣ.

много средствъ; но средства эти были разсѣяны. Эрцъ-герцогъ Карлъ былъ слишкомъ удаленъ, чтобъ непосредственно дѣйствовать съ своею арміею, лишенною духа и бодрости продолжительнымъ отступленіемъ и совершеннымъ уничтоженіемъ силъ имперіи. Онъ бы подвергъ себя ударамъ моей побѣдоносной арміи, усиленной войсками Массены, Мармона и Мортье: Русскіе были поставлены на нѣкоторое время въ невозможность вредить намъ. Пруссаки.... но не будемъ преждевременно описывать ихъ гибель, и займемся теперь переговорами съ берлинскимъ кабинетомъ, отдалившими ее на нѣсколько мѣсяцевъ. Гаугвицъ чувствовалъ, что не время было угрожать мнѣ: я ему предложилъ забыть насильственный переходъ черезъ владѣнія, которыя небольше моего были уважаемы воюющими державами въ 1796 и 1800 годахъ и предлагалъ ему курфиршество Ганноверъ въ замѣнъ Ансбаха, Клеве и Нефшателя: это предложеніе было слишкомъ выгодно для Пруссіи, и министръ ея не могъ не согласиться; трудно было найти лучшій случай вложить въ ножны мечь, слишкомъ поздно занесенный. Гаугвицъ слѣпо принялъ мои предложенія, обрадованный тѣмъ, что могъ привезть своему государю вмѣсто раззорительной войны, извѣстіе о такомъ значительномъ приращеніи; я также имѣлъ въ этомъ выгоду, потому что избѣгалъ войны противъ старинаго союзника Франціи, и сверхъ того ставилъ Пруссію въ двусмысленное положеніе относительно Англіи.

Договоръ съ Пруссіею былъ подписанъ 15 Декабря, а заключенный съ Австріею въ Пресбургѣ, 26-го, положилъ конецъ этой коалиціи противъ Франціи. Австрія довольно дорого за нее заплатила: по требованію моему она уступила мнѣ Венецію, которой владѣнія были мнѣ нужны для усиленія италіянскаго королевства и моей морской системы; она мнѣ отдала Тироль и Инфиртель для увеличенія Баваріи. Чтобъ привязать къ себѣ неразрывными узами этихъ храбрыхъ союзниковъ, я возвелъ Баварію и Виртембергъ въ королевства, а маркграфство Баденъ сдѣлалъ великимъ герцогствомъ. Зальцбургъ, отданный по люневильскому миру герцогу тосканскому, былъ уступленъ Австріи. Герцогъ тосканскій получалъ Вюрцбургъ и этимъ подпадалъ подъ мою зависимость: въ замѣнъ же Вюрцбурга и герцогства бергскаго, которые уступила Бавaрія, она получила Ансбахъ, Инфиртель и Тироль.

Я въ тоже время предложилъ миръ и Россіи; Александръ отвергъ его; этотъ отказъ былъ благороденъ, потому что, принявъ миръ, онъ призналъ бы униженіе своихъ союзниковъ. Отказавшись отъ него, онъ показалъ твердость въ превратностяхъ судьбы и увѣренность въ своихъ силахъ. Этотъ отказъ показалъ мнѣ, что судьба міра зависѣла отъ насъ двоихъ. Впрочемъ война между нами не могла продолжаться, потому что мы были раздѣлены нейтральными землями. Русскіе возвратились въ свои границы.

Пока я громилъ моихъ непріятелей, они вели на сѣверѣ довольно странную войну. Чтобъ воспользоваться рыцарскимъ духомъ шведскаго

короля Густава IV, и понудить его перенесть свои силы на твердую землю, Россія и Англія ввѣрили ему начальство надъ арміею, къ которой онъ долженъ былъ присоединить 15,000 Шведовъ. Соединясь въ Померапіи съ корпусомъ Толстаго, состоявшимъ изъ 10,000 человѣкъ, онъ перешелъ Эльбу у Лауэнбурга и вошелъ въ Ганноверъ. Въ это же время ганноверскія войска и нѣсколько англійскихъ баталіоновъ высадились около Штаде, подъ начальствомъ генерала Дона; лордъ Катскартзъ, съ другимъ англійскимъ корпусомъ, слѣдовалъ за ними.

Эти войска, простиравшіяся до 40,000 человѣкъ, должны были очистить Ганноверъ, гдѣ у меня оставался только гарнизонъ Гаммельна, и дѣйствовать потомъ противъ Голландіи. Хотя я предвидѣлъ опасность и послалъ въ эту страну моего брата Людовика съ кадрами такъ называемой сѣверной арміи, но только такая побѣда какъ аустерлицкая, могла отвратить грозу, тѣмъ болѣе, что сомнительное отношеніе Пруссіи дѣлало вопросъ еще сложнѣе. Къ счастью мнѣ помогла неосторожность Густава. Раздраженный противъ союзниковъ, неодобрявшихъ неумѣстный угрожающій тонъ его противъ Пруссіи, въ то самое время, какъ Александръ договаривался съ нею въ Потсдамѣ, шведскій король возвратился въ Померанію и, отказавшись отъ командованія, уничтожилъ возможность успѣха этой экспедиціи. Послѣ трехнедѣльныхъ переговоровъ, Густавъ возвратился въ Лауэнбургъ; но корпусъ Толстаго былъ отданъ въ распоряженіе Пруссіи, которая, договариваясь, принимала на себя безопасность сѣверной германіи. Это раздѣленіе силъ снова не поправилось Густаву, а Толстой перешелъ въ Мекленбургъ, откуда потомъ возвратился въ Россію, когда заключенный съ Пруссіею миръ сдѣлалъ его присутствіе въ Ганноверѣ безполезнымъ. Англичане также сѣли на суда, и Густавъ окончилъ свои рыцарскіе подвиги, отправивъ шведскія войска въ Померанію, и оставивъ только 500 человѣкъ для сохраненія Англичанамъ Лауэнбурга.

Дворъ обѣихъ Сицилій выказалъ своимъ непонятнымъ поведеніемъ всю свою ненависть ко мнѣ. Я заключилъ, 2 Сентября, съ неаполитанскимъ посланникомъ въ Парижѣ, маркизомъ де Галло, неутральный договоръ, по которому несчастія, неразрывныя съ войною, должны были быть удалены отъ Неаполя; черезъ это я получалъ возможность употребить въ дѣло корпусъ Сепъ-Сира, занимавшій это королевство: договоръ былъ выгоденъ для обѣихъ сторонъ и утвержденъ королемъ 8 Октября; однако же, хотя по видимому онъ спасалъ отъ гибели неаполитанское королевство, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ въ затруднительное положеніе правительство. До подписанія этого договора, королева Каролина употребляла всѣ возможныя средства, чтобъ заставить принять участіе въ судьбѣ Неаполя Англію, Россію и Австрію: по плану союзниковъ было назначено высадить туда 12,000 Русскихъ и 6000 Англичанъ, присоединить къ нимъ 25,000 неаполитанскаго войска и двинуться къ По, для избавленія

Италіи. Эти силы въ самомъ дѣлѣ появились на рейдѣ Неаполя, въ половинѣ Ноября. Принять ихъ, не смотря на только что заключенный со мною договоръ, значило подвергнуться моему справедливому гнѣву; отвергнуть союзниковъ, у которыхъ просили помощи, также было неблагородно. Фердинандъ, по своему обыкновенію, колебался; но его увлекло враждебное расположеніе королевы ко мнѣ: она приняла союзниковъ 20 Ноября и уговорила Фердинанда присоединить къ нимъ свою армію. Составленъ былъ операціонный планъ, по которому эти соединенныя силы должны были овладѣть Тосканою и атаковать мою армію съ тыла. Евгеній, для встрѣчи этого новаго непріятеля, долженъ былъ собрать на анконской границѣ всѣ оставшіяся у него французско-италіянскія войска, присоединивъ къ нимъ національную гвардію королевства.

Руководимая своею слѣпою ненавистью, королева пожертвовала своимъ народомъ, семействомъ и короною, изъ одной надежды, сколько нибудь повредить мнѣ. Всякій безпристрастный человѣкъ согласится, что подобнымъ поведеніемъ она уже впередъ уполномочивала побѣдителя поступить съ нею по своему произволу. Еслибъ я былъ побѣжденъ, то это возстаніе въ Италіи мнѣ бы много повредило; оставшись побѣдителемъ, я радъ былъ найти предлогъ, чтобъ довершить свое завоеваніе, и доставить корону одному изъ моихъ братьевъ, избавившись въ то же время отъ непримиримаго врага. Неаполитанское королевство должно было откровенно принять политическую систему Франціи и Испаніи, какъ это было во время фамильнаго союза.

На другой день по заключеніи пресбургскаго договора (27 Декабря), декретомъ моимъ я объявилъ, что *неаполитанскій король лишенъ престола*. Массена получилъ уже приказаніе, тотчасъ по заключеніи перемирія, усилить корпусъ Сенъ-Сира до 30,000 человѣкъ и направить его на Римъ. По заключеніи же мира, я предписалъ Массенѣ увеличить еще эти силы и принять самому надъ ними начальство. Оставимъ его спѣшить на легкія побѣды, и обратимъ вниманіе на морскую войну, которой происшествія были не менѣе рѣшительны, хотя и приняли совершенно противный оборотъ.

Вилльнёвъ, какъ я уже говорилъ, вышедъ изъ Ферроля съ 33 кораблями, возвратился, не исполнивъ приказаній моихъ, въ Кадиксъ, вмѣсто того, чтобъ отплыть въ Брестъ; это обстоятельство, соединенное съ войною на твердой землѣ, заставило меня отказаться отъ высадки.

Справедливо негодуя на ошибки этого адмирала, я назначилъ вмѣсто его Розили и приказалъ, чтобы соединенный флотъ тотчасъ же вышелъ въ Средиземное море, освободилъ бы отъ блокады Картагену, захватилъ небольшую эскадру Англичанъ у Неаполя, высадилъ бы тамъ 10,000 человѣкъ десантнаго войска, для подкрѣпленія Сенъ-Сира въ Тарентѣ, и тѣмъ далъ бы сему послѣднему возможность покорить Неаполь. Флотъ нашъ долженъ былъ потомъ войти въ Тулонъ, запастись свѣжимъ провіантомъ и выслать крейсеровъ по

всѣмъ направленіямъ и въ Океанъ, и въ Средиземное море. Я въ особенности желалъ владѣть островомъ Св. Елены, чтобъ останавливать все, что шло изъ Индіи. Въ то время, когда я старался занять эту скалу, могъ ли я предвидѣть всѣ горести и страданія, которыя испыталъ тамъ въ послѣдствіи! Я надѣялся, внушивъ Англичанамъ опасенія за Египетъ, принудить ихъ содержать значительныя морскія силы въ Средиземномъ морѣ. Эта система была превосходна, чтобъ образовать морскихъ офицеровъ, истощать силы непріятеля и вредить его торговлѣ; она въ особенности была хороша въ это время, когда состояніе дѣлъ на твердой землѣ заставило меня на нѣсколько лѣтъ еще отказаться отъ высадки.

Доказательствомъ выгодъ этой системы служатъ успѣхи, пріобрѣтенные тогда адмираломъ Лалльманомъ. Я сказалъ уже, что этотъ храбрый морякъ, не успѣвъ соединиться съ Вилльнёвомъ, крейсировалъ между Ирландіею и бискайскимъ моремъ; онъ держался тамъ до конца Декабря и вошелъ съ торжествомъ въ Рошфоръ, ведя за собою одинъ линейный корабль, множество призовъ и 1,200 человѣкъ плѣнныхъ: успѣхъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ пріобрелъ его, такъ сказать, въ собственныхъ водахъ Англіи, въ морѣ, пересѣкаемомъ по всѣмъ направленіямъ ея купеческими судами.

Однако, за исключеніемъ этого частнаго случая, эта система подвергала наши морскія силы отдѣльнымъ дѣламъ, которыя могли уничтожить ихъ по частямъ; можетъ быть было бы полезнѣе оставить нашъ флотъ въ Кадиксѣ, выдающемся пунктѣ, весьма удобномъ для отплытія и почти неприступномъ для блокады: во время бурь, производимыхъ юго-восточными вѣтрами, сосѣдство такихъ опасныхъ береговъ было бы гибельно для англійскихъ судовъ; 30 кораблей могли несравненно болѣе вредить Англичанамъ изъ Кадикса, нежели изъ Тулона. Только огромность издержки для содержанія этихъ кораблей и невыгода дѣлать эту издержку въ чужой землѣ, могутъ оправдывать отплытіе флота. Вилльнёвъ по моему приказанію долженъ былъ снова выйти; но во всякомъ случаѣ, если онъ былъ блокированъ 29 кораблями, то отъ него зависѣло остаться въ Кадиксѣ; онъ рѣшился на первое, и слишкомъ точнымъ выполненіемъ моего пагубнаго приказанія самъ ускорилъ свою гибель. Между тѣмъ англійское адмиралтейство, увѣдомленное о прибытіи нашего флота въ Кадиксъ, приказало Нельсону отправиться съ наивозможною поспѣшностью изъ Портсмута и принять начальство надъ всѣми британскими силами въ этихъ моряхъ. Нельсонъ тотчасъ же вышелъ съ 2 или 3 кораблями, бывшими въ готовности. Этотъ славный морякъ прибылъ 17 Октября къ флоту адмирала Коллингвуда и принялъ надъ нимъ начальство.

Вилльнёвъ снялся съ якоря 19-го съ 33 кораблями и 9 фрегатами. Вѣроятно онъ полагалъ имѣть дѣло только съ 21 кораблемъ Коллингвуда и Кольдёра; увѣряютъ, что онъ былъ извѣщенъ наканунѣ о прибытіи Нельсона; но, полагаясь на донесенія одного купеческаго судна, онъ этому не

повѣрилъ. Съ другой стороны, зная, что я гласно не одобрялъ его недѣятельности въ Мартиникѣ, и сверхъ того, желая загладить и свое бездѣйствіе въ абукирскомъ сраженіи, и свой возвратъ въ Кадиксъ, онъ рѣшился дать сраженіе, безъ сомнѣнія полагая, что на вѣки себя обезславитъ, уходя безъ боя съ превосходными силами. Съ этою мыслью и зная притомъ, что важныя дѣйствія, предположенныя въ Ла-Маншѣ, не зависятъ болѣе отъ его поступковъ, этотъ адмиралъ, который не посмѣлъ итти къ Бресту и вступить въ сраженіе съ меньшими силами, готовился теперь, руководимый неумѣстнымъ и несвоевременнымъ мужествомъ, вступить въ сраженіе съ искуснѣйшимъ моряком нашего столѣтія, почти съ равными силами; если онъ полагалъ себя въ правѣ ослушаться меня въ столь важномъ дѣлѣ, какъ соединеніе съ брестскимъ флотомъ, то какъ же не осмѣлился онъ истолковать иначе мои приказанія тогда, когда дѣло шло только о простомъ отплытіи безъ настоящей цѣли?

Гибельная встрѣча произошла 21 Октября близъ трафальгарскаго мыса, нѣсколько къ юго-западу отъ Кадикса. Вилльнёвъ могъ еще исправить свою ошибку, принявъ мѣры, которыя бы склонили успѣхъ на его сторону; но, положившись на отданное капитанамъ приказаніе, чтобы каждый корабль принялъ участіе въ битвѣ, онъ упорно послѣдовалъ старой неправильной системѣ развертыванія своего флота въ параллельную линію, и ожидалъ, чтобы противникъ поступилъ съ нимъ точно такимъ же образомъ, какъ съ эскадрою Брюйса при Абукирѣ. Преступя приказанія, надобно, по крайней мѣрѣ умѣть дѣйствовать, и побѣдить или умереть.

Нельсонъ, болѣе искусный, воспользовался дувшимъ тогда сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, построился въ двѣ колонны, отрѣзалъ 14 кораблями центръ отъ праваго крыла между тѣмъ какъ другіе 13 напали на лѣвое крыло и постепенно выстраивались на всей его длинѣ. Этого достаточно было, чтобъ обеспечить успѣхъ Англичанъ: нашъ флотъ, совершенно разбитый, возвратился въ свои гавани, потерявъ 16 кораблей вмѣстѣ съ адмиральскимъ, который долженъ былъ спустить флагъ. Другіе четыре корабля, ушедшіе подъ командою Дюмануара, наткнулись близъ Рошфора на крейсеровъ адмирала Стречёна и сдались почти равнымъ силамъ.

Нельсонъ былъ счастливѣе меня: онъ палъ посреди побѣды. Гравина умеръ отъ ранъ; этотъ искусный и храбрый морякъ заслуживаетъ по справедливости сожалѣнія. Вилльнёвъ, отпущенный на слово во Францію, опасаясь слѣдствій военнаго суда, которому онъ былъ бы преданъ, умертвилъ себя въ Ренне и избавилъ свою память отъ приговора, котораго бы вѣроятно не избѣгнулъ.

Это сраженіе, болѣе гибельное нежели сраженіе при Гогѣ, рѣшило, можетъ быть, участь міра, если принять во вниманіе, что моя судьба и судьба Англіи зависѣли отъ этой побѣды, стоившей побѣдителямъ всего 1,600 человѣкъ убитыми и ранеными: примѣчательный примѣръ разницы между войною на морѣ и на твердой землѣ. Малѣйшее авангардное

сраженіе, съ 1805 по 1815 стоило дороже этой великой побѣды. Болѣе 30.000 человѣкъ погибло въ сраженіяхъ при Эйлау и при Бородинѣ, а эти сраженія не имѣли между тѣмъ другихъ послѣдствій, кромѣ бесполезной для побѣдителя чести удержать за собою поле битвы, то есть, нѣсколько тоазовъ земли.

Съ этого времени нашъ флотъ уже не могъ болѣе показываться, и все остальное время моего царствованія я только старался привести его въ состояніе снова помѣряться силами съ англійскимъ.

Я получилъ извѣстіе объ этомъ пораженіи на пути въ Вѣну. Дивныя побѣды при Ульмѣ и Аустерлицѣ едва могли утѣшить меня въ этомъ несчастіи, заставившемъ меня принять совершенно новую политическую систему.

—

ГЛАВА IX.

Возвращеніе Наполеона въ Парижъ. Неудовольствія съ Пруссіею. Смерть Питта: онъ замѣщенъ Фоксомъ. Система Наполеона для федеративной державы. Іосифъ сдѣланъ королемъ Неаполя, а Людовикъ королемъ Голландіи. Договоръ объ учрежденіи рейнскаго союза. Переговоры съ Россіею и Англіею. Разрывъ съ Пруссіею. Сраженіе при Іенѣ и Ауэрштедтѣ. Уничтоженіе прусской арміи. Французы овладѣваютъ Гессеномъ, Ганноверомъ и всѣми землями до Вислы.

—

Какъ только двойный миръ съ Австріею и Пруссіею возстановилъ, хотя на нѣкоторое время, спокойствіе въ Европѣ, я поспѣшилъ возвратиться во Францію, гдѣ дѣла, не менѣе важныя, требовали моего присутствія.

Возвращеніе мое въ Мюнхенъ было истиннымъ торжествомъ. Со временъ Карла-Теодора, союзника Людовика XIV, съ тѣхъ поръ, какъ Австрія покушалась въ 1778 году овладѣть ихъ отечествомъ, Баварцы сохраняли непримиримую ненависть къ честолюбивому вѣнскому кабинету: они встрѣтили меня съ такою чистосердечною, такою трогательною радостью, какой никогда еще, ни въ комъ не встрѣчалъ я. Народъ, видя, какъ много королевская корона, которою я увѣнчалъ любимаго имъ государя, увеличивала его могущество и внѣшнее къ нему уваженіе, ясно понялъ различіе моихъ поступковъ съ дѣйствіями Австріи.

Нѣсколько старыхъ пушекъ, отнятыхъ у курфирстскихъ войскъ въ 1703 году и найденныхъ въ вѣнскомъ арсеналѣ, были по моему приказанію препровождены въ Мюнхенъ съ нѣсколькими австрійскими орудіями, взятыми въ возмездіе. Ихъ везли со всѣми военными почестями. Патріотическій порывъ одушевилъ Баварцевъ во всѣхъ концахъ государства.

Я воспользовался этимъ расположеніемъ Баваріи, чтобъ укрѣпить наши сношенія родственнымъ союзомъ. Принцъ Евгеній, вице-король Италіи, соединился бракомъ съ принцессою Амаліею, старшею дочерью баварскаго короля, а Бертье, котораго я вознесъ на степень владѣтелей, давъ ему княжества Нёфшатель, вступилъ въ бракъ съ племянницею короля.

Пребываніе мое въ Мюнхенѣ было ознаменовано большими празднествами; общая радость достигла высочайшей степени. Я не ожидалъ такаго лестнаго пріема при виртембергскомъ дворѣ, гдѣ курфирстъ, государь, имѣвшій твердый характеръ, не питалъ къ намъ подобнаго расположенія. Онъ уступилъ только силѣ, присоединившись къ намъ въ началѣ похода, хотя по матери онъ былъ дядя императору Александру. Положеніе его владѣній побудило меня поступать съ нимъ также, какъ и съ баварскимъ королемъ: я съ достаточною вѣроятностію полагалъ, что возведя его на тронъ, привяжу его къ себѣ неразрывными узами. Я не ошибся въ этомъ разсчетѣ.

Возвращеніе мое представляло непрерывную цѣпь торжествъ: въ особенности видъ моста въ Келѣ, представлялъ удивительную картину по необыкновенному стеченію народа на обѣихъ сторонахъ Рейна. Людовикъ XIV сказалъ, что нѣтъ болѣе Пиренеевъ; я съ большею основательностію могъ сказать, что граница Рейна между Франціею и Германіею уже не существуетъ. Мнѣ предшествовала въ столицу депутація сената, прибывшая въ Вѣну для поздравленія меня съ двумя побѣдами, подобныхъ которымъ не было въ лѣтописяхъ Франціи, и которыя такъ славно омыли стыдъ пораженія нашего флота при Трафальгарѣ. Мнѣ приготовляли въ Парижѣ блистательный пріемъ; я въѣхалъ ночью, чтобъ избавиться отъ торжествъ, мнѣ назначенныхъ, которыя я такъ хорошо умѣлъ устроивать, когда мои виды того требовали.

Новыя заботы ожидали меня въ Парижѣ. Въ то самое время, какъ я утверждалъ могущество и славу Франціи на основаніяхъ, казавшихся незыблемыми, спокойствіе государства едва не рушилось страннымъ банкротствомъ. Барбе-Марбуа, употребивъ 140 милліоновъ на испанскія делегаціи на Вера-Крусъ, ошибочнымъ разсчетомъ подорвалъ государственную казну, и для покрытія текущихъ расходовъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ банку, который въ свою очередь былъ введенъ въ затруднительное положеніе и его билеты, выдержавшіе всѣ бури революціи, до того потеряли кредитъ, что испуганная толпа окружала ворота банка, требуя уплаты. Никогда наши финансы не были въ такомъ странномъ положеніи. Прибывъ въ 9 часовъ вечера въ Тюльери, я провелъ ночь въ повѣркѣ общественной казны, и собранный на другой день въ 11 часовъ утра финансовый совѣтъ долженъ былъ придумать средства къ отвращенію зла. Я тогда еще не имѣлъ тайной казны въ тюльрійскихъ подвалахъ: надобно было открыть источники для удовлетворенія первыхъ требованій: къ счастію намъ это удалось; довѣріе

мало по малу было возстановлено и Парижъ отдѣлался однимъ страхомъ. Это мнѣ доказало, что политическое величіе государства не можетъ служить мѣрою его кредита и что необходима особая казна для непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Этотъ переломъ повлекъ за собою новыя политическія соображенія: великія событія, ознаменовавшія походъ 1805 года и на сушѣ, и на морѣ, совершенно измѣнили взаимное положеніе двухъ соперницъ, оспоривавшихъ другъ у друга всемірную торговлю и первенство. Трафальгарскій день довершилъ владычество Англичанъ на моряхъ; чтобы уравновѣсить ихъ могущество, надобно было создать новую систему.

Старинная поговорка: «*владыка «морей, владыка земли*,» какъ ни странна съ перваго взгляду, но нельзя отвергать, что она по крайней мѣрѣ отчасти справедлива, припомнивъ, чего достигали самыя мелкія государства посредствомъ флота, и какъ быстро распространилось владычество Римлянъ, когда они освободились отъ соперничества съ Карѳагеномъ. Открытіе Америки и изобрѣтеніе компаса удвоили важность флота. Могущество, котораго достигли мореплаваніемъ Голландія, Испанія и Англія, утвердило эту поговорку.

Высоко цѣня вліяніе, пріобретаемое владычествомъ на моряхъ, я однакожъ справедливо полагалъ, что это вліяніе происходитъ отъ несогласія державъ твердой земли; что при согласіи ихъ, повѣрье сдѣлается ложнымъ. Зная, что Франція никогда не достигнетъ высшей степени счастія и могущества, если не будетъ въ состояніи, по крайней мѣрѣ, бороться съ Англіею на моряхъ, я уже употребилъ всѣ возможныя средства, чтобы возстановить нашъ флотъ и извлечь изъ побѣдъ ульмской и аустерлицкой средства спасти Америку, освободить Индію и избавить Европу отъ ига, подавлявшаго ея торговлю.

Со временъ моей египетской экспедиціи, могущество Англичанъ въ Индіи утроилось: паденіе Типпо-Саиба, а еще болѣе, уничтоженіе Синдіяха и берарскаго рая, побѣжденныхъ Лейкомъ и Уэллслеемъ при Дели, Лассавари и Асси, наконецъ покореніе раевъ буртпурскаго и голкарскаго возвысили могущество англійской компаніи до 40 милліоновъ жителей, и до 200,000 регулярныхъ войскъ, частью Сипаевъ, частью Европейцевъ. Англія угрожала покорить всю Азію. Вся Европа принималась за оружіе, чтобы не дать Франціи присоединить нѣсколько апенинскихъ долинъ, и никто не думалъ поставить преграды увеличенію англійскаго могущества на востокѣ и въ мексиканскомъ заливѣ.

Для достиженія моей цѣли, мнѣ были необходимы время и миръ; но миръ на такихъ условіяхъ, которыя не лишали бы меня средствъ успѣть въ желаемомъ; онъ долженъ былъ быть блистателенъ. Трудно было надѣяться на подобный миръ, вспомнивъ о сильной ненависти, которую возжигали противъ меня возгласы англійскихъ журналовъ, которыхъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ было возбужденіе въ душѣ моей чувства непримиримой вражды, чувства, мнѣ не

сроднаго. Я не поклялся, подобно Аннибалу, въ вѣчной войнѣ противъ враговъ моего отечества; но я долженъ былъ отмстить за личныя обиды, причиною которыхъ было англійское правительство. Я чувствовалъ, что равно ненавидѣли и Францію, и меня самаго, и что слѣдовало готовиться къ борьбѣ бесконечной; что оставалось, или пасть, или достигнуть моей цѣли: будущее величіе Франціи, моя честь и спокойствіе равно отъ этого зависѣли.

Не имѣя возможности бороться съ Англіею, ни посредствомъ большихъ флотовъ, ни посредствомъ высадки, я рѣшился наносить ей удары, гдѣ только было возможно. Видя, какъ много вреда могъ сдѣлать Вилльнёвъ въ Антильскомъ морѣ, я приказалъ половинѣ нашего брестскаго флота отплыть въ двухъ эскадрахъ: одна, подъ начальствомъ Вюльйоме, должна была поспѣшить на помощь къ мысу Доброй Надежды и доставить туда французской гарнизонъ; другая, подъ предводительствомъ Леиссега, должна была сдѣлать тоже въ Санто-Доминго, гдѣ генералъ Ферранъ выдерживалъ одинъ въ продолженіи трехъ лѣтъ нападенія Негровъ и цвѣтныхъ. Исполнивъ это, онѣ должны были держаться въ морѣ, и стараться брать призы. Вторая эскадра пришла на мѣсто назначенія съ вспомогательными войсками, и высадила ихъ; но, атакованная адмираломъ Дьюквортзомъ на рейдѣ, гдѣ занималась починкою кораблей, она была взята въ расплохъ: прекрасный корабль *Емперіяль*, атакованный тремя англійскими, былъ совершенно разбитъ, и его посадили на мель, чтобъ не отдать непріятелю. *Діомеда* постигла та же участь; три другіе корабля сдѣлались добычею Англичанъ.

Вюльйоме, извѣщенный на пути, что мысъ Доброй Надежды подпалъ подъ власть Попэма и Берда, которые туда высадились, направилъ путь свой къ Мартиникѣ. Мой братъ Іеронимъ служилъ подъ его начальствомъ капитаномъ корабля. Вскорѣ Вюльйоме, преслѣдуемый тремя эскадрами Варёна, Стречёна и Луйза, отрядилъ *Ветерана*, которымъ командовалъ мой братъ, во Францію, чтобъ извѣстить меня о потерѣ мыса и о своемъ положеніи. Этотъ корабль сдѣлалъ нѣсколько богатыхъ призовъ на высотахъ азорскихъ острововъ; но, настигнутый крейсерами около береговъ Бретани, онъ долженъ былъ сѣсть на мель подъ защитою нашихъ батарей въ Конкарно, близъ Лоріана. Эскадра Вюльйоме, была разсѣяна ужасною бурею; адмиралъ достигъ съ своимъ кораблемъ Гаваны; три другіе были взяты или сожжены, одинъ только возвратился къ нашимъ берегамъ.

Адмиралъ Линуа, менѣе несчастливый въ водахъ Индіи, сдѣлалъ тамъ много богатыхъ призовъ и долго поддерживалъ Иль-де-Франсъ. Но, возвращаясь въ Европу по взятіи мыса Доброй Надежды, онъ попалъ ночью въ средину непріятельской эскадры, и не смотря на храброе сопротивленіе, былъ взятъ съ кораблемъ *Марсо*, на которымъ онъ самъ находился.

Неудача этихъ послѣднихъ попытокъ удостовѣрила меня въ необходимости необычайныхъ средствъ,

для восторжествованія надъ Англіею. Слѣдовало найти способъ уничтожить могущество и торговлю Англичанъ на твердой землѣ; но я не иначе могъ имѣть достаточное число моряковъ и кораблей, какъ подчинивъ моему вліянію всѣ прибрежныя страны, а въ ожиданіи этого, я могъ закрыть, обладая этими странами, всякій доступъ непріятельской монополіи.

Самое вѣрное средство успѣха въ этомъ представлялось въ тѣсномъ соединеніи державъ твердой земли; но какимъ способомъ достигнуть этого общаго согласія, которое было противно торговымъ выгодамъ однѣхъ и честолюбивымъ видамъ другихъ? Послѣднія, униженныя нашими побѣдами, дышали только мщеніемъ; первыя обязаны были всемъ благосостояніемъ своимъ торговымъ сношеніямъ, подъ сѣнью благодѣтельнаго неутралитета. Чтобъ замѣнить это общее согласіе, мнѣ нуженъ былъ по крайней мѣрѣ союзъ хотя одной первостепенной державы. Недавній опытъ убѣдилъ меня въ невозможности бороться съ британскимъ колоссомъ, пока мы не будемъ въ состояніи имѣть на твердой землѣ надежнаго оплота, чтобы противустать коалиціямъ, которыя сенъ-джемскій кабинетъ готовъ былъ всякій разъ устроивать, видя себя въ опасности. Только тогда могъ бы я обратить наши силы на твердой землѣ въ вспомогательныя, и имѣлъ бы возможность употребить силы, народонаселеніе и доходы Франціи на морскую войну.

Союзъ Людовика XV съ Австріею въ 1756 году, столь славный для Шуазеля, имѣлъ подобную цѣль; скоро распространившись на царствующіе дома Неаполя и Сардиніи, онъ дополнилъ федеральную систему Франціи. Союзъ съ Испаніею былъ возобновленъ; для успѣха слѣдовало возобновить и союзъ съ Австріею. Но была ли хотя малѣйшая вѣроятность привлечь на свою сторону эту державу, побѣжденную нами во ста сраженіяхъ и лишенную мною преобладанія надъ Германіею и Италіею. Революціонная война не произвела ли между этими двумя старыми союзниками, если не вѣчную, то по крайней мѣрѣ продолжительную вражду? Долженъ ли я былъ для окончанія этой вражды лишить Францію плодовъ ея побѣдъ, и обогащать побѣжденную державу, которой выгоды могли быть одинаковы съ выгодами Людовика XV, но которой правила и виды были теперь совершенно противуположны нашимъ.

Россія, для которой Англія была такъ опасна, должна была страшиться и того преобладанія, болѣе непосредственнаго, которымъ грозилъ я Европѣ. Она вооружилась противъ меня: и я не могъ искать ея союза. Пруссія, обогащенная плодами своего неутралитета, надѣялась, что всѣ политическія бури пройдутъ мимо, не касаясь ея: притомъ же она была слишкомъ слаба, чтобы собственнымъ своимъ союзомъ возстановить равновѣсіе: 7 милліоновъ жителей могли бы только тогда удерживать Австрію и Россію, когда бы всѣ силы Франціи подкрѣпляли ихъ; а это не соотвѣтствовало цѣли (*).

(*) Я говорю тутъ, что союзъ Пруссіи не былъ достаточенъ для обезпеченія равновѣсія на твердой землѣ; въ послѣдствіи

Что же мнѣ слѣдовало предпринять? Мнѣ оставалось одно средство: окружить себя второстепенными государствами, соединенными между собою. За благодѣянія Франціи, онѣ должны были дѣйствовать за одно съ нею. Этимъ средствомъ можно было пріобресть достаточный перевѣсъ на твердой землѣ, чтобы удержать Австрію и Россію отъ новыхъ попытокъ на полѣ брани, и имѣть въ послѣдствіи возможность обратить все мое могущество на Англію и все мое вліяніе противъ ея торговли.

Таковы были первоначально настоящія причины этихъ присоединеній къ моей имперіи, этихъ королевствъ, отданныхъ членамъ моей фамиліи. Я искалъ не увеличенія пространства, а источниковъ силы для борьбы противъ Англіи и ея союзниковъ. По мѣрѣ того, какъ британскія эскадры пріобретали новые успѣхи и покоряли какую либо колонію въ Индіи, я спѣшилъ объявить новое присоединеніе какой нибудь провинціи въ Европѣ, желая убѣдить Англичанъ, что они ничего не выиграютъ, продолжая войну; что съ каждымъ ихъ пріобретеніемъ, я удвоиваю мое могущество, и что изъ моихъ присоединеній къ Франціи извлекаю болѣе выгодъ, нежели они изъ вновь пріобретенныхъ колоній.

Безъ сомнѣнія эта система была противна принятымъ понятіямъ о народномъ правѣ, котораго законъ отвергаетъ всякое завоеваніе, если наслѣдственность или браки не даютъ на него права; но я не первый попиралъ эти, столь прославленныя правила публицистовъ; Фридрихъ Великій и Екатерина II 40 лѣтъ до меня, а другіе еще прежде ихъ поступали подобнымъ образомъ. Притомъ Англичане считали себя въ правѣ дѣлать на морѣ все, чему Европа не могла воспротивиться. Отъ чего же я не могъ дѣйствовать на сушѣ, какъ они на морѣ? Если море принадлежитъ тому, у кого наболѣе кораблей, отъ чего же твердая земля не можетъ принадлежать тому, у кого болѣе баталіоновъ, и кто умѣетъ ихъ употреблять лучшимъ образомъ?

Основываясь на этихъ разсужденіяхъ, я рѣшился воспользоваться важными успѣхами, пріобретенными мною въ войнѣ 1805 года, чтобы дать рѣшительный перевѣсъ моей федеративной системѣ; слѣдствіемъ этого было присоединеніе къ ней неаполитанскаго и голландскаго королевствъ и образованіе рейнскаго союза.

Между тѣмъ, какъ я полагалъ основанія этой новой системы, знаменитый Питтъ умеръ скоропостижно (23 Генв).

Говорятъ, что кончина этого великаго человѣка, была ускорена извѣстіемъ объ аустерлицкой побѣдѣ,

я скажу, что она была необходимѣйшимъ союзникомъ во время войны противъ сѣвера и дѣлала меня обладателемъ Германіи: въ этомъ нѣтъ противорѣчія. Первое предположеніе примѣняется къ войнѣ на морѣ, при положеніи Европы въ 1805 году, то есть, къ борьбѣ, въ которой Франція желала бы употребить всѣ свои силы, не содѣлываясь главнымъ дѣйствователемъ на твердой землѣ. Въ войнѣ же собственно на твердой землѣ, гдѣ вся Германія была на нашей сторонѣ, Пруссія, присоединясь къ намъ, разумѣется дѣлала насъ повелителями Европы. Въ первомъ предположеніи, Пруссія была главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, во второмъ только вспомогательнымъ.

обѣщавшей продолжительное благоденствіе имперіи, которую онъ хотѣлъ ниспровергнуть. Не знаю, справедлива ли всеобщая молва, но преемники Питта, назначенные королемъ, объявили въ началѣ, что Англія, видя успѣхи наши, чувствовала необходимость перемѣнить свою систему. Фоксъ былъ назначенъ главою новаго правленія. Выборъ этого оратора, извѣстнаго приверженца мира, служилъ хорошимъ предзнаменованіемъ, хотя по положенію и образу мыслей частнаго человѣка нельзя судить о его будущихъ поступкахъ, когда онъ сдѣлается министромъ: Людовикъ XII сказалъ, что король французскій не мститъ за обиды герцога орлеанскаго; выбранный изъ оппозиціи министръ не былъ бы достоинъ управлять государствомъ, если бы онъ не сказалъ также, что мнѣнія оратора должны измѣниться, когда онъ поставленъ на первую степень правленія въ государствѣ. Питтъ также, пока не овладѣлъ бразды правленія, принадлежалъ къ оппозиціонной партіи. Однако товарищи, назначенные Фоксу, (Ирскайнъ и Грей) были также изъ числа благоразумныхъ людей, постоянно желавшихъ мира.

Какъ ни умѣренны были эти министры, но все же они были Англичане. Притомъ, съ ними вмѣстѣ засѣдали Гренвилль, Виндёмъ и Мейра, которыхъ чувства были совершенно противуположны. Одною изъ первыхъ мѣръ, ими принятыхъ, было объявленіе приказомъ совѣта (отъ 16 Мая) блокады портовъ Ла-Манша, начиная отъ Антверпена до Гавра. Эта, совершенно новая мысль, блокировать страну по одному только приказу совѣта, была вполнѣ непонятна; тѣмъ болѣе, что на этомъ блокированномъ берегу у меня не было даже арміи, которая бы угрожала Англичанамъ. Я тотчасъ же бы отомстилъ за это алжирское распоряженіе, если бы меня не остановили новые переговоры, начатые въ это самое время съ сенъ-джемскимъ кабинетомъ.

Положеніе твердой земли было не такъ мирно, какъ казалось; новыя тучи, хотя еще отдаленныя, показались на всѣхъ краяхъ горизонта.

Я получилъ еще въ Мюнхенѣ неожиданное извѣстіе, что прусскій король не соглашался утвердить договоръ Гаугвица иначе, какъ съ оговорками, которыя совершенно измѣняли самую сущность его. Правда, что по извинительному усердію, этотъ министръ поступилъ противъ данныхъ ему наставленій, и можетъ быть худо выполнилъ приказанія своего государя. Положеніе короля было весьма затруднительно: онъ только что заключилъ съ Англіею договоръ, по которому обязывался покровительствовать въ Ганноверѣ ея войскамъ, которыя съ своей стороны должны были помогать Пруссіи въ случаѣ нападенія Французовъ: этотъ договоръ былъ заключенъ позже вѣнскаго (*). Съ другой стороны

(*) Вѣнскій трактатъ былъ заключенъ 15 Декабря; Гаугвицъ, намѣревался ѣхать 17-го, не почелъ за нужное послать къ Королю; онъ прибылъ только 25-го, а 22-го былъ заключенъ въ Берлинѣ договоръ съ Англіею. Еслибъ Гаугвицъ послалъ курьера (кажется дѣло, по важности своей, этого стоило), онъ бы избавилъ

императоръ Александръ предлагалъ королю отдать въ его распоряженіе всю русскую армію, по договору, заключенному въ Потсдамѣ. Нельзя было ожидать, чтобы человѣкъ съ столь благороднымъ и возвышеннымъ характеромъ, какъ Фридрихъ Вильгельмъ, могъ согласиться на союзъ со мною, не смотря на только что принятыя обязательства. Король весьма дурно встрѣтилъ Гаугвица: но выгоды государства перевѣсили внушенія души его; ему оставалось или рѣшиться испытать всю тяжесть моего гнѣва, или принять мои условія.

Увлеченный своими совѣтниками, король рѣшился на одну изъ тѣхъ мѣръ, которыя только запутываютъ дѣла, вмѣсто того чтобъ уладить ихъ: онъ утвердилъ договоръ, съ условіемъ, что онъ временно займетъ Ганноверъ, до заключенія мира, и что тогда только уступитъ свои три провинціи, когда Англія утвердитъ его пріобрѣтеніе. Я такъ мало ожидалъ подобнаго поступка, что уже отдалъ Анспахъ Баваріи, имѣвшей полное право на это вознагражденіе, за уступленное ею герцогство Вюрцбургъ, доставшееся по пресбургскому договору великому герцогу тосканскому въ замѣнъ Зальцбурга, отданнаго Австріи. Мнѣ слѣдовало бы подождать ратификаціи берлинскаго кабинета для распоряженія этими анспахскими провинціями; но онѣ уже были отданы; дѣло конченное нельзя было поправить. Въ томъ грозномъ положеніи, въ которое поставила меня аустерлицкая побѣда, я тѣмъ менѣе былъ расположенъ сносить униженіе отъ короля, что смотрѣлъ съ весьма хорошей стороны на поведеніе Гаугвица. Уступивъ королю богатое курфиршество въ замѣнъ малыхъ провинцій, расположенныхъ въ дальнемъ разстояніи отъ его государства, я ему далъ въ трое болѣе народонаселенія и доходовъ, нежели сколько получалъ отъ него; сверхъ того наши границы не были смежны, какъ прежде, и слѣдовательно Пруссія избавлялась отъ участія во всѣхъ распряхъ, могущихъ возникнуть между мною и Германіею. Это было самое полное удовлетвореніе, какое только я могъ ему предложить, за нарушеніе неприкосновенности его земель. Лучше ли бы поступилъ я, наказавъ Бернадотта за исполненіе моихъ собственныхъ приказаній? Не уже ли я долженъ былъ притти съ веревкою на шеѣ въ Берлинъ, подобно древнимъ германскимъ императорамъ, отправлявшимся нѣкогда такимъ образомъ въ Римъ испрашивать себѣ прощенія? Мнѣ казалось гораздо проще согласиться: «что мы были естественные союзни- «ки; что Ганноверъ принадлежалъ «мнѣ какъ побѣдителю; уступая его «Пруссіи, я ее увеличивалъ на счетъ «самыхъ злѣйшихъ моихъ враговъ, «производившихъ всѣ коалиціи; что «выгоды Пруссіи были въ этомъ «случаѣ согласны съ моими, и что «благоразумнѣе было принять мои «предложенія, нежели удары моей «побѣдоносной арміи, въ то время, «когда Австрія была не въ состояніи

свое правительство отъ упрековъ, сдѣланныхъ ему въ послѣдствіи. Англія даже утверждала, что берлинскій кабинетъ желалъ участвовать въ договорѣ о денежномъ вспоможеніи; но Пруссія отвергаетъ это обстоятельство.

«подать помощь Пруссіи, а Россія «была слишкомъ удалена, чтобы при-«спѣть во время.»

Врожденное благородство души, вотъ причина, побуждавшая Фридриха Вильгельма иначе понимать вещи и отказаться принять земли, отнятыя у Георга III, съ которымъ онъ былъ болѣе въ дружескихъ, нежели въ непріязненныхъ сношеніяхъ; она была достойна всякаго уваженія. Очевидно и то, что это пріобретеніе сдѣлалось бы только тогда вѣрнымъ, когда бы Англія признала его при заключеніи мира. *Занятіе земли войсками есть слѣдствіе побѣды; но обладаніе ею получаетъ законность только черезъ договоры или продолжительное обладаніе, котораго уже нельзя болѣе оспоривать.* И такъ Фридрихъ Вильгельмъ долженъ былъ уступить мнѣ три провинціи за землю, хотя и гораздо обширнѣйшую, но на обладаніе которою онъ никогда не получилъ бы согласія Англіи, что ввергло бы его въ безпрерывныя распри съ этою державою.

Непріятное положеніе Пруссіи проистекало изъ ошибки Гаугвица, который, ослѣпленный мнимыми выгодами заключеннаго договора, не довольно точно опредѣлилъ условія его. Онъ долженъ бы былъ сказать, что если уступка Ганновера сдѣлается препятствіемъ къ заключенію общаго мира и что если по этому для блага Европы надобно будетъ возвратить его Англіи, то Франція должна дать Пруссіи другое, равноцѣнное вознагражденіе. Такъ какъ оговорка эта была упущена, то самъ король могъ сдѣлать мнѣ подобное предложеніе, и вѣроятно я бы согласился. Въ случаѣ же отказа съ моей стороны Фридрихъ Вильгельмъ долженъ былъ избрать или опасную и неминуемую войну со мною или менѣе вѣроятную войну съ Англичанами. Рѣшась на первое, слѣдовало послать съ наивозможною поспѣшностью и тайною довѣренное лице въ Петербургъ, призвать Русскихъ въ Силезію и вступить въ переговоры съ Австріею; рѣшась на второе, слѣдовало просто и безъ всякихъ оговорокъ утвердить трактатъ, замѣтивъ только, что если это вовлечетъ Пруссію въ войну съ Англіею, то берлинскій кабинетъ, согласясь дѣлить со мною удачи и неудачи войны, долженъ заключить наступательный и оборонительный договоръ, который обеспечилъ бы и участіе его въ выгодахъ, въ случаѣ успѣха. Изъ всѣхъ представлявшихся способовъ дѣйствій, король выбралъ самый худшій, и самый невыгодный для меня, и самый опасный для Пруссіи.

Еще труднѣе было понять, какъ въ то самое время, когда кабинетъ этою условною ратификаціею затруднялъ свои сношенія со мною, онъ приказалъ одной части своихъ войскъ вступить въ Ганноверъ, а остальныхъ привелъ въ составъ по мирному положенію, и уменьшивъ такимъ образомъ число ихъ въ половину, размѣстилъ по всему протяженію государства. Онъ думалъ отстранить всѣ затрудненія, приславъ ко мнѣ въ Парижъ Гаугвица, чтобы продолжать переговоры.

Если бы отказъ, имъ привезенный, былъ сопровождаемъ объявленіемъ войны, я бы понялъ его; но принять стыдъ вторженія Пруссаковъ въ

Ганноверъ, и начать снова уже окопченные со мною переговоры, было такое запутанное дѣло, которое самому искуснѣйшему дипломату было бы трудно уладить. Этотъ случай и возрастающая ненависть ко мнѣ Берлинцевъ, довѣріемъ которыхъ пользовался Гарденбергъ, извѣстный приверженецъ Англіи, (онъ родился въ Ганноверѣ и былъ англійскій подданный) однимъ словомъ, тысяча обстоятельствъ показывали мнѣ, что, не смотря на благородный характеръ Фридриха Вильгельма, я долженъ былъ остерегаться Пруссіи. Въ Берлинѣ, все, исключая кабинета, принимало непріязненный видъ; армія, стыдясь той роли, которую возлагала на нее политика, громко требовала войны; многочисленныя толпы офицеровъ оскорбили въ его собственномъ домѣ миролюбиваго министра, предпочитавшаго увеличеніе государства несвоевременной и невыгодной войнѣ. Гусарскіе поручики хотѣли самовольно рѣшать важнѣйшіе вопросы политики и выгодъ государства.

Я тотчасъ же замѣтилъ всѣ выгоды, которыя можно было извлечь изъ моего положенія, относительно остальной части Европы. Пруссіи должно было въ двѣ недѣли или рѣшиться принять мою систему и отдаться подъ мое непосредственное вліяніе, или пасть подъ моими ударами.

Очевидно, что вѣнскій трактатъ, обезображенный десятью строками, разрушившими самыя основанія его, совершенно уничтожался: я объявилъ Гаугвицу, что берлинскій кабинетъ самъ его уничтожилъ, и что дѣла должны быть подвергнуты новымъ переговорамъ. Я требовалъ, чтобы немедленно были уступлены обмѣненныя провинціи, потому что уже Аншпахъ былъ мною отданъ; чтобы Пруссія отказалась отъ уступки Баваріею 20,000 жителей; наконецъ, чтобы берлинскій кабинетъ заперъ гавани для англійской торговли.

Тѣ самые министры, которые отвергли договоръ Гаугвица, заключенный со взаимными выгодами, почли себя счастливыми, не имѣя уже въ своемъ распоряженіи арміи, что могутъ заключить со мною миръ, хотя на постыдныхъ условіяхъ. Я отчасти ожидалъ этого результата: я обнялъ однимъ взглядомъ положеніе, въ которое поставили короля его слабые совѣтники и разсчиталъ, что онъ не могъ иначе изъ него выйти, какъ покоряясь безусловно закону необходимости, или подвергая себя бѣдственнымъ случайностямъ войны. При всемъ томъ, я былъ удивленъ поспѣшностію, съ которою онъ согласился на эту уступку: я привыкъ видѣть въ поступкахъ Фридриха Вильгельма глубокую обдуманность. Даже потсдамскій договоръ, не смотря на то, что онъ былъ заключенъ почти непосредственно послѣ непріязненнаго движенія Пруссаковъ на Вислу, противъ Русскихъ, проистекалъ слишкомъ ясно изъ нарушенія нами неприкосновенности неутральныхъ владѣній и его можно было разсматривать, какъ результатъ умно начертанной системы; онъ даже обнаруживалъ такую сильную волю, что заставлялъ меня ожидать скорѣе разрыва, нежели такой развязки, которая, безъ помощи оружія, выполнила

всѣ мои желанія: эта побѣда, одержанная однимъ почеркомъ пера, превзошла всѣ мои ожиданія. Я держалъ въ своихъ рукахъ Европу; надобно было этимъ воспользоваться; случай не замедлилъ представиться.

Лишь только новый трактатъ, заключенный 16 Февраля и ратифицированный недѣлю спустя въ Берлинѣ, поставилъ Пруссію въ зависимость, въ которой она до сихъ поръ не находилась, какъ новыя непріятности чуть не произвели разрыва съ Австріею, въ слѣдствіе двухъ, довольно важныхъ происшествій: вѣнскій кабинетъ, уступая мнѣ венеціянскую Далмацію, обязался передать Франціи весьма важную гавань Каттаро; Австрійцы ограничились тѣмъ, что вывели свой гарнизонъ; но русскія войска 15-й дивизіи, расположенной на семи островахъ, послали туда отрядъ, усиленный черногорцами, такъ что мы только съ помощью оружія могли овладѣть этимъ мѣстомъ. Я требовалъ, чтобы Австрія ввела меня во владѣніе этою гаванью, и какъ я не могъ сухимъ путемъ пройти изъ Венеціи въ Далмацію, иначе какъ черезъ Тріестъ и Кроацію, то и просилъ Австрію дозволить мнѣ проходъ черезъ ея владѣнія, въ которомъ она никогда не отказывала Венеціи.

Въ Германіи происшествіе другаго рода едва не поссорило насъ: Австрійцы послали свои войска занять Вюрцбургъ, который былъ уступленъ не имъ, а великому герцогу тосканскому. Это могло быть допущено по древнимъ правамъ германской имперіи, но ни мало не соотвѣтствовало моимъ видамъ на Германію. Я приказалъ остановить движеніе плѣнныхъ, проходившихъ Швабію; присоединилъ къ моей арміи баталіоны депо, которые составляли резервные корпуса Лефебра и Келлермана, что увеличило армію сверхъ комплекта, и предписалъ князю нёфшательскому, оставленному мною въ Баваріи, не сдавать Австрійцамъ Браунау, и захватить баталіоны, которые дерзнутъ войти въ Вюрцбургъ, если они не удалятся по первому востребованію.

Увѣренный въ союзѣ Пруссіи, я рѣшился броситься съ 250,000 на Австрію, не имѣвшую арміи, или воспользоваться моимъ положеніемъ, чтобы заставить ее исполнять условія договора и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ мысли преобладанія въ германской имперіи (*). Твердость моего положенія и укомплектованіе арміи, тѣмъ болѣе внушали ей опасеній, что ея войска были совершенно разстроены и что напрасно ожидали возвращенія плѣнныхъ корпусовъ Макка для преобразованія арміи. Слабое положеніе Австріи и война, объявленная Англіи Пруссіею, дѣлали меня властелиномъ Германіи; я рѣшился воспользоваться удобнымъ случаемъ, какаго можетъ быть мнѣ никогда бы болѣе не представилось, чтобъ получить на твердой землѣ, такое мощное преобладаніе, которое бы сдѣлало меня ея повелителемъ и дало бы мнѣ всѣ средства восторжествовать въ войнѣ на морѣ.

(*) Наполеонъ имѣлъ право требовать исполненія условій, въ отношеніи къ Каттаро; но ему не слѣдовало самому нарушать договоръ, ниспровергая государство, имъ самимъ признанное.

Я уже сдѣлалъ нѣкоторыя предварительныя распоряженія для приведенія въ исполненіе этой системы, возведя моихъ братьевъ на троны, которые должны были вмѣстѣ и возвысить мою фамилію и привесть пограничныя державы подъ непосредственное вліяніе Франціи. Императорскій тронъ былъ наслѣдственнымъ въ моемъ родѣ: я былъ родоначальникъ новой династіи, которой вѣка придали бы такую же законность, какъ и всѣмъ другимъ вѣнценоснымъ домамъ. Со временъ Карла великаго, ни одна корона не была возлагаема съ такою торжественностью: моя власть была освящена и желаніемъ народа и благословеніемъ церкви. Члены семейства моего, призваннаго царствовать, не должны были оставаться въ разрядѣ частныхъ людей.

Мы были богаты завоеваніями: слѣдовало привязать тѣсными узами эти державы къ системѣ имперіи, чтобы склонить на ея сторону вѣсы твердой земли. Мысль, что между народами нѣтъ другихъ узъ, кромѣ общихъ выгодъ, есть чистый парадоксъ. Исторія наполнена доказательствами противнаго: какъ много встрѣчаемъ мы въ ней договоровъ, заключенныхъ для выгодъ однихъ царствующихъ домовъ. Великое несчастіе, безъ сомнѣнія, когда общія выгоды народа не согласны съ выгодою главы государства; но это не рѣдко случается: сколько разъ государи, и даже правители республикъ, заключали договоры совершенно противные выгодамъ народа. Свобода на морѣ, къ которой я стремился, безъ сомнѣнія должна была быть желаніемъ всѣхъ народовъ, и въ особенности тѣхъ, которые имѣли приморскія владѣнія; но малыя державы не достаточно цѣнили столь отдаленную надежду, чтобы совершенно отказаться отъ торговли на двадцать лѣтъ. Смотря съ этой точки зрѣнія, ихъ настоящія выгоды, равно какъ и выгоды царствующихъ домовъ, согласовались противъ насъ, какъ скоро мы препятствовали сношеніямъ ихъ съ Англичанами. Я не могъ перемѣнить это положеніе дѣлъ; довольно и того, что я замѣнилъ непріязненное для насъ правительство другимъ, котораго выгода требовала нашего союза, котораго самое существованіе было тѣсно сопряжено съ нашими успѣхами: мнѣ не представлялось другаго средства заставить дѣйствовать въ нашемъ духѣ народы, совершенно къ этому равнодушные, не было другаго способа принудить ихъ къ пожертвованіямъ, плоды которыхъ были выше ихъ понятій.

Выполняя эту мысль, я роздалъ моимъ ближайшимъ родственникамъ свободные троны. Первый изъ нихъ былъ неаполитанскій. Эта несчастная страна нуждалась въ королѣ, чтобъ избавиться отъ безначалія, и братъ мой Іосифъ вступилъ на престолъ, только что пріобрѣтенный побѣдами Массены.

Голландія уже давно утратила ту силу духа, которая поддерживаетъ республики: она не имѣла уже довольно могущества, чтобъ играть подобную роль, и доказала это при высадкѣ герцога Іоркскаго. Шиммельпенинкъ предсказывалъ республикѣ скорый конецъ. *Нельзя было предоставить прихотямъ избирательной системы успѣхъ моего союза съ народомъ,*

столь необходимымъ для моихъ предпріятій противъ Англичанъ. Я не долженъ былъ предполагать, послѣ событій 1787 года, что народъ сожалѣетъ объ оранскомъ домѣ. Но казалось, что Голландія нуждалась въ государѣ, и я далъ ей королемъ моего брата Людовика.

Я былъ уже самъ увѣнчанъ желѣзною короною ломбардскихъ королей; было бы неблагоразумно передать ее другому: такой примѣръ былъ бы опасенъ. При томъ же Австрія, принимавшая въ этомъ наиболѣе участія, признавала учрежденіе королевства; но чтобы отстранить опасенія, какъ Австріи, такъ и всей Европы, я наименовалъ Евгенія Богарне вице-королемъ, утвердивъ за нимъ наслѣдственность этого престола послѣ моей смерти.

Я отдалъ Мюрату великое герцогство Бергъ; сестра моя Полина Боргезе получила княжество Гвасталу; Елизавета Баккіоки была объявлена владѣтельницею Лукки, Піомбино, Массы и Каррары; Бертье, какъ уже я говорилъ выше, получилъ княжество Нёфшатель, уступленное Пруссіею.

Увлеченный разсказомъ, я упомянулъ, что отдалъ Неаполь, забывъ сказать о происшествіяхъ, предоставившихъ моей власти это государство. Послѣ пресбургскаго мира я приказалъ Массенѣ отмстить за несоблюденіе дворомъ обѣихъ Сицилій заключеннаго со мною договора. 8 Февраля, Массена перешелъ Гарильяно и двинулся тремя колоннами на Гаэту, Капуу и Итри. Неаполитанскія войска вездѣ отступали безъ малѣйшаго сопротивленія. Дворъ удалился въ Сицилію, объятый ужасомъ отъ моей прокламаціи 27 Февраля. Депутаты регентства уже сдали Капуу; ни одно завоеваніе не было произведено съ меньшимъ кровопролитіемъ. Можно было подумать, что насъ завлекаютъ въ нарочно разставленныя сѣти, стараясь усыпить нашу недовѣрчивость слишкомъ легкимъ покореніемъ этой страны.

Сицилійскій принцъ собралъ въ Калабріи отборное неаполитанское войско, сплою отъ 18 до 20,000, подъ начальствомъ князя Розенгеіма и графа Дамаса, надѣясь, что Калабріійцы поддержатъ его поголовнымъ возстаніемъ, какъ въ 1799 году, при кардиналѣ Руффо.

Генералу Сенъ-Спру было поручено покорить Апулію и Абруццо до Тарента, а Ренье очистить Калабрію; Массена принялъ на себя охраненіе Неаполя и осаду Гаэты. Ренье совершенно разбилъ дивизію графа Дамаса при Кампо-Тенезе, между тѣмъ какъ Дюхемъ направился черезъ Базиликате противъ дивизіи Розенгейма; вся неаполитанская армія была разсѣяна. Принцы сѣли на суда въ Реджіо всего съ 2000 человѣкъ.

Однако Калабрія не была покорена; и хотя наши колонны прошли черезъ нее, но свирѣпые ея обитатели были готовы по первому знаку возстать, или, лучше сказать, они были покорены только на мѣстахъ, занимаемыхъ нашими войсками: на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ нихъ все было взволновано, наполнено инсургентами.

Мой братъ получилъ во время своего похода въ Калабрію декретъ,

возводившій его на неаполитанскій престолъ. Эта новость была съ радостью принята въ столицѣ, недовольной своимъ старымъ правительствомъ и ожидавшей лучшей будущности отъ новаго. Можно было полагать, что дѣло кончится совершенно спокойно; но восторгъ нашихъ приверженцевъ былъ возмущенъ появленіемъ Сиднея-Смита, который въ то время принялъ начальство надъ англійскою эскадрою, и могъ присоединить бомбардированіе къ иллюминаціи и публичнымъ увеселеніямъ, учрежденнымъ для торжествованія этого событія. Но, не имѣя той готовности жечь совершенно безъ нужды дворецъ, съ какою онъ нѣкогда сжегъ тулонскій арсеналъ, этотъ адмиралъ удовольствовался тѣмъ, что устрашилъ Неаполитанцевъ, и взялъ островъ Капрею, не смотря на храбрую защиту оставленной тамъ роты.

При всемъ томъ положеніе Іосифа въ Неаполѣ было еще весьма не твердо. Гаэта еще защищалась. Эта крѣпость, построенная на скалѣ и соединенная съ твердою землею перешейкомъ въ 400 туазовъ, превосходно укрѣпленнымъ въ видѣ амфитеатра, представляла для атаки только одну эту сторону и то усѣянную разнаго рода преградами. Тамъ былъ начальникомъ принцъ гессенъ-филиппштадтскій, генералъ, исполненный мужества и силы духа. Гарнизонъ, поддержанный и получающій продовольствіе съ моря, былъ готовъ ему содѣйствовать. Осада началась въ концѣ Мая, подъ руководствомъ генераловъ Кампредона и Вальлонга; Дедонъ начальствовалъ артиллеріею.

Уже четыре мѣсяца Ренье занималъ Калабрію; въ продолженіе этого времени сицилійскій дворъ успѣлъ образовать тамъ возстаніе. Когда все было готово и когда Англичане полагали съ выгодою напасть на слабый отдѣльный корпусъ, генералъ Стьюартъ вышелъ на берегъ у залива Санта-Ефеміи, съ 9,000 Англо-Сицилійцевъ. Ренье, собравъ поспѣшно отрядъ въ 6,000 человѣкъ, двинулся къ нему на встрѣчу и атаковалъ его на высотахъ, между Майдою и моремъ; но былъ опрокинутъ и принужденъ отступить къ Кротонѣ. Эта неудача послужила знакомъ къ общему возстанію. Калабрійцы, собравшіеся при звукахъ набата, бросились на наши отдѣльные отряды; на всемъ полуостровѣ французскія войска были умерщвлены или принуждены пробиваться съ оружіемъ въ рукахъ.

Между тѣмъ Массена осаждалъ Гаэту. Инженерный генералъ Вальлонгъ, распоряжавшій осадными работами, былъ убитъ 14 Іюля ядромъ, при устройствѣ большой брешь-батареи.

Работы продолжались до 28 съ удивительнымъ постоянствомъ; два мѣсяца крѣпость осыпала войска наши разнаго рода снарядами, между тѣмъ какъ мы не сдѣлали ни одного пушечнаго выстрѣла. Наконецъ въ этотъ день батареи, на которыхъ, благодаря попеченіямъ генерала Дедона, находилось до 50-ти 33-хъ фунтовыхъ орудій и 24 мортиры самаго большаго калибра, открыли огонь въ присутствіи короля. Гессенскій принцъ упорно отвѣтствовалъ; но въ десятый день онъ былъ раненъ въ голову, и принужденъ оставить начальство. Брешь была пробита къ

цитадели; другая, труднѣйшая была сдѣлана въ трехъ-ярусномъ бастіонѣ, который командовалъ фронтомъ. Массена собралъ 2,500 гренадеръ для приступа, но въ то самое время крѣпость сдалась на капитуляцію. Гарнизону было дозволено (чему мы не были въ силахъ воспрепятствовать) удалиться въ Сицилію. Крѣпость выпустила въ 3 мѣсяца 117,000 ядеръ и 20,000 бомбъ.

Какъ скоро взятіе этой важной крѣпости обезопасило насъ отъ непріятельской высадки, Массена отправился съ 15,000 для соединенія съ Ренье и покоренія Калабріи. Разбивъ на голову инсургентовъ при Колодзѣ, онъ разсѣялъ безъ труда, но и не безъ боя, это сборище полудикихъ, возмущенныхъ ихъ священниками. Генералъ Стьюартъ, опасаясь за честь британскаго оружія, не проникалъ во внутренность страны, не слишкомъ надѣясь на помощь жителей, и не полагая полезнымъ бороться съ превосходными силами, сѣлъ на суда и отплылъ, 5 Сентября, въ Мессину.

Возстаніе было мало по малу утушено, частью кроткими, а частью сильными и строгими мѣрами и, благодаря отеческимъ попеченіямъ Іосифа о своихъ подданныхъ, онъ могъ полагать, что успѣлъ утвердиться на тронѣ Фердинанда IV.

Мнѣ оставалось только устроить судьбу Германіи, которая была важнѣе всѣхъ остальныхъ державъ для приведенія въ исполненіе моей великой федеративной системы.

Реформація, 30-лѣтняя война и вестфальскій миръ, войны Карла-Теодора противъ Леопольда, Фридриха Великаго противъ Маріи-Терезіи, и наконецъ война 1799 года сильно потрясли германскую имперію. Присоединивъ къ этому еще несогласія, происшедшія отъ неутралитета сѣверныхъ державъ, поступокъ мой съ Ганновером и поступки съ Померанією собственнаго ея владѣтеля, наконецъ возвышеніе курфиршествъ Баваріи и Виртемберга въ королевства, легко понять, что эта искаженная политическая мумія должна была пасть при первомъ ударѣ. Моя армія находилась на Дунаѣ; Сультъ удерживалъ еще Браунау. Я заставилъ подписать 12 Іюля договоръ, надъ которымъ я трудился уже 6 мѣсяцовъ и по которому Баварія, Виртембергъ, Баденъ, Гессенъ-Дармштатъ и Нассау отказались совершенно отъ узъ, связывавшихъ ихъ съ германскою имперіею и составили рейнскій союзъ, подъ предсѣдательствомъ барона д'Альберга, архи-канцлера, который долженъ былъ принять титулъ князя-примаса. Мнѣ предоставлялось званіе *протектора*.

За исключеніемъ этихъ двухъ послѣднихъ условій и всего, что касалось собственно до меня въ этой важной реформѣ, она совершенно согласовалась съ новымъ положеніемъ Европы и съ частною выгодою Германіи. Чтобы въ этомъ удостовѣриться, стоитъ только обратить вниманіе на роль, которую она въ продолженіи двухъ вѣковъ играла въ Европѣ; внутреннія силы ея были ничтожны, а внѣшнія отношенія еще хуже. Она колебалась между преобланіемъ Австріи и противуположными ему выгодами Пруссіи, подъ вліяніемъ Франціи, Россіи, Англіи черезъ Ганноверъ, и Швеціи черезъ

Померанію. Подобно Италіи, Германія, какъ государство, существовала только на картѣ. Неизбѣжная участь всѣхъ федеративныхъ и избирательныхъ державъ, когда онѣ окружены сосѣдями, довольно сильными и довольно искусными для того, чтобъ съ успѣхомъ стремиться къ обладанію.

Прежній порядокъ вещей, имѣвшій цѣлью раздѣлять, чтобы властвовать, приличествовалъ Франціи въ XVI вѣкѣ, когда она была слабѣе Австріи; но со времени разрушенія Польши, побѣдоносная Франція должна была стараться возстановить Германію, независимую отъ вѣнскаго кабинета и отъ Россіи. Дать общее средоточіе 16 милліонамъ Германцевъ, было равно выгодно и для насъ, и для нихъ: будучи не въ состояніи удерживаться безъ нашей помощи, они должны были по неволѣ на долго остаться въ нашихъ рядахъ. Съ другой стороны они бы образовали одно цѣлое, имѣющее свои союзы, свои частныя выгоды, независимыя отъ выгодъ и союзовъ австрійскаго дома; однимъ словомъ, они бы образовали Германію.

Проэктъ былъ превосходный; но въ выполненіи его я сдѣлалъ ошибку. Я долженъ былъ дать главою этому союзу человѣка, избраннаго изъ какого либо древняго германскаго дома и удовольствоваться оборонительными и наступательными договорами, не принимая титула, который, не увеличивая моей власти, оскорблялъ ихъ народную гордость.

Союзъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ образованъ, выгоденъ былъ только для моей имперіи, между тѣмъ какъ слѣдовало сдѣлать его полезнымъ и Франціи, и Германіи, и остальной Европѣ.

Этотъ договоръ былъ отправленъ въ Вѣну, для признанія его Австріею. Я послалъ его также къ Бертье и къ Отто въ Мюнхенъ, для размѣна ратификаціи; а на случай отказа, приготовилъ армію къ немедленному движенію на Инъ.

Вѣнскій кабинетъ, получивъ его вмѣстѣ съ извѣстіемъ о договорѣ, подписанномъ Убри, не почелъ за нужное начать войну, не имѣя ни арміи, ни союзниковъ, для сохраненія титла избирательной главы древней имперіи Оттоновъ, титла уже пустаго въ теченіе послѣдняго вѣка. Онъ предпочелъ отказаться отъ короны, которая вовлекала его во многія разорительныя войны, удовольствовавшись титломъ наслѣднаго императора Австріи, Венгріи и Богеміи.

Такъ Францъ II отказался отъ германской короны, полученной имъ въ 1792 году, и началъ подъ именемъ Франца I-го новую династію австрійскихъ императоровъ.

Это рѣшеніе, признаюсь, превзошло мои ожиданія: я думалъ, что буду долженъ самъ итти въ Вѣну, для полученія согласія. Нѣтъ сомнѣнія, что договоръ, подписанный Убри много содѣйствовалъ успѣшному окончанію этого дѣла.

Подобное событіе, узнанное въ Берлинѣ вскорѣ по восшествіи моего брата Людовика на голландскій престолъ и назначеніи моего зятя великимъ герцогомъ бергскимъ, угрожало Пруссіи новыми столкновеніями со мною, которыхъ она надѣялась избѣгнуть. Совѣтники Фридриха

Вильгельма только тогда поняли, какъ опасно было положеніе государства и раскаялись, что не придержались договора, заключеннаго съ Русскими въ Потсдамѣ, или что не приняли вполнѣ перваго нашего трактата съ Гаугвицемъ; но благопріятная минута была пропущена; могли ли они теперь одни выступить въ борьбу со мною? Представляла ли имъ война непосредственную выгоду? Конечно нѣтъ. Правда, что Пруссія занимала вторую степень въ ряду германскихъ государствъ; ея выгода требовала сохранить древній союзъ для увеличенія своей федеративной системы и прикрытія себя неутральными государствами; но ея вѣроисповѣданіе лишало ее права на первую роль въ римской имперіи. Къ тому же она могла вознаградить себя, образовавъ на сѣверѣ контръ-федерацію и соединясь съ Саксоніею, курфирстомъ гессенскимъ, Помераніею, герцогами мекленбургскими и брауншвейгскими; всѣ эти земли находились уже подъ вліяніемъ Пруссіи, и она могла еще болѣе усилить это вліяніе своимъ покровительствомъ. Такимъ образомъ силы Пруссіи возрасли бы по мѣрѣ увеличенія могущества Франціи и взаимное отношеніе наше не измѣнилось бы ни сколько. Фридрихъ Вильгельмъ предпочелъ это средство войнѣ: онъ сталъ договариваться объ этомъ союзѣ; но договаривался почти какъ равный съ равными, тогда какъ я имѣлъ болѣе вассаловъ, нежели союзниковъ и подписывалъ скорѣе приказанія, нежели договоры.

Можетъ быть я бы долженъ былъ для твердости моего зданія передать Пруссіи президентство рейнскаго союза, а не слабому принцу, котораго наслѣдникъ, осыпанный моими благодѣяніями, отплатилъ мнѣ въ послѣдствіи неблагодарностью. И нація, и прусскій дворъ, увлеченные такимъ расположеніемъ, искренно присоединились бы ко мнѣ. Я бы имѣлъ вѣрныхъ союзниковъ отъ Рейна до Нѣмана, и слѣдовательно могъ бы все предпринять. Можетъ быть скажутъ, что безполезно было уничтожать могущество Австріи, воздвигая столь же страшное могущество другой державы, но Австрія имѣла безъ германской имперіи 24 милліона жителей; а Пруссія вмѣстѣ съ Ганноверомъ не имѣла и 10 милліоновъ; слѣдовательно президентство въ союзѣ, который едва ли заключалъ весь еще столько же подданныхъ, не увеличило бы въ такой огромной соразмѣрности могущества Пруссіи. Притомъ же она была бы мнѣ одолжена своимъ величіемъ, а Австрія во всякомъ случаѣ видѣла бы во мнѣ виновника ея неудачъ и униженія. Пруссія, возвышенная въ имперіи на счетъ вліянія Австріи, была бы въ вѣчной враждѣ съ вѣнскимъ кабинетомъ, и слѣдовательно осталась бы въ союзѣ съ нами на цѣлое столѣтіе. Наконецъ, если бы политика того потребовала, то достаточно бы было одного моего слова, чтобы возстановить членовъ союза противъ президента.

Недостаточно было думать о внѣшнихъ дѣлахъ, слѣдовало утвердить мое зданіе, давъ Франціи учрежденія, соотвѣтственныя новому порядку вещей; «мнѣ слѣдовало, какъ сказалъ человѣкъ, хорошо меня понимавшій, «создать для себя свои

«собственный особый вѣкъ, потому «что я самъ созданъ былъ для своего «вѣка. Прославившись какъ воинъ, «я долженъ былъ сдѣлаться законо- «дателемъ.

«Нельзя было заставить революцію «пятн обратно; ибо для этого должно «было снова подчинить сильныхъ «слабымъ, что противно порядку ве- «щей. И такъ слѣдовало постичь «духъ революціи, чтобы примѣнить «къ ней особый способъ законода- «тельства; я полагаю, что успѣлъ въ «этомъ. Моя система переживетъ ме- «ня; я оставилъ Европѣ наслѣдіе, «котораго она не можетъ отвергнуть, «не впадая снова въ варварство или «въ анархію.

«Въ сущности, правленіе Франціи «представляло обширную демократію, «руководимую диктатурою. Этотъ об- «разъ правленія удобенъ относитель- «но исполненія; но онъ не проченъ, «по причинѣ пожизненности званія «диктатора. Я долженъ былъ сдѣлать «его постояннымъ, издавъ неизмѣн- «ныя учрежденія и установивъ меж- «ду трономъ и демократіею твердыя «общества. Я не могъ достигнуть «цѣли, помощью могучей силы при- «вычекъ и ослѣпленія: я долженъ «былъ все созидать, основываясь на «истинѣ.

«И такъ слѣдовало основать мое «законодательство на непосредствен- «ныхъ выгодахъ большей части на- «рода, и создать выгоды для об- «ществъ, ибо выгоды всего важнѣе.

«Я издалъ законы, которыхъ дѣй- «ствіе было обширно, но однообраз- «но. Основаніемъ ихъ было поддер- «жаніе равенства. Оно такъ глубоко «начертано въ этихъ узаконеніяхъ, «что ихъ однѣхъ достаточно для его «сохраненія.»

Я рѣшился, съ этого времени, учредить среднее сословіе. Оно было демократическое, потому что въ него могли вступать лица, всегда и отвсюду. Оно было и монархическое потому, что не могло прекратиться и составляло бы ограду противъ этой самой демократіи. Оно было наконецъ народное потому, что составлялось изъ всѣхъ, оказывавшихъ великія услуги отечеству. Но мнѣ надлежало приготовить къ этому мало по малу умы и я откладывалъ, для лучшаго успѣха. Между тѣмъ декретъ 30 Марта, извѣщавшій сенатъ о розданныхъ мною членамъ моей фамиліи государствахъ и о внутреннемъ управленіи, имъ предписанномъ, увѣдомлялъ его также и объ учрежденіи двадцати одного помѣстья въ Италіи. Помѣстья эти состояли въ зависимости отъ моей имперіи. Бернадоттъ, по родству своему съ моимъ братомъ Іосифомъ получилъ княжество Понте-Корво, (*) Тальеранъ герцогство Беневенто. Эти титла, а потомъ достоинства, розданныя генераламъ и важнѣйшимъ государственнымъ лицамъ, различныя степени почетнаго легіона и сенаторства, мало по малу разрушили мысль о равенствѣ и уничтоженіи чиновъ. Равенство было сохранено въ однѣхъ правахъ: оно только въ этомъ случаѣ благоразумно.

Послѣ безпорядковъ революціи,

(*) Бернадоттъ былъ по женѣ своей зять Іосифа; они были женаты на двухъ дѣвицахъ изъ фамиліи Кларп, Марсельскихъ уроженкахъ; слѣдовательно родство съ Наполеономъ было весьма дальнее.

падлежало возстановить порядокъ, этотъ непреложный признакъ силы и твердости.

Администраторы и судьи были необходимы для государства, потому что отъ нихъ зависѣлъ общественный порядокъ, то есть исполненіе законовъ. Я предоставилъ имъ тѣ же награды: я учредилъ орденъ, который дѣлалъ имъ честь, потому что войско его облагодарило; я его сдѣлалъ общимъ для всѣхъ, приносящихъ пользу государству, потому что первая добродѣтель есть преданность къ отечеству.

Не понимавшіе причинъ, упрекали меня въ этомъ. Они говорили, что одинъ и тотъ же орденъ не долженъ быть наградою и славнымъ воинамъ, заслужившимъ его кровью во ста побѣдахъ, и гражданскимъ чиновникамъ, которые въ нѣдрѣ неги и спокойствія, всегда обогащаютъ себя, если и доставляютъ трудами своими пользу отечеству. Не отвергая необходимости ордена, чисто воинаго, я хотѣлъ сдѣлать это позже, учредивъ новый орденъ троинаго руна. Но почетный легіонъ имѣлъ двоякую цѣль, которой бы я не достигъ, предоставивъ его только военнымъ. Онъ соединялъ выгоды всѣхъ классовъ народа, потому что ни одинъ не былъ поставленъ ниже, или совершенно исключенъ. Около меня образовался средній классъ, родъ дворянства, составленнаго изъ избранныхъ людей націи; классъ которой былъ привязанъ къ имперіи своимъ призваніемъ, выгодами и мнѣніями: орденъ почетнаго легіона былъ однимъ словомъ то самое, что въ Римѣ кольцо всадниковъ. Этотъ многочисленный классъ, хотя облеченный или въ гражданскую, или въ военную власть, не былъ однако противенъ народу, потому что онъ былъ взятъ изъ его среды. Народъ имѣлъ къ нему довѣріе, потому что имѣлъ общія съ нимъ выгоды.

Имперія утверждалась на твердыхъ основаніяхъ. Армія была образована въ школѣ войны: она научилась и драться, и переносить труды.

Гражданскіе чиновники пріучались строго исполнять законы, потому что я не терпѣлъ ни самоуправства, ни толкованій. Они привыкали черезъ это къ точности и скорому производству дѣлъ. Я далъ всему однообразное направленіе; вся машина правленія была въ дѣйствіи, но движеніе производилось только тамъ, гдѣ я назначалъ. Нѣсколько времени я имѣлъ мысль сдѣлать всѣ мѣста пожизненными, исключая случаевъ преступленій противъ долга службы и отрѣшенія по судейскому приговору. Я видѣлъ въ этомъ великую нравственную пользу. Человѣкъ, занимающій какую либо должность пожизненно, зрѣло обдумаетъ каждый свой поступокъ прежде нежели рѣшится утратить мѣсто. Государство пріобрѣло бы вѣрныхъ слугъ, а чиновники защиту отъ всякихъ самовольныхъ отставокъ; прописки и протекція имѣли бы гораздо менѣе силы.

Я остановилъ лихоимства въ общественныхъ сборахъ, сосредоточивъ въ одной точкѣ все управленіе по этой части, въ которой все было съ точностью опредѣлено, потому что въ денежныхъ дѣлахъ иначе и быть не должно. Въ особенности я ничего не предоставилъ этой провинціальной

Владиміръ Константиновичъ
Крамаренко

полуответственности, ибо опытъ доказалъ мнѣ, что подобныя распоряженія служатъ только къ обогащенію нѣкоторыхъ мелкихъ взяточниковъ на счетъ казны, народа и пользы общественной.

Я возвратилъ государству кредитъ, не употребляя его безъ нужды, не прибѣгая къ новымъ займамъ и учредивъ вѣрную систему погашенія долговъ.

За злоупотребленіемъ долговъ, ослабившихъ Францію, послѣдовала система налоговъ, которая ее снова укрѣпила. Во всякомъ случаѣ я могъ дать обширнѣйшее основаніе нашему биржевому кредиту. Опасеніе злоупотребленіи удалило меня отъ займовъ, ибо слѣдуетъ беречь эту драгоцѣнную мѣру. Я не покровительствовалъ торгу акціями, отказавъ выдавать векселя на общественные фонды. Не разъ въ рукахъ нашихъ было достаточно денегъ, чтобы произвесть возвышеніе фондовъ: но мнѣ не нравились подобные способы, и эта совѣстливость лишила меня значительныхъ выгодъ.

Я усовершенствовалъ конскрипцію, этотъ жестокій, но великій законъ, достойный народа, которому драгоцѣнны слава и свобода его; онъ самъ долженъ быть своимъ защитникомъ. Это доказывается тѣмъ, что мѣру эту и въ послѣдствіи не могли ничѣмъ замѣнить, какъ ни старались первоначально представлять ее ненавистною.

Я присовокупилъ много памятниковъ къ тѣмъ, которые уже находились во Франціи. Четыре лучшіе изъ нихъ не были окончены: памятникъ Монъ-Сениса, тріумфальная арка Симплона въ Миланѣ, ворота этуальскія и храмъ Магдалины. Они должны были свидѣтельствовать грядущимъ вѣкамъ о славѣ и величіи Франціи, должны были возвысить духъ нашихъ потомковъ; народы привязаны къ такимъ благороднымъ выраженіямъ своей исторіи. Колонна площади вандомской будетъ также долговѣчна, какъ и колонна Траянова.

Мой тронъ ослѣплялъ только блескомъ военной славы; но Французы любятъ величіе, даже и въ наружности. Я украсилъ дворцы, собралъ въ нихъ многочисленный дворъ, и придалъ ему видъ величія: всякій другой былъ бы неприличенъ ему.

Говорили, что при дворѣ моемъ не было ни веселости, ни любезности, и что женщины меня ненавидѣли. Правда, что онѣ играли теперь жалкую роль, въ сравненіи съ тѣмъ, что онѣ были при г-жѣ Дюбарри, и что ихъ принесли въ жертву величію государства. Дворъ Людовика XV можетъ быть былъ бы болѣе по ихъ вкусу. Но я полагаю, что исключая старухъ сенъ-жерменскаго предмѣстья и женщинъ, жертвующихъ даже всѣми добродѣтелями своего пола, чтобъ сдѣлаться, во что бы то ни стало, извѣстными, всѣ прочія Француженки отдавали мнѣ справедливость, по крайней мѣрѣ до 1813 года. При моемъ дворѣ веселились; но только степеннѣе нежели въ оленьемъ паркѣ или посреди оргій регентства.

Я не ограничился памятниками, признаками славы и могущества; я не менѣе цѣнилъ заведенія промышленности и торговли; разумѣется, я не забывалъ и военныхъ заведеній.

Новыя многочисленныя сообщенія были открыты для торговли: я соединилъ Италію съ Франціею, проложивъ четыре прекрасныя шоссе черезъ Альпы. Я предпринялъ въ этомъ родѣ то, что казалось невозможнымъ. Дороги черезъ Симплонъ и Монъ-Сенисъ, дорога корнишская, которая ведетъ изъ Ниццы черезъ Генуу во Флоренцію, останутся вѣчными памятниками моего правленія (*).

Я поощрялъ успѣхи земледѣлія, издалъ законы, охранявшіе собственность каждаго, и раздѣлилъ однообразно общественныя подати.

Сенъ-кентенскій, бургонскій и альзасскій каналы соединили Сену и Сону съ Рейномъ и Сѣвернымъ моремъ: этимъ обеспечивался вывозъ нашихъ произведеній въ Голландію и до Везера, даже и въ случаѣ прекращенія прибрежнаго плаванія. Сенъ-кентенскій каналъ обеспечивалъ наше сообщеніе съ Бельгіею.

Всѣ роды промышленности были поощряемы и преміями, и постановленіями, не допускавшими совмѣстничества иностранныхъ издѣлій.

(*) Я узналъ въ моей ссылкѣ, что Австрійцы и король сардинскій продолжаютъ итти гигантскими шагами по стезѣ, мною проложенной: легко подражать, когда имѣемъ живые примѣры передъ глазами. Тѣмъ не менѣе однакожъ слѣдуетъ отдать справедливость правительствамъ, поучающимся чему либо; какъ много такихъ, которыя ни чему не изучаются. Гофскригератъ проложилъ дорогу черезъ Сплюгенъ, которая открыла ему Граубинденъ: если Швейцарія не остережется, то можно будетъ прямо итти черезъ ея земли изъ Швабіи въ Италію. Сдѣлали шоссе изъ Трента черезъ Тональ въ Бергамо, чтобы брать всю Италію въ тылъ; другая дорога ведетъ изъ Тироля черезъ озеро Комо въ Миланъ.

Я много заботился о нашей системѣ укрѣпленія. Работы, производимыя въ Александріи, доставляли намъ твердый, вѣчный опорный пунктъ по ту сторону Альповъ; полагали, что я бы лучше сдѣлалъ, устроивъ хорошую крѣпость въ Павіи или Кремонѣ: этотъ вопросъ слишкомъ сложенъ, чтобы здѣсь говорить о немъ.

Я въ то же время составилъ предположеніе работъ въ Будерихѣ, для обеспеченія Везеля съ обѣихъ сторонъ Рейна, и чтобы усовершенствовать оборону этой отличной естественной преграды, начерталъ планы укрѣпленія Касселя и Келя, уступленныхъ мнѣ курфюрстами баденскимъ и дармштадскимъ. Я употребилъ часть взятой съ Австріи контрибуціи, для постройки мостоваго укрѣпленія на Лехѣ; въ то же самое время я обеспечилъ обладаніе Далмаціею хорошими полевыми укрѣпленіями.

Въ особенности я занялся Антверпеномъ и Венеціею. Описанія огромныхъ работъ, которыя велѣно было произвесть въ этихъ двухъ гаваняхъ, составили бы цѣлый томъ. Отечество Морозини, Альвіане и Дандоло могло, благодаря моимъ попеченіямъ, возстать со временемъ изъ развалинъ, если не какъ столица, то по крайней мѣрѣ какъ большая военная крѣпость и складочное мѣсто торговли восточной. Прекрасный арсеналъ, единственный остатокъ отъ владычества Венеціи на моряхъ, снова приведенъ былъ въ дѣятельность; огромные лѣса Иллиріи и Македоніи доставляли намъ дерево, а Венгрія мѣдь; торговля могла насъ снабдить канатами и

парусною; Далмація и Албанія хорошими матросами. Кто знаетъ: можетъ быть Грецiя и ея пятьдесять острововъ могли сдѣлаться для насъ со временемъ разсадникомъ неустрашимыхъ моряковъ?

Возстановляя эти важныя гавани, я въ то же время приказалъ увеличить укрѣпленія Бреста, Шербура и Рошфора. Въ одно и то же время я занимался самыми важными переговорами, крѣпостными работами, арсеналами, гражданскою архитектурою, устроеніемъ каналовъ, заботами управленія и законодательства. Не только Франція, цѣлая Европа казалась мнѣ недостаточною, чтобы занять мое воображеніе всеобъемлющее и мое трудолюбіе, возраставшее вмѣстѣ съ затрудненіями. Я не требую похвалъ моему царствованію, пусть только сдѣлаютъ извѣстною мою переписку съ начальниками арміи и различныхъ министровъ, и проэкты, представленные на разсмотрѣніе моего совѣта (*).

Но оставимъ труды мои для доведенія внутренняго благосостоянія до той точки, какой только могло оно достигнуть при недостаткѣ морской торговли, и возвратимся къ дѣламъ Германіи, гдѣ образованіе рейнскаго союза снова привело миръ Европы въ сомнительное положеніе.

Фридрихъ Вильгельмъ съ горестью узналъ объ этомъ переворотѣ, о которомъ я не почелъ за нужное его предупредить. Даже тѣ совѣтники его, которые извиняли Гаугвица, принимая во вниманіе пріобрѣтеніе Ганновера, видѣли въ этомъ новомъ поступкѣ одно посягательство на выгоды Пруссіи. Они утверждали, что если моя польза требовала распространенія моего вліянія въ Германіи, то и берлинскій кабинетъ долженъ былъ также желать, чтобы Германія оставалась независимою державою, между Пруссіею и моею обширною имперіею. Не смотря на это, миролюбіе восторжествовало еще разъ и Фридрихъ призналъ рейнской союзъ, стараясь образовать подобный на сѣверѣ. Этого однако труднѣе было достигнуть, нежели онъ думалъ: Англія и Россія не соглашались, чтобъ онъ включилъ въ него ганзейскіе города, а я съ своей стороны старался, чтобы не присоединилась къ нему Саксонія. Я желалъ вовлечь эту страну въ рейнскій союзъ: ея

(*) Въ числѣ этихъ проэктовъ былъ одинъ, который я здѣсь приведу, ибо онъ касается нашего военнаго устройства. Я чувствовалъ необходимость имѣть нѣсколько легкихъ войскъ, для употребленія ихъ какъ партизановъ. Хотя казаки не успѣли еще выказать мнѣ достоинства подобнаго рода войскъ, потому что мы видѣли ихъ только въ аустерлицкой кампаніи, но я приказалъ 8 Іюля 1806 года образовать такой корпусъ. Мы могли употребить для этого малорослыхъ лотарингскихъ и арденскихъ лошадей, не годныхъ для регулярной кавалеріи; въ составъ его могли войти также малорослые люди, которые бы хотя и не годились по росту для красивыхъ кавалерійскихъ полковъ, но были бы столь же хорошіе солдаты, и притомъ расторопнѣе. Этотъ родъ пандуровъ могъ бы укомплектовываться въ каждой землѣ, быть всегда въ авангардѣ и тѣмъ сберегать мою кавалерію. Приказанія по этому предмету были отданы; но, въ послѣдствіи, по представленіямъ моихъ генераловъ, я отмѣнилъ ихъ, и напрасно.

географическое положеніе дѣлало ее ключемъ Эльбы; она была равно драгоцѣннымъ союзникомъ для дѣйствій противъ Пруссіи и противъ Австріи; сверхъ того саксонскій домъ былъ съ незапамятныхъ временъ въ союзѣ съ Франціею, и дружественныя сношенія его съ Пруссіею съ 1792 года не изгладили еще непріязненныхъ воспоминаній семилѣтней войны. Этого было для меня достаточно, чтобъ уговорить Саксонію остаться твердою и чтобы воспретить Пруссіи употреблять силу или угрозы, если представятся затрудненія къ заключенію союза.

Сверхъ неудовольствія, причиненнаго Пруссіи этими препятствіями, Англичане взяли въ слѣдствіе закрытія гаваней 300 прусскихъ судовъ; гавани блокировались англо-шведскими эскадрами; торговля остановилась; негодованіе военныхъ возрастало; государственные люди сожалѣли объ участи Германіи. Если бы правительство захотѣло утушить всѣ источники неудовольствія, то должно бы было создать судилище, по крайней мѣрѣ, подобное революціонному суду Фукье-Тенвиля.

Фридрихъ Вильгельмъ противупоставилъ всему свою твердую, непоколебимую волю; болѣе онъ не могъ ничего сдѣлать; но искра попала въ порохъ и произвела взрывъ: эта искра произошла отъ моихъ переговоровъ съ Англичанами.

Стараясь укрѣпить основанія моего могущества, я не терялъ надежды на морской миръ, безъ котораго мое зданіе не могло утвердиться. Открытіе переговоровъ произошло отъ случайнаго происшествія. Одинъ изъ этихъ жалкихъ людей, порождаемыхъ междуусобными войнами, одинъ изъ этихъ презрѣнныхъ, которые полагаютъ, что духъ партій все оправдываетъ, одинъ Французъ-фанатикъ, осмѣлился предложить Фоксу умертвить меня и купить для этого домъ на дорогѣ въ Сенъ-Клу, гдѣ я каждый день проѣзжалъ въ каретѣ. Фоксъ болѣе благородпѣе, нежели покровители Жоржа Кадудаля: онъ прогналъ измѣнника изъ королевства и извѣстилъ меня объ этомъ умыслѣ. Возникшая изъ этого переписка произвела взаимныя объясненія.

Долго спорили о формахъ. Англія хотѣла договариваться обще съ Россіею; но мнѣ казалось невыгоднымъ вовлечь въ переговоры третье лицо, съ которымъ я не имѣлъ никакаго дѣла, и которое могло только дать вѣсъ переговорамъ къ моей невыгодѣ; я отклонилъ это предложеніе; нашли средство уговорить императора Александра отправить съ своей стороны посланника въ Парижъ. Онъ прислалъ Убри, подъ предлогомъ размѣна плѣнныхъ.

Между тѣмъ Фоксъ просилъ меня объ освобожденіи лорда Ярмута, задержаннаго въ Вердюнѣ въ слѣдствіе взятыхъ Англичанами французскихъ судовъ, которыхъ экипажъ, хотя и не военный, былъ также задержанъ.

Тальеранъ объявилъ ему наше желаніе сблизиться; и между прочимъ сказалъ, что мы ничего не требовали отъ Англичанъ, и что война не обѣщала имъ никакихъ существенныхъ выгодъ.

Лордъ Ярмутъ возвратился съ инструкціями, и переговоры начались. Казалось мы были близки къ согласію;

Англичане сами предложили взаимное отношеніе владѣній и казались довольными сохранить Мальту и мысъ Доброй Надежды (адмиралъ Поффъ и генералъ Бёрдъ отняли этотъ мысъ у Голландцевъ 8 Генваря, послѣ сопротивленія, продолжавшагося нѣсколько дней); они показывали готовность возвратить остальныя колоніи. Къ несчастію Фоксъ заболѣлъ; лордъ Спенсёръ принялъ портфель и подъ предлогомъ, что лордъ Ярмутъ слишкомъ легкомысленно объяснилъ данныя ему инструкціи, къ нему присоединили лорда Лаудёрдейля.

Не смотря на то, что этотъ помощникъ былъ изъ числа умѣренныхъ, переговоры тотчасъ же приняли обратный ходъ. Утверждали, что при первыхъ переговорахъ взаимное отношеніе владѣній было опредѣлено, но за исключеніемъ Ганновера, который долженствовалъ быть возвращенъ Англіи.

При такихъ условіяхъ мнѣ приходилось оставить Англичанамъ все, чѣмъ они завладѣла, а именно: Мальту, мысъ Доброй Надежды, Суринамъ, Демерари, Бербисъ, Табаго и сверхъ того возвратить Ганноверъ, не получивъ ничего. Я объявилъ, что эти условія не согласны съ моею честью, и что такъ какъ я только что отдалъ моему брату тронъ Голландіи, то для меня было важно, чтобы онъ не началъ своего царствованія лишеніемъ Голландцевъ всѣхъ ихъ колоній.

Я былъ въ подобномъ же положеніи съ Іосифомъ относительно Неаполя: слѣдовало отказаться отъ предложенія ему этой короны, если бы я его лишилъ Сициліи, лучшаго перла въ вѣнцѣ этого королевства; тѣмъ болѣе, что этотъ островъ составляетъ хлѣбный магазинъ его.

Я сознаюсь, что недостаточно оцѣнилъ жертву, приносимую Англіею, признавая все, чѣмъ обладала Франція и ея союзники. Я уступалъ на счетъ колоній и Ганновера, но въ замѣнъ настаивалъ на сохраненіи Сициліи.

Это можетъ быть было одною изъ важнѣйшихъ моихъ ошибокъ: мнѣ бы слѣдовало тотчасъ согласиться при сдѣланномъ Англичанами предложеніи, и съ наивозможною поспѣшностью послать искуснаго дипломата въ Берлинъ, предложить королю помочь мнѣ въ столь желанномъ заключеніи мира, принявъ другое вознагражденіе за Ганноверъ. Было бы достаточно обѣщанія Англіи не вмѣшиваться въ распоряженія мои на твердой землѣ, съ тѣмъ, чтобы ей было возвращено ея курфиршество.

Лордъ Лаудёрдейль вѣроятно бы нашелъ средство отступиться при подобной поспѣшности съ моей стороны; ему достаточно было произвесть нѣкоторыя возраженія на счетъ объема, который бы дали взаимнымъ обладаніямъ. Все заставляетъ думать, что онъ относилъ это только къ Французской имперіи, а не къ государствамъ, подпавшимъ ея зависимости. Это такъ справедливо, что въ минуту откровенности при переговорахъ о Сициліи, англійскій уполномоченный объявилъ, что онъ имѣлъ приказаніе не только не уступать этого острова, но даже требовать возвращенія Неаполя Фридриху IV.

Между тѣмъ Убри пріѣхалъ, чтобъ договариваться отъ имени Россіи;

намъ не нужно было уступать другъ другу областей, и потому не трудно было согласиться: я требовалъ возвращенія Каттаро, неприкосновенности оттоманской имперіи и независимости семи острововъ; въ замѣнъ я обѣщалъ очистить Германію. Тайный пунктъ дозволялъ обмѣнять Сицилію на балеарскіе острова. Договоръ былъ подписанъ 20 Іюля (*).

Императоръ Александръ не одобрилъ поведенія Убри, а государственный совѣтъ объявилъ, что Убри преступилъ данныя ему наставленія, и императоръ отказалъ въ ратификаціи, не приводя никакихъ другихъ причинъ.

Этотъ отказъ оскорбилъ меня, потому что онъ разрушалъ мои надежды. Мои журналы начали громко вопіять: это обыкновенное средство сдѣлать минутное впечатлѣніе. Было бы глупо судить о моихъ чувствахъ по этимъ заученымъ выходкамъ; не изъ газетъ пишется исторія.

Я дѣлалъ обширныя предначертанія для величія Франціи, и зналъ, что исполненіе ихъ навлечетъ мнѣ непріязнь моихъ сосѣдей, которыхъ выгоды заставляли противиться преобладанію Франціи надъ Европою. Мы взаимно обвиняли другъ друга въ честолюбіи, въ непомѣрныхъ требованіяхъ: это въ порядкѣ вещей. Я полагаю, что россійскій императоръ, будучи на моемъ мѣстѣ, поступилъ бы также какъ я, и я бы не поколебался, на его мѣстѣ, противустать посягательствамъ французской имперіи на Германію.

И такъ санктпетербургскій кабинетъ отвергнулъ 24 Августа утвержденіе договора; и вѣроятно, что образованіе рейнскаго союза послужило къ тому побудительною причиною. Положеніе объ этомъ союзѣ, утвержденное 12 Іюля, только 1 Августа было обнародовано въ Регенсбургѣ, и слѣдовательно сохранялось еще въ тайнѣ, когда Убри подписалъ договоръ нашъ съ Россіею (20 Іюля).

Императоръ Александръ чувствовалъ, что ему нельзя оставаться равнодушнымъ къ участи государствъ, съ которыми онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ. *Онъ очень хорошо зналъ, что если первый законъ государства его собственная безопасность, то второй составляетъ безопасность сосѣднихъ государствъ, которыхъ существованіе необходимо для его собственнаго сохраненія.*

Перечитайте всѣ древнѣйшія положенія народнаго права, противъ этого не найдете возраженія. Россійскій императоръ поручился въ 1803 году также какъ и я въ поддержаніи правъ германской имперіи; онъ былъ порукою неприкосновенности ея еще со временъ тешенскаго мира, въ 1779 году; и потому, послѣ этого присоединенія Германіи къ Франціи, не могъ утвердить договора со мною, который бы нѣкоторымъ образомъ могъ казаться доказательствомъ согласія на разрушеніе основаній имперіи германской, будучи заключенъ позже этого событія. Сверхъ того я возвелъ 20 Іюня моего брата Людовика

(*) Слѣдуетъ замѣтить, что Наполеонъ обѣщалъ 20 Іюля очистить Германію, а 12-го заставилъ признать себя протекторомъ. Протекторство утверждало болѣе зависимости, нежели простое занятіе, какъ же предполагать, чтобы Россія на это согласилась? *Издатель.*

на голландскій престолъ, и русская политика могла видѣть въ этомъ худыя послѣдствія для своихъ выгодъ: санктпетербургскій кабинетъ находилъ весьма большія выгоды для государства отъ независимости Голландцевъ, которые имѣютъ столь обширныя сношенія съ его гаванями: въ особенности, если бы со временемъ неутральная торговля была обезпечена. Притомъ же, ничто не могло принудить Россію принять миръ, который ей казался невыгоднымъ, потому что война не могла ее достигнуть.

Говорятъ, что Убри объявилъ, будто бы онъ рѣшился подписать договоръ, чтобъ избавить Австрію отъ угрожавшей ей опасности. Въ самомъ дѣлѣ, я приказалъ Бертье, 16 Іюля, двинуть мою армію къ Инну, если Австрія не признаетъ рейнскаго союза. Кажется, что это приказаніе, хотя и весьма тайное, дошло однако до свѣденія россійскаго посла; но подписанный имъ договоръ, пришедшій въ Вѣну вмѣстѣ съ актомъ союза, не мало способствовалъ къ отреченію австрійскаго императора, и такимъ образомъ доставилъ мнѣ всѣ выгоды настоящаго мира. Слѣдствіе, вѣроятно, совершенно противуположное общему ожиданію.

Сверхъ того причина, которую приводитъ Убри, совершенно нова: странное средство избавить Австрію отъ непосредственной опасности, связавъ на нѣкоторое время могущество Россіи и отнявъ у нее всѣ способы немедленно поспѣшить на помощь Австріи; одно время можетъ объяснить эту тайну.

До заключенія этого договора, не зная еще, на что рѣшатся въ Вѣнѣ и Санктпетербургѣ, относительно рейнскаго союза, и опасаясь новой бури на твердой землѣ, я чувствовалъ выгоды противупоставить сильное отвлеченіе Россіи на Днѣстрѣ. Это казалось не такъ легко: наши сношенія съ Портою почти прекратились при восшествіи моемъ на престолъ, и маршалъ Брюнъ возвратился изъ Константинополя безъ формальнаго признанія меня императоромъ. Воспоминаніе объ египетской экспедиціи и вліяніе Англіи не скоро могли быть уничтожены.

Однако же аустерлицкая кампанія увеличила довѣріе Порты къ намъ и показала ей, какъ много она могла предпринять съ нашею помощью. Селимъ III любилъ Францію; онъ болѣе радовался нашимъ успѣхамъ, нежели многіе изъ Французовъ, и рѣшился отправить ко мнѣ посольство, для поздравленія меня съ восшествіемъ на престолъ.

Желая узнать, что я могу извлечь изъ этого, я послалъ въ Константинополь генерала Себастіани, человѣка ловкаго, умнаго, предпріимчиваго, котораго пріятное обращеніе совершенно приличествовало посланнику, и который, какъ человѣкъ военный, могъ быть двояко полезенъ при этомъ дворѣ, если бы Турція была вовлечена въ войну. Я велѣлъ ему быть однако весьма осторожнымъ, и открылъ ему начатые мною переговоры. Данныя ему наставленія, хотя совершенно мирныя, предписывали ему однако же стараться о смѣненіи господарей Валахіи и Молдавіи, которые были агентами Россіи. Я смотрѣлъ на этотъ поступокъ, какъ на первый шагъ къ возстановленію

нашего вліянія въ Константинополѣ и этого было достаточно, чтобъ возжечь войну. Я не имѣлъ повода раскаяться въ этомъ въ послѣдствіи; Себастіани отлично исполнилъ эту часть данныхъ ему порученій: какъ только трактатъ, заключенный съ Убри былъ отвергнутъ, онъ мнѣ доставилъ желанное отвлеченіе счастливѣе и полнѣе, нежели я надѣялся. Статья договора съ Россіею, требовавшая неприкосновенности оттоманской имперіи, безъ сомнѣнія внушила Портѣ большее довѣріе къ нему, нежели къ его предшественникамъ; онъ вполнѣ это заслуживалъ.

Между тѣмъ корпусъ Мармона занялъ республику Рагузу, платившую дань Портѣ. Она была мнѣ необходима для занятія венеціанской Далмаціи и Каттаро, и для защиты отъ нападеній греческаго племени Черногорцевъ, возбужденныхъ противъ насъ русскою дивизіею, расположенною въ Корфу; Мармонъ получилъ приказаніе помѣстить туда дивизію Лористона. Этотъ поступокъ былъ представленъ Портѣ нашими противниками, какъ новый знакъ непріязненности; но диванъ слишкомъ дорожилъ своими сношеніями со мною, чтобы прервать ихъ, по такой маловажной причинѣ.

Между тѣмъ, пока продолжались эти переговоры, война морская не прекращалась. Англичане, у которыхъ не осталось противниковъ на морѣ послѣ трафальгарскаго сраженія, не предпринимали въ продолженіи этого года ничего важнаго. Покушеніе адмирала Поѳма противъ южной Америки, безъ приказанія министерства, хотя и было весьма важно по своей цѣли; но, по недостатку средствъ, оно не имѣло важныхъ результатовъ.

Поѳмъ, покоривъ мысъ Доброй Надежды и взявъ съ острова св. Елены нѣкорыя подкрѣпленія, высадилъ Берсфорта въ Буэносъ-Айресѣ.

Этотъ ключъ Ріо-де-ла-Платы былъ взятъ 27 Іюля, безъ большаго сопротивленія, и Англичане захватили тамъ огромную добычу; но два Француза, состоявшіе въ испанской службѣ, совокупно съ нѣкоторыми королевскими войсками, расположенными въ окрестностяхъ, возмутили жителей. Они напали на Англичанъ, бывшихъ въ городѣ, и послѣ жаркаго сраженія принудили ихъ сдаться (12 Августа). Поѳмъ хотѣлъ отплатить за это два мѣсяца спустя, взявъ Монте Видео; но былъ отбитъ.

Извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ не дошло еще въ Европу, какъ уже переговоры съ Англіею были прерваны.

Лаудёрдейль, узнавъ, что Россія отказалась отъ ратификаціи договора, тотчасъ потребовалъ своего отправленія, будучи увѣренъ, что поссорилъ меня съ Пруссіею за Ганноверъ, а можетъ быть и съ Испаніею за балеарскіе острова. Переговоры о нѣкоторыхъ побочныхъ статьяхъ протянулись еще до конца Сентября мѣсяца.

Фоксъ умеръ 13-го. Но еслибъ онъ и остался живъ, это не измѣнило бы ни въ чемъ положенія дѣлъ. Учредивъ рейнскій союзъ, я поставилъ себя въ такое положеніе, что не могъ договариваться, не сдѣлавъ гораздо большихъ уступокъ, нежели тѣ, которыхъ отъ меня требовали первоначально.

Хотя эти переговоры и подавали лестныя надежды при ихъ открытіи, но они были чрезвычайно обманчивы и непонятны. Стоитъ обратить вниманіе на предшествовавшія и на послѣдовавшія обстоятельства, чтобы вполнѣ въ этомъ убѣдиться.

Великій проэктъ Питта, воспламенившій въ 1805 году всю Европу, требовалъ, чтобы Франція вошла въ границы 1792 года. Это почти ни чѣмъ не отличалось отъ предложеній, сдѣланныхъ мнѣ въ 1814 году въ Шатильонѣ, когда непріятель былъ у воротъ Парижа. Безъ сомнѣнія сраженія при Ульмѣ и Аустерлицѣ разрушили этотъ дивный проэктъ и измѣнили положеніе дѣлъ на твердой землѣ; но за то трафальгарская битва возвысила въ соразмѣрности могущество Англичанъ. И такъ могла ли мысль равносильнаго относительнаго обладанія прійти въ голову англійскаго министра, годъ спустя послѣ этого славнаго проэкта, заключавшаго въ 20 строкахъ всю политику сенъ-джемскаго кабинета въ продолженіе этихъ двадцати лѣтъ? Могло ли правительство, въ которомъ главныя лица были Гренвиль и Виндѣмъ, и которое, въ 1805 году, опасалось оставить мнѣ границы, предоставленныя аміенскимъ и люневилльскимъ трактатами, согласиться признать присоединеніе къ Франціи Піемонта и Генуи? Согласилось ли бы оно, чтобы Голландія и Неаполь, хотя не присоединенные, были подчинены моей имперіи какъ обширныя ленныя владѣнія, которыхъ государи не только были члены моего семейства, но подвержены еще сверхъ того моему суду какъ сановники французской имперіи? Наконецъ тѣ, которые не соглашались въ 1800 году на самыя малыя перемѣны на твердой землѣ, согласились ли бы теперь признать меня королемъ Италіи?

Во время бартенштейнскаго договора, заключеннаго въ 1807 году между Пруссіею и Россіею, въ которомъ участвовала и Англія, я располагалъ монархіею Фридриха, и былъ страшнѣе, нежели въ 1806 году; и при всемъ томъ Россія и Пруссія, вступивъ въ союзъ съ Англіею, обѣщали не ранѣе положить оружіе, какъ освободивъ Германію отъ моихъ войскъ и моего вліянія, и отнявъ у меня корону Италіи.

Правда, что Фоксъ не былъ одного мнѣнія съ министрами 1805 и 1807 годовъ; (въ 1807 году Каннингъ управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ) но Фоксъ не могъ заключить миръ, отвергаемый всею англійскою націею; онъ договаривался не одинъ, и не за однаго себя.

Не смотря на эти причины, справедливость которыхъ нельзя отвергнуть, я искренно сознаюсь, что худо взялся за эти переговоры: я бы долженъ былъ пожертвовать половиною неаполитанскаго королевства, даже возвратить его совершенно Фердинанду, но съ тѣмъ, чтобы Англія и Россія признали мою имперію и вступленіе на престолъ моихъ прочихъ братьевъ. Я дурно поступилъ противъ Пруссіи, располагая нѣсколько разъ, безъ ея согласія, судьбою Ганновера. Привыкнувъ побѣждать, я не боялся войны съ нею; и, признаюсь, рейнскій союзъ казался мнѣ столь важнымъ, и минута къ его учрежденію столь благопріятною, что

я рѣшился скорѣе противустать всѣмъ усиліямъ Европы, нежели отказаться отъ моего предположенія.

Англичане, можетъ быть, отклонили бы совершенно переговоры, относительно признанія нашихъ владѣній въ Италіи и Неаполѣ, такъ какъ они сдѣлали при заключеніи аміенскаго мира; но я снова повторю, что эта причина къ продолженію войны была бы справедливѣе, нежели требованіе съ моей стороны уступки Сициліи.

Хотя предложенія, относительно Ганновера не имѣли никакихъ послѣдствій, но дѣйствіе, ими произведенное, было сильно и быстро. Королева, принцъ Людовикъ, герцогъ брауншвейгскій и баронъ Гарденбергъ были со времени потсдамскаго трактата главою партіи, желавшей войны. Имъ не трудно было увлечь короля, который могъ усмирить общій ропотъ только выгодами отъ пріобрѣтенія Ганновера, въ удовлетвореніе за всѣ перенесенныя непріятности.

Воспользовавшись этимъ мнимымъ вѣроломствомъ съ моей стороны, чтобы возстановить противъ меня всѣ умы, и не зная еще, точно ли я потребую Ганноверъ и если потребую, то откажу ли дать въ замѣнъ приличное вознагражденіе, Пруссія приняла видъ, что видитъ во мнѣ невѣрнаго союзника, который отнимаетъ одною рукою то, что даетъ другою, нарушителя неприкосновенности земель, который самовольно располагаетъ тѣмъ, что ему не принадлежитъ. Распространяли даже самые нелѣпые слухи о моихъ сношеніяхъ съ Россіею и вооружали противъ меня умы, взволнованные событіями послѣдняго времени. Пруссаки вспомнили, что они наслѣдники славы великаго Фридриха: правительство, которое до сихъ поръ силилось удерживать порывы, теперь само старалось возжигать ихъ. Король смотрѣлъ на потерю Ганновера, какъ на погибель государства, и послѣдняго залога своей безопасности и личной чести. Онъ видѣлъ себя вынужденнымъ или славно пасть на полѣ брани, или сознаться въ своемъ бесчестіи. Крикъ *къ оружію!* раздался отъ Потсдама до Кёнигсберга: война была рѣшена, не ожидая содѣйствія Россіи; съ нею договаривались о союзѣ, но не ждали ея войскъ; война за честь не терпитъ отсрочекъ.

Генералъ Кнобельсдорфъ, замѣнившій въ Парижѣ прежняго посланника Лукезини, подалъ мнѣ необыкновенный ультиматумъ, по которому отъ меня требовали: 1-е) *очистить Германію, начавъ съ того дня, когда король можетъ получить мой отвѣтъ и продолжая безъ остановки;* 2-е) *отдѣлить Везель отъ моей имперіи;* 3-е) *доставить мой отвѣтъ не позже 8-го Октября въ главную квартиру короля.*

Сципіонъ подъ Карѳагеномъ вѣрно не говорилъ болѣе повелительнымъ голосомъ съ побѣжденными. Можно было подумать, что это происходило на другой день сраженія при Росбахѣ.

Берлинскій кабинетъ тѣмъ болѣе поступилъ ошибочно, принявъ подобный тонъ въ сношеніяхъ со мною, что собственная выгода его требовала продлить это дѣло. Еслибъ онъ отъ меня потребовалъ съ соблюденіемъ надлежащихъ формъ очищенія Германіи въ назначенное съ общаго согласія время, онъ былъ бы правъ

Владимиръ Константиновичъ
Крамаренко

и вся вина зачинщика осталась бы на моей сторонѣ.

Пруссаки, напавъ на меня въ то время, какъ я велъ войну съ Австріею и Россіею, могли бы мнѣ много повредить; но мнѣ казалось столь страннымъ, что они одни и такъ не во время объявили мнѣ войну, что я долго этому не вѣрилъ. Однако это было совершенно справедливо и мнѣ пришлось снова выступить въ походъ.

Я зналъ, что русская армія, расположенная на Нѣманѣ, будетъ непзбѣжнымъ союзникомъ Пруссіи; но я могъ раньше ея прійти въ Берлинъ; къ тому же я надѣялся, что Себастіани побудитъ Турокъ къ войнѣ; ибо заключенный между Англіею и Россіею договоръ, отдавалъ Россіи Молдавію и Валахію, въ вознагражденіе ея усилій противъ Франціи.

Но я не намѣренъ былъ ждать ненадежной помощи Селима III, для нападенія на моихъ противниковъ, шедшихъ на встрѣчу моимъ ударамъ: я приказалъ моей арміи собраться и самъ отправился въ Майнцъ.

6 Октября я прибылъ въ Бамбергъ. Въ арміи моей было 180,000 человѣкъ; главныя силы, состоявшія изъ 5 корпусовъ: Бернадотта, Даву, Сульта, Нея, Ланна и кавалеріи великаго герцога бергскаго, собрались въ Кобургѣ и Бамбергѣ; гвардія, подъ начальствомъ Лефебра, направлялась на сей послѣдній городъ; Ожеро выступилъ изъ Франкфурта, угрожая кассельской дорогѣ, потомъ свернулъ на право; Мортье собралъ 8-й корпусъ на границахъ Вестфаліи; братъ мой Людовикъ направился къ Везелю съ 15,000 Галло-Батавцевъ; Мармонъ былъ оставленъ въ Иллиріи съ 2-мъ корпусомъ, для прикрытія Рагузы, занятія Каттаро и проч.

Пруссаки вступили въ Саксонію и привлекли на свою сторону курфирста. Гессенъ-Кассель готовъ былъ послѣдовать этому примѣру. Непріятельскія войска расположились на сѣверномъ склонѣ Турингенвальда. Корпусъ Рухеля, силою въ 20,000, составлялъ въ Эйзенахѣ правое крыло. Главная армія (50,000), подъ личнымъ предводительствомъ короля и начальствовавшаго по немъ брауншвейгскаго герцога, стояла въ окрестностяхъ Эрфурта. Лѣвое крыло (около 50,000 Саксонцевъ и Пруссаковъ), подъ начальствомъ князя Гогенлоэ, сосредоточивалось у Бланкенхайна: отъ него былъ отдѣленъ отрядъ, подъ начальствомъ Тауэнцина, для прикрытія оконечности лѣваго фланга въ Шлейцѣ.

Три способа представлялись мнѣ, чтобы внести войну въ Пруссію: я могъ дѣйствовать лѣвымъ крыломъ, дебушируя отъ Майнца и Везеля на Вестфалію, что было бы безразсудно; я могъ напротивъ, дѣйствовать всѣми силами въ центрѣ, по дорогѣ изъ Эйзенаха въ Кассель или Лейпцигъ; наконецъ я могъ двинуть всѣ силы по направленію моего праваго крыла, обойти лѣвое непріятельское и отрѣзать Пруссаковъ отъ Берлина, черезъ Гофъ и Геру, какъ я отрѣзалъ, движеніемъ на Донаувертъ, Макка отъ Вѣны, или какъ дѣйствовалъ противъ Меласа при Маренго. Очевидно, что послѣдняя мѣра была не только лучшая, но даже единственная благоразумная.

Чтобъ избѣгнуть пораженія, Прусакамъ оставалось избрать два средства: или напасть въ половинѣ Сентября на мои кантониръ-квартиры, разсѣянныя во Франконіи, или ожидать меня, расположась въ массѣ въ оборонительной линіи на верхней Заалѣ, упираясь лѣвымъ крыломъ въ границы Австріи: я могъ ихъ разбить, атакуя съ фронта; но они бы имѣли тогда вѣрное отступленіе на Дрезденъ и Силезію. Они бы присоединились къ Русскимъ на Одерѣ и монархія еще могла быть спасена. Но Пруссаки напротивъ того вытянули правое крыло къ Эйзенаху, расположили центръ у Эрфурта, и оставили отдѣльно лѣвое крыло у Шлейца; я не могъ желать ничего выгоднѣе этого расположенія.

Король, принявъ лично начальство, вывелъ всѣхъ старыхъ генераловъ семилѣтней войны, чтобы служить ему руководителями; герцогъ брауншвейгскій и Моллендорфъ должны были вести армію къ побѣдамъ. Первый, авангардный генералъ отца своего, великаго Фердинанда, не сражался съ того времени, исключая дѣла при Кайзерслаутернѣ, гдѣ онъ ограничился храброю обороною своего лагеря противъ Гоша. Хорошій администраторъ, храбрый въ бояхъ, но робкій въ кабинетѣ, онъ ничему не научился въ продолженіе войнъ послѣднихъ пятьнадцати лѣтъ, хотя эти годы были богаты великими уроками для всякаго воина, способнаго ими воспользоваться. Моллендорфъ, столь же храбрый генералъ, былъ столь же неискусенъ. Лѣта охладили въ обоихъ пылкость и мужество, которымъ они обязаны были всею своею славою; но онѣ не придали имъ дарованій: геній не бываетъ плодомъ лѣтъ и опытности. Князь Гогенлоэ и Массенбахъ, его правая рука, имѣли именно столько ума и познаній, сколько нужно, чтобъ избирать въ войнѣ самое худшее. Однимъ словомъ, во всемъ этомъ блестящемъ кругу потсдамскихъ дѣйствователей, ни одинъ не понималъ моей системы, чтобъ обсудить три простыя гипотезы, о которыхъ упомянулъ я выше, и заключить, что я обойду армію черезъ Гофъ и Кобургъ, если она осмѣлится перейти Заалу. Они устремились къ своей гибели съ непостижимою самонадѣянностью.

Эти искусные распорядители, погруженные въ продолженіе десяти лѣтъ въ летаргическій сонъ, были до того увѣрены, что прогонятъ насъ обратно къ Майну, что не сдѣлали даже никакихъ приготовленій для вооруженія первой линіи своихъ крѣпостей, расположенныхъ въ нѣсколькихъ переходахъ отъ нашихъ кантониръ-квартиръ; и между тѣмъ, какъ я воздвигалъ бастіонъ за бастіономъ въ Келѣ, Кассслѣ и Везелѣ, они не поставили ни одного палисада въ Магдебургѣ, ни одной батареи въ Шпандау.

Однако армія Пруссаковъ была прекрасна, и отличалась устройствомъ и дисциплиною; артиллерія дѣйствовала превосходно; кавалерія еще не забыла Зейдлица и его безсмертныхъ уроковъ; скажу даже болѣе: генеральный штабъ имѣлъ хорошія познанія, но мелочныя, частныя, а не общія. Однимъ словомъ, эта армія, превосходная по наружности, уподоблялась тѣлу безъ души.

Герцогъ брауншвейгскій, выдвинувъ свое правое крыло до Эйзенаха, надѣялся прикрыть кассельскую дорогу и увлечь гессенскаго курфирста, который собиралъ уже 20,000, для подкрѣпленія арміи.

Герцогъ намѣренъ былъ вступить потомъ во Франконію въ трехъ мѣстахъ и напасть на мою линію на Майнѣ, гдѣ, какъ онъ полагалъ, я останусь, принявъ оборонительное положеніе. Странное понятіе о моемъ характерѣ, моемъ положеніи и моемъ прежнемъ образѣ дѣйствій! Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было предполагать, чтобы тотъ, кто съ быстротою орла устремился на соединенныя силы Австріи и Россіи, засѣлъ теперь за Майномъ передъ отдѣльными силами второстепенной державы, при явной необходимости дѣйствовать быстро до прихода Русскихъ и пробужденія Австрійцевъ?

Получивъ извѣстіе о первыхъ нашихъ движеніяхъ на Кобургъ, герцогъ понялъ свою ошибку, доказывавшую его неспособность; онъ отказался отъ наступательныхъ дѣйствій и рѣшился сосредоточить свою армію, ожидая встрѣтить насъ съ фронта у Веймара.

Это сосредоточеніе силъ было благоразумно; но его слѣдовало произвесть у Гофа на лѣвомъ крылѣ, вмѣсто того, чтобъ притягивать къ себѣ это крыло, и открывать дорогу, которая вела меня къ моей цѣли.

Прибывъ въ Бамбергъ и узнавъ, что дѣлается около Ерфурта, я тотчасъ же составилъ мой планъ; обыкновенный генералъ удовольствовался бы разбитіемъ непріятеля; но я рѣшился его уничтожить. Я вознамѣрился отрѣзать отъ сердца прусской монархіи армію, обойти ее съ лѣва и стать между ею и Эльбою. Правда, дѣйствуя на непріятельскія сообщенія, я открывалъ и мои собственныя; но это было для насъ не опасно, потому что мы были многочисленнѣе и притомъ же, повернувъ тотчасъ отъ Геры на западъ, я прикрывалъ дороги, ведущія въ Гофъ, Нордгальбенъ и Кобургъ, черезъ которыя, въ случаѣ неудачи, я бы могъ отступить во Франконію.

Моя армія вступила тремя дорогами въ Саксонію: на правомъ флангѣ, Сультъ, Ней и баварская дивизія двинулись изъ Байрейта черезъ Гофъ на Плауэнъ; въ центрѣ великій герцогъ бергскій, Бернадоттъ и Даву шли изъ Бамберга черезъ Кронахъ на Заальбургъ; на лѣвомъ крылѣ Ланнъ и Ожеро, вышедши изъ Швейнфурта, направились черезъ Кобургъ и Граффенталь на Заальфельдъ.

Первая стычка произошла 8 Октября. Прусскій отрядъ, хотѣвшій защищать Заалу въ Заальбургѣ, былъ опрокинутъ великимъ герцогомъ бергскимъ; на другой день моя средняя колонна продолжала свое движеніе и наткнулась въ Шлейцѣ на корпусъ Тауэнцина. Бернадоттъ атаковалъ его и одержалъ побѣду, послѣ не упорнаго сопротивленія.

Мое лѣвое крыло начало дѣйствовать также успѣшно. 10-го Ланнъ атаковалъ въ Заальфельдѣ авангардъ арміи Гогенлоэ, бывшій подъ командою принца Людовика прусскаго. Непріятель былъ разбитъ и потерялъ 1,000 человѣкъ и 30 орудій. Принцъ Людовикъ, молодой человѣкъ, подававшій великія надежды, не хотѣлъ

пережить пораженія, и искалъ смерти: онъ жилъ какъ храбрый рыцарь и умеръ какъ герой. Прежде онъ былъ моимъ ревностнымъ поклонникомъ, потомъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ, считая меня губителемъ Пруссіи; любовь къ отечеству сдѣлала его несправедливымъ; но, не смотря на все, что онъ предпринялъ противъ меня, мнѣ пріятно отдать ему должную справедливость.

Я ожидалъ болѣе сопротивленія. Воспоминанія о Фридрихѣ и Зейдлицѣ, Лейтенѣ и Прагѣ, давали мнѣ высокое понятіе объ этой арміи, и я сказалъ одному изъ моихъ генераловъ въ Майнцѣ, что эта кампанія не будетъ походить на ульмскую, и что намъ придется поработать. Эти первыя побѣды разувѣрили меня; онѣ были счастливымъ предзнаменованіемъ кампаніи. Я понялъ, какъ мнѣ легко будетъ справиться съ прусскою арміею, не показавшей довольно твердости, для перенесенія сильныхъ неудачъ.

Самыми первыми движеніями мы уже успѣли обойти лѣвое крыло непріятеля, предупредивъ его 12-го въ Герѣ; оставалось совершенно отрѣзать его. Для этого, мой лѣвый флангъ долженъ былъ служить опорною точкою для захожденія всей моей арміи. 13-го мы занимали слѣдующую позицію: Даву, Бернадоттъ и Мюратъ, съ одною легкою кавалеріею, двинулись на Наумбургъ, гдѣ они овладѣли значительными магазинами, назначенными для прусской арміи; Сультъ шелъ изъ Геры на Іену, Ней находился у Роты, Ланнъ близъ Іены, Ожеро у Калы; одна баварская дивизія, расположившись въ Плауэнѣ, прикрывала мое правое крыло.

До отъѣзда изъ Геры, я написалъ 12-го письмо къ Фридриху Вильгельму, предлагая ему миръ. Я поручилъ доставленіе его, г. Монтескьу, состоявшему при мнѣ ординарцомъ. Этотъ поступокъ былъ худо истолкованъ: Монтескьу, если вѣрить князю Гогенлоэ, ѣхалъ одинъ, безъ обычныхъ для парламентёровъ предосторожностей, и былъ остановленъ 13-го аванпостами: князь почелъ его за шпіона и удержалъ у себя, пославъ письмо къ королю, который получилъ его во время самаго жаркаго сраженія. Конечно тогда уже было не много поздно избѣгать войны. Я предполагалъ однако два случая, оба выгодные, послав это письмо: или король согласится на все, или онъ пребудетъ твердымъ въ своемъ намѣреніи, принятомъ при отъѣздѣ изъ Берлина: умереть или побѣдить. Въ томъ и другомъ случаяхъ это бы его заняло 13-го вечеромъ и 14-го утромъ, и онъ не имѣлъ бы времени рѣшиться на успѣшный ночной переходъ, чтобъ избѣжать нападенія нашего съ тылу. Эта военная хитрость была позволительна. Я принялъ видъ, что желаю мира, не переставая выполнять планъ мой. Письмо мое было не изъ послѣднихъ маневровъ въ эту кампанію; еслибъ король получилъ его, какъ я предполагалъ, 13-го числа, это бы ему не помѣшало итти на Фрейбургъ со всею своею арміею, принялъ ли бы онъ миръ или бы отвергъ его. И такъ отъ него зависѣло спасти себя въ политическомъ и военномъ отношеніи. Одно уже то обстоятельство,

что письмо это отправлено было къ нему изъ Геры, достаточно было чтобы убѣдить его, что онъ долженъ поспѣшить своимъ отступленіемъ и отвѣчая на него, стараться въ тоже время выйти изъ своего опаснаго положенія.

Непріятель, сосредоточенный около Веймара, понялъ мои дѣйствія только тогда, когда онѣ были уже выполнены; видя, что мы овладѣли дорогою, ведущею изъ этого города въ Лейпцигъ и магазинами въ Наумбургѣ, онъ рѣшился отступить, чтобы достичь Эльбы ранѣе насъ.

13-го вечеромъ король и герцогъ брауншвейгскій направились съ главною арміею къ Зульцѣ. Князь Гогенлоэ, долженствовавшій прикрывать это отступленіе, остался при Капеллендорфѣ на одной высотѣ съ Іеною; ему приданъ былъ въ подкрѣпленіе корпусъ Рухеля, который отступилъ къ Веймару. Я не далъ непріятелю времени спастись. Овладѣвъ его сообщеніями, я рѣшился его уничтожить, вступивъ съ нимъ въ бой.

Хотя іенское дефиле, черезъ которое мы должны были дебушировать, весьма затруднительно, но для насъ, прошедшихъ С. Бернардъ и ущелье Барда, оно не могло быть преградою; Ланнъ, оттѣснивъ авангардъ Тауэнцина къ Іенѣ, смѣло взошелъ на гору Ландграфенбергъ и занялъ вершину ея въ виду прусской арміи, которая была расположена въ трехъ линіяхъ. Я не зналъ, что она была раздѣлена, и полагалъ, что она будетъ сражаться сосредоточенными силами, по системѣ Фридриха. Я торопилъ прибытіе моей гвардіи и приказалъ ей взобраться, въ 10 часовъ вечера, по весьма крутой тропинкѣ на вершину Клаузевица, потому что намъ важно было имѣть родъ тетъ-де-пона, чтобъ всходить на гору и выбираться изъ этой пропасти. Сультъ слѣдовалъ въ близкомъ отъ насъ разстояніи; онъ прибылъ ночью на мое правое, а Ожеро на лѣвое крыло: Ней расположился бивуаками при Ротѣ.

Полагая, что вся армія короля соединена на этомъ пунктѣ, и что его лѣвое крыло растянуто по направленію къ Апольдѣ, я приказалъ Бернадотту двинуться въ Дорнбургъ, а Даву свернуть изъ Наумбурга по лѣвому берегу Заалы къ Апольдѣ, чтобъ ударить на оконечность непріятельской линіи и взять ее съ тылу. Мюратъ, съ легкою кавалеріею, возвратился къ Іенѣ, на соединеніе со мною. Эта диспозиція была хороша, при сдѣланныхъ мною предположеніяхъ; еслибъ я предвидѣлъ, что король намѣренъ проложить себѣ путь черезъ Наумбургъ и что Бернадоттъ уже прибылъ туда, я не подвергнулъ бы отдѣльно войска Даву ударамъ главныхъ силъ непріятеля и не послалъ бы Бернадотта прогуляться въ Дорнбургъ, гдѣ онъ равно былъ безполезенъ какъ мнѣ, такъ и Даву.

Бой начался 14-го на разсвѣтѣ. Ночь была холодная; густой туманъ скрывалъ горизонтъ; въ двухъ шагахъ ничего не было видно: двойное счастіе для насъ, потому что непріятель не могъ видѣть, что мы еще не слишкомъ сильно утвердились на высотѣ. Я сѣлъ въ 8 часовъ на лошадь и проѣзжая передъ фронтомъ дивизіи Сюше, сказалъ: «Воины! «эта гордая армія уже обойдена, «какъ армія Макка при Ульмѣ; она

«сражается для того только, чтобы «проложить себѣ обратный путь; «стыдъ и бесчестье войскамъ, которыя «се пропустятъ!» Авангардъ князя Гогенлоэ былъ вытѣсненъ Лапномъ изъ дефиле, выходъ которыхъ онъ еще занималъ; мы расположились въ Люцероде и Клаузевицѣ. Князь Гогенлоэ, услышавъ громъ сраженія, двинулся къ намъ на встрѣчу отъ Капелендорфа на Фирценхейлигенъ.

Въ продолженіе двухъ часовъ я довольствовался этими слабыми успѣхами, чтобъ поддерживать сраженіе до прибытія моей кавалеріи и трехъ корпусовъ. Ней, недовольный тѣмъ, что составлялъ резервъ Ожеро, и руководимый излишнимъ рвеніемъ, атаковалъ одинъ съ 3,000 отборнаго войска всю прусскую линію у Фирценхейлигена: онъ выдерживалъ въ продолженіе часа весь огонь непріятеля и заставилъ меня послать къ нему Ланна на подкрѣпленіе. Эта преждевременная атака тѣмъ болѣе была мнѣ непріятна, что я все еще полагалъ всю армію короля на этомъ пунктѣ. Наконецъ дебушировали колонны Сульта и Ожеро, а также и главныя силы корпуса Нея; я подалъ знакъ рѣшительной атаки: герцогъ далмацкій устремился на лѣвый флангъ князя Гогенлоэ, Ней и Ланнъ на центръ у Фирценхейлигена, а Ожеро на Изерштедтъ.

Побѣда ни минуты не колебалась. Прусская линія отступила и была совершенно разбита. Рухель, прибывъ со всею поспѣшностью съ резервами изъ Веймара, не имѣлъ довольно вѣрнаго взгляда, чтобъ увидѣть, что дѣла были слишкомъ въ худомъ положеніи, и что невозможно возстановить ихъ съ 20,000. Вмѣсто того, чтобъ ограничиться прикрытіемъ отступленія князя Гогенлоэ, онъ былъ такъ неосторожень, что вступилъ въ дѣло съ главными силами моей арміи и, вмѣсто того, чтобы взять ее во флангъ, напалъ на нее съ фронта. Онъ былъ опрокинутъ и самъ опасно раненъ. Его разбитіе только увеличило потерю непріятеля. Бѣгущіе, быстро преслѣдуемые, были переброшены за Ильмъ, черезъ который они переправились ниже Веймэра. Мы заняли этотъ городъ вечеромъ, въ день самаго сраженія, начатаго въ 6 льё отъ города.

Между тѣмъ какъ мы побѣждали при Іенѣ, Даву пріобрелъ при Ауэрштедтѣ не менѣе важные успѣхи надъ арміею короля. Она выступила накануне, чтобы достигнуть Наумбурга и Фрейбурга. Дивизія Шметтау, шедшая впереди, достигла Герштедта; войска, отправленныя ею на рекогносцировку, и дошедшія до козенскаго дефиле, взяли нѣсколько плѣнныхъ также изъ рекогносцировки, посланной маршаломъ Даву. Герцогъ брауншвейгскій, получивъ донесеніе, что корпусъ этого маршала находится въ Наумбургѣ, упорствовалъ во мнѣніи, что это должна быть партизанская партія; вмѣсто того, чтобы выдвинуть въ тотъ же вечеръ Шметтау до Козена, онъ оставилъ его въ принятой имъ позиціи, и расположилъ остальныя двѣ дивизіи, равно какъ и резервную бивуаками между Эберштедтомъ и Ранштедтомъ; главная квартира была въ Ауэрштедтѣ. Участь, постигшая армію, была такъ неожиданна, что даже королева оставалась здѣсь, съ непонятною

беспечностью; король съ трудомъ уговорилъ ее возвратиться въ Веймаръ.

Однако герцогъ брауншвейгскій, увѣрившись въ томъ, что корпусъ нашихъ войскъ занималъ Наумбургъ, и зная, что съ козенской высоты ведетъ прямая дорога черезъ Унштруттъ въ Фрейбургъ, надѣялся достигнуть этого города, не пробиваясь сквозь наши ряды. Онъ велѣлъ дивизіи Шметтау занять на другой день козенскую высоту для прикрытія остальныхъ четырехъ дивизій, которыя прошли бы позади ея. Онъ бы могъ такимъ образомъ очень удобно уйти, если бы Даву остался спокойно въ Наумбургѣ; но если допустить даже, что армія короля спаслась бы этимъ скрытнымъ движеніемъ, то что же сдѣлалось бы съ княземъ Гогенлоэ, котораго оставляли такимъ образомъ съ 50,000 войска посреди всей моей арміи? Если уже хотѣли ускользнуть изъ западни, то слѣдовало, по крайней мѣрѣ, предписать Гогенлоэ двинуться ночью съ своею пѣхотою къ Зульцѣ, для соединенія тамъ съ королемъ и обеспеченія этого маневра; не было другаго средства спасти армію отъ угрожавшей ей участи. Должно было оставить дивизію Тауэнцина и всю кавалерію Гогенлоэ на позиціи при Капеллендорфѣ, для маскированія движенія; тогда только одни 10 баталіоновъ Тауэнцина подверглись бы опасности; но и они могли еще съ наступленіемъ дня направиться по дорогѣ въ Эрфуртъ, или даже слѣдовать за королемъ по дорогѣ на Экартсбергъ.

Изъ этого видно, что герцогъ брауншвейгскій умѣлъ только ввести армію въ затруднительное положеніе, но не могъ придумать средства къ ея спасенію.

Армія короля тронулась на разсвѣтѣ; туманъ затруднилъ и замедлилъ движеніе. Однако дивизія Шметтау, подошедъ къ Гассенхаузену, наткнулась на дивизію Гюдена, которую Даву двинулъ еще ночью, чтобъ обеспечить себѣ на другой день выходъ изъ козенскаго дефиле; часомъ позже наши войска, стѣсненныя въ дефиле, не могли бы изъ него дебушировать, и вѣроятно были бы здѣсь разбиты.

Даву, возвратясь наканунѣ съ рекогносцировки и получивъ мои приказанія въ 2 часа утра, предложилъ Бернадотту направиться съ нимъ вмѣстѣ черезъ Козенъ на Апольду, и предоставлялъ даже ему командованіе обоими корпусами. Предписаніе князя нёфшательскаго къ Даву именно заключало въ себѣ приказаніе, что если 1-й корпусъ къ нему присоединился, то они могутъ итти вмѣстѣ; но это приказаніе не было повторено въ предписаніи, посланномъ къ Бернадотту. Руководимый слишкомъ строгою точностью, онъ буквально хотѣлъ исполнить данное ему повелѣніе итти на Дорнбургъ. Всѣ убѣжденія Даву остались безполезны: онъ потянулся по дорогѣ на Камбургъ. Это странное упрямство подвергало Даву большой опасности, и могло сдѣлать побѣду сомнительною.

Прусскій король прибылъ къ дивизіи Шметтау, и выведенный изъ терпѣнія туманомъ, мѣшавшимъ ему видѣть происходившее, приказалъ Блюхеру ударить съ 2500 кавалеріи на войска, которыя успѣли уже занять высоту. Гюденъ въ это время только

что прибылъ съ своею колонною къ Гассенхаузену: наша легкая кавалерія наткнулась на гораздо многочисленнѣйшія войска Блюхера и была опрокинута; но бригада Готье успѣла построиться въ каре. Король велѣлъ атаковать ее, но артиллерія, поставленная на шоссе, и поддерживаемая пѣхотою, отразила всѣ усилія Блюхера и его эскадроновъ.

Это сопротивленіе устрашило герцога брауншвейгскаго; онъ рѣшился построить армію въ боевой порядокъ и ожидать пока спадетъ туманъ. Старикъ Моллендорфъ увѣрялъ, что у насъ на этомъ пунктѣ только летучій отрядъ, и что слѣдуетъ его опрокинуть въ козенскій оврагъ. Король, будучи одного съ нимъ мнѣнія, приказалъ дивизіямъ Вартенслебена и принца оранскаго перейти ауэрштедтскій оврагъ. Пруссаки сдѣлали важную ошибку: если они хотѣли нападать, то имъ слѣдовало ночью пройти дефиле; тогда прусская армія, совершенно устроенная, напала бы на наши колонны, бывшія еще на походѣ.

Вартенслебенъ, дебушировавшій прежде всѣхъ, построился вправо и напалъ на лѣвое крыло Гюденя. Въ это самое время, Блюхеръ, двинувшись къ Пунхерау, зашелъ въ тылъ нашего праваго фланга, и напалъ на него со всею быстротою, какую только дозволилъ разсѣявшійся не много туманъ. Минута была рѣшительная: Даву, расположивъ уступами свои каре, и подкрѣпляемый Гюденемъ и геройскою твердостью своей пѣхоты, опрокинулъ быстро всѣ атаки, одну за другою. Подъ Блюхеромъ убили лошадь: его эскадроны, встрѣчая всюдѣ неприступный фронтъ и убійственный огонь, возвратились въ безпорядкѣ по дорогѣ къ Экартсбергу.

Прибытіе дивизіи Фріана, построившейся на правомъ флангѣ, довершило побѣду на этомъ пунктѣ. Освободясь съ этой стороны, Гюденъ вскорѣ былъ атакованъ съ лѣваго фланга войсками Вартенслебена. Шметтау, потерявшій уже половину своихъ силъ, былъ поддержанъ на обоихъ флангахъ принцемъ оранскимъ.

Было девять часовъ: герцогъ брауншвейгскій рѣшился произвесть общую атаку противъ нашего лѣваго фланга; онъ лично принялъ начальство надъ дивизіею Вартенслебена. Непоколебимый Гюденъ устоялъ противъ этого новаго порыва, не смотря на числительную несоразмѣрность силъ. Атака была произведена слабо, хотя и съ мужествомъ: Пруссаки слишкомъ старались соблюдать равненіе и дистанціи, какъ будто на парадѣ. Наши солдаты засѣли за заборами, маленькими оврагами, деревьями и садами, окружающими Гассенгаузенъ и осыпали непріятеля пулями. Многіе баталіоны остановились и стали отступать. Герцогъ брауншвейгскій, лично стараясь ввести ихъ снова въ дѣло, былъ смертельно раненъ; Шметтау постигла та же участь; подъ Вартенслебеномъ убили лошадь. Лишенная начальниковъ, прусская линія колебалась, но не отступала. Гюденъ уже изнемогалъ, когда дивизія Морана появилась на высотѣ и стала на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Это сильное подкрѣпленіе свѣжихъ и мужественныхъ войскъ рѣшило дѣло. Пруссаки, вытѣсненные

изъ Гассенгаузена, удерживались однако позади этого селенія; король рѣшился испытать противъ нашего лѣваго крыла атаку, подобную той, которая такъ худо удалась по утру Блюхеру. Принцъ Вильгельмъ мужественно атаковалъ нѣсколько разъ войска Морана, расположенныя батальонными карэ, въ шахматномъ порядкѣ. Отраженный нѣсколько разъ грознымъ фронтомъ моихъ храбрыхъ пѣхотинцевъ, встрѣчаемый штыками, осыпаемый ружейнымъ огнемъ и картечью съ батарей, и наконецъ раненый, принцъ не могъ удержать безпорядка своей кавалеріи, которая отступила частью въ Нейзульцу, частью въ Ауэрштедтъ.

Фріанъ, съ своей стороны, прошелъ до Таухвица, обошелъ лѣвый флангъ принца Генриха и оконечность непріятельской линіи.

Моранъ, освободясь отъ кавалерійской атаки, устремился въ Регаузенъ. Король былъ вездѣ въ самомъ жаркомъ огнѣ и подъ нимъ убили уже одну лошадь. Этотъ государь показалъ столько же хладнокровія какъ и мужества: онъ самъ повелъ часть своего резерва противъ нашего лѣваго крыла; но, взятый во флангъ артиллеріею и пѣхотою, которыми Даву увѣнчалъ Зонепбергъ, не могъ возстановить боя и воспрепятствовать Морану взять Регаузенъ. Безпорядокъ и замѣшательство начали показываться въ прусской пѣхотѣ.

Даву увидѣлъ, что настала минута нанесть рѣшительный ударъ: экартсбергскія высоты командовали лѣвымъ флангомъ непріятеля; овладѣть ими, значило овладѣть вмѣстѣ тактическимъ и стратегическимъ пунктомъ поля сраженія, потому что въ этомъ случаѣ мы захватывали прямую дорогу въ Фрейбургъ и отрѣзывали непріятеля отъ послѣдняго пути отступленія. Дивизія Гюденя была туда направлена черезъ Таухвицъ и Герштедтъ, а дивизія Фріанн черезъ Лисдорфъ. Ничто не могло противустать стремительному ихъ натиску. Старикъ Моллендорфъ, раненый пулею, передалъ команду Калкрёйту; но когда его послѣдній отборный резервъ не могъ отбить атаку на Экартсбергъ, Пруссакамъ не осталось уже никакой надежды возстановить сраженіе; войска ихъ въ безпорядкѣ перешли довольно глубокій ауэрштедтскій оврагъ.

Король, не зная о пораженіи князя Гогенлоэ, приказалъ отступать на Веймаръ; его армія была бы совершенно истреблена, еслибъ Бернадоттъ исполнилъ хоть половину того, что онъ былъ въ состояніи сдѣлать. Вышедъ изъ Наумбурга въ 3 часа по утру и пришедъ около 6 часовъ въ Камбургъ, онъ могъ еще оттуда выйти къ Зульцѣ, атаковать короля и пересѣчь ему всякое отступленіе; онъ предпочелъ продолжать свое движеніе къ Дорнбургу, гдѣ гораздо труднѣе перейти черезъ оврагъ Заалы; онъ только къ ночи прибылъ къ Апольдѣ. При всемъ томъ его неожиданное появленіе на этихъ высотахъ, которыя берутъ часть веймарской дороги во флангъ, и встрѣча бѣгущихъ изъ корпуса Гогенлоэ, привели въ отчаяніе войско короля, которое разсѣялось въ разныя стороны.

Король въ это время получилъ письмо, посланное мною 12-го изъ

Геры съ Монтескьу, для избѣжанія войны. Лучъ надежды оживилъ его убитый духъ; онъ прислалъ ко мнѣ графа Денгофа, своего адъютанта, съ предложеніемъ перемирія; но я уже не могъ остановиться: война, начатая этимъ громовымъ ударомъ, должна была повергнуть Пруссію къ моимъ стопамъ; я долженъ былъ договариваться не иначе, какъ въ Берлинѣ.

Таковъ былъ конецъ славнаго ауэрштедтскаго сраженія. Фридрихъ Вильгельмъ могъ сказать то же, что Францискъ I: *все потеряно, кромѣ чести*. Разбитый корпусомъ, въ половину слабѣйшимъ, онъ обязанъ былъ этимъ неопытности своего войска и генераловъ. Фельдмаршалы: герцогъ брауншвейгскій и Моллендорфъ, принцъ Вильгельмъ, генералы: Шметтау, Вартенслебенъ и 324 офицера были убиты или ранены; 10,000 рядовыхъ выбыло изъ строя; это доказываетъ, что если они и худо дѣйствовали, то по крайней мѣрѣ храбро дрались.

Одна дивизія Гюденя лишилась 3,500 рядовыхъ и 130 офицеровъ; ужасная потеря, потому что она составляла половину бывшихъ въ дѣлѣ. Это одно доказываетъ непоколебимую твердость, противупоставленную ею всѣмъ усиліямъ непріятеля: Даву и всѣ его войска оспаривали другъ у друга славу; они пріобрели право на удивленіе современниковъ и потомства. Ни одна изъ революціонныхъ войнъ не представляетъ столь несоразмѣрнаго боя, съ столь удивительнымъ успѣхомъ. Я съ трудомъ вѣрилъ донесеніямъ, думая сначала, что онѣ преувеличены; но прусскія реляціи показали мнѣ ихъ умѣренность. Даву купилъ эту побѣду кровью семи тысячъ храбрыхъ; но къ счастью, значительное число было слабо раненыхъ, и болѣе половины вступило опять во фронтъ.

Ночь послѣ этого двойнаго сраженія, была также гибельна для Пруссаковъ, какъ и самое сраженіе. Армія короля, шедшая въ безпорядкѣ по дорогѣ въ Веймаръ, наткнулась около Буттельштедта на бѣгущія войска арміи Гогенлоэ; тогда замѣшательство дошло до высочайшей степени. Князь Гогенлоэ почти одинъ прибылъ въ Випахъ. Ничего не приготовлено было на случай отступленія. Даже когда умѣютъ такъ выигрывать сраженія, какъ я, то едва ли простительно не сдѣлать приготовленія на случай отступленія; это самая важная ошибка, какую только можетъ сдѣлать главнокомандующій; безъ сомнѣнія онъ не долженъ дѣлать своихъ распоряженій гласными; но необходимо назначить сборный пунктъ корпусамъ, которые безъ этого могутъ быть отрѣзаны.

Два начальника были ранены, третій бѣжалъ; нѣкому было исправить зло. Корпуса тѣснили другъ друга; то собирались, то разсыпались; ужасный безпорядокъ этотъ можно сравнить развѣ только съ ночью послѣ сраженія при Ватерлоо. Часть бросилась по дорогѣ въ Эрфуртъ, другая въ Колледу, главныя силы въ совершенномъ разстройствѣ, достигли Зоммерды.

Блюхеръ, на пути изъ Колледы въ Вейсензее, съ 6,000 кавалеріи, былъ предупрежденъ драгунами Клейна, и только тѣмъ спасся, что увѣрилъ Клейна въ заключеніи перемирія.

Калкрёйтъ, тѣснимый въ Грёйзенѣ корпусомъ Сульта, хотѣлъ употребить ту же хитрость, но былъ настигнутъ и опрокинутъ; онъ достигъ Зондерсгаузена въ самомъ жалкомъ состояніи. Тамъ Гогенлоэ собралъ остатки своихъ войскъ.

Моллендорфъ, достигнувъ Эрфурта съ 6,000 кавалеріи и 8,000 раненыхъ, былъ окруженъ тамъ Мюратомъ и Неемъ. Губернаторъ этой крѣпости, способной къ продолжительной оборонѣ, сдался на капитуляцію на другой же день, отдавъ намъ и двѣ прекрасныя цитадели, командовавшія крѣпостью.

И такъ одинъ день рѣшилъ судьбу всей Пруссіи; мы взяли 60 знаменъ, 200 полевыхъ орудій и 25,000 плѣнныхъ. Однако намъ слѣдовало не дать непріятелю времени опомниться и устроить свое войско; надобно было не давать ему ни минуты покоя; я такъ и сдѣлалъ.

Хотя брауншвейгскій герцогъ и хотѣлъ сосредоточить свои силы, но не сдѣлалъ этого, или, если и сдѣлалъ, то такъ дурно, что мы успѣли предупредить его. Одна половина арміи погибла при Іенѣ, а другая была разбита на маршѣ къ Фрейбургу и Наумбургу; а между тѣмъ другіе два корпуса, подъ начальствомъ герцога веймарскаго и генерала Винцингга, находились за Турингенвальдомъ и у Эйзенаха; а 14,000-ый корпусъ герцога виртембергскаго составлялъ резервъ Галле.

Послѣдствія этого ужаснаго пораженія были тѣмъ важнѣе, что армія не имѣла болѣе предводителя и что король долженъ былъ, не теряя времени, спѣшить въ столицу и на Одеръ; а потому каждый корпусъ долженъ былъ отдѣльно думать о своемъ спасеніи. Бюловъ могъ бы найти тутъ прекрасный примѣръ эксцентрическаго отступленія.

Гогенлоэ и Калкрёйтъ бросились черезъ Гарцъ на Магдебургъ. Первый долженъ былъ принять тамъ главное начальство, собрать все, что можно, и направиться на Одеръ, къ Штеттину; но онъ долженъ былъ описать дугу черезъ Магдебургъ, между тѣмъ какъ хорда была въ нашей власти, такъ что мы могли его вездѣ предупредить, если не встрѣтимъ какаго либо важнаго препятствія при переходѣ черезъ Эльбу. Мюратъ, Сультъ и Ней слѣдовали за нимъ на Нордгаузенъ, гдѣ арріергардъ его былъ разбитъ; а я въ тоже время направился съ Бернадоттомъ, Лапномъ, Даву, Ожеро и моею гвардіею, по дорогѣ въ Дессау, чтобъ переправиться тамъ черезъ Эльбу, двинуться на Берлинъ, отрѣзать непріятеля отъ Одера и овладѣть и его столицею, и его сообщеніями. Эти блистательныя послѣдствія моихъ дѣйствій могли бы кажется заставить моихъ хулителей не порицать моихъ распоряженій въ этомъ случаѣ; но можно ли требовать, чтобы эти слѣпцы оцѣнили мой образъ веденія войны, когда даже герцогъ брауншвейгскій не вполнѣ постигалъ его.

Бернадоттъ встрѣтилъ 17 Октября у Галле резервный корпусъ герцога Евгенія виртембергскаго, только что узнавшаго объ іенскомъ сраженіи, съ такими ужасными подробностями, какимъ не смѣлъ и вѣрить. Евгеній ожидалъ 2,000 человѣкъ, шедшихъ изъ Магдебурга по лѣвому берегу Заалы

черезъ Зандерслебенъ. Отъ того ли, что онъ былъ неожиданно атакованъ, или отъ того, что не смѣлъ уничтожить мостъ на Заалѣ до прибытія этого отряда, но дивизія Дюпона такъ быстро на него напала, что онъ не успѣлъ окончить своихъ распоряженій, чтобы достигнуть Магдебурга, какъ онъ былъ намѣренъ.

Опрокинуть баталіоны, оставленные у моста черезъ Заалу, и прорваться вмѣстѣ съ ними, было для нашихъ дѣломъ четверти часа; главныя силы прусскаго корпуса, расположенныя позади города, вздумали отнять его; завязался весьма жаркій бой. Дюпонъ вышелъ изъ лейпцигскихъ воротъ, подкрѣпляемый войсками Риво и кавалеріею Тильи, напалъ на непріятеля со стороны Нѣймарка и овладѣлъ магдебургскою дорогою. Непріятель не могъ долго держаться противъ превосходныхъ силъ Бернадотта, который, чтобъ довершить побѣду, старался отрѣзать его отъ дороги въ Дессау; герцогъ сдѣлалъ все для спасенія своего послѣдняго сообщенія и успѣвъ въ этомъ, тотчасъ началъ отступать, сильно преслѣдуемый колоннами Дюпона и Риво. Онъ перешелъ Эльбу въ Дессау, гдѣ не совершенно уничтожилъ мостъ, и потомъ достигъ Магдебурга, ослабленный потерею 30 орудій и 5,000 человѣкъ. Полкъ, шедшій по лѣвому берегу Заалы, окруженный со всѣхъ сторонъ въ крольвицкомъ дефиле войсками Друэ и Тильи, былъ взятъ въ плѣнъ.

Этотъ бой 12,000 Пруссаковъ противъ превосходныхъ силъ Бернадотта, не смотря на благопріятную для противниковъ нашихъ мѣстность, дѣлаетъ однакоже честь имъ. Герцогъ поступилъ бы благоразумнѣе, приказавъ отряду, котораго онъ ожидалъ, стараться спастись какъ нибудь въ Магдебургъ. Тогда бы онъ имѣлъ возможность сжечь мосты на Заалѣ, и не настигнутый нами, могъ бы направиться по дорогѣ въ Дессау и Виттенбергъ для совершеннаго уничтоженія мостовъ на Эльбѣ, чтобы воспрепятствовать нашей переправѣ черезъ эту рѣку. Онъ такимъ образомъ замедлилъ бы на два или на три дня наше движеніе и спасъ бы корпуса Гогенлоэ и Блюхера и крѣпость Штеттинъ.

Даву, вступивъ 18-го въ Лейпцигъ, направился оттуда на Виттенбергъ, куда послѣдовала за нимъ и моя главная квартира. Въ этомъ богатомъ городѣ мы захватили значительное количество англійскихъ товаровъ. Ланнъ двинулся въ Дессау; Бернадоттъ спустился по Заалѣ до Бернбурга и Ахерслебена и получилъ приказаніе навести мостъ около Цербста, чтобы отрѣзать только что разбитый имъ корпусъ, успѣвшій достигнуть Магдебурга. Ланнъ приказалъ исправить мосты въ Дессау; Даву и Ожеро вошли безъ всякаго сопротивленія въ Виттенбергъ, 23-го. Слабый прусскій отрядъ, тамъ находившійся, не успѣлъ совершенно сжечь моста. Мы тотчасъ двинулись на Потсдамъ, и вступили въ этотъ городъ 24-го.

Когда я увидѣлъ себя во дворцѣ Фридриха, когда я сталъ осматривать въ Сансуси всѣ мѣста, которыя обезсмертило воспоминаніе объ этомъ великомъ королѣ, мною овладѣло чувство сильное, неизъяснимое.

Фридрихъ семь лѣтъ боролся съ половиною Европы, а теперь его монархія пала въ двѣ недѣли передъ моими орлами: таковы судьбы народовъ; онѣ зависятъ отъ обстоятельствъ и людей, которые ихъ рѣшаютъ. Я нашелъ въ его кабинетѣ нотный пюпитръ и другой, на которомъ лежало «военное искусство Пюисегюра.» Книга была открыта на главѣ, подъ заглавіемъ du port de l'epée; вѣроятно Фридрихъ читалъ не это мѣсто. Мое удивленіе достигло высочайшей степени, когда я тамъ нашелъ знакъ, шпагу, шарфъ и ордена, которые онъ носилъ во время семилѣтней войны. Подобные трофеи дороже сотни знаменъ, и забытіе ихъ доказывало безпорядокъ и оцѣпененіе, въ какое пришла Пруссія при извѣстіи о пораженіи арміи. Я послалъ ихъ въ Парижъ и велѣлъ хранить въ домѣ инвалидовъ; многіе изъ этихъ старыхъ солдатъ были современники постыднаго росбахскаго пораженія; я гордился, посылая имъ эти доказательства славнаго отмщенія.

25 Октября, Даву вступилъ въ Берлинъ, гдѣ мы нашли отличный арсеналъ и огромнѣйшіе запасы продовольствія. Наше движеніе было такъ быстро, что въ столицу успѣлъ прибыть только одинъ курьеръ изъ арміи; этотъ городъ былъ, такъ сказать, въ томъ же положеніи, въ которомъ король его оставилъ. Пруссаки успѣли спасти бумаги изъ архива; но не вывезли ни однаго орудія. Въ тотъ же день крѣпость Шпандау, которую по неосторожности вовсе не вооружили, сдалась маршалу Ланну. Въ арсеналѣ нашли 80 орудій, а гарнизонъ простирался до 1200 человѣкъ. Я отправился съ моею гвардіею въ Шарлоттенбургъ для подкрѣпленія Ланна, и остался тамъ 27-го, чтобы принять нужныя мѣры къ преслѣдованію корпуса Гогенлоэ.

28-го я занялъ Берлинъ. Я входилъ побѣдителемъ въ Миланъ, въ Каиръ, въ Вѣну, но нигдѣ, признаюсь, не былъ встрѣченъ съ такимъ усердіемъ, какъ здѣсь, этими самыми Пруссаками. Въ самомъ дѣлѣ, мѣщанскій классъ, столь многочисленный въ германскихъ государствахъ, смотрѣлъ на меня какъ на защитника тѣхъ началъ, которыя восторжествовали во время революціи; обиженный притязаніями дворянства, этотъ классъ не принималъ никакаго участія въ дѣлахъ, произведшихъ войну.

Іенская и ульмская кампаніи должны служить полководцамъ образцами искусства соединять войска кстати и раздѣлять ихъ по нанесеніи удара. Уничтоженіе прусской арміи такъ необыкновенно, что я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности, чтобъ объяснить его.

Между тѣмъ какъ я шелъ къ Берлину, Мюратъ, Сультъ и Ней послѣдовали за остатками прусской арміи въ Магдебургъ. Король, справедливо полагая ихъ въ отчаянномъ положеніи, направился къ Одеру и предоставилъ главное начальство князю Гогенлоэ съ тѣмъ, чтобы онъ снова устроилъ армію подъ стѣнами этой важной крѣпости. Порученіе невозможное: онъ былъ бы тамъ окруженъ. Сультъ преслѣдовалъ непріятеля съ такою быстротою, что прусскій аррiергардъ только еще вступалъ

въ лагерь подъ Магдебургомъ, когда дивизія Леграна ворвалась туда вслѣдъ за нимъ и принудила его уйти въ крѣпость, гдѣ все пришло въ ужасное смятеніе.

Тутъ князь Гогенлоэ узналъ объ окончаніи сраженія при Галле, и моемъ движеніи на Дессау и Виттенбергъ; онъ однакожъ надѣялся, что сожженіе мостовъ на Эльбѣ доставитъ ему возможность достичь Штеттина ранѣе насъ. Но я сказалъ уже, что эти мосты достались намъ почти неповрежденными.

Пруссакамъ оставалось только, устроить армію и усилить ее до 50,000 человѣкъ, подъ защитою Магдебурга, удерживать сколько можно долѣе войну на обоихъ берегахъ Эльбы, чтобы выждать, какое дѣйствіе произведетъ прибытіе Русскихъ на Одеръ, и воспользоваться стѣнами крѣпости, въ случаѣ совершенной невозможности держаться внѣ ея. Для этого надобно было имѣть въ изобиліи продовольствія и военныхъ припасовъ, а ни тѣхъ, ни другихъ не было. Гогенлоэ могъ еще броситься на Сульта, пробиться въ Ганноверъ, соединиться съ дивизіею Лекока и держаться въ Вестфаліи до послѣдней крайности. Наконецъ представлялся еще и третій способъ дѣйствія, а именно: не теряя времени достигнуть Штеттина; Гогенлоэ предпочелъ послѣднее, что было весьма естественно при тогдашнемъ положеніи дѣлъ.

Гогенлоэ надѣялся выступить изъ Магдебурга съ 68 батальонами и 159 эскадронами, считая приведенныхъ принцемъ виртембергскимъ изъ Галле и назначенныхъ прикрывать его движеніе; но безпорядокъ былъ такъ великъ, что Калкрёйтъ вмѣсто того, чтобы расположить эшелонами свою многочисленную кавалерію на правомъ берегу Эльбы, послалъ ее на кантониръ-квартиры на лѣвый берегъ къ Зандау (*) и что вмѣсто 27 слабыхъ батальоновъ, назначенныхъ къ защитѣ Магдебурга, въ этомъ городѣ по ошибкѣ осталось 52 полныхъ.

Отъ Магдебурга къ Одеру ведутъ двѣ дороги: прямѣйшая и лучшая пролегаетъ черезъ Бранденбургъ и Берлинъ; а другая идетъ болѣе на сѣверъ черезъ Ратенау, Руппинъ, Цеденикъ, Пренцлау и Штеттинъ. На первой, Гогенлоэ долженъ былъ встрѣтить наши колонны, шедшія изъ Виттенберга въ Потсдамъ и потому онъ предпочелъ вторую, которая сближала его съ его кавалеріею, направлявшеюся изъ Зандау на Нёйштадтъ, и отдаляла мгновеніе, въ которое мы могли бы его настичь. Онъ не могъ ничего другаго избрать, но долженъ былъ принять лучшія мѣры для исполненія своего движенія, итти съ большею поспѣшностью и лучше согласовать дѣйствія разныхъ частей своихъ войскъ.

Штеттинская дорога, по которой онъ слѣдовалъ, сходится въ Цеденикѣ съ ораніенбургскою, по которой я направился; онъ долженъ былъ итти безостановочно, пока не достигли этого города его главныя силы, и въ особенности его многочисленные эскадроны. Весьма вѣроятно было,

(*) Одинъ прусскій историкъ обвиняетъ въ этомъ Калкрёйта, другіе утверждаютъ, что Блюхеръ повелъ эту кавалерію къ Зандау, находящемуся въ 15 льё ниже Магдебурга.

что онъ придетъ въ Цеденикъ ранѣе нашихъ войскъ, потому что Мюратъ слѣдовалъ за нимъ черезъ Гарцъ и еще не задолго до того, въ Магдебургѣ, требовалъ черезъ генерала Белліяра, чтобы онъ сдался. Можно ли же было предполагать, чтобы французскія войска, разбросанныя между Гальберштадтомъ и Магдебургомъ, и которымъ слѣдовало еще переправляться черезъ Эльбу, пришли въ Цеденикъ ранѣе князя Гогенлоэ? Однако это случилось: Мюратъ достигъ этого города быстрыми маршами, ранѣе колонны Ланна, шедшихъ въ головѣ моей арміи.

Князь Гогенлоэ, вышедъ изъ Магдебурга 23 Октября, направился тремя колоннами на Рэтенау, съ 28 батальонами и почти 30 эскадронами; главная часть кавалеріи переправилась ниже черезъ Эльбу и присоединилась къ нему около Нёйштадта. Блюхеръ принялъ начальство надъ корпусомъ герцога виртембергскаго, назначеннымъ составлять арріергардъ.

И такъ Гогенлоэ имѣлъ 25-го въ своемъ распоряженіи 50 батальоновъ и 160 эскадроновъ; но вмѣсто того, чтобъ соединить войска въ одну массу и располагаться бивуаками, продовольствуя войска подвозомъ припасовъ черезъ жителей и земское управленіе, онъ разбрасывалъ свои войска на кантониръ-квартиры по деревнямъ, и черезъ это истомлялъ ихъ безполезными переходами съ квартиръ на квартиры и вводилъ безпорядокъ и неповиновеніе. Эта система тѣмъ болѣе непонятна, что онъ думалъ пробиваться силою, а въ такомъ случаѣ нельзя итти этапами. Въ заключеніе всѣхъ этихъ ошибокъ, вмѣсто того, чтобъ расположить свою многочисленную кавалерію на правомъ флангѣ, откуда мы шли, онъ перенесъ ее на оконечность лѣваго, по направленію къ Витстоку; между тѣмъ пѣхота направлялась на Нёй-Руппинъ, а слабый авангардъ подъ командою Шиммелпеннинка на Цеденикъ.

Этотъ городъ, расположенный, какъ я уже говорилъ, на соединеніи съ тою дорогою, которую я избралъ, былъ по этому рѣшительный пунктъ, котораго слѣдовало достигнуть ранѣе насъ; и если уже авангардъ успѣлъ прибыть туда, то и остальная армія легко могла его достигнуть, если бы были приняты лучшія мѣры.

Сдача Шпандау (25 Октября) пріобрѣтала еще болѣе важности, при приближеніи прусскихъ войскъ. Бернадоттъ, узнавъ въ Бранденбургѣ о движеніи Гогенлоэ, тотчасъ меня извѣстилъ объ этомъ и двинулся самъ по направленію къ Фербеллину и Кремменау.

Великій герцогъ бергскій, которому уже нечего было дѣлать въ окрестностяхъ Магдебурга, когда непріятель успѣлъ достичь этой крѣпости, получилъ приказаніе поспѣшно свернуть къ Бальби или Дессау и перейти тамъ Эльбу. Онъ такъ быстро это выполнилъ, что пришелъ въ Шпандау во время сдачи этой крѣпости и тотчасъ же направился черезъ Ораніенбургъ въ Цеденикъ. Ланнъ, который долженъ былъ за нимъ слѣдовать, прибылъ только 26-го къ Ораніенбургу.

Ожеро и Даву оставлены были въ окрестностяхъ Берлина на случай,

если непріятель, избѣгнувъ отъ другихъ корпусовъ нашихъ, вздумалъ бы зайти намъ въ тылъ. Первый охранялъ важный мостъ въ Нёйбрюкѣ черезъ Гавель; второму приказано было выдвинуть свою легкую кавалерію до Одерберга.

Князь Гогенлоэ, узнавъ 26-го о прибытіи нашихъ войскъ въ Ораніенбургъ, принялъ позднее намѣреніе ускорить свое движеніе, перешедъ съ своею пѣхотою черезъ Гранзее въ Цеденикъ, а на другой день въ Пренцлау, чтобъ достигнуть, 28-го, локницкаго дефиле близъ Штеттина, гдѣ бы онъ уже избавился отъ опасности. Кавалерія его должна была направляться туда же черезъ Витстокъ и Вольдекъ.

Прибывъ въ Гранзее, Гогенлоэ получилъ неожиданное извѣстіе, что генералъ Шиммельпенинкъ опрокинутъ въ Цеденикѣ кавалеріею великаго герцога бергскаго и въ безпорядкѣ бросился въ Пренцлау. Странно было потерять свое ближайшее сообщеніе по причинѣ кавалерійской стычки, когда 10,000 прусской кавалеріи оставались безъ пользы въ Витстокѣ.

Гогенлоэ потерявъ надежду пробиться, рѣшился достичь Бойтценбурга (*) сдѣлавъ обходъ черезъ Фюрстенбергъ и Лихенъ, гдѣ онъ намѣревался ждать Блюхера и часть кавалерійской колонны, которую онъ хотѣлъ притянуть къ себѣ въ замѣнъ отдѣлившейся отъ него кавалеріи Шиммельпенинка. Мысль эта была безразсудна, потому что наши войска занимали прямую и кратчайшую дорогу черезъ Темплинъ и слѣдовало ожидать, что онѣ встрѣтятъ эту колонну, съ тою еще невыгодою для Пруссаковъ, что эти войска могли быть удобнѣе поддержаны тѣми корпусами, которые прибыли первые въ Берлинъ (Лапна и Даву).

Какъ бы то ни было, 27-го Гогенлоэ прибылъ въ Лихенъ, и напрасно тамъ ожидалъ Блюхера, который, узнавъ слишкомъ поздно объ этомъ движеніи, дошелъ только до Гантцера; ожидаемая имъ кавалерія также къ нему не присоединилась; а такъ какъ ему нельзя было терять времени, то онъ и продолжалъ свое движеніе на Бойтценбургъ.

Мюратъ, узнавъ во время своего марша изъ Темплина въ Пренцлау, о движеніи Пруссаковъ, тотчасъ обратился съ дивизіями Груши, Бомона и Ласаля къ Вихмансдорфу, гдѣ онъ наткнулся на гвардейскихъ жандармовъ, прикрывавшихъ съ фланга движеніе Пруссаковъ. Напасть, окружить и притѣснить ихъ къ берегу озера, было для него минутнымъ дѣломъ. Этого-то полка офицеры обидѣли французскаго посланника, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе увлечь короля къ объявленію войны; мы отмстили имъ теперь, заставивъ сдаться на капитуляцію въ чистомъ полѣ, что никогда не должно случиться съ кавалеріею.

Гогенлоэ, устрашенный этимъ извѣстіемъ, собралъ свою пѣхоту и колебался, итти ли ему въ Бойтценбургъ или двинуться по поперечной дорогѣ между Пренцлау и Пассевальком: послѣднее было, разумѣется благоразумнѣе; но, основываясь на донесеніи патрулей, онъ рѣшился

(*) Бойтценбургъ близъ Пренцлау, не должно смѣшивать съ Бойтценбургомъ на Эльбѣ.

вступить ночью въ Бойтценбургъ, и на другой день направиться по дорогѣ въ Пренцлау, гдѣ онъ нашелъ бы съѣстные припасы и фуражъ для своего войска.

Корпусъ этотъ подвинулся къ Шонермарку и Густову и вошелъ безъ особеннаго препятствія въ Пренцлау; но великій герцогъ бергскій, прибывъ по темплинской дорогѣ и не могши занять города съ одною кавалеріею, велѣлъ отряду драгунъ обойти его, между тѣмъ какъ онъ самъ съ двумя дивизіями направился на ручей Голмюцъ, стремительно ударилъ на хвостъ прусской колонны, преслѣдовалъ ее до предмѣстья, заставилъ полкъ короля бросить оружіе, отрѣзалъ авангардъ, подъ начальствомъ принца Августа и принудилъ его, не смотря на храброе сопротивленіе, сдаться въ плѣнъ съ своимъ баталіономъ.

Прусская пѣхота, миновавъ Пренцлау, направилась, неизвѣстно отъ чего, въ Пассевалькъ, а не на Штеттинъ. Мюратъ предложилъ Гогенлоэ сдаться, и Ланнъ, бывшій самъ при войскахъ Мюрата, хотя его корпусъ былъ еще далеко, сдѣлалъ тоже, чтобъ обмануть непріятеля.

Увѣренный, что онъ не можетъ достигнуть Локница, и что этотъ пунктъ уже во власти нашей пѣхоты, атакованный съ фронта кавалерійскою дивизіею, а съ тыла двумя другими, Гогенлоэ положилъ оружіе съ 17 баталіонами и 19 эскадронами, силою, по крайней мѣрѣ до 12,000 человѣкъ.

Великій герцогъ бергскій, поспѣвалъ всюду; едва лишь пріобрелъ онъ этотъ блестящій успѣхъ, какъ уже легкая кавалерія Ласаля принудила Штеттинъ сдаться на капитуляцію нашимъ гусарамъ, не смотря на то, что тамъ было 5,000 гарнизона. Мюратъ тотчасъ направился на Пассевалькъ, куда отступили главныя силы кавалеріи Гогенлоэ, узнавъ о пораженіи своего начальника. Шесть кавалерійскихъ полковъ и одна бригада пѣхоты, измученной усиленными переходами сдались безъ выстрѣла.

Одна только бригада, отрѣзанная наканунѣ отъ Пренцлау, явилась къ Штеттину; губернаторъ 28-го не впустилъ ее, а на другой день отворилъ ворота при первомъ требованіи нашего авангарда. Эта бригада дошла до Анклама, гдѣ дивизія генерала Бекера настигла ее и заставила положить оружіе.

Изъ всей этой, прекрасной, сильной арміи, остался только Блюхеръ и прежній корпусъ герцога веймарскаго, состоявшій подъ начальствомъ генерала Винцинга, который, обманувъ Сульта, перешелъ Эльбу около Зандау и достигъ Мекленбурга.

Блюхеръ, узнавъ о пораженіи Гогенлоэ, повернулъ тотчасъ къ Нёй-Стрелицу, гдѣ онъ соединился съ корпусомъ Винцинга и составилъ небольшую армію, силою въ 21,000. Теперь надобно сказать нѣсколько словъ о моей арміи.

Даву, остановившись на нѣсколько дней передъ Берлиномъ, двинулся потомъ по дорогѣ во Франкфуртъ-на-Одерѣ и въ Кюстринъ. Эта крѣпость, построенная на островѣ, образуемомъ Эльбою, крѣпость, которую маіоръ Гейденъ такъ храбро защищалъ въ семилѣтнюю войну, сдалась нашимъ легкимъ войскамъ, отдѣленнымъ отъ

пея рукавами рѣки. Чтобъ занять ее мы должны были воспользоваться судами гарнизона! Овладѣвъ этимъ, столь важнымъ пунктомъ, и не имѣя предъ собою непріятеля, Даву тотчасъ же направился по дорогѣ въ Познань. Ожеро занялъ Франкфуртъ; гвардія моя оставалась въ Берлинѣ; Неи блокировалъ Магдебургъ.

Между тѣмъ какъ орлы мои неслись такъ быстро отъ Рейна къ Одеру, покоривъ въ 3 недѣли все пространство между этими двумя рѣками, я ничего не упускалъ изъ виду для утвержденія и обезпеченія моей власти въ покоренныхъ областяхъ.

Мортье занялъ уже княжество Фульду съ двумя слабыми дивизіями 8-го корпуса. Принцъ оранскій, которому оно досталось по люневильскому договору въ вознагражденіе за штатгальтерство, сражался въ непріятельскихъ рядахъ. Я его наказалъ за это, овладѣвъ его землями. Мортье вмѣстѣ съ голландскимъ королемъ двинулся потомъ къ Касселю.

Курфирстъ, будучи въ нѣкоторомъ отношеніи вассаломъ Пруссіи и притомъ однимъ изъ моихъ непримиримыхъ враговъ, уѣхалъ въ Англію, увезя съ собою значительныя сокровища, остатки пособій, которыя онъ постоянно получалъ отъ Англіи со временъ коалиціи противъ Людовика XIV въ 1702 году. 20,000 человѣкъ, набранныхъ противъ меня, положили оружіе и были разсѣяны слабѣйшими силами. Голландскій король подвинулся съ галло-батавскою арміею къ Ганноверу, и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, окружилъ прусскую дивизію Лекока въ Гамельнѣ и Ніэнбургѣ, овладѣвъ почти безъ выстрѣла всѣмъ курфиршествомъ, герцогствомъ брауншвейгскимъ и ганзейскими городами Бременомъ и Гамбургомъ.

Баварскія и виртембергскія вспомогательныя войска, занявши Байрейтъ и прикрывъ такимъ образомъ правый флангъ большой арміи при ея рѣшительномъ движеніи, направились потомъ черезъ Плауэнъ на Дрезденъ, и соединившись съ Даву, приблизились къ Одеру: они составили 6-й корпусъ.

Изъ вспомогательныхъ войскъ прочихъ малыхъ владѣтелей, составились гарнизоны въ тылу нашемъ. Гессенъ-дармштадскій отрядъ остался въ Шпандау и Штеттинѣ, а нассауской въ Берлинѣ.

Я также старался привлечь на свою сторону Саксонцевъ; еще до начатія войны, я объявилъ прокламаціею, что Пруссія намѣрена обратить Саксонію въ свою провинцію. Я заключилъ перемиріе съ саксонскимъ генераломъ, взятымъ въ плѣнъ при Іенѣ; въ слѣдствіе этого, саксонскія вспомогательныя войска отдѣлились отъ прусской арміи въ Бальби на Эльбѣ, и курфирстъ началъ переговоры, чтобы сблизиться съ нами.

Узнавъ о соединеніи Блюхера съ корпусомъ Винцинга, я приказалъ Бернадотту преслѣдовать эту небольшую армію, Мюрату стараться отрѣзать ее отъ Стральзунда и Роштока, а Сульту препятствовать ей достигнуть нижней Эльбы.

Блюхеру трудно было ускользнуть. Онъ направился на Шверинъ, выдержавъ арріергардное сраженіе въ Носсентинѣ противъ Дюпона, и

довольно жаркое кавалерійское дѣло около Кривица. Кажется, что онъ сначала хотѣлъ направиться по дорогѣ въ Густровъ, безъ сомнѣнія для того, чтобъ сѣсть на суда въ Ростокѣ, или достигнуть Стральзунда; но какъ Мюратъ находился уже въ Демминѣ, то онъ свернулъ на лѣво къ Мекленбургу, въ намѣреніи броситься на нижнюю Эльбу и вести въ Ганноверѣ малую войну. Предупрежденный на всѣхъ пунктахъ, онъ двинулся къ Любеку, куда и прибылъ 5 Ноября. Бернадоттъ направился туда черезъ Шонбергъ, а Сультъ черезъ Рацбургъ: кавалерія Мюрата ихъ поддерживала.

Пришедъ съ сѣверной стороны, Бернадоттъ узналъ, что остатокъ шведскаго отряда, такъ дерзко запявшій Лауэнбургъ, сѣлъ на суда въ Любекѣ. Рѣка Трава течетъ извилисто; плаваніе по ней до Травемюнде трудно и медленно; бригада, изъ дивизіи Дюпона, посланная на половину дороги въ Шлутупъ, успѣла захватить одинъ гвардейской баталіонъ и остатки значительнаго обоза.

Наши колонны, прибывъ къ Любеку 6-го на разсвѣтѣ, тотчасъ начали атаку. Бернадоттъ приказалъ дивизіи Друэ взять приступомъ мекленбургскія ворота и прилежащій къ нимъ бастіонъ. Городъ окруженъ простою стѣною, въ худомъ положеніи, но которая все таки обеспечиваетъ его отъ взятія открытою силою. Пруссаки поспѣшно вооружили ее своими полевыми орудіями. Увѣряютъ, что два прусскіе полка, неосторожно поставленные внѣ воротъ и опрокинутые бригадою Фрера, были причиною того, что наши войска, смѣшавшись съ непріятелемъ, проникли въ городъ. Какъ бы то ни было, храбрые 27-й легкій и 94-й линейные полки, воспламененные воспоминаніемъ прежнихъ побѣдъ, бросились на непріятеля, взяли палисадированный тамбуръ у воротъ и ближайшія батареи и, подкрѣпляемые остальнымъ корпусомъ, ворвались въ улицы.

Блюхеръ сдѣлавъ свои распоряженія, возвратился въ свою квартиру; но лишь только вошелъ въ нее, наши солдаты уже проникли по его слѣдамъ до королевской улицы; онъ едва успѣлъ сѣсть на лошадь, а штабъ его былъ взятъ въ плѣнъ. Колонны Сульта встрѣтили болѣе затрудненія при взятіи ганноверскихъ воротъ; но онѣ уже проникли въ городъ, когда войска Риво показались въ прилегающей улицѣ. Блюхеръ успѣлъ пробиться съ 4 или 5,000 пѣхоты черезъ голштинскія ворота и присоединился къ своей кавалеріи, расположенной на лѣвомъ берегу Травы; остальное войско (около 8,000), пало подъ штыками, или было взято съ оружіемъ въ рукахъ. Кровавый бой завязался въ улицахъ, въ домахъ, въ публичныхъ зданіяхъ. Трудно удержать солдатъ, когда ими овладѣетъ жажда крови и мести. Жители этого цвѣтущаго города должны были вынесть всѣ ужасы приступа; но Сультъ и Бернадоттъ успѣли наконецъ возстановить порядокъ.

Отступленіе Блюхера за Траву, могло только на день отсрочить его гибель, потому что неутралитетъ Даніи не оставлялъ ему никакаго пути къ спасенію. Онъ принужденъ былъ положить оружіе въ Ратенау,

съ 10,000, которые у него оставались.

Уничтоженіе прусскихъ войскъ не было единственнымъ результатомъ іенскаго сраженія: общее уныніе овладѣло всею Пруссіею, лишило бодрости гарнизоны, и было причиною скорой сдачи всѣхъ важнѣйшихъ крѣпостей государства. Магдебургъ, весьма значительная крѣпость, имѣвшая отъ 18 до 20,000 гарнизона при 6,000 орудій, присоединилась къ сдавшимся прежде; она не лучше другихъ противилась, и послѣ бомбардированія, продолжавшагося только нѣсколько часовъ, старый Клейстъ сдался Нею, силы котораго не превышали гарнизона.

Гамельнъ и Ніенбургъ сдались также при первомъ востребованіи гало-батавской дивизіи подъ начальствомъ Савари.

Между тѣмъ какъ мои генералы преслѣдовали по всѣмъ направленіямъ остатки прусской арміи, я оставался въ Берлинѣ, потому что не могъ самъ вести авангардную войну, которая производилась по всѣмъ направленіямъ. Притомъ же я долженъ былъ устроить управленіе въ обширныхъ земляхъ, нами покоренныхъ; поспѣшить мѣрами, которыя бы упрочили наши завоеванія; осмотрѣть корпуса, пришедшіе замѣнить наши потери и увеличить наши средства; наконецъ, подумать о томъ, какъ воспользоваться нашими успѣхами.

Въ Берлинѣ я издалъ громовой декретъ, въ отвѣтъ на приказаніе англійскаго совѣта, объявившее гавани пролива въ блокадѣ. Впрочемъ эта блокада на бумагѣ ничего не значила, потому что Англія имѣла довольно кораблей, чтобы произвести ее дѣйствительно и тогда снять ее можно бы было только эскадрами, если бы она была произведена эскадрами; но въ приказаніи англійскаго совѣта самыя формы и правила были противны народному праву.

Морское право во всей обширности, которую Англичане осмѣлились ему присвоить, допускаетъ освидѣтельствованіе, для удостовѣренія, точно ли корабль принадлежитъ той націи, флагъ которой на немъ поднятъ и не содержитъ ли грузъ его контрабанды, то есть боевыхъ и жизненныхъ припасовъ. Оно также запрещаетъ входъ въ гавани, которыя объявлены въ блокадѣ, *и корабли, которые были о томъ предувѣдомлены и захотѣли бы хитростью войти* дозволяется брать. Но чтобы блокировать всѣ гавани, требовалось имѣть передъ каждою значительное число военныхъ кораблей. Постановленіе совѣта, объявивъ весь берегъ Франціи отъ Сены до Антверпена въ блокадѣ, давало право брать всѣ корабли, шедшіе въ эти гавани, обложенныя или необложенныя. Но, принявъ это за правило въ 1806 году для французскихъ береговъ на сто миль, Англія могла потомъ распространить его вторымъ декретомъ на всѣ берега Франціи и ея союзниковъ и уничтожить европейскую торговлю, что она дѣйствительно и сдѣлала.

Чтобы ни говорилъ объ этомъ авторъ книги Manuel sur les Neutres, но великая нація, имѣющая съ своими союзниками болѣе 2,000 миль береговъ, 100 линейныхъ кораблей и колоніи; нація, которой граждане чувствуютъ свою силу, не можетъ

снести подобнаго униженія. Я былъ раздраженъ; мое побѣдоносное положеніе позволяло мнѣ дѣйствовать рѣшительно, и я издалъ декретъ, который былъ еще сильнѣе англійскаго.

Въ этомъ декретѣ я изложилъ всѣ несправедливыя и противныя народному праву дѣйствія Англіи, клонившіяся къ возвышенію торговли и промышленности ея черезъ упадокъ и уничтоженіе торговли и промышленности другихъ націй, и въ заключеніе присовокуплялъ, что:

1) Британскіе острова объявляются въ блокадномъ положеніи.

2) Торговля и письменныя сношенія съ означенными островами воспрещаются. Въ слѣдствіе этого всѣ письма и пакеты, адресованные въ Англію, или на имя Англичанина, или даже писанные на англійскомъ языкѣ, будутъ не принимаемы на почты и перехватываемы.

3) Всякій Англичанинъ, какаго бы званія и состоянія онъ ни былъ, захваченный въ странахъ, занятыхъ войсками, нашими, или нашихъ союзниковъ, будетъ считаться военнопленнымъ.

4) Магазины, товары и всякая движимость, какаго бы рода она ни была, принадлежащая англійскому подданному, или полученная изъ англійскихъ колоній и мануфактуръ, конфискуется.

5) Торгъ англійскими товарами воспрещается. Всякій товаръ, принадлежащій Англіи или идущій изъ ея колоній и мануфактуръ, конфискуется.

6) Половина конфискованнаго по двумъ предыдущимъ пунктамъ, будетъ обращена на вознагражденіе негоціантовъ за потери, понесенныя ими черезъ взятіе купеческихъ судовъ англійскими крейсерами.

7) Ни одно судно, идущее прямо изъ Англіи или изъ англійскихъ колоній, или приставшее къ берегамъ означенныхъ странъ, послѣ обнародованія настоящаго декрета, не будетъ впущено ни въ одну гавань имперіи и королевства италіянскаго.

8) Всякое судно, которое ложнымъ объявленіемъ преступитъ изложенное въ 7-й статьѣ правило, будетъ захвачено: и судно, и грузъ его будутъ сочтены законнымъ призомъ, какъ будто бы они были англійскою собственностью.

Остальными статьями опредѣлялись мѣры къ приведенію въ исполненіе этого декрета.

Лондонскій кабинетъ не долго оставался у меня въ долгу: первый приказъ 7 Января 1807 года, объявилъ законнымъ призомъ каждый неутральный корабль, производящій торговлю съ гаванями Франціи и ея союзниковъ.

Никогда Римъ и Карѳагенъ не оказали столько взаимной вражды; ихъ ссоры касались только политическаго могущества ихъ и ихъ союзниковъ, которыхъ они постепенно вовлекли въ свои распри; но отъ борьбы Франціи съ Англіею зависѣло, можно сказать, благосостояніе и спокойствіе обѣихъ полушарій.

Между тѣмъ, какъ я возставалъ противъ новаго морскаго права, объявленнаго Великобританіею, мои войска довершили покореніе всего пространства между Рейномъ и Одеромъ. Мюратъ, Даву и Ланнъ перешли уже

эту рѣку и вступили въ прусскую Польшу.

Зима приближалась; слѣдовало принять мѣры къ упроченію нашихъ дивныхъ успѣховъ; мнѣ представлялось два средства: или довершить уничтоженіе Пруссіи, раздѣливъ ее между моими союзниками; или подарить ей миръ и приковать къ себѣ благодѣяніями, а Польшѣ возвратить самостоятельность.

Прусскій король, прибывъ на Одеръ, прислалъ ко мнѣ маркиза Луккезини договариваться о мирѣ или о перемиріи; онъ пріѣхалъ съ генераломъ фонъ-Цастровымъ, котораго благородный и открытый характеръ былъ лучшею порукою въ искренности намѣреній короля. Дюрокъ договаривался съ ними въ Шарлоттенбургѣ. Трудно было согласиться на заключеніе перемирія, когда каждый день мнѣ доносили о новой сдачѣ корпуса или крѣпости.

Уполномоченные чувствовали, что показавъ желаніе союза, они смягчатъ условія договора. Побѣдитель всегда расположенъ болѣе сдѣлать для непріятеля, который соглашается сдѣлаться союзникомъ, нежели для противника, который заключаетъ простой, обыкновенный миръ, и на другой же день готовъ снова вступить въ ряды непріятелей.

Я согласился на перемиріе, по которому оставлялись Пруссіи Магдебургъ и всѣ земли, лежащія между Эльбою и Неманомъ; она лишалась Ганновера и всѣхъ владѣній во Франконіи, Саксоніи и Вестфаліи. Еслибъ союзъ былъ заключенъ, то я могъ бы ее вознаградить..... Но Магдебуръ сдался съ 20,000 въ тотъ самый день, когда Дюрокъ подписалъ въ Шарлоттенбургѣ условія; могъ ли я возвратить эту главнѣйшую прусскую крѣпость изъ за простаго перемирія, еще не утвержденнаго королемъ, бывшимъ въ Кёнигсбергѣ, посреди русскихъ войскъ, призванныхъ имъ на помощь.

Слѣдовало заключать новый договоръ; я уѣхалъ въ Познань и только тамъ могъ его подписать. Я не надѣялся, что онъ будетъ ратифицированъ, потому что прусскій король уронилъ бы себя въ глазахъ современниковъ и потомства, еслибъ онъ снова оставилъ Русскихъ, прославившихъ на Вислу 80,000 войска, проходившаго уже черезъ прусскія владѣнія.

Между тѣмъ моя армія, не встрѣтивъ непріятелей между Одеромъ и Вислою, приближалась уже къ Варшавѣ и Торну. Въ тылу моемъ оставалось только наблюдать за Стральзундомъ и Шведами, и покорить Силезію съ ея шестью крѣпостями. Я поручилъ первое Мортье, пока его не смѣнитъ новый обсерваціонный корпусъ на Эльбѣ. Покореніе Силезіи было предоставлено моему брату Іерониму: онъ не имѣлъ еще престола и мнѣ хотѣлось дать ему случай прежде чѣмъ нибудь отличиться. Онъ сначала служилъ въ брестской эскадрѣ, но не былъ склоненъ къ морской службѣ; я назначилъ его въ мою сухопутную армію, и ввѣрилъ ему 9-й корпусъ, состоявшій изъ 25,000 Баварцевъ и Виртембергцевъ; онъ командовалъ имъ подъ руководствомъ Вандамма. Ему было бы весьма трудно покорить Глогау, Бреслау, Бригъ, Нейссе, Швейдницъ и Глацъ,

которыхъ гарнизоны по крайней мѣрѣ равнялись съ его силами, еслибы противникъ его, принцъ ангальтскій, имѣлъ болѣе твердости и воинскихъ дарованій. Первая изъ этихъ крѣпостей почти не защищалась, но другія оборонялись довольно хорошо, подъ начальствомъ лучше избранныхъ комендантовъ.

Такъ окончилась эта семинедѣльная война, нисколько не похожая на семилѣтнюю. Никогда побѣда не имѣла подобныхъ результатовъ. Въ это короткое время мое могущество раздвинулось, такъ сказать, съ береговъ Рейна до береговъ Вислы. Сто тысячъ плѣнныхъ, четыре тысячи орудій, шесть большихъ и множество менѣе важныхъ крѣпостей были трофеями искуснаго маневра, изумительной храбрости моего войска и неопытности моихъ противниковъ. Что ни говоритъ противъ этого краснорѣчивый сочинитель «Précis des événements militaires», но эти успѣхи были плодомъ искуснаго примѣненія правилъ войны съ моей стороны и совершеннаго забвенія этихъ правилъ со стороны моихъ противниковъ. Отвергать существованіе этихъ правилъ, значитъ отвергать существованіе солнца. Подобныя сужденія доказываютъ только, что человѣкъ, ихъ излагающій, совершенно не понимаетъ войны. Мой геній постоянно стремился къ ихъ примѣненію и къ тому, чтобы сдѣлать это примѣненіе по мѣрѣ возможности общимъ. Въ этомъ-то способѣ примѣнять ихъ на дѣлѣ, я показалъ всю возвышенность моего сужденія, все величіе моего характера и обширность моихъ видовъ. Это-то и отличаетъ великаго воина отъ посредственнаго генерала.

—

ГЛАВА X.

Виды на Польшу. Зимняя кампанія. Русскіе достигаютъ Вислы и занимаютъ Молдавію. Сраженія при Пултускѣ и Эйлау. Зимнія квартиры. Дѣйствія противъ Шведовъ. Осада Данцига и крѣпостей въ Силезіи. Угрозы Испаніи. Демонстраціи Австріи. Англичане передъ Константинополемъ; неудачи ихъ въ Египтѣ. Переговоры съ Персіею, Портою, Швеціею и союзниками. Открытіе второй кампаніи. Сраженія при Гейльсбергѣ и Фридландѣ. Тильзитскій миръ.

—

Прусскій король удалился въ Кёнигсбергъ. Изъ всей арміи, у него едва оставалось 20,000 человѣкъ подъ ружьемъ, но 100,000 Русскихъ шли къ нимъ на помощь и приближались къ Вислѣ. Я двинулся къ нимъ на встрѣчу и самъ поспѣшилъ въ Польшу. Новый театръ войны открылся

передо мною; мнѣ суждено было увидѣть эту древнюю страну анархіи и свободы; Поляки ждали моего прибытія, чтобы присоединиться ко мнѣ.

Кто знаетъ исторію среднихъ вѣковъ, тотъ пойметъ, какія необъятныя выгоды могъ я извлечь изъ Польши; но, чтобы въ одно время сдѣлать изъ нея оплотъ противъ Россіи и уравновѣсить могущество Австріи, надобно было возстановить ее вполнѣ. Только продолжительною и весьма счастливою войною могъ я до этого достигнуть: мои министры не соглашались, наступило ли для этого благопріятное время; Тальеранъ, дряхлый и устарѣвшій, вздыхалъ о своихъ парижскихъ палатахъ, и вовсе не желалъ зимней прогулки въ Польшу; онъ былъ противъ войны; но Маре соглашался со мною, видя огромныя выгоды и возможность успѣха. Обѣщанія Домбровскаго и Заіончека были увлекательны. Торжественное посольство великой Польши, подъ предводительствомъ Дзядинскаго, утвердило мои намѣренія, увѣривъ меня въ поспѣшномъ наборѣ войскъ, такъ называемой посполиты (родъ возстанія, въ которомъ каждый дворянинъ садится на коня и ведетъ извѣстное число своихъ крестьянъ). Мои приказанія были уже готовы, когда записка, поданная мнѣ однимъ изъ приближенныхъ ко мнѣ генераловъ, поколебала мое намѣреніе. Онъ мнѣ представилъ самыми живыми красками выгоды заключенія союза съ Пруссіею, которую простить было бы великодушно, и которую можно бы было увеличить всѣми польскими землями, присоединенными въ теченіи времени, сохранивъ этимъ землямъ ихъ народность: это было средство получить перевѣсъ, котораго требовала моя политика и получить его, не подвергая себя превратностямъ бесконечной войны съ Пруссіею, Россіею и Австріею.

Эта записка, въ особенности доказывала опасность дать политикѣ этихъ трехъ, естественно соперничествующихъ державъ, одну общую точку соединенія и подвергнуть себя превратностямъ военнаго счастья при переходѣ черезъ Вислу, если Австрія двинетъ 150,000 намъ въ тылъ, когда мы не будемъ имѣть опору въ Пруссіи. Она также выставляла выгоду для Поляковъ, отъ сліянія ихъ съ образованнымъ и промышленнымъ народомъ. Это была мысль великая.

Признаюсь, что я почти былъ увлеченъ; о перемиріи уже договаривались; но размышленія о слабости и упадкѣ прусской арміи, порожденныя непонятными сдачами Эрфурта, Штеттина, Пренцлау, Магдебурга и Любека, заставили меня мало цѣнить подобнаго союзника. Условія перемирія дали это почувствовать; но я ждалъ, что прибытіе Русскихъ прекратитъ переговоры и рѣшился испытать Поляковъ, не смотря на приближеніе дурнаго времени года. Въ сущности лучше было итти въ Варшаву и сразиться тамъ съ русскою арміею, посреди народа, готоваго къ намъ присоединиться, нежели ожидать эту армію среди униженныхъ Пруссаковъ, которые, при первой моей неудачѣ, принялись бы снова за оружіе.

Косцюшко жилъ уже нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ; я его призвалъ; но онъ не слишкомъ желалъ частнаго

Владиміръ Константиновичъ
Крымовъ

возстанія. Онъ требовалъ полнаго возстановленія своего отечества, а я не могъ зайти такъ далеко и связать себя, объявляя намѣреніе возстановить государство, котораго двѣ трети принадлежали Австріи и Россіи. Это бы значило прекратить совершенно всякую возможность сближенія съ Россіею и въ тоже время вооружить противъ себя Австрію. Я удовольствовался тѣмъ, что послалъ Домбровскаго и Заіончека въ Познань, чтобъ увѣрить Поляковъ въ участіи, которое я принимаю въ судьбѣ ихъ отечества, если они станутъ мнѣ помогать, и объявить, что я скоро самъ прибуду къ нимъ. Я уѣхалъ 24-го изъ Берлина и прибылъ 28-го въ Познань. Меня приняли съ восторгомъ. Въ честь нашу давали праздники, которые могли бы равняться съ самыми блестящими парижскими собраніями. Я остался около двухъ недѣль въ этомъ городѣ. Это время не было потеряно, потому что колонны направлялись между тѣмъ къ Варшавѣ; мнѣ достаточно было нѣсколькихъ дней, чтобы догнать ихъ на почтовыхъ.

Не смотря на благородный порывъ, произведенный мною въ Познани и въ Варшавѣ, Поляки не оправдали вполнѣ моихъ ожиданій. Характеръ этого народа пылкій, рыцарскій, легкомысленный: у нихъ все дѣлается по увлеченію, ничего по системѣ. Ихъ восторгъ силенъ; но они не умѣютъ ни направить, ни продлить его. Тѣ, которые послѣдовали за моими знаменами, оказали чудеса храбрости и преданности. Я плачу имъ здѣсь долгъ моей благодарности; но какъ нація, Польша могла болѣе сдѣлать. Это произошло не отъ людей, но отъ обстоятельствъ. Если бы Польша имѣла болѣе сильный и болѣе многочисленный средній классъ, то она бы возстала за насъ въ массѣ. Можетъ быть, если бы дали Полякамъ другой планъ и систему, и опору болѣе твердую, нежели саксонскій домъ, то они со временемъ успѣли бы сохранить самостоятельность и независимость своего отечества. Не въ моемъ духѣ было дѣлать вещи въ половину; но я такъ дѣйствовалъ въ Польшѣ, и въ послѣдствіи раскаялся. Впрочемъ, въ моемъ политическомъ положеніи едва ли можно было поступить иначе.

Во время пребыванія моего въ Познани, я подписалъ съ саксонскимъ курфюрстомъ мирный договоръ, и усилилъ этимъ старымъ союзникомъ Франціи систему рейнскаго союза. Первое вспомогательное войско его (8,000 чел.) двинулось, чтобы присоединиться ко мнѣ на Вислѣ. Я въ то же время принялъ нужныя мѣры къ окончательному обезпеченію нашего тыла.

Еще передъ отъѣздомъ моимъ изъ Берлина и Мезерица, я далъ Мортье предписаніе касательно того, что онъ долженъ предпринять съ своимъ 8 корпусомъ. Войска моего брата, перешедшія подъ начальство Савари, покорили крѣпости Гамельнъ и Нiэнбургъ и докончили покореніе Ганновера; а потому присутствіе Мортье становилось тамъ безполезнымъ; онъ возвратился въ Голландію, которую Англичане могли безпокоить. Оставивъ Гессенъ, онъ вступилъ въ Мекленбургъ и долженъ былъ охранять берега нѣмецкаго и балтійскаго

морей, начиная отъ Гамбурга и устья Везера до Штеттина, и наблюдать за Шведами и Англичанами.

Намъ необходимо было принять обширную систему, чтобы хотя нѣсколько утвердиться въ странахъ, въ которыхъ мы разлились съ быстротою разъяреннаго потока, и въ которыхъ могли мы встрѣтить еще большія препятствія. Въ Гессенѣ произошли уже нѣкоторые безпорядки: приверженцы курфирста воспользовались отсутствіемъ 8-го корпуса, чтобы взволновать умы, пользуясь отягготительными угнетеніями, неизбѣжными слѣдствіями войны: я тотчасъ же принялъ мѣры къ усмиренію этого волненія. Легкія колонны, отправленныя Келлерманомъ изъ Майнца, Луазономъ изъ Мюнстера и генераломъ Мишо изъ Магдебурга, возстановили порядокъ.

Келлерманъ устроивалъ въ Майнцѣ запасные полки изъ конскриптовъ, назначенныхъ въ разные корпуса арміи, для ихъ укомплектованія. Этимъ способомъ сосредоточивалось наблюденіе, и отстранялась опасность малыхъ отрядовъ; такимъ образомъ толпа отдѣльныхъ людей пріобрѣтала всю силу значительной арміи. Четыре такіе полка уже прибыли въ Берлинъ, гдѣ они смѣнили вспомогательныя войска баденскія и вюрцбургскія и сѣверный легіонъ, образованный изъ гессенскихъ и прусскихъ солдатъ, добровольно вступившихъ въ мою службу. Эти же войска двинулись въ пространство между Одеромъ и Вислою, для прикрытія нашихъ сообщеній и наблюденія Кольберга. Кираспирская дивизія, притянутая изъ Италіи и собранная въ Лейпцигѣ подъ начальствомъ д'Еспанья, двинулась къ Познани и Торну. Гренадерская дивизія Удино, переформированная въ Берлинѣ, направлялась къ Варшавѣ. Другіе четыре запасные полка устроивались въ Майнцѣ, и моя армія, постоянно такимъ образомъ подкрѣпляемая, имѣла всегда обезпеченное укомплектованіе, и подвижныя колонны, прикрывавшія ея тылъ. Никто лучше меня не постигалъ механизма подобнаго устройства въ тылу арміи этихъ послѣдовательныхъ наборовъ, которые служили періодическими подкрѣпленіями полкамъ и резервамъ для охраненія нашей операціонной линіи.

Прусскій король, получивъ въ Кёнигсбергѣ перемиріе, подписанное въ Шарлоттенбургѣ Луккезини и фонъ-Цастровымъ, тѣмъ болѣе не могъ утвердить его, что онъ тѣсно соединился съ Россіею договоромъ, подписаннымъ въ Гродно 20 Октября; первый вспомогательный русскій корпусъ, подъ командою Беннигсена, уже вступилъ въ прусскія владѣнія. Король отказалъ въ ратификаціи перемирія, и война снова закипѣла.

И такъ мы снова должны были встрѣтиться съ Русскими: трудно было рѣшить вопросъ, ожидать ли ихъ, или итти къ нимъ на встрѣчу. Время года было равно не благопріятно, и для нихъ, и для насъ. Допустивъ ихъ двинуться впередъ, я лишалъ себя вспомогательныхъ средствъ, представляемыхъ Польшею; сверхъ того они могли увлечь Австрію, которая только отъ того и колебалась, что они были слишкомъ удалены, чтобы непосредственно поддержать ее; они также бы увлекли и

прусскую націю, которая, пришедъ въ себя отъ оцѣпенѣнія, въ которое повергло ее первое несчастіе, почувствовала бы необходимость всѣмъ пожертвовать, для новаго возстанія.

Императоръ Александръ съ большою дѣятельностью занимался пополненіемъ потерь аустерлицкой кампаніи (*); не только полки были совершенно укомплектованы; но онъ сверхъ того увеличилъ свою армію вновь сформированными 30 эскадронами и 51 баталіономъ. Если бы всѣ силы Россіи были направлены противъ меня, то мнѣ трудно было бы поддержать борьбу, имѣя армію, растянутую отъ Ганновера до Варшавы. Къ счастію, какъ я вскорѣ узналъ, генералъ Михельсонъ съ 90,000 вступилъ въ Молдавію.

(*) Россійская армія состояла тогда изъ 18 дивизій; каждая изъ нихъ, за исключеніемъ гвардіи, заключала 6 полковъ пѣхоты или егерей, 10 эскадроновъ тяжелой кавалеріи, 10 легкой, піонерную роту, двѣ батарейныя батареи, три легкія и одну конную; что составляло въ каждой дивизіи 18 баталіоновъ, 20 эскадроновъ, и огромное количество артиллеріи: 72 орудія. Артиллерія имѣла хорошую прислугу; кавалерія, столь слабая при Суворовѣ, сдѣлала неимовѣрные успѣхи въ царствованіе Александра. Вотъ раздѣленіе этихъ силъ:

	бат.	эск	оруд
1-й отрядъ; гвардія и гренадеры, подъ командою великаго князя Константина Павловича	33	35	84
2, Армія, назначенная для дѣйствій въ Пруссіи, состояла изъ первыхъ 8 дивизій, подъ начальствомъ Остермана, Сакена, князя Голицына, Тучкова, Барклая де Толли, Дохтурова и Эссена, и 14-й, подъ командою князя Горчакова, а потомъ графа Каменскаго	147	170	504
3, Молдавская армія, подъ предводительствомъ Михельсона, состояла изъ 9-й, 10-й, 11-й, 12-й и 13-й дивизій, подъ начальствомъ князя Волконскаго, Милорадовича, Мейндорфа и герцога Ришельё	90	100	306
(Двѣ изъ числа сихъ дивизій возвратились къ Нареву).			
4, Промежуточный корпусъ, подъ начальствомъ графа Апраксина, состоялъ изъ 16-й, 17-й и 18-й дивизій, которыми командовали генералы: Ртищевъ, и князья Лобановъ и Горчаковъ.	54	30	144
Итого	324	335	1038.

Кромѣ корпусовъ грузинскаго, финляндскаго и гарнизонныхъ баталіоновъ, которые составляли армію, совершенно отдѣльную.

Чтобъ понять причины этого раздробленія силъ, которое можетъ казаться ошибкою, обратимся не много назадъ. Россія, увѣренная, что Пруссія объявитъ намъ войну, рѣшилась принять въ ней участіе какъ вспомогательная держава, подобно тому какъ въ 1805 году; она надѣялась черезъ это, при заключеніи мира распространить свои границы до Дуная: Англія слишкомъ нуждалась въ союзѣ Россіи, чтобы не согласиться на это. Для этого надобно было только законную причину, чтобъ объявить Туркамъ войну. Поводъ къ этому подало прибытіе Себастіани въ Константинополь и пріобрѣтенное имъ вліяніе на дѣла дивана. Первымъ стараніемъ моего посланника, согласно съ данными ему наставленіями, было

заставить смѣнить молдавскихъ господарей Ипсиланти и Мурузи, избранныхъ подъ вліяніемъ Россіи, согласно съ условіями ясскаго договора. Она имѣла право протестовать, и приняла сильное участіе въ этомъ дѣлѣ. Настоятельныя требованія графа Италинскаго, подкрѣпляемыя англійскимъ посломъ, который угрожалъ Константинополю бомбардированіемъ, заставили опять принять этихъ господарей.

Но императоръ Александръ, узнавъ о мѣрѣ, принятой Турками, въ противность договора и показывавшей мое сильное вліяніе въ Портѣ, не дождался этого удовлетворенія и приказалъ Михельсону тотчасъ вступить въ княжества и овладѣть турецкими крѣпостями, находящимися на Дунаѣ. Этотъ генералъ перешелъ 3 Ноября Днѣстръ и достигъ безъ препятствія до границъ Сербіи. Мы равно обрадовались этому происшествію; Россія надѣялась имъ воспользоваться; а я полагалъ, что это обстоятельство сдѣлаетъ въ мою пользу сильную диверсію; но быстрое паденіе прусской монархіи, измѣняя видъ дѣлъ, обращало всѣ выгоды этого происшествія въ мою пользу. Въ самомъ дѣлѣ, разсчитывая время, потребное для полученія приказанія изъ Петербурга и для распоряженія о выполненіи, видно, что оно было обдумано и предписано прежде, нежели въ Петербургѣ узнали о несчастіи Пруссіи. Иначе императоръ Александръ, по благоразумію своему, никакъ бы не предпринялъ двойнаго бремени: и бороться съ нами, и дѣйствовать противъ Турціи. Получивъ первое извѣстіе о движеніи нашемъ къ Берлину, онъ тотчасъ отправилъ корпуса Бенпингсена и Буксгевдена на помощь Пруссіи. 40,000 Русскихъ, прибывшіе къ Вислѣ нѣсколько ранѣе насъ, отступили къ Пултуску, чтобъ приблизиться къ своей второй арміи, шедшей усиленными маршами. И такъ мы перешли рѣку, не встрѣтивъ препятствія. Даву и Мюратъ, вступивъ 30 Ноября въ Варшаву, съ удивленіемъ узнали, что Прага совершенно оставлена, и тотчасъ же переправили, 2 Декабря, войска на лодкахъ, чтобъ занять этотъ пунктъ. Ланнъ ихъ подкрѣпилъ, и мое правое крыло утвердилось на Бугѣ; лѣвое было не менѣе счастливо. Неи, овладѣвъ Торномъ, выступилъ изъ этого города, подкрѣпляемый кавалеріею Бессьера и послѣдуемый корпусомъ Бернадотта. Въ центрѣ, Сультъ и Ожеро приготовили съ большими затрудненіями переправу черезъ Вислу, между Выссогродомъ и Модлиномъ.

Выѣхавъ 16-го изъ Познани, я прибылъ 18-го въ Варшаву, и ускорилъ переправу этихъ двухъ остальныхъ корпусовъ; Ожеро, не успѣвъ построить мостъ, переправилъ свои войска въ лодкахъ, между 20-мъ и 22-мъ, около Закрощина. Сульту не удалось переправиться въ Выссогродѣ; но къ счастію онъ нашелъ средство перейти рѣку въ Плоцкѣ.

Императоръ Александръ ввѣрилъ начальство надъ своими войсками фельдмаршалу Каменскому, восьмидесятилѣтнему старцу, который показалъ, въ веденныхъ имъ войнахъ въ царствованіе Екатерины великой, и силу духа, и мужество. Тотчасъ по соединеніи силъ, онъ ознаменовалъ свое прибытіе къ арміи наступательнымъ

движеніемъ. Онъ перевелъ свою главную квартиру въ Насельскъ и расположилъ четыре дивизіи своей первой арміи между Укрою, Бугомъ и Наревомъ. Вторая армія расположилась между Голымининымъ и Маковомъ, оставя одну дивизію на лѣвомъ берегу Нарева. Прусскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала Лестока, сталъ на берегахъ Древенцы, по торнской дорогѣ; онъ примыкалъ къ лѣвому крылу Русскихъ, которые его подкрѣпили частью войскъ.

Избѣгая, чтобы непріятель не стѣснилъ насъ на берегахъ Вислы, и видя необходимость дать нашимъ дѣйствіямъ болѣе обширный кругъ передъ Варшавою и Торномъ, я рѣшился начать дѣйствовать наступательно. Ней, Бернадоттъ и часть кавалеріи, которая въ Торнѣ переправилась черезъ рѣку, двинулись на Зольдау и Біезунь, маневрируя правымъ крыломъ, чтобъ отдѣлить прусскій корпусъ и отрѣзать его отъ русской арміи. Лестокъ, узнавъ, что въ Біезунѣ находилась только кавалерія Бессьера, пытался туда проникнуть, но наши храбрые эскадроны ударили на его пѣхоту, опрокинули одну часть ея въ болото, а другую заставили отступить, съ потерею нѣсколькихъ сотъ плѣнныхъ.

23 Декабря, въ 2 часа утра, я отправился къ мосту на Бугѣ; Даву перешелъ его, устроилъ другой мостъ на Укрѣ и сталъ дѣйствовать своимъ лѣвымъ крыломъ, стараясь соединиться съ Ожеро, который наступалъ къ Новумясту, и съ Султомъ, направленнымъ на Плонскъ. Ланнъ шелъ на оконечности нашего праваго крыла по дорогѣ въ Сіероцкъ и Пултускъ. Наше концентрическое движеніе счастливо исполнилось; Ожеро овладѣлъ переправою черезъ Укру въ Курсумбѣ, гдѣ 14-й линейный полкъ поддержалъ славу, пріобрѣтенную имъ при Риволи: оттуда онъ направился на Новомясто. Я двинулся съ войсками Даву въ Насельскъ, откуда мы вытѣснили, послѣ сильнаго сопротивленія, дивизію Остермана. Беннингсенъ сосредоточивался у Стржекочина. Непріятельскія войска начали отступать на всѣхъ пунктахъ. Я рѣшился обойти ихъ правое крыло, съ тѣмъ, чтобы предупредить ихъ на линіи ихъ отступленія въ Рожани. Для этого я направилъ Сульта изъ Шиканова къ Макову; Ней, подкрѣпляя его правое крыло, слѣдовалъ во второй линіи. Ожеро и главныя силы корпуса Даву также должны были, пройдя черезъ Голымининъ, двинуться къ Макову. Одна изъ дивизій Даву, шедшая изъ Насельска къ Пултуску и корпусъ Ланна, направлявшійся отъ Сіероцка вверхъ по Нареву къ этому же городу, должны были атаковать съ фронта непріятеля, принявшаго это направленіе.

Старикъ Каменскій, постигая всю важность, угрожавшей ему опасности, приказалъ произвесть общее отступленіе черезъ Остроленку къ Ломзѣ. Зима еще не стала, шли безпрестанные дожди; низменная мѣстность, по которой протекаетъ Наревъ, превратилась въ огромное болото: движенія сдѣлались затруднительными. Русскій генералъ, котораго способности были ослаблены лѣтами, опасаясь быть задержаннымъ тяжестями, приказалъ бросать артиллерію,

если она будетъ затруднять отступленіе и самъ направился въ Ломзу. Приказаніе подобнаго пожертвованія, которое не было необходимо для спасенія арміи, вооружило противъ него начальствовавшихъ подъ нимъ генераловъ. Не вѣря, что опасность такъ велика, они колебались повиноваться. Беннингсенъ, командовавшій 1-ю арміею, собралъ ее у Пултуска; Буксгевденъ, начальствовавшій 2-ю арміею, соединилъ ее у Макова; довольно значительный корпусъ, составленный изъ отдѣльныхъ частей обѣихъ арміи, расположился у Голымина.

Корпусъ Ланна, подкрѣпляемый дивизіею Гюденя, атаковалъ 26-го въ Пултускѣ армію Беннингсена. Сраженіе было весьма жаркое; мы пріобрели частный успѣхъ надъ авангардомъ непріятеля; но когда дошли до его главной позиціи, то встрѣтили гораздо упорнѣйшее сопротивленіе и Русскіе, воспользовавшись превосходствомъ артиллеріи, опрокинули мои войска. Я не считалъ однако этотъ бой важнымъ: рѣшительный ударъ должно было направить лѣвѣе. Ланнъ думалъ иначе: полагая, что отступленіе обесчеститъ его, онъ возобновилъ атаку и потерялъ множество людей безъ пользы.

Въ этотъ же самый день я атаковалъ Голымина войсками Даву и Ожеро, которыхъ подкрѣплялъ Мюратъ своею кавалеріею. Русскіе оказали сильное сопротивленіе: ихъ первая линія, которую Ожеро атаковалъ съ фланга, отступила съ своей позиціи; но Русскіе удержались въ Голымине до ночи: это обстоятельство было мнѣ непріятнѣе, нежели неудача атаки на Пултускъ, не смотря на то, что отступленіе Буксгевдена было совершено ночью не совсѣмъ въ порядкѣ и что онъ оставилъ намъ часть своей артиллеріи, завязшей въ грязи.

Я еще не отчаявался въ успѣхѣ предположеннаго мною плана, надѣясь на Сульта, который долженъ былъ достигнуть Макова и взять въ тылъ русскіе корпуса, сражавшіеся въ Голымине и Пултускѣ. Ней и Бессьеръ подкрѣпили бы его, направясь къ Шиканову и составя его вторую линію. Я ошибся въ своемъ ожиданіи. Погода была ужасная; дороги почти непроходимы; однимъ словомъ, вся страна превратилась въ обширное болото, въ которомъ мы вязли по шею. Это обстоятельство, замедливъ движеніе моего лѣваго крыла, спасло русскую армію. Сультъ не могъ достигнуть Макова, и дорога на Рожань осталась во власти непріятеля: онъ воспользовался ею и отступилъ къ Остроленкѣ.

Утверждаютъ, что это отступленіе было исполнено противъ мнѣнія Беннингсена: этотъ генералъ, слишкомъ занятый тѣмъ, что происходило въ глазахъ его, совершенно забывалъ общій планъ дѣйствій. Опрокинувъ атаку нашего корпуса, меньшаго числомъ, онъ полагалъ, что побѣдилъ насъ и требовалъ разрѣшенія перейти въ наступательное положеніе, чтобы воспользоваться мнимою своею побѣдою. Къ несчастію нашему не согласились съ его мнѣніемъ: это бы ускорило тильзитскій миръ цѣлымъ полугодомъ.

Ней, съ своей стороны, не получивъ еще приказанія подаваться къ Шиканову, устремился на Зольдау и вытѣснилъ Лестока изъ этого города.

Прусскій генералъ, замѣтя, что онъ имѣлъ дѣло только съ авангардомъ, возвратился назадъ въ сумерки и проникнулъ въ городъ; завязался ужасный бой; наконецъ мужественный 49-й полкъ восторжествовалъ надъ усиліями непріятеля, который былъ опрокинутъ, съ потерею до 1,000 человѣкъ. Въ этой стычкѣ Пруссаки показали такую храбрость, какой мы не привыкли въ нихъ видѣть, а мои египетскіе сподвижники покрылись безсмертною славою.

Русскіе ускользнули отъ меня; я не могъ за ними гнаться, и начать новую кампанію въ столь неблагопріятное для большихъ операцій время года. Грязь дѣлала невозможнымъ доставленіе транспортовъ; мои баталіоны уменьшались и 10,000 человѣкъ раненыхъ въ второстепенныхъ дѣлахъ, заставили меня подумать о послѣдствіяхъ моего предпріятія. Я полагалъ, что воспоминаніе объ Аустерлицѣ поколебало твердость моихъ противниковъ; но ихъ стойкость меня изумила. Сверхъ того они употребили такое множество орудій, что я почелъ необходимымъ возстановить равновѣсіе, увеличивъ свою артиллерію. И такъ мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ было важно дать войскамъ необходимый отдыхъ. Я расположилъ ихъ на кантониръ-квартирахъ между Омулевомъ, Наревомъ и Укрою: моя главная квартира и гвардія возвратились въ Варшаву.

Чтобы дать твердое основаніе этому новому театру войны, я приказалъ исправить укрѣпленія Торна и лагерь при Прагѣ, столь славный въ дѣйствіяхъ 1794 года. Мостовыя укрѣпленія были устроены въ Модлинѣ на Вислѣ и въ Сіероцкѣ на Бугѣ. Наконецъ мнѣ необходимо было уничтожить выгоды, получаемыя непріятелемъ отъ положенія Данцига. Первыя польскія милиціи, набранныя Домбровскимъ и присоединенныя къ вспомогательнымъ баденскимъ войскамъ и одной французской дивизіи составили 10-й корпусъ, силою около 15,000 (*), съ которымъ маршалъ Лефебръ долженъ былъ наблюдать за Данцигомъ и Кольбергомъ; гессенскія вспомогательныя войска подъ начальствомъ генерала Руйера, блокировали Грауденцъ. Обширные магазины на 100,000 человѣкъ были устроены въ Торнѣ и Сіероцкѣ; значительныя приготовленія были сдѣланы для устройства госпиталей, сначала въ Познани и Варшавѣ, а потомъ и во всѣхъ малыхъ городахъ, представлявшихъ къ тому хотя какіе нибудь способы. 30,000 палатокъ, взятыхъ въ прусскихъ арсеналахъ, употреблены были на первыя надобности этихъ заведеній.

Только что я возвратился къ Варшаву, мнѣ доставлено было извѣстіе (30 Декабря) изъ Константинополя, о томъ, что Порта объявила Россіи войну; я получилъ въ то же время черезъ Галицію вѣсть объ успѣхахъ Русскихъ въ Молдавіи.

Георгій Черный овладѣлъ съ своими Сербами Белградомъ, значительною крѣпостью; а Михельсонъ приближался къ Букаресту, чтобы съ нимъ соединиться. Извѣстіе о бѣдствіяхъ

(*) Этотъ корпусъ имѣлъ сначала отъ 10 до 12,000; подкрѣпляемый постепенно Саксонцами, Италіянцами и сѣвернымъ легіономъ, онъ по время осады (въ Апрѣлѣ) простирался до 27,000.

Пруссаковъ побудило правительство взять изъ этой арміи 36 баталіоновъ и 40 эскадроновъ, которые были отправлены со всевозможною поспѣшностью на Бугъ.

Для меня было важно извлечь выгоды изъ этой диверсіи, тѣмъ болѣе, что она имѣла вліяніе на вѣнскій кабинетъ, увеличивая его нерѣшительность и не позволяя ему принять сторону Русскихъ. Согласно съ этими обстоятельствами, я послалъ наставленія Себастіани; а Мармонъ, остававшійся въ Далмаціи, получилъ слѣдующія приказанія.

«Курьеръ, отправленный изъ Кон-«стантинополя 2 Декабря, прибылъ «30-го въ Варшаву: Порта оффиціаль-«но объявила войну, и 29 Ноября, «русскій посолъ выѣхалъ съ своею «свитою. Константинополь въ вос-«торгѣ отъ этой войны: оттуда от-«правлено 20 янычарскихъ полковъ; «говорятъ, что такое же число этихъ «полковъ двинулось изъ Азіи въ Ев-«ропу. Въ Гирсовѣ собрано около «60,000 человѣкъ. У Насванъ-Оглу, «въ Видднѣ, 20,000. Курьеръ увѣ-«ряетъ, что Турція весьма охотно «взялась за оружіе; я желалъ бы, «чтобы вы послали 5 инженерныхъ «и столько же артиллерійскихъ офи-«церовъ въ Константинополь. Вы «напишете боснійскому и скутарій-«скому пашамъ, чтобъ они достави-«ли вамъ фирманы для удостовѣре-«нія о прибытіи ихъ. Отправьте «офицеровъ генеральнаго штаба къ «боснійскому и болгарскому пашамъ «и помогайте имъ всѣми возможны-«ми средствами, какъ-то: совѣта-«ми, продовольствіемъ и военными «припасами. Можетъ быть, Порта «потребуетъ вспомогательнаго корпу-«са, для охраненія Дуная. *Я почти «рѣшился послать васъ съ 25,000 къ «Видднну, и тогда вы войдете въ общую «систему большой арміи, составляя «оконечность ея праваго фланга*; 25,000 «Французовъ, съ 60,000 Турокъ, при-«нудятъ Русскихъ послать на по-«мощь къ 30,000, оставленнымъ на «Дунаѣ, еще вдвое столько; а это «сдѣлаетъ диверсію, весьма благо-«пріятную для моихъ дѣйствій; но «это все еще предположенія. Теперь «же, вы можете ограничиться от-«правленіемъ къ пашамъ отъ 20 до «30 офицеровъ, если они этого по-«требуютъ; но не давайте войска, «за исключеніемъ какихъ нибудь не-«большихъ отрядовъ для подкрѣпле-«нія экспедиціи въ 5 или 6 льё отъ «границы. Вы можете положиться «на Турокъ, какъ на искреннихъ со-«юзниковъ; вамъ предоставляется «право снабжать ихъ по возможно-«сти снарядами, пушками, порохомъ «и проч., если они этого потре-«буютъ.»

«Персидскій и константинопольскій «послы прибудутъ въ Варшаву, и «когда вы получите это письмо, они «уже будутъ въ Вѣнѣ. Эти двѣ вели-«кія державы искренно привязаны «къ Франціи, потому что одна толь-«ко Франція можетъ поддержать ихъ «противъ предпріятій ихъ враговъ. «Англичане колеблются въ этомъ ва-«жномъ обстоятельствѣ и, кажется, «хотятъ сохранить миръ съ Портою, «которая, для поддержанія этого рас-«положенія угрожаетъ послать 40,000 «человѣкъ къ вратамъ Испаганн; а «наши сношенія съ Персіею таковы, «что мы можемъ перенестись на

«Индъ. *Что былъ прежде мечтою,* «*дѣлается весьма вѣроятнымъ* те- «*перь, когда я получаю часто отъ* «*султана письма*, обнаруживающія «такую сильную боязнь могущества «Русскихъ и такое довѣріе къ по- «кровительству французской имперіи. «Пошлите къ Себастіани въ Кон- «стантинополь офицеровъ для пере- «писки съ нимъ. Далмація удалена «отъ Варшавы, и вамъ придется мно- «гое взять на свою отвѣтственность. «Я приказалъ генералу Себастіани «послать въ Видинъ чиновника свое- «го посольства, для непосредствен- «ныхъ сношеній съ Константинопо- «лемъ; но не мѣшало бы и вамъ съ «своей стороны послать туда офи- «цера.

«Полезно бы было, чтобы фран- «цузскіе офицеры осмотрѣли различ- «ныя области Турціи. Они могутъ «объяснить, какъ я желаю быть по- «лезнымъ султану; это послужитъ къ «расположенію умовъ въ нашу поль- «зу; а вы получите важныя свѣденія, «которыя и мнѣ передадите. Однимъ «словомъ, я искренній другъ Порты «и желаю ей быть полезенъ по воз- «можности; вамъ должно дѣйствовать «сообразно съ этою цѣлью. Я смо- «трю на объявленіе Турціею войны «Россіи, какъ на счастливѣйшее со- «бытіе въ теперешнемъ моемъ поло- «женіи. Я вамъ замѣчу, что въ «этихъ, столь важныхъ происше- «ствіяхъ, вы обязаны принять болѣе «участія въ дѣлахъ букарестскаго, «боснійскаго и скутарійскаго пашей, «съ которыми вы должны вести ча- «стую переписку.»

Молдавскія дѣла еще болѣе побуждали меня дать нѣсколько отдыха моимъ войскамъ; въ это время, диверсія войны Россіи съ Турціею принесла бы плоды, если бы дѣйствія Турокъ были хорошо ведены, и мы съ большею надеждою на успѣхъ открыли бы кампанію съ наступленіемъ весны.

Русскіе между тѣмъ стали на кантониръ-квартиры около Ломзы. Каменскій сдалъ начальство Бенниигсену, которому на слово повѣрили, что онъ остался побѣдителемъ, потому что онъ отразилъ отдѣльную атаку.

Наши дѣла шли лучше въ Силезіи, странѣ въ двойнѣ важной по своимъ многочисленнымъ крѣпостямъ и по своему положенію, относительно къ Австріи. Крѣпость Глогау, атакованная Виртембергцами, подъ начальствомъ Вандамма, сдалась тотчасъ по прибытіи осадной артиллеріи, составленной изъ орудій, взятыхъ въ кюстринскомъ арсеналѣ. Бреславль долѣе противился. Этотъ большой городъ, населенный 60,000 жителей и построенный на обоихъ берегахъ Одера, былъ почти также обширенъ и важенъ какъ Страсбургъ. Укрѣпленія были не въ отличномъ состояніи: профили ихъ не сильны и большая часть безъ одежды. Но при всемъ томъ, эта крѣпость была обнесена хорошими бастіонными фронтами и имѣла для обороны 6,000 гарнизона и 60,000 жителей. Сначала генералъ Тиле упорно держался; два раза принцъ ангальтскій приближался съ нѣсколькими прусскими баталіонами и съ 5 или 6,000 вооруженныхъ поселянъ верхней Силезіи, чтобъ его освободить. Благоразумныя распоряженія Вандамма и

вѣрность нашихъ союзниковъ восторжествовали надъ всѣми препятствіями. Съ наступленіемъ сильной стужи, наполненные водою рвы замерзли. Вандаммъ угрожалъ приступомъ; 7 Генваря городъ сдался на капитуляцію, а гарнизонъ военнопленнымъ; мы взяли тамъ 300 орудій. Бригъ и Швейдницъ подверглись той же участи. Послѣдняя изъ этихъ крѣпостей, составлявшая неоднократно цѣль военныхъ дѣйствій при Фридрихѣ великомъ, пала теперь въ молчаніи послѣ кратковременной обороны, и Европа даже не замѣтила ея паденія. Извѣстіе объ этихъ побѣдахъ утѣшило меня въ неудачахъ пултуской кампаніи; я могъ надѣяться, что онѣ сильно подѣйствуютъ на Австрію, лишивъ ее надежды быть поддержанною со стороны Силезіи.

Главныя арміи не долго наслаждались ожидаемымъ ими покоемъ на своихъ зимнихъ квартирахъ. Чтобъ распространить кругъ моего продовольствія и преградить непріятелямъ доступъ къ Данцигу, я направилъ корпусъ Бернадотта къ Эльбингу. Ней долженъ былъ прикрыть интервалъ, насъ раздѣлявшій, расположась въ Млавѣ; но недостатокъ жизненныхъ припасовъ и чрезмѣрная дѣятельность побудили его выйти оттуда и подвинуться къ Гейльсбергу. Беннингсенъ, устроивъ снова свою армію, и надѣясь на скорое присоединеніе двухъ дивизій, шедшихъ къ нему изъ резервнаго корпуса, тронулся въ половинѣ Генваря. Нѣкоторые утверждаютъ, что, получивъ повелѣніе употребить всѣ возможныя усилія для прикрытія Кёнигсберга, единственнаго пункта, оставшагося еще во власти короля и послѣдняго убѣжища его, онъ былъ побужденъ расположеніемъ Нея двинуть свое правое крыло, чтобы прикрыть дорогу къ столицѣ; другіе полагаютъ, что смѣлое движеніе 6-го корпуса подало ему надежду разбить его. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился ударить на этотъ корпусъ, и хотя подобное дѣйствіе вводило его армію въ ложное стратегическое положеніе, но неоспоримо и то, что при разобщеніи нашихъ силъ, образовавшемся черезъ движеніе Нея, это предпріятіе могло сдѣлаться для насъ гибельнымъ, еслибъ оно было выполнено искуснѣе и смѣлѣе.

Оставивъ на Наревѣ генерала Эссена съ одною дивизіею, къ которой присоединились еще двѣ, прибывшія изъ молдавской арміи, Беннингсенъ двинулся съ остальными 7-ю дивизіями черезъ Бишофштейнъ и Гейльсбергъ на Гутштадтъ; независимо отъ этихъ дивизій, три легкія бригады, генераловъ Барклая, Багговута и Маркова, составляли авангардный отрядъ, подъ начальствомъ князя Багратіона. Прусскій корпусъ Лестока послѣдовалъ за ними, двинувшись черезъ Шиппенбейль и Бартенштейнъ къ Прейсиш-Голланду. Ней бы погибъ, если бы русская армія направилась изъ Іоганисбурга въ Нейденбургъ; но, вмѣсто того, чтобъ напасть на тылъ его корпуса, растянутаго на растояніи 25 льё въ полковыхъ колоннахъ, Беннингсенъ сдѣлалъ большой обходъ, чтобъ атаковать Нея съ фронта и отбросить его на линію его отступленія: эта ошибка дала Нею возможность сосредоточить свои силы

въ превосходной позиціи при Гильденбургѣ.

Бернадоттъ, извѣщенный во время о приближеніи непріятеля, собралъ свой корпусъ у Морунгена, гдѣ и былъ атакованъ, 25-го Генваря, русскимъ авангардомъ. Онъ отбросилъ непріятеля къ Либштадту. Но какъ этотъ авангардъ былъ потомъ поддержанъ главными силами русской арміи, то Бернадоттъ долженъ былъ отступить къ Страсбургу; Беннингсенъ послѣдовалъ за нимъ черезъ Остероде до Лобау.

Эти происшествія были непріятны для меня, потому что онѣ вынуждали меня начать кампанію посреди зимы; стужа была жестокая; по Вислѣ и Нареву шелъ сплывый ледъ, который легко могъ снести наши мосты; земля покрылась снѣгомъ; наши магазины были не слишкомъ изобильны; еслибы даже они были наполнены, то мы не имѣли бы средствъ перевозить продовольствіе: правда, что старая Пруссія страна прекрасная и изобильная, и не уступаетъ ни одной изъ европейскихъ въ плодородіи (*). Я ждалъ возвращенія весны и опасался возобновленія того, что было подъ Пултускомъ, въ случаѣ оттепели. Я не хотѣлъ испытать участи Карла XII подъ Полтавою. Но вскорѣ я замѣтилъ возможность обратить эти обстоятельства къ нашей выгодѣ, ибо мнѣ представлялся снова случай отрѣзать и уничтожить непріятельскую армію.

Я послалъ Бернадотту приказаніе продолжать завлекать непріятеля къ Вислѣ. Точкою опоры долженъ былъ служить ему небольшой корпусъ, образованный въ Торнѣ маршаломъ Лефебромъ. Всѣ прочіе корпуса получили приказаніе выступить съ квартиръ. Генваря 31-го, корпусъ Ланна собрался въ Брокѣ, Даву въ Мышинцѣ, Сультъ и кавалерія въ Вилленбергѣ, а Ожеро въ Нейденбургѣ; наконецъ и корпусъ Нея приблизился къ Нейденбургу, гдѣ я назначилъ мою главную квартиру. Корпусъ Ланна остался на Наревѣ, чтобъ прикрыть мой тылъ и удерживать войска, оставленныя Русскими на этой рѣкѣ. Съ остальными четырьмя корпусами и кавалеріею, я рѣшился зайти въ тылъ Беннингсена, надѣясь такъ же разбить его, какъ Пруссаковъ при Іенѣ.

Мы тронулись 1-го Февраля, а 3-го я прибылъ въ Алленштейнъ съ кавалеріею и войсками Сульта, Ожеро и Нея; Даву прибылъ въ Вартенбергъ.

Все казалось содѣйствовало къ исполненію моего намѣренія. Беннингсенъ, очертя голову, спѣшилъ въ разставленныя сѣти; все его вниманіе было обращено на Бернадотта, котораго онъ жарко преслѣдовалъ, слѣпо стремясь къ своей погибели; но несчастный для насъ случай открылъ ему глаза и лишилъ меня плодовъ одного изъ лучшихъ моихъ

(*) Старая Пруссія, лежа рядомъ съ Польшею, представляетъ торжество образованности надъ варварствомъ, просвѣщенія надъ невѣжествомъ. Здѣсь многолюдные, промышленные города; богатыя помѣстья, удивительная обработка земли; а тутъ, возлѣ — нищета, необразованность, хижины, надъ которыми возвышаются нѣсколько дворцевъ; но тамъ и здѣсь одна земля, одинъ климатъ. Нравы, правленіе, религія—вотъ что составляетъ благосостояніе націи.

соображеній. Адъютантъ, отправленный отъ Бертье къ Бернадотту, былъ перехваченъ казаками. Его бумаги, которыхъ онъ не уничтожилъ, открыли Русскимъ наши намѣренія и угрожавшую имъ опасность. Они поспѣшили усиленными маршами возстановить свои сообщенія. Къ этому несчастію надобно прибавить еще и то, что Бернадоттъ, не получивъ моихъ приказаній, не исполнилъ ничего, что ему было предписано.

Мы столкнулись, 3-го, съ Русскими, готовыми къ принятію боя, въ Янковѣ; ихъ лѣвое крыло упиралось въ Алле. Пруссаки, двинувшіеся правѣе, сосредоточились у Остероде.

Однако я еще не отчаявался обойти лѣвое крыло непріятелей. Я расположилъ главныя силы противъ ихъ фронта у Янкова, а правое крыло, подъ командою Сульта, направилъ по правому берегу Алле къ бергфридскому мосту, который находился за ихъ флангомъ. Еслибы Сультъ успѣлъ выйти черезъ Бергфридъ въ тылъ Русскимъ, то дѣло было бы рѣшительно; но они такъ упорно защищали мостъ, что мы не могли овладѣть имъ ранѣе ночи. Беннингсенъ воспользовался темнотою, чтобъ отступить къ Вольфсдорфу.

Досадуя, что непріятель въ другой разъ ускользнулъ, я рѣшился по крайней мѣрѣ сильно преслѣдовать его. Онъ продолжалъ отступать черезъ Фрауэндорфъ и Ландсбергъ къ Прейсишъ-Эйлау. Его арріергардъ, опрокинутый, 4-го и 5-го, въ небольшихъ стычкахъ, понесъ довольно значительный уронъ 6-го, въ болѣе важныхъ дѣлахъ при Гофѣ и Ландсбергѣ. Правда, что онъ тамъ держался съ удивительною стойкостью противъ великаго герцога бергскаго, который пускалъ въ дѣло свои бригады одну за другою черезъ дефиле болотистаго ручья. Наконецъ кирасиры врубились, уничтожили два батальона и взяли 1500 плѣнныхъ.

Быстрое отступленіе Русскихъ оставляло Пруссаковъ однихъ. Лестокъ сначала хотѣлъ пробиться на Деппенъ, но его авангардъ былъ встрѣченъ 5-го у Вальтерсдорфа корпусомъ Нея, который уже перешелъ Пассаргу у Деппена. Онъ храбро сражался; въ особенности отличилась кавалерія Рошъ-Эймона; но, имѣя дѣло съ гораздо превосходными силами, этотъ авангардъ былъ совершенно разбитъ и потерялъ 16 орудій и множество плѣнныхъ. Главныя силы прусскаго отряда только усиленными переходами избѣгли совершеннаго уничтоженія; онѣ перешли Пассаргу въ Шпанденѣ и прибыли 7-го въ Гуссенемъ, между Прейсишъ-Эйлау и Цинтеромъ.

Русскіе остановились въ позиціи за Прейсишъ-Эйлау. Ихъ арріергардъ, расположенный впереди города, былъ 7-го опрокинутъ, послѣ кровопролитнаго боя, равно славнаго и для генераловъ Маркова и Барклая, начальствовавшихъ Русскими, и для атаковавшей ихъ пѣхоты корпуса Сульта. 18-й линейный полкъ дорого заплатилъ за небольшую высоту около Тенкнитена; мы овладѣли ею послѣ неимовѣрныхъ усилій. Бой въ самомъ городѣ Эйлау былъ не менѣе упоренъ. Барклай-де-Толли, поддержанный дивизіею князя Голицына, два раза занималъ его даже посреди ночной темноты, и уже только

при третьей атакѣ уступилъ натиску дивизіи Леграна. Мы заняли городъ позже 8 часовъ вечера. Мюратъ расположился въ виду непріятеля, и донесъ мнѣ, что онъ отступаетъ. Потеря Эйлау дѣлала это предположеніе вѣроятнымъ. Я повѣрилъ этому и заснулъ, до крайности утомленный (я проводилъ по 20 часовъ въ сутки въ движеніи или занятіяхъ, по выступленіи изъ Варшавы). Я однако проснулся до разсвѣта и объѣзжалъ войска въ то самое мгновеніе, когда ужасная канонада загремѣла у Эйлау. Я спалъ, можно сказать, подъ огнемъ русскихъ батарей, введенный въ заблужденіе донесеніями Мюрата.

Армія шла уже цѣлую недѣлю безъ магазиновъ, посреди льдовъ и снѣговъ; войска Сульта ночью ворвались на штыкахъ въ Эйлау; грабежъ въ такомъ случаѣ неизбѣженъ. Половина полковъ разсыпалась по домамъ; ихъ пробужденіе было ужасно.

Я ожидалъ на другой день генеральнаго сраженія, но полагалъ, что оно произойдетъ далѣе: отступленіе непріятеля изъ города, прикрывавшаго большую часть фронта поля сраженія, заставляло вѣрить донесенію Мюрата. Рѣшившись дать сраженіе, русскіе полководцы почувствовали, что имъ было весьма важно снова взять городъ, защищаемый однимъ корпусомъ Сульта, ослабленнымъ до 18,000. Даву, который сначала направился на Домнау, получилъ приказаніе приблизиться къ моему центру. Нею приказано было итти къ Крёйцбургу. Я велѣлъ Ожеро прибыть, сколь возможно поспѣшнѣе, для поддержанія Сульта, и расположилъ мою гвардію на кладбищѣ. Даву получилъ новое приказаніе свернуть влѣво и войти въ общую линію; Нею предписано было двинуться вправо. Бернадоттъ находился еще въ двухъ переходахъ отъ насъ. Это замедленіе произошло отъ того, что перехватили офицера, который везъ къ нему мои приказанія. Это происшествіе доказало мнѣ необходимость вести переписку по особому ключу, которую я ввелъ позже.

Русская армія занимала правымъ крыломъ Шлодиттенъ, а лѣвымъ Клейнъ-Заусгартенъ. Она простиралась до 80,000. Бенниигсенъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ ея организаціи: онъ соединилъ кавалерію, которая состояла при дивизіяхъ, и расположилъ ее на флангахъ и въ резервѣ; пѣхота построилась въ двѣ линіи, частью развернутымъ фронтомъ, частью въ колоннахъ къ атакѣ. Резервъ, составленный изъ 4-й и 7-й дивизій, образовалъ двѣ густыя колонны позади центра, имѣя слѣва 28 эскадроновъ, подъ начальствомъ князя Голицына. Вся конная артиллерія (около 60 орудій) была собрана для образованія недостающаго резерва. Артиллерія, бывшая при дивизіяхъ и состоявшая изъ 150 батарейныхъ и 250 легкихъ орудій, была размѣщена вдоль фронта обѣихъ линій.

Эйлау лежитъ въ нѣсколько холмистой долинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ, болѣе перерѣзанною мѣстностью, и пригорками, между которыми находится множество озеръ, которыя покрылись отъ мороза столь крѣпкимъ слоемъ льда, что на нихъ можно было дѣйствовать всѣми родами оружія; онѣ были покрыты

снѣгомъ, и потому, не замѣчая ихъ, на поверхности ихъ производили даже кавалерійскіе атаки. Наша позиція командовала непріятельскою; только на лѣвомъ флангѣ онъ имѣлъ преимущество заусгартенскихъ высотъ, которыя впрочемъ онъ весьма не долго занималъ, потому что онѣ были слишкомъ удалены отъ мѣста расположенія главныхъ силъ.

Исключая артиллеріи, наши силы были равны; впрочемъ трудно было, чтобы Ней успѣлъ получить посланное къ нему приказаніе и вступить въ дѣло. Даву могъ также не ранѣе полудня принять участіе въ сраженіи. И такъ непріятель имѣлъ большой перевѣсъ. Однако я надѣялся одержать побѣду, разсчитывая на упадокъ духа арміи, преслѣдуемой по пятамъ четыре дня. *Но русскій солдатъ особенно замѣчателенъ въ превратностяхъ счастія: на другой день пораженія, у него та же стойкость, какъ и на другой день побѣды. Они сражались какъ изступленные.*

Я долженъ и своимъ войскамъ отдать справедливость; онѣ дѣлали чудеса. Сультъ одинъ выдержалъ первый натискъ непріятеля; только герои аустерлицкіе могли отразить подобный ударъ.

Сверхъ того многочисленность непріятельской артиллеріи была для насъ гибельна, и я понялъ, что уже миновала та пора, когда можно было покорить страну съ 40 орудіями, какъ при Маренго.

Сультъ понесъ уже значительный уронъ, когда 7-й корпусъ дебушировалъ, чтобы, по предназначенію своему, занять мѣсто въ нашемъ центрѣ и атаковать центръ непріятельскій. Кавалерія Мюрата, усиленная дивизіею Сентъ-Илера, изъ корпуса Сульта, приняла вправо, чтобъ облегчить присоединеніе Даву. Снѣгъ падалъ такими большими хлопьями, что воздухъ совершенно потемнѣлъ: въ двухъ шагахъ ничего не было видно.

Между тѣмъ какъ Тучковъ удерживалъ у Эйлау дивизію Леграна, генералъ Дохтуровъ выдвинулъ двѣ густыя резервныя колонны противъ корпуса Ожеро; дивизія Эссена старалась взять его во флангъ. Къ несчастію этотъ корпусъ, вовсе неожиданно, попалъ между русскими кавалерійскимъ и пѣхотнымъ резервами; это замѣтили только тогда, когда эскадроны ихъ смѣшались съ 1-ю дивизіею. Ожеро хотѣлъ построиться въ каре: но уже было поздно; притомъ же намокшія ружья не стрѣляли, и войска наши, окруженныя со всѣхъ сторонъ и обстрѣливаемыя 40 батарейными орудіями, сдѣлались жертвою несчастной ошибки. Половина дивизіи Дежардена пала подъ картечью, или была порублена; дивизія Гѣделе подверглась той же участи; перваго убили, второй былъ тяжело раненъ; Ожеро былъ также раненъ пулею.

Чтобы хотя сколько нибудь выручить Ожеро, я приказалъ Мюрату атаковать непріятельскій центръ всею резервною кавалеріею. Дивизія Эссена была прорвана и вся масса нашей кавалеріи пронеслась съ дерзостью до 3-й линіи Русскихъ, стоявшей тыломъ къ лѣсу. Русская пѣхота смыкала свои ряды по мѣрѣ того, какъ наша кавалерія ее тѣснила и прорывала; наконецъ, атакованные въ свою очередь свѣжими войсками, наши

эскадроны должны были отступить, потерявъ Гопу, Дальмана, и другихъ отличныхъ генераловъ. Мой адъютантъ Корбино былъ убитъ ядромъ. Возвращеніе содѣлалось столь же труднымъ, какъ и первыя атаки, потому что Русскіе, сомкнувшись, повернулись фронтомъ назадъ и наша кавалерія снова должна была пробиваться сквозь крѣпкіе ряды русской пѣхоты.

Между тѣмъ, одна изъ русскихъ колоннъ, опрокинувшихъ Ожеро, преслѣдовала остатки этого корпуса вдоль западной стороны Эйлау и проникла до кладбища, на которомъ я находился съ гвардейскою батареею, имѣя въ нѣкоторомъ разстояніи 6 баталіоновъ старой гвардіи, которая составляла мою послѣднюю надежду. Я приказалъ моему конвою, состоявшему человѣкъ изо ста, напасть на фронтъ этой колонны, чтобъ удержать ея стремленіе и дать мнѣ время сдѣлать нужныя распоряженія. Одинъ баталіонъ моихъ гренадеръ ударилъ въ штыки на первый баталіонъ русской колонны и остановилъ ее. Мюратъ съ своей стороны отрядилъ бригаду Брюера; она бросилась во флангъ русской колонны, которая въ одно мгновеніе была прорвана и уничтожена. Это было слабое вознагражденіе за пораженіе Ожеро, котораго корпусъ такъ сильно пострадалъ, что послѣ сраженія я долженъ былъ его совершенно уничтожить, размѣстивъ слабые остатки его по другимъ частямъ арміи.

Въ то время какъ это происходило около Эйлау и въ центрѣ, Сентъ-Илеръ и часть кавалеріи Мюрата боролись съ перемѣннымъ счастіемъ противъ лѣваго непріятельскаго фланга, состоявшаго изъ дивизіи Сакена и Остермана, подкрѣпляемыхъ дивизіею Каменскаго.

Дѣла уже начинали принимать дурной оборотъ; я горѣлъ нетерпѣніемъ, ожидая появленія Даву на правомъ крылѣ, согласно съ даннымъ ему приказаніемъ; одно это могло удержать побѣду. Наконецъ, въ часъ по полудни, онъ явился на высотахъ, преслѣдуя отступающія бригады Багговута и Барклая. Генералъ Беннингсенъ, узнавъ, что лѣвое крыло его обойдено и отступаетъ, направилъ для поддержанія его дивизію Каменскаго: но этого уже было мало; Даву, подкрѣпляемый драгунами Мильо и атаками Сентъ-Илера, принудилъ къ отступленію Остермана, Каменскаго и Багговута; все лѣвое крыло Русскихъ было оттѣснено къ Куттшитену.

Беннингсенъ, не опасаясь за свой центръ, вынужденъ былъ постепенно посылать все, чѣмъ онъ могъ располагать, на подкрѣпленіе этого крыла. Столь многочисленныя силы, собранныя на этомъ пунктѣ, остановили наконецъ стремленіе Даву; къ довершенію несчастія, прусскій корпусъ Лестока, избѣгнувъ войскъ Нея, прибылъ на поле сраженія, никѣмъ не преслѣдуемый. Онъ прошелъ позади русской линіи и, примкнувъ къ лѣвому флангу, возстановилъ дѣло. Даву, который уже занялъ деревню Куттшитенъ въ тылу лѣваго непріятельскаго фланга, видя себя въ свою очередь обойденнымъ, былъ принужденъ очистить эту деревню и почелъ себя счастливымъ, удержавшись на высотахъ Ауклапена, потому что онъ

имѣлъ дѣло болѣе нежели съ половиною непріятельской арміи.

Ней, который упустилъ Пруссаковъ, преслѣдуя одинъ только отрядъ ихъ, случайно узналъ о происходившемъ сраженіи; онъ не слышалъ канонады и не получалъ моего приказанія. Онъ тотчасъ рѣшился повернуть на Шмодиттенъ, чтобъ присоединиться къ моему лѣвому крылу. Уже было поздно, чтобъ дать сраженію рѣшительный оборотъ, потому что становилось темно, и только довольно частая перестрѣлка и нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ продлили сраженіе до 8 часовъ; но, во всякомъ случаѣ, прибытіе Нея въ тылъ русскаго праваго крыла произвело рѣшительное дѣйствіе, потому что заставило непріятелей оставить поле сраженія въ продолженіе ночи. Чтобы съ бо́льшею безопасностью произвесть свое отступательное движеніе, они приказали дивизіи Сакена, наименѣе потерпѣвшей, атаковать Нея. Хотя Ней и удержался у Шмодиттена, но атака Сакена ввела его въ недоумѣніе, и заставила сомнѣваться въ выгодномъ для насъ окончаніи сраженія. Ней расположился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кёнигсбергской дороги, и Русскіе производили свое движеніе, въ продолженіе цѣлаго утра, такъ сказать, подъ выстрѣлами его артиллеріи.

Потеря съ обѣихъ сторонъ была огромная: 10,000 убитыхъ устилали поле сраженія; 30,000 раненыхъ лежали въ сараяхъ и садахъ сосѣднихъ деревень. И все еще ничего не было рѣшено. Моя армія была такъ ослаблена, что я намѣренъ былъ отступить, чтобы соединиться съ корпусами Бернадотта и Лефебра. Извѣстіе о прибытіи Нея, заставило меня остаться; а Беннингсенъ избавилъ меня отъ непріятности уступить ему поле сраженія. Онъ отступилъ къ Кёнигсбергу и прикрылъ себя Прегелемъ: Мюратъ на другой день его преслѣдовалъ и былъ въ двухъ лье отъ этого города. Отступленіе Беннингсена къ Кёнигсбергу, представляло мнѣ случай нанести ужасный ударъ русской арміи, которая такъ неосторожно устремилась туда, откуда ей не было другаго выхода, кромѣ моря и Штральда. Если бы Бернадоттъ и Лефебръ были у меня подъ рукою, то я могъ бы двинуться на Таплау и привести непріятеля въ отчаянное положеніе; но моя армія, за исключеніемъ корпуса Нея, была такъ ослаблена, что я почелъ за благоразумнѣйшее дать ей отдыхъ и ожидать сдачи Данцига, чтобъ снова начать наступательныя дѣйствія.

Бернадоттъ и кираспры Нансути присоединились ко мнѣ два дня спустя. Корпусъ Лефебра, направленный на Остероде, могъ уже служить резервомъ Кромѣ этихъ подкрѣпленій, я ожидалъ еще 8,000 гренадеръ, которыхъ Удино велъ изъ Варшавы черезъ Пултускъ и Вилленбергъ.

Таково было ужасное сраженіе при Эйлау, столь занимательное по необыкновеннымъ обстоятельствамъ, его сопровождавшимъ, и столь не рѣшительное по послѣдствіямъ. Въ одиннадцать часовъ Сультъ уже потерпѣлъ сильный уронъ, а корпусъ Ожеро былъ почти уничтоженъ. Все было потеряно, еслибъ я не удержался на кладбищѣ у Эйлау, съ моею гвардіею, кавалеріею и артиллеріею,

дѣйствіями которой я самъ распоряжалъ. Вся армія можетъ засвидѣтельствовать, что я менѣе всѣхъ былъ устрашенъ опаснымъ положеніемъ, въ которомъ мы находились до прибытія Даву. Я бы желалъ, чтобы тогда случились возлѣ меня тѣ, которые утверждаютъ, что я не имѣлъ присутствія духа и мужества.

Непріятель заставилъ меня оставить кантониръ-квартиры. Я не хотѣлъ вести зимнюю кампанію и ждалъ подкрѣпленій, въ особенности же большаго числа артиллеріи и военныхъ припасовъ. И такъ я поспѣшилъ стать снова на квартиры. Пассарга прикрывала мой лѣвый флангъ, Алле, отъ Гутштадта до Алленштейна, центръ, а Омулевъ лѣвое крыло. Я расположилъ мою главную квартиру въ Остероде, а потомъ въ замкѣ Фринкенштейнѣ. Бернадоттъ, на лѣвомъ крылѣ, занималъ Прейсишъ-Голландъ и Браунсбергъ; Сультъ стоялъ около Вормдита, Либштадта и Морунгена; Ней впереди, на Алле, у Гутштадта, Алленштейна и Гильгенбурга. Кавалерія была распредѣлена по всѣмъ этимъ корпусамъ, чтобы лучше прикрывать ихъ кантониръ-квартиры. Лефебръ возвратился къ Данцигу для блокады.

Въ то самое время, какъ я располагался за Алле, дивизіи, оставленныя непріятелемъ на Нареве, подкрѣпленныя новыми войсками, пришедшими изъ Молдавіи, атаковали мое правое крыло. Ланнъ былъ боленъ, Саварп командовалъ его корпусомъ; къ счастію его, Удино, шедшій на соединеніе со мною черезъ Вилленбергъ, имѣлъ приказаніе поддержать его въ случаѣ нужды и прибылъ совершенно во время: русская дивизія тянулась по правому берегу рѣки Саварп, подкрѣпленный войсками Сюше, двинулся на встрѣчу и опрокинулъ ее. Въ то самое время, другія двѣ дивизіи напали на Остроленку по лѣвому берегу. Непріятель проникъ въ городъ; но наши войска снова его вытѣснили, и вышедъ сами изъ города вступили въ сраженіе, которое окончилось въ нашу пользу. Русскіе отступили, потерявъ 7 орудій и 1,500 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и молодой Суворовъ. Это было послѣднее дѣло зимней кампаніи.

Военныя дѣйствія были остановлены дурнымъ временемъ года и я рѣшился этимъ воспользоваться, чтобы взять укрѣпленныя мѣста, остававшіяся у насъ въ тылу. Я истратилъ почти всѣ артиллерійскіе заряды; они по почтѣ присылались ко мнѣ изъ Магдебурга и Кюстрина; мнѣ нужно было время, чтобъ ихъ запасти въ достаточномъ количествѣ. Съ другой стороны, превосходство непріятельской артиллеріи заставило меня отдать приказаніе о присылкѣ ко мнѣ всѣхъ канонирскихъ ротъ, которыми только можно было располагать, и я далъ имъ прусскія пушки, чтобъ употребить снаряды этого калибра, найденные во взятыхъ арсеналахъ. Для этого я приказалъ даже французскія орудія лить по этому новому калибру. Я также ожидалъ 50,000 человѣкъ, частью изъ моихъ депо, частью отъ союзниковъ моихъ, членовъ рейнскаго союза.

Это время отдыха въ старой Пруссіи и въ Польшѣ было одною изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ въ моей

жизни, какъ по опасности моего положенія, такъ и по искусству, съ которымъ я выпутался изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Пріѣздъ барона Винцента и генерала Нёйперга, присланныхъ Австріею въ Варшаву, чтобы договариваться о посредничествѣ, внушилъ мнѣ справедливыя опасенія. Я страшился, что она пошлетъ 150,000 вооруженныхъ посредниковъ на Эльбу: это бы поставило меня въ весьма затруднительное положеніе. Я понялъ, что слишкомъ облегчилъ дѣло моимъ непріятелямъ, и не разъ раскаявался, что увлекся въ эти дальнія и не гостепріимныя страны и такъ мало обращалъ вниманія на тѣхъ, которые мнѣ совѣтовали противное. Вѣнскій кабинетъ имѣлъ въ это время болѣе вѣрный и болѣе славный случай возстановить свой перевѣсъ, нежели въ 1813 году. Онъ не умѣлъ этимъ воспользоваться и моя твердость спасла меня.

Даже Испанія, на которую я такъ полагался, дала мнѣ понятіе объ опасности, которой я подвергался. Въ то самое время, какъ я громилъ при Іенѣ прусскую армію, эта держава угрожала разорвать союзъ со мною. Мадритскій кабинетъ, раздраженный продажею Американцамъ Луизіаны и предложеніемъ уступки балеарскихъ острововъ въ замѣнъ Сициліи, тѣмъ болѣе былъ не расположенъ ко мнѣ, что сраженіе при Трафальгарѣ давало мало надежды на выгоды нашего союза. Князь мира, упрекаемый въ упадкѣ испанской торговли, страдавшей отъ закрытія гаваней и прекращенія сношеній съ Америкою, желалъ перемѣнить политику, чтобъ возвратить себѣ прежнюю народность.

Этотъ министръ, недальновидный, какъ всѣ временщики, слишкомъ высоко цѣнилъ могущество Пруссіи: онъ думалъ, что если Испанія была та же, что во времена Людовика XV, то и Пруссія и Франція не измѣнились со временъ Фридриха. Угрожаемый англійскою партіею, устрашенный отказомъ Россіи въ ратификаціи договора Убри, и союзомъ противъ меня Пруссіи, Швеціи, Россіи и Англіи, увѣренный что и Австрія безъ сомнѣнія не замедлитъ къ нему присоединиться, онъ полагалъ, что можетъ разорвать узы, связывавшія его съ Франціею и такимъ образомъ возвратить Испаніи морскую торговлю, которой ей не доставало. Это было бы въ порядкѣ вещей, еслибъ онъ постарался переговорами достигнуть неутралитета; онъ счелъ, что гораздо проще воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ онъ полагалъ меня, и выдать прокламацію или манифестъ, который, хотя не называлъ меня, но былъ слишкомъ явно противъ меня направленъ. Недѣлю спустя, онъ узналъ о сраженіи при Іенѣ, вступленіи моемъ въ Берлинъ и разрушеніи монархіи, которую онъ полагалъ довольно сильною, чтобы потрясти мое могущество, и поспѣшилъ написать испанскому послу, бывшему при прусскомъ дворѣ, поручая ему стараться укротить мой гнѣвъ.

Для довершенія затруднительности моего положенія до высшей степени, не доставало только, чтобъ Австрія объявила войну; она разумѣется имѣла болѣе къ этому причинъ, нежели

мадритскій кабинетъ, который имѣлъ общую со мною выгоду, противиться морскому могуществу Англичанъ и спасти отъ нихъ Америку, на которую они уже въ продолженіи столѣтія устремляли свои виды.

Вѣнскій кабинетъ, напротивъ того, не могъ не обольститься представлявшимся ему выгоднымъ случаемъ, для возвращенія Италіи и возстановленія своего могущества въ Германіи. Онъ слишкомъ хорошо понималъ свои выгоды, и желалъ этого; но, раздѣленный во мнѣніяхъ и удерживаемый партіею эрцъ-герцога Карла, которая опасалась войны, онъ хотѣлъ соблюсти наружныя формы, и вмѣстѣ съ тѣмъ выиграть переговорами время, чтобъ стать на военную ногу и потомъ уже предложить вооруженное посредничество. Между тѣмъ Австрія объявила, что она готова содѣйствовать всѣми силами къ возстановленію мира.

Я не былъ такъ слѣпъ, чтобы позволить Стадіону или Годою провести меня; но моя роль въ этихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ была уже предначертана; слѣдовало скрыть мое негодованіе передъ любимцемъ Карла IV, и противупоставить смѣсь твердости и хитрости совѣтникамъ Франца I.

Я тѣмъ болѣе былъ доволенъ принятымъ мною намѣреніемъ, что грозное появленіе Англичанъ передъ Константинополемъ могло еще болѣе затруднить наше положеніе, принудивъ Турокъ къ миру съ Россіею.

Извѣстіе о вторженіи Михельсона въ Молдавію дошло въ Константинополь въ одно время съ извѣстіемъ о моихъ побѣдахъ въ Пруссіи и чрезвычайно возвысило вѣсъ Себастіани; онъ пріобрелъ сильное вліяніе въ Турціи и доказалъ на опытѣ, что заслуживалъ его. Вторженіе Русскихъ утвердило диванъ въ его мнѣніи о выгодахъ союза съ нами.

Однако Англія приготовлялась исполнить угрозы своего посланника, и начать бомбардированіе Константинополя; эскадра Дьюкуортза, блокировавшая Ферроль, получила приказаніе войти въ средиземное море, взявъ въ Гибральтарѣ десантный отрядъ. Она крейсировала въ Архипелагѣ близъ Тенедоса.

Лондонскій кабинетъ, увѣренный въ дѣйствіи, которое произведетъ, какъ онъ полагалъ, приближеніе этого флота на правительство, трепетавшее при одной только угрозѣ, не устрашился потребовать отъ дивана:

1-е) Отсылку Себастіани.

2-е) Союза Турціи съ Россіею и Англіею.

3-е) Уступку Молдавіи и Валахіи въ пользу Россіи.

4-е) Сдачу на время Дарданеллъ и турецкаго флота Англичанамъ.

Меня упрекали въ томъ, что моя политика была горда и самовластна; но всѣмъ извѣстно, что я никогда не предлагалъ державѣ, съ которою хотѣлъ вступить въ союзъ, унизить себя постыдною сдачею крѣпостей своихъ. Я поступалъ такимъ образомъ только съ побѣжденнымъ непріятелемъ. Я завладѣлъ въ расплохъ крѣпостями Карла IV; но я избавилъ его этимъ отъ стыда предать ихъ мнѣ позорнымъ образомъ.

Министры Селима отвергли эти предложенія. Арбѣтнотъ сѣлъ скрытно на фрегатъ, который присоединился

къ эскадрѣ; онъ изъ Тенедоса продолжалъ переговоры.

Турки всегда лѣнивые и гордые, упустили время и не сдѣлали ни малѣйшихъ приготовленій, чтобъ усилить оборону Дарданеллъ. Полагаясь на ужасныя пушки, бросающія на значительное разстояніе каменныя ядра вѣсомъ отъ 7 до 8 сотъ фунтовъ, которыя впрочемъ по ихъ значительной величинѣ трудно поворачивать и прицѣливать, они отвергли всѣ совѣты французскихъ офицеровъ. Наконецъ Дьюкуортзъ, принявъ всѣ нужныя мѣры, воспользовался попутнымъ вѣтромъ и праздникомъ, въ который всѣ турецкіе канонеры веселились, и неожиданно, 19 Февраля, проникъ въ проливъ, и размѣнявшись нѣсколькими залпами, миновалъ его безъ значительнаго сопротивленія, сожегъ одинъ корабль и 4 фрегата, стоявшіе при нагарскомъ мысѣ, явился передъ гордою Византіею и грозилъ разгромить Сераль и всю богатую столицу Оттомановъ. Ужасъ былъ всеобщій и, еслибы Дьюкуортзъ умѣлъ воспользоваться этимъ первымъ днемъ, начавъ атаку, или настоявъ на томъ, чего требовала Англія, то онъ могъ бы предписать законы Портѣ, потому что на батареяхъ не было въ исправности и десяти орудій.

Слабые министры Селима единодушно рѣшили тогда же выслать Себастіани и покориться волѣ Англіи; народъ отвѣчалъ имъ криками негодованія и бѣшенства. Мой посланникъ показалъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, истинное величіе души. Селимъ прислалъ къ нему въ 9 часовъ вечера одного изъ знатнѣйшихъ своихъ сановниковъ съ тѣмъ, чтобы передать ему рѣшеніе дивана, засвидѣтельствовать какъ самъ султанъ объ этомъ сожалѣетъ, и увѣрить его, что крики черни, направленные противъ его особы, показываютъ опасность, которой онъ можетъ подвергнуться, продливъ свое пребываніе въ Константинополѣ. Отвѣтъ Себастіани былъ благороденъ. Отвергая заботы о своей жизни, онъ объявилъ, что не уѣдетъ, если Селимъ не принудитъ его къ тому силою, и что онъ ожидалъ отъ него другаго рѣшенія болѣе приличнаго великому государю: «скажите вашему «могущественному монарху,» прибавилъ онъ, «что я не вѣрю, чтобы «онъ сошелъ съ той высокой степе«ни, на которую вознесли его слав«ные предки, отдавъ постыднымъ «образомъ нѣсколькимъ англійскимъ «кораблямъ городъ, имѣющій 800,000 «жителей, оружіе, военные и жизнен«ные припасы, городъ, который мо«жетъ уничтожить этихъ Англичанъ.» Селимъ, достойно оцѣнивъ этотъ отвѣтъ, одушевился имъ, рѣшился защищаться и пригласилъ Себастіани въ диванъ, собранный ночью. Благородныя чувства Селима скоро перешли въ сердца его министровъ, ободренныхъ притомъ возрастающимъ негодованіемъ народа, узнавшаго о происходившемъ. Не противъ Себастіани, но противъ Англичанъ была направлена эта ярость черни.

Средства къ оборонѣ имѣлись огромныя, въ особенности въ прекрасномъ морскомъ арсеналѣ; нужно было только время. Все было отдано въ распоряженіе Себастіани, которому дѣятельно помогали нѣсколько

артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, присланныхъ изъ Далмаціи. Въ саду сераля разбили для него богатую палатку; оттуда распоряжалъ онъ въ одно время и оборонительными работами, и переговорами, чтобъ обмануть Дьюкуортза и выиграть нѣсколько дней обѣщаніями. Маркизъ д'Аменара, испанскій посланникъ, раздѣлявшій съ нимъ общую довѣренность, помогалъ ему всѣми силами.

Все приняло новый видъ: холодную бесчувственность и мусульманскую беспечность замѣнилъ электрическій огонь, одушевившій всѣхъ, даже дѣтей и старцевъ; всѣ готовы были содѣйствовать по мѣрѣ силъ къ спасенію столицы; одни приготовляли сосписоны и фашины, другіе строили батареи, тѣ таскали пушки: въ четыре дня около 300 орудій было установлено на самыхъ важныхъ пунктахъ. Леандрова башня вооружена была орудіями большаго калибра и печами для каленія ядеръ. Сто канонерскихъ шлюбокъ и эскадра защищали Бетшиташу и входъ между Перою и сераломъ, гдѣ находятся корабельныя заведенія Порты. Султанъ самъ присутствовалъ при работахъ. По прошествіи недѣли, протекшей въ переговорахъ, уже 500 орудій были направлены противъ англійскаго флота и двѣсти самоотверженныхъ мусульманъ сѣли на брандеры, готовясь принести себя въ жертву. Арбѣтнотъ, по болѣзни долженъ былъ препоручить адмиралу окончить переговоры, въ которыхъ Турки, по мѣрѣ того какъ подвигались ихъ работы, показывали болѣе и болѣе гордости. Въ тоже время Измаилъ-Паша, прежній визирь, былъ посланъ въ Дарданеллы, гдѣ онъ съ такою же дѣятельностью вооружилъ и укрѣпилъ замки.

Дьюкуортзъ, видя, что онъ почти окруженъ въ мраморномъ морѣ, рѣшился отступить. Вѣтръ подулъ 2 Марта на западъ, и онъ воспользовался имъ, чтобъ пройти Дарданеллы, подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, которыя, имѣя въ этотъ разъ лучшее направленіе, сильно попортили два изъ его лучшихъ кораблей и потопили двѣ корветты. Эта смѣлая попытка стоила Англичанамъ 250 убитыхъ и 500 раненыхъ; она могла имъ стоить всего флота, еслибъ они имѣли дѣло съ болѣе искуснымъ и предпріимчивымъ непріятелемъ. Себастіани оказалъ въ этомъ случаѣ столько искусства и твердости, что его дѣйствія стоили побѣды.

Можно почесть счастіемъ, что это предпріятіе не удалось; потому что непосредственнымъ слѣдствіемъ его былъ бы миръ Россіи съ Портою, и вся армія Михельсона направилась бы противъ меня. И безъ того уже 25,000 отдѣлились отъ нее, и двинулись къ Бугу.

Однако потеря Англичанъ была не такъ велика, чтобъ отбить у нихъ охоту повторить подобную попытку съ бо́льшими силами; и одпаго опасенія этого было уже достаточно для заключенія мира между Россіею и Турціею, если бы первая, затрудненная войною съ нами, отказалась отъ Молдавіи и Валлахіи. Чтобъ ободрить Селима, я рѣшился предложить ему всѣ возможныя вспомогательныя средства. Вице-король Италіи получилъ приказаніе отправить къ нему инженернаго полковника Гаксо и артиллерійскаго Фуа, отличныхъ офицеровъ,

которые привели бы Дарданеллы въ безопасность отъ нечаяннаго нападенія. Я приказалъ также написать къ Мармону, занимавшему Рагузу, слѣдующее письмо:

«Генералъ! Императоръ вамъ при«казываетъ отправить немедленно въ «Константинополь всѣхъ артиллерій«скихъ и инженерныхъ офицеровъ, »съ отрядомъ изъ 600 человѣкъ ар«тиллеристовъ, саперовъ и мастеро«выхъ; вы снабдите эту команду хо«рошими ружьями и обмундировкою; «отправите съ этимъ войскомъ жа«лованья на 3 мѣсяца и даже болѣе, «если у васъ достаточно денегъ и «прикажете взять съ собою, рабо«чимъ самые нужные инструменты, «которыхъ нельзя найти въ Кон«стантинополѣ, а инженернымъ и ар«тиллерійскимъ офицерамъ, сколь воз«можно болѣе книгъ, которыя мо«гутъ имъ быть полезны въ подоб«ныхъ обстоятельствахъ.

«Вы извѣстите Порту, что если «она желаетъ имѣть еще другія вой«ска, то вы, по ея непосредственно«му требованію, тотчасъ ихъ ей при«шлете. Императоръ вамъ дозволяетъ, «генералъ, не дожидая дальнѣйшихъ «повелѣній, послать до 5,000 чело«вѣкъ. Однако для этого надобно точ«ное требованіе генерала Себастіани «и чтобы паша, на землю котораго «должны вступить эти войска, имѣлъ «фирманъ отъ Порты, совершенно «по формѣ. Не скупитесь артиллерій«скими и инженерными офицерами «при посылкѣ ихъ въ Константино«поль; они будутъ замѣщены у васъ «офицерами, которыхъ я приказалъ «послать къ вамъ изъ италіянской «арміи, а туда въ замѣнъ прибудутъ «офицеры изъ Франціи. Если казна «ваша въ хорошемъ положеніи, то им«ператоръ вамъ приказываетъ послать «генералу Себастіани 200,000 фран«ковъ золотомъ, для содержанія этихъ «войскъ. Ему угодно, чтобъ онѣ ни «въ какомъ случаѣ не были въ тя«гость оттоманской имперіи; если же «у васъ нѣтъ денегъ, то извѣстите «меня объ этомъ, дабы я успѣлъ «сдѣлать свои распоряженія.»

Не смотря на диверсію, которую предвѣщала эта война, пултускія грязи и сѣча при Эйлау, не могли мнѣ внушить самонадѣянности; но я ни на минуту не упадалъ духомъ, потому что зналъ цѣну времени, котораго мои непріятели никогда не умѣли вполнѣ цѣнить.

Я чувствовалъ, что малѣйшій признакъ слабости погубитъ меня, и поступалъ такъ, какъ будто бы я былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Довольный съ виду неудовлетворительными объясненіями испанскаго министра, я потребовалъ отъ него, въ залогъ его искренности, выставленія условленныхъ по сантъ-иль-де-фонскому договору вспомогательныхъ войскъ; онъ прислалъ мнѣ, подъ предводительствомъ маркиза Ла-Романы, 15 или 16,000 человѣкъ, которые зимою прошли Францію; я сначала хотѣлъ употребить ихъ въ Италіи; но потомъ я предоставилъ имъ охраненіе сѣверной германіи отъ нападеній Англичанъ.

Хотя и опасно было обнажать Италію, эту цѣль, къ которой стремились всѣ желанія Австріи, но я взялъ оттуда французскія дивизіи Буде и Молитора и одну италіянскую, которыя направились въ Саксонію, для составленія съ батавцами и Испанцами

Владиміръ Константиновичъ
Крал...

обсерваціонной арміи на Эльбѣ. Я не рѣшился очистить Неаполя, зная, что ежели я трону одно кольцо этой огромной цѣпи, то все тотчасъ распадется. Сенъ-Спръ остался при моемъ братѣ Іосифѣ въ Неаполѣ, а Мармонъ продолжалъ вести въ Далмаціи малую войну противъ Черногорцевъ, поддерживаемыхъ частью 15-й дивизіи Русскихъ. Я даже отозвалъ изъ Италіи въ большую армію Массену: я хотѣлъ этимъ доказать Австріи, какъ далекъ я былъ отъ мысли о разрывѣ съ нею.

Мой лагерь при Финкенштейнѣ представлялъ настоящій дипломатическій кабинетъ: не совершенно открытыя сношенія начались съ Россіею и Англіею; я написалъ къ прусскому королю письмо, въ которомъ подавалъ ему надежду на выгоднѣйшія условія, ежели онъ начнетъ со мною переговоры. Я надѣялся отвлечь Пруссію отъ коалиціи; это дало бы мнѣ возможность договариваться съ другими съ большею выгодою. Это предложеніе, сообщенное Россіи и Англіи, подало поводъ къ переговорамъ.

Императоръ Александръ полагалъ принять участіе въ этой войнѣ, какъ лицо вспомогательное и воспользоваться ею для покоренія Молдавіи и Валлахіи. Теперь онъ увидѣлъ, что одинъ долженъ противустать моимъ силамъ: Австрія выжидала, а Англія только обѣщала сдѣлать диверсію, но не производила ее. Безъ сомнѣнія, выгода Россіи была теперь сопряжена съ судьбою Пруссіи; но при всемъ томъ, не слѣдовало подвергать опасности благо имперіи для блага новаго союзника, оставленнаго всею Европою, до которой гибель Пруссіи касалась гораздо болѣе. И такъ я могъ надѣяться на заключеніе мира. Александръ былъ расположенъ къ окончанію войны, но требовалъ неприкосновенности Пруссіи и пріобретеній на Дунаѣ, что трудно было согласить съ моимъ положеніемъ. Онъ впрочемъ предложилъ созвать въ Копенгагенѣ конгрессъ, въ которомъ бы приняли участіе всѣ европейскія державы.

Въ это время Персія прислала ко мнѣ посла. Повелитель ея, узнавъ о нашихъ побѣдахъ, почувствовалъ всю выгоду союза съ нами. Мюрату было поручено вести съ нимъ переговоры, и удалось заключить весьма выгодный, оборонительный и наступательный договоръ. Я съ своей стороны послалъ къ тегеранскому двору генерала Гарданна съ нѣсколькими умными и учеными офицерами всѣхъ родовъ оружія. Мы договаривались также съ Портою, которая поручила Валебъ-Эффенди предложить мнѣ тѣсный союзъ, съ условіемъ не заключать отдѣльнаго мира; но съ моей стороны было бы слишкомъ странно на это согласиться. Мое положеніе было такъ запутано, что я не могъ допустить подобный союзъ. Хотя въ это время оттоманская имперія и была еще во власти Селима III; но онъ былъ слишкомъ не надежный союзникъ и я не могъ подчинить мои сношенія прихотямъ дивана. Я обѣщалъ принять все возможное участіе въ Портѣ, моей естественной союзницѣ; но больше этого не могъ ничего сдѣлать.

Условія переговоровъ съ Англіею и Россіею были таковы, что я не

могъ ихъ принять. Съ одной стороны отъ меня требовали, чтобъ я оставилъ Турокъ, которые, благодаря Себастіани, такъ сильно возстали противъ англійской эскадры и нашихъ общихъ непріятелей; съ другой же, Англичане не соглашались сдѣлать, для спасенія своихъ союзниковъ на твердой землѣ, тѣхъ уступокъ на морѣ, которыхъ требовала наша безопасность. И такъ не было возможности согласиться. Правда, лордъ Гренвиль и Грей (Гоуикъ) объявили торжественно при началѣ года, возможность договариваться на основаніи uti possidetis, и ежели бы кабинетъ руководствовался этими мыслями на предложенномъ конепгагенскомъ конгрессѣ, то ни что не воспрепятствовало бы заключенію общаго мира; но одинъ изъ этихъ министерскихъ переворотовъ, которые иногда измѣняютъ направленіе англійской политики, по крайней мѣрѣ въ ея наружномъ ходѣ, доказалъ, что нельзя было на это надѣяться, и былъ, можетъ быть, послѣдствіемъ объявленія Гренвилля. Персиваль сильно возсталъ въ палатѣ депутатовъ противъ этой мирной системы, и гласно объявилъ, что пока я буду обладать Франціею, а Тальеранъ будетъ моимъ совѣтникомъ, нельзя надѣяться на твердый и прочный миръ (*). Этотъ врагъ нашего спокойствія, поддержанный большею частью Англичанъ, былъ нѣсколько недѣль спустя возведенъ на первую степень новаго министерства (*), которое могло поспорить съ министерствомъ Питта въ ненависти къ величію Франціи и главы ея. Въ это время Каннингъ принялъ портфель иностранныхъ дѣлъ; его мнѣнія были совершенно согласны съ мнѣніями Персиваля.

Эти государственные люди полагали, что если они дозволятъ утвердиться монархіи, которую мои послѣднія побѣды распространили до Вислы, то Англія будетъ поставлена въ разрядъ второстепенныхъ державъ. Можетъ быть они были отчасти и правы! Но они преувеличивали мое честолюбіе, равно какъ и угрожавшую имъ опасность, и потому требовали отъ меня уступокъ, необходимыхъ съ моей стороны для обеспеченія, какъ они говорили, спокойствія Европы. Впрочемъ, подъ спокойствіемъ Европы они разумѣли торжество Англіи. Патріотизмъ, достойный всякаго уваженія, но простертый слишкомъ далеко, вооружалъ ихъ противъ меня, и заставлялъ меня платить имъ тѣмъ же. Они полагали, что я опасенъ для Англіи, и вынуждали меня обходиться съ ними какъ съ непримиримыми врагами.

Въ ту самую минуту, какъ этотъ

(*) Смѣшать Тальерана со мною, значило дѣлать ему слишкомъ много чести; англійскій ораторъ вѣрно не зналъ, что Тальеранъ, владѣя значительными берлинскими фондами, хранившимися въ Англіи, вздыхалъ о мирѣ, который возвратилъ бы ему его конфискованные милліоны.

(*) Персиваль принялъ, 25 Марта, управленіе совѣтомъ съ титуломъ государственнаго канцлера и перваго лорда казначейства; его товарищи были: Каннингъ, министръ иностранныхъ дѣлъ; Кастльре, военный; Кёмденъ, Мёлгревъ, Гаукесбёри, Портлендъ, Уестморлендъ, Элденъ и Мелвиль Дёндесъ занимали прочія мѣста совѣта.

министерскій переворотъ лишалъ всякой надежды на миръ, и между тѣмъ какъ мы спорили о побочныхъ дѣлахъ, Россія и Пруссія скрѣпили въ Бартенштейнѣ свой союзъ и приняли твердое намѣреніе оттѣснить меня за Рейнъ. Въ это время уже не предполагали, какъ въ 1805 году, отнять у меня Ломбардію и Бельгію; хотѣли только вытѣснить меня совершенно изъ Германіи, и возвратить Голландію оранскому дому.

Русскій долженъ быть Русскимъ, а Пруссакъ Пруссакомъ; только тотъ достоинъ хулы и презрѣнія, кто изъ личной ненависти ищетъ униженія своего отечества. Всегда готовый отдать полную справедливость кому слѣдуетъ, я сознаюсь, что этотъ договоръ, гораздо болѣе умѣренный нежели проэктъ 1805 года, совершенно приличествовалъ этимъ двумъ державамъ. Англія поспѣшила принять въ немъ участіе: Каннингъ даже предложилъ Пруссіи вспомоществованіе въ 25 милліоновъ для укомплектованія арміи, и приступилъ къ приготовленію англійской экспедиціи, которая должна была произвесть диверсію на Эльбѣ. Но если Пруссіи и Россіи выгодно было оттѣснить меня за Рейнъ, то трудно было требовать отъ меня, чтобъ я, побѣдитель, имѣя въ своей власти Германію, и считая союзниками 10 милліоновъ этихъ Германцевъ, отступилъ бы какъ трусъ, не оспоривая у моихъ непріятелей вліянія, котораго они хотѣли меня лишить. И такъ, только мечь могъ прервать затрудненія и рѣшить вопросъ. Ужели клеветники мои припишутъ продолженіе этой войны моему честолюбію? Что сказали бы обо мнѣ Франція и потомство, еслибъ я поступилъ иначе? Могъ ли я возвратить все пріобретенное на твердой землѣ, не потребовавъ равномѣрныхъ уступокъ отъ Англіи? Не стыдно ли было предоставить Баварію, Саксонію и Виртембергъ мщенію моихъ непріятелей, и позволить лишить Турцію двухъ провинцій, обѣщанныхъ лондонскимъ кабинетомъ Россіи, между тѣмъ какъ султанъ, послушный совѣтамъ моего посла, только что спасъ свою имперію отъ вліянія непріятелей, и показывалъ намѣреніе удвоить усилія на Дунаѣ? Я не всегда былъ умѣренъ, но въ этомъ случаѣ меня нельзя обвинять въ излишнихъ требованіяхъ. Скажу откровенно: геній Питта одушевлялъ министровъ Персиваля и Каннинга; а система Питта имѣла цѣлью не заключать мира, не лишивъ Францію обладанія Бельгіею и вліянія въ Голландіи и Италіи. Еслибъ онъ когда нибудь и согласился на миръ, то только развѣ на годъ, и то для того, чтобъ обмануть насъ какъ въ 1802 году.

Изъ этого видно, что, не смотря на возгласы моихъ непріятелей, я всегда находился почти въ одномъ и томъ же положеніи политическомъ. Всѣ соединялись для уменьшенія моего вліянія; а я старался его распространить, чтобы сдѣлать его могущественнѣе и прочнѣе.

Между тѣмъ какъ длились переговоры объ этихъ важныхъ предметахъ, я не упускалъ ни однаго случая, чтобы примириться со Шведами. Я говорилъ выше, что, отъѣзжая на Вислу, я поручилъ Мортье удерживать ихъ съ 8-мъ корпусомъ. Ему не трудно было исполнить возложенную

на него обязанность. Густавъ IV, съ своимъ рыцарскимъ нравомъ, былъ не опасный противникъ, и хотя онъ командовалъ храбрымъ войскомъ, но эта малая война походила на ту, которую вели нѣкогда Шведы противъ Фридриха великаго.

Послѣ двухъ или трехъ незначительныхъ сраженій, Померанія была занята и Стральзундъ обложенъ. Мнѣ хотѣлось окончить эту борьбу, которая не приносила пользы ни мнѣ, ни Шведамъ, и потому я приказалъ Мортье пользоваться всѣми случаями для взаимнаго сближенія. Увѣренный, что Шведы не предпримутъ ничего важнаго, и узнавъ о нѣкоторыхъ вылазкахъ изъ Кольберга, Мортье почелъ за необходимое приблизиться къ этой крѣпости, считая этотъ пунктъ важнѣе; для этого онъ двинулся къ Гримену; но Шведы оттѣснили оставленнаго противъ нихъ генерала Гранжана; Мортье возвратился и отбросилъ ихъ отъ Анклама съ значительною потерею.

Армфельдъ, произведшій эту войну, былъ раненъ въ этомъ дѣлѣ; Англичане не дѣйствовали по желанію Густава; народъ не одобрялъ этой борьбы, въ которой онъ не видѣлъ никакой для себя выгоды, и шведскій король утвердилъ подписанное 18 Апрѣля генераломъ Эссеномъ перемиріе съ такою же необдуманностью, съ какою онъ предпринялъ войну; потому что въ это самое время Англичане уже готовились прислать обѣщанную помощь. Мортье слишкомъ буквально придержался данныхъ ему инструкціямъ, остановясь посреди успѣховъ, вмѣсто того, чтобы оттѣснить побѣжденныхъ непріятелей въ Стральзундъ и овладѣть ихъ многочисленною флотиліею, удержанною бурею въ Гафѣ; онъ и тогда бы успѣлъ подписать перемиріе.

Зло было сдѣлано, слѣдовало извлечь изъ него пользу; я требовалъ, чтобы срокъ перемирія былъ вмѣсто десяти дней продолженъ на мѣсяцъ; это меня обезпечило бы на счетъ всѣхъ дѣйствій Англичанъ и коалиціи въ тылу моемъ и дало бы мнѣ время довершить покореніе Данцига. Я приказалъ присовокупить къ письму, которое Мортье долженъ былъ написать генералу Эссену слѣдующее:

«Я болѣе всего желаю возстановленія мира съ шведскимъ королемъ. «Страсти могли насъ разстроить, но «выгоды народовъ, которыми государи обязаны руководствоваться, «сближаютъ насъ. Швеція должна «сознаться, что въ настоящей борьбѣ, ея выгоды зависятъ отъ успѣховъ моего оружія, равно какъ и «выгоды Франціи: Швеція еще сильнѣе почувствуетъ слѣдствія возрастающаго могущества Россіи. Неужели Шведы дерутся за разрушеніе «оттоманской имперіи? Со времени «занятія Валлахіи и Молдавіи, со «времени послѣдней экспедиціи Англичанъ къ Константинополю, не совершенно ли обнаружены намѣренія «коалиціи? Не требуютъ ли выгоды «Швеціи, равно какъ и Франціи, стараться уравновѣсить необъятное морское могущество Англичанъ? Швеція ни въ какомъ случаѣ не можетъ опасаться ничего отъ Франціи, но должна страшиться всего «отъ ея непріятелей. Привыкнувъ, «по преданію нашихъ предковъ, смотрѣть другъ на друга какъ на

«естественныхъ союзниковъ, мы долж-«ны еще тѣснѣе соединиться, видя раз-«дѣлъ Польши и опасность, угрожаю-«щую оттоманской имперіи; наши «политическія выгоды одинаковы: «мы должны быть союзниками; если «это невозможно, то по крайней мѣ-«рѣ не будемъ врагами

Я велѣлъ добавить въ письмѣ къ маршалу:

«Если шведскій генералъ не со-«гласится на предлагаемое измѣненіе, «то, притянувъ маршала Брюна, ко-«торый получилъ приказаніе вамъ «содѣйствовать, вы снова займете «Померанію. Непріятелю, лишенному «вспомогательныхъ средствъ этой об-«ласти, невозможно будетъ содержать «столь значительное число кавалеріи «въ Стральзундѣ. Притомъ же заня-«тіе Померанін приведетъ шведскаго «короля въ крайнее положеніе. Онъ «уронитъ себя въ глазахъ народа, «столь упрямо покровительствуя сто-«ронѣ, совершенно противной выго-«дамъ Швеціи.

«Если же напротивъ того, Эссенъ «согласится на требованія императо-«ра, то вы тотчасъ же пошлете къ «Данцигу, Маріенбургу и Торну 3-й «и 7-й конногегерскіе и всѣ запасные «полки; перенесете главную кварти-«ру въ Штеттинъ; расположите свои «войска около этого города, Демин-«на и Анклама; велите сдѣлать вѣр-«ную рекогносцировку береговъ Пе-«зна, Требеля и позиціи при Дем-«минѣ, и прикажете укрѣпить удоб-«ные къ тому пункты вашей линіи, «чтобы прекратить всякое сообщеніе «между шведскою Померапіею и Прус-«сіею. Вы немедленно займетесь при-«готовленіями къ осадѣ Кольберга; «необходимыя для этого орудія, спа-«ряды и припасы будутъ вамъ до-«ставлены изъ Штеттина, Кюстрина «и Магдебурга; вы не должны имѣть «при вашемъ корпусѣ излишнихъ тя-«гостей, и быть готовыми во вся-«кое время двинуться или къ Гам-«бургу, или къ Вислѣ. Вы буде-«те вести переписку съ нашимъ «повѣреннымъ въ Копенгагенѣ, и «предложите ему, чтобы онъ немед-«ленно извѣщалъ васъ о каждомъ «движеніи Англичанъ черезъ Зундъ; «приготовляемая ими экспедиція въ «Темзѣ должна постоянно быть вами «наблюдаема. Переписывайтесь также «ежедневно съ маршаломъ Брюномъ «и герцогомъ Фельтрскимъ, чтобы «согласовать ваши движенія. Сверхъ «того, по донесеніямъ изъ Англіи, «можно полагать, что высадка будетъ «произведена не ранѣе какъ черезъ «двѣ недѣли; къ этому времени иду-«щія изъ Италіи дивизіи Буде и Мо-«литора прибудутъ уже въ Магде-«бургъ и прикроютъ тылъ арміи.»

Требуемыя мною добавочныя статьи были утверждены 29 Апрѣля, и Мортье тотчасъ же двинулся къ Штеттину и подкрѣпилъ осаду Кольберга.

Это событіе было довольно важно по тогдашнему положенію дѣлъ на сѣверѣ Германіи. Англія, уже давно обѣщавшая помощь болѣе существенную нежели ея гинеи, готовилась наконецъ сдержать свое обѣщаніе. Уже новое министерство, желая ознаменовать свое вступленіе блистательнымъ подвигомъ, еще до присылки этой помощи, составило планъ дѣйствій, которыхъ цѣлью было сосредоточить въ тылу нашемъ 40,000 Англо-Ганноверцевъ, 20,000 Шведовъ, 15,000

Русскихъ и всѣ силы Пруссаковъ, которыя можно будетъ собрать въ Стральзундѣ.

Не приписывая этому смѣлому предположенію поставить меня между двухъ огней болѣе важности, нежели сколько оно заслуживало, я долженъ однако сознаться, что подобная диверсія, во время сдѣланная, затруднила бы меня. Справедливо укоряли Англичанъ въ томъ, что они рѣшились на это слишкомъ поздно; если допустить даже, что имъ надобно было время для приготовленія столь дальней экспедиціи, и что они могли предпринять ее только по переходѣ моемъ черезъ Вислу, то не менѣе справедливо, что ни что имъ не препятствовало явиться въ балтійскомъ морѣ въ концѣ Апрѣля. Уже сильный ганноверскій отрядъ, только что образованный, былъ направленъ въ Стральзундъ и отданъ въ распоряженіе шведскаго короля; Пруссаки собирали тамъ корпусъ, основаніе котораго составили бывшія тамъ 4 или 5,000 человѣкъ; но на этихъ недостаточныхъ мѣрахъ и остановились.

Увѣренный впрочемъ, что Англичане употребятъ всѣ возможныя старанія для нарушенія нашего спокойствія въ этихъ странахъ, столь долго находившихся подъ ихъ вліяніемъ, я собралъ наблюдательный корпусъ на Эльбѣ. Двѣ французскія дивизіи, пришедшія изъ Италіи, подъ начальствомъ Буде и Молитора, галло-батавскія войска, съ которыми мой братъ Людовикъ покорилъ Гамельнъ и Ганноверъ, наконецъ испанскій корпусъ Ла-Романы, прибывшій въ теченіе Марта мѣсяца, составили съ нѣкоторыми другими отрядами армію, силою въ 50,000, которая казалась мнѣ слишкомъ достаточною для удержанія перваго натиска этихъ разнородныхъ войскъ. Маршалъ Брюнъ, принявшій начальство надъ этою арміею, получилъ приказаніе защищать устья Эльбы, Эмса и Везера, удерживать шведскую Померанію и въ особенности обеспечивать Берлинъ, Магдебургъ, Гамельнъ и Штеттинъ. Въ случаѣ непріятельской высадки, онъ долженъ былъ собрать всѣ свои войска и тотчасъ же заставить непріятеля снова сѣсть на суда; первой линіи его назначено было расположиться на кантониръ-квартирахъ между Везеромъ и Одеромъ; главной квартирѣ въ Шверинѣ, а двумъ французскимъ дивизіямъ, составлявшимъ лучшія его войска, остаться въ резервѣ въ Магдебургѣ.

Онъ такимъ образомъ могъ удерживать Любекъ, Гамбургъ, Берлинъ и даже Амстердамъ. Мортье оставилъ ему сверхъ того дивизіи Луазона и Гранжана, находившіяся при осадѣ Кольберга и Штеттина, а съ остальными двумя направился къ Данцигу.

Англійское министерство, отговаривавшееся отъ исполненія требованій союзниковъ слабостью своихъ сухопутныхъ силъ, умѣло находить войска, когда дѣло шло о пріобретеніи морскихъ выгодъ. Въ то самое время, какъ оно заставляло понуждать себя къ балтійской экспедиціи, войска его потерпѣли неудачи въ Египтѣ и Буэносъ-Айресѣ.

Раздраженные неудачною попыткою противъ Константинополя, Англичане хотѣли отмстить за это на берегахъ Нила. Пользуясь предлогомъ

подкрѣпленія Россіи противъ Порты для овладѣнія этою богатою житницею востока, они тѣмъ легче полагали успѣть въ своемъ предпріятіи, что надѣялись на помощь Мамелюковъ и мирныхъ жителей страны, угнѣтаемыхъ египетскимъ пашею. Намѣреніе лондонскаго кабинета было возстановить тамъ подъ своимъ покровительствомъ владычество Мамелюковъ и заключить съ ними союзъ, которымъ бы обеспечивались и торговля Англіи въ этой странѣ и политическое и военное вліяніе ея на весь Левантъ.

Генералъ Мекензи, отправившись съ 5,000 изъ Сициліи, вышелъ 15 Марта на берегъ въ Абукирѣ и вошелъ по капитуляціи въ Александрію, гдѣ помощью торговли Англичане сохранили нѣкоторыя связи. Генералъ Фрезёръ, возвратившійся изъ Дарданеллъ съ эскадрою Дьюкуортза, высадился нѣсколько дней спустя. Онъ тотчасъ отрядилъ 2,000 человѣкъ, чтобы занять Розетту и этимъ обеспечить соединеніе свое съ Мамелюками. Албанцы Мехмета-Али впустили англійскую колонну въ узкія улицы этого города, и потомъ, встрѣтивъ ее въ этой западнѣ убійственнымъ огнемъ, заставили съ большою потерею обратиться въ бѣгство въ Александрію. Фрезёръ, чувствуя необходимость имѣть сношенія съ Мамелюками, которые, по полученнымъ извѣстіямъ, находились около Эльгамеда, послалъ снова въ Розетту генерала Стьюарта. Но Мегметъ-Али, спустившись по Нилу съ своею флотиліею, едва не взялъ его въ плѣнъ: онъ оттѣснилъ его къ Александріи съ потерею до 1,200 человѣкъ. Фрезёръ, устрашенный этимъ, и опасаясь быть окруженнымъ, предложилъ очистить Александрію и Египетъ, съ тѣмъ, чтобы въ замѣнъ ему возвратили плѣнныхъ.

Порта, раздраженная этимъ новымъ покушеніемъ, объявила наконецъ Англіи войну, вооружила эскадру, состоявшую изъ 9 кораблей и послала ее въ Дарданеллы, гдѣ русскій флотъ, подъ начальствомъ Сенявина, смѣнилъ Дьюкуортза и овладѣлъ 21 Марта островомъ Тенедосомъ.

Между тѣмъ, какъ мои военныя приготовленія странно противурѣчили спокойствію, царствовавшему въ кантонирь-квартирахъ обѣихъ армій на Пассаргѣ, я воспользовался данными мнѣ непріятелями временемъ, чтобъ уничтожить въ тылу моемъ все, что меня безпокоило. Покореніе Силезіи шло удачно: Глогау, Бреславль и Швейдницъ, уже сдались на капитуляцію; Нейсе, Козель и Глацъ не могли держаться долго; но мнѣ еще оставалось покорить Кольбергъ, Грауденцъ и Данцигъ; я велѣлъ начать осаду послѣдней изъ этихъ крѣпостей и блокировать двѣ первыя.

Гарнизонъ Данцига, защищаемаго генераломъ Калькрёйтомъ и славнымъ инженеромъ Бусмаромъ, состоялъ изъ 12,000 Пруссаковъ и трехъ баталіоновъ Русскихъ. Осада такой крѣпости дѣло трудное. Она была поручена Лефебру съ 10 корпусомъ, состоявшимъ изъ Поляковъ, Баденцевъ, Саксонцевъ и нѣсколькихъ французскихъ баталіоновъ. Ланнъ, съ гренадерами Удино, составлялъ наблюдательный отрядъ; 5-й корпусъ, которымъ онъ до того командовалъ, перешелъ подъ начальство Массены, и

былъ усиленъ баварскою дивизіею Вреде. Апрѣля 1-го началась осада Данцига, и продолжалась со рвеніемъ. Съ 1-го Мая крѣпость стали сильно и близко обстрѣливать. Островъ Олива, охраняемый Русскими, былъ взятъ 6-го, вмѣстѣ съ гарнизономъ. Крѣпость, близкая къ паденію, требовала помощи.

Въ это время императоръ Александръ прибылъ изъ Петербурга въ Мемель, или для того, чтобъ самому принять начальство надъ арміею, или чтобъ приблизиться къ мѣсту переговоровъ. Онъ остановился въ Бартенштейнѣ, и военный совѣтъ былъ созванъ, чтобы придумать средства къ спасенію Данцига: общая атака, направленная противъ моей арміи, на Пассаргѣ, была отвергнута, какъ дѣйствіе, слишкомъ опасное. Положили высадить, подъ защитою форта Вехсельмюнде русскій отрядъ, силою отъ 9 до 10,000, подъ начальствомъ молодаго Каменскаго, и подкрѣпить его Пруссаками, числомъ отъ 3 до 4,000, которые двинулись бы отъ Нерунга по вдавшейся въ море косѣ.

Такія частныя и сложныя высадки рѣдко удаются: и это предпріятіе не удалось. Русскіе могли достигнуть своей цѣли только однимъ средствомъ: на другой же день ударивъ на нашу осадную линію. Они оставались въ нерѣшимости отъ 11-го до 15-го и вышли наконецъ изъ своего лагеря при Нёйфарвассерѣ. Послѣ жаркаго сраженія, генералъ Шрамъ былъ почти взятъ, когда Лефебръ подоспѣлъ къ нему на помощь съ частью осаднаго корпуса. Сраженіе длилось и снова клонилось на сторону Русскихъ; но Лапнъ прибылъ съ гренадерами Удино, оттѣснилъ непріятеля и преслѣдовалъ по пятамъ до самаго лагеря. Пруссаки, слишкомъ поздно явившіеся, возвратились къ Пиллау. Каменскій не рѣшился болѣе на новую попытку.

Я такъ хорошо предвидѣлъ, что непріятель приметъ мѣры для спасенія Данцига, что приказалъ Мортье при первой вѣсти объ этомъ, оставить Померанію и приблизиться къ осадѣ, между тѣмъ какъ Брюнъ, съ обсерваціонною арміею, растянувъ свои войска до Штеттина, долженъ былъ занять его мѣсто. Корпусъ Мортье, составленный тогда изъ дивизій Дюпа и Домбровскаго, подкрѣпивъ осадную армію, лишилъ Данцигъ всякой надежды на помощь; крѣпость сдалась 24 Мая, выдержавъ 51 день осады со времени открытія траншей. Осада эта была равно славна какъ для осажденныхъ, такъ и для осаждавшихъ. Калькрёйтъ и Лефебръ оспоривали другъ у друга славу и раздѣляли ее съ начальниками инженеровъ и со всѣми войсками.

Каменскому, по сдачѣ крѣпости, нечего было дѣлать въ лагерѣ у Вехсельмюнде; онъ предоставилъ этотъ маленькій фортъ защитѣ его гарнизона и сѣлъ на суда.

Такіе же успѣхи увѣнчали наше оружіе и въ Силезіи, гдѣ кампанія продолжалась зимою. Не смотря на значительныя средства, найденныя въ завоеванныхъ крѣпостяхъ, покореніе Нейссе было довольно затруднительно. Гарнизонъ, состоявшій изъ 6,000 человѣкъ, укрѣпился даже внѣ крѣпости и требовалъ для покоренія силъ, болѣе значительныхъ, нежели

корпусъ моего брата Іеронима. Онъ долженъ былъ отдѣлить наблюдательный отрядъ, для удержанія глацкаго гарнизона, съ которымъ генералъ Клейстъ оказывалъ большую дѣятельность и не только старался препятствовать осадѣ, но пытался даже овладѣть въ расплохъ Бреславлемъ. Лефебръ-Денуэтту удалось не допустить его до перваго, а съ помощью генерала Дюмюи, который командовалъ въ Бреславлѣ, онъ воспрепятствовалъ и второму.

Наконецъ, 1 Іюня, крѣпость Нейссе, сильно стѣсненная, сдалась на капитуляцію; гарнизонъ, простиравшійся еще до 5,000, былъ взятъ въ плѣнъ; мы нашли тамъ болѣе 300 орудій.

Дошла очередь и до Глаца; не смотря на выгодное мѣстоположеніе, эта крѣпость сдалась 4 Іюня. Обезсиленный гарнизонъ, потерявшій мужество отъ неудачныхъ экспедицій своихъ, внѣ стѣнъ Глаца, не оказалъ такаго сопротивленія, какаго мы ожидали. Взятіе этой крѣпости увѣнчало дѣйствія 9-го корпуса, въ которыхъ отличился Вандаммъ, взявъ въ восемь мѣсяцевъ менѣе нежели съ 20,000 войска, шесть большихъ крѣпостей, 1,500 орудій и около 20,000 плѣнныхъ.

Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ отдыха, Русская армія усилилась прибытіемъ одной пѣхотной дивизіи и всей гвардіи подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича, простиравшейся силою до 30 баталіоновъ и 34 эскадроновъ, считая въ томъ числѣ и гренадеръ; но не смотря на это, русская армія не могла выставить болѣе 120 или 130,000, включая въ этотъ итогъ и прусскій корпусъ Лестока, и отрядъ оставленный на Наревѣ. Правда, резервная армія, составленная изъ запасныхъ баталіоновъ и простиравшаяся до 30,000 человѣкъ, подходила къ Неману подъ начальствомъ князя Лобанова. Императоръ Александръ приблизился къ арміи, чтобъ удобнѣе наблюдать за переговорами и военными дѣйствіями. Главная квартира его была въ Тильзитѣ, а прусскій дворъ находился въ Мемелѣ.

Моя армія получила также значительныя подкрѣпленія. Сверхъ обыкновенныхъ резервовъ, укомплектовавшихъ полки, къ ней присоединились дивизіи: Удино, Вердье, Домбровскаго и Дюпа, пришедшія изъ-подъ Данцига (корпуса Ланна и Мортье). Своею дѣятельностью я возвысилъ и моральныя и физическія силы ея, не смотря на ужасныя потери при Іенѣ, Пултускѣ и Эйлау. Поляки собрали болѣе 20,000 человѣкъ, которые составили двѣ дивизіи подъ начальствомъ генераловъ Домбровскаго и Заіончека.

Въ 7 корпусахъ, составлявшихъ мою большую армію, считалось 19 дивизій, за исключеніемъ гвардіи и кавалеріи Мюрата, всего до 170,000 человѣкъ. И такъ я уже имѣлъ значительное превосходство, потому что войска, осаждавшія Данцигъ, присоединились ко мнѣ прежде прибытія князя Лобанова.

Чтобъ замѣнить недостатокъ силъ и имѣть твердую точку опоры для своей первой линіи, Беннингсенъ устроилъ весьма хорошій укрѣпленный лагерь близъ Гейльсберга, по обѣимъ сторонамъ Алле. Онъ состоялъ изъ

пяти большихъ укрѣпленій, закрытыхъ съ трехъ сторонъ и изъ 16 флешей или укрѣпленныхъ батарей. Главныя силы были расположены между Гейльсбергомъ и Бартенштейномъ; правое крыло, подъ начальствомъ Толстаго между Лаунеомъ и Зигбургомъ; корпусъ, расположенный на лѣвомъ флангѣ, поддерживалъ сообщеніе съ Эссеномъ, который все еще оставался съ своими войсками около Остроленки. Казаки Платова прикрывали весь фронтъ.

Вспомоществуемые неисчислимыми выгодами, доставляемыми близостью моря, союзники превратили кёнигсбергскій портъ въ огромное складочное мѣсто военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. Ихъ армія ни въ чемъ не нуждалась; 100,000 ружей, только что привезенныхъ изъ Петербурга и Лондона, назначены были для вооруженія Пруссаковъ, набираемыхъ королемъ и для пополненія потерь военныхъ. Болѣе 100 судовъ, нагруженныхъ военными и жизненными припасами, обеспечивали продовольствіе. Кёнигсбергомъ можно было воспользоваться какъ временнымъ складочнымъ мѣстомъ; но этотъ городъ, лежа на оконечности береговъ Куришъ-Гафа, не могъ по своему положенію служить стратегическимъ основаніемъ; лучше бы было перенести магазейны въ Гумбиненъ. Эта ошибка имѣла вліяніе на всѣ событія войны.

Моя армія, хотя и не имѣла столько запасовъ, но существовала безбѣдно, благодаря богатству старой Пруссіи и неистощимымъ окрестностямъ Эльбинга и Данцига.

Таково было положеніе обѣихъ армій, когда возвращеніе благопріятнаго времени, паденіе Данцига и ходъ политическихъ дѣлъ заставили насъ снова взяться за оружіе.

По непонятному разсчету, Беннингсенъ, пропустившій удобный случай атаковать меня, когда я былъ ослабленъ отсутствіемъ войскъ, осаждавшихъ Данцигъ, рѣшился наступать не дождавшись своихъ резервовъ, въ то время, когда узналъ о сдачѣ крѣпости. Моя армія, вновь укомплектованная, занимала слѣдующую позицію: баварская дивизія находилась въ Варшавѣ; Массена на Омулевѣ; наблюдательный корпусъ, подъ начальствомъ Заіончека, въ Нейденбургѣ; Даву въ Алленштейнѣ, Гогенштейнѣ и Деппенѣ: Ней въ Гутштадтѣ, Сультъ въ Либштадтѣ и Морунгенѣ; Бернадоттъ въ Голландѣ и Браунсбергѣ; Ланнъ въ Остероде; Мортье, стоявшій на нижней Вислѣ, шелъ на соединеніе съ нами (*).

Беннингсенъ имѣлъ намѣреніе отрѣзать корпусъ Нея, который точно былъ слишкомъ выдвинутъ. Русская армія тронулась 4 Іюня и расположила правое крыло у Вормдита, центръ въ Аренсдорфѣ, а лѣвое крыло въ Лаунау. На оконечности праваго крыла, прусскій корпусъ

(*) Корпусъ Лефебра (10-й) былъ раскассированъ по взятіи Данцига; часть его составила гарнизонъ, остальное поступило въ корпуса Ланна и Мортье, которые вошли въ составъ арміи. 2-й корпусъ былъ въ Далмаціи, 9-й въ Силезіи; и такъ въ большой арміи считалось 7 корпусовъ и кавалерійскій резервъ; гвардія состояла изъ 8 баталіоновъ и 10 эскадроновъ. Брюнъ занималъ Германію съ обсерваціонною арміею.

направлялся къ Шпандену. Съ другой стороны, русскій отрядъ, двинутый изъ Зеебурга, расположился на Алле между Гутштадтомъ и Алленштейномъ. На другой день онъ перешелъ сплою черезъ Алле въ Бергфридѣ и вышелъ на правый флангъ Нея, котораго лѣвый флангъ былъ въ то же время атакованъ лѣвымъ крыломъ Беннингсена, между тѣмъ, какъ центръ русской арміи направился черезъ Вольфсдорфъ, чтобъ отрѣзать ему отступленіе. Если бы Русскіе дѣйствовали быстрѣе, то они могли бы овладѣть дорогою, ведущею изъ Гутштадта въ Деппенъ, и тогда погибель Нея была бы неизбѣжна; но, къ счастью, они такъ медленно маневрировали, а Ней, атакованный тройными силами, оказалъ напротивъ того столько твердости, хладнокровія и мужества, что войска его успѣли отступить изъ Гутштадта въ Анкендорфъ. Въ тотъ же день правое крыло Русскихъ и прусскій корпусъ сдѣлали демонстраціи переправы черезъ Пассаргу. Дохтуровъ явился съ двумя дивизіями у ломитенскаго моста, который защищала съ большимъ мужествомъ дивизія изъ корпуса Сульта. Русскій генералъ, послѣ тщетныхъ усилій овладѣть переправою, свернулъ влѣво, отъ того ли, что не имѣлъ успѣха, или отъ того, что получилъ приказаніе сдѣлать только демонстрацію, неизвѣстно. Онъ приблизился къ центру, направясь на Гутштадтъ. Пруссаки еще неудачнѣе дѣйствовали у шпанденскаго моста, гдѣ Бернадоттъ собралъ весь свой корпусъ; онъ ихъ опрокинулъ, но самъ былъ раненъ пулею въ голову.

Іюня 6-го, Русскіе тремя массами двинулись противъ Нея; маленькія озера, прикрывавшія его фланги, заставивъ непріятеля сдѣлать довольно дальніе обходы, дозволили Нею отступить къ Деппену; угрожаемый въ одно время со всѣхъ сторонъ, онъ успѣлъ однакоже переправиться черезъ Пассаргу въ этомъ городѣ, выдержавъ славный для него бой.

Непріятель провелъ 7-е число спокойно въ виду Деппена, и я воспользовался этимъ, чтобы сосредоточить мою армію. Я присоединился къ Нею съ корпусомъ Ланна, моею гвардіею и резервною кавалеріею; Мортье приближался усиленными переходами черезъ Морунгенъ; Даву примкнулъ къ правому флангу Нея. Я въ то же время приказалъ Сульту, который собралъ свой корпусъ у Либштадта, переправиться въ Вольфсдорфѣ черезъ Пассаргу, чтобъ угрожать сообщеніямъ непріятеля и укрѣпленному лагерю его въ Гейльсбергѣ, и тѣмъ принудить его оставить безъ боя берега Пассарги. Мы съ нимъ соединились 8-го, въ Альткирхѣ. Беннингсенъ не рѣшился ждать насъ, и отступилъ къ Гутштадту, гдѣ переправился, 6-го, черезъ Алле, и достигъ по правому берегу этой рѣки, своего лагеря при Гейльсбергѣ. Въ этотъ же день, Мюратъ оттѣснилъ къ Глоттау русскій арріергардъ, хотѣвшій защищать доступъ къ Гутштадту, гдѣ расположилась моя армія: мы послѣдовали за непріятелемъ, спустившись на другой день внизъ по лѣвому берегу Алле.

Непріятель далъ мнѣ нужное время, чтобы усилить мою армію до 160,000 прежде прибытія его подкрѣпленій, и потому ясно было, что всѣ выгоды

предстоявшей кампаніи были на моей сторонѣ, если Австрія хотя не много замедлитъ объявленіемъ мнѣ войны. И такъ мнѣ нужно было нанести быстрый и сильный ударъ.

Беннингсенъ, атакуя Нея въ Деппенѣ, предупредилъ меня только днемъ или двумя; или, лучше сказать, онъ исполнилъ мои ожиданія, потому что я съ тѣмъ намѣреніемъ выдвинулъ Нея впередъ, чтобы побудить непріятеля атаковать насъ внѣ своихъ укрѣпленій. Мои войска были собраны около Гутштадта; мнѣ не слѣдовало долѣе медлить и я рѣшился въ свою очередь дѣйствовать наступательно.

Укрѣпленный лагерь у Гейльсберга и сборъ всѣхъ магазиновъ въ Кёнигсбергѣ, предоставляли на мой выборъ два главные способа дѣйствій: первый и самый искусный состоялъ въ общемъ движеніи правымъ крыломъ впередъ, чтобы расположить мою линію между Бишофштейномъ и Гейльсбергомъ, имѣя правое крыло у Бартенштейна, а лѣвое у Гутштадта. Это было бы повтореніе дѣйствій при Іенѣ и Наумбургѣ противъ Пруссаковъ, но только съ бо́льшими выгодами, потому что русская армія, разбитая на лѣвомъ флангѣ и оттѣсненная къ устью Пассарги и Фришъ-Гафу, была бы опрокинута въ море. Въ этомъ случаѣ Кёнигсбергъ могъ служить ей убѣжищемъ; но этотъ городъ, припертый съ востока къ балтійскому морю, а съ сѣвера къ Куришъ-Гафу не представлялъ никакаго выхода разбитой арміи, которую я предупредилъ бы въ Велау, если бы она захотѣла отступать. Второй же способъ состоялъ въ движеніи прямо на укрѣпленный гейльсбергскій лагерь, между тѣмъ, какъ 50,000 маневрировали бы лѣвѣе къ Эйлау, угрожая сообщеніямъ союзниковъ, чтобы тѣмъ принудить ихъ оставить безъ боя укрѣпленія, сильно тѣснить ихъ при отступленіи и стараться нанести сильный уронъ при переправѣ чрезъ Прегель и Неманъ. Этотъ послѣдній планъ былъ менѣе выгоденъ; онъ былъ даже не согласенъ съ правилами стратегіи, которыя не дозволяютъ направлять значительный корпусъ, между непріятелемъ и моремъ. Я предпочелъ его потому, что мое лѣвое крыло уже шло по этому направленію и что для дѣйствія правымъ крыломъ, мнѣ нужно было сдѣлать довольно большой обходъ около русской арміи, открыть дороги, служившія мнѣ сообщеніемъ съ Торномъ и Варшавою и броситься въ лѣсистую страну лѣваго берега Алле. Однакожъ, я сознаюсь, что поступилъ бы согласнѣе съ военными правилами, принявъ первый, т. е. идя на Бишофштейнъ. Одною изъ причинъ, наиболѣе побудившихъ меня предпринять такое движеніе, было то, что я замѣтилъ въ Беннингсенѣ еще во время сраженія при Эйлау, весьма сильныя опасенія за Кёнигсбергъ; но такъ какъ этотъ городъ не былъ военнымъ пунктомъ, то я и полагалъ, что опасенія эти должны происходить отъ особенныхъ побудительныхъ причинъ, проистекающихъ или изъ политики въ отношеніи къ Пруссіи, или изъ того, что тамъ находились значительные запасы. Лишая непріятеля магазиновъ, я доставлялъ ихъ моимъ войскамъ, что въ этихъ отдаленныхъ странахъ было необходимо;

сверхъ того я разрушалъ операціонную систему непріятеля. Съ другой стороны, можно было предполагать, что направленіе Сульта на Кёнигсбергъ вынудитъ Русскихъ двинуться вправо для обороны этого города, и я всегда бы успѣлъ устремить значительныя силы на ихъ лѣвый флангъ, чтобъ отрѣзать ихъ отъ тильзитской дороги. И такъ я отступилъ для этихъ побочныхъ причинъ отъ правилъ стратегіи, и рѣшился направиться на Гейльсбергъ по лѣвому берегу Алле.

Мой авангардъ встрѣтился 10-го съ непріятельскимъ близь Бевернпка. Послѣ упорнаго сраженія Русскіе были опрокинуты и оттѣснены къ ихъ главнымъ силамъ. Въ девять часовъ вечера мы были въ виду ихъ лагеря.

Я сначала намѣренъ былъ атаковать лѣвый флангъ праваго крыла русской арміи, расположеннаго на лѣвомъ берегу Алле, чтобъ проникнуть въ Гейльсбергъ и разрѣзать на двое эту армію, которой гибель была бы тогда неизбѣжна. Хотя уже было довольно поздно, но я приказалъ однако Сульту атаковать укрѣпленія, прикрывавшія Русскихъ со стороны Лавдена и Лангвизе. Я подкрѣпилъ Сульта корпусомъ Ланна и фузилерами моей гвардіи; но тщетно: Русскіе сохранили свою позицію; мы взяли только одно укрѣпленіе, но и оттуда резервъ ихъ снова насъ вытѣснилъ. Менѣе нежели въ 3 часа мы потеряли 6,000 человѣкъ, выбывшими изъ строя.

Возобновляя атаку на другой день, я бы безъ пользы уничтожилъ назначенные къ ней корпуса: тѣмъ болѣе, что угрожая Кёнигсбергу, я могъ принудить непріятеля оставить его сильную позицію безъ выстрѣла. Я нѣсколько времени колебался, думая двинуться съ корпусами Нея и Даву вправо, на Бишофштейнъ; но вышеприведенныя причины побудили меня принять противуположное направленіе. На зарѣ 11-го числа, моя армія потянулась двумя колоннами на Ландсбергъ и Прейсишъ-Эйлау. Одинъ только корпусъ остался передъ Гейльсбергскимъ лагеремъ, для прикрытія моего движенія. Я чувствовалъ всю опасность этого маневра, который открывалъ непріятелю наши сообщенія. Принявъ за точку опоры гейльсбергскій лагерь, онъ могъ дѣйствовать намъ въ тылъ и стѣснить насъ между своею арміею, нижнимъ Прегелемъ и моремъ. Но я уже довольно зналъ Беннингсена и имѣлъ полное право надѣяться, что вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать на наши сообщенія онъ поспѣшитъ отступить, опасаясь за свои собственныя, и боясь быть предупрежденнымъ на Прегелѣ. Притомъ же я не миновалъ Ландсберга, пока непріятель оставался въ Гейльсбергѣ; если бы онъ вздумалъ итти по моимъ слѣдамъ, то я поспѣшилъ бы напасть на него въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ Даву напалъ на Пруссаковъ при Ауэрштедтѣ, съ тою только выгодою, что перевѣсъ силъ былъ на моей сторонѣ. Въ случаѣ неудачи я свернулъ бы черезъ Мельзакъ къ устью Пассарги и отдѣлался бы, бросивъ на жертву одинъ арріергадъ.

Но разсчеты и надежды мои не обманули меня: Беннингсенъ вполнѣ исполнилъ мои ожиданія; въ ночь 11-го числа, онъ переправился на

правый берегъ Алле, сжегъ гейльсбергскіе мосты, и началъ свое отступленіе черезъ Бартенштейнъ, Шиппенбейль и Фридландъ на Велау; тогда я могъ уже безопасно подвигаться къ Прегелю. Я прибылъ 12-го въ Прейсишъ-Эйлау; 13-го Сультъ перешелъ въ Кёнигсбургъ; великій герцогъ бергскій и Даву направились по прямой дорогѣ изъ Прейсишъ-Эйлау въ Кёнигсбергъ. Ланнъ достигъ Домнау; онъ былъ подкрѣпляемъ войсками Мортье и Нея, которыя двинулись въ Лампахъ. Корпусъ Бернадотта, которымъ командовалъ въ то время Викторъ, оставя нижнюю Пассаргу, чтобъ сблизиться съ нами черезъ Мельзакъ, направился также къ Прейсишъ-Эйлау.

Беннингсенъ, достигнувъ Фридланда, вдругъ остановилъ свое движеніе на Велау. Видя, что мы можемъ предупредить его въ Кёнигсбергѣ, онъ рѣшился переправиться обратно черезъ Алле и дѣйствовать наступательно, надѣясь по одиначкѣ разбить корпуса моей арміи. Эта попытка ему худо удалась, не отъ того, чтобъ она была не согласна съ стратегическими правилами, которыя предписываютъ стараться всѣми силами дѣйствовать на оконечность непріятельской линіи, противуположную морю; но отъ того, что не была произведена съ тою быстротою, съ которою я исполнялъ мои предпріятія. Сверхъ того Беннингсену слѣдовало вступать только въ частныя дѣла, избѣгая генеральной битвы. Выгода его тѣмъ болѣе этого требовала, что онъ ожидалъ прибытія вспомогательнаго корпуса, силою отъ 26 до 28,000, шедшаго подъ начальствомъ князя Лобанова черезъ Тильзитъ, между тѣмъ какъ я не могъ получить никакихъ подкрѣпленій.

Для приведенія въ исполненіе своего плана, Беннингсенъ, предшествуемый всею резервною кавалеріею князя Голицына, двинулся 13-го вечеромъ по фридландской дорогѣ.

Одинъ изъ нашихъ гусарскихъ полковъ, занимавшій уже этотъ городъ, былъ вытѣсненъ въ тотъ же вечеръ. На разсвѣтѣ, 14-го числа, русская армія перешла рѣку и вытянулась въ долинѣ на лѣвомъ берегу. Корпусъ Ланна приближался къ Фридланду; не будучи въ состояніи оспоривать у непріятеля занятую имъ долину, онъ успѣлъ удержаться въ деревнѣ Постененъ и въ окружныхъ лѣсахъ. На что бы непріятель не рѣшился, мнѣ во всякомъ случаѣ должно было стараться сосредоточиться, принимая вправо, чтобъ преградить ему дорогу изъ Алленбурга въ Велау; съ этою цѣлью я послалъ Мортье поддержать Ланна, а самъ, съ гвардіею, двинулся на Домнау, куда направлялись также половина кавалерійскихъ резервовъ и корпусъ Нея. Викторъ получилъ приказаніе ускорить свое движеніе и миновать этотъ городъ.

Узнавъ въ Домнау о положеніи дѣлъ и о неожиданномъ возвращеніи непріятеля, я поспѣшилъ послать Мортье на помощь Ланну и приказалъ этимъ двумъ маршаламъ удерживать Русскихъ сколь возможно долѣе, чтобы дать мнѣ время прибыть съ моею гвардіею и корпусами Нея и Виктора. Непріятель, имѣя въ тылу Алле и предлагая мнѣ сраженіе, далъ мнѣ возможность отпраздновать

побѣдою годовщину сраженія при Маренго. Ланнъ и Мортье въ точности исполнили мои приказанія, сдѣлавъ захожденіе правымъ крыломъ, чтобъ прикрыть Гейнрихсдорфъ и отрѣзать Беннингсену дорогу въ Кёнигсбергъ. Должно признаться, что самъ непріятель чрезвычайно помогалъ имъ. Вмѣсто того, чтобъ прямо атаковать ихъ, онъ отъ 5 до 6 часовъ провелъ въ перестрѣлкѣ, канонадѣ и развертываніи фронта, не подвигаясь ни шагу впередъ.

Наконецъ я прибылъ въ часъ по полудни, послѣдуемый на разстояніи двухъ часовъ пути Неемъ и Викторомъ. Мюратъ съ половиною кавалеріи и корпуса Даву и Сульта продолжали еще движеніе къ Кёнигсбергу; я предписалъ двумъ первымъ свернуть по направленію къ Фридланду. Можетъ быть слѣдовало бы ожидать ихъ прибытія, чтобъ имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ Беннингсеномъ; я такъ бы и поступилъ, если бы могъ полагать, что онъ осмѣлится продолжать свое наступательное движеніе и рѣшится повернуть на кёнигсбергскую дорогу, по направленію къ Абшвангу. Подкрѣпленный 40,000 и моею прекрасною кавалеріею, я бы бросилъ его тогда въ болотистые лѣса Целау и Фришинда, откуда онъ никогда бы не выбрался. Я такъ хорошо предвидѣлъ всѣ возможные случаи, которые мнѣ представлялись, что приказалъ послать великому герцогу бергскому слѣдующее предписаніе:

«Непріятель стоитъ въ боевомъ «порядкѣ со всею своею арміею. «Онъ сначала хотѣлъ направиться по «дорогѣ, ведущей изъ Штокейма въ «Кёнигсбергъ; но теперь онъ, ка«жется, думаетъ только о сраженіи, «которое скоро начнется; я надѣюсь, «что вы заняли уже Кёнигсбергъ; а «такъ какъ однаго корпуса Сульта «достаточно для охраненія этого го«рода, то вы, безъ сомнѣнія, повер«нули съ остальною кавалеріею и «корпусомъ Даву къ Фридланду. Это «тѣмъ болѣе нужно, что сраженіе «можетъ продлиться и завтрашній «день. И такъ старайтесь прибыть «къ часу по утру. Если я при началѣ «сраженія увижу, что непріятель сли«шкомъ силенъ, то можетъ быть я «удовольствуюсь сегодня одною кано«надою и буду ожидать вашего при«бытія.»

Но, разсмотрѣвъ точнѣе западню, въ которую попался Беннингсенъ, и принимая въ соображеніе нерѣшительный характеръ моего противника, я разсудилъ, что не слѣдовало терять вѣрнаго случая наказать его за ошибку, надѣясь на возможность еще искусснѣйшаго маневра. Послѣдствія доказали справедливость моего мнѣнія.

Фридландъ лежитъ на поворотѣ рѣки Алле, котораго исходящій уголъ обращенъ къ непріятелю. Этотъ уголъ расширяется мало по малу къ нашей сторонѣ, а съ другой съуживается до такой степени, что въ концѣ помѣщается только городъ и продолговатый прудъ, образовавшійся изъ запруженнаго ручья, впадающаго въ Алле и доставляющаго воду мельницамъ.

Лѣвое непріятельское крыло, состоявшее изъ четырехъ дивизій, подъ начальствомъ князя Багратіона, упиралось съ одной стороны въ поворотъ

[illegible] Константиновскій
Крамарс

Алле, немного выше Фридланда, а съ другой въ ручей, который пересѣкалъ долину на двѣ части и отдѣлялъ это крыло отъ праваго, состоявшаго изъ трехъ дивизій, подъ предводительствомъ князя Горчакова и изъ двухъ третей кавалеріи, и растянутаго вдоль долины на сѣверъ, противъ Гейнрихсдорфа. Непріятель построилъ для облегченія своихъ сообщеній три моста на Алле, возлѣ самаго города, и весьма близко отъ своего лѣваго крыла. Ясно было, что для нанесенія рѣшительнаго удара слѣдовало опрокинуть это лѣвое крыло, чтобъ овладѣть Фридландомъ и мостами; потому что правое крыло, растянутое на три четверти льё отъ города, было бы прижато къ Алле и отрѣзано. Въ одно мгновеніе я составилъ по этимъ даннымъ свой планъ. Для исполненія его были сдѣланы самыя ясныя распоряженія. Онѣ состояли въ слѣдующемъ:

«Маршалъ Ней займетъ на правомъ флангѣ пространство отъ Постенена до Зортлака, и примкнетъ къ теперешней позиціи генерала Удино. Маршалъ Ланнъ составитъ центръ, который начнется отъ лѣваго фланга маршала Нея, и расположится между Гейнрихсдорфомъ и Постененомъ. Гренадеры, составляющіе теперь правый флангъ маршала Ланна, подадутся влѣво, чтобъ обратить на себя вниманіе непріятеля. Маршалъ Ланнъ сколь можно глубже расположитъ свои войска и станетъ въ двухъ линіяхъ. Лѣвое крыло будетъ составлять маршалъ Мортье, у Гейнрихсдорфа, на дорогѣ, ведущей въ Кёнигсбергъ и далѣе, противъ праваго крыла Русскихъ. Маршалу Мортье не слѣдуетъ трогаться съ своего мѣста: движеніе будетъ произведено нашимъ правымъ крыломъ, которому лѣвое должно служить неподвижною точкою опоры.

«Кавалерія генерала Эспанья и драгуны генерала Груши, соединясь съ кавалеріею лѣваго крыла, должны дѣйствовать такъ, чтобы нанести всевозможный вредъ непріятелю, когда сильная атака нашего праваго крыла, поставитъ его въ необходимость отступать.

«Генералъ Викторъ и императорская гвардія, пѣшая и конная, будутъ составлять резервъ и расположатся въ Грюнгофѣ, Боткейнѣ и за Постененомъ.

«Драгунская дивизія Лагуссе будетъ находиться въ распоряженіи генерала Виктора, драгунская Латуръ-Мобура отряжается къ маршалу Нею, а дивизія тяжелой кавалеріи генерала Нансути къ маршалу Ланну; послѣдняя должна согласоваться въ дѣйствіяхъ съ кавалеріею резервнаго корпуса арміи, расположенною въ центрѣ.

«Я буду находиться при резервѣ.

«Всѣ войска должны подвигаться по направленію праваго крыла и предоставить начало нападенія маршалу Нею, который будетъ ожидать на это моего приказанія.

«Какъ только правое крыло начнетъ атаку, всѣ батареи должны удвоить огонь, направляя его на поддержаніе атаки этого крыла.

Около пяти часовъ вечера я далъ знакъ къ атакѣ и планъ мой началъ выполняться съ удивительною точностью. Ней двинулся неустрашимо; но

Владиміръ Константиновичъ
Кромарскій

и Русскіе упорно оборонялись. Сосредоточенный огонь нашихъ батарей производилъ ужасное опустошеніе, возраставшее по мѣрѣ того, какъ непріятель, отступая, приближался къ городу: стѣсненный въ нѣсколькихъ линіяхъ, онъ не могъ наконецъ производить никакихъ движеній. Чтобъ очистить себѣ мѣсто, Русскіе произвели сильную кавалерійскую атаку на правый флангъ Нея; но онъ, предоставивъ Латуръ-Мобуру отбить ее, самъ устремился на проломъ на Фридландъ съ своими дивизіями. Это смѣлое движеніе, поддержанное постепенно дивизіею Дюпона и другими войсками 1-го корпуса, рѣшило побѣду. Артиллерія Сенармона и Нея распространила страхъ и смерть въ непріятельскихъ эскадронахъ и баталіонахъ, которые были притѣснены частью къ городу, частью къ рѣкѣ и ручью, и не знали въ которую сторону повернуться, чтобъ выйти изъ западни. Жалко было смотрѣть, какъ безполезно гибли эти храбрыя войска въ ужасной позиціи, въ которую ихъ поставили. Беннингсенъ, слишкомъ поздно понявъ свою ошибку, оставилъ Фридландъ и переправился на правый берегъ Алле, гдѣ собралъ нѣсколько резервовъ и артиллерію, чтобъ взять нашу линію во флангъ продольными выстрѣлами и тѣмъ остановить наше движеніе.

Уже Ней достигъ большаго пруда и сильно напиралъ на непріятеля, стѣсненнаго при входѣ въ городъ, когда часть русской императорской гвардіи быстро устремилась на него, съ непомѣрнымъ мужествомъ. Дивизія Биссона, оставленная своимъ предводителемъ, была опрокинута; дивизія Маршана остановилась; все лѣвое крыло начало было отступать: но дивизія Дюпона, желая превзойти своихъ прежнихъ товарищей Монтрёльскаго лагеря, бросилась на непріятельскую гвардію и, поддержанная Маршаномъ, опрокинула и отѣснила Русскихъ къ самому Фридланду. Но Багратіонъ не терялъ мужества въ своемъ ужасномъ положеніи. Пользуясь мѣстностью, которая дозволяла дѣйствовать только малымъ числомъ баталіоновъ, онъ безпрестанно смѣнялъ ихъ свѣжими полками. Французскія дивизіи съ яростью стремились ворваться во Фридландъ, но и Русскіе твердо и упорно удерживались въ немъ, выжидая пока отступитъ ихъ правое крыло. На пространствѣ 250 тузовъ, 60,000 человѣкъ дрались отчаянно; казалось они поклялись или умереть, или вырвать побѣду изъ рукъ непріятеля.

Беннингсенъ, чтобы успѣть спасти свою артиллерію, приказалъ ей переправиться за мостъ; тогда русская пѣхота, смѣшавшись въ кучки, не могла долѣе выдерживать бой, и обратилась въ безпорядкѣ къ мостамъ. Тщетны были усилія Беннингсена собрать остатки по ту сторону Алле и заставить ихъ снова перейти мосты, подъ прикрытіемъ 120 орудій резервной артиллеріи, расположенныхъ на противуположномъ берегу, вверхъ по теченію рѣки. Ни что не могло остановить стремительности колоннъ Нея и Виктора, и Багратіонъ, переведя свои остальные баталіоны, сильно пострадавшіе во Фридландѣ, долженъ былъ зажечь мостъ, чтобъ остановить стремительность нашего преслѣдованія.

Между тѣмъ, какъ мы одерживали эту рѣшительную побѣду, Ланнъ и Мортье занимали правое крыло непріятеля и даже отступили немного передъ княземъ Горчаковымъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе вовлечь его въ разставленную сѣть, дозволивъ ему выйти на кёнигсбергскую дорогу.

Пожаръ Фридланда и отсталые изъ отступившихъ войскъ, дали знать князю о несчастіи, постигшемъ лѣвое крыло (*); князь рѣшился пробиться съ оружіемъ въ рукахъ. Одна изъ его дивизій проникла во Фридландъ, гдѣ завязался снова ужасный рукопашный бой между этими войсками и корпусомъ Нея. Но мосты уже были уничтожены. Ланнъ и Мортье устремились на непріятеля, котораго Ней и Викторъ удерживали съ фронта. Сильнѣе закипѣлъ бой и все предвѣщало гибель этой половины непріятельской арміи. Но нельзя не отдать справедливости этимъ храбрымъ войскамъ: ни одинъ изъ отрѣзанныхъ отрядовъ и не думалъ о сдачѣ; они охотнѣе бросались въ Алле, надѣясь перейти въ бродъ, и хотя съ потерею, но присоединились къ Беннингсену. Даже артиллерія бросилась въ рѣку; но весьма малая часть ея спаслась. Кавалерія, стоявшая на оконечности ихъ праваго крыла, не могши дождаться своей очереди итти въ бродъ, потянулась вдоль по лѣвому берегу до Аллендорфа и тамъ уже перешла рѣку.

Беннингсенъ дѣлалъ въ этотъ день ошибку за ошибкою: во первыхъ, онъ не атаковалъ съ надлежащею стремительностью Ланна, когда тотъ выходилъ изъ Фридланда; еслибъ онъ не пріобрелъ этимъ рѣшительнаго успѣха, то по крайней мѣрѣ очистилъ бы для себя выгоднѣйшее поле сраженія, и вытянувъ правое крыло до Гейнрихсфельда, онъ бы сохранилъ позади себя линію своего прямаго отступленія на Велау, не подвергаясь опасности быть опрокинутымъ въ Алле. Въ его распоряженіяхъ видна была то необдуманная отвага, то вдругъ непонятная нерѣшительность.

Русская армія, потерявъ почти 20,000 выбывшими изъ строя, поспѣшила достигнуть своихъ границъ. Она перешла 15-го Прегель въ Велау и двинулась по дорогѣ въ Тильзитъ. Корпуса Каменскаго и Лестока, защищавшіе Кёнигсбергъ, узнавъ о послѣдствіяхъ сраженія при Фридландѣ, очистили занимаемый ими городъ и начали также отступать къ Тильзиту, сильно преслѣдуемые корпусомъ Даву. Сультъ вошелъ 16-го въ столицу старой Пруссіи, гдѣ мы захватили огромную добычу: сверхъ значительныхъ магазиновъ, мы тамъ нашли болѣе 100,000 ружей, только что привезенныхъ изъ Англіи, и множество снарядовъ. Мюратъ, поспѣшившій перейти Прегель въ Тапіау, какъ только узналъ о побѣдѣ при Фридландѣ, разбилъ непріятельскій арріергардъ; Русская армія, сильно тѣснимая нашею кавалеріею, перешла

(*) Кажется Беннингсенъ не принялъ во время нужныхъ мѣръ для спасенія своего праваго крыла. Это было безъ сомнѣнія побудительною причиною намѣренія его собрать свои разбитыя войска и вести ихъ снова на лѣвый берегъ Алле, на ту же невыгодную позицію, которая имъ такъ дорого уже стоила.

въ Тильзитѣ Неманъ, 19-го утромъ; въ этотъ же день и я вступилъ въ Тильзитъ.

Императоръ Александръ прибылъ изъ Мемеля къ своей арміи и предложилъ мнѣ миръ, будучи недоволенъ Англіею, которая отказала ему въ облегченіи средствъ сдѣлать заемъ 100 милліоновъ и которая полгода уже обѣщала сдѣлать диверсію и не выставляла ни одпаго человѣка. Побѣдитель въ Турціи, но вовлеченный въ двойную войну, онъ не имѣлъ никакой непосредственной причины жертвовать собою для Европы, которая оставляла его бороться одпаго. Онъ и предпринялъ эту борьбу только изъ выгодъ народовъ, отдѣлявшихъ его имперію отъ моей. Что касается до меня, то я былъ весьма радъ окончить выгодно эту войну: медлительная Австрія уже начинала собирать свои войска.

Наше первое свиданіе произошло на плоту посреди Немана. Вступая въ разговоръ, императоръ Александръ сказалъ, что онъ не менѣе меня имѣетъ причинъ негодовать на Англію. Если такъ, отвѣчалъ я: *миръ заключенъ!* Мы подали другъ другу руки въ знакъ примиренія. Послѣ того мы имѣли еще нѣсколько свиданій въ Тильзитѣ, куда переѣхалъ императоръ Александръ. Его наружность благородна, привлекательна и внушаетъ почтеніе. Я замѣтилъ въ немъ большую способность быстро обнимать вещи; онъ въ одно мгновеніе разрѣшалъ самые трудные вопросы. Довольно сходный во всемъ съ Францискомъ I и съ Людовикомъ XIV, онъ можетъ быть названъ государемъ-рыцаремъ. Еслибъ онъ жилъ въ одинъ вѣкъ съ побѣдителемъ при Марпьянѣ, то безъ сомнѣнія одержалъ бы верхъ. Моя политика, можетъ быть не разъ требовала изображать его иначе, нежели я понималъ его; но его поведеніе въ 1812 и 1813 годахъ превзошло мои ожиданія, хотя я и былъ предупрежденъ въ его пользу. Я замѣтилъ въ немъ уступчивость и почелъ ее за слабость. Впрочемъ я не въ одномъ этомъ отношеніи ошибся въ характерѣ россійскаго императора. Самъ Лабрюеръ затрудпился бы описать его въ точности....

Я также увидѣлъ въ Тильзитѣ одинъ изъ его гвардейскихъ полковъ, и никогда не забуду произведеннаго имъ на меня впечатлѣнія. Многіе замѣчали въ этихъ войскахъ только непріятную жесткость. Я люблю армію пылкую и всегда желалъ имѣть солдатъ, которымъ бы можно было давать прокламаціи: однакожъ меня изумила и восхитила стройность и твердость этой пѣхоты. Я понялъ, что армія, такъ хорошо дисциплинированная и съ такою необычайною стойкостью, была бы первая въ свѣтѣ, еслибы къ этимъ качествамъ присоединяла электрическій энтузіазмъ Французовъ. Нѣсколько времени спустя, я говорилъ объ этомъ предметѣ съ однимъ знатокомъ военнаго дѣла, и сказалъ ему: «Мои «солдаты храбры въ высочайшей сте«пени; но они слишкомъ много раз«суждаютъ. Еслибъ они при своей «понятливости имѣли неутомимость и «стойкость Русскихъ, свѣтъ сталъ «бы для меня тѣсенъ. Французскіе «солдаты слишкомъ любятъ свое оте«чество, чтобъ подражать Македо«нянамъ.»

Послѣ двухнедѣльныхъ переговоровъ, миръ былъ заключенъ въ Тильзитѣ, 7 Іюля. Онъ равно приносилъ честь обѣимъ сторонамъ; но мнѣ предоставлялось болѣе выгодъ. Имперія моя пріобрела этимъ миромъ значительный перевѣсъ. Самые упорные враги мои полагали, что мое дѣло выиграно; могъ ли я самъ думать иначе?

Однако и этотъ миръ нашелъ хулителей между этими аристархами гостиныхъ, которые полагаютъ, что заключить миръ такъ же легко, какъ написать декретъ. Одни упрекали меня въ излишнемъ униженіи Пруссіи; другіе, гораздо многочисленнѣйшіе, полагали, что я долженъ былъ воспользоваться сильною либеральною партіею въ Пруссіи, чтобъ совершенно лишить престола Фридриха Вильгельма, сдѣлавшагося моимъ непримиримымъ врагомъ, когда я отнялъ у него половину владѣній. Быстрота, съ которою разсѣялись прусскія войска и сдѣланный мнѣ въ Берлинѣ пріемъ доказывали, что эта война производилась не по желанію народа. Но изъ этого ложно заключали, что я долженъ былъ воспользоваться случаемъ для преобразованія Пруссіи въ демократическую державу. Я остановилъ революціи, и потому распространеніе ихъ не могло входить въ мои правила. Сверхъ того, я слишкомъ многаго долженъ былъ опасаться отъ сосѣднихъ державъ, выгода которыхъ требовала препятствовать этому. Россія не стала бы договариваться на такихъ условіяхъ; Австрія съ своей стороны возстала бы, чтобы не допустить подобнаго распоряженія.

Система, служившая основаніемъ моей имперіи, не нравилась вообще всѣмъ древнимъ династіямъ; но изъ этого не должно заключать, что война на смерть была неизбѣжна. Весьма ошибаются, если полагаютъ, что бранденбургскій домъ видѣлъ во мнѣ агента революціи. Его обращеніе со мною въ продолженіе шести лѣтъ, союзъ съ мадритскимъ дворомъ и поступки берлинскаго и копенгагенскаго кабинетовъ достаточно доказываютъ, что существованіе моего трона ни мало не противурѣчило основаніямъ ихъ власти.

Всѣ мои дѣянія стремились къ тому, чтобы снова привести Францію къ тѣмъ учрежденіямъ, которыми руководствовались ея сосѣди; и тѣ, которые наблюдали за мною, должны были оцѣнить всѣ мои усилія къ согласованію революціи съ порядкомъ вещей во всей Европѣ. Но, основывая самодержавную власть на новыхъ началахъ, я въ то же время допускалъ и то, чего требовалъ духъ вѣка.

Мнѣ представлялось три пути, чтобъ извлечь наибольшія выгоды изъ моего положенія и моихъ побѣдъ, и дать имперіи вспомогательную силу: мнѣ надлежало или опираться на народы, или договариваться съ правительствами ихъ, или наконецъ стараться пріобрести расположеніе и тѣхъ, и другихъ. Наихудшая изъ всѣхъ системъ была: унижать государей и раздѣлять ихъ владѣнія, не дѣлая ничего для народа.

Чтобъ опираться только на массу народа, мнѣ слѣдовало разсѣвать повсюду анархію и низвергать какъ форму, такъ и лица правительствъ,

потому что нельзя производить революціи, сохраняя тотъ же порядокъ вещей и тѣхъ же людей. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно война на смерть между династіею и всѣмъ, что ее окружало, сдѣлалась бы неизбѣжною.

Въ продолженіе всей моей жизни, была только одна минута, въ которую я могъ приспособить 3-ю систему въ Пруссіи, привязавъ къ себѣ и государя и массу народа; это было въ началѣ 1806 года. Но лишь только война была объявлена, и это сдѣлалось невозможнымъ; дворъ бросился въ ряды моихъ непріятелей, а народъ, попранный въ неудачной войнѣ, почувствовалъ свое униженіе. Правда, народъ былъ весьма склоненъ принять учрежденія, согласно съ которыми управлялась моя имперія, но ему нужны были не революціонныя начала. Ошибка, отдѣлившая мои выгоды отъ выгодъ бранденбургскаго дома, была сдѣлана; мы могли примириться только однимъ способомъ: слѣдовало *возвратить монарху владѣнія, равныя тѣмъ, которыя онъ утратилъ* и заставить его этимъ условіемъ рѣшиться вступить въ союзъ со мною. Все это было хорошо до войны, въ то мгновеніе, когда можно еще было предложить президентство рейнскаго союза Фридриху Вильгельму и надѣяться на него; но послѣ Тильзита не было другаго средства, какъ принести ему въ жертву Ганноверъ и Вестфалію, или предложить ему титулъ короля великой Польши, не какъ прусской провинціи, но какъ отдѣльнаго государства. Послѣ тѣсныхъ сношеній этого государя съ императоромъ Александромъ, была ли бы благоразумна подобная мѣра? Не значило ли это давать оружіе въ руки моимъ непріятелямъ? При томъ же, согласилась ли бы Россія признать это королевство? Я предоставляю дипломатамъ рѣшить этотъ вопросъ; и хотя я его и рѣшилъ отрицательно, но скорѣе бы допустилъ эту мѣру, нежели несвоевременную демагогію. Къ чему, гдѣ послужила намъ система пропаганды? Безъ сомнѣнія не въ Италіи, гдѣ всѣ народы, исключая нѣсколькихъ городскихъ патріотовъ, возстали противъ насъ. Если она и доставляетъ союзниковъ, то въ то же время возстановляетъ другія выгоды; но гораздо болѣе представляется способовъ къ поддержанію существующихъ выгодъ, нежели къ введенію новыхъ. Система пропаганды была иногда полезна, какъ противудѣйствующая сила; но никогда не была она ни причиною, ни источникомъ нашихъ успѣховъ. Только Пишегрю въ Голландіи нашелъ въ ней сильную опору. Мои побѣды никогда не были блистательнѣе, какъ съ 1805 по 1810 годъ, а тогда я уже и не думалъ обольщать толпу анархіею съ приманкою свободы. Я совершенно увѣренъ былъ, что преодолѣю всѣ препятствія, приводя ихъ въ чисто военные вопросы. Какую пользу извлекъ я изъ того, что въ Испаніи я принялъ сторону народа противъ фанатизма и деспотизма?

Ко всѣмъ этимъ побудительнымъ причинамъ слѣдуетъ присовокупить, что король прусскій самъ уже произвелъ полреволюціи, издавъ законъ о военномъ производствѣ, не смотря на происхожденіе; что же касается до гражданскихъ должностей, то нигдѣ

онѣ не были такъ доступны для гражданъ, какъ въ Пруссіи. И такъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначащихъ преимуществъ, онъ ввелъ начало равенства въ правахъ; что же мнѣ оставалось дать Пруссакамъ? Развѣ только законъ равномѣрнаго размежеванія земель!

Оставимъ предположенія, и обратимся къ тильзитскому договору. Пруссія начала войну; кому нибудь слѣдовало заплатить за издержки; въ полной увѣренности, что Пруссія никогда не будетъ искреннею нашею союзницею, весьма естественно было, заставить ее поплатиться. И такъ я принялъ намѣреніе увеличить на ея счетъ мою федеративную систему: это было необходимо: ставя Пруссію въ ряды моихъ непріятелей, я разумѣется долженъ былъ относительно усилить моихъ союзниковъ. Я создалъ варшавское герцогство, и увеличилъ рейнскій союзъ вестфальскимъ королевствомъ, составленнымъ изъ прусскихъ провинцій, начиная отъ лѣваго берега Эльбы до Магдебурга, изъ земель курфирста гессенъ-кассельскаго и герцогства брауншвейгскаго. Это новое королевство досталось моему брату Іерониму; въ послѣдствіи я присовокупилъ къ нему Ганноверъ; но при заключеніи тильзитскаго трактата я сберегъ эту область, какъ средство сблизиться съ Англіею. Рейнскій союзъ усилился еще Саксоніею, курфирстъ которой принялъ титулъ короля и великаго герцога варшавскаго. Его прадѣдъ занималъ уже этотъ престолъ.

Во время тильзитскихъ переговоровъ я узналъ о переворотахъ, свергшихъ Селима III съ престола, котораго онъ былъ такъ достоенъ. Вотъ недостатокъ чудовищнаго образа правленія восточныхъ монархій: совершенно ничтожная вещь разрушаетъ часто наилучшіе разсчеты и порождаетъ неисчислимыя послѣдствія. Смерть стараго муфти, измѣнивъ видъ Турціи, доказала мнѣ, что нельзя было полагаться на ея политику.

Селимъ жаждалъ избавиться отъ беспокойнаго духа янычаръ; онъ испыталъ преимущество войскъ, образованныхъ по европейски (низамъ-джедитъ), которыя отличились противъ насъ въ Сенъ-Жанъ д'Акрѣ и еще недавно въ Румміи. Онъ хотѣлъ нечувствительно слить янычаръ съ этими войсками; мы его поддерживали въ этой системѣ, единственной, которая могла дать Портѣ возможность удержать непокорность необузданнаго войска и дерзкихъ священниковъ и улемовъ, которые употребляли его, какъ слѣпое орудіе своего честолюбія. Это вмѣстѣ было и политическое и военное преобразованіе.

Улемы и начальники янычаръ, овладѣвъ мнѣніемъ толпы, возстановили ее противъ этихъ перемѣнъ; слѣдовало отказаться отъ предполагаемаго смѣшенія. Но этимъ не кончилось: муфти, другъ султана, умеръ въ это время и былъ замѣщенъ однимъ изъ тѣхъ мошенниковъ и честолюбцевъ, которые употребляютъ религію, какъ орудіе происковъ и безпокойствъ, стараясь захватить власть въ государствѣ. Вскорѣ умы, болѣе и болѣе взволнованные, разрушили всѣ преграды; муфти и кайманъ, пользуясь отсутствіемъ визиря и капуданъ-паши, находившихся

при арміи на Дунаѣ, произвели въ столицѣ бунтъ, поддержанные однимъ смѣльчакомъ, по имени Кабакчи-Оглу, который, будучи назначенъ предводителемъ ямаковъ, сдѣлался вскорѣ главнымъ орудіемъ этого обширнаго заговора. Янычары, канониры, морскіе солдаты и народъ были увлечены ложными увѣреніями, что Селимъ нарушилъ законы Магомета, основныя учрежденія государства и преимущества, дарованныя его предшественниками; однимъ словомъ, что Селимъ хотѣлъ уподобить ихъ невѣрнымъ. Бунтовщики требовали головъ всѣхъ друзей султана, которые помогали ему въ его преступныхъ намѣреніяхъ; всѣ они были гнусно умерщвлены. Послѣ этихъ грозныхъ, кровавыхъ событій, продолжавшихся два дня, муфти, вопрошенный заговорщиками, объявилъ со всѣмъ шарлатанствомъ вдохновеннаго, что Селимъ, не можетъ уже болѣе царствовать по законамъ, которые онъ хотѣлъ измѣнить и которые онъ презираетъ. Янычары громкими кликами требовали его низложенія: онъ былъ заключенъ въ темницу и замѣщенъ племянникомъ его Мустафою.

Это происшествіе остановило на цѣлый Іюнь мѣсяцъ огромныя приготовленія, сдѣланныя Портою для вытѣсненія Михельсона изъ Молдавіи и Валлахіи. По плану, составленному генераломъ Себастіани, 200,000 человѣкъ, собранныхъ въ Шумлѣ, должны были перейти Дунай около Измаила, и пользуясь отрядами, ослабившими Михельсона, отрѣзать его отъ Днѣстра, или принудить къ поспѣшному отступленію. Но ничего не было исполнено: Михельсонъ, который уже очистилъ Бухарестъ, снова вступилъ въ этотъ городъ.

Эти перевороты, вліяніе которыхъ на политику дивана, мнѣ не было еще извѣстно, заставили меня не дорожить союзомъ, на которомъ никогда нельзя бы было основать никакаго вѣрнаго предположенія. До этого времени я настоятельно требовалъ неприкосновенности Турціи; но теперь я полагалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякаго обязательства съ варварами, которые не умѣли цѣнить своихъ лучшихъ государей.

Турки, народъ завоеватель, овладѣвшій греческою имперіею, не что иное, какъ племя Татаръ, расположившееся въ Европѣ на кочевье; въ нихъ нѣтъ ничего европейскаго. Напрасно превозносятъ услуги, оказанныя ими Франціи своими многократными нападеніями на Венгрію, которыя отвлекали силы австрійскаго дома, тогда всемогущаго; въ этихъ нападеніяхъ не было и тѣни соображенія съ политическою выгодою Европы. Они устремлялись на Венгрію и Австрію, какъ нѣкогда вторгались въ Румилію. Только однажды Франціи удалось вооружить ихъ въ пользу Польши; но и это было сопряжено съ собственною ихъ выгодою. Наши правы, обычаи, вѣроисповѣданіе, совершенно не согласны съ учрежденіями этихъ варваровъ.

Увѣренный, что, оттѣснивъ ихъ въ Азію, мы оказали бы благодѣяніе человѣческому роду, я объявилъ императору Александру, что готовъ содѣйствовать ему въ этомъ благородномъ предпріятіи.

Я слишкомъ хорошо думалъ о Турціи, судя о ней по нашимъ Европейскимъ державамъ. Эта революція и безначаліе, царствовавшее во всѣхъ пашалыкахъ, по видимому готовыхъ освободиться изъ-подъ власти Порты, заставляли меня предполагать, что паденіе оттоманской имперіи близко. Я могъ получить значительную долю ея остатковъ; владѣя Корфу и всѣми іоническими островами, я могъ надѣяться на пріобретеніе Албаніи, Мореи и острововъ архипелага, областей, изобильныхъ рудниками, корабельными лѣсами и доставлявшихъ отличныхъ моряковъ. Я тѣмъ утвердилъ бы мое вліяніе на востокѣ и приготовилъ бы неисчислимыя морскія средства: кто знаетъ, можетъ быть мнѣ предоставлена была великая роль возстановителя Греціи.

Во всякомъ случаѣ подобное предположеніе могло повлечь за собою переговоры, которые слишкомъ замедлили бы примиреніе; сверхъ того я не могъ непосредственно содѣйствовать раздѣлу Турціи, съ которою я былъ связанъ, если не формальными трактатами, то по крайней мѣрѣ тѣсными сношеніями; и потому мы отложили разрѣшеніе вопроса до другаго времени, обѣщаясь вскорѣ сойтись для этого. Мы приняли только за основаніе, что настоящее положеніе оттоманской имперіи останется неприкосновеннымъ до времени, утвердивъ условіе, чтобъ никакая послѣдующая перемѣна не была предпринимаема безъ обоюднаго согласія. Я тайно соглашался, чтобы Русскіе продолжали занимать Молдавію и Валлахію, до Дуная; въ замѣнъ я получилъ согласіе Россіи на занятіе моими войсками Пруссіи, пока продлится это положеніе дѣлъ. Мы должны были съ общаго согласія предложить миръ нашимъ непріятелямъ; посредничество Россіи должно было склонять къ миру Англію, а мое Турцію; въ случаѣ не принятія нашихъ предложеній, мы согласились дѣйствовать общими силами для достиженія предположенной цѣли. Составленный на сей случай трактатъ объяснялъ, что мы должны предпринять, если Англичане отвергнутъ миръ, и основанія ихъ изгнанія съ твердой земли были положены. Россія обѣщала заставить Швецію закрыть для нихъ свои гавани. Съ моей стороны я долженъ былъ принудить къ тому же Данію, Португаллію и Папу. Испанія, гавани которой были уже заперты, также была бы принуждена принять систему возмездія, предписанную декретомъ, даннымъ въ Берлинѣ. Такимъ образомъ Англичане были бы изгнаны изъ Европы. Я обѣщалъ императору Александру не увеличивать герцогства варшавскаго и ничего не предпринимать для возстановленія Польши.

Такова была сущность тильзитскаго мира, послужившаго основаніемъ столь многимъ выдумкамъ. Распространили слухъ, что я говорилъ даже о возстановленіи западной и восточной имперіи, и хотѣлъ помочь Россіи овладѣть Константинополемъ, съ тѣмъ, чтобы она согласилась на занятіе Италіи, Испаніи и Португалліи мною или членами моей фамиліи. Утверждали, что будто, взявъ карту Европы, я провелъ линію насъ раздѣляющую, назначая границею Русскимъ, правый берегъ Одера, далѣе

по прямой линіи черезъ карпатскія горы до Дуная и по лѣвому берегу этой рѣки до Чернаго моря, а намъ лѣвый берегъ Одера и правый Дуная.

Можетъ быть у меня и вырвались нѣкоторыя напыщенныя слова въ присутствіи юнаго государя, которому я хотѣлъ внушить высокое понятіе о моей обширной политикѣ; но такой раздѣлъ не велъ къ цѣли и мы бы поссорились тотчасъ по покоренін Испаніи. Подобные проэкты не требуютъ коментарій; они просто нелѣпы.

Этотъ великій міръ не имѣлъ подобнаго въ лѣтописяхъ Франціи; кто могъ полагать, что и онъ найдетъ хулителей? Мнѣ понятно, что онъ долженъ былъ ихъ найти въ Германіи, въ Англіи; но нѣтъ! выродкамъ-Французамъ предоставлено было исказить лучшій памятникъ ихъ народной славы!

—

ГЛАВА XI.

Послѣдствія тильзитскаго договора. Экспедиція Англичанъ противъ Копенгагена. Они захватываютъ датскій флотъ. Взятіе Стральзунда и Рюгена Французами. Россія предлагаетъ посредничество для утвержденія мира; но оно отвергнуто. Континентальная система. Образованіе новаго дворянства. Уничтоженіе трибуната.

—

Послѣдствія войны съ Пруссіею были необъятны; я не зналъ, такъ сказать, что дѣлать съ могуществомъ, которое онѣ мнѣ доставляли.

Съ самаго выступленія своего изъ Булони, 200,000 Французовъ были содержаны, кормлены, одѣты и получали жалованье пждивеніемъ непріятеля; болѣе нежели на 400 милліоновъ контрибуцій деньгами и продовольствіемъ было возложено на занятыя нами страны. Часть изъ нихъ поступила въ государственное казначейство, и значительная сумма, назначенная по бюджету на содержаніе нашей арміи, будучи сохранена, уменьшила его въ половину. За нѣсколько времени до этого я продалъ Лупзіану, изъ крайней необходимости въ деньгахъ: возвратясь изъ Аустерлица, я нашелъ государственную казну пустую, и банкрутство угрожало банку. Не прошло двухъ лѣтъ, и въ государственной казнѣ лежалъ доходъ имперіи за годъ впередъ, а въ подвалахъ тюильрійскихъ хранились на всякій случай значительные капиталы. И въ это самое время писатели пасквилей, состоявшіе на жалованьи Англичанъ, провозглашали во всей Европѣ, что держава моя готова рушиться отъ недостатка финансовъ.

Впрочемъ, если я имѣлъ обширныя средства, то для употребленія ихъ открывалось и пространное, соразмѣрное поприще. Эпоха тильзитскаго договора была временемъ высшей степени моей славы и моего могущества; ихъ должна была упрочить великая система, основаніе которой я положилъ здѣсь. Система эта, весьма правильно названная континентальною, никогда не была хорошо понята.

Какъ ни значительны были выгоды тильзитскаго договора, но я обѣщалъ себѣ еще большія, принудивъ Англію къ заключенію мира. До этого времени распространеніе моего могущества, еще мало безпокоило британскій колоссъ; онъ считалъ его кратковременнымъ зломъ, не касавшимся до него непосредственно. Единственнымъ предметомъ моихъ желаній, было теперь утвержденіе мира на моряхъ; разговоръ мой съ императоромъ Александромъ касательно этого предмета не оставлялъ никакихъ недоразумѣній и я поручилъ его могущественному посредничеству даровать вселенной этотъ миръ.

Чтобы понять, какъ искренно желалъ я мира, довольно представить себѣ взаимное положеніе обѣихъ сторонъ, и очевидныя выгоды, которыя онъ долженъ былъ мнѣ доставить.

Пожаръ Тулона, морскія сраженія на Океанѣ, при мысѣ св. Винкентія, при Кампердюйнѣ, при Трафальгарѣ, сдача батавскаго флота при Текселѣ и бѣдствіе Копенгагена, о которомъ я еще не упоминалъ, разстроили на двадцать лѣтъ всѣ морскія силы Европы. Англія не опасалась теперь ни малѣйшаго соперничества; всѣмъ извѣстно какія выгоды извлекла она изъ этого.

Необходимъ былъ продолжительный миръ, чтобы пополнить вновь морскіе арсеналы, выстроить корабли и образовать матросовъ далекими плаваніями.

Хотя Франція утратила важнѣйшую изъ своихъ колоній, но она могла вновь образовать моряковъ, плаваніемъ по обширнымъ владѣніямъ испанскимъ, и торговлею изъ Иль-де-Франса съ Индіею; Голландія сохранила еще острова молукскіе и сношенія свои съ Китаемъ и съ Гвіаною. Во власти Испаніи на обѣихъ полушаріяхъ оставалось еще болѣе гаваней и береговъ, нежели у всей Европы, болѣе нежели ихъ было нужно ей для содержанія своихъ купеческихъ матросовъ.

Американцы развивались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, и чѣмъ выше подымалось ихъ образованіе, тѣмъ болѣе собственныя выгоды ихъ должны были привязывать ихъ къ Франціи. Если я имѣлъ положительную выгоду въ возстановленіи мира на моряхъ, то и на твердой землѣ возстановленіе спокойствія было для меня необходимо: могущество мое не могло болѣе распространяться, не нарушая своей твердости; прочными установленіями и взаимными выгодами, нужно было связать всѣ части этого огромнаго зданія, чтобы сдѣлать его непоколебимымъ. Тогда только существованіе мира бываетъ прочно, когда обѣ стороны довольны его условіями; а это было невозможно: возстановленіе спокойствія на годъ или на два, раззорило бы нашу торговлю; а Англіи принесло бы только пользу,

возбудивъ въ ней смѣлость къ отдаленнымъ предпріятіямъ. Чтобъ достигнуть полнаго и долговременнаго примиренія, котораго намъ должно было желать, мы условились, чтобы Россія предложила посредничество свое для утвержденія мира, и если Англія станетъ упорствовать въ своемъ несогласіи, то Россія приступитъ къ континентальной системѣ. Эта система, которую такъ несправедливо хулили, не понявъ ее, могла раздѣлиться на двѣ различныя отрасли: на политическую часть и на торговую или мореплавательную.

Въ отношеніи торговли, я имѣлъ двѣ главныя цѣли: во первыхъ, нужно было разстроить торговлю Англіи, чтобы лишить британское правительство возможности дѣлать денежныя вспоможенія державамъ твердой земли для поддержанія войны; во вторыхъ, стараться подорвать англійскую промышленность, развивая свою собственную. Для послѣдней цѣли нужно было доставить сбытъ произведеніямъ нашихъ мануфактуръ и уничтожить его для непріятеля; то есть, изгнать Англичанъ изъ всѣхъ рынковъ Европы. Многія частныя мѣры были уже приняты для этого; но онѣ не могли привести ни къ чему, пока всеобщая система не вытѣснила бы изъ Европы морскихъ властителей. Основаніе этой системы было положено въ Берлинѣ въ 1806 году, декретомъ, къ которому потомъ я издалъ дополненіе въ Миланѣ (17 Декабря 1807 года).

Этотъ законъ былъ чудовищно-ужасенъ; но Англичане сами подали мнѣ примѣръ и сами заставляли ему слѣдовать. Однакожъ не достаточно было однихъ декретовъ; надобно было отдѣлить совершенно Англію отъ Европы, и раззорить ея торговлю. Но въ этомъ отношеніи континентальная система дурно выполнила свое назначеніе, потому что война въ Испаніи уничтожила все ея дѣйствіе, открывъ непріятелю главнѣйшіе рынки Европы; но въ отношеніи промышленности, она имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія.

Сильная держава должна имѣть не только постоянное, общее стремленіе къ выгодному направленію своей политики; подобное стремленіе должно руководить и экономією ея. Промышленности, какъ и всякой другой вещи, нуженъ путь чтобы подвигаться впередъ; во Франціи она не имѣла этого пути, пока моя континентальная система не проложила его.

До революціи министерство финансовъ Франціи обращало виды свои на колоніи и на мѣновую торговлю, и пріобрело тутъ большіе успѣхи. Говорили, что слѣдствіемъ этихъ успѣховъ были потеря кредита, упадокъ финансовъ государства, уничтоженіе его военной системы, утрата достоинства внѣшняго и худое состояніе земледѣлія. Все это не имѣетъ смыслу. Эти дурныя послѣдствія были произведены не богатствами колоніяльными и не мѣновою торговлею, но слабымъ правленіемъ, которое потрясали мятежные парламенты. Прекрасныя гавани и богатые негоціанты столько же препятствовали процвѣтанію земледѣлія во Франціи, какъ и въ Англіи; и королевство было такъ мало разстроено въ царствованіе Людовика XVI, что оно выдержало двадцатилѣтніе

разрушительные перевороты, и все еще продолжало процвѣтать.

Напротивъ того, колоніяльная система и мѣновая торговля обогатили всѣхъ народовъ, и въ особенности Франція была много обязана имъ своимъ величіемъ. Но война на всегда разстроила эту систему; гавани лишились совершенно своего богатства, и на это время ни какая человѣческая сила не могла возвратить имъ то, что было уничтожено революціею. По этому необходимо было дать другое направленіе торговому духу, чтобы оживить французскую промышленность. Для достиженія этой цѣли оставалось только одно средство: отнять у Англичанъ монополію мануфактурной промышленности и сдѣлать изъ этой промышленности цѣль всеобщаго стремленія государственной экономіи. Нужно было привести въ дѣйствіе континентальную систему, въ полной ея силѣ, чтобы имѣть возможность давать огромныя привиллегіи фабрикамъ, для побужденія капиталистовъ сдѣлать необходимыя издержки, для заведенія и приведенія въ дѣйствіе этихъ фабрикъ.

Это подтвердилось на дѣлѣ. Я далъ ходъ промышленности, перенеся ее за море: она сдѣлала такіе быстрые успѣхи на твердой землѣ, что можетъ не опасаться болѣе соперничества. Чтобы процвѣтать, Франція должна сохранять мою систему, перемѣнивъ ей названіе. Она падетъ, если станетъ возобновлять морскія экспедиціи; Англичане уничтожатъ ихъ при первой войнѣ. Я принужденъ былъ довести континентальную систему до крайности, потому что она имѣла цѣлью не только принести пользу Франціи, но еще вредить Англіи. Мы получали колоніальныя произведенія только посредствомъ Англіи, подъ какимъ бы флагомъ ихъ къ намъ ни привозили. Слѣдовательно, должно было стараться какъ можно менѣе получать ихъ; лучшимъ средствомъ для этого было возвысить цѣну ихъ до невѣроятности. Политическая цѣль была выполнена; государство отъ этого обогащалось; но я огорчилъ добрыхъ женщинъ и онѣ отмстили за себя.

Опытъ доказывалъ ежедневно, что континентальная система хороша, потому что государство процвѣтало, не взирая на тягость войны. Налоги были приведены въ порядокъ; кредитъ шелъ на равнѣ съ денежными процентами; духъ улучшенія обнаружился въ земледѣліи и въ фабрикахъ; цѣлыя деревни перестраивались совершенно на ново, дороги и каналы облегчали внутреннія сообщенія; каждую недѣлю придумывали какія нибудь улучшенія; я приказалъ выдѣлывать сахаръ изъ свекловицы, соду изъ соли, искусственное индиго; развитіе наукъ подвигалось на равнѣ съ промышленностію. Напротивъ того, въ Англіи, только нѣкоторые торговцы обогащались, а промышленный классъ терпѣлъ недостатокъ; цѣнность банковыхъ билетовъ понизилась на одну треть и даже на половину, потому что за фунтъ стерлинговъ давали только 13 франковъ. Зло было бы гораздо чувствительнѣе, если бы Испанія приняла мою систему, какъ я надѣялся, и если бы нечаянное возмущеніе въ Америкѣ не открыло Англичанамъ чрезвычайно

выгодный сбытъ ихъ издѣлій. Но если выполненіе моей системы было несовершенно, и далеко не достигало цѣли, которую я предположилъ ей, безумно было бы отвергать ее, въ то время, когда она начинала приносить плоды; нужно было утвердить ее, чтобы еще болѣе возбудить соревнованіе.

Эта необходимость имѣла вліяніе на политическую систему Европы, принудивъ Англію продолжать войну, и заставивъ меня настаивать съ своей стороны въ моихъ намѣреніяхъ. Съ этого времени война приняла болѣе важный характеръ. Для Англіи дѣло касалось до общественнаго имущества, то есть, до ея существованія. Война сдѣлалась народною; Англичане не поручали уже болѣе защищать себя чужестранцамъ: они сами вооружились и явились на твердой землѣ съ сильными арміями. Они должны были найти содѣйствіе во всѣхъ тѣхъ, чьи выгоды пострадали на нѣкоторое время отъ моей системы; а такихъ было не мало.

Если обширная мореплавательная торговля составляетъ первый источникъ богатства и благоденствія, то свободное плаваніе на моряхъ дѣлается необходимо первою нуждою и первымъ благомъ всѣхъ народовъ земнаго шара. Континентальная система имѣла цѣлью доставить эту свободу на моряхъ; но народы, которые стремились наслаждаться только настоящимъ, видѣли въ моей системѣ закрытіе своихъ гаваней и прекращеніе всякой торговли; они не заботились о будущемъ благѣ и возставали противъ меня. Не только прибрежныя страны были утомлены войною и пожертвованіями, которыя я на нихъ налагалъ; даже въ самомъ сердцѣ Европы отражалось неудовольствіе. Сукна силезскія, полотна, тканыя на границахъ Богеміи, не отправлялись болѣе въ Кадиксъ, чтобы переплывать оттуда въ мексиканскія пристани подъ испанскимъ флагомъ. Сѣверъ не продавалъ болѣе хлѣбъ своей Голландіи, и не получалъ нашихъ винъ. Шелковые издѣлія Ліона отправлялись только сухимъ путемъ въ отдаленнѣйшія мѣста Россіи. Настоящая причина всего этого зла заключалась въ морскомъ деспотизмѣ Англіи, имѣвшей средства дѣлать столько препятствій всеобщему благосостоянію Европы. Я вступилъ въ жестокую борьбу съ этимъ колоссомъ, а народы имъ угнетенные, вмѣсто того, чтобы подчиниться на время всѣмъ пожертвованіямъ войны и содѣйствовать моимъ усиліямъ, приписывали мнѣ все зло, отъ котораго я хотѣлъ ихъ избавить. Весьма справедлива мысль, что купецъ и биржевой акціонеръ болѣе всѣхъ чужды высшей политики.

Въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ, континентальной системѣ представлялись двѣ цѣли, равно важныя; во первыхъ, нужно было стараться союзами, договорами и обязательствами произвести у нашихъ сосѣдей то, что во Франціи было слѣдствіемъ моихъ приказаній, то есть, изгнаніе англійской торговли; во вторыхъ, посредствомъ тѣхъ же союзовъ приготовить военныя и морскія средства, съ помощью которыхъ можно бы было, при удобномъ случаѣ, атаковать болѣе непосредственнымъ образомъ британскій колоссъ. Мы

могли поражать его въ Индіи, съ помощію Россіи, Пруссіи и Турціи: можно было вредить ему и на островахъ антильскихъ, изъ испанскихъ владѣній на твердой землѣ Америки и изъ Соединенныхъ Штатовъ. Наконецъ мы могли съ нимъ сразиться и въ Европѣ, посредствомъ общаго союза всѣхъ державъ, имѣвшихъ важную выгоду въ паденіи его деспотизма на моряхъ. Тильзитскій трактатъ не предусмотрѣлъ всѣхъ соображеній, которыя должны были содѣйствовать къ достиженію этой цѣли; но не менѣе того онъ подвинулъ дѣла. Такъ какъ Англія не признавала болѣе никакаго неутралитета, то и не могло уже существовать неутральныхъ державъ; необходимо было, чтобы каждый рѣшился или принять сторону Англіи, или дѣйствовать противъ нея: въ слѣдствіе этого мы и условились, въ случаѣ несогласія Англіи на посредничество Россіи, заставить всѣ приморскія державы дѣйствовать за одно съ нами.

Испанія была въ войнѣ съ Англіею; Турція только что объявила ей войну; за исключеніемъ Рима, который еще устоялъ, вся Италія повиновалась моимъ законамъ. Пруссія прервала всѣ сношенія съ Англичанами. Чтобы воспретить имъ всякой доступъ въ Европу, оставалось склонить къ этому Португаллію, Швецію и папу; мы увѣрены были, что Данія готова согласиться на наше предложеніе. Австрія представляла болѣе затрудненій; она сообщалась съ морями единственно только гаванью Тріэста. Изъ Венеціи мы могли считать всѣ суда, которыя туда приставали, а обладаніе іоническими островами дѣлало меня владыкою адріатическаго моря; сверхъ того можно было полагать, что Австрія не захочетъ навлечь себѣ войну съ Россіею и Франціею за поддержаніе сношеній, которыя касались до нея менѣе нежели до всѣхъ другихъ державъ твердой земли; у ней не было колоній, которыхъ она могла бы жалѣть, ни морскаго вывоза товаровъ, который бы ей нужно было стараться сохранить. Я могъ предложить ей нѣсколько областей для вознагражденія за убытки. Если бы предположеніе наше, касательно раздѣла оттоманской имперіи, осуществилось, то Бельгія и Сербія были бы наградою ея снисхожденія. Я рѣшился склонить ее вступить въ нашу систему.

Въ случаѣ непринятія Англіею посредничества Россіи для заключенія мира, нужно было не только преградить ей всякій доступъ къ твердой землѣ, но обратить еще противу нее всѣ средства приморскихъ державъ. Европа могла еще противупоставить ей 180 линейныхъ кораблей (*). Черезъ нѣсколько лѣтъ число это могло быть доведено до 250. Съ помощью такихъ средствъ и нашей огромной флотиліи, можно было отправить европейскую армію и къ Лондону. Сто линейныхъ кораблей, употребленныхъ въ различныхъ мѣстахъ

(*) Франція имѣла 60 кораблей.
Испанія ——— 40
Россія ——— 25
Швеція ——— 15
Голландія——— 15
Данія ——— 15
Португаллія—— 10

Итого 180 линейныхъ корабл.

обѣихъ полушарій, отвлекли бы туда большую часть британскихъ силъ, а между тѣмъ 80 лучшихъ кораблей, соединенныхъ въ Ла-Маншѣ, обеспечили бы переправу нашей флотиліи и отмстили за оскорбленіе правъ народныхъ.

Вотъ въ чемъ состояло дѣйствительное мое предположеніе, названное безумными публицистами, подкупленными Англіею; оно неудалось, можетъ быть, единственно отъ ошибокъ, сдѣланныхъ при выполненіи его, относительно Испаніи.

И можно ли судить о предположеніи, которое не было осуществлено, которое было принято въ концѣ 1807 года, и уничтожено въ началѣ 1808 событіями, открывшими Англичанамъ весь пиринейскій полуостровъ и твердую землю Америки? Безъ испанской войны, вся твердая земля равно какъ и испанскія колоніи были бы закрыты для Англичанъ, морскія силы всѣхъ державъ были бы направлены противъ нихъ: я могъ бы возвратиться къ своему булонскому плану высадки, съ гораздо большими и положительнѣйшими вѣроятіями успѣха.

Первое средство къ достиженію моей цѣли, въ отношеніи политическомъ и торговомъ, было занятіе войсками всѣхъ приморскихъ странъ, гдѣ Англія имѣла значительное вліяніе, и гдѣ нельзя было быть совершенно увѣрену, что правительство будетъ дѣйствовать по моей системѣ. Швеція, Португаллія и Римъ находились въ этомъ положеніи; Данію должно было пригласить присоединиться къ союзу, и уже въ случаѣ отказа, занять войсками ея владѣнія.

Англія имѣла вездѣ глаза и уши; золотой ключь ея отпиралъ всѣ портфели; едва распоряженія эти были утверждены, какъ она узнала объ нихъ и приготовилась встрѣтить бурю.

Между тѣмъ россійскій императоръ поспѣшилъ послать въ Лондонъ съ предложеніемъ своего посредничества для заключенія мира, объявляя, въ слѣдствіе нашего взаимнаго условія, что я съ своей стороны также соглашусь на посредничество, съ условіемъ, чтобы Англія сдѣлала тоже въ продолженіи мѣсяца, считая со времени заключенія трактата. Лондонскій кабинетъ принялъ посредничество Александра I, не объясняясь совершенно на счетъ своихъ предложеній; онъ требовалъ прежде всего сообщенія тайныхъ условій, заключенныхъ въ Тильзитѣ. Напрасно доказывали ему, что онѣ были утверждены только предварительно; что императоръ не могъ сообщить ему условій, которыя онъ обѣщалъ сохранять въ тайнѣ, и что онѣ ни въ чемъ не могли быть опасны Англіи, потому что какъ скоро сенъ-джемскій кабинетъ рѣшается на миръ, то онѣ дѣлаются недѣйствительными. Дѣла находились въ этомъ положеніи, когда извѣстіе о покушеніи Англичанъ противъ Копенгагена распространило ужасъ въ Европѣ

Большое вооруженіе, обѣщанное коалиціи англійскимъ министерствомъ, готовилось наконецъ отплыть въ балтійское море, въ то самое время, какъ мы подписывали миръ. Персиваль и Каннингъ нашли теперь время весьма благопріятнымъ, чтобы воспользоваться этимъ грознымъ соединеніемъ силъ, которое дѣлалось безполезнымъ на твердой землѣ, и

употребить его противу Даніи, которая противилась требованіямъ Англіи, но не объявляла ей войны.

Если Англичанамъ гдѣ либо удобно было высадить войска свои, то это на островѣ Зеландіи: они могли атаковать Копенгагенъ не опасаясь нашихъ силъ, которыя англійскій флотъ могъ не пропустить черезъ Бельты. Вотъ почему экспедиція была направлена противу столицы Даніи; успѣхъ казался тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, окруженная въ Померапіи и въ Мекленбургѣ воюющими войсками, Данія обратила все вниманіе и всѣ силы на Гольштинію, чтобы обеспечить свои владѣнія отъ всякаго оскорбленія.

Сенъ-джемскій кабинетъ основывалъ несправедливое нападеніе свое на свѣденіи, которое онъ имѣлъ о тайныхъ условіяхъ тильзитскаго договора, въ которыхъ дѣйствительно упоминалось о закрытіи гаваней Даніи и о вытѣсненіи Англичанъ изъ твердой земли.

Флотъ изъ 29 кораблей, 12 фрегатовъ и 500 транспортныхъ судовъ, отплылъ 27 Іюля, вступилъ 4 Августа частью въ Зундъ, а частью въ Бельтъ, и высадилъ на берегъ 32,000 войска, со включеніемъ Ганноверцевъ, которые были передъ тѣмъ высажены въ Стральзундѣ, и призваны потомъ назадъ.

Лордъ Кадзкартзъ предводительствовалъ этою экспедиціею. Подъ нимъ начальствовалъ сэръ Артуръ Уельслей, сдѣлавшійся въ послѣдствіи столь извѣстнымъ подъ именемъ лорда Веллингтона. Побѣдитель Синдіаха и Мараттовъ былъ вызванъ изъ Индіи законами своего государства, и въ первый разъ явился на твердой землѣ Европы. Многочисленная артиллерія и отборныя войска обеспечивали успѣхъ предпріятія.

Сэръ Джексонъ былъ отправленъ къ Христіерну VII, съ предложеніемъ вступить въ тѣсный союзъ съ Англіею, и съ требованіемъ вручить ей свой флотъ, который останется задержаннымъ въ англійскихъ гаваняхъ, въ залогъ его искренности. Это было повтореніе позорныхъ требованій, сдѣланныхъ ими Туркамъ, но поддержанное на этотъ разъ болѣе могущественными средствами. Король, наслѣдный принцъ и два Бернсторфа по чувству своего достоинства не могли согласиться на предложенія, отвергнутыя даже Турками съ негодованіемъ.

Если бы Англичане объявили Даніи условія тильзитскія, и предложили ей присоединиться къ нимъ для защиты ея владѣній, объявляя ей войну, въ случаѣ отказа, то поступокъ этотъ былъ бы естественнымъ; но предписывать ей исполненіе подобныхъ требованій, было слишкомъ нагло. Къ тому же они имѣли только одни подозрѣнія, о томъ, что происходило въ Тильзитѣ, и основываясь на невѣрныхъ слухахъ, рѣшились напасть на державу, которая готовилась на Травѣ дѣйствовать противъ насъ.

Датское правительство, захваченное въ расплохъ, явило себя не менѣе благороднымъ, какъ и въ 1801 году. Наслѣдный принцъ, находившійся въ Гольштиніи, полетѣлъ къ Копенгагену мимо англійскихъ крейсеровъ, уговорилъ короля удалиться въ Глюкштатдъ на твердую землю,

поручилъ оборону Зеландіи генералу Пейману, приказалъ набирать милицію въ этой области для вспоможенія столицѣ, и возвратился потомъ въ гольштинскую армію, чтобы ускорить ея прибытіе. Пока шли переговоры и Англичане строили и вооружали свои береговыя батареи, милиція собралась въ числѣ 10,000 человѣкъ и приближалась къ Кіогге; но, захваченная здѣсь, 29 Августа, 12,000 Англо-Ганноверцевъ, была разбита и разсѣяна.

Усилія переговорщика и генераловъ англійскихъ оставались тщетными до 2 Сентября; и потому они объявили, что начнутъ бомбардировать городъ. Генералъ Пейманъ командовалъ только небольшимъ числомъ линейныхъ войскъ; но милиція Копенгагена, составленная изъ гражданъ города, взялась за оружіе съ такимъ же восторгомъ, какъ и въ 1801 году. Со всѣмъ тѣмъ, преданность жителей ничего не могла сдѣлать противъ артиллеріи, громившей столицу и съ флота, и съ прибрежныхъ батарей: вскорѣ этотъ прекрасный городъ былъ обхваченъ пламенемъ; въ продолженіи трехъ дней, шесть сотъ домовъ сдѣлались жертвою огня; оставалось одно средство спасти столицу отъ совершеннаго разрушенія: сдаться на капитуляцію.

Въ это время наслѣдный принцъ собиралъ со всевозможною поспѣшностью войска, расположенныя въ Гольштиніи и велъ ихъ къ берегамъ Фіоніи. Тщетная надежда; переправиться черезъ Бельты было невозможно; столица пала, и Англичане увели датскій флотъ, состоявшій изъ 18 кораблей и изъ 20 слишкомъ фрегатовъ и бриговъ. Недовольные разграбленіемъ всѣхъ морскихъ арсеналовъ, они раззорили корабельныя верфи и всѣ орудія и машины, нужныя для работъ; и потомъ возвратились къ Темзѣ съ этими бесчестными, но важными трофеями.

Ожесточеніе Датчанъ простиралось до такой степени, что наслѣдный принцъ послалъ Пейману приказаніе сжечь всю эскадру, но не отдавать ее Англичанамъ. Офицеръ, везшій это предписаніе, былъ захваченъ непріятелемъ, стараясь пробраться въ Копенгагенъ.

Не унывая въ несчастіи, король датскій удалился въ свой рендсбургскій дворецъ, и поклявшись вести войну съ Англіею до послѣдней крайности, заперъ имъ свои гавани, приказалъ прекратить съ ними всѣ сношенія, и захватить всѣ лица и имущества британскія въ его королевствѣ. Этотъ почтенный государь не видѣлъ болѣе своей столицы; онъ окончилъ дни свои въ Рендсбургѣ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого происшествія, которое ускорило его кончину.

Если государственная выгода можетъ оправдать подобное нападеніе, и если лондонскій кабинетъ могъ найти помилованіе въ глазахъ Европы, то справедливо было бы, по крайней мѣрѣ, судить о моихъ дѣлахъ съ большимъ снисхожденіемъ; всѣ онѣ были извинительнѣе этого, и не менѣе выгодны для моей имперіи.

Узнавъ о приближеніи непріятельскихъ эскадръ, я тотчасъ же приказалъ Брюну всѣми силами помогать Датчанамъ.

Послѣ тильзитскаго мира, Швеціи

не слѣдовало оставаться въ тѣсномъ союзѣ съ Англіею, противу соединенныхъ силъ Россіи и Франціи; это значило подвергаться вѣрной гибели. Густавъ IV слѣдовалъ только внушенію своихъ страстей, и радуясь успѣху Англичанъ противу Датчанъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ, не устрашился пренебречь грозою, готовою разразиться надъ нимъ, и прервалъ самъ перемиріе, заключенное въ Шлатковѣ. Увѣряютъ, что обѣщаніе Англичанъ отдать ему Норвегію и нѣкоторыя датскія острова, побудило его къ этому безумному намѣренію.

Я приказалъ маршалу Брюну овладѣть Стральзундомъ. Эта крѣпость могла долго защищаться, имѣя средство получать продовольствіе съ моря. Управленіе осадными работами было поручено Шаселу, а средства къ этому получили мы изъ арсеналовъ Магдебурга, Берлина и Штеттина. Атака поведена была 15 Августа противъ трехъ фронтовъ и въ продолженіе четырехъ дней подвинулась съ необыкновенною дѣятельностью. Бомбардированіе началось и все предвѣщало городу близкое разореніе.

Воспоминаніе славной обороны Карла XII, которому Густавъ старался подражать, могло побудить его пасть подъ развалинами Стральзунда; но онъ наслѣдовалъ отъ своего великаго предка только одно упрямство, а не геній его. Шведы много пострадали отъ упорства своего государя. Оставленный Англичанами, которые сосредоточили всѣ силы свои въ Зеландіи, и тронутый представленіями градоначальства, онъ приказалъ войскамъ своимъ оставить крѣпость, которая и была занята Брюномъ 20 Августа; мы нашли тамъ до 400 орудій и совершенно неповрежденныя укрѣпленія. Двѣ недѣли спустя послѣ этого происшествія, островъ Рюгенъ былъ сданъ намъ на капитуляцію, по условіямъ которой шведская армія должна была возвратиться въ свое отечество, а флотъ оставить берега Германіи. Стральзундъ не могъ быть для меня полезенъ въ войнѣ на твердой землѣ; но если бы я возвратилъ его Швеціи, онъ могъ сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ Англичанъ; а потому я приказалъ Брюну срыть его укрѣпленія.

Происшествіе копенгагенское было самымъ оскорбительнымъ отвѣтомъ, какой только возможно было сдѣлать на предложеніе посредничества императора Александра. Въ справедливомъ негодованіи, онъ сильно возставалъ противу подобнаго нарушенія правъ; но всѣ усилія его не могли воспрепятствовать взятію датскаго флота и раззоренію арсеналовъ; ему оставалось только прервать всѣ сношенія съ Англіею и онъ дѣйствительно это исполнилъ манифестомъ своимъ отъ 7 Ноября.

Исчисливъ всѣ причины неудовольствія, санктъ-петербургскій кабинетъ прерывалъ сношенія съ Англіею, провозглашалъ права вооруженнаго неутралитета, объявлялъ, что ничего не измѣнитъ въ своихъ постановленіяхъ, пока не получитъ удовлетворенія за Данію, и кончалъ слѣдующими словами:

«Если императоръ получитъ удо-
«влетвореніе на всѣ вышеозначенные
«пункты, и въ особенности на утвер-
«жденіе мира между Франціею и

Владиміръ Константиновичъ Крамаренко Владиміръ Константиновичъ Крамаренко

«Англіею, безъ котораго ни одно го-«сударство Европы не можетъ, падѣ-«яться на спокойствіе, его импера-«торское величество охотно возобно-«витъ опять дружескія сношенія свои «съ Великобританіею, которыя онъ «сохранялъ можетъ быть слишкомъ «долго, при справедливомъ негодо-«ваніи, въ какомъ онъ долженъ былъ «находиться.»

Англія отвѣчала правдоподобными доводами, но не изъявила искренняго желанія къ сближенію. Война сдѣлалась неизбѣжною.

Австрійскій кабинетъ предлагалъ свое посредничество, еще въ то время, когда война континентальная пылала во всей силѣ своей въ Польшѣ. Приглашенный теперь приступить къ всеобщему союзу, онъ счелъ нужнымъ присовокупить ходатайство свое къ стараніямъ Россіи, чтобы склонить Англію къ миру; согласіе Англіи считали въ Вѣнѣ единственнымъ средствомъ разрушить грозный союзъ, составленный подъ моимъ вліяніемъ. Два или три года продолжительнаго мира на моряхъ могли разрушить его, потому что союзъ не имѣлъ бы тогда никакой цѣли. Если же бы Англія отвергла всѣ предложенія и принудила Австрію къ разрыву съ нею, то въ Вѣнѣ надѣялись получить отъ меня справедливое вознагражденіе; я предлагалъ уже Францу I часть турецкихъ областей, по его благоусмотрѣнію. Въ слѣдствіе этого австрійскій посланникъ при сенъ-джемскомъ кабинетѣ, графъ Штарембергъ, употребилъ сильнѣйшія убѣжденія для склоненія его къ миру.

Въ это время, положеніе дѣлъ въ Константинополѣ приняло для насъ гораздо лучшій оборотъ, нежели я ожидалъ и поставило меня въ затруднительныя отношенія съ Россіею. Мятежники, которые низвергли съ престола Селима, скоро поссорились за свою добычу: съ помощью того же Кабакчи, который изъ ничтожнаго начальника ямаковъ, сдѣлался на время главою правленія, муфти восторжествовалъ надъ каймаканомъ. Себастіани умѣлъ довольно искусно снискать его покровительство, съ помощью котораго онъ вскорѣ пріобрелъ надъ Мустафою почти столько же вліянія сколько имѣлъ надъ Селимомъ.

Послѣдствія экспедиціи Англичанъ противу Египта и морскаго сраженія при Лемносѣ, должны были еще болѣе увеличить это вліяніе. Какъ скоро война съ Англіею была открыто объявлена, новый капуданъ-паша Сеидъ-Али, горя желаніемъ отличиться, полетѣлъ съ эскадрою, состоявшею изъ девяти линейныхъ кораблей, изъ Дарданеллъ къ Лемносу. 1 Іюля произошло сраженіе. Схватка была жаркая; Русскіе имѣли болѣе свѣденій въ морской тактикѣ и были лучше обучены; они прорвали непріятельскую линію, захватили одинъ корабль и принудили капуданъ-пашу возвратиться въ Дарданеллы; но, потерпѣвъ значительныя поврежденія, они сами должны были отступить къ Корфу, гдѣ узнали вскорѣ о тильзитскомъ мирѣ и о заключеніи перемирія въ Слободзеѣ.

Полковникъ Гильемино, посланный въ армію Визиря для заключенія этого перемирія, подписалъ его 24 Августа. Михельсонъ умеръ; преемникъ

его согласился на два условія, которыя были отвергнуты императоромъ Александромъ: однако выступленіе русскихъ войскъ изъ Молдавіи и Валлахіи было уже начато; Турки нарушили сами перемиріе, переправившись черезъ Дунай при Галацѣ и перерѣзавъ нѣсколькихъ молдавскихъ правителей, выбранныхъ Русскими. Послѣдніе узнавъ объ отказѣ императора утвердить перемиріе и о нарушеніи договора, поспѣшили снова занять лѣвый берегъ Дуная.

Тильзитскій договоръ естественно измѣнилъ всю политику лондонскаго кабинета въ отношеніи къ Россіи и Портѣ; онъ поспѣшилъ приказать войскамъ своимъ очистить Александрію, и старался возстановить дружественныя сношенія съ Турціею. Лордъ Педжетъ старался быть принятымъ въ Константинополѣ; но Себастіани успѣлъ заставить отказать ему. Притомъ Турки согласились принять мое посредничество; нужно было на что нибудь рѣшиться. Хорошее расположеніе дивана укротило нѣсколько гнѣвъ мой противу гонителей Селима. Я спрашивалъ у Себастіани мнѣнія его, касательно раздѣла Турціи; онъ опровергалъ его убѣдительными доводами. Если мнѣ должно было отказаться отъ этого раздѣла, то выгода моя требовала, чтобы я сталъ посредникомъ между этими двумя народами и старался согласить ихъ взаимныя выгоды: Россія и Турція могли принести мнѣ равную пользу противу моего непримиримаго врага, преградивъ Англіи доступъ чернаго моря и открывъ намъ врата востока. Я почувствовалъ, что можетъ быть зашелъ слишкомъ далеко въ Тильзитѣ; посланникъ нашъ при санктъ-петербургскомъ дворѣ, Саварн, получилъ отъ меня приказаніе объясниться, касательно участи Молдавіи и Валлахіи, и выступленія оттуда русскихъ войскъ, безъ чего Турки не соглашались начать переговоры. Императоръ Александръ опирался на мои обѣщанія; канцлеръ Румянцовъ представилъ ему впечатлѣніе, которое произведетъ такой поступокъ на всеобщее мнѣніе, безъ того уже неблагопріятное тильзитскому договору; уступка этихъ двухъ княжествъ, была единственнымъ вознагражденіемъ, которое можно было предложить народу за пожертвованія, предписанныя этимъ договоромъ. Положеніе мое становилось щекотливо: изгнаніе Турокъ изъ Европы воспламеняло часто мое воображеніе, какъ предпріятіе и рыцарское, и общеполезное; но я чувствовалъ также, что политика дѣлала весьма сложнымъ подобное предпріятіе; я понималъ очень хорошо, что не должно было предоставлять одной Россіи исполненіе и выгоды его; а такъ какъ я самъ не могъ принять участія въ этомъ дѣлѣ, то не слѣдовало допускать его. Съ другой стороны, я думалъ, что съ помощью этихъ двухъ державъ мы закроемъ Англичанамъ черное море и востокъ. Для достиженія этой важной цѣли, я не могъ пожертвовать Портою Россіи, и не имѣлъ возможности защищать совершенно и открыто выгоды Турціи противу Россіи, съ которою такъ тѣсно связалъ себя въ Тильзитѣ.

Государственные люди могутъ постигнуть затрудненіе, въ которомъ я находился. Лондонскій кабинетъ

успѣлъ согласовать это чудовищное совокупленіе въ 1799 году: но тогда существовала общая цѣль, противиться утвержденію нашей власти въ Египтѣ, и всѣ старыя непріязни умолкали передъ этою цѣлью. Положеніе мое было совершенно иное: я могъ только предложить свои услуги, чтобы ускорить сближеніе; а это было не такъ легко: императоръ Александръ настоятельно требовалъ уступки Молдавіи и Валлахіи, а Турки не хотѣли и слушать подобныхъ предложеній. Я могъ опасаться, что дальнѣйшія убѣжденія къ уступкѣ заставятъ диванъ склониться на союзъ съ Англіею, не смотря на то, что эта держава равномѣрно предлагала Россіи Молдавію и Валлахію въ 1806 году. Но въ дѣлахъ политическихъ не помнятъ прошедшаго, а видятъ одно настоящее.

Прежде нежели стану говорить о томъ, что происходило на югѣ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о новомъ дворянствѣ, которое я учредилъ во Франціи. Я былъ побужденъ къ этому важными причинами. Кровопролитія Ienы, Аустерлица, Пултуска, Эйлау, Гейльсберга и даже самая побѣда при Фридландѣ, значительно уменьшили число моихъ булонскихъ ветерановъ: о нихъ оставалось въ полкахъ одно только воспоминаніе. Кадры были наполнены молодыми солдатами: я счелъ нужнымъ поощрить ихъ къ перенесенію новыхъ трудовъ, назначеніемъ справедливыхъ вознагражденій ихъ предшественникамъ за славу, пріобретенную ими такою храбростью и преданностью. Положеніе престола моего требовало сверхъ того, чтобы я оставилъ своему преемнику почетное сословіе, котораго собственная выгода заставляла бы поддерживать его. Если возможно усумниться въ томъ, что дворянство поддерживаетъ престолы, и если видѣли столько же мятежныхъ дворянъ и духовныхъ, какъ и простаго народа, то, покрайней мѣрѣ, это не можетъ быть отнесено къ новой династіи, поддерживаемой дворянствомъ, ею созданнымъ.

Равенство чиновъ въ государствѣ, развращенномъ роскошью, есть мысль чудовищная; я давно уже твердо рѣшился уничтожить этотъ жалкій остатокъ революціи; но возстановляя въ обществѣ высшія степени, требуемыя нравами вѣка, и здравымъ разсудкомъ, я старался сохранить равенство правъ, безъ котораго во всемъ проявляются злоупотребленія и несправедливости.

Учрежденіе наслѣдственнаго дворянства не нарушало равенства правъ. Изъ самыхъ основаній собственности проистекаетъ право передавать отъ отца къ сыну воспоминаніе заслугъ, оказанныхъ отечеству: оно совершенно справедливо. Если передаются имущества, пріобретенныя иногда постыднымъ образомъ, то отъ чего же не передавать лучшее изъ всѣхъ имуществъ, честь?

Установленіе наслѣдственнаго дворянства, должно было со временемъ примирить новую Францію и съ Европою, и со старою Франціею; оно замѣняло дворянство, основанное на правахъ феодальныхъ, дворянствомъ новымъ, пріобретаемымъ личными заслугами. Вся Европа управлялась дворянами, которые вооруженною рукою противились французской революціи;

вездѣ, гдѣ только мы старались утвердить наше вліяніе, мы встрѣчали сопротивленіе ихъ. Необходимо было положить конецъ этой борьбѣ.

Чтобы обеспечить сліяніе стараго дворянства съ новымъ, я хотѣлъ пересоздать старое, и постановить, что всякое семейство, которое считало въ числѣ предковъ своихъ маршала или министра, имѣетъ право получить достоинство герцога; званіе адмирала, генералъ-лейтенанта, или архіепископа, давало права на достоинство графа и проч. Какой нибудь Монморанси былъ бы герцогъ, не потому, что онъ былъ Монморанси, но потому, что одинъ изъ предковъ его былъ констаблемъ: служа ревностно государству, всякой гражданинъ могъ имѣть право на тотъ же чинъ, на то же достоинство. Эта награда и орденъ почетнаго легіона были не что иное, какъ гражданскій вѣнецъ древнихъ Римлянъ, и народъ смотрѣлъ на нихъ съ этой точки зрѣнія. Всякій достигалъ его своими заслугами, всякій могъ пріобрести его за ту же цѣну; это постановленіе не обижало никого.

Духъ имперіи стремился къ возвышенію. Это общая черта всѣхъ революцій. Онъ побуждалъ всю націю; она вся старалась возвыситься; я поощрялъ движеніе приманкою большихъ наградъ. Онѣ заслуживались цѣною общественной благодарности. Эти высшія достоинства соотвѣтствовали въ то же время духу равенства, потому что послѣдній солдатъ могъ заслужить ихъ блистательными подвигами.

Постановленія 1 Марта, по которымъ были обнародованы пожалованныя достоинства, произвели большое впечатлѣніе и во Франціи, и въ арміи. Никогда потомъ я не жалѣлъ объ этомъ; можетъ быть, назначенія эти были произведены слишкомъ въ большомъ количествѣ и не совсѣмъ обдуманно. Возведя сначала въ эти достоинства маршаловъ и человѣкъ сто отличнѣйшихъ генераловъ и полковниковъ, и предоставляя себѣ право жаловать новыя награды, или послѣ каждаго сраженія, или ежегодно въ торжественные дни, я сохранилъ бы бо̀льшія средства; но это произвело бы много недовольныхъ, и цѣль моя не была бы вполнѣ достигнута. Впрочемъ, скажу еще разъ, награды были розданы слишкомъ щедро, и занятіе это было возложено на лица, не заслуживавшія подобной довѣренности. Секретари Бертье сдѣлались распорядителями славы: они возводили въ достоинства по императорскому адресъ-календарю, и въ числѣ избранныхъ полковниковъ находились многіе, убитые уже съ годъ тому назадъ. Нѣкоторые генералы были вдвойнѣ награждены по случайнымъ, а можетъ быть и по умышленнымъ ошибкамъ. Это уронило отчасти одно изъ лучшихъ моихъ постановленій, одну изъ великихъ мыслей моихъ. Сенъ-жерменское предмѣстье не пропустило случая осмѣять этихъ дворянъ новаго изобрѣтенія. Даже армія не была мнѣ такъ благодарна, какъ я ожидалъ. Одни не слишкомъ уважали достоинства, не давно низложенныя, и казалось, принимали ихъ болѣе изъ послушанія; другіе находились въ затрудненіи поддерживать новое достоинство, и такъ какъ раздача наградъ производилась по чинамъ, то всякой видѣлъ въ этомъ

только систему, а не личное отличіе. Въ томъ же упрекали и почетный легіонъ; но онъ имѣлъ совсѣмъ иную цѣль, и долженъ былъ отличать заслуги всѣхъ родовъ. Тѣ, которые его получали, получали не такъ какъ милость, но имѣли на него неоспоримыя права. Нужно признаться однако, что, раздавъ крестъ этотъ въ большомъ изобиліи, я могъ бы учредить еще другой орденъ, чисто военный: съ этою цѣлью установилъ я орденъ тройнаго руна, который былъ въ послѣдствіи оставленъ.

Многоразличны системы награжденій въ Европѣ: Австрія и Англія слишкомъ скупы на нихъ, Россія слишкомъ щедра. Середина между ними представляетъ наилучшую систему. Я не рѣшился сохранить орденъ тройнаго руна, потому что основныя постановленія его были ошибочны (*). Многіе храбрѣйшіе генералы, которые не присутствовали при вступленіяхъ моихъ въ Вѣну, Берлинъ и Мадритъ, но покрывали себя славою въ 50 льё оттуда, не имѣли право получить его, что было бы несправедливо. Я отказался отъ него; но сдѣлалъ худо, не установивъ ордена военнаго достоинства въ трехъ классахъ, подобно почетному легіону: я могъ бы чаще раздавать награды, и онѣ были бы пріятнѣе для арміи.

Этотъ годъ былъ ознаменованъ уничтоженіемъ трибуната. Лишившись прежняго уваженія, вмѣстѣ съ лучшими своими членами, собраніе это сдѣлалось бесполезнымъ для хода государственныхъ дѣлъ. Довольно было законодательнаго собранія, чтобы разсматривать различныя предположенія законовъ, и одобрять или отвергать ихъ. Сенату, какъ высшей палатѣ, поручены были важнѣйшія усовершенствованія въ уставахъ общественнаго устройства. Правда, что это правительство было нѣмо; но опытъ доказалъ уже намъ невыгоды трибуны. Франція испытала въ 1814 и 1815 годахъ, дурно ли я поступилъ, уничтоживъ эти огромныя собранія, въ которыхъ страсти дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, нежели разсудокъ, и которыя, покоряясь верховной власти, дѣлаются самыми низкими рабами ея, а возставая противъ нея, самыми безразсудными энтузіастами.

(*) Только тѣ имѣли право на него, которые присутствовали при трехъ торжественныхъ вступленіяхъ моихъ въ Вѣну, Берлинъ и Мадритъ; такъ что Ней, Даву и многіе другіе не могли его получить.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

[illegible] Константиновича
Крамаренко

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I.

Молодость Наполеона, до назначенія его главнокомандующимъ италіянскою арміею. . 1

ГЛАВА II.

Италіянская кампанія 1796 года, противъ Больё, Вурмзера и Альвинци. 23

ГЛАВА III.

Италіянская кампанія 1797 года; дѣйствія на морѣ; внутренніе перевороты; кампо-формійскій миръ 70

ГЛАВА IV.

Египетская экспедиція. 96

ГЛАВА V.

Дѣйствія 1798 и 1799 годовъ 114

ГЛАВА VI.

Кампанія 1800 года въ Италіи и Германіи. Люневиллскій миръ. Аміенскій миръ . . . 153

ГЛАВА VII.

События отъ аміенскаго мира до основанія имперіи 218

ГЛАВА VIII.

Кампанія 1805 года. Вѣнскій и пресбургскій договоры. 251

ГЛАВА IX.

Кампанія 1806 года 307

ГЛАВА X.

Кампанія 1807 года; тильзитскій миръ. 358

ГЛАВА XI.

Слѣдствія тильзитскаго мира. Континентальная система 406

10.

36096